

Елена Макарова ■ Сергей Макаров

КРЕПОСТЬ НАД БЕЗДНОЙ Я – БЛУЖДАЮЩИЙ РЕБЕНОК

Дети и учителя в гетто Терезин, 1941 – 1945

Елена Макарова ■ Сергей Макаров

КРЕПОСТЬ НАД БЕЗДНОЙ
Я – БЛУЖДАЮЩИЙ РЕБЕНОК

Elena Makarova and Sergei Makarov

A FORTRESS OVER THE CHASM

Second volume

I'm a Wandering Child

Children and Teachers in Ghetto Terezin, 1941 – 1945

אלנה וסרגי מקרוב.

מבצר מעל התהום.

ספר שני.

אני ילד נודד.

ילדים ומורים בגטו טרזין, 1941 – 1945

Елена Макарова

Сергей Макаров

КРЕПОСТЬ НАД БЕЗДНОЙ.

Книга вторая. Я – БЛУЖДАЮЩИЙ РЕБЕНОК. ДЕТИ И УЧИТЕЛЯ В ТЕРЕЗИНЕ, 1941 – 1945

Е. Макарова, С. Макаров. Крепость над бездной. Книга вторая. Я – блуждающий ребенок.

Дети и учителя в Терезине, 1941 – 1945. М.: Мосты культуры, 2004.

Издатель: М. Гринберг

Зав. редакцией: И. Аблина (Москва)

М. Яглом (Иерусалим)

Компьютерная графика: Г. Блейх

В оформлении обложки и форзаца использованы фотографии из архива Е. Макаровой

ISBN 5-93273-183-4

© Elena Makarova, 2004

© Gesharim / Мосты культуры, 2004

Мосты культуры, Москва

Тел./факс: 7-095-684-3751

E-mail: gesharim@e-slovo.ru

Gishrei Tarbut, Jerusalem

Tel. 972-2-624-2532. Fax 972-2-624-2505

E-mail: house@gesharim.org

Отпечатано в ОАО "Можайский полиграфический комбинат"

143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

Авторы признательны всем архивам, музеям и частным лицам, предоставившим документы, рисунки, фотографии и воспоминания о детях и воспитателях в Терезине.

В частности, мы благодарим мемориал «Памятник Терезин», Еврейский музей в Праге, мемориалы «Яд Вашем» и «Бейт Терезин» в Израиле, Центр Симона Визенталя в Лос-Анджелесе, Институт военной истории в Амстердаме, Университет прикладного искусства в Вене и Вашингтонский музей истории Катастрофы.

За материальную поддержку издания мы благодарим Ф. Майера из Лос-Анджелеса, а за организационную помощь — иерусалимскую ассоциацию «Солидарность».

Огромное спасибо тем, кто поделился с нами своими мыслями и воспоминаниями: Мауд (Михаль) Штекльмахер (Бер), Эве (Хаве) Гинц (Прессбургер), Эдит Крамер, Эрне Попперовой (Фурман), Наве Шён (Власте Шёновой), Грете Клингсбергер (Хофмейстер), Цви (Хорсту) Коэну, Петеру Харрингеру, Иржи Франеку, Дову Отто Кулке, Рут Феликс и другим.

За моральную поддержку, практическую помощь и советы мы сердечно благодарим друзей и членов семьи: Инну Мешель, Юрия Вайса, Галину и Ирину Блейх, Екатерину Неклюдову и Федора Макарова. Огромное спасибо работникам издательства «Мосты культуры» Михаилу Гринбергу, Менахему Яглому и Инне Аблиной за их доброе внимание к нашей книге о терезинских детях.

Elena Makarova and Sergei Makarov

A FORTRESS OVER THE CHASM I AM A WANDERING CHILD

Children and Teachers in Ghetto Theresienstadt, 1941 – 1945

Elena Makarova and Sergei Makarov, “Ya – bluzhdayuschiy rebenok... Deti i uchitelya v terezinskom getto” (I’m a Wandering Child... Children and Teachers in Terezin Ghetto), Publishing House Mosty Kul’tury (Bridges Of Culture), Moscow – Jerusalem, 2004.

The second book by Jerusalem authors Elena and Sergei Makarov from the series “Krepost’ nad bezdnoy” (A Fortress Over the Chasm) opened in 2003 by “Terezin Diaries,” is dedicated to children and teachers in Terezin ghetto/concentration camp in 1941 – 1945.

This documentary monograph is commenced by a general article portraying children’s life in this Nazi’s assumed “Exemplary Jewish settlement”, where thousands of children were incarcerated with or without their parents. The second section dwells upon literature produced in camp by both boys and girls, including their hand-written and drawn magazines, verses and a play. In a special section, “Friedl’s Lessons”, the authors show children’s drawings and describe activities of Friedl Dicker-Brandeis (1898 – 1944), outstanding Bauhaus school artist and teacher in Terezin. The children’s theater section is followed by the last part of the book documenting several fates of children survivors, residing now in the US, Israel and other countries.

Елена Макарова, Сергей Макаров

КРЕПОСТЬ НАД БЕЗДНОЙ. Я – БЛУЖДАЮЩИЙ РЕБЕНОК

Дети и учителя в гетто Терезин, 1941 – 1945

Во время Второй мировой войны в транзитный лагерь Терезин неподалеку от Праги было депортировано 140 886 евреев из Богемии и Моравии, Германии, Австрии, Голландии и Дании. Из них 88 135 было отправлено на уничтожение в Освенцим, Треблинку, Майданек, Ригу, Минск...

33 500 человек умерло в Терезине от голода и болезней. Из 15 000 детей к концу войны в живых насчитывалось около 1000. Как известно, нацисты использовали Терезин в своей пропаганде, чтобы создать образ счастливой жизни евреев в подаренном фюрером городе. заключенным разрешили культурные мероприятия и «домашние занятия».

«У нас были чудесные, образованные воспитатели и учителя, – рассказывает Эва Ландова-Мерова. – Мы рисовали... Если удавалось раздобыть кусок старой амбарной книги или чистый лист, счастьем не было предела. Мы испытывали творческий экстаз, наслаждение, забывали, где мы, изображали по памяти далеко ушедшее детство, дом – все, что хотели и могли. Творчество и было нашим детским протестом против зла и унижения».

В книге публикуются переводы с чешского рукописных детских журналов, дневников, стихов, рассказов. Некоторые тексты никогда не были изданы на языке оригинала, и они впервые выходят в свет по-русски. Отдельная глава посвящена детским рисункам. В книге собраны статьи и доклады, прочитанные на педагогическом семинаре в июле 1943 года, а также беседы с бывшими учениками и педагогами.

Эта книга – вторая в четырехтомной серии о Терезине «Крепость над бездной», которая открылась «Терезинскими дневниками» («Мосты культуры», 2003).

Оглавление

ВЕЧНОСТЬ И ВЕЩНОСТЬ / 11

Судьба стула / 13

Часть 1

ОБРАЗ ЖИЗНИ / 15

«Арийцы» и евреи в оккупированной Чехословакии / 16

Терезин / 22

Детские дома / 23

Отдел детей и молодежи / 27

Транспорты / 28

Питание / 32

Здравоохранение и гигиена / 34

Малыши / 37

Дисциплина / 38

Правонарушения / 40

Работа / 41

Религия / 42

Любовь / 44

Дети-философы / 46

Личность и коллектив / 47

Репатриация или ассимиляция? / 49

Агрессия и терпимость / 51

Помощь старикам и больным / 52

Образование / 53

Младшие школьники / 55

Лекции / 57

«Чему я училась в концлагере» / 58

Семинары / 59

«Вопреки» / 60

Школа будущего / 61

Отдел досуга / 62

Театр / 62

Литература / 64

Рисование / 65

Спорт / 67

Маргарин для гармониста. Из дневника Хельги Вайсовой (Хошковой). / 68

Часть 2

ЖУРНАЛЫ: «ВЕДЕМ», «КАМАРАД», «РИМ РИМ РИМ», «БОНАКО» / 87

«ВЕДЕМ» – МЫ ВЕДЁМ

«Республика ШКИД» / 88

Воспитатель Вальтер Айзингер и детдом № 1 / 89

Терезинские куплеты / 94

Пепек Счастливый: «Да здравствуем Мы!» / 95

История журнала «Ведем» / 97

Вальтер Айзингер. Статьи из «Ведема» / 99

Петр Гинц / 102

Эва Гинц (Хава Прессбургер) / 106

Сочинения Петра Гинца / 108

Рубрики «Ведема»: Походы по Терезину, Культурное обозрение, Один из нас / 115

Сатира и юмор / 121

Стихи из «Ведема» / 127

Хана Поссельтова-Ледерерова. Встреча с Ганушем Гахенбургом / 129

Сочинения Гануша Гахенбурга / 130

На распутье. Мой друг Зденек Орнест / 146

Зденек Орнест. Стихи. / 153

«КАМАРАД» – ТОВАРИЩ / 156

Переписка с Мишей Краусом / 156

Небесное братство / 158

Ребята из нашего дома / 161

Иван Полак. Выпуск «Камарада» / 167

Томаш Ганс. Летопись детдома / 169

Рассказы, заметки, стихи (№ 1 – 22) / 171

Романы с продолжением / 205

Гонза Корец. Жертвы моря / 205

Иржи Шульхоф. Земля миллионов / 206

Миша Краус. Клад Ральфа Лангдона / 207

Оскар Пик. Дикий Запад / 211

Гонза Корец. Владыка мужей Севера / 212

Пепечек Бехавый. На ракете вокруг земного шара / 214

Оскар Пик. Ферина / 216

Кошуля. Раджа / 217

Шулина (Гонза Корец). Потерянный след / 219

«РИМ РИМ РИМ» – МИР МИР МИР / 220

Франта Майер. Отчет о работе детдома «Нешарим» / 220

Редакция «Рим Рим Рима» / 221

Рубрики и заметки / 223

Экстренный выпуск № 12 / 225

Рассказы / 228

Стихи / 237

«БОНАКО» – БОРДЕЛЬ НА КОЛЕСАХ / 240

Воспитатель Гертруда Секанинова и девушки из L 414 / 240

Из воспоминаний Эвы Германовой / 241

Из воспоминаний Нозми Блановой / 242

Рассказы / 242

Часть 3

БАБОЧКИ ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ ЖИВУТ. Избранные стихи / 247

Павел Фридман. Бабочка. / 248

Аноним. Считалка. / 248

Аноним. «Солнышко-око...» / 249

Кая. Баллада. / 250

Неизвестная девочка. К сумраку. / 251

Аноним. Хотите посчитать? / 252

Милена. «Дом, родимый дом...» / 253

Аноним. «Лихтшпере» / 254

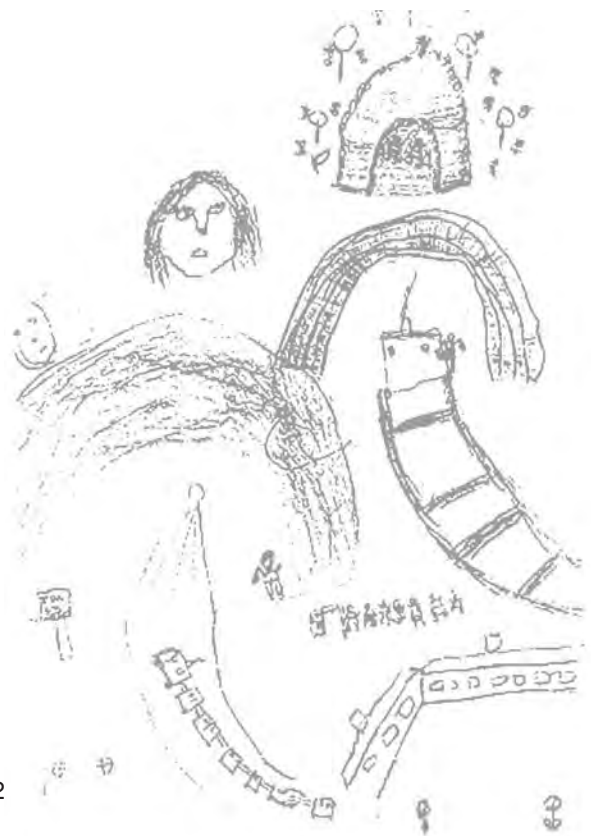
Зденек Грюнхут. Q 306 / 255

Тёрка. «Сарой проматерь звали...» / 256

Неизвестный мальчик. В Терезине. / 257

Рут. Никогда не забуду. / 258

КОЛЕБА (М.КОшек, Х.ЛЕви и Б.БАхнер). Да, да, да, это точно так! / 259

Часть 4

УРОКИ ФРИДЛ / 261

Энергия свободы / 268

Транспорт Ео / 269

Искусствотерапия в концлагере / 270

Ф.Дикер-Брандейс. Детский рисунок. / 272

Ф.Дикер-Брандейс. Без названия. / 276

Ученицы Фридл из комнаты № 28 / 283

«У нас был свой парламент». Из дневника Хельги Поллаковой (Кински). / 2

Рисунки девочек из комнаты № 28 / 291

Фридл в воспоминаниях учеников / 300

Лицо ребенка / 321

Эдит Крамер и Эрн Фурман / 323

Эдит и Фридл / 324

Последняя корректура Эрны Фурман / 333

Из интервью с Эрной Фурман / 340

Часть 5

ИГРАЙТЕ С НАМИ КОМЕДИЮ-Ю-Ю... / 345

Самодельные спектакли / 346

Инсценировки / 347

Вальтер Фрейд и Земля Обетованная / 349

Кукольный театр / 350

Нава Шён. Спектакль «Светлячки» / 352

Опера «Брундибар» / 354

Отзывы зрителей и участников (Из журнала «Ведем») / 357

Часть 6

«ОДА К РАДОСТИ» / 363

Грета Клингсбергер (Хофмейстер). Зубная щетка из соломы / 364

Цви (Хорст) Козн. Кролик, беги! / 373

Петер Харрингер. Ангел непорочный / 375

Любовь в сейфе. Повесть о Мауд / 386

«Семейный лагерь» / 406

Иржи Франек. «Мелодии чешские, слова немецкие» / 407

Отто Дов Кулка. «И мы перешли к Шекспиру...» / 408

СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ / 412

Хроника Терезина / 412

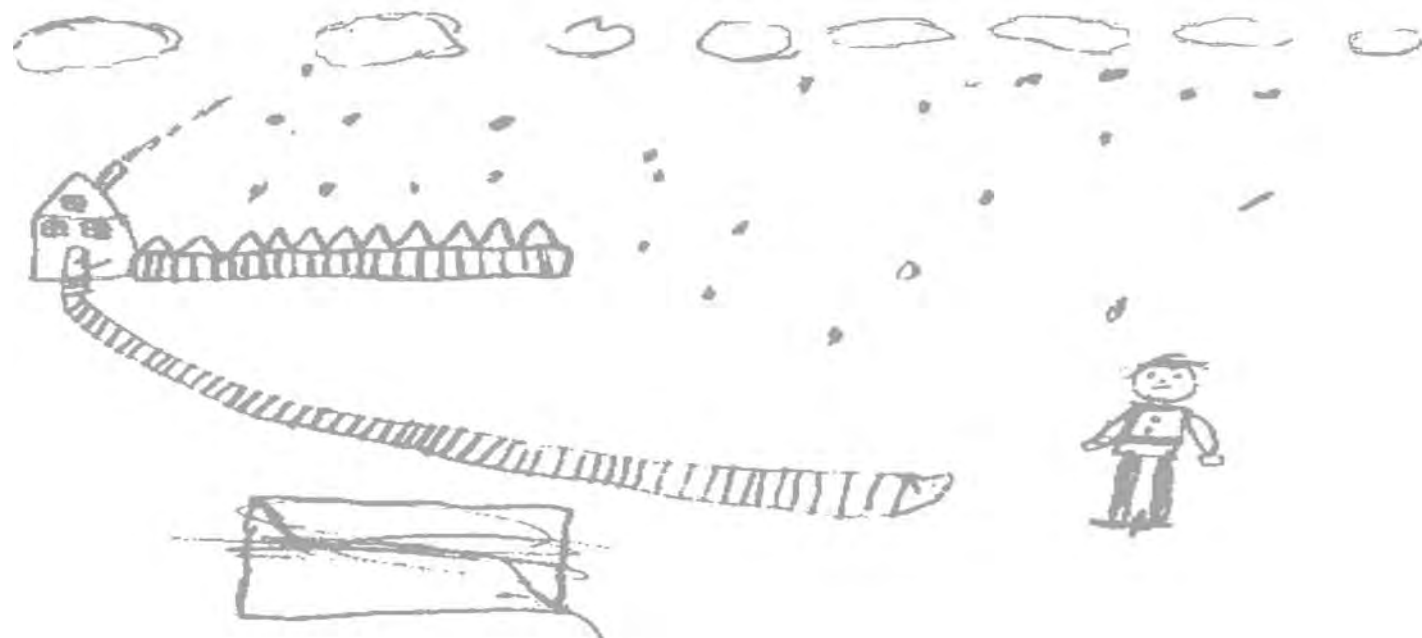
Указатель иностранных слов и выражений / 418

Список сокращений / 420

Библиография / 421

Коротко об авторах / 422

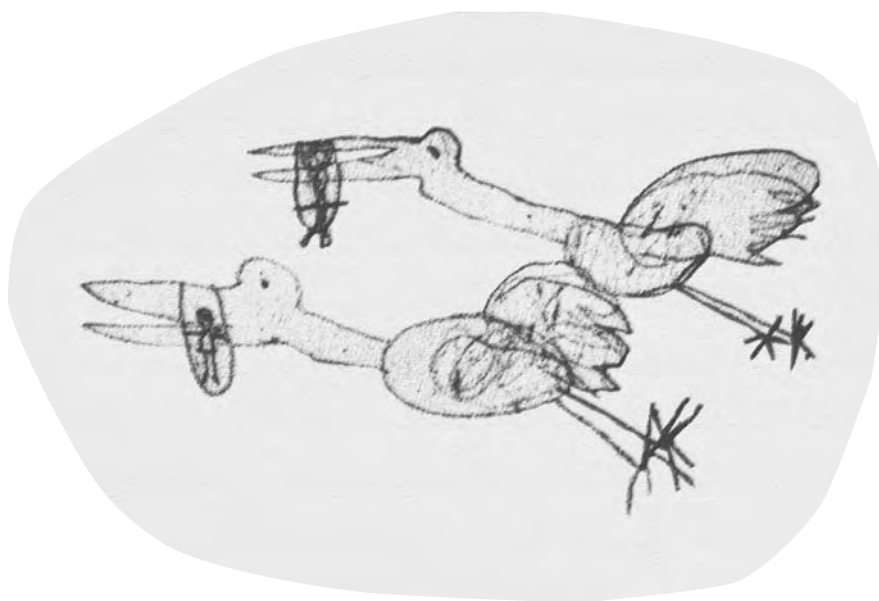
О следующих книгах серии «Крепость над бездной» / 423

Фритта (Фриц Тауссиг) (1906 – 1944). Детские коляски. Т., 1943, ЕМГ

Вечность и вешность

Роберт Перл (1932 – 1944). ЕМП

Сумрак, какие тебя принесли облака,
от кого ты принес мне привет, ветрами гоним?
По дому родному изводит меня тоска –
можешь его поцелуй к устам приложить моим?
Неизвестная девочка из L 410

Вечность и вещьность

Весной 2003 года в антикварном магазине Терезина я увидела маленькую деревянную коляску, сбитую из дощечек. Похожие коляски были нарисованы терезинским художником Фриттой: озаренные лунным светом, они стоят в пустынном зимнем парке. На детских рисунках все выглядит иначе – светит солнце, девочки с косичками вывозят на прогулку кукол... Я обернулась и увидела куклу. Облупленное личико с подрисованными губками, бровками и ресницами, волосы из грязно-оранжевых лоскутков, тряпичные руки и ноги... Головка маленькая, тело большое, как у взрослой.

«Однажды мы решили сделать кукол, чтобы с ними сотворить что-нибудь общее, например театр, – писала преподавательница рисования Фридл Дикер-Брандейс. – Девочкам не нравилось – некрасиво. Все хотели принцесс... Я предложила из тряпичной куклы, которую девочки сочли уродской, сделать фигуру для процессии ряженых... Так возникли водовоз, кухарка, волшебник со зверями и даже работница туалетной службы»¹. Похоже, это и есть работница туалетной службы, плечистая, в рубахе и черных брюках.

«Откуда эти вещи?» – спросила я хозяина. «Из гетто. Всплыли после наводнения», – ответил он. С коляской и куклой я шла по аллее пустынного парка. Был солнечный день, как на детских рисунках. Десять месяцев тому назад здесь был потоп, воды захлестнули прилежащую к Терезину Малую крепость, прорвались в хранилища. Говорят, некоторые дневники не подлежат реставрации. Но остались наши копии и русская книга².

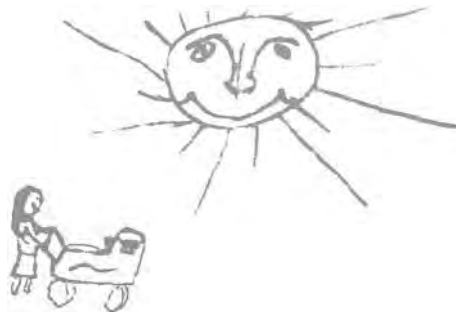
С коляской и куклой я наведальась в дом, где Фридл учила детей рисовать, зашла во двор и села у закрытой на замок двери. Ко мне подошла молодая мамаша с малышом на руках и сказала, что это ее кладовка. Она не поверила, что в этом закутке мог кто-то жить: «Там и ноги не вытянешь». – «Женщина, которая здесь жила, была меньше полутора метров ростом», – сказала я. Владелица кладовки покосилась на меня с недоверием.

«Она живет в доме, где были нарисованы тысячи рисунков, и пользуется комнатой Фридл как кладовкой – но что ей до того?» – думала я, глядя на разлезшуюся материю на спине у куклы, на деформированную голову с припухлостью вместо уха.

«У всякой вещи на свете – свой мир. Каждая вещь – отдельная система», – говорила Фридл своим ученикам.

Однако чтобы рассказать историю, надо сложить «отдельные вещи» в целое. История – это вещественное доказательство Вечности. Вещность же конкретна и исчисляема: столько-то рисунков, столько-то журналов, столько-то дневников, столько-то тетрадок с пожеланиями, столько-то пригласительных билетов на вечера поэзии, лекции и спектакли, столько-то марионеток, столько-то картонных фигурок для театра теней. История – это бездонная говорящая шкатулка. Чтобы ее услышать, надо умолкнуть.

15-летний з/к Иван Полак, «услышав» от старого стула историю его мытарств, записал ее в журнал «Камарад» («Товарищ»). Прошло 60 лет после гибели Ивана, да и стула, наверное, давно нет на свете, но сохранился журнал, и мы можем прочесть рассказ.

1. Фридл Дикер-Брандейс. «Детский рисунок». Т., 1943. ЕМП

2. Елена Макарова и др. Крепость над бездной. Терезинские дневники, 1942 – 1945. М.: Мосты культуры, 2003 (ТД)

На стр. 12 – 14: Фрагменты рисунка Габи Фрейовой (1933 – 1944) «Детский рай», 1943. ЕМП

Судьба стула

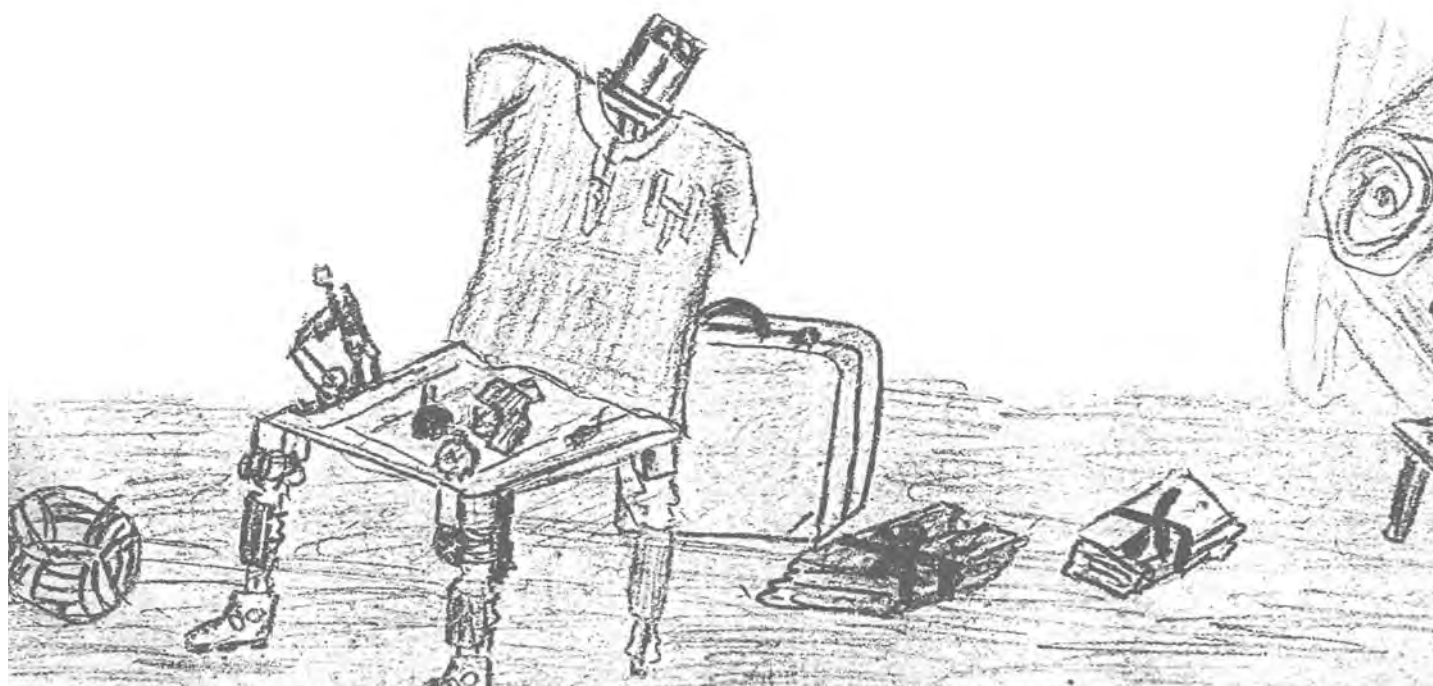
Однажды, оказавшись в одиночестве, я стал рассматривать новый стул, который Ирка Хан для пополнения нашего инвентаря вынес из банковской конторы, когда там переставляли мебель. Вдруг до меня донесся тоненький голосок. Я огляделся по сторонам и понял, что он исходит из стула. Странно, такого со мной еще не случалось. Стул явно хотел что-то сказать, и я наострил уши. Вот что я услышал.

«В общем-то я — обычное сиденье, изготовленное в столярной мастерской в Праге много-много лет тому назад, в золотые времена, еще до Первой мировой войны. Нас было множество одинаковых братьев, и разошлись мы по ресторанам и мещанским гостиным.

Долгое время я стоял в витрине и наблюдал за движением на столичной улице. Иногда около меня останавливались дамы в длинных или коротких, широких или узких платьях — как предписывала мода — и с восхищением на меня глядели. Там провел я долгое время, пока меня не продали и не отнесли в квартиру, где я украшал собой парадные покои. Там я промучился много лет. В полумраке, среди тяжелых штор, мне снился прекрасный лес, где я родился.

Иван Полак. Иллюстрация к рассказу.
«Камарад» № 22. БТ

Одна у меня была радость: когда приходили гости. Всегда услышишь что-то новое, интересное, чему-нибудь научишься. Там я пережил войну; а после войны стали раздаваться недовольные голоса – квартира маленькая, архитектура несовременная... Словом, мне дали понять, что я некрасивый и несовременный, так что пришлось переехать в коммунальную квартиру. Там мне стало совсем плохо, и меня охватила тоска. У мальчика с реденькими волосами, младшего в семье из четверых, были свои игры, и он играл в них, но как! Вы бы поняли это, заглянув в его серый чемоданчик, в котором были аккуратно сложены вещи: футбольная форма, наколенники, налокотники, эластичные треники и защитные очки. И все это хозяин чемодана напяливал на мои ножки, спинку и сиденье.

Я был сломлен душевно и физически. К счастью, подошел к концу и этот тяжелый период моей жизни. Хозяева уехали (с мальчиком и чемоданом), а я со всей обстановкой остался в квартире до тех пор, пока какие-то люди не пометили меня мелом и не увезли на склад. Снова долгое ожидание. Снова неприятные замечания о моей несовременности. Потом меня погрузили в поезд и отправили в Терезин, где определили в комнату для судебных заседаний.

Я все еще неплохо выглядел и служил удобным сиденьем. За слушанием увлекательных судебных разбирательств время бежало быстро. Мне нравилась эта спокойная жизнь. Ноги, не стянутые трениками, перестали болеть. Однако счастье было недолгим. Вокруг начался какой-то тарарам, добрались и до меня – я ощутил это всем своим телом. Меня таскали из угла в угол, я весь покрылся синяками, некоторые остались и по сей день. Из комнаты, где я был, вынесли мебель, поставили туда другую – жуткое дело. Кончилось тем, что какой-то парень положил меня в телегу и привез сюда. Оказалось, что в этой комнате живет сын моих бывших хозяев! Узрев знакомый серый чемоданчик, я оцепенел от ужаса. Я страшно боялся возвращения пыток, но, к счастью, мальчик меня не узнал и, надеюсь, не узнает.

Вот и вся моя история. Прошу тебя об одном – пока я в этом доме, не рассказывай ничего ребятам».

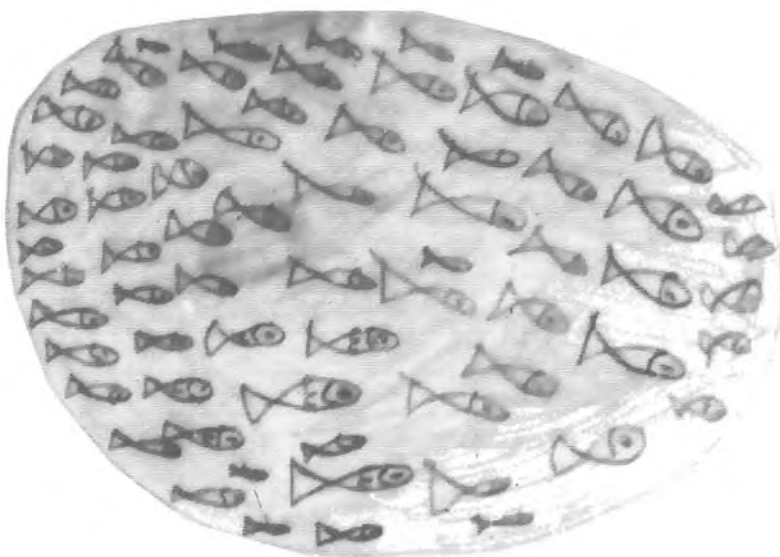
Стул умолк, и сколько я ни пытался задавать ему вопросы, ответа не последовало. Выполняя его волю, я держал эту историю в тайне, но теперь, когда мы обменяли этот стул на другой, я решил рассказать обитателям нашего дома о тяжелой судьбе, стоящей за спинкой коричневого стула. В завершение прошу: обращайтесь с ним уважительно. Иван Полак».

«Камарад» № 22.

Часть 1.

Образ жизни

Маргит Шварцова (1932 – 1943). Рыбки. ЕМП

Хотите посчитать?

Нары — раз,
Одеяло — два,
Фуфайка — три,
Миска — четыре,
Ложка — пять.
Все, что у меня есть.
Больше нечего считать.

Неизвестный автор

«Арийцы» и евреи в оккупированной Чехословакии

После прихода Гитлера к власти на евреев обрушилась лавина запретов. Родителям было нелегко объяснить детям, почему вдруг им нельзя ходить в школу или встречаться с друзьями, почему нельзя гулять в парке и кататься на каруселях.

15 марта 1939 года фашисты вошли в Прагу. Чешские земли, Богемия и Моравия, стали Протекторатом, в Словакии был установлен свой собственный фашистский режим при сохранении «независимости».

Этой трагедии предшествовали двадцать лет свободы и процветания (вспомним, что Чехословакия стала независимой в 1919 году). Президент Томаш Гарриг Масарик (1850 – 1937)

11.8. ERFASSUNG MEDIZINISCHER INSTRUMENTE	828	Einrichtungen erfasst
17.9. KENNZEICHNUNG DER JUDEN	284 000	Zeichen verteilt
1.10. ERFASSUNG DER JUDEN	88 105	Personen erfasst
20.10. VERBOT DER VERMÖGENSDISPOSITION	88 105	Personen bekanntgegeben
25.10. ABLEGERUNG DER SCHREIBMASCHINEN	1 928	Schreibmaschinen abgegeben
25.10. ABLEGERUNG DER FAHRRÄDER	3 517	Fahrräder abgegeben
26.12. ABLEGERUNG DER EINFACHKLEIDUNG	16 971	Stück abgegeben
26.12. ABLEGERUNG DER GRAMMOPHONEN	1 415	Stück abgegeben
26.12. ABLEGERUNG DER SCHALLPLATTEN	30 063	Stück abgegeben
26.12. ERFASSUNG DER NÄHMASCHINEN	7 893	Erfasst
26.12. ABLEGERUNG DER KLEIDUNG FÜR INSTRUMENTE	4 893	Stück abgegeben
26.12. ABLEGERUNG VON FOTOGRAFATEN MIT JUDEN	2 411	Stück abgegeben
26.12. ABLEGERUNG VON TECH. MESSEINSTRUMENTEN	531	Stück abgegeben

Наглядное пособие с инструкцией. Фото из брошюры, изготовленной еврейской общиной Праги, 1941. ЯВА.

Перечень (1941): 11.8. – Изъятие медицинских инструментов – 828 единиц изъято; 17.9. – Опыознавательные знаки для евреев – выдано 284 000 знаков; 1.10 – Учет евреев – 88 105 учтено; 20.10 – Запрет на распоряжение имуществом для 88 105 лиц; 25.10 – Изъятие пишущих машинок – 1928; 25.10 – Изъятие велосипедов – 3317 шт.; 20.12 – Изъятие лыж – 16 971 компл.; 20.12 – Изъятие граммофонов – 1415; 20.12 – Изъятие граммофонных пластинок – 30 063 шт.; 20.12 – Изъятие швейных машин – 7893 шт.; 26.12 – Изъятие музыкальных инструментов – 4893 шт.; 26.12 – Изъятие фотоаппаратов и фотопринадлежностей – 2411 компл.; 26.12 – Изъятие измерительных инструментов – 531 шт. ЯВА.

Инструкция по пришиванию еврейской звезды. Фото из брошюры, изготовленной еврейской общиной Праги, 1941. ЯВА.

Уведомление о сдаче домашних животных. 1.6.1942, Прага, еврейская община. ЕМА

По указу вышестоящего органа все евреи должны сообщить о наличии в их владении домашних животных. Это касается кошек, собак и птиц (домашних). Все евреи, которые обязаны носить желтую звезду, обязаны сообщить о наличии: а) домашних животных у них дома; б) домашних животных, принадлежащих нееврейским членам их семьи. Все домашние животные должны быть внесены в формуляр, который будет передан по месту жительства вместе с данным уведомлением, формуляр также можно получить 3.6.1942 г. в еврейской общине на улице Филипа де Монте, 18, зал № 1.

Заполненный формуляр должен быть сдан в Еврейскую общину по адресу: Филип де Монте, 18, зал № 1, не позднее 9.6. в 10 утра, или прислан по почте в указанный срок. Желющие получить уведомление о получении должны приложить конверт с маркой и точным адресом и отметкой «МА 30» в левом нижнем углу.

Все домашние животные, находящиеся во владении одной семьи, должны быть внесены в один формуляр. Евреи, не имеющие домашних животных, не должны посылать никаких уведомлений.

Запрещено передавать домашних животных кому-либо в качестве подарка или иным способом. Получивший уведомление обязан сообщить об этом своим знакомым. Попытка уклонения от выполнения данного указа повлечет за собой строгие меры. Данное уведомление не касается евреев-иностранцев до той поры, пока их не обяжут носить еврейский знак.

сумел сделать равноправными все стороны «треугольника» – славян, немцев и евреев. Последние заседали в парламенте и в суде, открывали молодежные клубы и еврейские школы. Немецкие и австрийские интеллектуалы, беженцы из фашистского рейха (среди них было немало евреев), издавали в Праге журналы и газеты, запрещенные в их странах; на выставках политического плаката вывешивались карикатуры на Гитлера и его приспешников.

Антиеврейские указы¹ распространялись в бюллетенях, издаваемых по приказу фашистских властей еврейской общиной Праги. Можно представить себе, с каким чувством некий служащий общины переводил эти указы с немецкого на чешский (а мы сейчас переводим на русский).

1. Публикуется по диссертации О. Кляйна «Влияние концентрационного лагеря на моральный дух еврейской молодежи», 1948. ЕМА

Инструкция по сбору на транспорт. Фото из брошюры, изготовленной еврейской общиной Праги, 1941. ЯВА

Катафалк с имуществом депортируемых. Фото из брошюры, изготовленной еврейской общиной Праги, 1941. ЯВА

1939 г.

Март

– запрещены все еврейские собрания (вплоть до спортивных мероприятий); полное устранение евреев из общественной жизни. Министерство внутренних дел принимает меры, чтобы оградить своих граждан от общения с евреями.

Август

– запрещено поселяться в гостиницах, посещать театры, кино и пр;
– организованы специальные отделения для еврейских пациентов в больницах и поликлиниках.

Сентябрь

– запрещено появляться на улице после восьми вечера;
– приказано сдать радиоприемники.

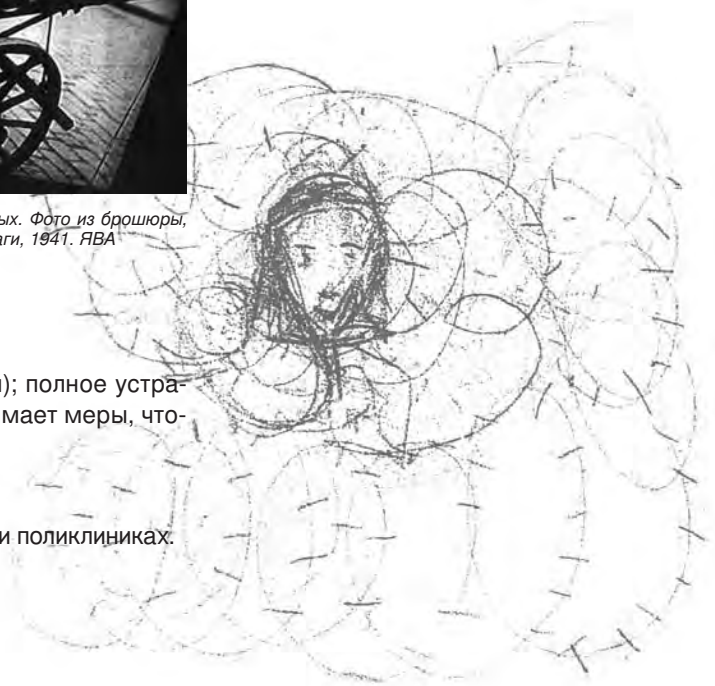
1940 г.

Январь

– запрещено звонить из телефонных будок.

Май

– запрещено посещать публичные парки и сады.

Неизвестный автор. Мать и дитя за колючей проволокой, 1942 – 1944. БТ

Часть 1. Образ жизни

Июнь

— запрещено пользоваться водным транспортом.

Август

— запрещено учиться во всех государственных и частных заведениях, кроме еврейских.

Сентябрь

— разрешено ездить только во втором вагоне трамвая, на передней площадке.

Октябрь

— запрещено покупать одежду и обувь.

Декабрь

— запрещено появляться в рабочее время на улицах, где расположены биржи.

1941 г.

Январь

— запрещено покупать яблоки, апельсины и мандарины.

Июнь

— разрешено посещать парикмахерскую с 6 до 10 утра.

Июль

— запрещено ходить в пригородные леса.

Сентябрь

— всем евреям старше 6 лет приказано носить еврейскую звезду;

— запрещено менять местожительство без разрешения полиции;

— запрещено ходить в музеи, на выставки, в библиотеки;

— запрещено носить какие бы то ни было знаки отличия, кроме желтой звезды;

— запрещено покупать бобовые.

Октябрь

— запрещено пользоваться железной дорогой без специального разрешения; по специальному разрешению можно ездить только в третьем классе;

— запрещено покупать варенье, фрукты, конфеты и кондитерские товары, сахар, рыбу, мясо, любую дичь и продукты из них.

Ноябрь

— запрещен проезд в автобусах;

— запрещено покупать лук.

1942 г.

Январь

— запрещено входить в парк возле Национального музея;

— запрещено ездить в трамваях с трех часов дня в субботу до часа дня в понедельник.

В остальные дни разрешено ездить только евреям, имеющим справку с работы.

— разрешено покупать чеснок и свинину;

— запрещено покупать чешские газеты.

Март

— запрещено выдавать евреям в больницах масло, свиное сало, яйца, мясо, крупу и рис.

Апрель

— запрещено покупать вещи из кожи, велюра и подобных материалов.

Май

— в случае переполнения электрички кондуктор имеет право выставить из вагона еврея,

даже если тот имеет справку с работы;
– запрещено посещать парикмахерскую.

Июнь

– запрещено находиться на Вацлавской площади, Пшикопах и Народном проспекте с 3 часов дня в воскресенье до восьми утра в понедельник.

Июль

– продолжительность рабочего дня еврейских подростков приравнена к взрослой.

Наглядное пособие с инструкцией. Фото из брошюры, изготовленной еврейской общиной Праги, 1941. ЯВА

Изъятие мебели. Справа – Отто Брандейс, двоюродный брат Фрида Дикера-Брандейс, работник еврейской общины Праги. ЕМА

Отто Брандейс проводит инвентаризацию картин, отобранных у евреев. ЕМА

Еврейская школа в Праге, 1941. ЕМП

Ребенок в еврейском детском саду, 1941. ЕМП

Еврейская школа в Праге, 1941. ЕМП

...Небритый еврей с желтой звездой на груди – под мышкой радио, в руке авоська со свининой и чесноком – пытается сесть в трамвай, но его не впускает кондуктор...

На эту тему терезинские подростки сочинили целую поэму!:

Известно нынче всем, как говорится,
как отличить еврея от арийца.
Еврея опознаешь ты везде
по черно-желтой праздничной звезде.

Всем известно, что евреи
в унижение жить должны.
Время опосля восьми
проводить в кругу семьи.

А жить должны евреи так:
в цирюльню не ходить,
всех кошек тотчас сдать,
не заводить собак,
детей учить на дому
и к школе не подпускать.

Покупки делать можно
от трех и до пяти,
однако невозможно
вот что приобрести:
чеснок, сыры и вина,
билет в кино, весы,
машину и квартиру,
свинину и часы,
а также граммофоны
и фотоаппарат,
носки и телефоны,
велосипед и сад,
барометры и лыжи,
билет в концерт и лук,
фуфайку и шубейку,
гармонь и канарейку,
чтоб веселили дух.

И надо же, проклятый жид!
Без всяких заковычек
ему отречься надлежит

1. ЯВА, № 064/71, архив Петра Гинца. Скорее всего, это сочинение «Академии», группы ребят детдома № 1 из блока L 417. Перевод И. Лиснянской, подстрочный перевод с чешского Е. Макаровой, далее Е.М.

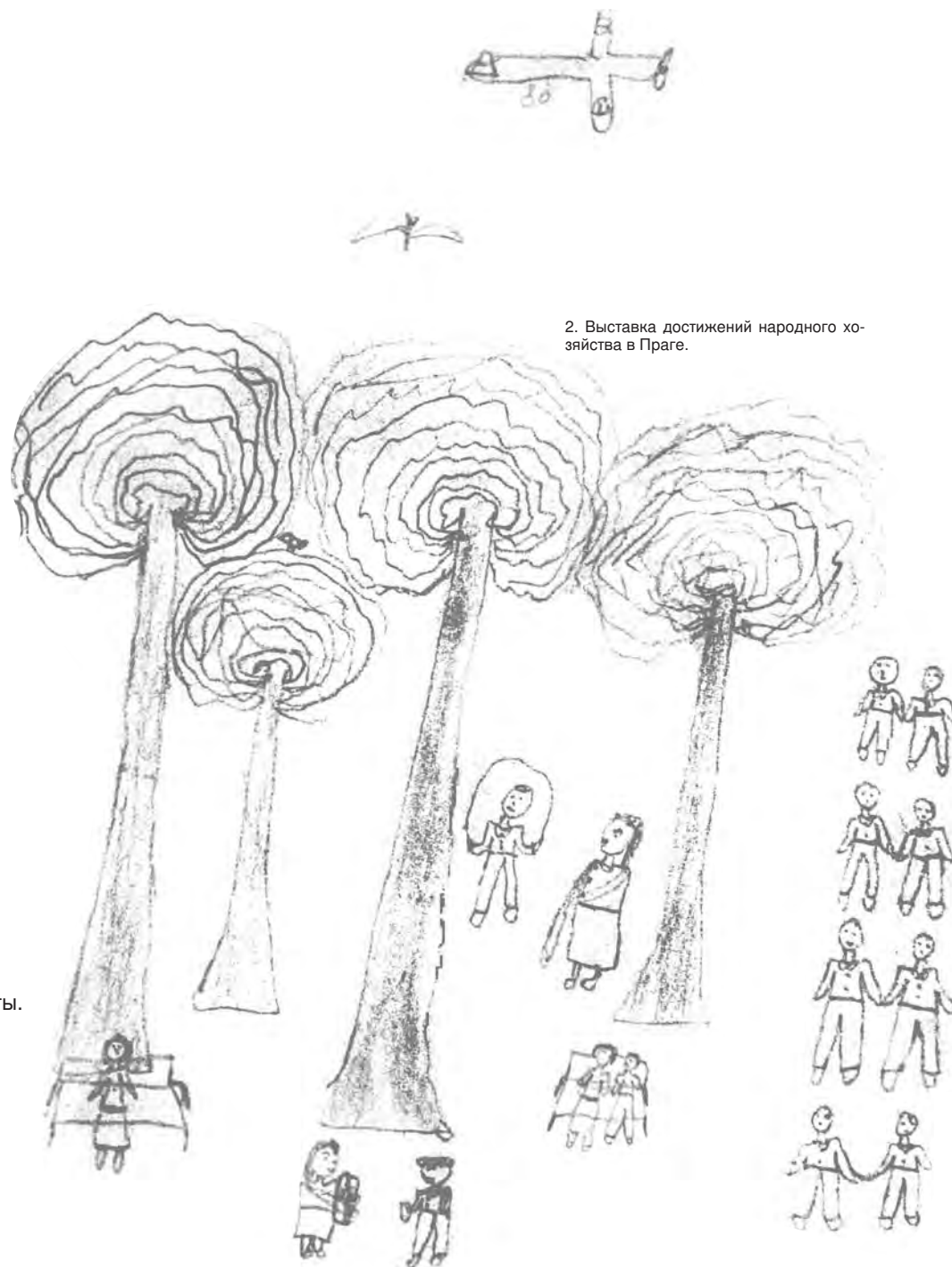
На с. 20 – 21: Фрагменты рисунка Габи Фрейевой. Прекрасная жизнь. ЕМП

от пагубных привычек:
одежду, обувь покупать —
к чему ему все это?
К чему и мыло для бритья,
спиртное, сигареты,
к чему конфеты, мармелад
и швейные машинки?
К чему водителя права,
газеты и журналы?
А нижнего белья ему
одной хватает пары.
Нам магазины ни к чему,
каменоломни, земли,
заводы, акции, дома,
колбасы и консервы.

Может, мы что-то и позабыли из списка
запрещенных предметов —
на самом деле их куда больше.
Лучше бы не отовариваться вовсе!

Мы привыкли ходить пешком
и в дождь, и в ясную погоду,
а то и вовсе не выходить из дому.
Нам нельзя садиться в электричку,
скорый поезд, трамвай и такси,
не говоря о прочих соблазнах.
Нельзя — в ресторан и на почту,
в музеи и галереи
на территорию Выставки²,
на набережную и в бассейны,
на Тройский мост и на стадионы,
на мельницу, в соборы и на перроны,
в игорные дома и городские парки,
плюс ко всему — в общественные туалеты.

И будь осторожен
на площадях и проспектах —
не повстречались бы тебе
стукач или милая тетенька.
А коли захочешь выйти из дому —
иди в сад Божий
и там, средь могил, как на параде стой,
дыши полной грудью,

2. Выставка достижений народного хозяйства в Праге.

Часть 1. Образ жизни

раз уж ни в какие другие сады
тебе нет хода.

Но жид – известный хитрец,
у него в банке закрытый счет,
у него скверные привычки,
и с арийцами он не желает общаться.

Из вещей, что бывают у всех людей,
есть у него рюкзак, чемодан и ремень.
Но скоро отнимут и это.
Еврей не скандалит.
Он законопослушен,
он согласен на все.

Неизвестный автор. Веселый человек. БТ

Терезин'

До сих пор историки спорят о том, как называть Терезин: транзитным или концентрационным лагерем, гетто или «еврейским поселением»? За четыре года там сменилось три эсэсовских коменданта и трое еврейских старост. 648 транспортов из Протектората, Германии, Австрии, Голландии и Дании прибыло в Терезин. Из 140 886 человек 88 135 было депортировано в лагерь уничтожения, 33 500 человек умерло в самом Терезине от голода и болезней. На судьбу заключенных влияло все – от ситуации на фронтах до расписания работы газовых камер Освенцима и Треблинки.

Это был своего рода полигон для отработки безумных нацистских идей. А что, если превратить его в лагерь для стариков? И тотчас молодых депортируют, и лагерь заполняется стариками... А что, если сделать из него образцово-показательный лагерь для демонстрации «счастливой жизни евреев» представителям Красного Креста? И тотчас в городе переименовываются улицы, разбираются нары, уничтожаются заборы, красятся фасады домов, строится детская площадка, воздвигаются «кафе» и «банк». А что, если на случай военного поражения превратить Терезин в хранилище секретных архивов и убежище для высоких армейских чинов? И тотчас освобождаются огромные казармы, часть выселенного народа отправляют в Освенцим, часть распикивают по чердакам. В апреле 1945 года нацисты превратили Терезин в отстойник. Отступая, они «очищали» рабочие и концентрационные лагеря и отправляли в Терезин эшелоны больных и умирающих заключенных.

Слева направо:
Фото из окна детского дома L 410. ЕМА

Соня Шпицова (1931 – 1944). Терезинские крыши. Вид из окна детского дома L 410. ЕМП

Рая Энглендерова, 1929 г.р. L 410. ЕМП

Детские дома

В Терезине было около 15 000 детей, из них выжило не более 1000.

По прибытии первых семейных транспортов в конце 1941 года дети младше одиннадцати лет были поселены с матерями в Гамбургских и Дрезденских казармах, а подростки с отцами в Судетских. Выходить из казарм без специального пропуска не разрешалось. В казармах детям были выделены отдельные помещения и установлен специальный рацион детского питания. 1 января 1942 года заведующий Отделом детей и молодежи Эгон Редлих записывает в дневнике: «Дети уже получают нормальную порцию молока».

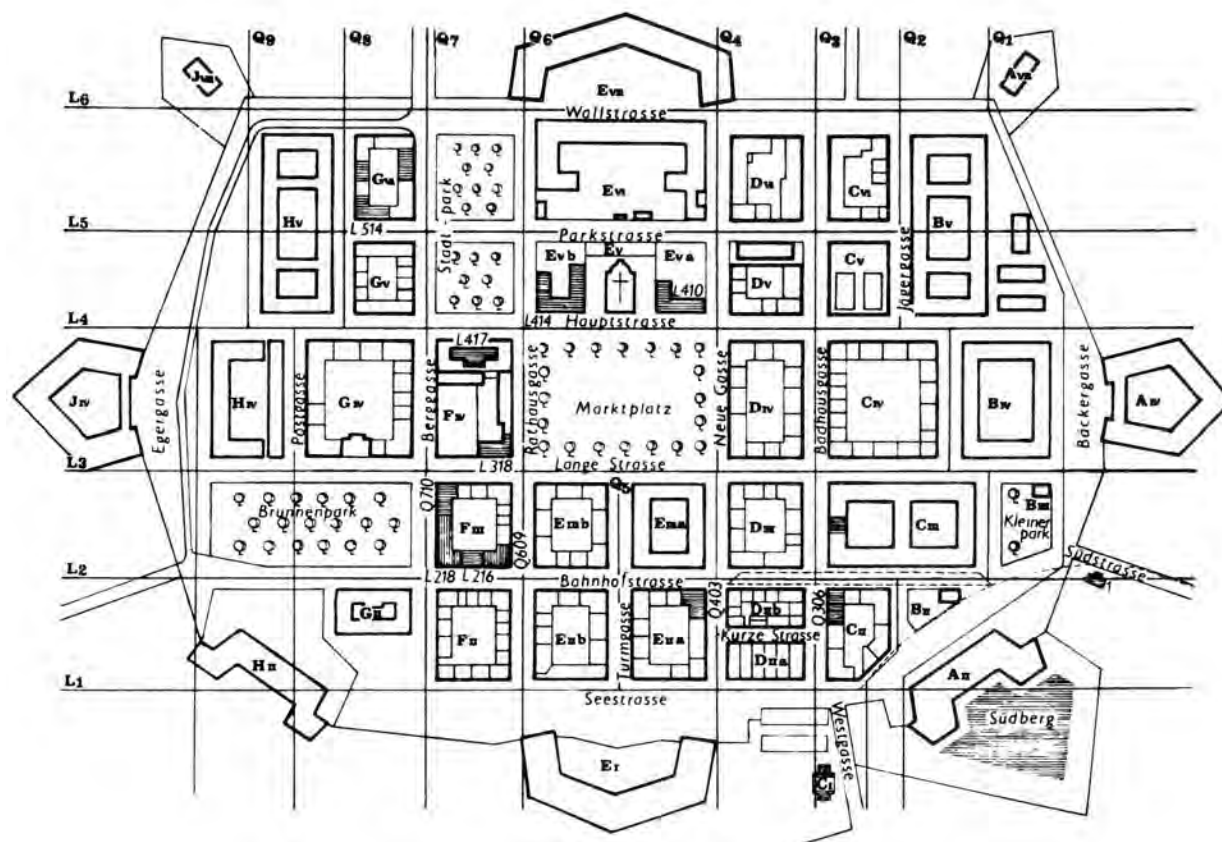
К маю 1942 года завершилась эвакуация из Терезина местного чешского населения. В гетто остались одни заключенные, и лагерное начальство вверило еврейской администрации управление всем городом, кроме, разумеется, тех домов и улиц, где жили, служили, развлекались или прогуливались представители «высшей расы».

Первым делом администрация взялась за организацию детских домов.

Детские дома располагались в тринадцати зданиях. В каждом здании размещалось от 200 до 300 человек, на одну комнату приходилось от пятнадцати до сорока детей. При каждом детском доме был изолятор, врач, медсестры, нянечки и прочий персонал. Каждая комната (иногда две) считалась самостоятельным «детским домом» со своими воспитателями и вожатыми.

Эва Вольштейнерова (1931 – 1944).
Ворота Гамбургских казарм.
1943 – 1944. ЕМП

План Терезина с отметками местоположения детских домов

Блок F IV

L 417 – здание бывшей терезинской школы, в котором расположился первый детский дом в гетто, населенный мальчиками от 10 до 16 лет. На чердаке L 417 проводились встречи и читались лекции. Заведовал домом Л. Демнер, главным воспитателем был О. Кляйн. Там же работали воспитатели В. Айзингер, Ф. Майер, Ф. Хирш и др. Под руководством В. Айзингера в комнате № 1 была организована детская коммуна – «Республика ШКИД». В L 417 издавался самиздат: детские журналы «Ведем», «Рим Рим Рим» и «Новости».

Блок E Va

L 410 – здание бывшей гарнизонной комендатуры; в комнатах на 20–30 коек проживали девочки в возрасте от 8 до 16 лет. Заведовали детским домом В. Фрейд и В. Гроаг, старшей воспитательницей была Р. Энглендерова. На чердаке устраивались культурные мероприятия, в том числе репетиции «Реквиема» Верди и оперы «Брундибар», проводимые Р. Шехтером. В подвале L 410 была устроена выставка рисунков, выполненных детьми на занятиях с педагогом Ф. Дикер-Брандейс.

Блок E Vb

L 414 – на верхних этажах здания (на первом находились разные конторы) проживало около 300 детей от 10 до 14 лет из Австрии и Германии; в соответствии с возрастом они были разделены на двенадцать «детдомов» и шесть учебных классов. Заведовал L 414 Зиги Квасневский. В конце 1943 года, после очередной депортации в Освенцим, в доме освободилось две комнаты, в них поселили девочек-полукровок из Протектората. Воспитателями у них были Г. Секанинова и У. Лажанска. Девочки издавали журнал «Бонако».

Блок F III

Q 609 – дом для мальчиков от 10 до 14 лет. Руководитель дома – О. Ледерер, воспитатели – Г. Франкл, О. Блейер, Х. Райнерова и др. В Q 609 был свой кукольный театр. Здесь издавался журнал «Камарад».

Блок CII

Q 306 – на чердаке жили матери с детьми. Женщины работали, а за десятилетними детьми ухаживали воспитательницы. Дети издавали журнал «Голос чердака».

L 318 – дом для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Работающие матери забирали детей после работы. Кроме того, в L 318 проживало около сотни сирот из Протектората и рейха. Домом заведовали О. Цвикерова и В. Пикова. В L 318 располагались детская кухня, комната для игр и изолятор. Была там также пекарня, обслуживающая L 318 и другие детские дома.

L 218 – дом для юношей 16–18 лет. Главный воспитатель – Ф. Хирш. На чердаке был создан «Культурный центр» с кружками по интересам и театр теней. Здесь проводились и спортивные состязания.

L 216 – в этом здании жили мальчики до 15 лет. В марте 1944 года в L 216 была открыта детская библиотека с фондом, насчитывающим 35 000 томов. Там проходили лекции, концерты и выставки.

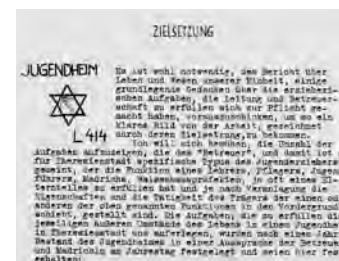
Q 710 – «Дом подмастерьев» для юношей 16–20 лет, работавших в сельском хозяйстве, на стройке и в мастерских. Периодически здесь работали кружки самодеятельности.

Блок G VI

В двух домах (в конце войны они были сожжены) размещались ясли для детей до трех лет и комнаты для матерей. В конце 1943 года в одном из них, L 514, открыли библиотеку, читальню и комнату для занятий.

Блок III

Гамбургские казармы. До лета 1942 года в них жили матери с детьми, там же располагались и ясли. Для старших детей устраивались игры и занятия чтением, письмом и пр. С детьми работали сестры Гроссовы. Старшей медсестрой была поэтесса И. Вебер.

Страница из тетради «Детдом L 414», в которой говорится, что для продуктивной работы и помощи детям воспитатель должен ясно представлять как свои обязанности, так и свое положение в системе управления гетто. 1943. БТ

Довоенное фото: Зиги Квасневский (слева) и Якуб Вурцель. ЕМА

Ильза Вебер с матерью. 1930. Архив О. Марени

Часть 1. Образ жизни

Блок М IIa

Q 403 – поначалу дом служил инфекционной больницей; в конце 1944 года дети, оставшиеся после депортации основного населения в Освенцим и в другие лагеря уничтожения, были собраны в Q 403. «Образцово-показательный детский дом» был продемонстрирован комиссии Международного Красного Креста (МКК), прибывшей в Терезин 6 апреля 1945 года.

Блок С I

«Соколовна» – единственное современное здание, построенное в 1938 году чехословацким скаутским обществом «Сокол» в переулке Вестгассе. Там располагался лазарет для инфекционных больных, а в период «кампании приукрашивания» перед визитом МКК весной 1944 года – культурный центр с театром, библиотекой, читальней и банкетным залом. Здесь проходили съемки нацистского пропагандистского фильма о Терезине.

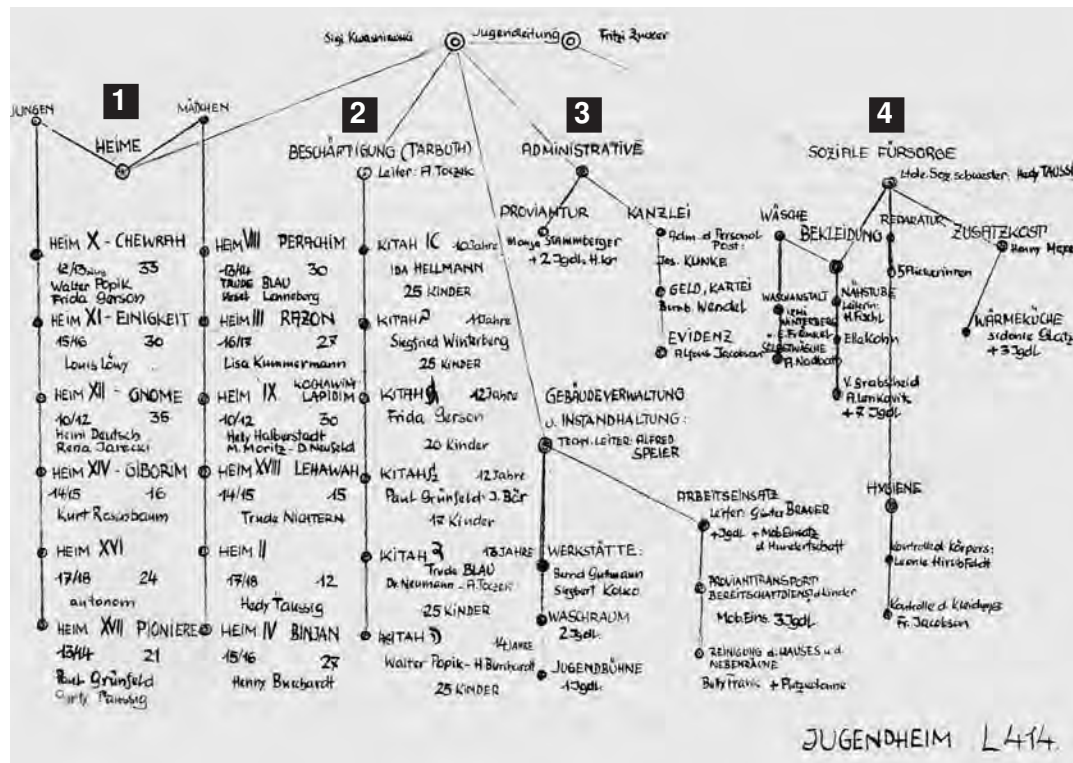

Городской парк

До 1943 года парк был закрыт для заключенных; перед визитом комиссии МКК парк был превращен в «детский рай» с фонтаном, качелями, каруселями, песочницей и «лягушатником» для малышей.

Три открытки с изображением здания
спортивного общества «Сокол» в Тере-
зине (Соколовна). 1938. ЕМА

Структура управления детдома для немецкогоязычных детей в L 414. Возглавляла детдом Зиги Квасневский и Фрици Цукер. В структуру входили 4 отдела: 1) детдома: X – Хевра (Товарищество) XI – Единство, XII – Гномы, XIV – Гиборим (Герои) XVI – без названия, XVII – Пioneры, VII – Цветы; III – Район (Инициатива), IX – Звезды и факелы, XVIII – Пламя, II – Дом, IV – Здание; 2) отдел образования и культуры с шестью учебными классами; 3) административный отдел, который, в свою очередь, делился на подотдел снабжения, секретариат, ведающий финансами, продуктами, карточками, статистикой и т.п., и домоуправление, отвечающее за умышлены, рабочие мастерские, молодежный клуб, подвоз продуктов и уборку помещений; 4) отдел соцобеспечения, отвечающий за стирку и ремонт одежды и обуви, а также за дополнительное и горячее питание, гигиену и охрану здоровья. 1942. БТ

Зюдберг (Южная гора)

В 1943 году на склоне южного бастиона крепости была сооружена спортплощадка, где играли в футбол, волейбол и баскетбол, здесь же проводились массовые празднества и соревнования.

Зюдштрассе, 1

«Вилла Курзавы» (названа по имени жившего здесь немецкого офицера, который руководил садово-огородными работами). В период «приукрашивания» на вилле был устроен профилакторий для туберкулезных и ослабленных детей. С пациентами работали И. Лаушера и другие воспитатели.

Отдел детей и молодежи

Отдел детей и молодежи (ОДМ) или JF¹ возглавлял Эгон (Гонда) Редлих, молодой энергичный сионист. Во многом благодаря его заботам дети страдали от голода и болезней меньше, чем взрослые. При том, что в гетто умирало до 150 человек в день, уровень детской смертности был низким.

ОДМ занимался распределением детей в детские дома, подбором воспитателей, врачей, нянечек, словом, всего штата обслуживания, ОДМ следил за дисциплиной, гигиеной, здра-

Мальчик. Кадр из нацистского пропагандистского фильма «Еврейское поселение». 1944. ЯВА

1. JF, Jugendfuersorge (нем.) – попечение молодежи.

Эва Юлия Вольстейнерова (1931–1944). Учеба. ЕМП

Эгон Редлих (1916 – 1944). 1938. ПТ

Часть 1. Образ жизни

воохранением, физической культурой, питанием, работой и досугом детей, их образованием, борьбой с правонарушениями и т.п.

ОДМ вел статистику.

Статистические данные на 15.11.1943: «Всего через гетто прошел 7461 ребенок в возрасте до 16 лет. Сегодня в гетто 3900 детей до 16 лет и 700 – 16–18 лет. Из них 700 без родителей, 300 детей от смешанных браков, 70% из Протектората и 30% из рейха, Голландии и Дании.

380 воспитателей, 67% из Протектората, 33% из рейха, Голландии и Дании. Возраст воспитателей: 17% – до 20 лет, 21% – до 30 лет, 30% – до 40 лет, 17% – до 50 лет, остальные старше пятидесяти. 2000 детей живет в детских домах, остальные с родителями или родственниками»¹.

Транспорты

Трагедией Терезина были транспорты в лагеря уничтожения. Они камуфлировались под «переезд в новое гетто с улучшенными условиями», «работу на объектах в глубине рейха» и т.д. Мало кто из узников осознавал истинный смысл депортаций.

Эгон входил в комиссию по составлению транспортов, что давало ему возможность уберегать детей от отправки «на восток»: «Я подал прошение о том, чтобы детей не отправляли; удалось получить согласие – дети не поедут». Разумеется, на каждый транспорт была разнарядка, места детей занимали взрослые.

Редлих, с его умом и положением в иерархии терезинского самоуправления, скорее всего, понимал истинное назначение «еврейского поселения». «Наша работа похожа на ту, что мы выполняли в «Алият Ханоар»², – писал он в дневнике. – Там мы вели детей к свободе. Здесь мы пытаемся спасти их от смерти». И далее: «ы будем образцово-показательным гетто – с нашей помощью будет скрыта кровь, проливаемая на востоке...»; а в другом месте: «Послать ребенка в Польшу – значит послать его на смерть»³.

Но вот парадокс: оказавшись с женой и полугодовалым сыном в списках депортируемых, Гонда вдруг поверил в миф о «новом гетто»: ведь власти разрешили ему взять с собой детскую коляску⁴.

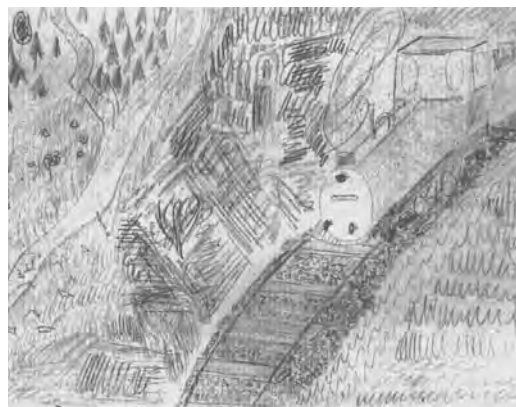
До сентября 1943 года больных не депортировали, поэтому в период раздачи повесток

1. Из доклада Э. Редлиха на заседании комиссии ОДМ.

2. «Алият Ханоар» (ивр.) – «Восхождение юных», сионистская организация. Термины, жаргонные и иностранные выражения выделены курсивом или кавычками и объяснены в конце книги.

3. См. ТД, с. 69 – 336.

4. Э. Редлих с женой и сыном погибли в Освенциме. Из интервью с В. Гроагом, кибуц Маанит, 1989.

Слева направо:
Кити Брюнерова (1931 – 1944). Транспорт из Праги. «Мясная лавка. Одежда». 1944. ЕМП

Петр Гольцбауэр (1932 – 1944). «VI (детдом) Гольцбауэр, 3.1V». ЕМП

врачи старались не выписывать детей, даже если для этого не было серьезных показаний, или объявляли ложный карантин. Некоторые родители делали детям уколы молока. От них резко подымалась температура, и ребенок попадал в больницу.

Цви Коэн вспоминает: «Доктор Шаффа⁵ ... держал меня в больнице и после того, как температура спала, хотя был обязан выписать. Тогда бы я попал на транспорт. Благодаря доктору Шаффе я остался жив»⁶.

До сентября 1943 года не депортировали детей, чьи родители прибыли с первыми строительными бригадами, детей высокопоставленных лиц и рабочих нужных в гетто специальностей – кузнецов, электриков, ассенизаторов и пр. В сентябре 1943 года с первым «семейным транспортом» в Освенцим началась депортация детей, она продолжалась до конца октября 1944 года.

Часто судьбу решала протекция. Член Совета старейшин мог вычеркнуть друга или родственника из списка и поставить другого.

Некоторым удавалось спрятаться. Именно таким образом Мауд Штекльмахер с матерью и сестрой трижды избежали транспорта. Как правило, нарушителей отправляли следующим эшелонам, но семье Штекльмахер повезло – третий транспорт оказался последним.

Подавляющее большинство, тем не менее, подчинялось указам. Мало кто верил в «новое благоустроенное гетто на востоке», но и ужас массового убийства не укладывался в сознании. Дети боялись остаться в гетто без родителей. В рукописном сборнике рассказов из детдома L 410 приводится история девочки: «Ее мать, нееврейка, умерла, отец уже был в Польше, а тетя, единственный близкий человек, была в транспорте. Бедная Алиса бегала от Понтия к Пилату, в конце концов ей пообещали, что за ней придут. Но не пришли. Представьте себе, тысячи людей рыдают, прощаясь друг с другом, а она лежит в постели и ноет, что ее не взяли. Все тут вверх ногами, да иначе и быть не может»⁷.

А вот другой рассказ: «В 1944 году со мной в Терезине осталась одна мама. Бабушки и дедушки уже умерли или были отправлены, отец умирал в Малой крепости. И снова транспорт. Ночь. 5000 человек. Мама стояла передо мной. В списке меня не было, но я не хотела разлучаться с мамой и подделала номер. И тут вижу знакомого геттовахмана, из нашего го-

5. Проф. Гануш Шаффа (1907 – 1944).

6. Из интервью с Цви Коэном, кибуц Маабарот, 1996.

Тетрадь девочек дома L 410. «Комната № 24. X.C., 14 лет». БТ.

7. Эва Сормова. «Тетрадь L 410», 18.10.1943. В феврале 1944 г. Эва умерла от тифа. Девочка, которую она описывала, выжила, живет в Чехии, и ей по-прежнему одиноко.

Слева направо:
Рельсы, которые раньше вели к «шлойске». Послевоенный снимок. ЕМП

Кадр из нацистского пропагандистского фильма 1942 г. ЯВА. 1 июня 1943 г. был отпразднован пуск железнодорожной ветки длиной 3 км от Богушовиц до Терезина (раньше депортируемые должны были проходить этот путь пешком). Рельсы и поезда – повторяющийся мотив детских рисунков.

Часть 1. Образ жизни

рода. Он узнал меня, разглядел фальшивый номер на шее и сказал: «Ты сюда, мама туда». Но я и слушать его не стала. Мы уже были рядом с Эйхманом¹ — он всегда приезжал, когда отправляли большой транспорт. Эйхман схватил меня: «Ты не в списке!» Я сказала: «Я хочу с мамой». Мама с чемоданом была уже далеко впереди, а я все твердила — хочу с мамой. «Приведи сюда эту еврейскую сволочь!» — велел Эйхман. Я привела маму. Эйхман сделал жест, цыкнул, мол, отпускает ее тоже, но она не двигалась. Он опять сказал ей какую-то гадость. Ночь. 5000 человек ждет своей очереди. И вот этот кошмарный тип отпускает маму, а она не уходит. «Что еще этой твари нужно?» — спрашивает Эйхман. «Чемодан» — отвечает мама. Он начал смеяться, я была уверена, что он пристрелит ее на месте. Мама бросилась к вагону — только бы успеть схватить чемодан. «Без чемодана моя жизнь не имеет смысла», — сказала она мне после. Кто-то был отправлен вместо нее — хорошо, что я не знаю и никогда не узнаю кто».

Во время отправки транспортов подростки работали в шлойске². Они носили вещи, помогали старикам и инвалидам. «Служба помощи» выдавала ребятам специальные повязки, чтобы по случайности не отправить самих помощников.

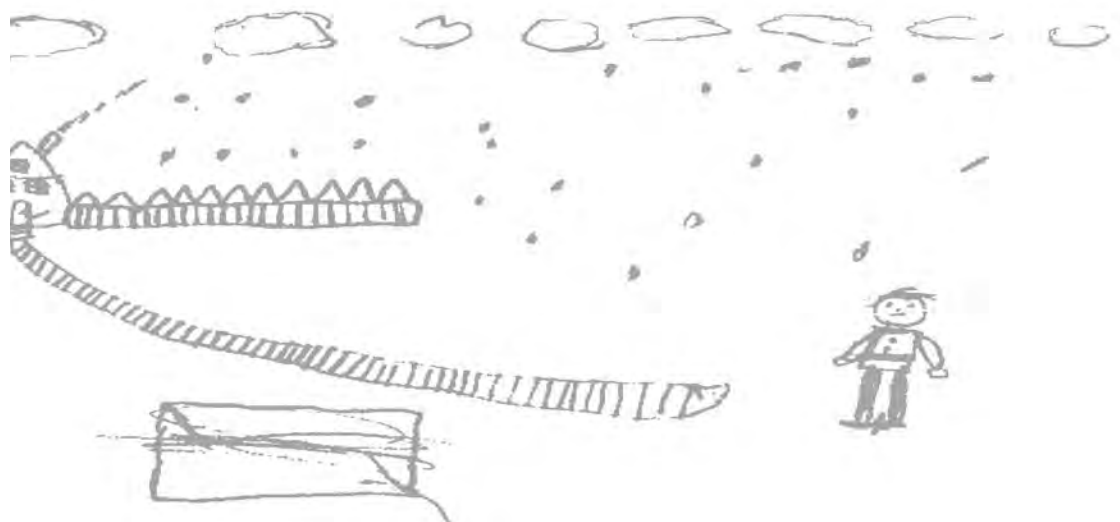
1. Адольф Эйхман (1902 — 1961), оберштурмбанфюрер СС, выдвинулся в 1938, возглавив Управление по еврейским делам в Вене. Главный разработчик и руководитель массового уничтожения людей. В 1960 г. схвачен в Аргентине агентами израильской секретной службы «Мосад», судим в Израиле Высшим судом справедливости и казнен 31.5.1961.

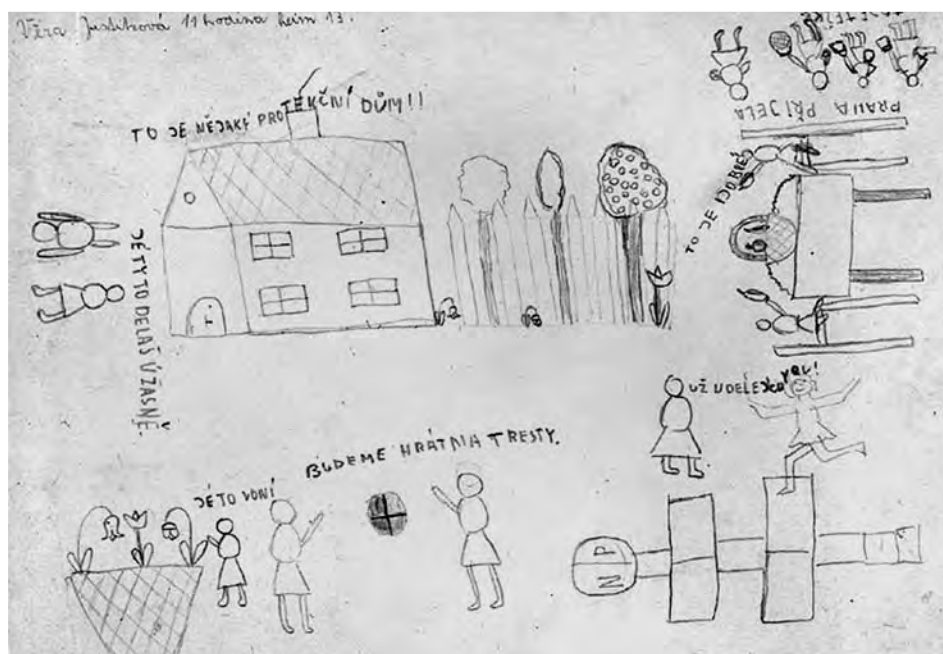
2. Шлойска (искаж. нем. Schleuse), шлюз — помещение, где проводился личный досмотр заключенных при поступлении и отправке.

Вера Юстицова. Фрагмент рисунка «Прага приехала». 1943. ЕМП

Внизу:

Марион Майерова (1931 — 1943) Растерянный ребенок. 1943. ЕМП
Домик с трубой и двумя окошками (шлойска) находится рядом с тем местом, куда прибывали и откуда отправлялись транспорты. Рельсы оборваны. Ребенок стоит под дождем, растерянный и одинокий.

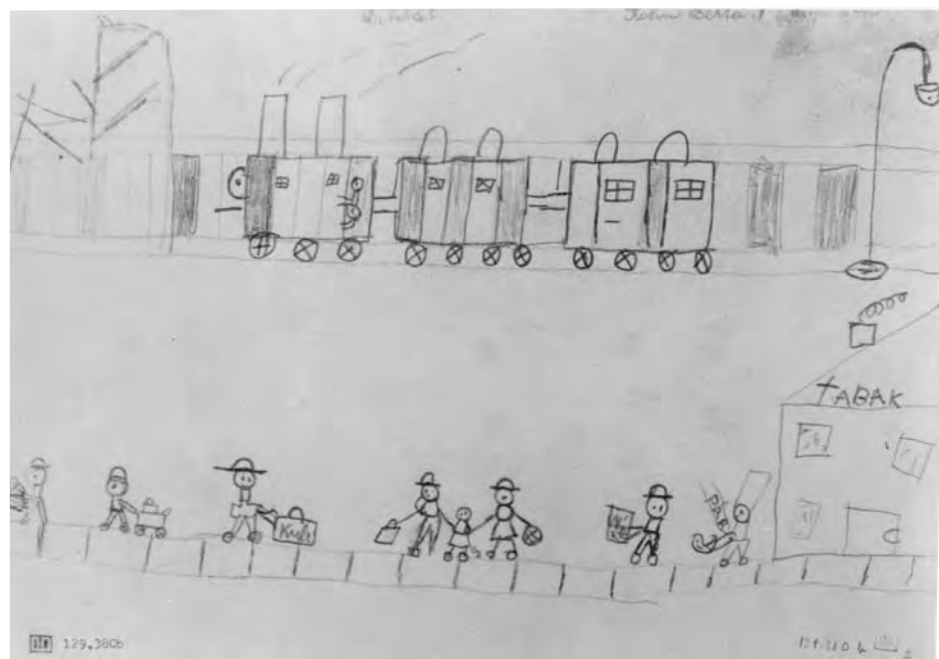

Вера Юстицова (1932 – 1934) – вторая слева. Довоенное фото. ЕМП

Вера Юстицова (1932 – 1934). Жизнь в Терезине. Сверху вниз против часовой стрелки: «Это дом для высокопоставленных. – Ты это делаешь здорово! – Приятно пахнет! – Ты умеешь делать все! – Вот здорово! – Прага прибыла, тяжелый багаж», 1943. ЕМП

Берта Конова (1931 – 1944). Диктант L 410. Надпись: «Чемодан. Табак. Пару...». ЕМП

Рут Бирнбаумова (1934 – 1943). Транспорт. «Терезин», 1944. ЕМП Маленькие фигурки (вдалеке), одна с флажком. На все это с грустью взирает солнце и печальное лицо девочки (Рут).

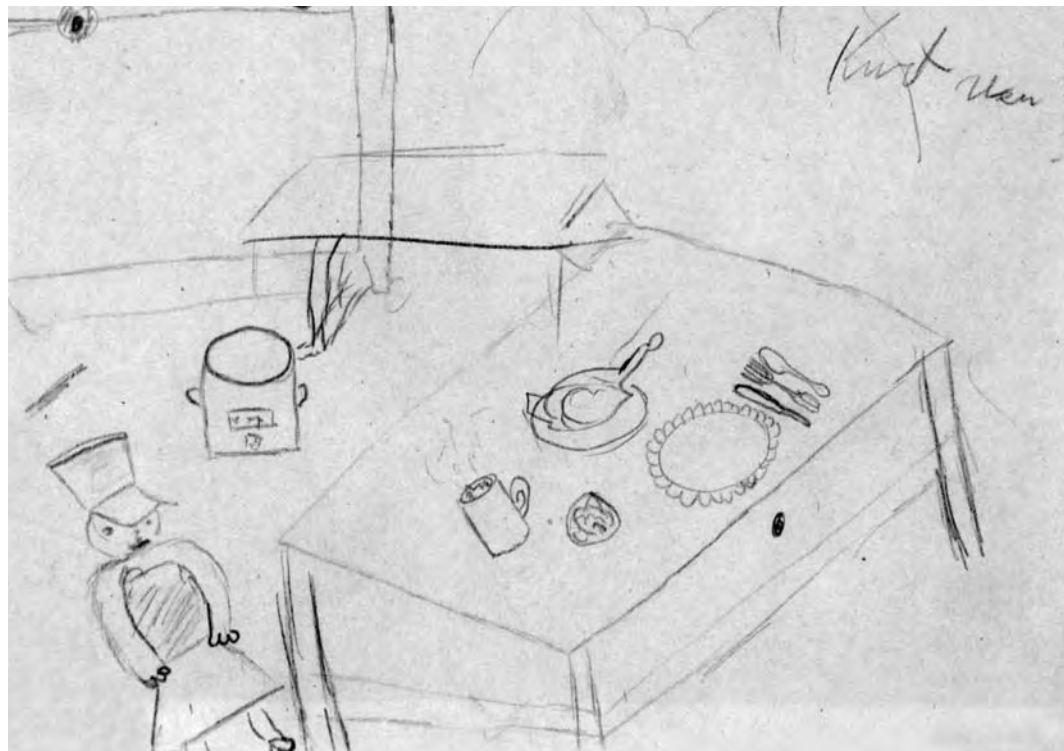
Питание

В Терезине ни один ребенок не умер от голода. «Питание было однообразным, недельный распорядок блюд менялся редко. Часть пищи была съедобной, часть менее съедобной, а часть – совсем несъедобной»¹.

«Здесь у нас уже не было воскресенья, понедельника, вторника и т.д. Зато появились новые дни недели: день пшенки (понедельник), день клецки (вторник), день фрикадельки (среда), день гуляша (четверг), день картошки (пятница), день окрошки (суббота) и день прививок (воскресенье). Еда – наши часы и наш календарь. Большинство из нас уже не знает, какой сегодня день недели в европейском смысле. Зачем?»²

В Терезине была диетическая кухня, кроме того, больные дети иногда получали добавку к питанию. Во многих детдомах были коммуны, и продукты, полученные в посылках, делились поровну, так же как и овощи, которые дети с риском для жизни утаскивали во время работы в садах и огородах.

При этом многие страдали от голода: «Самое страшное – это голод. Встаешь утром голодным, ложишься спать голодным. Мы ели все, что только можно, траву, мороженую морковь, которую находили в земле»³.

1. Э. Фурман. Из интервью. Кливленд, 2002.

2. N. Stern, Theresienstadt, записные книжки, Nordwestdeutschen Rundfunk, 1955.

3. Из интервью с П. Харрингером. Модеста, 2002.

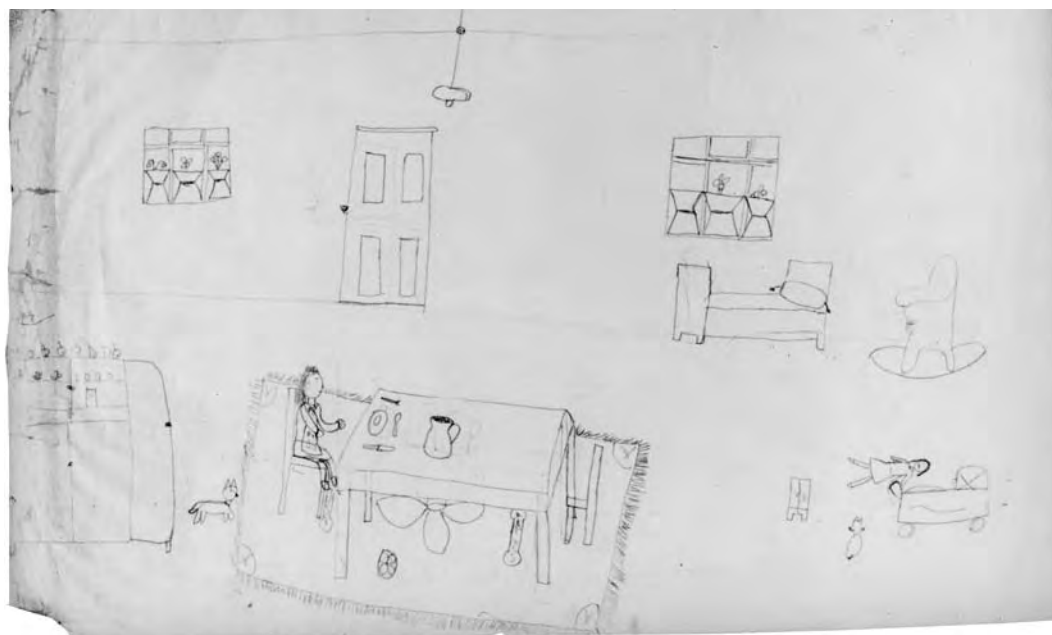

Алиса Фантлова (1929 – 1943). Очередь за едой. 1942. БТ

Курт из Вены. Еда готова. ЕМП

Лилиана Франклова (1931 – 1944). Раздача еды. Фрагмент. ЕМП

Здравоохранение и гигиена

Детские дома захлестывали эпидемии энцефалита, скарлатины, желтухи, кори, ветрянки и энтерита. Медперсонал трудился не покладая рук, детей лечили, несмотря на катастрофическую нехватку медикаментов.

Сырость и холод плюс плохое питание приводили к туберкулезу. Для диагностики ТБЦ делали анализы и рентген, а при обнаружении болезни успешно боролись с ней даже при отсутствии антибиотиков. Детям давали калорийное питание, иногда вывозили дышать свежим воздухом.

В мае 1944 года перед визитом Красного Креста все пациенты туберкулезного отделения были депортированы в Освенцим.

Главная больница располагалась в Верхнелабских казармах. Во время эпидемии тифа в ней содержались тифозные больные.

Э. Редлих писал: «4.2.1943. Тяжелая эпидемия. Тиф в детских помещениях. ... 6.2.1943. Умерло двое детей. Возникла ситуация, которой я так боялся... Родители в панике, ищут виновных». Эпидемию тифа удалось остановить.

Операции проводились в хирургическом отделении, которым заведовал доктор Эрих Шпрингер. «Врачи работали на износ, по 20 часов в сутки, – рассказывает он. – Но что потом? Больной выздоравливал и... получал повестку на транспорт. Если же он еще не мог двигаться, его вычеркивали из этого списка и вносили в следующий»¹.

Рита Мюнцер (Бейковская) вспоминает: «В Терезине я страдала от гнойной инфекции в горле. Мне было очень плохо – я не могла дышать, по ночам девочки дежурили около меня. Как-то утром, когда все ушли на работу, я оделась и пошла к доктору Хаасу, который оперировал детей. Помогала ему его жена, медсестра. Она спросила: «Что тебе надо?» Я ответила: «Мне приснился сон, что война кончилась, а я умираю. Если я умру, я не смогу сбежать отсюда». Она засмеялась.

Пришел доктор Хаас. Она сказала: «Девочка бредит. Не понимает, что говорит». Я умоляла удалить мне гланды, но врач отказывался делать операцию без справки от родителей. Я настаивала, врала, что сирота (мама ни за что не дала бы мне разрешение на операцию) и что раз мне приснился сон, то он обязательно сбудется. Тогда меня привязали к стулу и связали руки. Хаас ложкой стал вычищать мне горло. Я орала как безумная. А он говорил: «Мало того что ты всю эту дрянь на меня выплевываешь, так еще и орешь, прекрати, как тебе не стыдно!» Дальше я ничего не помню. Очнулась я на полу, на какой-то подстилке. Хаас сказал: два дня без еды, нет льда – пей холодную воду, если тебе принесут еду и ты ее съешь – лучше умри до этого». Через неделю пришли русские. Доктор Хаас сказал жене: «Найди эту девочку с вещими снами!»²

Дети с психическими проблемами содержались в клинике, которой заведовала проф. Гертруда Баумлова³. Ей помогал муж, психоаналитик Франтишек Баумл. Самых тяжелых оставляли в клинике, а дети-невротики, пережившие тяжелую психическую травму, после лечения возвращались в детские дома под надзор воспитателей.

«Воспитательницы работают круглосуточно, – писал Ф. Штекльмахер. – Каждую третью неделю ночное дежурство. ... Встают к больным детям в среднем по пять раз за ночь. ... Те, с кем я беседовал, объясняют это любовью к детям, то есть – чистый идеализм»⁴.

Карточка Фрида Брандейс с отметками о посещениях врачей – д-ра Мунка и д-ра Германа. 1943. СВЦ

Аноним. «Господин доктор пришел», 1943 – 1944

1. Из интервью с д-ром Э. Шпрингером. Румбурк, 1989.

2. Из интервью с Ритой Мюнцер (Бейковской), ТА, 1992.

3. Баумлова Гертруда (1898 – 1944) – доктор мед. наук, психолог. Летом 1942 г. супруги Баумл прибыли в Т. из Праги. По воспоминаниям Эрны (Попперовой) Фурман и В. Гроага, супруги Баумл были высокого роста и несколько не от мира сего. Эрна сохранила перечень докладов и конспекты лекций Г. Баумловой о психологии новорожденного. Анализ детских рисунков помогал Г. Баумловой в работе с больными, за помощью к ней обращались многие. В Т. Г. Баумлова заведовала отделом социального обеспечения при ОДМ. Вместе с мужем они основали в гетто приют для психически больных и неблагополучных детей.

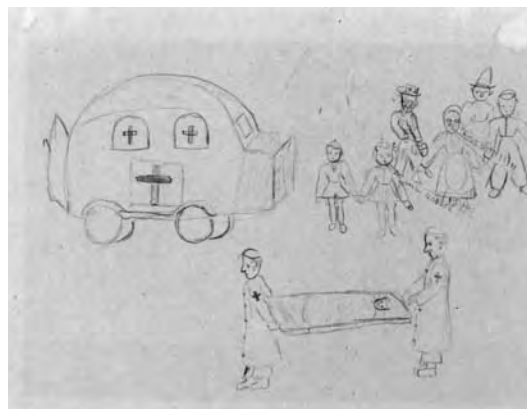
4. Ф. Штекльмахер, из «Отчета о детдоме L 410», ноябрь 1942 г. Архив М. Бер (Штекльмахер), ТА.

Соблюдение санитарных норм было одним из главных условий сохранения здоровья. За этим следили все, от дежурного по комнате до самого Редлиха. Была учреждена комиссия по проверке чистоты и порядка. В детских домах работали врачи и гигиенисты.

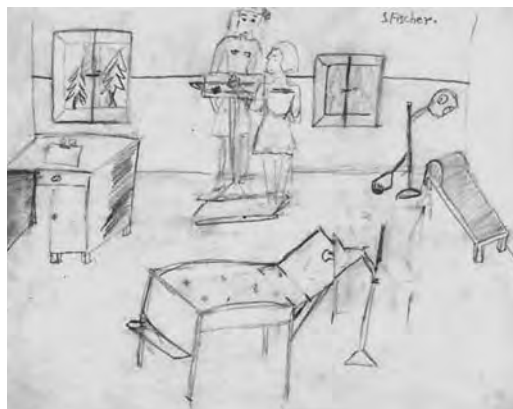
Так, например, доктор Яхнин отвечал за гигиену в L 417. Во время эпидемии тифа он решил упразднить полки над нарами, считая их дополнительным источником инфекции. В ответ на это журнал «Ведем» разразился петицией: «Ваш план, дорогой наш доктор, мы сочли непревзойденным с точки зрения гигиены и воспитания. Но все же вынуждены довести до Вашего сведения, что и мы имеем право на собственную крошечную жилплощадь, которая и без того предельно ограничена. У всех детей на свете есть свой угол, а у нас – нары 70 x 30! Все дети живут на свободе, а мы – как собаки на привязи. Позвольте же вместо полок с игрушками иметь над головой хотя бы полуметровую доску. Поймите, наконец, что мы тоже дети. Да, мы выглядим взрослыми, и в этом виноват Терезин, – но мы такие же дети, как все».

...пнер (Иржи Запнер), «Ведем» № 7.

Но даже такие условия были далеко не у всех. «На чердаке, где мы работали, размещен голландский детский дом, – записывает В. Малер. – Три голландские няни заботятся о сиротах, их здесь более тридцати, в возрасте от шести до двенадцати лет. Меня страшно расстрогала их судьба. На вопрос, где их родители, они отвечали: в Польше, за границей, неизвестно где, умерли, арестованы, посажены и т.д. Многие из них выучили здесь немецкий, а некоторые – и чешский. Зрелище этих невинных детей, лежащих на маленьких матрасиках на огромном холодном чердаке Гамбургских казарм, в детских рубашонках, под легкими покрывальцами, произвело на нас с коллегой Хиршем впечатление невыразимое. Сказать, что мы были «огорчены», значит ничего не сказать. Мы обнаружили здесь очень больного ребенка, с температурой выше 39-ти – и нашу работу по регистрации заканчивали в состоянии крайнего расстройства»⁵.

Илона Вайсова (1932 – 1944). «Моё дитя! У него дифтерит!», 1943 – 44. ЕМП

Соня Фишерова. Взвешивание. АМВИ

Неизвестный автор. Коллаж «Карел болеет». 1943 – 44. ЕМП

Маргит Шварцова (1933 – 1943). Больница 1201 C III. ЕМП

5. Малер, 11.9.1944, ТД, с. 313.

Соня Фишерова (1931 – 1944). ЕМА

Часть 1. Образ жизни

Кракауер. В больнице. 1944. ЕМП

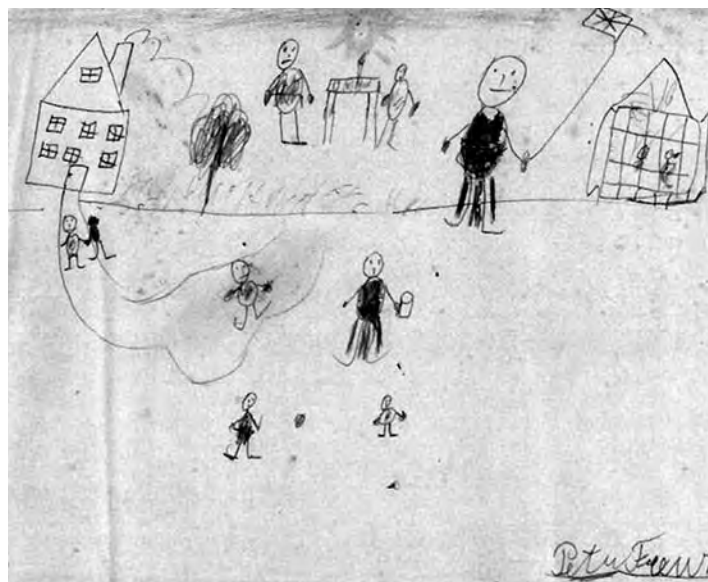
Хельга Поллакова, 1928 г.р. Девочки в умывальне. 1944. ЯВА.

Малыши

Несмотря на все усилия терезинских врачей, из 150 новорожденных умерло 33, остальные погибли в Освенциме. Войну пережило семнадцать новорожденных¹.

«Рожать в лагере запрещалось. Врач-гинеколог был обязан оповещать начальство о каждом случае беременности; как правило, она прерывалась до 6-го месяца, – рассказывает Вилли Гроаг. – Моя жена Мадла пошла к доктору Рейс, и та сказала: «Знаешь, война скоро кончится. Попробуй сохранить ребенка». 28 октября, отправка последнего транспорта, мы – в списке. Селекция. Мурмельштейн [еврейский староста]² и Рам [эсэсовец, комендант лагеря]. Закутали Мадлу так, чтобы не был виден живот. Почти семь месяцев беременности. Не заметили! В феврале у нас родилась девочка Хава, весом 3 кг и 100 грамм. Она была включена в список обитателей гетто, у меня сохранилось свидетельство»³.

Уход за малышами был особенно тщательным, для их питания были организованы «молочные кухни». Однако, по свидетельству педагога И. Лаушеровой, «малыши крайне болезненно реагировали на гетто: частое пробуждение, апатия, значительная потеря в весе (больше, чем должна была быть при таком питании), агрессивность. Некоторые расцарапывали себе кожу, пинали и колотили друг дружку. Плач часто переходил в истерику. Дети испытывали острейшую нужду в физическом тепле, прятались у нянечек под юбками. Иные отталкивали своих матерей, возвращающихся с работы. Разве может ребенок понять, что мать оставляет его не по доброй воле, что она не может дать ему то тепло, к которому он привык. Многие дети постоянно мочились в постель, после чего плакали, брыкались, трясли руками и головой – типичные проявления фрустрации. Потребовалось немало времени, чтобы научить их играть с предметами: с куклой, лоскутками, веревочками, полотенцем, палочкой, игрушечным мячиком»⁴.

Петр Фройнд, 1935 г.р. Игра в пуговицы, 1944. АМВИ.

В Терезине было двое детей по имени Петр Фройнд. Старший погиб, младший, как выяснилось недавно, выжил. Мы встретились с Петром Фройндом на выставке Фрида в Стокгольме. Увидев под своим собственным рисунком цифры «1932 – 1944», он сказал, что это ошибка, и что это его рисунок. И изображены на нем дети, играющие в пуговицы, а не в мяч, как было написано на этикетке. «Каких только пуговиц не было! От мертвых оставалась одежда. Хорошую сдавали на склад, а с непригодной срезали пуговицы. Мы играли ими как в кегли».

Шарлота Бурешова. Мальчики, 1942. БГА

1. По другим сведениям, в Терезине родилось 250 детей, из них 25 дожили до освобождения.

2. Здесь и далее в квадратных скобках – примечания авторов.

3. Из интервью с Вилли Гроагом, кибуц Маанит, 1990 г. В. Гроаг заведовал детдомом L 410. Мадла (Мария) умерла в 1946 г. в Палестине. Хава – педагог, живет в Израиле.

4. И. Лаушерова. Дети Терезина. Терезин, 1965, с. 88.

Вилли и Мадла (Мария) Гроаг. Довоенное фото. ЕМА

Марика Фридманова (1932 – 1944). Полуломанная кукла. ЕМП

Дисциплина

Директора детских домов по утрам собирали педсовет. По рассказу Вилли Гроага, в восемь все были в сборе. «Мы сообща принимали решения. Были постоянные проблемы — например, мальчики после отбоя прятались в комнатах девочек. Сейчас это звучит смешно, но тогда беременность была равнозначна гибели, и нужно было всячески препятствовать естественным желаниям и инстинктам. У нас был случай аборта. А зимой 1944 года девушка из нашего дома вышла замуж. Увы, в той ситуации необходимо было проявлять строгость»¹.

Слабохарактерные воспитатели не устраивали и детей. «Под предводительством двух сопляков-демагогов дети подняли бунт против Зиги Квасневского, — пишет Редлих. — Воспитатель ошибся, предоставив им слишком большую автономию. Сегодня они попросили меня, чтобы я дал им другого воспитателя»².

И. Бэкон: «Помню раввина Басса. Когда дети шумели на уроках, он говорил: «В Польше вы меня попомните» или «в Польше вам покажут». Тогда я понятия не имел, что такое «Польша», хотя все ее побаивались»³.

Воспитатели настаивали на неукоснительном соблюдении дисциплины.

«Я сделал суровый выговор председателю самоуправления. На кровати у него был беспорядок. Замечание было принято в штыки, — пишет Айзингер. — Следует внести ясность и дать этому событию публичную оценку. Главной причиной являлось то, что председатель не желал вставать с постели; это было последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. ... Член совета не имеет права нарушать дисциплину. Это непростительно. ... Вместе с тем я признаю свою ошибку. Я назвал его персоной *нон грата*. Я поступил непедагогично... Что до порядка и чистоты, на этом я настаиваю и буду настаивать. Я — за демократию, я ввел демократическое самоуправление, но, если оно не соответствует самим принципам демократии, я могу его отменить; на будущее я беру на себя право быть чуть ли не диктатором в области дисциплины. Это продлится до тех пор, пока дисциплина не станет делом само собой разумеющимся.

Я получил урок. В тот момент я был рассержен, но теперь я рад. Лично я, возможно, и проиграл сражение, но разве это не цель воспитания — научить воспитанников отстаивать свои права и интересы. Мне вовсе не стыдно, что я проиграл, я уважаю вашу победу. Один из больших русских педагогов сказал: «Добрый учитель — не тот, кто умеет обучить добру, но тот, кто учится добру у детей»»⁴.

Режим дня терезинского детдома отличался от всех прочих детских домов лишь тем, что нельзя было выходить за территорию.

Режим дня детдома «Нешарим», июль 1943 г.:

6.45 — подъем, утренняя пятнадцатиминутка

7.15 — 8.45 — наведение порядка, завтрак

8.45 — 9.00 — утренняя переключка, проверка порядка

9 — 12.00 — дневная программа

12.00 — 13.00 — обед

13.00 — 14.00 — тихий час

14.00 — 14.30 — дневная переключка

1. Из интервью с В. Гроагом, там же.

2. Редлих, ТД, с. 84.

3. Из воспоминаний известного израильского художника И. Бэкона, ТАУ.

4. В. Айзингер. «Ведом», 1943.

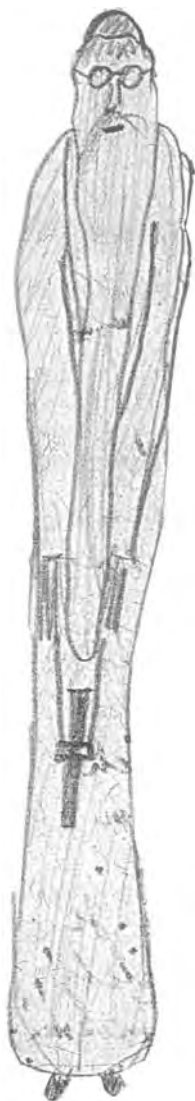
14.30 – 17.00 – работа

17.00 – 18.00 – ужин

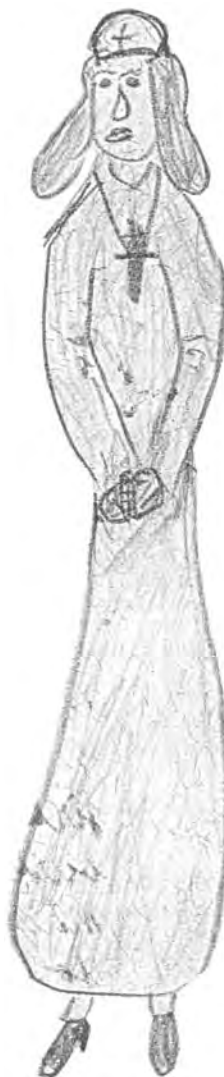
18.00 – 20.00 – свободное время

20.00 – 22.00 – вечерняя программа, умывание, отбой⁵.

Один из подопечных воспитателя Оты Блейера (детдом «А», Q 609) описал режим дня в юмористическом стихотворении «Монастырь св. Оты»:

Кто поймет, какие замыслы у Оты:
В полседьмого подымает на работу.
Никакого продыха нам нет,
Ровно в полдень все-таки обед –
И даем мы храпака до часа.
Вновь подъем – опять работы масса.
Тут мы подымаем шум и гам:
«Ота, дай на воздух выйти нам,
Целый день чердачным дышим духом!»
Ота наш не поведет и ухом,
У него на все всегда запрет,
И на воздух выхода нам нет.
Так бы было здорово вне дома
Поиграть. В полпятого знакомый
Раздается на дворе звонок –
И пускаемся от Оты наутек.
Хоть не хочет отпускать нас Ота,
Но у нас-то есть свои заботы –
Сбегать за пайком, к тому же нам
Хочется побегать по валам,
Заглянуть хоть на минутку к маме –
Да поглядывать на башенку с часами.
В семь же вечера ноль-ноль минут
Все мы в сборе, все мы тут как тут.
Монастырь позвал: «Домой, монахи!»
Пот у каждого стекает по рубaxe.
Ота тут же начинает допекать:
«Обувь чистить всем и пулюю в кровать».
Ровно в восемь – все под одеяла,
Детектив нам служит «усыпалой»,
Тишина недолгая стоит,
Ровно в девять монастырь храпит.
Аноним, «Камарад», № 7, 1943.

5. Из доклада Ф. Майера, заведующего детдомом «Нешарим», июль 1943 г., ЯВА.

И. Полак. Иллюстрация к стихотворению «Монастырь святого Оты». Журнал «Камарад».

Обложка тетради Клары Беренс. «Ко дню рождения. Воспоминания. Терезин, 1.14.1945». ЕМА

Тетрадь Клары Беренс. 1. «В шесть». 2. «В восемь». 3. «Пожелав всем здоровья...» 4. «Принимается за готовку». ЕМА

Правонарушения

Воспитатели старались сами бороться с правонарушениями. Отдельные случаи рассматривала специальная комиссия ОДМ, которая назначала взыскания за проступки.

Если проступок был серьезным или злоумышленник был пойман с поличным работниками службы порядка, дело передавалось в суд по делам несовершеннолетних. Одно время говорили о необходимости отдельной тюрьмы для несовершеннолетних, но, к счастью, не нашлось свободного помещения.

«Посадили четверых юношей вместе с воспитателем, – писал Редлих. – Чешские жандармы нашли у них листья шпината. Заключенные клялись – немецкий охранник разрешил им взять листья. Дело было передано еврейской полиции (у нас автономия, такие дела евреи рассматривают сами). Еврейская полиция не поверила юношам и признала их виновными. Перед подписанием приговора мы показали протокол немецкому инспектору, и тот подтвердил правоту обвиняемых».

«Всего в 1942 – 1943 гг. были осуждены 31 юноша и 8 девушек. 80 % преступлений – кражи. Несколько случаев мошенничества с подделкой документов (талонов на еду). За это 18 несовершеннолетних подверглись аресту и один – денежному штрафу. 21 случай – невыполнение рабочих обязанностей – отдан на рассмотрение Комиссии по делам молодежи, в ведение которой входит задача совершенствования нравственного облика подопечных»¹. Получившие судимость автоматически вносились в транспортный список.

Геттовские судьи. Бюллетень еврейского самоуправления, Терезин. № 17, 3.6.1944. А 1284. ПТ

Фемида. Бюллетень еврейского самоуправления, Терезин. № 18. А 1285. ПТ.

Бюллетень еврейского самоуправления, Терезин. № 17, 3.6.1944. А 1284. ПТ.

Хельга Вайсова (Хошкова). Геттовах-ман наблюдает за работой в огороде. 1944. ХХВ

Дети с четырнадцати лет работали в сельском хозяйстве, в столярной и слесарной мастерских, на почте, в прачечной, на кухне и в пекарне.

«До обеда перелопачивали фекалии... Думали – всё, так нет – еще телега, тащили ее аж к Вестбаракам². Год тому назад я впервые начала работать на огороде. По возрасту я еще не была трудообязанной, но почему-то это не учли»³.

«Я работала в садах для высокопоставленных нацистов, там у нас была возможность воровать. Девочки сшили мне голубые брюки с глубокими внутренними карманами. Туда я должна была класть огурцы, а в лифчик – помидоры. Я была плоскогрудой, и девчонки раздобыли для меня бюстгалтер пятого номера, «для упаковки». Во время работы мы ели, а к концу дня воровали для подруг. Я могла пронести много, а весьма упитанная Эва, кроме себя самой, ничего пронести не могла. Как только появлялся начальник, немец Курзавы, раздавался свист с той стороны поля, где работали мальчишки. Я бросала под какой-нибудь куст недоеденное и – вперед. Однажды Курзавы велел посадить картошку. Мы посадили, только выросли у нас помидоры. Из-за частых «атасов» мы швыряли недоеденные помидоры куда попало, и семена проросли»⁴.

Многие из тех, кто был в Терезине ребенком, вспоминают «акцию» в конце 1944 года.

«После октябрьских транспортов 1944 года в гетто осталось мало народу, а еще меньше тех, кто мог работать. Как-то раз немцы согнали детей, выстроили их в ряд от крематория до реки Эгер. И дети по цепочке передавали друг другу картонные коробки с прахом покойников. Те, кто стоял у реки, вытряхивал содержимое в воду. Моей сестре в то время было десять лет, и от такой «работы» у нее случился нервный срыв. Спустя годы она рассказала мне, что на коробках были номера заключенных, и она все время искала номер нашего покойного отца»⁵.

2. Westbaracken – отдельные бараки в юго-восточной части Т.

3. Дневник Х. Платовской. ТД., с. 218.

4. Из интервью с Р. Мюнцер (Бейковской), ТА, 1992.

5. Из интервью с М. Штекльмахер (Бер), ТА, 1995.

Религия

И иудеям, и христианам разрешалось проводить религиозные обряды. Религиозных детей, исполняющих все предписания традиции, было немного. Соблюдение кашрута обрекало на голод, но некоторые его все-таки соблюдали, например девочка Тамара, дочь семитолога профессора Воскина-Нахартаби.

Другое дело – суббота и еврейские праздники. Их справляли во многих детских домах.

«Близится Ханука. Стоит подумать об этом празднике, как перед глазами возникает стол, вокруг него дети, а во главе – мать с отцом, отец зажигает свечи на меноре, которая стоит посреди стола. Атмосфера покоя, в детских глазах – озорство, в родительских – счастье.

Но можно представить себе и иную Хануку. В большой комнате длинный стол. Вокруг него молодые мужчины и женщины в белых праздничных хульцот. На столе стоит огромная менора с горящими свечами. Хаверим или поют, или читают вслух.

И последний образ, возникающий при слове Ханука. Темная узкая комната, за столом усаженные мужчины в кафтанах, на столе маленький медный подсвечник, над ним сморщенные старческие ладони, а возле него лежит старый зачитанный молитвенник»¹.

Детей-христиан в гетто было мало, христианская община состояла в основном из людей пожилых. Крест носить не запрещалось, правда, при обязательном наличии желтой звезды, молиться можно было в отведенные часы, проповеди иногда разрешались, иногда нет, и, от чего это зависело, не очень понятно.

«В нашей комнате жили 24 мальчика из Германии, – вспоминает П. Харрингер. – Я их терпеть не мог. На мне был крест, подарок тети Фриды, внутри него была земля с могилы св. Петра. Мальчишки отобрали у меня крест, высыпали из него землю, а сам крест сломали. Я носил звезду и крест. Немецкие дети сказали мне: «Это ты виноват, что мы в концлагере». Я виноват? В Терезине христиане молились на чердаке, там стояли деревянные лавки, а на стене был большой крест и икона. Я исправно ходил молиться. Я был и остаюсь католиком, хоть и не хожу в костел»².

Рождество в Терезине справляли многие. Часто иудейские и христианские праздники, следующие друг за другом по календарю, объединяли в один.

«Помню, для поднятия настроения мы устроили с ребятами «Праздник Света», – рассказывает Х. Райнерова. – Мы объединили Хануку с Рождеством. Такой вот единый общечеловеческий праздник... Среди ребят были христиане-полукровки. Мы не хотели развивать в них «религиозный» комплекс и старались сделать так, чтобы все дети поняли: дело не в религии, а в противоборстве добра и зла. Общим злом, понятно, была нацистская система»³.

Страница из тетради детского дома L 414. Рассказ «Празднование Шаббата». 1942. БТ.

«Красиво было у нас дома в Эрев-Шаббат! Хотя мои родители и не очень религиозные, но мама очень хорошо умела накрыть праздничный стол, и я всегда с нетерпением ждала папу, чтобы приступить к субботней трапезе. Не было недостатка ни в борще, ни в фаршированном карпе, ни в курином бульоне... Все было необычайно вкусно. И вино на столе всегда стояло. Когда папа приходил домой, мы все садились за стол

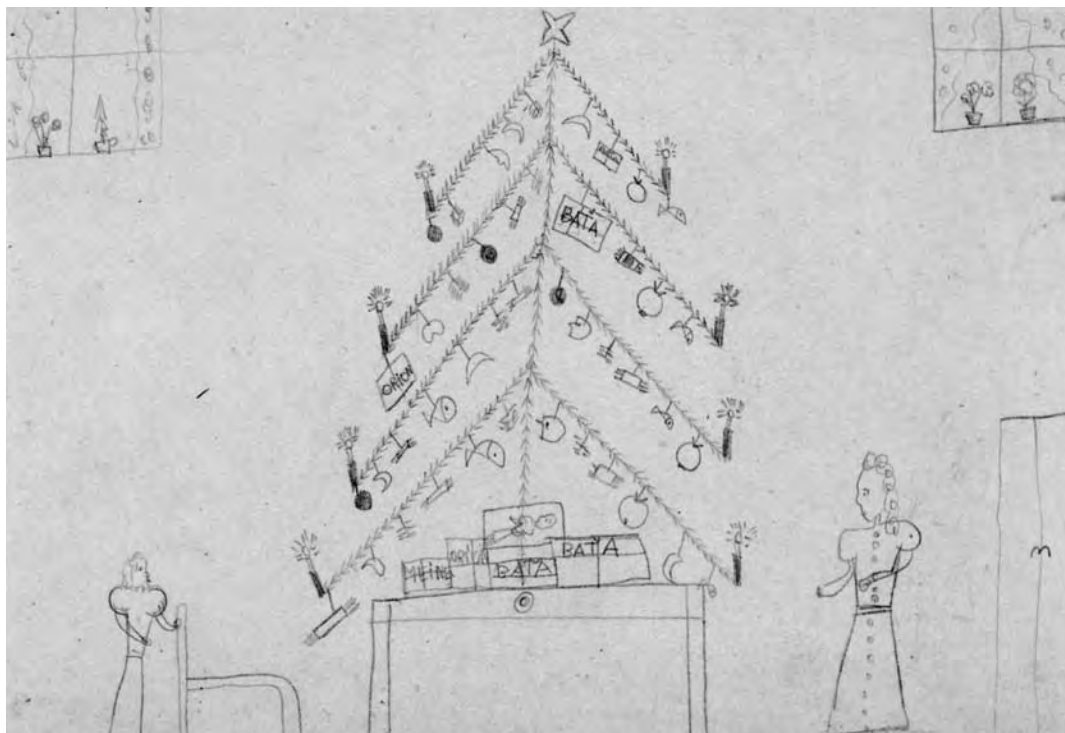
Зденек Вейнер (1929 – 1944). Еврей с крестом. 1943 – 44. ЕМГ

1. Из дневника М. Штекльмахер (Бер), запись от 22.11.1943.

2. Из интервью с П. Харрингером. Мода, США, 2002.

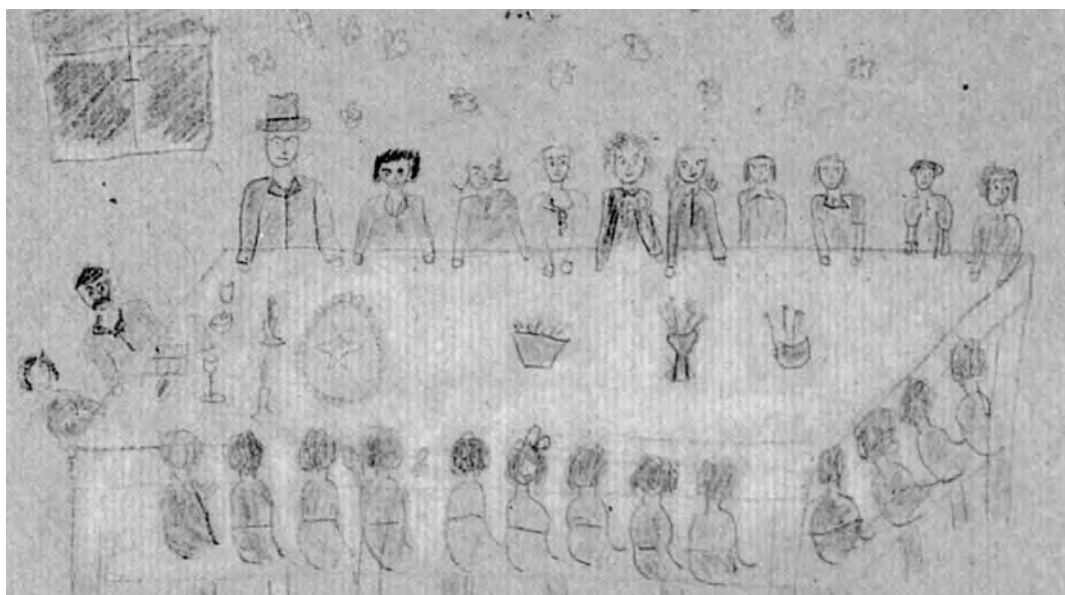
3. Х. Райнерова, из письма к Е.М., 1992.

и говорили молитву, и после молитвы субботняя пища казалась еще вкуснее. Зимой мы сидели за субботним столом возле теплой печки, ели печенье яблоки, и мамочка рассказывала нам истории или читала что-нибудь вслух. Летом мы постоянно ходили гулять, потому что жили в красивой местности. Так, в мире и в радости, пролетали наши шабатные вечера. И хотя мы не были особенно религиозны, мы все равно знали, что вечер в пятницу – это святое... Потом настали трудные времена...»

Нелли Сильвинова (1931 – 1944). Подарки под елкой. 1943. ЕМП

Неизвестный автор. ЕМП

Анна Клауснерова (1932 – 1944). Седер. ЕМП

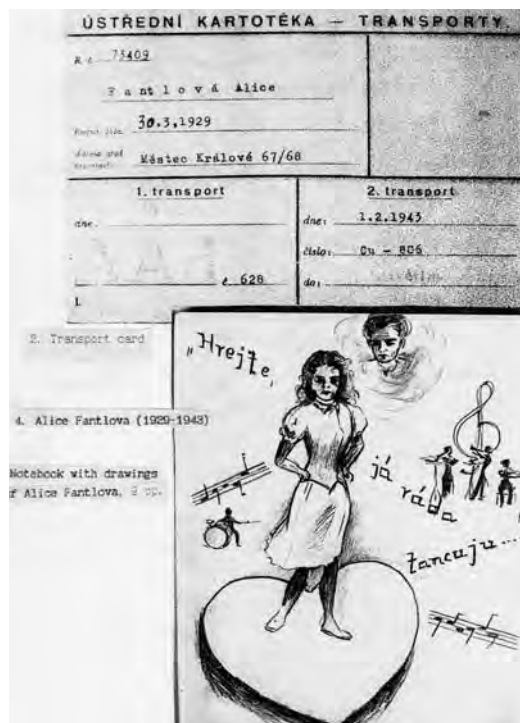
Берта Конова (1931 – 1944). Седер. III группа. ЕМП

Любовь

Девушки и юноши жили и воспитывались раздельно. Естественно, их тянуло друг к другу, встречаться было негде, и это обстоятельство только обостряло желание. Угроза разлуки, висевшая над возлюбленными, так же как и страх уйти из жизни, не испытав настоящего чувства, вызывали отчаянье. Чего только не придумывали несчастные возлюбленные, чтобы хоть на несколько минут остаться вдвоем! Об этом будет рассказано в повести «Любовь в сейфе», пока же ограничимся историей Риты Мюнцер (Бейковской).

«В Терезине у меня было много друзей. Одного звали Франта Майер (сейчас он живет в Америке). Он был намного старше меня. Он в меня влюбился, в то же время на него положила глаз женщина, которая следила в нашей комнате за порядком. Чтобы быть вместе, Франта раздобыл для меня пропуск за территорию – вывозить больных детей на солнечную поляну. И та взбесилась. Чтобы отвести от меня Франту, она отвела меня к парикмахеру и велела обрить наголо, сказала, что у меня вши. Франта пришел ночью, сел у моей постели и стал прислушиваться к моему дыханию. Он спросил ее: «Зачем ты остригла Риту, зачем ты это сделала?!» Она отвечала: «Я имею право делать все, что хочу». Он сказал: «Нет, ты не имеешь права делать все, что хочешь, не может быть, чтоб у нее одной были вши». Назавтра она повела стричь всех девочек. Я ее ненавидела. Через неделю она получила повестку на транспорт»¹.

Алиса Фантлова. Автопортрет. 1942. БТ

1. Из интервью с Р. Мюнцер (Бейковской), ТА, 1992.

Алиса Фантлова родилась 30 марта 1929 года в городке Местец-Кралове (Богемия). 13 июня 1942 года семья Фантловых прибыла в Терезин, а 1 февраля 1943-го Алиса с мамой Эмилией и отцом Иосифом были депортированы в Освенцим. Уцелевший альбом с рисунками — единственное свидетельство о жизни Алисы, о ее любви и отчаянном страхе перед разлукой с любимым. Альбом хранится в Бейт-Терезине.

Транспортная карточка Алисы Фантловой и рисунок из альбома «Играйте, я люблю танцевать!» Так называется чешская народная песня. И дальше: «Может завтра меня уже здесь не будет. Играйте, я хочу веселиться».

Алиса Фантлова. «Прощание, прощание». 1942 — 1943. БТ

На с. 45:
Рисунки из альбома Алисы Фантловой. 1942 — 1943. БТ

Дети-философы

«Вечер. Иду по стемневшему гетто. Я постоянно нахожусь в окружении стольких людей, и все же так одинока. Так ничтожна. Одна. Навстречу идет старичок с мешком на сутулой спине. Он еще более одинок, чем я. Старый, убогий. Ему куда хуже. Я еще молода, у меня есть надежды, мечты, идеалы – все это забыл старик»¹.

«По сравнению со Вселенной человек – всего лишь маленькое существо. Он слышит только себя, и поэтому Вселенная полна для него огромных загадок. Вечность, Бог, Природа, Ничто, Судьба, Провидение, Смерть, Жизнь – ни одно из этих явлений я пока еще не могу определить»².

В стихотворении «Садик», кажется, нет особой философии – одно щемящее чувство расставания с жизнью. Но если вдуматься, то мы увидим, что это притча о несовершенстве бытия. Человек – нераскрытый бутон. И именно в тот момент, когда он готов раскрыться, его лишают жизни.

Садик

Вот он, садик аленький.
Пахнут розы робко.
Ходит мальчик маленький
Узенькою тропкой.

И похож мальчоночка
На бутончик ранний.
Лишь бутон раскроется –
Мальчика не станет.
*Франтишек Басс*³

Дети решали этические проблемы. Им так хотелось, чтобы мир подобрел, чтобы человек проявил милосердие если не к врагам своим, то хотя бы к ближним.

«Бог, искусство, красота, добро – сегодня все это так далеко от нас. Наверное, пройдут сотни или тысячи лет, пока эти понятия настолько в нас укоренятся, что мы будем думать о них так, как сегодня думаем о вещах насущных – зарботке, пище и т.п. ... Имеет ли жизнь смысл сама по себе? Не человек ли призван наполнить ее смыслом?»⁴

«Стою на лугу и думаю: ну почему люди такие злые, а природа такая красивая и мирная? Каким бы прекрасным был мир, не будь люди такими противными! Говорят, что войны существуют для того, чтобы не было перенаселения. А не лучше ли, вместо того чтобы делать оружие, осваивать Арктику и пустыни? Человек – венец творения, он может мыслить, чего не дано зверям, и при этом он – низкое существо. Нам бы следовать заповеди Иисуса: «Возлюби ближнего, как самого себя». Но придет время, и люди будут жить именно так»⁵.

1.«Одна». Из дневника М. Штекльмахер, 14.3.1944.

2.«Вселенная и человек». Там же, 14.3.1944.

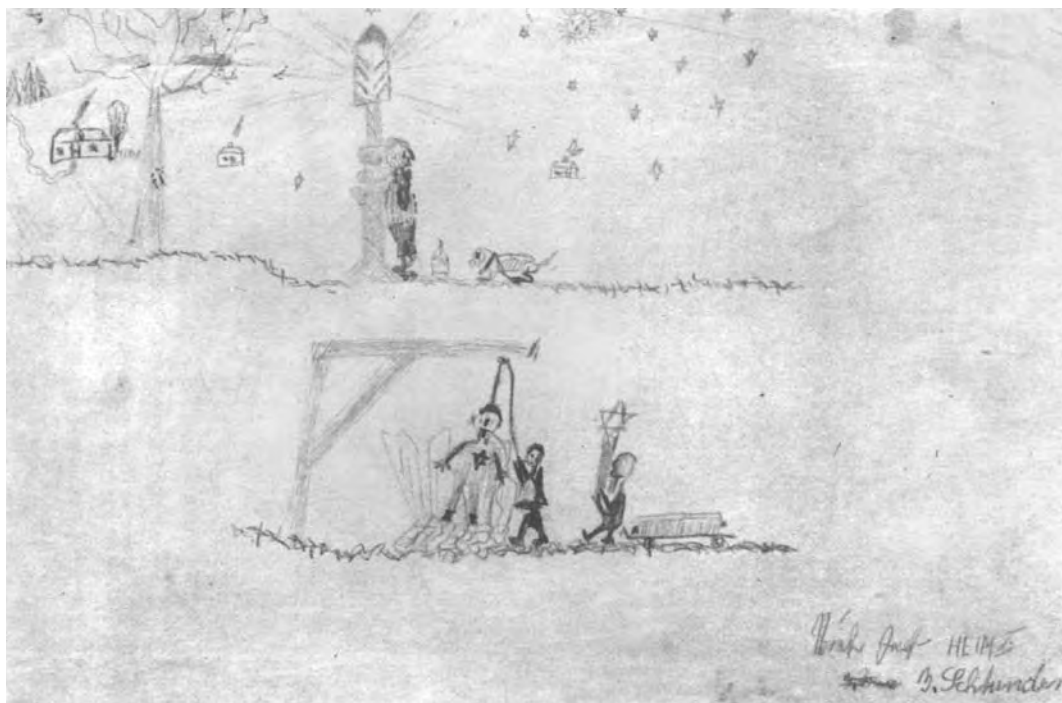
Ева Хеска (1932 – 1944). Фрагмент рисунка «Рай. Комната 13, 2-я группа, 35-й урок». ЕМП

3. Франтишек Басс (1930 – 1944).

4.«Представление о будущей жизни и будущих людях». Из дневника М.Штекльмахер, 11.6.1944.

5. Там же, 1.5.1944.

Йозеф Новак (1931 – 1944). Два мира.
ЕМП

Личность и коллектив

В системе «казарменного коммунизма» воспитание в коллективе было единственной альтернативой. Но может ли человек в такой ситуации сохранить самобытность и творческий потенциал?

«Крупномасштабное воспитание в коллективе проводится лишь в неблагоприятных социальных и общественных условиях, при ослаблении семьи и общества, – говорила в своем докладе на педагогическом семинаре проф. Г. Баумлова. – До сих пор такое воспитание практиковалось лишь в качестве переходной фазы (СССР, Палестина, Терезин). Улучшение социальных и экономических условий влечет за собой возврат к семейной жизни»⁶.

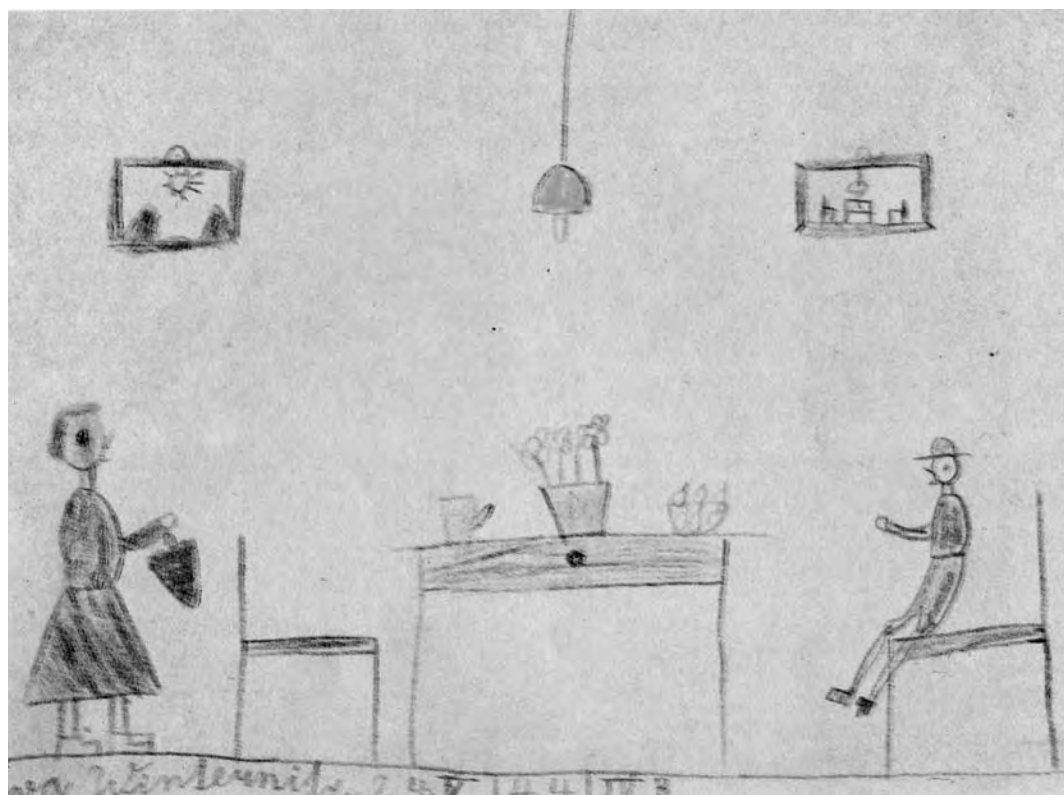
В коллективе, функционирующем по модели семьи, отмечались семейные праздники. Если в среднем в каждой комнате проживало 24 человека, стало быть, столько же раз в году там устраивались пиршества и дарились подарки. Этому событию посвящено много страниц в детских дневниках. Ведь нужно было найти что подарить, нужно было копить сахар и маргарин на «пирог» и пр.

Некоторые дети уже не могли представить себе жизнь дома. «Если бы Терезина не было, его надо было бы выдумать – вот была бы скука торчать дома, с родителями...» – писала девочка-подросток⁷.

6. Э. Попперова. Конспект лекции Г. Баумловой. Т., 1943. ЛА.

7. Ленка Линдтова. Письмо к учительнице. «Тетрадь L 410». Т., 1943. БТ.

Часть 1. Образ жизни

Эва Винтерникова (1935 – 1944).

24.5.1944. IV урок. ЕМП

Тоска по дому выражена в рисунке повтором: символы стабильности – стол (на нем цветы, ваза с фруктами и кружка), стулья и люстра – повторены на картине справа.

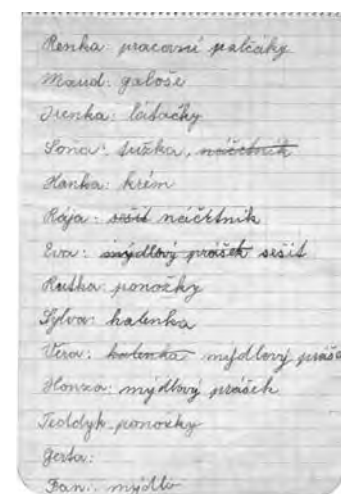
Тетрадь L 410, стр. 1. «Поздравляем с днем рождения». 18.10.1943. БТ

Тетрадь L 410, стр. 2. БТ.

Единственное «печатное издание» дома L 410 было приурочено ко дню рождения Э. Редлиха. В «Тетради» собраны сочинения девочек от 11 до 18 лет на темы: «Наиболее важное событие, произошедшее со мной в детском доме; из истории нашего дома; как повлиял детский дом на мое развитие».

Ева Брандейсова, 1930 г.р. Список полученных подарков. 13.2.1945. ЕМА.

«Ренка: перчатки для работы, Мауд: галоши, Иренка: штопка, Соня: карандаш, Ханка: крем, Рая: альбом для набросков, Эва: тетрадь, Рутка: носки, Сильвия: блузка, Вера: мыльный порошок, Гонза: мыльный порошок, Тедик: носки, Герта: Фан: мыло».

Репатриация или ассимиляция?

С ростом антисемитизма и приходом Гитлера к власти идея сионизма, т.е. создания еврейского государства-убежища, стала особенно актуальной.

Пятнадцатилетняя девочка рассуждает:

«Существуют три типа евреев: А – сионисты, Б – ассимилянты и В – религиозные. Если бы были только группы «А» и «Б», еврейский вопрос решался бы проще. «А» поехали бы в Палестину и там бы эмансипировались, «Б» могли бы ассимилироваться, поскольку 1) хотят этого сами и 2) им никто не будет чинить препятствий, ибо чем меньше евреев в галуте, тем легче ассимиляция. Группа «В» – отдельная история. В отношении к ней очень трудно решить еврейский вопрос: в Палестину они не желают, ассимилироваться не хотят. Их много, их отличает безответственность и эгоизм. ... Мы достигнем равноправия только при наличии Родины»¹.

В Терезине сионисты чувствовали себя как иудеи в плену египетском. Вот только современный фараон не желал отпускать их на волю. Тем не менее они готовили молодежь к репатриации в Обетованную Землю – преподавали иврит, еврейскую историю, пропагандировали забытые еврейские традиции.

Из протокола заседания актива «поселенцев»:

«Терезин, 2.2.44. Решено собрать воспитателей детских домов и пригласить детей на неделю иврита, чтобы подготовиться к отъезду в Палестину. Иврит – путь к еврейской культуре. Борьба против еврейского антисемитизма. [Намек на терезинских коммунистов.] Обратить внимание на праздничный характер открытия недели иврита. Чтецы должны быть одеты в черные костюмы и белые рубашки.

Необходимо продолжать борьбу за еврейский характер гетто»².

«Те, кому довелось побывать в Эрец Исраэль, проводили «лекции-экскурсии» по Палестине. Устраивались танцы, игры, спортивные состязания... В эти часы мы забывались и воображали себя свободными...»³

Организация «Ахшара», вслед за идеологом кибуцного движения и еврейского социализма А. Д. Гордоном, уделяла главное внимание сельскому труду. Еврейский староста Якоб Эдельштейн пообещал нацистскому командованию «свои» фрукты и овощи – и в первый же год на землях, прилежащих к крепости, был собран большой урожай. Продукцию забирала комендатура, но дети работали на свежем воздухе и тайком пополняли свой скудный лагерьный рацион.

Дети на уроках изучали географию Палестины, рисовали карты с синими морями, желтыми пустынями, коричневыми горами и зелеными точками. Точки – это еврейские колхозы – кибуцы.

Палестина – притягательная тема для терезинских «будетлян». Подростки мечтали построить свою собственную Страну, которая представлялась им одним большим кибуцем.

«Не хочу оставаться в галуте; уеду в страну, о которой могу сказать одно – она наша, – пишет Мауд Штекльмахер. – Я – не упертая националистка, но отказываюсь жить за чужой счет. ... В кибуцах будет жить рабочий класс, но это будут мыслящие люди, а не автоматы. Их цель – не богатство и пустое наслаждение, а образование, труд и служение добру. Жизнь улучшится, если сам человек станет лучше. Не должно быть никакого разделения между интеллектуалами и рабочими. Задача земледельца – сделать землю плодородной, задача

1. «О евреях». Из дневника М. Штекльмахер (Бер), 30.4.1943.

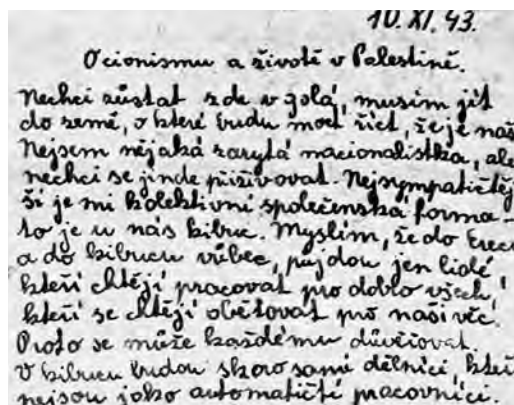
2. ЯВА, 064.

3. Из интервью с Л. Гидрон-Вурцель, кибуц Здей-Нехемия, 1998.

Часть 1. Образ жизни

врача – лечить. Оба равно необходимы, каждый знает свое дело, и при этом у них много общих интересов, которым они посвящают свободное время. Так между земледельцем и врачом возникают дружеские отношения. Мне кажется верной программа Герцля о семичасовом рабочем дне в две смены. Это даст возможность полноценно трудиться и при этом иметь достаточно свободного времени. И не нужны будут рестораны, салоны красоты и прочие выкрутасы, с которыми в жизнь проникают ложь, легкомыслие, зависть и прочая дурь. Что касается школы, ее должны посещать дети до 14 лет. А потом пусть каждый сам для себя решает, хочет он продолжать учебу или нет. В обществе равных выбор не будет зависеть от условий и воли родителей.

Представляю себе Эрец как новую страну, которая справится с теми ошибками, которые мы совершили, живя среди чужих народов. Как только наш народ объединится, объединится весь мир. ... Сможет ли Палестина послужить примером? Думаю, что до того, как мы объединимся, нам предстоит пережить полное перерождение. В Эреце, как и в каждой стране, будут капиталисты и бедняки. Мы столкнемся с уже известными ошибками, которые придется исправлять. Чтобы не жить в постоянной обороне, нам нужна Родина. Ее возрождение»¹. В отличие от сионистов, коммунисты считали свою принадлежность к еврейству фактом случайным и несущественным. Будущее они связывали с победой СССР и строительством социализма.

1. «О сионизме и жизни в Палестине», из дневника М. Штекльмахер (Бер), 1943 – 1944.

2. Интервью с Эвой Штиховой-Бельдовой. Прага, 1988.

Эва Штихова-Бельдова рассказывает: «По ночам я переписывала «Капитал» Маркса и «Заметки по национальному вопросу» Сталина, а также все новости, которые получали по радиоприемнику. Где он находился, никто не знал. С Франтой Краусом, связным, я была знакома еще по пражскому подполью. В Терезине я выполняла его поручения по переписке. Я писала по-чешски печатными буквами, чтобы никто не узнал почерк, и носила в зубах малюсенькие бумажки женщине-стоматологу. Такая конспирация»². Но даже убежденный коммунист Вальтер Айзингер призывает своих воспитанников мыслить широко и не следовать догмам. В передовой журнала «Ведом» он пишет: «Мне приятно удовлетворение то, что в дискуссиях или журнальных очерках ... проявляется ваше критическое отношение к чужим мнениям, даже к мнениям взрослых и образованных людей. Критиковать – не значит отвергать. Важно, чтобы вы научились мыслить самостоятельно,

Слева направо:
Неизвестный автор. Прага. ЕМП

Мауд Штекльмахер, 1929 г.р. О сионизме и жизни в Палестине. 10.11.1943. Страница из дневника. ЛА

Почетная грамота, выданная Зееву Шеку за отличное владение ивритом: «Говори на иврите и арабском! Удостоверение отличника. Зеев Шек получил это удостоверение в виде почетной грамоты и как свидетельство, что он овладел ивритом. Нет возрождения народа без возрождения языка! В память о Неделе иврита. Диаспора, Терезин, месяц шевет» (январь или февраль). ЯВА

чтобы в будущем не стали разменной монетой сегодня одного, а завтра другого политика». Чешские патриоты воспевали президента Масарика, праздновали подпольно дни рождения Первой республики и мечтали вернуться в любимую страну.

«Мы уже второй раз справляем 28 октября, 25-ю годовщину освобождения Чехословакии из-под гнета Габсбургской монархии. И скоро придет еще одно 28 октября, это может случиться в январе или осенью, в некий день, месяц и год. Это произойдет совершенно неожиданно, и мы все будем радоваться и целоваться. Вернутся защитники Чехословакии (Бенеш – Масарик)³, у нас снова будет свободная страна, и над чехословацкими землями разнесется «Где родина моя»⁴.

«Лекциями я пропагандирую все чешское, – писал Оскар Квитнер. – Даже сказками, где действие происходит в волшебной Индии, мне удастся пробудить в детях горячую любовь к родной чешской земле»⁵.

Вот некоторые из чешских докладов, прочитанных взрослыми для детей и молодежи:

Чешская литература для детей. – Поэзия молодых чешских поэтов. – Молодые чешские прозаики. – Прага в чешской поэзии. – Чешские книги, книжные магазины и издатели. – Основание и развитие Праги: архитектурные стили. – Прага: готика и барокко. – Прага в XVIII веке. – Прага и ее обитатели. – Жизнь и творчество Отокара Фишера. – Иржи Волкер, поэт и гражданин.

Патриотам Германии и Австрии было труднее – фашизм лишил их родины.

Агрессия и терпимость

«Садомазохизм в комнате девочек, – записывает Редлих. – Учительница хотела наказать их и обсуждала с ними виды наказаний. Дети предложили оплеухи, щипки, битье по ногам. ... Врач Баумлова хочет проанализировать их рисунки»⁶.

«В одном из детских домов я услышал, как ребенок кричит «сионистские свиньи», – пишет далее Редлих. – Я сказал об этом воспитателю, и тот прислал ко мне ребенка. Я объяснил ему, что у нас каждый имеет право на собственное мировоззрение, но при этом необходима огромная терпимость к другим».

Дети из рейха поначалу принимались в штыки детьми Протектората. Чешские дети не желали ни слышать, ни изучать немецкий язык. «Моя сестричка Соня решила, что не будет учить немецкий, поскольку после войны это будет мертвый язык, нечто вроде латыни»⁷. Дети, чей родной язык был немецкий, напротив, с большой охотой изучали чешский. «Чешские дети были симпатичные, – рассказывает П. Харрингер, – и я добился, чтоб меня к ним перевели. Я учил по двадцать слов в день, с очень хорошенькой беленькой девочкой, так жаль, что она погибла. Мы сидели спина к спине, она учила меня чешскому, а я ее – немецкому. Я увивался за чехами. Узнал от них про Масарика. Когда пришла Советская Армия, я пришел к рукаву чешскую эмблему»⁸.

Учителя не читали нотаций, они разговаривали с детьми на равных. «Должны ли наша ненависть, наш праведный гнев и суд пасть на всех немцев без исключения?.. Хотим ли мы обрушить на врага возмездие с той же несправедливой ненавистью, с какой он обрушивает его на нас?» – спрашивает ребят В. Айзингер. И получает ответ: «Затравленные, униженные злобой мира, мы не станем наполнять злобой свои сердца. А любовь к ближнему, уважение к другим нациям, народам и религиям будут ныне и присно нашим наивысшим законом!»⁹

3. Чехословацкое «Правительство в изгнании» во главе с Эдуардом Бенешем базировалось во время войны в Лондоне. Ян Масарик, сын первого президента республики, впоследствии погиб от рук советских гэбистов.

4. Начальные слова национального гимна Чехословакии. Цит. из дневника Хельги Поллаковой (Кински).

5. Оскар Квитнер (1905 – 1945). Запись в альбом М. Салюсу, 31.7.1944., ЕМП

6. Редлих, 1.4.1943. ТД, с. 178.

7. М. Витовцева (Шпицова). Из письма к Е.М., 1997.

8. Из интервью с П. Харрингером. Мода, 2002.

9. Вальтер Рот. Политический реферат. «Ведом», № 2. Вальтер, первый председатель самоуправления, погиб в Освенциме осенью 1944 г.

От Сони Шпицовой осталось 40 рисунков. По ним видно, с какой страстью училась она рисовать, как тщательно работала над каждой темой. Какая хорошая девочка, — подумала я, — вот бы узнать о ней хоть что-то. Прошло лет десять, и мне удалось разыскать ее старшую сестру Марию Витовцову в маленьком городке Водняны, неподалеку от Чешских Будевиц. Мария встретила меня на улице, с собачкой. Дома мы отогрелись, разговорились, и Мария показала мне доверенный семейный альбом. Она, единственная из семьи, выжила. Мама, она и Соня ехали в Освенцим 6 октября, вместе с Фридл. Она не хотела об этом говорить, но позже присылала мне письмо с подробным описанием. Письмо помещено в главе «Транспорт Ео».

Мария живет одна. Образования ей получить не удалось, все семейное имущество пропало, нужно было все начинать сначала. Работать. Она рассказывала мне, как на конвейере птицекомбината она фасовала кровавые потроха, и как ей было страшно. Сейчас она на пенсии. От мужа в наследство ей остались чемоданы открыток, он собирал их всю жизнь. Мария советовалась, как поступить ей со столь ценной коллекцией. На выставку Фридл в Чешском Крумлове она приехала с собачкой, своим единственным другом. Долго стояла у рисунка Сони, потом сказала: «Это огромное событие в моей тихой неприметной жизни».

Слева направо:
Соня и Мария гуляют с родителями в парке. «Отец, — говорила Мария, — был большим юмористом, а мама тихой и ласковой». Фото 1938 г.

Мария и Соня. 1940. Фото из альбома.

Соня Шпицова. 1938. Фото из альбома.

Помощь старикам и больным

В организации Яд Томехет («Рука помощи»)¹ на добровольных началах работали подростки. В каждом «звене» было пятеро человек.

«Дети приносили старикам еду, меняли белье, вызывали к больным врача. Я никогда не слышала ни об одной украденной корочке хлеба, но знаю, что Петр отдал бабушкам из № 211 свой сахар, двухнедельную порцию... Рассказать ли вам о семилетней девочке из Праги, которая приносила свою порцию супа немецкому еврею? Полуслепой старик лежал в изоляторе, и как-то раз девочка спросила его: «Можно я буду называть тебя дедушкой? У тебя нет внучки, а у меня нет дедушки». Дружба длилась до тех пор, пока приемный дедушка не получил повестку. Здоровье его было никудышным, в шлойску его несли на носилках. Но приемная внучка не забыла своего терезинского дедушку»².

Отношение подростков к потерявшим облик людям не всегда было столь идиллическим, их вид вызывал не только жалость, но и раздражение, желание отвернуться, чтобы всего этого не видеть.

«Вы еще помните прежние времена, когда старикам уступали место в трамвае? — спрашивает ребят воспитатель П. Счастливый. — Помните, как мать нагибалась за упавшей вещью и вы бросались ей на помощь? Мы живем в Терезине, городе, где воруют, торгуют из-под полы, где побеждает сильный, где правят первобытные инстинкты, где сражаются за пор-

1. Эта добровольная организация была создана в Т. эмигранткой из России Соней Окунь.

2. И. Лаушерова. Терезин, 1965, с. 90.

цию добавки, за обувь и одежду, за место в очереди за едой или к зубному врачу. Здесь не существует почтения к старости, некогда озаренной добротой – вспомните лицо бабушки, матери вашей мамы. Здесь перед вами проходят сотни, тысячи голодающих, больных, вызывающих к помощи стариков из Вены, Берлина и Кёльна. Стариков из Протектората увезли в скотовозах на восток, чтобы они больше н и к о г д а (вы понимаете ужас этого слова!) не увидели своих детей и внуков. Сегодня в Терезине проживает несколько тысяч немецких стариков и старух. Они оказались не просто в гетто, но и в чужой стране и, следует признать честно, во враждебной среде. Голод, кошмарный быт, болезни и горькая тоска – все это вызывает в них нервозность, подозрительность, агрессивность. ... Но ведь и нам никто не сделает уколов, искусственно продлевающих жизнь и замедляющих процесс умирания. Где-то там, в Польше, тоскует о вас старая, больная, голодная, одинокая мать вашей матери. Давайте отнесемся к старикам со всем тем теплом, какое сохранилось в наших душах с детства, давайте улыбнемся им со всей сердечностью, давайте поддержим этих бедолаг из Германии, больных, покинутых, голодных»³.

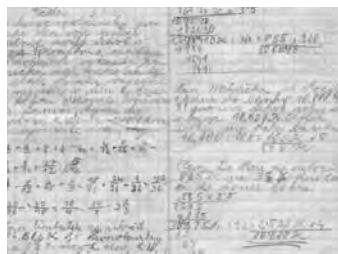
Образование

Психолог и философ Виктор Франкл, узник Терезина, Освенцима и других лагерей, писал в книге «Человек в поисках смысла» о том, насколько важно, чтобы в роковой момент борьбы за выживание у человека была «сверхзадача».

В Терезине «сверхзадачей» стало образование. «У меня был тиф, – рассказывает Рая Энглендерова, – я была на волосок от смерти. Медсестра принесла мне письмо от отца. Я раскрыла его, и буквы заплескали перед глазами. Из последних сил я пыталась читать. Вот что он писал: «Сдается мне, что ты слишком долго бездельничаешь. Тебе уже лучше, пора вернуться к занятиям, пока все не позабыла. Посылаю тебе несколько задач, реши их, я проверю и пришлю еще».

Я заставила себя сосредоточиться, решила задачи и в полном изнеможении протянула бумагу медсестре. Через день или два получила письмо с исправлениями и новые задачи. Это стало меня занимать; постепенно я очнулась от затмения... И вот настал день, когда я смогла подойти к окну и увидеть отца. Мы молча смотрели друг на друга... «Почему ты плачешь? – спросил меня папа. – Ты отлично справилась с задачами!»⁴

Работа с детьми укрепляла дух и самих педагогов. Они чувствовали себя востребованными, и это помогало им справляться с собственными проблемами. «Вы, именно вы, явились для меня неисчерпаемым источником силы, благодаря вам я сумела преодолеть все ужасы и не-счастья», – написала в прощальном письме своим воспитанницам педагог Магда Вайсова⁵.

3. Пепек Счастный. «Ведем», № 10. Пепек (Йозеф) Счастный (1916 – 1944) родился в Немецком Броде. Работал редактором в одном из пражских издательств. 27.7.1942 г. депортирован из Праги в Т. Как раз в это время был организован детдом L 417, где Пепек и получил «постоянную прописку».

4. Из рассказа Раи Жадниковой (Энглендеровой). Ее отец Артур погиб в Освенциме, а мать Роза, старшая воспитательница в L 410, выжила. Рая, профессор педиатрии, живет в Праге.

5. Полный текст письма М. Вайсовой читайте на с. 368.

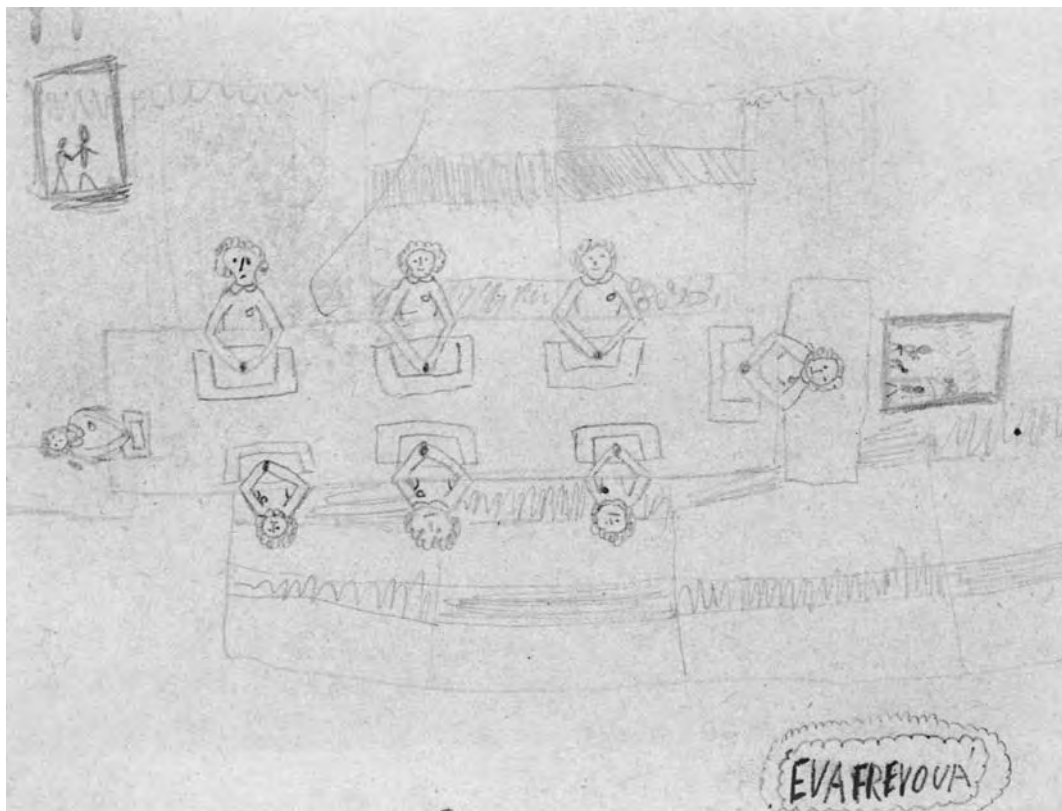
Слева направо:
Эва Брандейсова. Обложка школьной записной книжки. ЕМА

Эва Брандейсова. Сочинение «Пчела» и арифметические задачи, 1944. ЕМА

Эва Брандейсова. Диктант, 14.11.1944. «Микулов». ЕМА

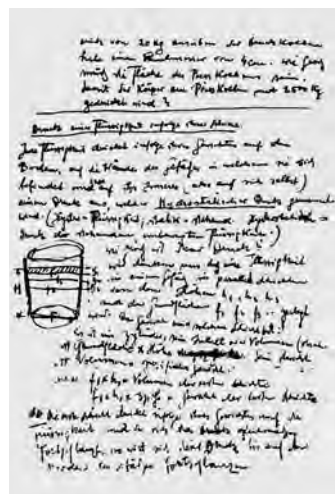
Эва Брандейсова. Английский словарь, 1944. ЕМА

Часть 1. Образ жизни

Эва Фрейова (1932 – 1944). Урок. ЕМП

Эва Фрейова (1932 – 1944). Урок. ЕМП

Роза Энглендерова. Довоенное фото. ЕМА.

Артур Энглендер. Довоенное фото. Архив Р. Жадниковой.

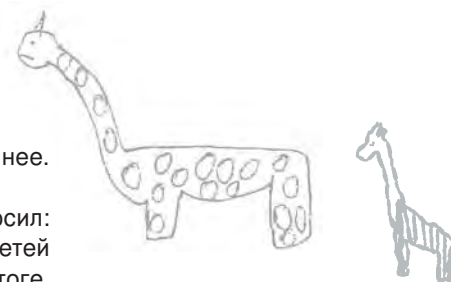
Страница из письма А. Энглендера дочери. Архив Р. Жадниковой.

Младшие школьники

Сложнее всего было учить детей, родившихся во время оккупации или незадолго до нее. Они не знали простейших вещей.

«В 1943 году десятилетний мальчик из Австрии, прочитав предложение «Это лес», спросил: «А что такое лес?» – вспоминает И. Лаушера. – Мы написали по памяти буквари для детей 3 – 8 лет. Разгорелся спор, как учить чтению – методом слов или фонем? В конечном итоге, каждый учил как привык или считал правильным. Никогда не забуду двух книг по методу чтения целых слов. По моей просьбе их написал и проиллюстрировал Руди Орнштейн. К сожалению, они пропали во время дезинфекции... В Терезине, как и в Праге, дети читали: «Это собака», «Это кошка», «Собака бежит», «Кошка бежит».

Еще мы готовили с Руди букварь на немецком языке для лежачих туберкулезных детей из Вены. Но закончить не успели – Руди отправили в Освенцим. Пришлось мне вырезать рисунки Алеша¹ из старого буквари и вписывать туда слово за словом»².

Ильза Готцлер (1936 – 1944), ученица Труды Гроаг. Жирафы. БТ.

1. М. Алеш (1852 – 1913) – известный чешский художник.

2. И. Лаушера. Терезин, 1965, с. 88.

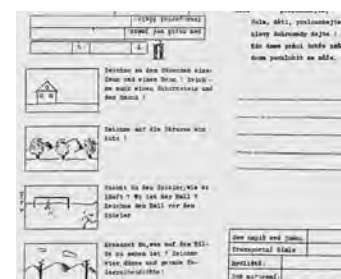
Ирма Лаушера, 70-е годы, Прага. ЕМА.

Ирма Лаушера. Страница из учебника. «Это папочка. Это мамочка. А это дедушка. Это Еник и Аничка. У дедушки есть машина. Папочка дал дедушке собаку. Еник плачет. Почему Еник плачет?» ЯВА

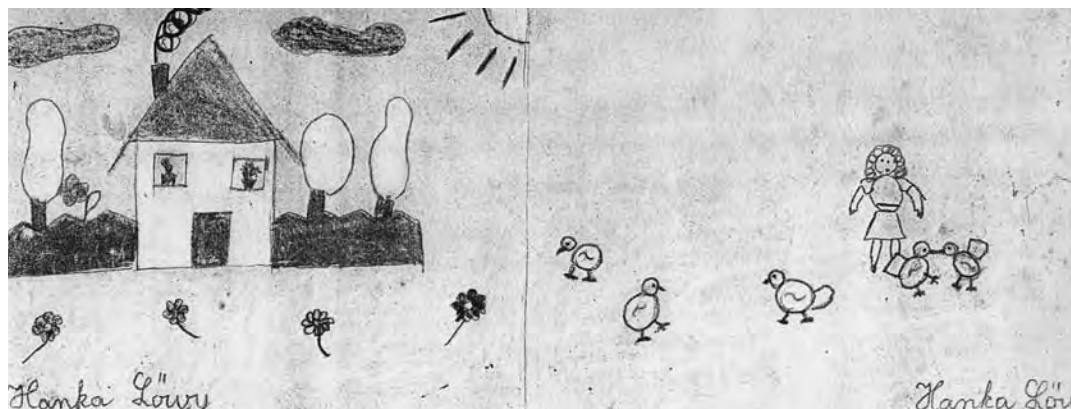

Ирма Лаушера. Страница из учебника. «Прага на столе. Снаружи холодно, дома тепло. Еник играет. На столе стоят дома, дом подле дома. На столе улица. И деревья. На столе уже целая Прага. Осторожно! Едет машина! Ту-ту-ту! Машина едет по улице. За машиной бежит собака. Гав-гав-гав! Собаке машина не нравится. Еник построит еще один дом».

Учебное пособие-формуляр. «Впиши свое имя. Впиши сюда свой транспортный номер». (По-немецки): 1. Подпиши к домику изгородь и дерево! Подпиши также трубу и дым. 2. Нарисуй автомобиль на улице. 3. Ты видишь, как бежит игрок? Где мяч? Нарисуй для игрока мяч! 4. Узнаешь, что на картинке? Нарисуй четыре тонких и прямых телеграфных провода!»

Часть 1. Образ жизни

Хана Лёви (1933 – 1944). Радостные воспоминания. БТ

Миша Лаушерова. Пыльные ворота и Прага. Архив М.Лаушеровой

Неизвестный автор. Кошка и собака, 1942 – 1944. ЕМП

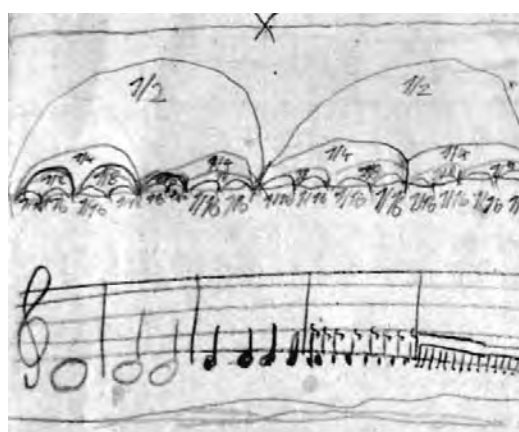
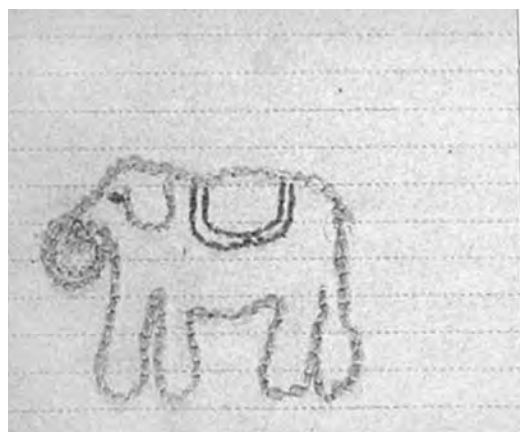
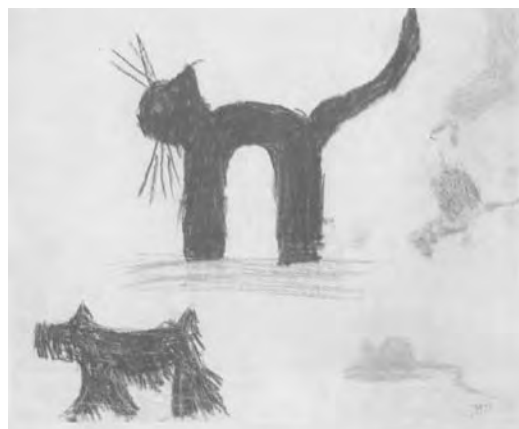
Неизвестный автор, ученик Т. Гроаг. Слон, вышитый на бланке. 1942 – 1944. БТ

Неизвестный автор, ученик Т. Гроаг. Обучение музыкальной грамоте. БТ

Внизу:

Ирма Лаушерова. Наш учебник по чтению. ЯВА

Письмо шестилетней Миши Лаушеровой из терезинской больницы маме Ирме. «Дорогая мамочка здесь много вкусного иногда и мясо мама иногда и овощечки. У меня нет зуба. Знаешь кто мне его вырвал. У меня все в порядке. А что ты делаешь? Мама, пришли мне того пупса. А что делает папа? Всего доброго». Архив М. Лаушеровой.

Лекции

При отсутствии школы лекции стали важным источником знаний. Многие терезинские лекции помечены буквами «ЮФ», т.е. «Югендфюрзорге», «Попечение молодежи». Отвечал за составление программ профессор-античник Максимилиан Адлер¹. Еще до Терезина, в оккупированной Праге, он создал сеть обучения еврейских детей на дому. В Терезине, будучи председателем педагогической комиссии и ответственным за лекции для молодежи в ОДМ, М. Адлер составлял предметные и тематические программы и подбирал лекторов, благо высококлассных специалистов было хоть отбавляй.

Писатель Г. Г. Адлер в своем фундаментальном труде о терезинском лагере помянул Максимилиана Адлера добрым словом как «руководителя лекционной программы для юношества, выдающегося гуманиста и исследователя в области филологии, одного из благороднейших и чистейших из тех, кто занимал важные должности в Терезине»².

В одном из номеров «Ведема» Петр Гинц описывает лекцию по Гоголю, проведенную молодыми филологами П. Тауссигом (доклад) и Н. Фридом (чтение текстов). В конце Петр добавляет: «Мы с нетерпением ждем целого цикла докладов о русских писателях».

Лекции читались в детских домах, библиотеке, в любых свободных помещениях, от чердаков до подвалов. Помимо «программных» докладчиков, каждый воспитатель мог пригласить лектора, который казался ему или ребятам наиболее интересным. Вот несколько примеров:

Детдом	Лектор	Лекция
L 216, детская библиотека	Инж. А. Энглендер	Бернулли и его время
L 216, детская библиотека	И. Додалова	Развитие кинематографа
L 216, детская библиотека	Проф. А. Бергель	Техника живописи
L 218	Д-р К. Фляйшман	Вавилонское пленение
L 318	Проф. И. Кестенбаум	Бялик и его идеи
L 318	Проф. М. Воскин-Нахартаби	Метрика стиха
L 319, чердак	Д-р Р. Грабовер	Психология масс
L 410	З. Елинек	Р.М. Рильке
L 410	Р. Шульхоф	Сказки братьев Гримм
L 410	Д-р А. Вальд	Таблица Менделеева
L 414	Д-р К. Арнштейн	Классические баллады
L 414	В. Фрейд	Еврейский юмор

1. Проф. Максимилиан Адлер (1884 – 1944) – филолог, историк, педагог, диссертация «Диалоги» Плутарха (1906). Преподавал в Галльском университете и в Немецком университете в Праге. Автор книг о Плутархе (1910) и Филоне Александрийском (1929).

2. H.G. Adler, Theresienstadt, 1941 – 1945, Tuebingen: J.C.B. Mohr, 1960, с. 587.

Максимилиан Адлер. Довоенное фото. Семейный архив Адлеров

Профессура слушает доклад проф. Эмиля Утица. Второй справа – Максимилиан Адлер. Кадр из нацистского пропагандистского фильма

«Чему я училась в лагере»

16-летняя Эрна Попперова в Терезине работала воспитательницей. При этом она успевала учиться и посещать спектакли, концерты и кабаре. Судя по кратким записям в ее календаре-ежедневнике за 1943 – 1945 гг., Эрна за два с половиной года посетила 621 занятие, включая уроки, лекции, семинары и практические занятия. На первом месте – уроки русского (92), затем следуют занятия психологией и педагогикой (83), графологией (64), искусством (56), экономикой (49) и латынью (48). Эрна занималась также английским, французским, физикой, математикой, правом, музыкой, физкультурой и т.п.

В лагере она прочла 147 книг на чешском, немецком, русском, английском и французском языках – художественную прозу и поэзию, а также книги по философии, психологии и религии. Из литературы Эрна предпочитала классику: Гёте, Роллана, Золя, Пушкина, Тургенева («Записки охотника» отмечены дважды), Л. Толстого, Маяковского, Твена, Моруа, Немцову и пр. Кроме того, она посетила 200 культурных мероприятий, половина из них приходится на лето 1944 года. В 1943 году она четырежды ходила на «Фауста» (представление игралось частями), а в 1944 году дважды слушала «Реквием» Верди, посещала концерты пианистов Г.Кляйна, Б. Каффа, Э. Штейнер-Краус и А. Зоммер-Герц.

Эрна Попперова (Фурман) с родителями, 1938. САФ

Обложка календаря. «Календарь 1944 года. Эрна Попперова, L 318». САФ

Эрна Попперова. Страницы из календаря. 1) Записи о прочитанных книгах: Карел Чапек – Из жизни насекомых; Оскар Уайльд – Гранатовый домик; Моруа – Рассказы д-ра Гради; Доде – Письма с мельницы; Харвей Аллен – Приключения Антонио; Д-р Эрге – Психология и педагогика; Моруа – Эдуард VII и его время; Чехов – Бабье царство; Шолом Аш – Петербург, Варшава, Москва; Бальзак – Величие и падение Цезаря Бирото, Блеск и нищета куртизанок; Кронин – Цитадель. 2) Посещение мероприятий отдела досуга: Штраус – Летучая мышь; фортепьянный концерт – Гартнер-Герингер; Франк – Прелюдии; Бах – Итальянский концерт; Бетховен – соната, опус 90, соната Quasi una fantasia («Лунная» соната), опус 27, № 2; Трио S-Dur (фортепьяно, виолончель, кларнет); Соната F-Dur (фортепьяно).

Страница из календаря 3 – 13 июня 1944. Роршах; Гартнер-Герингер; графология; рисование; физкультура; Блюмендаль; графология; Моцарт; физкультура; русский; рисование; Шехтер; Роршах; право; графология; Реквием; рисование; стенография; массаж; Сметана.

Посещение концертов, организованных ОД. Страница слева: «Фортепьянный концерт C-moll; вечер скрипки и фортепьяно; Бетховен – Соната A-moll; Вивальди – концерт C-moll; Моцарт – Соната D-dur; С чешских полей и лугов, 3 вечерних песни; 4 чешских танца («Курочка», «Медведь», Полька F-dur, «Оседлаем коня»); арии из «Проданной невесты» и «Поцелуя»; фортепьянный концерт – Штейнер-Краус; Скарлатти – 3 сонаты; Мендельсон – Соната E-dur, опус 6. Страница справа: Сук – Весна. 1. Весна. 2. Ветерки. 3-4. Пробуждение. 5. Тоска любви; Равель – сонатина; Берман – вечер песни: Вольф, Бетховен, Хаас, Дворжак; Райнер и Фройденфельд – сказки и песни. Гайдн – Творение.

Семинары

«Проблема образования, сложная в принципе, в Терезине усложнена во сто крат, – писал педагог Луис Лёви. – Среда оказывает огромное влияние на развитие молодежи, и нельзя не учитывать этот фактор. Цель у нас одна – воспитание свободолюбивой независимой личности, способной найти призвание и место в жизни. Здешняя ситуация – сильнейшее препятствие к этому, однако педагог ни в коем случае не должен терять из виду главную цель. Наша молодежь здорова, полна энергии. Педагогам остается лишь задействовать эту энергию, ввести ее в русло творческой работы и самореализации. Предпосылкой может послужить знакомство с мировой культурой. Совершенство недостижимо, но мы должны приложить все усилия, чтобы к нему приблизиться. Я попытался работать, действуя по нижеприведенному плану, и кое-чего добился. Пусть же этот зачин принесет свои плоды в будущем!

1) *Литература. Теория.* Каждый вечер посвящался одному автору: ознакомление с биографией и основными произведениями. Обзор немецкой литературы (июнь 43), Гёте (июль 43), Шиллер (авг. 43), Шекспир (сент.–окт. 43), лирика (ноябрь 43), эпос (декабрь 43), драма (январ. 43).

2) *Музыка.* Тот же принцип. Каждый вечер был посвящен одному из композиторов, детям рассказывали его биографию, играли музыкальные произведения на скрипке и аккордеоне: Бах (июль–август 43), Гендель (сентябрь–октябрь), Гайдн (ноябрь–декабрь 43), Бетховен (январь–февраль 44), Моцарт (март–апрель 44), Мендельсон-Бартольди (май–июнь 44).

3) *История.* Мировая история, история культуры, социология – по этим предметам проводились дискуссии и приводились источники.

4) *Языки.* Обучение иностранным языкам связывалось с географией, воображаемыми путешествиями, и таким образом ученики знакомились с языками разных стран.

5) *Проблемы воспитания.* Свободные дискуссии с участием профессиональных педагогов и психологов, где ребята могли обсуждать свои проблемы.

6) *Самостоятельная творческая работа.* В ней ребята могли проявить свои таланты. Например, составление книги из 500 вопросов: «Ты любишь спрашивать? Спроси меня!»¹ Клаус Шойренберг, один из учеников Лёви, рассказывает: «Мы учили английский. Английский в концлагере? Да! Мы забирались на чердак, кто-то стоял на карауле, чтобы нас не застали врасплох. Преподавал английский молодой человек, его звали Луис Лёви. С тех времен у меня сохранилась записная книжечка, в ней я записывал упражнения, а после урока Лёви переписывал их в свою тетрадь. Книжечка умещалась в кармане брюк. Не помню, где я ее стащил. Это теперь моя огромная ценность... «Here are the English Books. Here is the answer you will send to them» – так было написано в книжечке. Черт, все неправильно! Но Луис поправил. Это он убедил нас, что мы выживем и после войны нам обязательно понадобится английский. Мы занимались с диким рвением. При каждом удобном случае говорили друг с другом по-английски. Когда война кончилась и американская машина приехала за нашим главным раввином Лео Беком, я поприветствовал водителя горячим «Good bye»².

Луис Лёви. План работы семинара, 1-я страница. ЯВА

1. Луис Лёви. Отчет для ОДМ о проделанной работе, 22.06.1944. ПТ.

2. К. Шойренберг. Я хочу жить (Ich will leben: Autobiograph. Bericht, Berlin: Oberbaumverlag, 1982).

«Вопреки»

Так озаглавлен доклад проф. Гертруды Баумловой, который она прочла на семинаре педагогов. «Наша программа – «Вопреки», – объявила она. В этом наречии и был заключен принцип терезинского образования.

«Нам угрожали: головы будут лететь с плеч за одну только нашу попытку учить «еврейских гаденышей», – пишет И. Лаушерова. – Однажды комендант Зайдл загнал до полусмерти учителя Тительмана, который шел с детьми по бастиону и объяснял им про стороны света... «Жид, беги! – ржал он, щелкая охотничьей плеткой, пока Тительман в изнеможении не упал на землю. Собака вцепилась в учителя. «В карцер его!» Тительман был отправлен на восток с первым же транспортом.

Тем не менее мы учили. Во время уроков кто-то из ребят дежурил в коридоре и при приближении немецкого мундира подавал сигнал, насвистывая первые такты знакомой всем мелодии. Учебные принадлежности тотчас исчезали со стола, а мы начинали заниматься физкультурой или пением. Это разрешалось.

Мы учили... Старшие, собравшись после работы, решали уравнения и изучали литературу. В одной комнате бывший инженер, а в Терезине дворник занимательным образом объяснял детям физику. В другой комнате рисовали, лепили, изучали проблемы эстетики. В третьей известный пражский художник Зеленка рассказывал детям о мастерстве сценографа. Молодой выпускник Пражского университета читал лекции по социологии. Густав Шорш, кудрявый, худощавый, хорошо сложенный юноша, читал стихи Незвала, Волкера, Неруды, Галаса. Он знал, как впечатлить юные сердца, как укрепить их веру в будущее, поддержать природный оптимизм»¹.

«А мне физику преподавал профессор Нобель, бывший ассистент Эйнштейна», – вспоминает художник Иегуда Бэкон².

«Нас заставляли учить наизусть. По сей день помню длинные баллады Шиллера и стихи Гёте. После Терезина я в школе не училась. Благодаря природному слуху и натренированной в Терезине памяти я с легкостью изучаю иностранные языки»³.

«Вчера мы попросили воспитательницу, чтобы она задала вопросы для проверки нашего интеллектуального уровня. Из 10 вопросов я ответила на 8. Я не знала, что такое мореное дерево и где его используют. Еще не знала имя автора книги «Жизнь муравьев»⁴.

«В прошлом месяце экзамен на интеллект сдавало 33 человека. Нужно было ответить на 100 вопросов из разных областей; на первом месте оказался Духачек, он ответил на 75 вопросов, на втором – наш профессор – 74 вопроса, на третьем – Абсцесс – 73». («Ведом», № 7).

«Я была признательна каждому, кто нас учил рисованию, музыке, политэкономии, чему угодно, мы все глотали с жадностью, – говорит Р. Бейковская. – Фридл объясняла пропорции лица и фигуры, и я это запомнила на всю жизнь. ... Труды Симонсон и ее муж учили нас политике. Он был немецким социал-демократом, очень образованным и знающим»⁵. На лекции он объяснял нам, мальчишкам и девочкам, разницу между демократией и социал-демократией... Сумасшествие – изучать это, когда нечего есть и не во что одеться толком, но у нас была такая тоска по знаниям!»⁶

В доме L 417 ребята, называющие себя «Академией», читали доклады друг другу. Ребята постарше устраивали подпольные семинары, которые, конечно, не значились в списках, сдаваемых в комендатуру.

1. И.Лаушерова. Терезин, 1965, с. 94. Парадокс фашистского режима: в Вестерборке, подобном Терезину транзитном лагере в Голландии, школьное обучение детей было обязательным.

2. И. Бэкон. Воспоминания. ТАУ.

3. Из интервью с Гретой Клингсбергер (Хофмейстер). Иерусалим, 1995.

4. Из дневника Х. Поллаковой (Кински).

5. Д-р Бертольд Симонсон – германский юрист, социолог, историк. Де-портирован в Т. из Гамбурга. Работал в ОДМ, проводил в Т. социологический семинар. Он пережил Освенцим, после войны преподавал в Гамбургском университете, позже возглавил Еврейский благотворительный фонд.

6. Из интервью с Ритой Мюнцер (Бейковской), ТА, 1990.

«Я очень много успел в Терезине, – рассказывает Иржи Деймл. – Получил, можно сказать, прекрасное образование. Сам я тоже читал лекции молодым членам «Хехалуца» в кружке «Маарах», в нем состояли молодые люди 15 – 18 лет. Поскольку это была полулегальная деятельность, мы часто меняли места встреч. В кружке было человек пятнадцать. Всех очень интересовало, как сложится судьба сионистского движения после войны. Никто не сомневался в том, что скоро наступит победа, что все мы окажемся в Палестине и будем на практике осуществлять идеи халуцкого движения. И социалистического, разумеется. На эту тему я прочел порядка десяти лекций, которые всегда заканчивались бурной дискуссией»⁷.

7. Из интервью с И. Деймлом, ТА, 1997.

Школа будущего

По мнению проф. М. Адлера, в ситуации «постоянной временности» невозможно дать детям формальное образование. Но можно научить их учиться. «Новый стиль образования через самостоятельную работу содержит в себе зародыш школы будущего», – говорил он в своем выступлении на семинаре терезинских педагогов.

Кити Брюнерова (1931 – 1944). Школа. L 410, 10-й урок, 12 лет. 1943. ЕМП Понятно, что все еврейские дети, отлученные в 1939 году от школы, мечтали о том, как они вернутся туда после войны. Но память о внезапном отлучении от школы их не оставляла. К мечте примешивался страх. Это отражено на лицах детей. Заметим, что они идут не в школу, а из школы. Здание школы изображено схематически, оно превратилось в символ.

Отдел досуга

«Нацисты в Терезине, в «потемкинской деревне», созданной ими как алиби, терпели искусство и даже посещали представления, особенно музыкальные, — пишет Мирко Тума. — Ведь все без исключения евреи, жившие под знаком виселиц и транспортов, умирающие, голодающие или «украшающие» гетто, рассматривались нацистами как *morituri* — обреченные на смерть»¹.

Отдел детей и молодежи (ОДМ) тесно сотрудничал с Отделом досуга (ОД). Вместе они организовывали театральные представления, концерты, лекции, семинары, выставки, литературные конкурсы, спортивные соревнования и пр. ОДМ обращался в ОД с просьбой выделить помещения для репетиций и спектаклей, прислать лекторов в детские дома, скомплектовать фонды для детской библиотеки и т.п. Из протоколов заседаний правления ОД:

«29.10.43. ОДМ выступил с просьбой: предоставить в его пользование зал № 241 (раз в две недели) и большой зал для двух концертов в месяц.

Хеншель [заведующий ОД] сказал, что на всех желающих [детей] билетов не хватает. Поскольку многие культурные программы были составлены непрофессионалами, они должны пройти утверждение педкомиссии.

[Зампред Совета старейшин Отто] Цукер — за систематическое образование детей посредством лекций и концертов в детском доме L 414, в помещении банка² и прочих подходящих местах. Находить помещения! Необязательно, чтобы там было пианино. Воскресенья исключить. Зеленка³ должен изучить вопрос и разобраться с распределением билетов.

Шорш⁴ сообщил о сотрудничестве между ОДМ и ОД и призвал расширить работу среди немецкоговорящих детей».

Театр

О детском театре рассказывают дневники, журналы, афиши и билеты. Фрагменты постановок можно увидеть в нацистских пропагандистских фильмах⁵.

Театральные постановки в определенном смысле заменяли в Терезине школу — дети сообща изучали историю и фольклор, учились петь, танцевать, рисовать, делать костюмы, кукол и т.д. К тому же театр был самым востребованным жанром. В Терезине не было недостатка в замечательных актерах и режиссерах, и все они с радостью работали с детьми.

Терезинские дети и воспитатели использовали театр как лечебное средство. Сегодня театротерапия выделена в отдельную науку.

«Летом, в жару, мы были в кровь искусаны клопами, не могли спать, — рассказывает Хава Зоар. — Мы бегали по коридору, плакали... И тут к нам в комнату решительной походкой вошла Фридл и сказала, что мы сейчас устроим театр. Она велела всем обернуться в простыни как в тогу и сесть на нары. Она рассказала нам про хор плакальщиц в античном театре и разделила нас на группы: «плач слева» — «плач справа». По сигналу Фридл мы принимались рыдать, сначала одна группа, потом другая. После «античного театра» мы развеселились и позабыли о своих мучениях»⁶.

«Мы бесконечно что-то разыгрывали, или выдуманные истории, или инсценировки, например по рассказу Йозефа Чапека «Толстый прадедущка». Вместе с мальчиками мы пели в «Брундибаре». Наша воспитательница преподавала музыку, и ей удалось создать из

1. Мирко Тума. Воспоминание о Терезине. Театральные представления в период Холокоста (Theatrical Performance during the Holocaust. London, 1999, p. 271).

2. В Т. был банк и своя валюта — гетто-кроны. На них можно было купить конфискованные у самих заключенных вещи, билеты на культурные мероприятия и иногда — просроченные консервы. Подробно о Т. банке — ТД, с. 31.

3. Франтишек Зеленка (1904 — 1944) — известный пражский архитектор и сценограф, в Т. заведовал театральной секцией.

4. Густав Шорш (1918 — янв. 1945) — режиссер из Праги.

5. В Т. дважды снимали кино, осенью 1942 и летом 1944 г. Известный еврейский актер из Германии Курт Геррон (1897 — 1944), игравший с Марлен Дитрих в фильме «Голубой ангел», в «Трехгрошовой опере» Б. Брехта и пр., выступил в роли режиссера. Погиб в Освенциме. От осенних съемок остались небольшие фрагменты из представлений кабаре и кукольного театра, а от летних — сцена из детской оперы.

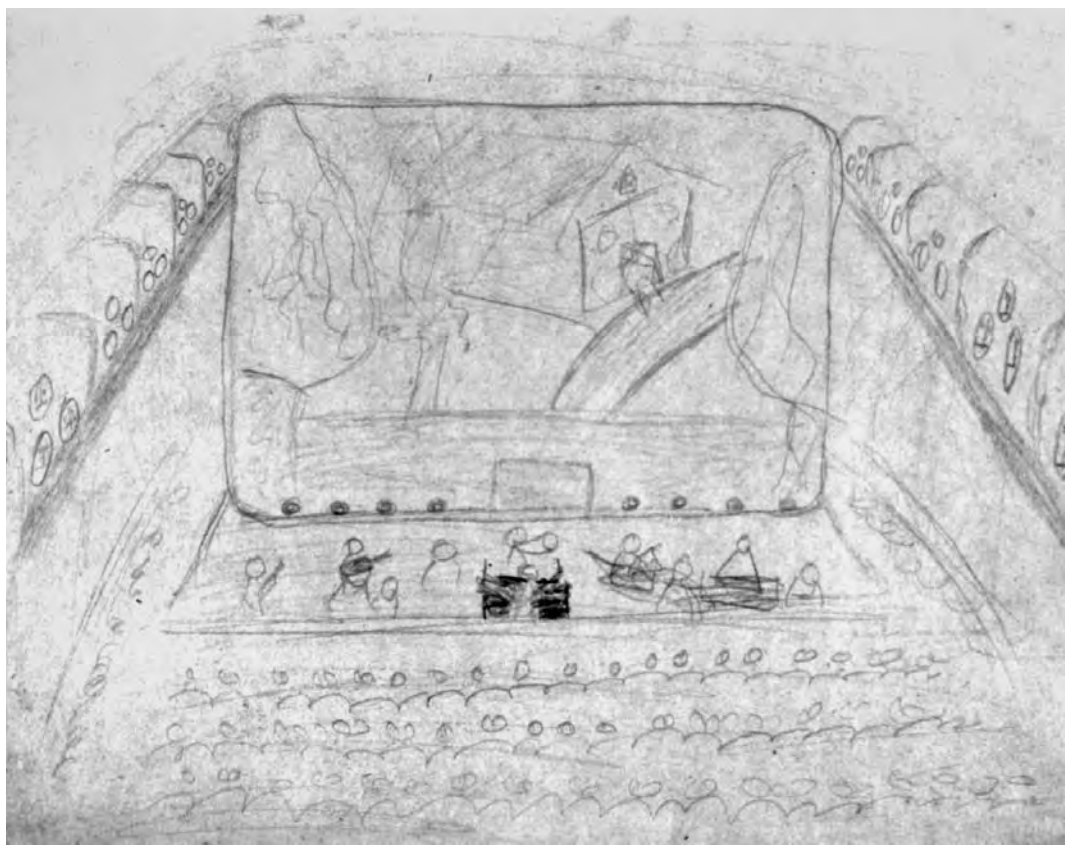
6. Из интервью с Хавой Зоар. Хайфа, 1989.

нас музыкальный коллектив. Мы посещали концерты, часть из них происходила у нас на чердаке. Я слушала «Этюды» Шопена в исполнении пианистки Алисы Зоммер-Герц, оперу «Поцелуй» с Карелом Берманом, а мой брат Михал играл в оркестре Карела Анчерля» (А. Флахова-Ханусова).

Дети пели в хоре, выступали в кабаре. Музыкально одаренным иногда удавалось получить доступ к фортепьяно. ОД составлял расписание репетиций для исполнителей-профессионалов, и те иногда уступали место своим ученикам.

«Сусанна Ружичкова из нашей комнаты была талантливой пианисткой. В Терезине ее мама волновалась: Сусанна испортит руки и после войны не сможет стать солисткой! Она велела Сусанне тренировать пальцы, и та после отбоя барабанила пальцами по деревяшке. Мы сходили с ума, невозможно было спать под эту дробь. В результате Сусанна стала солисткой и прославилась на всю Европу»⁷.

Огромной популярностью пользовался кукольный театр. Хиты «гастролировали» по детдомам и чердачным подмосткам, некоторые спектакли повторялись по тридцать, а то и пятьдесят раз.

7. Из интервью с Р. Мюнцер (Бейковской), ТА, 1992.

Неизвестный автор. Фигура из театра теней. ПТ

Неизвестный автор. Театр. ЕМП

Неизвестный автор. Театр и зрители. ЕМП

Литература

Дети сочиняли рассказы, повести, стихи, участвовали в литературных конкурсах, вели дневники. Свои произведения они «публиковали» в рукописных журналах¹. Сохранилось восемь журналов из разных детдомов, с четырьмя из них вы познакомитесь в этой книге. Собираясь на транспорт, люди брали с собой личные вещи, таким образом пропало много дневников. Журнал – дело общее, его передавали на хранение.

Несмотря на ряд общих рубрик («Знаете ли вы, что...», «Телефон редактора сообщает», «Походы по Терезину», «Конкурсы» и др.), журналы отличались друг от друга как по оформлению, так и по содержанию. «Ведем» был художественно-публицистическим журналом, «Камарад» – приключенческим, «Рим Рим Рим» – научно-популярным и т.д.

В работе над журналом принимала участие вся комната, но главная ответственность лежала на редакторе: вовремя получить материалы для соответствующих разделов, успеть перебить текст, нарисовать иллюстрации и т.д. Об этом повествует шутивное стихотворение Петра Бека «Журнал», помещенное в первом номере еженедельника «Камарад».

Миша Краус и Полак Иван²
сосредоточенно пишут в журнал,
над рассказами весь день корпят,
лица стали красными и горят.
Ивча из себя редактора строит,
Гроте³ говорит: «Так писать не стоит,
для журнала надо так и так писать,
если хочешь очерк в номер сдать».
С журналом – кошмарная возня,
но наш шеф-редактор – не размазня.

Литературные конкурсы были самыми разнообразными: «На тему «Изобретения и изобретатели» написана одна работа, на тему «Из тьмы преисподней» – четыре, на тему «Рассказ старой сабли» – пять. На тему «Мое самое яркое спортивное переживание» – ни одной. На тему «Терезин» – два рассказа и песня»⁴.

В третьей книге о Терезине⁵ целая глава будет отведена лагерному юмору. Способность отвечать смехом на жизненные ситуации, даже самые суровые, была, конечно, свойственна и детям. Юмор в детских журналах – от дружеской иронии до смелой сатиры. Вот, например, «перлы» читателей «Камарада» – участников «теста на интеллект»:

«Толстая Берта»⁶ – прозвище толстяков.

Кошерные – те, кто не ест мяса.

Св. Вацлав был убит его братом Прокопом Голым.

«Флора» – костел в Праге.

«Quo vadis» написал Коменский.

Св. Вацлава убила его бабушка.

Бамбук – дырявая палка.

Гималаи – самая большая горная гряда в Европе. –

Нам пришлось вносить поправки в эти и прочие измышления»⁷.

1. Из всех журналов изданы «Ведем» (не полностью) на чешском, английском и немецком языках и «Камарад» на иврите.

1. Ivan Polák s Kráskem Mišou
horlivě časopis píšou,
celý den se s povídkami můj,
až jim povídá nuda. Proti

2. Иван Полак (1929 – 1944) – главный редактор журнала «Камарад».

Petr Beck
ČASOPIS.

2. Já a náš redaktor si hovoří,
dříve mi píšou přikazují:
"Pěkně to musíš mítí,
má-li to být káží býti"

3. Герберт Гроте (1930 – 1944).

3. Časopis hodně práce dá,
ale o to se redaktor potěší.

4. «Рим Рим Рим», № 12.

5. Елена и Сергей Макаровы. Утопия и реальность. Терезинские университеты (в плане 2005 г.)

6. «Толстая Берта» – «Dicke Bertha», супер-пушка калибра 420 мм немецкой фирмы «Крупп», названная именем дочери фабриканта Ф. А. Круппа; изготовлена в начале XX века и опробована на фронтах Первой мировой войны.

7. «Ведем», № 7, ДрБе (соавторы: Вальтер Рот – Бено Кауфман).

Из номера в номер публиковались захватывающие приключенческие романы, в них — путешествия в Индию и Гренландию, Аргентину и Африку. В лице своих героев дети защищали обиженных, боролись за справедливость, из жертв становились победителями.

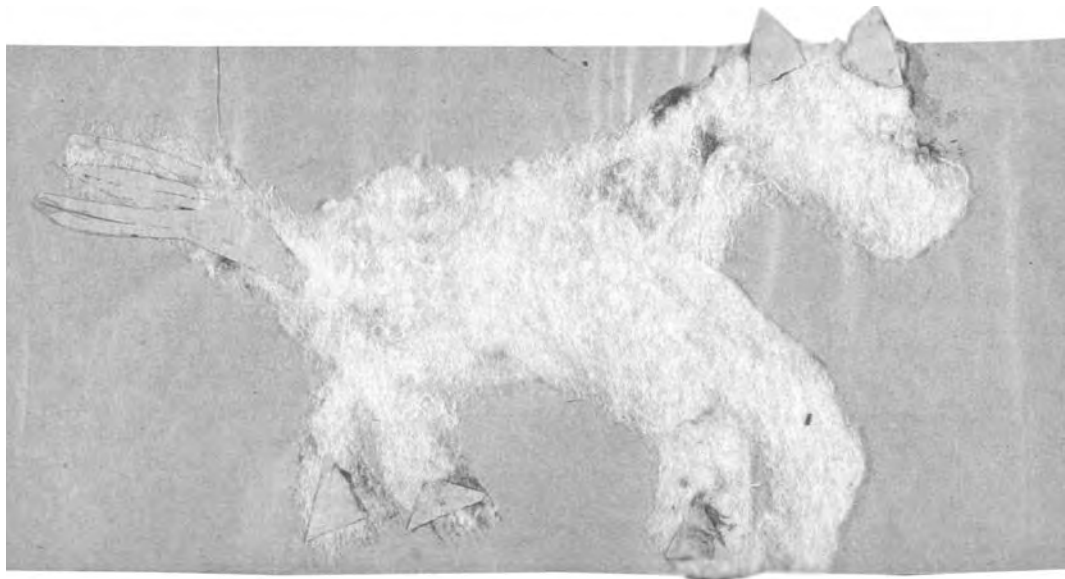
Рисование

Уроки рисования проводились под маркой ручного труда, который был официально разрешен. В ход шла любая бумага, от бланков до посылочного картона. Рисование помогало детям не только сублимировать страхи, но и восстанавливать в памяти картины «нормальной жизни», которая превратилась в их воображении в сказку. Рисуя «сказки» во всех подробностях, они возвращали прошлому реальные очертания, а себе — забытое чувство покоя и красоты.

Эва Адориан, ученица Ф.Дикер-Брандейс, рассказывает: «Мне было пятнадцать, я опекала младших». И была у меня одиннадцатилетняя Ханичка из Польши. Ее родители погибли, в Терезин она прибыла с бабушкой и дедушкой. Она всего боялась, не разговаривала и не реагировала на речь. Мы решили, что она не понимает по-чешски, и определили ее в дом к немецкоговорящим девочкам. Она к ним прислушивалась, но ни слова не произносила. Мы стали с ней рисовать. Помню, Фридл по какому-то поводу сказала: не надо мне рассказывать, я понимаю по рисункам.

Мы устраивались с Ханичкой под деревом в углу сада, я «диктовала» предметы, а она их рисовала. Значит, она слышит и понимает! Эта девочка была как цветок, пересохший от жажды. И вот она раскрылась и все рисовала и рисовала, с таким наслаждением! Потом меня отправили в Освенцим. После войны я узнала, что она не выжила».

Кроме Ф. Дикер-Брандейс, о которой мы еще расскажем, в Терезине работали и другие

8. Как правило, опеку над детьми-сиротами брали вожатые или воспитатели.

Труда Гроаг, 1960. ЕМА

Поделки из ваты. Из собрания Т.Гроаг. БТ

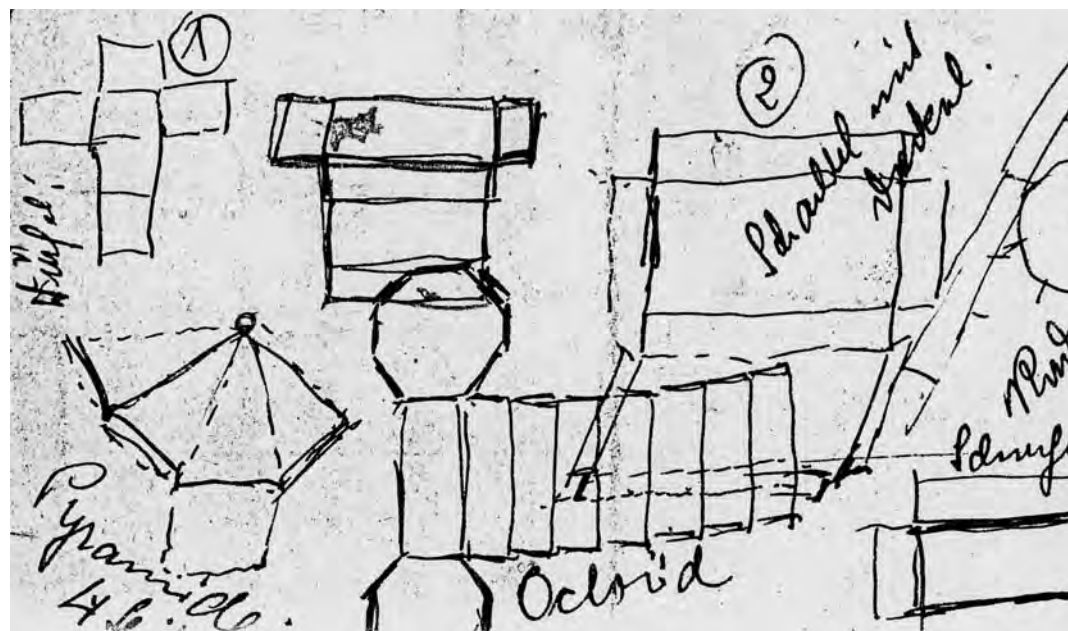

Часть 1. Образ жизни

педагоги. Художница Труды Гроаг занималась с малышами по системе Фрейбеля, в основе которой лежало развитие детского воображения и трудовых навыков. В клочках ваты из старых матрацев дети видели облака, жирафов и медведей – оставалось лишь придать им форму и приклеить к картонной основе. Кроме того, Т. Гроаг работала в клинике Г. Баумловой с детьми в послешоковом состоянии. Например, с трехлетним Бубиком, на глазах которого мать выбросилась из окна. Рисунки Бубика, выполненные на занятиях с Т. Гроаг, свидетельствуют о перенесенном шоке и о помощи, оказанной ему педагогом.

В Терезине были художники, которые давали уроки в обмен на хлеб. Так, ныне известный израильский художник Иегуда Бэкон учился у Отто Унгара. Спрос на занятия искусством был столь велик, что Фридл устроила дополнительные занятия для воспитателей, вожатых и наиболее талантливых учениц. Их она учила не только ремеслу, но и тому, как работать с детьми в группах.

По свидетельству Труды Бартковой¹, дети рисовали и в «Семейном лагере» в Биркенау². «Ночью мужчины из «Канады»³ перекинули через проволоку под током мешок с игрушками, коробку цветных карандашей и тетрадку. ... Последние дни все захвачены рисованием. Сначала дети выбирают тему, потом каждый рисует свое. Лучше всех рисует умненькая и шустрая шестилетняя Аничка. Для нее дети оставляют на своих рисунках место, чтобы она дорисовала... Сегодня тема – лес. В нашем здешнем «лесу» только три ели, но они неинтересные, у них несъедобные иголки. Лес на их рисунках – это три яблони с прекрасными кленовыми листьями. Дети видели, как набухают почки на кленах и как из них вылупляются маленькие листочки. А какого цвета яблоки, тетя, скажите?! Аничка справляется с задачей сама. Рисует много больших синих яблок».

Внизу:

Труды Гроаг. Развертки пирамиды, параллелепипеда и прочих геометрических фигур. Из собрания Т. Гроаг. БТ

Продовольственная карточка Труды Гроаг с рисунком развертки дома. Из собрания Т. Гроаг. БТ

1. Т. Барткова (Хаасова), 1927 г.р., работала воспитательницей в «детском саду» «Семейного лагеря». В 1980 г. она издала книжку «Освенцимская азбука», посвященную погибшим воспитанникам. В Т. Фридл учила ее работать с малышами, этот опыт пригодился ей в «Семейном лагере».

2. Биркенау (по-польски – Бжезинка, Берёзка) – часть Освенцима. О «Семейном лагере» – на с. 406.

3. «Канадой» называли бригаду, работавшую на вещевом складе Освенцима-Биркенау.

Спорт

Спортивной секцией ОДМ руководил Фреди Хирш, профессиональный спортсмен, футболист. К работе с детьми он привлек специалистов из разных видов спорта.

«В марте 1942 года мы прибыли в Терезин, — вспоминает Г. Штраус. — Фреди пришел меня поведать и говорит: «Грета, мы тебя ждем, ты должна заниматься с детьми физкультурой». В тот же день меня перевели в Дрезденские казармы, и сразу после обеда я приступила к делу. Чем мы занимались? Маршировали по кругу, руки вверх, вниз, в стороны, останавливались. Потом я вставала в центр круга, показывала всякие упражнения, и дети повторяли за мной. Мы играли в разные игры, в которые можно играть, не выходя со двора»⁴.

«11.4.1942. Днем был на бастione, — записывает в дневник Э. Редлих. — Там будет игровая площадка для детей. Места предостаточно, и это открывает перед нами огромные возможности».

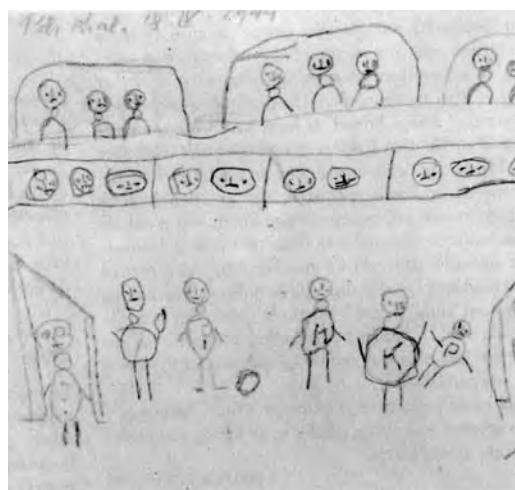
Летом 1942 года у ОДМ уже была спортплощадка для игр, тренировок и показательных выступлений.

«Несмотря на отсутствие элементарных условий для полноценного физического развития, проведение спортивных соревнований я считаю обязательным, — говорил Фреди. — Дело идет о вещах более важных, нежели выполнение физиологических требований. Когда две тысячи юных выходят на игровую площадку помериться силами, это зрелище убеждает и спортсменов и зрителей — наша молодежь справится со всеми трудностями»⁵.

«Вечером был на бастione, — пишет В. Малер в июле 1944 года. — Там было необычайно многолюдно. Играли в футбол, волейбол, баскетбол; одна группа юношей упражнялась на брусьях, другая соревновалась в беге. В центре внимания были молодые хорошенькие девушки, одетые в короткие брюки и тряпичные лифчики. Они выполняли ритмические упражнения... Зрителей было много, в основном, понятно, юноши. И над всем этим — чистое голубое небо и солнце, заходящее за Крушны горы. Невозможно вообразить себе картину прекрасней».

Э. Ева Яна Хеллерова (1938-1944)
"Football" 17.4.44

4. Из интервью с Гретой Штраус. Герцлия, 1997.

5. Альфред (Фреди) Хирш (1916 – 1944) родился в Аахене, Германия. Учитель физкультуры. Активист юношеского сионистского движения. В 1934 г. эмигрировал в Чехословакию, возглавил спортивную организацию «Маккаби», работал с еврейскими детьми Праги. Депортирован в Т. из Праги 4.12.1941. Возглавлял спортивную секцию ОДМ. В сентябре 1943 г. депортирован в «Семейный лагерь».

Внизу:

Фреди Хирш. Довоенное фото. ЕМА

Петр Краль. (1938 – 1944). Футбол, 17.4.1944. БТ

Слева:

Эва Яна Гелерова (1936 – 1944), Футбол, 17.4.1944. БТ

Петр Краль. (1938 – 1944). Футбол, 17.4.1944. БТ

Маргарин для гармониста

Из дневника Хельги Вайсовой (Хошковой)

13 декабря 1941 г.

Три дня в Терезине. Все наши вещи уже на месте, «жилище» приведено в порядок, красоты в нем особой нет, но лучше ничего не придумаешь. В маленькой комнате – 21 человек. На нас с мамой – 1,2 кв. м. Люди лежат и на полу, и, если приспичит ночью, приходится через них перешагивать. Спросоник спотыкаешься о ноги и головы. Кто этого не видел, тот не поймет. Да мы и сами не понимаем, как можно жить в таких условиях.

Мужчины – в одном городе с нами. Слава богу, хоть так. Встречаться запрещено, передавать письма тоже, но, если кому-то удастся достать пропуск в нашу казарму, можно будет передать письмо. Не письмо – клочок бумаги, который можно спрятать в ботинок, брюки или еще куда-нибудь. Карманы часто проверяют.

16 декабря 1941 г.

Завтра исполнится неделя, как мы здесь. Неужели уже неделя? Она пролетела как день: уход из дому, Велетржинский дворец¹ – кажется, это было давным-давно. Два дня тому назад нас посетила группа мужчин. Отца в ней не было. Может, в следующий раз придет. Честно говоря, я рада, что он не пришел, лучше уж совсем не видеться, чем так. Мужчин привели во двор «Дрездена» (так называется наша казарма), разрешили постоять полчаса, никого к ним не подпустили и увели. Вот так свидание! Женщины махали из окна, пытались взглядами и жестами привлечь к себе внимание любимых. Вчера привели следующую группу, но отца не было и в ней. Мы с мамой как сумасшедшие высматриваем его, боимся пропустить. Он пишет, что вызвался таскать чемоданы и, возможно, прибудет к нам с экспедицией.

Сегодня нам наконец повезло. Как обычно, мы ждали папу под аркой – и уже не верили, что придет. И вот – экспедиция в «Дрезден», мужчины несут чемоданы, и среди них – он. Ну и радости было! При этом надо было соблюдать конспирацию, чтобы никто не заметил! Мужчины не имели права ни на секунду задерживаться: выгрузить чемоданы на первом этаже – и назад! Столько хотелось сказать друг другу – и нельзя, пришлось срочно расставаться. В надежде на следующую экспедицию – может, отцу удастся задержаться подольше. Последняя ступенька, прощаемся. Добрый надзиратель «случайно» отвернулся.

Через три дня отец пришел в колонне на официальное свидание. Мужчинам было запрещено входить в нашу казарму, но мы нарушили запрет. Отец быстренько, чтобы его не застукали, выпил чай, и мы поспешили во двор. В запасе еще четверть часа. Прошлись по коридорам, в полшестого вернулись во двор, а там – никого. Вдруг часы врут? Какой ужас, стемнело. Неужели все ушли? Может, сбор на втором дворе? Не видно ни зги. Вдобавок начало моросить. Мы впали в панику, носимся из угла в угол, светим фонариками – никого. Двор пуст. Что делать? Мы промокли, стоим в полной растерянности посреди двора, вокруг ни души. Не к кому обратиться за помощью. Что, если папе у нас заночевать, а утром прибиться к какой-нибудь группе? Рискованно. В восемь – проверка, надо быть кровью из носа на месте. Осталось одно – добровольно сдаться жандарму. Но кто сегодня дежурит? Не вызовет ли это серьезных последствий?

1. Сборный пункт пражских евреев.

Хельга Хошкова (Вайсова) со своим рисунком на фоне Терезина. 1980. XXV

Хельга Вайсова. Прибытие в Терезин. XXV

И тут как по мановению волшебной палочки появляются люди с телегой, они идут в сторону кухни. Нам повезло! Надо было видеть, с какой радостью папа впрягся в телегу, с каким старанием ее тащил!

24 декабря 1941 г.

... Прождали отца до глубокой тьмы. Дурацкое Рождество. Опять тминный суп. Видать, на кухне перепутали меню. Ну и ладно, едим мы этот суп каждый день, съедим и в сочельник. Желудок не знает праздников и огорчаться не будет.

Девчонки из соседней комнаты подготовили программу, и мы все пошли смотреть. Вышло здорово! Они разыграли короткий спектакль и спели. На какое-то время мы совершенно забылись. Чудилось, что мы дома или в театре, что свечи, расставленные на чемоданах и полках, сверкают на елках и что мы на свободе... Мы долго не могли уснуть и со слезами на глазах рассказывали друг другу о доме. В Новый год мы снова устроили праздник. Надемся, сорок второй будет лучше сорок первого.

Не могу писать, руки дрожат, как только об этом подумаю. Если бы утром я не увидела это своими глазами, в жизни бы не поверила, что в наше время, в двадцатом столетии, такое возможно. Утром велели закрыть окна. Что-то страшное случилось, мы это чувствовали. Около девяти мы увидели (сквозь закрытые окна тоже видно) небольшую группу людей, входящую в Устецкие казармы. Впереди и сзади эсэсовцы, между ними – девять ребят с лопатами на плечах, они должны вырыть для себя яму. Девять ребят, осужденных на смерть через повешение. В чем их вина? Тайком отправляли письма домой?

Я знаю, что они жестокие, но сегодня они дошли до предела. Они пообещали, что в воскресенье мы сможем навестить пап. Как мы этого ждали! Наши отцы приготовили для нас концерт, была обещана торжественная встреча. Боже, нам впервые разрешили их навестить! Колонна детей должна была отправиться в два часа. С двенадцати двор был заполнен умытыми, причесанными, принаряженными детьми. Это ли не праздник – идти в гости к отцам! И тут приказ – всем вернуться, никакого «Магдебурга»! Обнаружен случай заболевания скарлатиной, мы являемся разносчиками заразы. Мы пытались протестовать, но куда там! День, которого мы так ждали, завершился разочарованием и слезами. От папы пришло письмо о том, как все нас ждали, как готовились к встрече. Может, на следующей неделе разрешат?

Теперь мы с Павлом (11-летний мальчик из нашей комнаты) каждый день ходим на продовольственный склад сливать молоко из бидонов. Здесь нас уже знают и нарочно не опорожняют бак дочиста, оставляют на дне осьмушку литра. Сегодня мы слили остаток молока – 3/4 литра. Перед обедом украли репу, Павел одну, я – две. Вчера ее сгружали в бывшую мертвецкую, настоящая мертвецкая переехала в другое помещение. Могла бы я себе когда-нибудь такое представить?! Голод – штука противная, а репой можно набить желудок. Мама не знает про репу. По утрам она работает в «Магдебурге», каждое утро от нас снаряжают колонну уборщиц (мама туда записалась, чтобы встречаться с отцом). Вот она обрадуется репе! Хочу сделать ей сюрприз – раздобыть картошку. Покопаюсь как следует в очистках, которые выбрасывают из кухни с черного хода. Молоко есть, еще бы пару картофелин, и можно сварганить пюре.

Что-то не то с этим транспортом. Отец убеждал нас (спустя три недели он наконец-то

2. 10 января 1942 г. немцы устроили публичную казнь за передачу писем на волю.

Гармонист в Пражском еврейском дет-доме. Фото 1941. ЕМГ

сюда добрался), что все это чепуха и его куда не отправят, но кто знает? Неспроста это – когда все не сговариваясь заводят речь об одном и том же.

«К сожалению, ты оказалась права», – писал папа. Вот уж действительно – к сожалению. Тысяча человек отправится на восток, об этом было сообщено на перекличке; из нашего транспорта – все до трехсотого номера. Наш – пятисотый, но кто им верит! «Надеюсь, все кончится благополучно, – приписал отец в конце, – но на всякий пожарный сложите вещи». Вот так! Мы-то думали, что хоть от этого избавимся в Терезине. Но нет, нас и здесь не оставляют в покое с этими транспортами.

Ночью разносили повестки. К счастью, нас в них не было. Утром отправился транспорт. Мы всю ночь не смыкали глаз. Кто может быть уверен, что не окажется в списке! Так что на всякий случай мы сначала сложили свои вещи, а потом помогали тем, кто получил повестку. Уехало много знакомых. Казарма как вымерла. Ушел транспорт, а на тех немногих, что остались, навалилась тоска.

Теперь папа нас часто навещает, для этого ему больше не нужно таскать чемоданы или разгружать картошку. Он устроился в канцелярию и получил пропуск, так что приходит в «Дрезден» легально.

Хельга Вайсова. Воруят картошку.
13.12.1942. XXB

Снова ушел транспорт. И опять много народу из нашей казармы. Снова бессонная ночь. Отца спасает от транспорта работа в канцелярии. Но завтра может выйти другое распоряжение, здесь ни в чем нельзя быть уверенным.

Мы перебрались на свободное место у окна, подальше от дверей. Теперь здесь уже не такой страшный холод, раньше на дверях были льдинки. Мы намерзлись и законно заслужили место потеплей. Папа хочет, чтобы я перешла на «детский этаж», якобы там лучше. Я пошла посмотреть – красивые, специально для детей оборудованные комнаты – здорово, но мне хочется остаться с мамой.

Здесь и вправду лучше, но меня изводит тоска. Я знаю, что это глупость, мама рядом, этажом выше. Днем весело, мы – сверстницы, вместе учимся, вместе играем. Убираем комнату по очереди: «циммертурн»¹, или, как мы называем, *торанут*².

... Праздник мам³. А у меня – никакого подарка, даже букетика цветов. Но где взять подарок, если не выпускают из казарм! Правда, есть цветная гофрированная бумага, можно бы что-то соорудить. Мама-то, конечно, понимает, что мне ей нечего подарить. На полдник детям выдадут по пирожку. Припрячу для мамы, вечером она вернется с работы, вот и подарок. Пустяк, конечно, но ничего не поделаешь. Ладно, в будущем году возьмешу. К тому времени мы уже будем дома.

Неожиданный сюрприз: на кухне ошиблись и выдали мне два пирожка. Ходила в шлойску искать знакомых среди вновь прибывших. Они дали мне толченых сухарей. Я положила пирожки на тарелку, а сверху посыпала их сухарной крошкой. Получилось красиво. Еще бы папа пришел – вот был бы праздник!

Говорят, снова уйдут транспорты. Ночью заседала комиссия, уже начали писать повестки.

1 июня 1942 г.

Этот день нужно хорошенько запомнить. Открытие гетто. Ходи себе по улицам как свободный человек. Днем можно только тем, у кого пропуск, а вечером – всем. Просто поразительно – идешь сам, без конвоя, просто идешь, как на свободе. Это уже первый признак победы, значит, война скоро кончится.

Детям разрешено играть на валу (небольшая лужайка на пустыре). Ходим туда каждый день. С едой уже получше. Мама теперь шьет на заказ. Много не зарабатывает – буханку хлеба за сшитое вручную платье, но для нас и это немало. Вообще, стало куда легче, чем когда мы приехали. Ведь тогда ничего не было, даже гвоздя в стене. Все строилось с нуля, голыми руками. За полгода люди проделали огромную работу. Начали с нар, а завершили сценой на чердаке. Я уже была на нескольких спектаклях. Ждем премьеру «Проданной невесты»⁴. После отъезда арийцев⁵ освободились дома. Улицы теперь поделены на кварталы: поперечные «Q» [quege] и продольные «L» [lange]. Новеньких теперь расселяют по кварталам. В ближайшие дни мы переезжаем: работающие женщины – в «Гамбург», служащие – из «Магдебурга» в «Солнце» (бывший отель), матери с грудными детьми – в «Зойглингсхайм» [ясли], дети – в «Крихлинсхайм» [Дом для ползунков] и «Киндерсхайм» [Дом для детей]. Девушек поселяют в «Мэдхенсхайм» [Дом для девушек], мальчиков – в «Югендхайм» [Дом для юношей] и «Лерлингсхайм» [Дом для учащихся]. Штаб, так называемые «проминенты»⁶, получили комнаты в «Магдебурге».

Наш «дрезденский» детский дом переехал в L 410, здание бывшей немецкой комендатуры

1. Zimmerturn – дежурство по комнате (нем.).

2. Торанут – дежурство (иврит).

3. 9 мая в Чехословакии отмечается День матери.

4. Премьера состоялась 25.11.1942.

5. Имеются в виду местные жители, высланные из Т.

6. «Проминентами» считались евреи, имевшие «заслуги перед рейхом». Им разрешалось жить с семьями в отдельных комнатах или даже квартирах, до осени 1944 г. их не отправляли в Освенцим.

Часть 1. Образ жизни

на площади. Теперь это детский дом для девочек. Нас разделили по возрасту, я попала в 24-ю комнату. Чувствую себя такой несчастной, мама все еще больна, у нее воспаление среднего уха, навещать ее можно по вечерам и только на час. Днем мы учимся, на улицу выходим строем. Это страшно удручает.

Я живу в одной комнате с девочкой, которая младше меня на четыре дня. Зовут ее Францка. Наши матери выяснили, что мы родились в одном родильном доме. Может, потому мы так сдружились. А я-то удивлялась! Мы с ней сразу сошлись. Возле меня случайно оказалось свободное место, и Францка ко мне переехала. Теперь мне, вернее, нам (мы с Францкой во всем заодно) не так тоскливо. В этой комнате мы самые младшие. На общем собрании мы решили быть дружными и веселыми, не нудить и не ныть и, раз постановили, не нарушать слова.

По своей воле я бы отсюда никогда не ушла. У нас отличный коллектив. Под руководством воспитательниц мы вместе изучаем чешский, географию, историю, математику. Нам

Хельга Вайсова. Катафалк с хлебом.
«Молодежный отдел». 27.7.1943. ХХВ

всем по тринадцать, и при этом мы учились лишь в начальной школе. Что из нас выйдет после войны? Вечерами мы читаем. Тут большой выбор книг. Непонятно, откуда они. Когда мы собирали свои пятьдесят килограммов, на книги места не оставалось, но все равно все взяли по любимой книге. Мы уже прочли «Первую компанию» Чапека и «Отверженных» Гюго.

Транспорт стариков: десять тысяч стариков старше 65 лет, больные, хромые, умирающие¹. Стоит жуткая жара. Солнце падает прямо на койку, никуда от него не спрятаться. На сегодня я не записалась во вспомогательную службу. До сих пор я ни дня не пропускала. Сил нет смотреть на все это горе. В транспорт стариков молодых не берут, сколько ни проси. Дети вынуждены отправлять старых родителей в неизвестность и ничего не могут с этим поделать. Зачем отправляют беззащитных людей? Молодых – понятно, нас они боятся, не хотят, чтобы рождались еврейские дети. Но безропотных стариков? Хватит с них Терезина, почему им не дают умереть спокойно? Ведь ничего другого их не ждет. Полтранспорта умрет по дороге.

Под окном орут и носятся *гетачи*², перегораживают проходы. Сейчас пойдет первая группа. Несут носилки, везут мертвых на телеге, шествие завершает катафалк. Асфальт потрескался от августовской жары, все окутано плотным слоем вонючей пыли. Вещи, носилки, трупы. И так всю неделю. Мертвые – на телегах, живые – в катафалках. В них здесь также возят грязное белье и хлеб, в нашем дворе тоже стоит один такой с надписью «Попечение молодежи». Возили бы людей, это еще куда ни шло. Снова грохот под окнами. Впереди шагают два начальника транспорта, за ними – катафалк с багажом, санитары с носилками и работники вспомогательной службы. Не трупы ли там, среди вещей? Нет, кто-то зашевелился; в пыли, вздымаемой колесами, блеснула желтая повязка.

Кто вспомнит их?! Тех, с кем мы ежедневно встречались около кухни, – слепых, на костылях, с мисками в протянутых руках, просящих чуточку кофе, супа, выскребающих остатки пищи со дна немытой посуды, роющих в куче гнилой картошки, коже и отбросах. Да, это они, тощие, голодные, убогие, – но все еще живые. Их везут в катафалках. Кто из них доедет, кто вернется? Заняты все катафалки. Впервые их используют по назначению – для перевозки человеческих тел. Куда повезут эти человеческие развалины, где их сбросят? Никто над ними не заплачет, никто их не пожалеет. Разве что когда-нибудь упомянут в энциклопедии, в статье под заголовком «Заживо погребенные».

Вчера была на опере «Поцелуй»³. Здесь поют под пианино, без костюмов и декораций, но впечатление такое сильное, даже сильнее, чем в Народном театре.

А так развлечений негусто, мы цепляемся за любой повод, например день рождения, – и тогда закатываем пир и показываем спектакль. Теперь ждем Рождество и Хануку. Скорей бы! Ханука – перед Рождеством, так что сперва готовимся к ней. Нужно сделать 32 подарка: по одному на каждого, а желательно еще больше. До Хануки 14 дней. С сегодняшнего дня мы не едим ни сахар, ни маргарин – бережем на торт. Джем раздобудет тот, у кого знакомые на кухне, или, может, кто-нибудь получит в посылке. В день торжества обедать не будем – прибережем картошку на вечер. Картофельный торт на Хануку? В Терезине есть уникальные, никому не известные кулинарные рецепты. Например, такое лакомство, как хлебный торт с «бескремом».

1. Отправлен в октябре 1942 г., в августе 1942 г. из Т. было депортировано 3000 человек, среди которых тоже было много стариков.

2. Геттовские полицейские-евреи (*жарг.*).

3. «Поцелуй» – опера Бедржиха Сметаны.

Хельга Вайсова. Раздача еды. XXV

Сбежали трое парней¹. За это мы наказаны неделей «казерненшпере» [запрет покидать казармы] и «лихтшпере» [запрет на включение света]. На работу — колоннами, после семи нельзя выходить из дому. Уходим на работу засветло, а возвращаемся с наступлением темноты. Одеваемся и раздеваемся в темноте. Окна затемнены, никакого освещения. Завтра пойду за хлебом в «Гамбург», может, и к маме заскочу.

«Казерненшпере» отменено, а «лихтшпере», видать, на всю зиму. Экономия электричества. Разрешено включать свет раз в три дня. Можно пользоваться свечами, но насколько их хватит? Домашние запасы иссякают, а новых нет. Такая обида, невозможно читать по вечерам. Без света печально и мрачно. Я очень скучаю по Праге. Мы с Францкой перед сном говорим о Праге, а потом она нам снится.

Сегодня мне приснился чудесный сон. Будто я дома, я так отчетливо видела дом и нашу улицу! Проснулась — одно расстройство, вместо кровати — нары, настроение испорчено. Но может, этот сон — знамение близкого конца? Тогда я желаю всей Германии вечного «лихтшпере»!

14 дней Нового года...

Это уже не комната, а форменный лазарет. От нас все шарахаются, половина L 410 слегла. Хорошо еще, что градусник не показывает температуру выше 40°. Больных прибывает с каждым днем. Изолятор переполнен. В спальнях столько больных, врач уже не знает, что делать. Мне тоже не по себе, наверное, слягу, чтоб не отставать от коллектива. Я уже переболела всеми болезнями, какие только здесь были. «Девочки, если будете в «Гамбурге», передайте маме, что я не приду, у меня 39°».

Зорьку вчера положили в изолятор. Ей очень плохо. Врач не сообщает ничего обнадеживающего. Наверное, у нее тиф². Хотят устроить карантин. Мы все под подозрением. Выглядит все жутко. В каждой спальне не более трех здоровых. Вожатая Даша сегодня к нам не пришла. Она весь вчерашний день проходила с температурой 38°. Лилькину сестру вчера увезли в Врхлаби³. Она без сознания. Организуют еще один изолятор. Брр, мне что-то очень холодно. Наверняка поднялась температура.

Мне подфартило! Жар спал именно в тот день, когда всех, у кого за 38°, перевели в изолятор. Пока неизвестно, тиф у меня или нет. Во всяком случае, температура больше не подымается, так что в изолятор меня не положили.

На воротах L 410 висит большая надпись: «Ахтунг! Инфектионсгефер!» [«Внимание! Опасность инфекции!»] Сестра Лильки умерла. У самой Лильки тиф. Вера, Олина и Марта в изоляторе. Мильчу вчера отвезли в Врхлаби, она в агонии. «Что с тобой, Ганка? Ты вся заплаканная. Что, Даша?!» — «Даша и Зорька... умерли!»

Тиф охватил весь Терезин. Больницы и изоляторы переполнены. Освободили целый дом, переоборудовали его под тифозное отделение. Везде плакаты: «Осторожно, тиф!». На всех кранах и колонках надпись: «Ни фергессен хенде вашен!» [Не забывайте мыть руки!], но почти нигде нет воды.

И вдобавок ко всему — транспорт. Говорят, не в Польшу, там якобы уже фронт — в какой-то новый лагерь на польской границе, вроде бы около Богумина. Да, везде одно и то же!⁴

Постепенно все налаживается. Девчонки возвращаются из больницы. Будто бы и Мильчу отпустят. В это невозможно верить. Шансов у нее почти не было, видно, врачи постарались.

1. 27.10.1942 гетто было наказано из-за неявки на транспорт 180 человек, а 9.4.1943 — за побег шестерых заключенных.

2. Пик эпидемии тифа — 414 случаев — пришелся на 1 февраля 1943 г.

3. Врхлаби (Hohenelben) — Верхнелабские казармы.

4. Транспорт из Терезина в Освенцим, 1001 человек, 29 остались в живых.

Хельга Вайсова. Тиф. L 410. 13 лет, 24-я комната. ХХВ.

Завтра придут Олина, Ружа, Марта и Алена.

Мы все записались на огородные работы. Здорово! Это вне гетто, на всю группу один пропуск. Работа интересная, да и вообще – там даже воздух другой! Огромная разница между «там» и «здесь». Работаем там всего две недели, подзагорели, хотя по-настоящему теплой погоды еще не было, вот будет здорово, когда начнет припекать солнышко! Если бы не вставать так рано и не копать непрерывно... Скорей бы уж разрыхлить всю землю и начать сажать. Я только и жду того момента, когда можно будет принести маме первую зелень. Может, сегодня – после обеда нас отправляют в Крету⁵ на сбор шпината.

В доме мальчиков устроили лекцию о Рембрандте, с диапозитивами. Было так интересно! Надеюсь, я смогу ходить на лекции. На следующую точно пойду.

Были все вместе на вечере. Там читали стихи Вийона. На меня они произвели очень сильное впечатление. Хорошо бы одолжить у кого-нибудь книжку. Стихи печальные и прекрасные. В ушах звучат строки «От жажды умираю над ручьем. Огнем горю, а холод зубы сводит. Страна родная – вечная чужбина...».

Бараки около Соколовны должны быть освобождены, готовят какой-то особый обед, проводят дезинфекцию, ожидается прибытие польских детей. Совершенно непонятно: почему сюда везут польских детей?⁶

Вчера в 5 часов дня они прибыли. К ним никого не подпускают. Ночью были вызваны медсестры, воспитатели и врачи. К баракам запрещено приближаться.

Нам удалось добыть кое-какие сведения. Дети не знают чешского, неизвестно, это еврейские, польские или еще какие дети. Мы видели с бастiona, как их вели на дезинфекцию. Выглядят страшно. Невозможно определить возраст, издаലെка они похожи на старичков – измученные лица и крошечные тельца. На ногах у них ничего нет, только некоторые, кажется, в какой-то обувке. Вернулись они с дезинфекции наголо обритые, у них вши. В глазах – страх, говорят, они ни за что не хотели идти в душ. Боялись какого-то газа, якобы их родители погибли в газовых камерах.

5. Крета – название поселка неподалеку от Терезина.

6. 24 августа 1943 г. прибыло 1260 детей из Белостока. Это событие отражено во многих дневниках и детских журналах: «Послышался шум, и из-за угла появилась процессия. Впереди и сзади шли геттовахманы, а посередине – немец в форме. Я во все глаза смотрела на бедных детей. Они были острижены наголо, кое на ком были шубы и шапки-ушанки, наверное, из России. Я-то в России не была, но думаю, что там так одеваются. На многих, маленьких и больших, девочек и мальчиков, были длинные халаты из какой-то жесткой материи. У одних звезда Давида была на груди, у других – на спине, на некоторых вообще не было. Звезда на спине выглядела как мишень, казалось, что это идут приговоренные на смерть». С. Вальдштейнова. Журнал «Бонако», «Из дневника С.В.», 1944 г.

Белостокские дети. Фото, 1943

Отилия Кафка, родная сестра писателя Франца Кафки, была одной из добровольцев, вызвавшихся работать с белостокскими детьми. Погибла вместе с ними в Освенциме. ЕМГ

Часть 1. Образ жизни

Сентябрь, 1943

После обеда разносили повестки. Едут: наша воспитательница Маша и девочки Ренка, Гита и Эмма. Нас в списке нет, но скоро будут разносить резерв.

«Хельга, вставай, транспорт», – разбудила меня мама рано утром, и вскоре Вилли [Гроаг] принес мне повестку. Мы в «дальнем» резерве.

Резервных шмонают в пивоварне. 5 часов дня. Вилли зовет, пора отправляться. «До свидания, Маша, мы не прощаемся, мы еще встретимся, в Биркенау или еще где-нибудь и организуем там новую 24-ю. Францка, я займу для тебя койку рядом. Девочки, приходите в шлойску! Гита, Ренка, готовы? С Богом, девчонки, с Богом, двадцать четвертая!» Лучше уехать, чем снова быть в резерве. Сколько можно таскаться с вещами! Чемоданы мы решили не сдавать, чтобы их не увезли – вдруг мы останемся, – и при этом боимся, как бы не вышло наоборот.

Все бы ничего, если бы не бессонная ночь с перетаскиванием вещей – двадцать раз, не меньше, тягали мы их с чердака во двор и обратно. Все же самое жуткое – это неопределенность. Раньше было проще – рассчитайся по порядку номеров! Но те, кто руководит транспортом, вытворяют все, что им вздумается. Наконец транспорт с «дальним» резервом ушел, а мы остались. Несчетное количество раз выходили мы во двор, я уже мечтала о том, чтобы сидеть в поезде.

Мы даже пошли к нему. Если бы не мама, мы бы уехали. Посреди дороги она вдруг оглянулась и увидела, что за нами – никого. Мы быстро вернулись в пивоварню, переждали во дворе, и нас отпустили. Нам повезло – мы оказались среди первых. Потом, когда недосчитались людей, стали брать прямо с улицы. Девчонки ждали нас у пивоварни, и мы с Гитой (она тоже осталась) вернулись домой. Францка мне быстро постелила, и я тотчас уснула. Не помню, чтобы когда-нибудь мне так сладко спалось. И я мечтаю об одном – дождаться конца войны на этой койке.

Эрнст Морган. Прибытие детей из Белостока в Терезин. ЕМП

Павел Фантл. Ночью детей вели по гетто. 1943. ЕМП

6 октября

Вчера после обеда увезли польских детей. Вместе с врачами, сестрами и воспитателями. Во время карантина им готовили отдельно, их обули и одели. Единственный, кто к ним ходил, был Фреди Хирш, за это его посадили в карцер при комендатуре. Откуда они прибыли неизвестно, куда их увезли – неизвестно¹. Ходят слухи, что в Палестину, но никто не верит. Уехали. После них на стене барака остались надписи, смысл которых вряд ли кто разгадает.

1. 5.10.1943 все дети, с ними 53 воспитателя, врача и санитаря были депортированы в Освенцим, где 8.10.1943 были уничтожены в газовых камерах.

Особенно одна, угрожающая и непонятная: «ГАЗОВЫЕ КАМЕРЫ»!

10 ноября

Лежу в постели. У меня снова была высокая температура, но зато день рождения справили замечательно. Я получила столько подарков! От Франcki — пудинг, от Индры — новый брелок, про маму с папой и говорить нечего. Где девчонки все это раздобыли, непонятно.

11 ноября

К сожалению, а может, и к лучшему, я была больна и принимала в этой акции лишь пассивное участие, так что не смогу описать ее в деталях. Возможно, это правда, но, скорее всего, выдумка немцев: якобы недосчитались заключенных и заподозрили, что кто-то сбежал². Немцы решили учинить поголовный пересчет, причем не на местах, как раньше, а за территорией. Ночью больных перевели из бараков и изоляторов в казарменные лазареты. Всех остальных, от ясельных малюток до дремучих стариков, погнали в Богушовскую котловину и выстроили в шеренги по сто человек. Их продержали на ногах с раннего утра до поздней ночи. Никто не знал, что происходит (при этом их беспрестанно пересчитывали), может, не пустят обратно в гетто, увезут, расстреляют... Злобные ухмылки и замечания эсэсовцев подтверждали страшные предположения.

Я лежала в Врхлабах, в одной койке с Лизинкой — на всех не хватило места. Нас тоже пересчитали, и мы успокоились, значит, ничего страшного не происходит. Но когда ни в три, ни в четыре, ни в шесть никто не вернулся, мы стали волноваться. Нам запретили выходить в коридор и смотреть в окна. Свернувшись клубочками под одеялом и уставившись на дверь, мы прислушивались и ждали. Жуткая, непривычная тишина, от нее еще больше усиливается тревога. Около восьми часов вечера коридоры казармы ожили. Пришли родственники больных и все объяснили. И папа пришел. Никто и никогда так не радовался, возвращаясь в Терезин, никто и никогда не засыпал так спокойно, как в ночь с 11 на 12 ноября.

2. При пересчете недосчитались 33 человек. Из-за этого был смещен с поста и позже расстрелян первый «еврейский староста» терезинского лагеря Якоб Эдельштейн.

Хельга Вайсова. Дети из Белостока. XXV

Лео Хаас. Прибытие Белостокского транспорта в Терезин, 24.8.1943

Говорят, прибудет международная комиссия³. Проводится генеральная уборка Терезина, именуемая «украшением города». Уже есть план, что и где должна осмотреть комиссия, и в тех местах идет работа. В тех комнатах Гамбургских казарм, где окна выходят на улицу, велено ликвидировать третий ярус нар. Из-за этого отправили большой транспорт, но тем, кто остался, места все равно не хватило. Но приказ есть приказ, ранним утром срезали верхние полки. Тем, кто их занимал, пришлось собрать вещи и переехать на чердак.

3. Слухи о комиссии стали распространяться с ноября 1943 г., кампания «приукрашивания» началась в феврале 1944 г.

Часть 1. Образ жизни

Рождество

Мы так его ждали, но прошел слух, что нам не позволят выйти из комнаты. До сих пор у нас было достаточно возможностей узнать немцев, но мы все еще хранили наивную надежду. Не было в гетто ни одного праздника, который бы прошел нормально. Нынешнее Рождество не стало исключением. Ушло два транспорта¹. Женщины и много наших девочек. Это будет грустное Рождество.

Желтуха и тиф вышли из моды. Их место занял энцефалит. В Соколовне освободили большой зал, где прежде содержали тифозных. Как всегда, L 410 на первом месте по заболеваемости – нас закрыли на карантин. Говорят, что иногда эта болезнь протекает легко. Сегодня на осмотре врач сказал, что у меня все симптомы энцефалита. Меня будут смотреть в Врхлабах.

В Врхлабах диагноз подтвердился. Лежу в 17-й палате. Здесь жуткая грязь и холод. Одеяла и матрацы приготовлены для дезинфекции. Завтра меня переведут в Соколовну. Предвкушаю купание. Девчонки писали, что в первую очередь там нужно будет вымыться. Замечательная новость – впервые за три года буду купаться в ванне.

Лежу здесь вторую неделю. У меня уже ничего нет, но раньше чем через четырнадцать дней не выпишут. Я лежу рядом с Каткой, мы целыми днями бездельничаем. Много рисую и читаю. Прочли вместе с Каткой «Quo Vadis?»². Невероятно интересная книга о преследовании христиан. Страшно, что после стольких столетий все еще происходят подобные истории. Читали стихи Горы. Некоторые мне так понравились, что я их переписала. Я научилась делать фигурки из проволоки. У меня их уже целая полка. Я здесь четырнадцать дней, в пятницу обещали выписать. Три часа дня – пора на террасу, сегодня приемный день.

1. 15 и 18 декабря 1943 г. 5007 з/к отправлено в «Семейный лагерь».

2. Роман польского писателя Г.Сенкевича.

Х. Вайсова. Слепые. XXV

Х. Вайсова. Перед отправкой на восток. XXV

15 января 1944 г.

Опять пришла весть о грандиозном событии. Переселение из «Гамбурга». Настоящий дурдом! За 24 часа переселить 4000 людей со всеми вещами. Мама, к счастью, получила приличное место в Q 610. Сегодня осмотр проводил доцент. Нас с Пуцкой выписывают. Завтра утром можно уйти. Бедная Францка так радовалась, что нас выписывают, а теперь сама в изоляторе.

Мы с Пуцкой встали в половине шестого, хотели оказаться дома до того, как все проснется. Мы не узнали нашу комнату. Койки переставлены и выкрашены. Занавески перекрашены в зеленый цвет, в центре, на стене, теперь тоже зеленой, висит большая картина с изображе-

нием Праги. Ну и дура я была – мечтала вернуться к маме. Нашу 24-ю не променяю ни на что на свете. Разве что на конец войны, но и тогда, после войны, буду по ней скучать. Францка уже почти три недели в изоляторе. Мы боялись, что дело кончится воспалением легких. К счастью, Францка поправилась и завтра вернется. Я все подготовила к встрече, надеюсь, ей понравится. Обклеила нары черной и темно-красной бумагой, а к ней прилепила рисунки и три открытки с видами Праги. Прямо-таки уютная комнатка с окошками из открыток с видом на Градчаны и Влтаву. Скорей бы утро, чтобы можно было пойти за Францкой.

Вместо «Праздника мам» собираем им вещи³. Сколько недель мы готовились, во всем себе отказывали, боролись с соблазном съесть сахар и маргарин, заначенный на праздник. Кто на очереди, кто попал в беду?

Францка в пивоварне. И еще несколько девчонок. Там настоящий сиротский приют. Чем помешали им невинные дети? Я помогала в пивоварне детям из L 318. Некоторые из них еще и говорить не научились как следует, двух- и трехлетние малыши с номерами на шее, карандашом подписано «Вайзекинд» [сирота]. Не знаю, о ком думать в первую очередь. Пуцка, Дорис, Ганка, Ружа, Францка... В нашей комнате тихо как в мертвецкой, хоть криком кричи. На верхних нарах никто не скачет, никто не смеется, рядом – пустая койка. «Францка! Боже, избавь ее от транспорта».

Не знаю, когда я уснула. Должно быть, очень поздно. Девчонки заступали в ночную смену вспомогательной службы. Встали затемно. Из пивоварни нас выгнали. Вчера в помощники уже никого не брали и не пропускали без повязок. Я заметила, что с красными повязками пропускают. Мы разрезали красные спортивные трусы и наделали повязок. Но тут порядок изменился – стали пропускать с белыми повязками, на которых стоит «W». Пока всем девчонкам нарисовала W, наступил полдень.

В шлойске мы провели около часа, и нас оттуда выставили, – чтобы в суете не перепутать с теми, кого отправляют. Немцы свирепствовали, и бывали случаи, когда в вагон запикивали любого, кто под руку попадет, без багажа, в чем есть. Весь день я простояла под Францкиным окном, не спуская глаз с бумажки, привязанной к нитке. Это был знак – там они или уже ушли. В полседьмого послышался свисток локомотива, и поезд медленно сполз с Ёгровки⁴. Бумажка болталась на нитке. Значит в последний момент Францку кто-то спас.

Комиссия, из-за которой отправили транспорт и были уничтожены третьи ярусы нар, уехала вполне удовлетворенная осмотром. Она пробыла здесь полдня, прошлась по верхам, визит был похож на генеральную репетицию⁵.

Комендатура выдала новые указы о «приукрашивании» на следующие два месяца. Смешно, на наших глазах Терезин превращается в курортный город. Как в сказке о скатерти-самобранке. Вечером выходит приказ, а наутро все диву даются – откуда что взялось. Все эти три года никто не удивлялся тому, что улицы названы буквами «L» и «Q» [продольные и поперечные]. Где «Магдебург», «Ёгровка» или любая другая казарма, знал каждый ребенок. Немцы вдруг спохватились, и за ночь город преобразился. Утром город было не узнать: на всех углах таблички с названием улиц, на перекрестке – указатель: «Цум Бад», «Цум Парк» [К купальне, к парку] и т.д. «Магдебург» переименован в «B V», а мы теперь живем не в L 410, а на Гауптштрассе, 10. Из здания школы, прежде служившей больницей, за ночь

3. В мае 1944 г. из Т. в Освенцим было отправлено 7503 человека, среди них более 500 детей.

4. Егерские казармы.

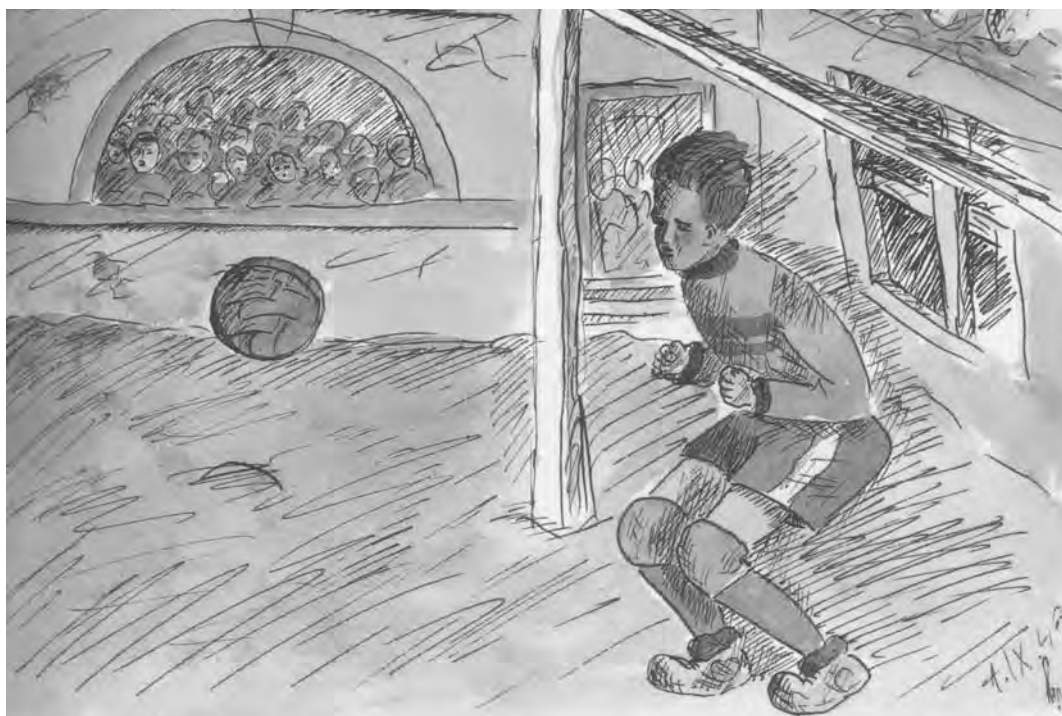
5. 23.6.1944 прибыла и отбыла комиссия МКК.

Хельга Вайсова. Машины комиссии Красного Креста въезжают в город. 23.6.1944. ХХВ.

вывезли всех больных. Здание перекрашено, выдраено, туда завезли даже школьные парты. Утром было издалека видать сияющую под солнцем надпись «Кнабен унд мехеншуле» [Школа для мальчиков и девочек]. Выглядит школа прекрасно, как настоящая, разве что нет в ней ни учителей, ни учеников. Но для этого есть уважительная причина – каникулы. Так и написано – «Каникулы». На площади выволокли прошлогоднюю сухую траву, разбили большую клумбу с розами, на дорогах, посыпанных чистым желтым песком, в два ряда стоят свежеекрашенные скамейки. Из досок – мы все гадали, зачем они – выстроили музыкальный павильон. Есть тут теперь и кафе с красивой вывеской «Кафехауз» [кафе]. Вывески обновили на всех магазинах. Все дома будут перекрашены, начали с Лангештрассе. Из барака за «Магдебургом», где прежде было производство слюды, сделали шпайзехалле [столовую]. Несколько девчонок там пристроились, ходят в белых чепчиках и фартуках, разогревают еду. Из Соколовны вышел настоящий ресторан: резная мебель, плюшевые кресла в холле и огромные вазы с пышными букетами. На втором этаже – библиотека и читальный зал, на террасе столики под цветными зонтами.

Датчанам завезли новую мебель. Два блока оборудовали желтыми крашеными нарами и полками с голубыми занавесками. В парке возле дома малюток поставили роскошный павильон с детскими кроватками, покрыли их светло-голубыми вышитыми одеяльцами. Там же игрушки, резные лошадки-качалки и пр. Да, еще бассейн, качели и карусели. Никому и в голову не придет спросить, зачем это все. Неужто только для комиссии? Кто поймет, что здесь происходит?!

Хельга Вайсова. Футбол. 1.9.1943. XXV.

24-я устраивает вечер танцев. Пригласительные билеты готовы, подвал зарезервирован, с гармонистом договорились. В задней части подвала – буфет с бутербродами и лимонадом. Все приготовлено, маргарин для гармониста сэкономлен (за кусочек маргарина он будет играть весь вечер). Танцевать мы кое-как умеем, Шари с Тонечкой нас долго и терпеливо обучали. Осталось раздать приглашения.

Все вышло чудесно! Еще лучше, чем ожидали. Сначала мы боялись, что ребята не придут, затея с танцами провалится и мы осраимся на все гетто. Но пришли все, кого мы пригласили, и уже от одного этого настроение у нас было улетное. С непривычки мы наступали друг другу на ноги, но только поначалу, потом все шло как по маслу. Я весь вечер протанцевала с одним юношей. Он приглашал только меня.

Мы снова устроили танцы. Он пришел и опять танцевал только со мной. Зовут его Ота, у него светлые вьющиеся волосы и серые глаза. Ему уже 25 лет. Девчонки что-то заподозрили. Я пока отделяюсь улыбками, не знаю, долго ли смогу притворяться.

Сегодня мама ходила на рентген. Уже несколько месяцев у нее была повышенная температура, но больной ее не признавали. Теперь установили, что она перенесла на ногах воспаление легких и должна лежать. Только бы не осталось затемнения в легких!

После обеда у нас праздник на бастионной горке, мы ждем его с нетерпением. Может, и Ота придет. С последних танцев прошло почти две недели, и с тех пор он не назначал мне свидания. Иногда встретимся на улице, он что-то пробурчит, и всё. Хоть бы он пришел! Если

Часть 1. Образ жизни

и сегодня ничего не выйдет, значит, все это было зря.

Он пришел. Потом проводил меня до дому и назначил свидание на вечер. Отличный парень. И не взбалмошный, как те, с которыми гуляют наши девчонки. Мы отлично поговорили. Как-никак ему 25 лет.

Вот уже два года Руткины родители сидят в тюрьме. С с мамой она виделась в последний раз в прошлом году, когда собирали каштаны и Рутка работала в поле с заключенными из Малой крепости. Про отца ей вообще ничего не было известно. Три недели назад она вдруг увидела его в колонне арестантов, они шли из Малой крепости. С тех пор она встает в полшестого утра и мчится к забору у шоссе, по которому водят на работу эзков. В шесть утра она там, домой возвращается к пяти. Все эти 14 дней Рутка понапрасну ищет отца, к тому же это риск – можно разозлить эсэсовцев. Отец в колонне не появляется. Или его куда-то переправили, или увезли в Прагу на допрос, или он заболел, или умер. Эти слова никто не решается произнести вслух. Как ни отговаривай Рутку, она встает засветло и уходит – чтобы не пропустить ни одной колонны.

Из огорода нас посылают в Травчице на уборку сена. Дорога протекает вдоль Малой крепости, и иногда нам навстречу идет группа арестантов. А что, если среди них Руткин отец, или Ханкин, или Лалин? Может, арестанты могут что-то разузнать – ведь они тоже чьи-то отцы, мужья, сыновья? Нам запрещено с ними разговаривать. Как мечтали мы просто поздороваться с ними, чтобы хоть на миг подняли они головы, может, это придало бы им сил – веры в то, что они продержатся, дотянут до победы. Но нам запрещено около них останавливаться, а им – смотреть в нашу сторону. Вокруг носятся эсэсовцы с автоматами, орут, раздают затрещины, бросают в арестантов камни. И все же нам удалось обменяться взглядами. Мы ведь тоже заключенные, тоже мечтаем попасть домой. Так хотелось сказать им что-нибудь, да нельзя. И тут до нас дошло, и мы запели: «Свободу в кандалы не закуешь – заржавеют, а ржавому железу грош цена...» Это песня W + V, немцам ее не понять!

Под окнами гремит оркестр городской капеллы. Надраенные тротуары гармонируют со свежевыкрашенными зданиями, в окнах переливаются выглаженные занавески. Кафе переполнено, все скамейки в парке заняты, дети впервые играют в игрушки перед домом малышей. У «Магдебурга» стоит машина, не катафалк – чистая красивая машина с хлебом. Около нее мужчины в белых фартуках, белых колпаках и рукавицах. Из сельхозбригады выбрали группу хорошеньких и здоровеньких на вид девушек – распевая песни, они будут нести корзины со свежими фруктами. Дети в последний раз репетируют приветствие «дядюшке Раму» и главную сценку – они должны воротить носы от предлагаемого им второго завтрака: «Schon wieder Sardinien?» [«Опять эти сардины?»]. Сегодня на ужин дадут по две булочки из ржаной муки с паштетом, а завтра на обед грозились дать мясо. Меню составлено на неделю вперед, но мы эти фокусы знаем, меню за прошлую неделю было сплошным враньем. Все уже на мази, «геттовах» бегают как ошпаренные – всюду им надо поспеть, а главное, вовремя подать сигнал: «Идут!» Как только первые машины появятся на Богушовицком шоссе, прозвучит сигнал – пора начинать играть комедию².

Меня перевели работать в Крету. Исполнилась давняя мечта, но теперь от этого никакой радости. Со вчерашнего дня мама в больнице, забот полон рот. Готовить еду, вечером от-

Хельга Вайсова. Уличная сцена. 5.1.1943. XXB

1. W + V – инициалы Восковца и Вериха, актеров пражского довоенного «Освободенного театра».

2. Съемки нацистского пропагандистского фильма начались 16.8.1944 и завершились 11.9.1944.

носить ее бабушке или отцу, если он в вечерней смене, потом – к маме. В Крете работают с часовым перерывом – с шести утра до полседьмого вечера, на два часа больше, чем раньше. В полдень мы учимся, вечером с восьмью до девяти – математика. Не представляю, как со всем справиться. Но зато и утащить можно будет побольше. Кроме того, через день я буду получать «цузац» [добавку], а на неделю – три четверти хлебного пайка и две баночки паштета. Пришла моя очередь стать добытчицей, маме сейчас не до шитья. Сегодня получили посылку, как-нибудь продержимся.

Если бы Хейндл³ так не свирепствовал! Из-за него в сельхозбригаду никто идти не хочет. Следит за нами, как охотник за добычей, дня не проходит, чтоб кого-нибудь не поймал. Мотоцикл Хейндла уже все знают, посему он изобрел новый метод – ездит по валам на велосипеде и смотрит в бинокль. До Креты-то я дорвалась, но только красть стало еще опасней. Но я во что бы то ни стало должна принести маме зелень. Надо быть крайне осторожной, за нами постоянно следят. Хейндл избил парня только за то, что обнаружил в парнике кожуру от огурца. Нас обуял страх, но, кажется, на сегодня Хейндл удовлетворился одним этим избиением.

Когда придет конец? Если бы можно было доверять доходящим до нас известиям – полуправде-полувыдумке, перевернутым и приукрашенным фактам! Иллюзиями жить легче, они придают оптимизм. С мамой о таких вещах говорить бесполезно, у нее свои заботы – быт и пропитание. А отец уматывается на работе (иногда он дежурит в канцелярии днем и ночью), и ему нужен покой. С девочками мы это тоже не обсуждаем, разве что с Францкой.

Зато у меня есть Ота, с ним можно долго и обстоятельно беседовать. До Терезина он два года отбыл в Липе⁴. Рассказывал жуткие вещи. Это был рабочий лагерь, наподобие концлагеря. Здесь он один. Ему было двенадцать, когда умерла мать, и двадцать, когда умер отец. Брат и сестра в Польше, вторая сестра пока дома, она замужем за арийцем. Ота изучал в университете химию, но как еврея его оттуда выкинули, ему не хватило двух семестров. Ота не расстается с учебниками. Работает в прачечной истопником. Работа сменная, выгодней выходить в ночь, в саду за прачечной можно накрасть яблок. Каждый вечер он дарит мне яблоко, иногда приносит какую-нибудь еду. Совестно у него брать – за скудный паек хлеба, маргарина и сахара он работает до седьмого пота, выглядит плохо и при этом готов всем со мной делиться.

Ночь, без четверти два. Противные блохи не дают спать. В комнате нас шестеро, остальные во дворе и коридоре. Горит свет, но и это не помогает. Не зря говорят: «назойливый, как блоха». Они скачут по стенам, одеялам и телу, падают с верхних нар прямо в лицо. Раньше они давали передышку, а теперь народу в комнате мало, выбор невелик, и они упиваются моей кровью. Я устала с ними бороться, извела гору бумаги – и хоть бы хны, теперь давлю их пальцами. У нас соревнование – кто больше уничтожит. Пока я проигрываю, на моем счету всего 38 блох. Ганка выигрывает: у нее 66 своих и 23 прилудных, убитых на полу, стенах, столах и скамейках. До дезинфекции осталось три дня, придется ночевать на улице, не сидеть же без сна три ночи подряд.

Девочки на время дезинфекции перебрались на чердак в «Гамбург», а я – на мамино место. У меня опять поднялась температура, но после обеда я все равно пойду на работу. Сдаем морковь, такую возможность нельзя упустить.

3. Рудольф Хейндл – эсэсовец, заместитель коменданта лагеря.

4. Лагерь в Липе был расформирован в марте 1943 г., всех з/к переправили в Т.

Маму выписали; в легких у нее осталось небольшое затемнение, она должна за собой следить. Вчера получили посылку, так что кое-какая еда на восстановительный период есть.

Мы опять в L 410. Но не в 24-й, а в 27-й. Кажется, здесь будет сносно, может, даже лучше, чем в прежней комнате. Но мы будем держать марку 24-й. Нас тут 21 человек, ни одной свободной койки. Мое место, как и прежде, у окна, на односпальной койке, Францка – на соседней. Подо мной Рутка, надо мной – Ганка. Ребята соорудили нам полки для обуви, продуктов и посуды. Чемоданы на чердаке, вещи в шкафу в коридоре. Под койками ничего не должно быть, никаких вещей, все – на своих местах. Мы попросили Оту покрасить занавески и салфетки. Будет отлично, поскорей бы только закончилась уборочная суета. Мы выиграли соревнование на самую чистую и красивую комнату и по праву заслужили первое место. Наша 27-я – образцовая по всем статьям. Готовимся к вечеру. Каждая комната выступит со своим номером. Программа составлена, и мы каждый день репетируем.

Час тому назад мы возвращались с прогулки около «Магдебурга». Веселые, беззаботные. Перед казармой собрались люди. Слышим: «Пять тысяч мужчин!»¹ Отца я в канцелярии не застала. Но подтверждения и не требовалось. Коридоры Магдебургских казарм умеют говорить. Грохот шагов, шорох одежды, крик «геттовахе», хлопанье дверьми, истерический плач – мы привыкли к этим звукам, знаем, что они значат.

Пять тысяч мужчин. Якобы на работы, строить новое гетто. Где-то в Кёнигсштайне. Две с половиной тысячи завтра, две с половиной – послезавтра. Дядя Индра – в первом транспорте, папа и Ота – во втором.

Шмонают в «Гамбурге». Дядя Индра уходит утром. Мне нужно помочь Оте сложить вещи. Отец готов. Он мог не ехать, мог получить рекламацию [освобождение от транспорта] от своего начальства. Но это не в его характере. «Просить за себя? Пять тысяч едет, почему я должен оставаться?»

28 сентября 1944 г.

Состав прибыл, первые две с половиной тысячи уехали, второй транспорт пока не отправляют. Люди шепотом выдвигают разные версии: не хватило вагонов, разбита железнодорожная колея, может, не поедет! Оптимисты распаковывают чемоданы.

28 сентября 1944 г. 9 вечера

В открытое окно дует прохладный ветерок. Вокруг тишина, то тут, то там дребезжит повозка, те, кому удалось получить рекламацию, возвращаются из шлойски.

Койки разобраны, на полках страшный беспорядок, на полу рваные и штопанные носки, над печкой болтаются мужские рубахи и носовые платки, под ними – таз с грязной водой, ее не успели вылить. Под койками – чемоданы, на полу – мешки, где-то валяется ломтик хлеба или кусочек маргарина. У всех кого-то забрали: или отца, или брата, у некоторых – всех сразу. Неужели это мы – та самая 24-я, которая три дня тому назад готовила театральное представление, неужели мы те самые девчонки, которые еще недавно так весело хохотали?

Сидим за столом, с нами Милан, Милушин парень, и мой Ота. Поем. Народные песни, терезинские частушки, ребята подпевают. Перекрывая наши голоса, они громко рассказывают

1. 28 и 29 сентября 1944 г. из Терезина в Освенцим было отправлено 4999 мужчин. Вслед за ними – еще 18 000 человек.

анекдоты, девчонки смеются, я тоже. И снова тишина. Но ребята опять спасают положение юмором.

И вот – ушли. Мы лежим молча, не спим. Ночь пролетает мигом, уже светает. Сквозь затемненные окна пробиваются первые лучи света. Вокруг тишина. Мы ждем. В любую минуту могут загрохотать колеса вагонов – и конец, прощай надежда.

Хельга Вайсова. Вечер в гетто. ХХВ

29 сентября 1944 г.

Состав уже на месте, второй транспорт отправляется в шлойску. Мама спешно готовит ужин, чтобы папа хоть напоследок поел досыта. И Ота здесь, в эту неделю перед отправкой он с нами все вечера. Я снова принимаюсь за еду, это вторая или третья тарелка? А есть не хочется; глотаю слезы, по слезе – на ложку, слишком много слез, никакой еды не хватит. Папа и Ота скручивают папироски на русский манер, набивают их сухим чаем и смеются. Смех висельников! Без пятнадцати шесть, пора. На лавке – окурки, память о недавнем смехе. Здесь мы втроем коротали вечера последние 9 месяцев. Это была самая лучшая пора Терезина, прекрасные мгновения. Вот бы прямо сейчас закончилась война... как было бы здорово.

Так и сидим, напоследок. Завтра останемся с мамой одни, где ты будешь, отец?! Рука откладывает в сторону еще не остывший окуроч... Невозможно сдержать слезы, столько их скопилось за неделю, да и зачем сдерживать? Я прижалась головой к папиной груди, слышу, как бьется его сердце, неровно, с перебоями. Сорвался ритм, и все так, в этот последний

Часть 1. Образ жизни

вечер. Отец, были бы у тебя такие сильные руки, чтобы никто на свете не вырвал меня из твоих объятий.

«Гамбург», третий двор, полвторого ночи. Выходим. В белом платке и с повязкой «хильфдинста» [вспомогательной службы] я провожаю их до самых ворот. Ота уже в вагоне, жаль, не смогла помочь ему с багажом, иначе не смогла бы потом выйти со второго двора. Недолго длилось наше знакомство, и все же... «это была прекрасная пора, приятно будет о ней вспоминать, и ты не забывай. Адрес, по которому найдешь меня после войны, знаешь – может, увидимся...» Ота помог мне перелезть через ограду. Последнее рукопожатие. Он уже в поезде, через несколько часов уедет...

Быстро идем к воротам, нас человек тридцать или сорок. Отец берет свой багаж...

Перед нами двадцать человек. Но что это? Ворота запирают, все по домам – посадка закончена, не хватает вагонов. Неужели их и правда здесь оставят? Вот было бы чудо...

К той тысяче, что не поместилась, могут добровольно присоединиться 500 женщин. Папа категорически против того, чтоб мы ехали. Видимо, он понимает что-то, но мы все равно хотим ехать. Раз он едет, наш долг ехать с ним. Разве это непонятно? Будь все наоборот, разве он отправил бы нас одних? Нет, он нас с собой не возьмет – ему было обещано, что нас не тронут. Ну и что, а мы все равно хотим ехать.

1 октября 1944 г.

Он стоит на ступеньках вагона, машет, улыбается... Боже, разве это улыбка?! Таким я никогда его не видела. Он изо всех сил старается улыбнуться, но выходит лишь дикая гримаса. Улыбка скорчилась в углах губ. «Папа!..»

...Все, его уже нет, пропал в толпе. Напрасно мы с мамой высматривали его в окне. Так он и не показался, видимо, через груды вещей он не смог пробраться к окну. В памяти остался скривленный гримасой рот, натужная улыбка. Папа, почему ты не взял нас с собой? Да потому, что не верил в то, что вы едете строить новое гетто! И потому так странно блестели твои глаза и руки тряслись, когда ты напоследок прижал меня к себе. Что это было – до свидания или прощай?

2 октября

После обеда будут разносить повестки. 1500 членов семей уехавших предыдущим транспортом. Но ведь обещали, что семьи не тронут... Как всегда, обманули. Могли бы уехать вместе. Кто знает, куда нас отправят?

4 октября 1944 г.

Можно было бы получить рекламацию на этот транспорт, да неохота. Поедем, будь что будет. Хороший знак – разрешили взять с собой весь багаж. Может, это не обман и мы едем туда, где мужчины... Полночь, поезд отошел от станции. Нам еще повезло, что мы в него попали. Едем в последнем вагоне. При том, что одни из первых пришли во двор. У ворот была настоящая свалка...

Интересно, будут ли нас встречать «Транспортляйтунг» [Служба обустройства прибывающих] на перроне, как тогда, когда мы прибыли в Терезин? А может, нас будут встречать папа с Отой?

Часть 2.

Журналы "Ведем", "Камараз", "Рим, Рим, Рим", "Бонако"

Обложки терезинских детских журналов

«...У всех детей на свете есть свой угол, а у нас — нары 70 x 30! Все дети живут на свободе, а мы — как собаки на привязи. Позвольте же вместо полок с игрушками иметь над головой хотя бы полуметровую доску. Поймите, наконец, что мы тоже дети. Да, мы выглядим взрослыми, и в этом виноват Терезин, но мы такие же дети, как все».

...рлер (Иржи Запнер), «Ведем» №27.

1

«ВЕДЕМ» – МЫ ВЕДЁМ

«Республика ШКИД»

«Зачем вообще рассказывать эту историю? Неужели только для того, чтобы запечатлеть забавные и поучительные случаи из жизни нашего дома – но ведь сами по себе они того не стоят. Скорее всего, моим намерением было найти место и аналоги данному событию в мировой истории. Мировая История! Механизм, дробящий и перемалывающий судьбы! Политика! Колесо, без конца вращающееся то туда, то сюда. Однако чтобы понять действие механизма, нужно его изучить. Зачем?! Да чтобы не попасться на удочку хитрых политиков с их красивыми лозунгами. Но как его изучить? Всякая душа, если она не ленива, способна выработать мировоззрение. Ведь мы живем в обществе, наблюдаем за развитием главных идей и за реакцией на них...

Но, простите, разве это ответ на вопрос, почему я пишу историю ШКИД? Что за нужда такая? Все равно ведь настанет *соф* [конец – *ивр.*], и мы навсегда покинем гетто.

Вспомним геометрию. Если треугольники подобны и вам точно известна площадь малого треугольника и сторона большого, вы без труда вычертите его – «АВС». И наоборот, с помощью данной теоремы геометр измерит площадь, пользуясь простой линейкой. Маленький треугольник вверх – это ШКИД, большой – «Мир», т.е. его История и Политика.

Наша задача – найти подобие между Миром и ШКИД. У обоих – те же потребности, те же аппетиты и в определенной мере – та же история и те же реакции, а стало быть, и политические проблемы».

Так рассуждал пятнадцатилетний Петр Гинц, главный редактор журнала «Ведем»¹.

Идея учреждения «Республики ШКИД» в комнате № 1 дома L 417 принадлежала Вальтеру Айзингеру, 29-летнему преподавателю чешского языка и литературы из еврейской гимназии в Брно². Благодаря ему Школа Имени Достоевского, основанная в 1921 году на Старопетровском проспекте в Петрограде, «перекочевала» в Терезин. К слову сказать, никто из «Единички» «Республику ШКИД» не читал. «Я прочел ее только после войны, – рассказывает Зденек Орнест. – Айзингер с таким увлечением описывал послевоенный Петроград и Лёньку Пантелеева, который из воришки превратился в честного пионера... Мы обожали слушать про ШКИД»³.

Чтобы не навлекать ненужных подозрений, Айзингер придумал кодовую расшифровку «ШКИД»: «Школа I-го Дома» (латинское «I» выглядит как римская цифра I).

В «Единичке» было учреждено самоуправление.

«Создание органа самоуправления «Единички»⁴ мы отметили выпуском первого номера журнала «Ведем». 18 декабря, когда Отик⁵ пришел к нам на пятничную проверку, мы, под пение гимна, торжественно подняли флаг.

...Гимн завершает мощное фортиссимо. Затем в середину комнаты выходит председатель самоуправления Вальтер Рот и произносит речь:

«В воздух поднялся флаг. Флаг «Единички». Символ будущей работы и содружества. В нашем доме учреждено самоуправление. Зачем оно нам? А затем, что мы больше не хотим быть случайным сборищем парней, бездарно проживающих навязанную им жизнь... Нас

Петр Гинц. Собрание в ШКИД. 1942. ЯВА

1. П. Гинц. История ШКИД, ЯВА, 064. «Ведем» («Мы ведём» – чешск.) выходил в «Единичке», детдоме, устроенном в комнате № 1 в здании L 417.

2. О нем помнит даже Х. Зельцер, хотя, как сама она говорит, в Т. ей «отшибло память»: «Он приходил в наш детский дом и что-то рассказывал... Небольшого роста, скорее некрасивый, косой на один глаз... Айзингер! Он выжил?!»

3. Зденек Орнест (Орнштейн) (1929 – 1990) – известный пражский актер. Подробно о нем – в очерке «На распутье».

4. 11 ноября 1942 г. «Закон о самоуправлении» был принят на общем голосовании, а 18 декабря вступил в силу.

5. Отик, Ота Кляйн (1921 – 1968) заведовал комплексом детских домов в L 417. Был депортирован в Освенцим 28.9.1944. Выжил, вернулся в Прагу. Работал социологом в Академии наук Чехословакии. Написал диссертацию «Влияние концентрационного лагеря на моральный дух еврейской молодежи».

несправедливо лишили большой и нужной работы, радости и культуры, отрезали от источников, питающих юность. Этим преследовалась цель – уничтожить нас не физически, но душевно и морально. Уступим нашим врагам? Поддадимся? Никогда! Лишенные привычной культурной среды, создадим новую; отторгнутые от нормальной жизни, сотворим новую, радостную, ликующую жизнь.

Оторванные от нормального общества, построим новое на основе разумного порядка, добровольной дисциплины и взаимного доверия. Затравленные, униженные злобой мира, мы не станем наполнять злобой свои сердца. А любовь к ближнему, уважение к другим нациям, народам и религиям будут ныне и присно нашим наивысшим законом!»⁶

Речь пришлось нам по сердцу. Затем пару слов сказал профессор⁷; он спросил нас, обещаем ли мы следовать принципам, оглашенным в обращении. «Обещаем!» – отозвались мы хором, и на этом незабываемое торжественное собрание закончилось.

...ини (Рудольф Лауб), «Ведем» № 2.

Воспитатель Вальтер Айзингер и детдом № 1

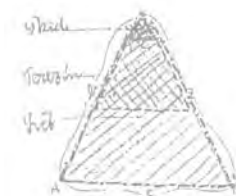
Вальтер Айзингер происходил из ортодоксальной еврейской семьи. В городке Подивин, где он вырос, был большой еврейский квартал, хедер и синагога. Вера в Божественный Промысел, которую он в детстве черпал из библейских книг, позже превратилась в веру в Социальную Справедливость. Пылкий юноша, вдохновленный советскими идеями, углубился в изучение марксизма и русской литературы. Его любимыми поэтами были Лермонтов, Есенин, Маяковский. В духовные наставники он взял Льва Толстого, а в «земные» – профессора Бруно Цвикера⁸, социолога-марксиста, который тоже преподавал в еврейской гимназии Брно. В Терезине Цвикер служил Вальтеру надежной опорой.

Летом 1940 года Вальтер влюбился в свою ученицу. Звали ее Верой. Она сдавала ему экзамен по чешскому языку – писала сочинение на тему «Расцвела яблоня». В мае 1941 года еврейскую гимназию закрыли, и Вальтер вернулся к родителям в Подивин. Последовавшие вслед за этим полгода страшных лишений оказались, как ни парадоксально, самыми счастливыми в его жизни. Тайные встречи с Верой на конечной остановке трамвая. Прогулки по садам и лесам. Наверное, когда Смерть бродит по пятам, Любовь обретает особую силу. В январе 1942 года, накануне депортации в Терезин, Вальтер писал Вере: «...Я прощаюсь с тобой в полной уверенности, что мы еще встретимся, но не в Терезине, а на воле, когда снова станем свободны. И тогда, моя возлюбленная Вера, осуществится то, о чем я так мечтаю!.. Я всегда буду думать о тебе, мысли о тебе будут моей утренней молитвой, когда я встаю, и вечерней, когда ложусь. Память о тебе будет бальзамом, исцеляющим раны... Но если случится, моя дорогая Вера, что я не вернусь, ты свободна от всех данных мне обещаний. Я только хотел бы, чтоб тот, кому ты отдашь свою руку и сердце, смог любить тебя так или почти так, как любил тебя я»⁹.

В августе 1942 года Вера прибыла в Терезин. «Единичку» окутали флюиды любви. В придачу к «папе профессору», в которого были влюблены все шкидовцы, у них появилась молоденькая «мама Вера».

В 1943 году Вальтер и Вера поженились, правда, не на свободе, как мечтал Вальтер, а в Терезине. Это событие отражено в журнале «Ведем».

«Магдебургские казармы, помещение № 118, сцена терезинского театра. 11 часов утра,

Петр Гинц. История ШКИД. 1942. ЯВА

6. Вальтер Рот (1928 – 1944), «Политический реферат», «Ведем» № 2. Вальтер был первым председателем самоуправления «Единички».

7. В Чехии и других европейских странах преподаватель старших классов гимназии носит титул «профессора» (в отличие от «университетского профессора»).

8. Бруно Цвикер (1900 – 1944) родился в Шебетове (Моравия) в ортодоксальной семье. Ученик проф. Блага, основателя чешской социологии. Декан философского факультета в университете Брно. С 1939 г. преподавал в еврейской гимназии в Брно. Депортирован в Т. из Брно 8.1.1942. Воспитатель в Л 417. Член подпольной коммунистической организации гетто. Депортирован в Освенцим осенью 1944 г.

9. С Верой Сомеровой я встретила в Праге в 1988 г. Щуплая старушка, газовый платочек, заправлен в ворот серенького пальто. Так и не нашелся тот, кому бы она решилась отдать руку и сердце, всю свою жизнь она провела при тяжелобольной сестре. Наша встреча получилась совсем короткой – опять же из-за сестры, Вера спешила к ней в больницу. Щелкнув замочком сумки, Вера извлекла из нее конверт с фотографиями и отдала мне. Мы попрощались. Держа на ладони снимки юного Вальтера и девушки Веры, я долго смотрела ей вслед. То ли из-за стремительности встречи, то ли из-за газового платка Вера показалась мне бестелесной. Душа в пальтишке, живущая Вальтеровыми молитвами.

мягкий свет апрельского утра. Около пятидесяти молодых людей стоят среди потухших прожекторов и театральных декораций, изображающих операционную. Юноши в шляпах, взятых напрокат, в темных костюмах, тоже одолженных, выглядят как выпускники школы на общей фотографии. Жених, молодой человек, что-то громко обсуждает с товарищами. Невеста, семнадцатилетняя девушка, час тому назад сняла с себя тренировочный костюм, а через пару часов, уже как г-жа XYZ, в спецовке, будет возить по улицам Терезина катафалк, нагруженный ящиками, матрацами или досками.

Два серебряных подсвечника, чаша с «вином», черный кофе, три раввина, свадебный балдахин. Первый раввин ищет спички и не может найти, у второго и третьего тоже нет спичек. Мужчины шарят по карманам — нету. Наконец молодая свекровь, мать жениха, привычным жестом заядлого курильщика выуживает коробок из кармана. Невеста и жених под балдахином, раввин произносит молитву на иврите, жених повторяет. Второй раввин поет псалмы, третий на немецко-ивритском наречии бормочет что-то про совместный жизненный путь и брачные обязательства, как того требует еврейский обычай. Театр, комедия, третьестепенные актеры, операционная на сцене — бесконечный сюрреализм терезинской жизни. Две горящие свечи в тяжелых подсвечниках; молодые люди подбрасывают в воздух не только жениха, но и (о ужас!) невесту»¹.

Бруно Цвикер. 1940. Брно. ПТ

1. П. Счастный. «Ведем», 1943.

Вера Сомерова. 1941. Брно. ЕМА

Вальтер Айзингер. 1941. Брно. ЕМА

О том, что происходило в «Единичке» с июля 1942 по июль 1943 года, Вальтер Айзингер рассказал на семинаре в честь годовщины образования детских домов.

«Житье-бытие «Единички» отнюдь не назовешь спокойным. В прошлом году происходили большие волнения, если не сказать бури. «Единичку» качало – стоило ей добиться успеха, как она тотчас скатывалась в кризис. Короче – шла жизнь.

Для хронологического исследования развития «Единички» нам придется выделить несколько «эпох»:

1. Эпоха с момента основания «Единички» до возникновения «Республики ШКИД».
2. Эпоха управляемой ШКИД.
3. Эпоха неуправляемой ШКИД.

Сегодняшнее положение можно назвать так: через диктатуру к новой жизни.

Назовем первую эпоху «смутной предысторией». От нее не осталось письменных свидетельств. Лишь устные предания хранят отрывочные сведения о допотопных временах «Единички».

Обычно при устной передаче фактов одно искажается, другое преувеличивается, но при этом остается крупица истины. Так, рассказывают о зверюшках, которые, оказавшись в непролазной чаще высоченных нар, рыщут по первобытному лесу из одежды, нижнего белья, обуви, чемоданов, рюкзаков и пр. Говорят, что с той поры в подвале нашего дома скопилось столько хлама, что если его сжечь, то полученной энергии хватит на тысячелетнее развитие промышленности.

О жизни первобытных обитателей известно мало, видимо, в своем дообщественном существовании они выживали по закону кулака, который обрушивался не только на них самих, но и на *мадрихов*. В общем и целом народ был доволен, поскольку не знал цивилизации, не создавал партий и не читал газет.

Учителя еврейской школы в Брно. 1941.
Вальтер Айзингер второй слева. ЕМА

Эпоха ШКИД. И тут кора земная дала трещину, и из ее недр вырвались языки пламени. Горел огонь и пепел валил с небес — кошмар! Вслед за этим начался потоп — «Единичку» затопило! Обитатели спаслись на ковчеге из девяти связанных нар. Первобытная флора и фауна исчезли бесследно. Через некоторое время Властители из дома «А» послали в «Единичку» голубку. Голубка тут же вернулась. Властители поняли, что вода еще не отступила. Когда же после третьей попытки голубка не вернулась, Властители призвали двух пророков из дома «А» и во дворе, под большим кустом, передали им управление «Единичкой». Один из пророков внес в комнату две каменные таблички с десятью заповедями ШКИД — якобы они были дарованы ему под неопалимой купиной богом «А». Это произошло на 11-й день 11-го месяца 25-го года вследствие извержения вулкана на Дальнем Востоке.

К тому времени и относится начало исторической эпохи «Единички»; весь дальнейший процесс зафиксирован в литературных памятниках того времени.

Однажды, в пятницу вечером, вся комната при полном параде выстроилась перед так называемым знаменем и в святом экстазе пропела нечто вроде гимна. Затем выступил юноша (заметьте, не *мадрих*), который сказал что-то о самоуправлении, внутренней дисциплине, трудовой инициативе, рождающейся из недр самоуправления, и еще много чего. Прямотаки дух захватило — какая энергия, сила воли, зрелость! Откуда?

Так в «Единичке» зародилось самоуправление. Взяв рычаги управления в свои руки, ребята решили доказать самим себе и всему миру, что способны управлять лучше наилучшего *мадриха*, для этого необходимо лишь освободить накопленный в них заряд инициативы и энергии. Дайте дорваться до дела!

И они доказали это, причем немедленно. Энергия и инициатива забили ключом, это видно по первому выпуску журнала «Ведем», ребята дали клятву — выпускать «Ведем» каждую неделю. С тех пор утекло много воды, и, как мы знаем, слово свое они сдержали — за полугодие вышло ровно 26 номеров.

По содержанию и «художественности» — журнал на весьма приличном уровне. На этот счет позволю себе процитировать Гейне: «...там груды жемчуга внутри».

С приходом ШКИД к власти началась бурная деятельность по улучшению гигиены, укреплению дисциплины, повышению уровня культурно-воспитательной работы и внешнего облика L 417. Заслуживают упоминания выставка «Вацлавская площадь» и десять кружков по интересам, которые работают всю неделю.

Но не только это. Шкидовцы не пожелали превращать свою жизнь в монотонные трудовые будни — жизнь должна быть в радость. И они придумали массу развлечений, причем не только для себя, но и для других: кабаре, ханукальный вечер, новогодний маскарад...

Как говорится, «жить стало лучше, жить стало веселее». И тот, кто вместе со шкидовцами не испытал душевного подъема от свободного труда на благо «Единички» и всей школы, не поймет и самого чуда, сотворенного по вдохновению людьми, движимыми общим идеалом. Короче говоря, «Единичка» пережила нечто вроде овидиевской золотой эпохи, точно так же идеализированной и воспетой в легендах, — заметим, рассказчик и там играл немаловажную роль.

С воспитательной точки зрения не так уж и важно, что было на самом деле, — важно, как это отразилось в сознании современников. Мало кто из ныне живущих шкидовцев отважится признать тот факт, что рабочий энтузиазм не был стопроцентным. То есть энтузиазм физически существовал, но стимулировался подчас химическим путем. Каждый вечер происходи-

ла инъекция в виде оценок, полученных за выполненные накануне задания. Как правило, шкидовцы обзаводились свидетелями, которые во время выставления вечерних оценок могли подтвердить выполнение работы.

Я сказал «как правило», стало быть, были и исключения. В разгаре лихорадочной гонки за оценками обнаружились и те, кто не поддавался общему ажиотажу, кто работал ради самой работы, оставаясь в тени, не заботясь о свидетелях и отметках. Вот, на мой взгляд, главное достижение данной эпохи ШКИД. Если даже кроме этого не было бы достигнуто ничего другого – и этого бы хватило, чтобы считать эпоху ШКИД исторической. Ради одного этого стоило работать и жить.

Здесь самое время привести пример. Один парень (который отнюдь не относился к ведущему звену самоуправления, напротив, был рядовым шкидовцем), дабы ухаживать за ребятами, страдающими от тяжелого поноса, дежурил в ночную смену. Делал он это исключительно по доброй воле, самопожертвование для него было нормой поведения. Как-то один из больных обнаружил, что «санитар» не получает никаких оценок. На вопрос, почему он не передал свое «дело» в комиссию по выставлению оценок, он заморгал и пробормотал себе под нос: «А на что мне оценки? Я для друзей стараюсь»¹.

Другой случай. Однажды утром, когда все еще спали, один шкиовец (не дай ему Бог быть отправленным в Польшу!) прокрался к моей кровати и прошептал: «Господин учитель, я что-то хочу вам сказать, это давно меня гложет. На самом деле – я имею в виду на самом деле – мне не очень нравится так работать. Правда, ребята работают хорошо, но если бы не оценки, мне кажется, они бы так не старались».

Так в лоне самоуправления родилась новая идея: работать для общего блага добровольно, честно и анонимно. Работать ради самой работы – вот воистину высокая морально-воспитательная идея! Трудиться не для себя, а для общего блага, ни на кого не оглядываясь, не ожидая аплодисментов – вот наивысшая мораль. Достичь идеала тяжело, практически невозможно, однако вся суть в том, чтобы к нему стремиться, постоянно иметь его перед собой.

На этом витке, когда, казалось бы, пришла пора оценить происходящее и подумать о направлении дальнейшего движения, «Единичку» потрясли новые события. По решению свыше «пророки» были отозваны, и ШКИД осталась сиротой. На какое-то время восторжествовала анархия, из органа самоуправления шкидовцы сотворили себе Золотого Тельца и стали отплясывать вокруг него сумасшедший канкан – свидетельство полного распада. Энергия, направленная раньше на позитивный труд, хлынула в разные стороны в виде необузданной разрушительной деятельности. Шкидовцы разбились на лагеря, у них не было никакой программы, кроме борьбы друг с другом. По закону реакции все пошло вверх дном. То, что считалось нравственным идеалом, теперь было заклеимлено как супер эго, дисциплина стала непосильной ношей, работа – скучищей, а сам дом – стойлом. В подвале снова скопились грязевые отложения, из них в будущем мог бы образоваться вторичный слой каменного угля (бурый уголь).

Однако после анархического буйства головы шкидовцев прояснились, и пришло понимание: если Сильная Рука не вмешается, не разобьет Тельца анархического самоуправления и не положит конец разногласиям и конфликтам, ШКИД погибнет в междоусобной сваре. Староновые властители ШКИД на время распустили самоуправление и ввели в «Единичке» диктатуру, а с ней – порядок и дисциплину.

1. Этот случай Айзингер описывает и в «Ведеме»: «Как известно, Бравый Солдат Швейк (Гануш Коминик) ухаживает за своими тяжелобольными друзьями. И при этом комиссия ставит ему тройки. Где логика?! Швейк не ропщет. Невзирая на несправедливость, он дежурит и ночью, что комиссия конечно же никак не могла заметить. На мой вопрос, почему он не написал обжалование, почему не потребовал награды за ночные дежурства и мойку горшков, он только рукой махнул...» («О системе оценок», «Ведем», № 6).

Итак — *quo vadis?* Куда идешь, ШКИД? Диктатура для группы столь энергичных и всесторонне одаренных ребят может быть лишь временной мерой. Диктатура удобна для правителей и для управляемых, но она ведет к упадку творческой инициативы. И потому диктатура временна, скоро ее сменит демократическое, но четко и справедливо организованное и контролируемое самоуправление. Ибо основополагающим девизом нашего воспитания остается: «Разбудить чувство личной ответственности, которого нет и не может быть при диктатуре» (Вальтер Айзингер «Три эпохи детдома № 1»).

Терезинские куплеты

С Айзингером дружили оба Пепека — Счастный и Тауссиг¹. Счастный был воспитателем, а Тауссиг — частым гостем «Единички», оба публиковались в «Ведеме». Тауссиг с Айзингером соревновались в остроумии, сочиняя на пару «народные терезинские куплеты»:

Айзингер: погоди ты, я скажу, что нашлойзовал.
Погоди ты, не спеши ты, я скажу, что взял.
Из кухни кнедличек, в пекарне хлебушек,
Да постой, дай сказать, что еще я взял.

Шасьт туда, шасьт сюда —
Электричества нема.
Шасьт сюда, шасьт туда —
Нету свету — вот беда!

Тауссиг: Черт бы драл эти транспорты!
Жизни здесь кипенье,
А у парня — пневмония,
Надо же — везенье!

Я б тебя обцеловал бы
С головы до самых ног —
Но на тебе два толстых платя
Да еще пять пар штанов.

На носу уж лето, братцы,
Разыскать мне майку надо —
Ой, возьму ее по блату
Я у дядюшки завсклада.

Свет дала наука людям,
И никто не ждал потери.
Но сказали: «Тьма да будет!»
И врубили нам «лихтшпере».

Пепек (Йозеф) Счастный. Довоенное фото. ГТ

Пепек (Йозеф) Тауссиг. Довоенное фото. ЕМА

1. Йозеф (Пепек) Тауссиг (1914 — 1945) родился в Глинско, Богемия. Учился в Коммерческом училище в Праге, получил диплом о высшем образовании в г. Теплице. Собирает материалы о Ярославле Гашеке. Автор «Саги о семье Тауссиг». Под псевдонимом Йозеф Крк издал книгу «Борек, угроза Покрику» (1938) с собственными иллюстрациями. Опубликовал фотоальбом Праги (1939). В 1940-м в составе группы «Молодая культура» работал в сельском хозяйстве в деревне Миловы. В 1942-м был отправлен в трудовой лагерь в Моравской Остраве. Депортирован в Т. из Праги 5.12.1942. Работал в «Экспедиции» (отдел перевозок). Автор рукописи о чешском юморе (утеряна). Писал для юмористической колонки «Ведема». Автор множества рецензий о театральных постановках и кабаре. Добровольно записался на транспорт, чтобы сопровождать родителей. Умер во Флоссенбурге.

Чистенькие скатерочки —
 вкусненькая закусочка —
 элегантные дамочки в черном —
 нафуфыренные розовые девицы —
 дружеские подначки —
 бойко шпарит джазуха —
 кофе разносят в зале —
 можно получить и пирожное —
 и оплеуху... —
 (но это — в соседнем доме)².

Страница из «Ведема» с куплетами и заметкой Айзингера из рубрики «Хвала и хула», ПТ.

«Ребе Кролик очень серьезно относится к своей работе по уходу за больными и чем только может им помогает. Он жертвенный и энергичный Бригадир, и будем надеяться, что он не свернет с правильного пути. Точно так же нам следует отметить и ответственного за порядок — Усатого Детину. Он не только следит за порядком, но и заботится о дисциплине. Явись к нам на проверку работники «Контроля порядка», они бы воскликнули в восхищении: «Вот он, образцовый детдом!» Такая похвала дорого стоит. Нам надо и дальше стремиться улучшать вид нашего дома, ибо

главное украшение — это не побрякушки и занавески, а чистота и порядок.

Следующий достойный похвалы поступок — поступок больного Барсука, Надежды Гебрайки. Когда он совершенно нечаянно испачкал пол, то тотчас вызвался сам, без приглашения, и все за собой вытер.

Из этого можно вывести следующее — ребята через «не хочу» от всей души стараются поддерживать порядок. И последняя похвала, но ее вам не менее важно знать, относится к Барону Прашилу, которого можно всем поставить в пример. С каким рвением выполняет он свои обязанности! Он, кажется, способен на все, даже на невозможное».

2. Здесь Тауссиг прибегает к игре слов. По-чешски *gez* значит и «пирожное», и «резать, ударять». Рядом с кафе находилась немецкая комендатура. У Гахенбурга в стихах «Вид из кафе» (с. 133) описана та же картина, но совсем иначе.

Пепек Счастный: «Да здравствуем Мы!»

Пепек Счастный, в отличие от Пепека Тауссига, любившего выступать перед публикой, жил повседневными делами «Единички», постоянно организовывал ребят на разные дела — то навестить друзей в больнице, то отнести книгу какой-нибудь старушке. В Освенциме, как рассказал Зденек Орнест, Счастный бросился на электрические провода: «И не потому, что у него сдали нервы, — у кого нет! — а потому, что он свято верил в добро, а зло считал наваждением, которое вот-вот пройдет. Он весь был в будущем. Учил нас во имя будущего, мечтал о будущем. Встретившись с «будущим», Пепек совершил смертоносный прыжок. Я это видел».

В июле 1943 года Счастный рассказал участникам семинара о том, как повлияли годы оккупации и сам Терезин на формирование подростков.

«Я на десять лет старше ребят, и проблемы поколений у нас нет, но есть другие. Последние пять лет, с 38-го по 43-й, наша жизнь протекала в гетто — культурном, социальном, экономическом и политическом. Для меня эти годы были второй или даже третьей главой книги жизни, а для ребят — вступлением в нее.

Ребята поют песни Восковца и Вериха, подражают Чаплину, театралы обсуждают постановки Э. Ф. Буриана. Но они не видели ни Восковца с Верихом, ни Чаплина — они никогда не были в кино. Да, они слышали рассказы о постановках в театре «Д»³ в 1934 — 1938 годах, знают названия спектаклей, но никогда не были в театре Буриана. Они находятся целиком

3. «Д» — «Дечка» (чешск.) — «Салфетка», популярный чешский театр.

под влиянием взрослых — их критики, симпатий и страстей. Они копируют то, что никогда не видели, употребляют слова и выражения, смысл которых им непонятен, так, большие пустые слова.

Демонстрации безработных, Гражданская война в Испании, майская мобилизация, события 15 марта¹ — все это для них смутные бесплотные образы, история под слоем пыли.

Те, кто пробыл в Терезине 18 месяцев, постепенно осмысливают здешний опыт, анализируют то, что принимали вслепую, формируют мировоззрение, освобождаются от догм.

Но при формировании внутренней свободы они остаются детьми гетто. Свобода за колючей проволокой? Нет свободы с желтой звездой на груди. Черный рынок, шлойска — без этих терминов уже немыслима терезинская реальность, и это не смущает детей. Для них черный рынок и шлойска — специфически терезинская реакция на приказы, запреты, дефицит, жилищные условия в гетто.

В свободном мире торговля на черном рынке называется спекуляцией, но здешние нормы иные, и потому в шлойске происходит неприкрытое воровство. Мораль детей — это мораль Терезина, ребята мыслят и реагируют не так, как мы в их возрасте, и не так, как дети за пределами гетто.

У многих отцы были арестованы прямо на глазах, они не вернулись из тюрем и концлагерей и уже никогда не вернутся. Ребята пережили много транспортов в Польшу, помогали упаковывать вещи, провожали своих друзей в неизвестность. А те уходили с небрежностью 14-летних, уносили с собой груз пяти безумных последних лет. В их уходе не было ни романтизма юности, ни фатализма или апатии людей, которым нечего терять. Не было в нем ни героики, ни смиренного подчинения приказу, ни опущенной головы, ни скрежета зубового, ни сжатых кулаков. Просто еще одно событие, каких уже было немало в их жизни, между 1938 и 1943 годом.

Ребята давно ничему не удивляются. Они не говорят, подобно Бен Акиве: «Все здесь было, но все еще может быть». Они воспринимают сообщения об отключении света, запреты на культурные мероприятия и футбол, объявления об очередных польских транспортах не со спокойствием стоиков, но со спокойствием еврейских ребят 1938 — 1943 годов.

Они видели многих из двадцати тысяч терезинских мертвых, видели сумасшедших, упрятанных за решетки «Кавалирки». Они уже не могут по-детски беззаботно смеяться — мешает въевшаяся в сознание тяжесть. При этом их не покидает жизнелюбие. Непосредственный возглас 13-летнего еврейского мальчика: ДА БУДУ Я! — как нельзя лучше выразил настрой терезинских детей: ДА БУДЕМ МЫ, ДА БУДЕТ ЖИЗНЬ.

Этот возглас совпал с общим настроением, и ребят охватила бурная радость, они расшумелись и принялись аплодировать самим себе. Типично терезинское поведение — непосредственное, спонтанное, заразительное.

Но ребята и критичны, самокритика их подчас даже слишком сурова. Они честны и не бегут от правды, они свободны от лжи и лицемерия старого мира. Внутренне они здоровее, чем были мы; они легко приспосабливаются к любым условиям и всеми силами цепляются за жизнь. Они тоскуют по образованию и мечтают найти себе применение. Мальчики потеряли год, два года, но они готовы наверстать, они найдут себя, добьются своих целей.

Я убежден, что через 50 лет, после того, как дело их жизни свершится, раздастся гром аплодисментов и радостный, победный хор мужчин уверенно возьмет первую ноту и грянет самоутверждающее: ДА ЗДРАВСТВУЕМ МЫ!»²

1. Мобилизация 1938 г. была объявлена чехословацким правительством для подготовки к отражению возможной немецкой агрессии. События 15 марта (1939) — оккупация чешских земель.

2. В этой книге публикуется лишь несколько докладов педагогического семинара, остальные — в третьей книге.

История журнала «Ведем»

Еженедельник «Ведем» издавался с 18.12.1942 по 30.7.1944, всего в нем насчитывается 800 страниц.

За всю историю существования «Единишки» в ней было 115 человек, выжило из них 15. В журнал писали около тридцати подростков и три воспитателя, они подписывались псевдонимами, инициалами или прозвищами.

Журнал сохранил Зденек Тауссиг. «Я привез «Ведем» из Терезина в Прагу, поскольку был последним «шкидовцем», оставшимся в Терезине до мая 1945 года. Отец оставался единственным кузнецом в Терезине, и это сохранило жизнь всей нашей семье. Журнал был спрятан в кузнице за Магдебургскими казармами, куда я переселился, когда распался наш детдом. Мы с отцом расчистили место за угольным складом и там спали. Утром я запрягал лошадей и ездил в огороды, пару раз в неделю возил мертвецов в крематорий. Когда кончилась война, я запряг лошадей, и мы всей семьей отправились в Прагу. «Ведем» был с нами. В 1972 году перед отъездом из Праги в Штаты я передал «Ведем» на хранение Орнесту и Котоучу»³.

Рассказывает Курт Котоуч⁴: «Минуло полстолетия с тех пор, как мы, мальчишки, писали «Ведем». Из Терезина нас увезли в Освенцим. ... Судьба распорядилась так, что некоторым удалось выжить⁵, и это уже само по себе чудо. Но мы и вообразить не могли, что «выжил» и наш журнал, что одному из нас удалось сберечь свидетельство нашей жизни, мыслей и мечтаний о будущем⁶.

...Перелистываю страницы «Ведема», узнаю свой детский почерк. Я был мальчиком на побегушках у нашего чудного главного редактора Петрушки Гинца, моей задачей было обходить авторов, собирать материалы и переписывать их в номер. Редакторскую работу он мне не доверял – настоящий «профессионал» никому свое детище не доверит.

Как сейчас вижу его перед глазами. Вечная поза – согнувшись в три погибели, он сидит на скрещенных ногах под низкими нарами, вокруг – бумаги, ручки, кисточки, краски и недоеденные продукты из родительских посылок.

Видишь, Петр, журнал скоро выйдет. Сколько времени у нас на это ушло...

Петр улыбается: «Мей-фа-дзу! («Ничего не поделаешь!») – так, по его мнению, на все отвечали маньчжуры. Не знаю, правда ли это, или Петр выдумал, но его об этом уже не спросишь). Давай-ка дуй за материалами, а то не успеем в срок...»

Редакция журнала

Главный редактор: Петр Гинц (Са-нц, НЦ, Гинцера, Петрушка, Петричек, профессор) – погиб.

Сотрудники:

Бек Гануш (Бейчек, Примадонна Бек) – погиб.

Босковиц Ян (Тайный Мошке, Тайный Босковиц, Эдисонова Задница) – выжил.

Брады Иржи (Хладнокровный Конь, Медведь Брады) – выжил.

Брумл Иржи (Абсцесс, Ку-, Ку-ка, Кумл, Унтам) – погиб.

Вайнбергер Зденек (Кенгуру) – погиб.

Вайль Гануш (Вейлик) – погиб.

3. Из книги М. R. Krizkova, K. Kotouc, Z. Ornest, «Je moji vlasti hradba ghatt?» («Что есть Отечество – гетто застенков?») Aventinum, Praha, 1995. Этот и все последующие тексты «Ведема», а также воспоминания Котоуча и интервью Кжижковой с Орнестом и Котоучем взяты из этой книги.

4. Курт Котоуч родился 15 февраля 1929 г. Родители, Отто и Стелла, погибли в 1942 г. Курт со старшим братом Ганушем выжили.

5. В 1947 г. К. Котоуч и И. Броди составили полный список обитателей «Единицы».

6. Далее Котоуч рассказывает историю публикации «Ведема»: «Антисемитизм, иногда бытовой, иногда государственный, как в случае со Сланским [Сталинский процесс 52 г. над евреем Р. Сланским, генсеком КПЧ], препятствовал публикации произведений из Терезина. В 1968 году мы были близки к тому, чтобы издать «Ведем» отдельной книгой. Для этого нужно было произвести отбор, но все стихи и рассказы говорили голосами наших погибших друзей, и мы никак не могли решиться. В 1971 году на помощь пришла Мария Рут Кжижкова, она стала редактором книги. Однако тогдашнее руководство «Памятника Терезин» и Северочешского издательства «зарубило» рукопись. В рецензии В. Крала было сказано, что эта книга не увидит свет до тех пор, пока Израиль не прекратит агрессивную политику в отношении палестинского народа. В 1977 году было открыто дело против Оты Орнеста, старшего брата Зденека, ему инкриминировали нелегальную передачу выдержек из будущей книги за рубеж с целью публикации. Книгу власти запретили, но они оказались бессильны перед нашей памятью, перед рисунками терезинских детей, которые демонстрировались на многих международных выставках. С 1978 года благодаря Кжижковой рукопись распространялась в самиздате. И лишь через 11 лет наша книга увидела свет...»

Гахенбург Гануш (Ха) — погиб.
 Грюнбаум Иржи (Шагрибу, Шнаер, Медик-Шнаер, Социалист-Шнаер) — погиб.
 Кан Гануш (Рюмочка, Жареные Очки) — погиб.
 Каудерс Гануш — погиб.
 Кауфман Бено (Беношек, Д-р Бе, Фи Бе) — погиб.
 Коминик Гануш (Барон Вральман, Коминар, Пейзоун, Тексле, Туклак, Морской, Рамзес, Швейк) — погиб.
 Котоуч Курт (Референт, Святой, Котолоук) — выжил.
 Лакс Петр (Лакоушек, Кар, Фи-Ла) — погиб.
 Лауб Рудольф (-ини, Лаубини) — погиб.
 Лёвы Леопольд (Конь Лёвы) — погиб.
 Майер Герберт (-йер, Х.М.) — погиб.
 Мароды Леош (Дуродка Махачек) — погиб.
 Мюльштейн Эмануэль (Пильди, Пинтя) — погиб.
 Орнштейн Зденек (Орнест, З.Орче, Мустафа) — выжил.
 Поллак Гануш (Гонза) — погиб.
 Рот Вальтер (Д-р Ва) — погиб.
 Тауссиг Зденек (Молния) — выжил.
 Фишл Герберт (Дон, Дон Герберто, Фишлонго) — погиб.
 Фейерштейн Франтишек — погиб.
 Цапнер Иржи (Усатое Дитя, И, -пнер) — погиб.
 Цемент и Сидикус — их настоящие имена не известны.

«Академия»: Брумл Иржи, Гахенбург Гануш, Гинц Петр, Кан Гануш, Кауфман Бено, Мароды Леош.

Воспитатели-сотрудники:

Айзингер Вальтер (Толстячок, Е., Сиси, Прчек, -нгер, Брумбрлик) — погиб.
 Счастный Йозеф (Пепек, Глюклих /Счастличик/, Павел, Глюкнер-футболист) — погиб.
 Тауссиг Йозеф (Пепек) — погиб.

Из беседы Курта Котоуча, Зденека Орнеста и Марии Рут Кжижковой:

Курт: Это может показаться невероятным, но журнал был нашей собственной идеей. Профессор Айзингер и позже Пепек Счастный писали только передовые. Иногда Айзингер давал в журнал свои переводы с русского¹, а так они получали от нас готовую продукцию. Каждую пятницу мы усаживались вокруг стола или на нарах, как получалось, и каждый читал вслух что написал за неделю.

Мария: А почему вы называли журнал «Ведем»?

Зденек: Потому что «Единичка» всегда и во всем была и будет первой! Мы — ведущие! Мы всех ведём за собой!

Мария: Ага, понятно. И гимн вы написали?

Курт: Нет, гимн кто-то из ребят, но кто? Я еще помню:

Славься, великая «Самоуправа»!

Радостно-радостно сердце стучит,

«Ведем» № 44 — 45. Журнал детского дома № 1. Выходит каждую пятницу. 29 октября 1943. С. 303. На обложке написано: «Ведем» разрушит старые порядки». Слева — оглавление журнала. ПТ

«Ведем» 28.5.1944. № 21. Второй год. С. 668. Автор передовой — Петр Гинц. Он предлагает ввести новую рубрику о великих людях всех времен и народов, и начинает он ее с Махатмы Ганди.

1. Например, «Шепот, легкое дыхание, трели соловья...» А. Фета (№ 7), «Вечер после дождя» и «Парус» М. Лермонтова (№ 2). На самом деле, В. Айзингер публиковал в «Ведеме» разные вещи, а вот Счастный действительно только передовые.

Вся «Единичка» кричит тебе: «Браво,
Славься вовеки республика ШКИД!

Зденек: Мы это пели на мотив пролетарской песни «Вихри враждебные». Там была еще одна строфа:

ШКИД, под твоё соберемся мы зная,
Кто б ты ни был – христианин, иудей –
Все мы здесь братья – победа за нами,
Марш-марш вперед за единство людей!

Курт: Вслед за Айзингером мы свято верили в общество, которое будет построено по закону справедливости².

Вальтер Айзингер. Статьи из «Ведема»

О предубеждениях.

1. Предубеждения против еврейства.

Интересно, что и в Терезине, еврейском гетто, мы встречаемся с фактом неприятия всего еврейского. Если это враждебное отношение имеет какую-то почву, в чем я сомневаюсь, то слова, в которых молодежь выражает свое негативное отношение к еврейству, настолько пошлы, что не стоит тратить времени на их обсуждение: «Жидяры, шаломники», «Это все евреи», «На такое способны только евреи» и т.д.

Я никого не защищаю – ни евреев, ни неевреев, но такое отношение нам чести не делает. Следовало бы отнестись серьезно к этому вопросу и изучить его поглубже. А уж евреям-то вдвойне глупо употреблять такие выражения, лучше не говорить вещи, в которых не разбираешься.

2. Предубеждения против авторитетов.

Мы не по своей воле выбрали общество, в котором ныне живем. Им правит авторитарная машина, но сама она находится за пределами нашего сообщества. И потому нам часто приходится подчиняться указам и правилам, которым мы, будучи свободными, никогда бы не следовали. Но это не значит, что все они сплошь безумны, среди них есть и такие, которые, будучи вынужденными, содержат в себе крупинцы здравого смысла. То, что система власти

2. В послесловии к книге «Что есть Отечество – гетто застенков?» Кжижкова опубликовала письмо, написанное ею издателю И. Броди в 1972 г. В нем она писала: «Рукопись журнала с просьбой взять ее в работу я получила от Зденека Орнеста в 1967 году. Три месяца я читала ее, и меня преследовал один вопрос: почему погибли они, а не я. Я вернула Зденеку рукопись. Мне было страшно погружаться в судьбу обреченных детей, видеть их, идущих в газовую камеру. В 1971-м я вернулась к «Ведему». Без Курта и Зденека я бы за это не взялась. Это – коллективный труд в полном смысле этого слова».

Gina P.	Zd. Taussig / Něco o našem fotbalu.....	12
Akademie /	Kain / Jak správně s „matkou“.....	13
	Touky Teresinem.....	14
	Letivý Druž / Roman.....	14 - 15
	Nepodařené Touky Teresinem.....	15
	Vita, to.....	15
	Polární.....	15
	Touky Teresinem.....	16
	Vit, to.....	16
	Touky Teresinem.....	17
	Ročníšek domova.....	17
	Ročníšek domova.....	18
	O jednom z nás.....	18
	Mouhu školi lidstvu.....	20
	Touky Teresinem.....	21
	První dotazy.....	21
	Májeva reminiscence..... příloha k.....	21
	Dotazy.....	22
	Výrazy týdn.....	22
	Parádování dvakrát v Dřezdenu.....	23
	Machlojka.....	23
	Kritika kritiky.....	23

Иржи (Курт) Котоуч и Мария Рут Кжижкова в момент подготовки чешского издания книги «Что есть Отечество – гетто застенков?», 1992. ЕМА

«Гинц П. (Академия). Содержание журнала. Зд. Тауссиг – Кое-что о нашем футболе. Кан – Как справиться с «маткой». Походы по Терезину. Лыственный Дрюз (Роман). Неудавшиеся походы по Терезину. Знаете ли вы, что... Походы по Терезину. Радиопередачи из родного дома. Об одном из нас. Мухи – враги человечества. Походы по Терезину. (Пепек) Ответы на вопросы. Майские реминисценции. Походы по Терезину. Сентенция недели. Марш-парад гетто-вахе в Дрезденских казармах. Махлой-кес. Критика на критику». ПТ

существовала во все времена, не значит, что мы должны ее принимать или оправдывать. Не буду приводить известные всем примеры. Однако было бы не вредно поразмыслить на эту тему — что, если мы ошибаемся и тем самым действуем против самих себя — не является ли это причиной многих бед, творящихся в гетто?

3. Предубеждения против стариков и молодежи.

Гетто, в основе своей, управляется молодежью, и в ее поведении нередко проскальзывает пренебрежение к старшему поколению. Старого человека осуждает сама старость, а не его личные качества. Он стар, а значит, обречен на близкую смерть. Но ведь старость и возраст — понятия относительные: для вас и 40 лет — глубокая старость.

Помимо предубеждения против стариков, существует предубеждение и против молодежи. Почему-то об этом говорится мало.

Нынче судьба испытывает вас своей неблагоприятностью, и это наложило на вас отпечаток — вы сделали серьезными. Но давайте смотреть вперед, в то время, когда вы станете молодыми людьми, когда сердце ребенка умолкнет в вашей груди и на его месте забьется сердце мужчины. Об этом пора задуматься уже сейчас, когда вы находитесь в переходном периоде. То предубеждение, которое я хочу обсудить, определяется словами Маяковского: «Мало быть восемнадцати лет...»

Нельзя упрекать стариков в старости и хвалить молодых за то, что они молоды. Подчас в теле старого человека живет молодая энергичная душа, а в теле юнца-молодца — дух пассивности и уныния. Часто встречаются юноши, которых можно назвать безбородыми стариками. Хмурые, погруженные в себя, они решают глобальные проблемы мироздания, такие, как влияние центральноафриканских карликов на индийских чревоутопителей. В них рано угас огонь энтузиазма, да и горел ли он вообще?

Подчас мы встречаемся и с противоположным явлением. Некоторые восемнадцатилетние молодцы считают, что созревание определенных органов дает им право считать весь мир рудником, из которого следует черпать личную эгоистическую пользу. Таким образом, энергия, данная молодостью, используется не по назначению или во зло. В рамках нашего журнала я не могу разобрать все компоненты, наполняющие молодость правильным содержанием. Не буду говорить о вещах само собой разумеющихся, напр., что каждый должен честно работать. Дело в том, что когда вам будет 18 и вы покинете обитель мальчишеских фантазий и мечтаний, вы окажетесь в настоящей, мужской жизни, в эпицентре гигантских общественных перемен, на пороге которых ныне стоит человечество. Мы, взрослые, понимаем это, мы не строим из себя пророков. До сих пор главным нашим делом было само познание жизни, мы относились к этому мудро, стараясь не злоупотреблять полученными знаниями. Вы же будете стоять перед иной задачей — задачей изменения жизни, и всю свою энергию отдадите делу возрождения. Вас будут одолевать те же сомнения и тревоги, которые в свое время испытывал юный Волкер¹. Главное, чтобы сердце мужчины, которое родится в вашей груди, было мужественным и честным. И чтобы эти качества стали фундаментом для создания нового, справедливого человека.

Рош Хашана. Готовясь к Главному Празднику Рош Хашана², я сделал на прошлой неделе интересное самонаблюдение и пришел к выводу, что даже атеист невольно ощущает особые эмоции, связанные с этим праздником. Рош Хашана — первое звено в цепи из десяти дней, когда каждый еврей углубляется в себя, обдумывает свои поступки за минувший год,

1. Иржи Волкер (1900 — 1924) — чешский поэт.

2. Еврейский Новый год по лунному календарю приходится на сентябрь или октябрь.

взвешивает их на весах объективного чувства справедливости и пред совестью ли своей или пред Богом признается в грехах, раскаивается и обещает исправиться.

И я подпал под влияние этой сладостной атмосферы, напоминающей времена моего ортодоксального прошлого. У меня это вылилось в своего рода размышления. Я анализировал не свои поступки, но поступки окружающих. Я вовсе не считаю себя непогрешимым, но какими бы ни были мои грехи, они лишь капля в море грехов всего мира. Многие из них объясняются влиянием общего зла, происходящего вокруг, что и делает их простительными, как с человеческой, так и с Божественной точки зрения (если таковая существует). И с этой точки зрения мое «Я» не представляет особого интереса. Я не собираюсь молить Бога о долгой жизни или легкой смерти, не ищу отпущения грехов. Мне гораздо важнее определить собственную позицию в отношении творящегося вокруг зла.

Океан преступлений... Глубина его неизмерима. И вот я спрашиваю себя: как мне следует относиться к преступникам, ведущим эту войну? Виновата ли вся немецкая нация целиком? Должны ли наша ненависть, наш праведный гнев и суд пасть на всех немцев без исключения?.. Мы, представители народа, который в результате этой войны переносит огромные страдания, мы, низведенные ниже существ, называемых людьми, склонны ненавидеть «их всех» без разбора. Тайная мечта большинства из нас – чтобы определенная часть европейского континента была разбита вдребезги, чтобы от нее камня на камне не осталось. Мы позволяем себе отключить разум и полностью отдаться во власть чувств.

Однако сейчас более чем когда бы то ни было важно, чтобы благодетельный Бог сохранил наш разум. Хотим ли мы обрушить на врага возмездие с той же несправедливой ненавистью, с какой он обрушивает его на нас? У меня нет намерения обращаться к вам с филантропическим воззванием на манер Армии Спасения, я не миссионер старой христианской морали – «простите тем, кто грешил против вас». Я принимаю слова Волкера: «Дабы любить всех, мы вправе ненавидеть некоторых».

Не буду давать готовые ответы. Это было бы слишком просто. Я также не хочу говорить: давайте любить тех и ненавидеть этих. Я пытаюсь наметить путь, который хоть и непросто, но заставляет думать и делать собственные шаги.

Совершенно случайно накануне Рош Хашана я обнаружил свою старую записную книжку с выдержками из бесед Эккермана с Гёте. Это и вдохновило меня на написание данной статьи. Позвольте процитировать гётевские высказывания, которые могут послужить отправной точкой для наших мыслей и умозаключений.

«В своей поэзии я никогда не впадал в состояние аффекта. Я никогда не писал о «чем-то» и не облакал в форму то, что не испытывал, что не обжигало мне пальцы. Когда я любил, я пел песни любви. Можно ли петь песни ненависти, не ощущая ненависти? Между нами говоря, у меня никогда не было ненависти к французам, однако я благодарил Господа, когда мы от них избавились. Как мог я, для которого единственно важным и принципиальным вопросом является вопрос культуры и варварства, ненавидеть один из самых культурных народов в мире, народ, которому я в значительной мере обязан своим образованием? ... Национальная ненависть – дикая вещь. Наиболее сильные и злостные ее проявления лежат на низшем уровне культуры. Но есть иной уровень; его мы способны достичь, если сможем приподняться над «национальным» и воспринять удачу и провалы соседних народов как свои собственные. Такой уровень культуры мне по душе».

Прсек (Вальтер Айзингер), «Ведем», 1943.

Петр Гинц

Гинц стал главным редактором в четырнадцать лет, а в шестнадцать был убит. Он оставил нам в наследство романы, рассказы, стихи, философские эссе, рисунки, литографии... Большая часть написанного им в Терезине опубликована в «Ведеме».

Он много писал о кораблях. Они бороздят моря и океаны в рассказах «Безумный Август», «Путь капитана Камаро» и «Капитан Аарон». Даже сочинение о происхождении ругательств завершается плаванием на корабле: «...Я поплыл бы домой на судне «Пацифик» и уснул бы, убаюканный гулом гребного винта. Я бы уснул, всем на свете довольный, и в спящей голове крутились бы винты — гексаметры Гомера: «И проспал он так целую ночь, в сладкие грезы видений укутан»¹.

Копию рисунка Гинца «Вид Вселенной из космоса» взял в полет израильский космонавт Илан Рамон. Его космический корабль «Колумбия» взорвался — как и корабль самого Петра из рассказа «Безумный Август»: «...и в огне взрыва Петр увидел блеск Великого Сплава». [Здесь и далее подчеркнуто П. Гинцем]

В Терезине Петр изучал латынь, эсперанто², географию, зоологию, социологию, философию и религию. Сохранился 44-страничный конспект книги о буддизме («Брахманизм, или Переселение душ»). Он не выписывает цитаты, а пересказывает своими словами.

«Наука о любви почивает в этой сокровищнице. Как только человек трижды радостно воскликнет: «Принимаю убежище Будды в Вере, в Законе и в Общине (буддийской)» — он становится буддистом. Закон — это пять заповедей: не завидуй, не кради, живи в чистоте, не лги, не пей одурманивающих напитков. Этому Закону может следовать лишь тот, кто способен подавить свои страсти, освободить от них сердце. Это освобождение и есть любовь. У того, кто любит, есть 8 выгод: он хорошо спит и хорошо пробуждается, не видит страшных снов, люди его любят, все твари земные его любят, боги его охраняют, огонь, яд и меч против него бессильны, никакого имущества у него нет, и потому ему будет легко войти в наивысшее небо. ... Всего-то ему нужно 8 вещей: три предмета одежды, пояс, кружка для подаяния, бритва, игла и сито для процеживания воды (чтобы во время питья не убить живую тварь).

... Непосвященные ошибаются, думая, что буддизм — это учение о переселении душ. Буддизм учит, что энергия, возникшая от душевной и телесной работы некоей субстанции, производит новые душевные и физические явления, даже в том случае, если эта субстанция умерла. Тибетские мистики глубже всех буддистов проникли в суть вещей. Учение философов говорит, что не существует никакого «Я», это лишь некая субстанция, которая, переходя из одного мира в другой, принимает разные формы и обличья.

... Мистический аскетизм имеет магическую силу. Трактровка смерти.

После того как умирающий издаст последний вздох, его одевают в одежду задом наперед — что было впереди, будет сзади... В деревнях тело по обычаю опускают в большой котел с прилипшей к его стенкам гнилью. Потом мертвеца вынимают, котел моют, варят в нем суп или чай, и этим угощают участников погребального торжества».

Петр подходил к смерти вплотную, заглядывал в бездну небытия. Время сокращалось неумолимо, и он спешил.

«Июнь 1944. Работаю в литографском цеху, сделал физическую карту Азии и принялся за карту мира.

Изучал: Древние цивилизации (египтяне, вавилоняне, индийцы, финикийцы, иудеи, греки,

Петр Гинц незадолго до депортации, 1942. Архив Х. Прессбургер

1. Сюжет о гибели морского судна присутствует во многих журналах. В «Камараде» ищут погибшую подлодку. Находят, но поздно, к тому времени в подлодке все умерли. В «Рим Рим Рим» (№ 4) на корабле вспыхивает эпидемия чумы, вывешен желтый флаг — но тщетно. Телеграфист, отбив SOS, погибает последним. Этот мотив характерен и для творчества взрослых заключенных (см. UOA, 2-е изд., с. 313).

2. «В нашей семье был культ Заменгофа, создателя эсперанто, его портрет висел на стене». Из интервью с Хавой Прессбургер, сестрой П.Гинца. Иерусалим, 2003.

Петр на фоне афиши с фашистскими лозунгами. 1939. Архив Х. Прессбургер.

персы и пр.). Географию Аравии, Голландии и Луны.

Нарисовал: овчарню, за ней Верхнелабские казармы.

Свое представление о зоологии я обдумал и изобразил на бумаге, хожу на вечерние лекции о Рембрандте, алхимиках и пр.»

Выбор книг тоже отражает его интересы:

«Июнь 1944. Отагалова-Попелова: «Сенека в письмах». Арбес: «Сумасшедшая работа», «Мой друг – убийца», «Дьявол». Лондон: «Потерянный лик». Музиль: «Пустыня и оазис». Герберт Уэллс: «Отец Кристины-Альберты». Выдержки из декартовских дискуссий о методе.

Сентябрь 1944. Швейцер «Из моей жизни и творчества». Бинко Шимонович: «Семья Винчи де Врис», «Рембрандт». Томас Манн: «Мария и волшебник». Диккенс: «Рождественские истории». Данеш: «Происхождение и причина вымирания туземцев в Австралии и Океании». Милли Дондоло: «И сказал ангел». К. Мей: «Сын охотника на медведей». Оскар Уайльд: «De profundis» и другие произведения.

Последние планы Петра так и остались на бумаге.

«Терезин, сентябрь 1944 г. Заниматься линотипией, рисунками, стенографией, английским. Обратить внимание на «Ведем», на общий уровень, и при случае блеснуть чем-то стоящим (может, литографией?)...»

Откроем архивное дело Петра Гинца под номером 064/71.

1) Текст на латыни и рисунок. 2) Цветная афиша «Выставка Петра Гинца» с еврейской звездой и цветком. 3) Таинственный узор (литография). 4) Латинско-чешский словарь. 5) «Татары и их кровавая мощь». 6) «Министерская» программа по гетто-кронам³. 7) Юмористические стихи про еврейство⁴. 8) Литография (мальчик на чердаке). 9) «Мей-фа-дзу». 10) Отрывок из неоконченного романа «Тайна пещеры Дьявола», ч. 1. 11) «Ведем» (журнальные планы) с рисунками. 12) Литография к «Безумному Августу»⁵. 13) «Новая культурная программа нашего дома». 14) «Спорт. Пинг-понг». 15) «Ведем», № 2, 6, 7, 8. 16) Статьи «Абстрактные науки», «Социология». 17) «Авантюрные приключения господина Эмуге», рассказ. 19) «История ШКИД». 20) Стихотворение «Шабат». 21) Обложка журнала «Хихноуш» (Хохотунчик), 15.3.1943. 22) Обложка журнала «Горизонт». 23) Рассказ «Война во Вселенной». 24) Рассказ «Потерянная сумка» (после долгих поисков она обнаружилась дома). 25) Конкурс журнала «Горизонт»⁶. 26) Общая тетрадь «Буддизм, Тибет», 44 стр. 27) Тексты нецензурных песен с указанием, на какую мелодию их петь. 28) Рассказ «Путь капитана Камаро» с рисунком корабля. 29) Эсперанто-чешский словарь. 30) Тетрадь со статьей «Социальные науки», в ней засушенный цветок. 31) Обложка журнала «Пески», 1943 год⁷.

Петр писал дневник.

«От 8.02.44 до «уж скорей бы». Эта мысль долго крутилась в голове, и я решил вести дневник. Я делаю это для мамы, папы и Эвы, я не могу написать в письмах все, что хочется. Во-первых – не разрешено, во-вторых – я не настолько хорошо знаю немецкий. Буду писать и для себя, на тот случай, если забуду события и людей, с которыми я здесь встречался.

8.02.1944. Лежу в кровати. Рядом со мной – соседи по нарам, Калишек и Кумл, говорят о каком-то парне, который громогласно высказался в таком роде: «Погляди на эту плешь – вон по ней плетется вошь!» Дело было в кафе, господин, которому данная плешь принадлежала,

3. «Протокол заседания» – большой лист со схемой «министерств здравоохранения, справедливости и труда» с пометками Гинца: «Собралась вся «Единичка». Все критикуют, а делать ничего не хотят. На встрече обсуждались бумажные купюры. Ради них мы и утвердили министерство. Решили зарабатывать культурными мероприятиями и на выручку покупать билеты на спектакли и концерты Что такое «яхнины»? Ясно, новая денежная мера. Петр Гинц возглавит министерство народного просвещения».

4. Стихи «Как отличить еврея от арийца» на с. 20.

5. «Безумный Август», с. 113.

6. «Конкурс. Прежде всего, условия: 1) Отрежьте купон («Горизонт» № 1) и купите у Гинца журнал за 50 геллеров. 2) Подготовьте к четвергу 18 июня ручку и лист бумаги. 3) В этот день задержитесь в классе после уроков и получите вопросник. Пожалуйста, отвечайте разборчиво, от этого тоже зависит, выиграете ли вы прекрасный ФОТОАЛЬБОМ. Наше условие – честная игра. Вопросов будет 20. Напр.: нарисовать карту Африки и указать на ней Бельгийское Конго. Кто изобрел динамит? К какой эпохе относится ледниковый период? И т.д. и т.п. Если два человека получат рекордные баллы, мы разрежем альбом пополам, если больше – будем тянуть жребий»

7. Журналы «Хохотунчик», «Горизонт» и «Пески», скорее всего, остались в замыслах. Работы П. Гинца рассеяны по разным архивам. Довоенный роман и дневники хранит его сестра, рисунки хранятся в Еврейском музее в Праге, «Ведем» – в мемориале «Терезин», рукописи и разные картинки – в архиве мемориала «Яд Вашем». В ноябре 2001 г. нам с Хавой выдали там «Дело № 064/71». Надо было видеть, как Хава читала рукописи брата. Любовь сестры и любопытство художника. «Знаешь, – призналась она мне, – я поймала себя на странном чувстве. Положить бы это все в сумку и унести – никто и не заметит, никому это здесь не нужно».

пошел к хозяину кафе, и, ох, братцы, какой разразился скандал!

8.02.1944 ...Потом я пошел домой и как раз подоспел к сочинению. Предлагались темы: 1) «Жизнь неодушевленного предмета», 2) «Я» (характеристика) или 3) «Мысли о работе». Я выбрал первую и написал о ругательствах. Потом попробовал закончить домашнюю работу по геометрии, но из этого почему-то ничего не вышло. И вот лежу и пишу, пользуясь тем, что свет временно прекратил мигать. Надо бы остановиться, попытаться заснуть, времени пол-одиннадцатого. Кумл обсуждает с Калишеком литературу и использование в ней обратного порядка слов. Все, закругляюсь. Интересно, что делает моя семья в Праге. С трудом могу себе представить, как выглядит Эва.

9.02.1944. В восемь у нас был вечер китайской поэзии, лектор Зденек Елинек¹. Вот самая интересная мысль из вступления к докладу: люди везде одинаковы, китайская поэзия — это поэзия народа.

16.02.1944 ...Засим объявляю, что дневник — предмет глупый, поскольку в него попадают вещи, которые следует держать при себе, и поскольку в него будут совать свой нос непрошенные твари».

1. Зденек Елинек (1919 – 1944) – пражский поэт и драматург, был калекой, передвигался в инвалидной коляске. В Т. читал лекции о театре и литературе и участвовал в театральных постановках.

П. Гинц. Вид на землю из космоса. 1944. ЯВА

П. Гинц. Корабль. 1943. ЯВА

П. Гинц. Солнечное затмение. 1943. ЯВА

Письмо к родителям²

«Дорогие мамочка, папочка и Эва!

Пока я чувствую себя неплохо, но не так как раньше. Не волнуйтесь за меня. Надеюсь, что вы получили марки на посылку. Пришлите, пожалуйста, что-нибудь против кашля для бабушки. А мне пришлите арабскую резинку, какие-нибудь тетради, ложку для еды, посуду и какие-нибудь гравюры. (Здесь все теперь новое – нары, названия улиц, чиновничий аппарат, так хочется чего-нибудь старого, напоминающего о том времени, когда я был с вами и раскрашивал оттиски.)

Журнал, который я начал издавать, все еще выходит. Пишу для него серьезные статьи. Иногда добираюсь и до философии. Хожу в пятый класс. Учеба идет хорошо. Через неделю у нас будет экзамен³. Что касается дел материальных: хожу каждый вечер к бабушке, у нее всегда найдется что поесть. У дяди тоже частенько перекусываю. Касательно обуви: рядом

2. Письмо не датировано, написано до середины мая 1944 г.

3. Про школу Петр выдумал, чтобы успокоить родителей.

со мной спит парень, который работает в обувной мастерской, так что с починкой все в порядке.

По поводу одежды: коричневые штаны уже не ношу, хожу в брюках, которые вы мне послали, и папином жилете, перешитом.

Три недели тому назад у нас в комнате был случай детского полиомиелита. Всем сделали переливание крови, мне свою кровь отдал Руди Фрейденфельд⁴. Слава Богу, пока новых случаев не обнаружено.

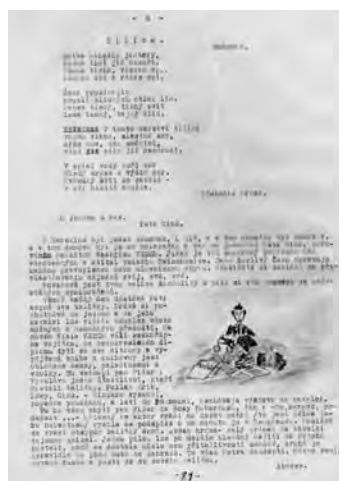
Целую, Петр.

Пришлите мне книжку по социологии».

В «Единичке» любили Петра, но и подтрунивали над ним. В рубрике «Один из нас» Иржи Брумл дает его портрет.

«Был в Терезине домик L 417. А в домике том – комната № 1, и живет в ней парнишка по имени Петр Гинц, а по профессии редактор журнала «Ведем». Кроме всего прочего, он профессор всяческих наук и почитатель великого Цвикенейса [Бруно Цвикера]. Будучи тер-

4. Фрейденфельд (Франек) Рудольф (1921 – 1985).

Страница из «Ведема»: Стихотворение Бальмонта «Тишина» в переводе В. Айзингера. «Об одном из нас». Абсцесс (Иржи Брумл) пишет о Петре Гинце. ПТ

П. Гинц. Эсперанто-чешский словарь. ЯВА

П. Гинц. «Рассказ. Путь капитана Камаро. Написал Петр Гинц в Терезине. Не отвечает привычным представлениям». 1943 – 1944. ЯВА

пеливым, как все чехи, он исправляет ошибки в правописании и стилистике, особенно что касается притяжательных местоимений «мой, моя, моё».

Петр существо весьма вредное: обожает подначивать своих уважаемых соседей. Чуть ли не каждый день он получает по две посылки. Ест с неизменным удовольствием. На его нарах можно обнаружить полное собрание мыслимых и немыслимых вещей. На последнем номере «Ведема» валяется скорлупа от яйца, на недорисованном дипломе – два лимона, взятая из библиотеки книга обсыпана кусочками кекса и вафельными крошками. И тут заявляется господин Фишер, он выкликает фамилии получивших посылки: Поллак, Лёви, Гинц. Гинцero вскакивает и летит в Цойсхаус (в этой казарме располагалась почта), оставляя на постели продовольственную выставку.

Но тут пан Фишер хватается его за полы хубертуса⁵, говоря: «Нет, сударь, подписать...» Запыхавшийся редактор дает задний ход, метров на десять (полы его хубертуса способны рас-

5. Вид пальто.

тянуться на такое расстояние), быстро расписывается, и через минуту он уже в Цойгхаусе. Возвращается нагруженный посылками из дома¹. Но вот ужас: выставки и след простыл. После долгих поисков часть продуктов обнаруживается на постели у Орче, где они очутились вследствие земного притяжения, другая часть растворилась в просторах чердака или сада. Но Петра это не удручает. Махнув рукой, он берется за новую посылку».

Абсцесс (Иржи Брумл)

В книге о «Ведеме» напечатано интервью Марии Рут Кжижковой с друзьями Петра и его коллегами по журналу — Куртом Котоучем и Зденеком Орнестом.

Мария: Вы писали про Петра в рубрике «Один из нас». Что вы могли бы сказать о нем сегодня?

Курт: Во-первых, те тексты не полностью отражают наше отношение к Петру. Петр был парнем, которого все любили. Как многие из нас, он часто становился предметом насмешек — но все уважали его способности.

Зденек: Я бы сказал, что мы подтрунивали над ним из зависти. Петр был единственным, у кого родители остались в Праге. В Терезине у него не было семьи, зато он постоянно получал посылки. Мы получали посылки крайне редко или вовсе не получали. Нам не всегда удавалось подавить в себе чувство зависти.

Курт: Но я хочу добавить, что Петр не был жадным и охотно с нами делился. Он вообще был потрясающий парень².

Эва Гинц (Хава Прессбургер)

С Хавой, сестрой Петра, мы знакомы 15 лет. Она загорелая, подтянутая, белоснежная блузка заправлена в светлую юбку. Хава приехала к нам в Иерусалим, привезла копию фотографии Петра.

— Таким я его помню... Здесь он совсем другой, взрослый, задумчивый. — Хава долго молчала, пытаюсь, видимо, понять, зачем ехала к нам из Беэр-Шевы. — Я постепенно сдаю. Хочется завершить все это, с Петром...

— Но ведь есть фильмы, и «Ведем», и выставки...

— Да... Полгода тому назад обнаружили его пражские дневники, две маленькие тетрадочки — о том, что он видит вокруг, что переживает... Вначале почерк ровный, а к концу — нервный... Может, найти кого-то, кто напишет о нем книгу, только о нем?

— Какую? О том, сколько он всего успел сделать до того, как...

— Они его не уничтожили, — прервала меня Хава. — В том-то и дело. Его нет, и он все время есть... Получается, что я выступаю как свидетель факта бессмертия... — Хава покраснела, смутившись своей высокопарности. — У меня все происходит медленно, а жизнь убегает быстро... Как многие пятнадцатилетние, я вела дневник. 15 мая 1945 года я записала: «Вчера утром приехала из Терезина. Петричка, как я и опасалась в душе, дома не было. Ну что ж, будем ждать, пока он вернется или как-то сообщит о себе. На этом и завершу дневник, пусть в нем останутся только терезинские впечатления. Но если Петр вернется, я допишу». 14 апреля 1947 года я приписала одну строчку: «Петр не вернулся». Но все же мне думается, что приписанное предложение дневнику не принадлежит. Он так и остался открытым — и я жду Петра по сей день. Трудно в это поверить. Мне кажется, что зияющая пустота, этот вакуум,

1. Петр и его сестра Эва (Хава) происходили от матери-нееврейки Марии и еврейского отца Оты. Мария всю войну оставалась в Праге, Эва прибыла в Терезин 17 мая 1944 г., а Ота 11 февраля 1945 г. Оба дождались освобождения в Т.

2. «Что есть Отечество — гетто застенков?», с. 97.

созданный гибелью миллионов, должен быть заполнен. Будь Петр рядом, как сложилась бы моя жизнь? Он был куда талантливей и сильнее меня. Мир с теми миллионами утраченных душ был бы иным. Думаю, что человеческие души каким-то образом взаимосвязаны. Когда одна погибнет от насилия, другая мается, неймется ей.

Когда Петра забрали, мне было двенадцать. Помню наши прогулки по Праге с желтыми звездами. Нам мало куда разрешалось ходить. Парки, музеи, библиотеки – везде надписи «Евреям вход воспрещен». На всякий случай мы носили папки под мышкой – чтобы было чем прикрыть звезды. Однажды мы подошли к магазину нашей тетушки³ – и остолбенели. Там была НАДПИСЬ. Всю дорогу до Тройского моста я твердила, что тетушка не виновата, ее заставили написать «Евреи нежелательны». Или «Евреям вход воспрещен»? Уже не помню. Петр молчал. По детской привычке мы то шли, то бежали и так добрались до Влтавы, Петр устроился у воды, достал бумагу и принялся рисовать. Нарисовал поллитровую бутылку пива, толстую рожу, голубя, и еще что-то там было, не помню, и сверху написал: «Вот он, голубиный нрав».

Когда ему было двенадцать или тринадцать, уже во время немецкой оккупации, он написал роман. Думаю, он написал его под влиянием Жюль Верна. Роман начинается с того, что в подвале дома Жюль Верна главный герой нашел черновик рукописи и стал работать над ней, чтобы включить ее в собрание сочинений Жюль Верна.

Содержание было приблизительно таким: некие люди создают огромное чудовище, с помощью которого они хотят завладеть Африкой. Это был длинный роман, полный чарующих жюль-верновских фантазий. Но мне кажется, что это не было пустым подражанием, – роман был полон аллюзий. Чудовище – империализм, его создатель – Гитлер. Ведь даже Жюль Верн, предвосхитивший научные открытия, казавшиеся тогда чистой выдумкой, не смог предвидеть Гитлера. Петр дополнил Жюль Верна. А может, он хотел уверить себя, что весь ужас происходит лишь на страницах его романа, что все это лишь выдумка...

Хава Прессбургер. Дом семьи Левитус. История дома. Тригон, Прага, 2000.

В предисловии к каталогу она пишет:

«Эта выставка много значит лично для меня. Это – священный долг, который я выполняю по отношению к моей семье. Почти вся семья со стороны отца погибла во время Катастрофы. Самой большой потерей для меня был мой 16-летний брат Петр».

Несмотря на то, что в конце Второй мировой войны я была еще девочкой, Катастрофа стала для меня поворотным моментом, точкой отсчета. Я увидела и испытала то, что необходимо поведать другим. Перевод этого послания в изобразительный ряд был нелегкой задачей. Не в состоянии уразуметь причину, цель и чудовищность Катастрофы, я обратилась к Природе, дающей ощущение вечной непрерывности, природа противостоит необъяснимому. Производство бумаги вручную дало мне уникальную возможность для творчества. Во время работы я ощущаю энергию материала, в нем открывается истинная его суть. Изготовление бумаги и работа с ней – это то, что помогает мне выразить чувства и мысли. Это одновременно и просто и сложно – как сама жизнь.

Лишь недавно я нашла в себе силы признаться самой себе, что случившееся во время фашистской оккупации и заключения в Терезине оказало глубочайшее влияние на мое детство и юность и что еще до сих пор

3. Тетушка по материнской линии не была еврейкой.

я была не готова к полноценному свидетельству. Мое творчество всегда было проникнуто печалью прошлых лет, но со временем потребность в свидетельстве росла, словно бы в своих работах я упустила нечто, требующее выражения.

В работах, показанных на этой выставке, я дала себе право выразить, что я чувствую, что должна сказать открыто. Задача очень трудная. Размышляя, ища и складывая вместе старые документы, я ощущала возвращение прошлого и свою отчаянную беспомощность в попытке выразить это во всей ужасной силе.

Я видела ответ прошлого в истории дома, который когда-то построили мои дядя и тетя. «Баит» – это дом на иврите, одновременно и физический дом, и семья. Рассказывая историю этого дома, я ощущаю себя частичкой той Катастрофы, которая постигла большинство европейских евреев и мою собственную семью. Начало дома – счастливые планы на будущее. Потом дом резко вырезали из собственности семьи. В конце концов он был освобожден. Зброшенный и обветшалый, он рвется к своим законным владельцам, но их нет среди живых.

Моя тетя и дядя были убиты, но дух их витает в доме и в саду, душа навсегда остается там, где был создан дом. Надеюсь, эта выставка смогла передать как жуткую, разрушительную силу человеческой низости, так, несмотря ни на что, и веру в непрерывность жизни».

Из дневника Эвы Гинц. «Терезин. 28.9.1944. Поезд стоит, ребята собраны в дорогу. Петр и Павел (№ 2393 и № 2626)¹ едут в одном вагоне. Петр потрясаясь спокоен. Все же я надеялась, что поезд не придет, хотя знала, что придет. Но что делать? Утром мы были с Ханкой² [двоюродной сестрой] у них в шлойске. Страшное зрелище, до самой смерти не забуду. Около казарм — толкотня, женщины, дети, старики, все пытаются хоть напоследок взглянуть на мужа, отца или брата. Мужчины высовываются в окна, отпихивают друг друга, чтобы хоть на секунду увидеть своих близких. Вся казарма окружена жандармами, чтобы никто не сбежал. Геттовахманы отгоняют тех, кто подходит к окнам... Крик и плач.

Мы бежали как сумасшедшие, чтобы успеть передать каждому по два куска хлеба, чтобы они не голодали. Я пробралась сквозь толпу, подлезла под веревку, отрезавшую толпу от казарм, и протянула Петру хлеб в окно, не знаю уж как, но мне удалось просунуть ладонь в решетку и пожать ему руку. Геттовахман отогнал меня, но все-таки мне повезло. Ребята уже уехали, после них остались пустые постели.

12.10.44. Уже 14 дней как ребята уехали, пока никаких известий. Ушло 7 транспортов, вчера разносили повестки на последний, но говорят, пойдут еще.

16.10.44. Сегодня впервые после перерыва была тревога. Мы видели иностранные самолеты. Сначала их было очень много, потом мы увидели четыре, за ними гнались немецкие истребители. Я ужасно боюсь, что там, где наши ребята, тоже бомбардировки. Кто знает, вдруг я не увижу Петричка? Дорогой мой! Этого Господь просто не мог бы допустить».

Сочинения Петра Гинца

Воспоминание о Праге

Как же давно
над Петржином я видел закат,
как целовал уходящую в сумерки Прагу
я напоследок, — горючей слезою был взгляд.
Как же давно не слышу Влтавы волнистую влагу —
ухо давно не слышит шума родимых вод,
Вацлавской площади людное оживление.
Кажется: целую вечность тянулся год —
всё норовит исчезнуть и кануть в забвенье.

Вы, потайные места в уличной толкотне,
в тени скотобоев, в слепых тупиках, мне милых,
как вам живется? Небось не скорбите по мне
так, как по вас я скорблю. Год уже целый минул.

В жуткой торчу дыре вот уже триста дней,
будто бы в клетке зверь, и вырваться как, не знаю.
Две улицы здесь вместо каменных площадей.
Прага, как сказку из камня, тебя вспоминаю.
«Ведем», № 2

1. Павел Гинц (1927 — 1944, Дахау) — двоюродный брат Петра по отцу.

2. Хана Гинц, р. 15.6.1929, осв. в Терезине.

П. Гинц. Рисунок из журнала «Ведем». 1943. ПТ

Сумасшедший

По улице сирой
один да один
иду, говорю сам с собою
об ужасах мира,
и страх-господин
водит меня за собою —
по закоулкам петляю
всё один да один
и случай один вспоминаю.
Один сумасшедший давным-давно
хотел этот мир исправить —
с ног на голову поставить,
хотел молодым свои мысли внушить:
никому без смысла не доверять,
в жизни сражаться за каждую пядь,
снять одёжку с того, что сокрыто,
и вывернуть мир наизнанку.
О сумасшедшем том чуде
вспомнил я неспроста:
он нынче гулять спозаранку
не собаку выводит на поводке,
а на веревке — кота.

Шабат

Шабат. Шепот молитв
Смешан с густой полумглою
В еврейской семье под вечер.
Горят две свечи,
И воск исходит слезою.
Так плакать умеют
Лишь старики и свечи.
Страницы шуршат.
Тора — открытое сердце.
Дыханье молящихся
Тише тихого ветра:
Приди, день мира,
Здесь мы единоверцы —
Евреи,
В которых какое столетье
Не угасает вера
В то, что вернемся домой...
Неизвестный еврей

S a b a t h .

Stmívá se,
Jen šepot modliteb se mísí s šarem
V židovské rodině pod večerem.
Dvě svíce svítí,
Mihavě planou
Z nich kapky vosku
Jako alzy kanou.
Šustění obrácených stránek,
Dech modlících se
Mírný vánek.
Přichází Sabbath, přichází den míru
Ti všichni mají jednu víru
Jsou Židé.
Po staletí již.
Teuží — chtějí domů,
Čekají

Мей-фа-дзу, или Равнодушные маньчжу

Сельская дорога вьется через грязную, размокшую от дождей Маньчжурию. Судя по глубокой колее, по этой дороге много ездят. Каждые пять минут наша машина застревает; приходится вылезать, вытаскивать «Татру» из грязи. Мы включаем первую передачу и движемся со скоростью гусеницы. Машина переваливается через рытвины и форсирует лужи. Наконец показывается ветхая хижина, и появляется маньчжу. Мы останавливаемся, вылезаем из машины и видим деревню маньчжу. Вскоре нас окружает целая семья. Мы завтракаем. Я обращаюсь к младшему маньчжу: «Боже мой, братцы, почему бы вам не отремонтировать дорогу? По ней же невозможно ездить!» — «Мей-фа-дзу, — отвечает маньчжу. — Ничего не поделаешь».

И так во всей Маньчжурии. Хотя дорогой пользуются ежедневно, отремонтировать ее и в голову никому не приходит. Непроезжая? Отлично, значит непроезжая. Мей-фа-дзу, ничего не поделаешь.

Чтоб вы не думали, что я задвинут на маньчжурской философии, скажу, что маньчжу есть не только в Маньчжурии. Их много везде. Мы в Терезине? — Мей-фа-дзу. Мы потеем как свиньи? — Мей-фа-дзу. Блат на каждом шагу? — Мей-фа-дзу. Принимать все как есть не слишком приятно, но этого не изменить. Протекция? Что с ней поделаешь? — Мей-фа-дзу. Протекция неизменна, это что-то само собой разумеющееся, как, например, вращение Земли или гравитация. Так было всегда, и так будет всегда. Мей-фа-дзу.

Не позволяйте Терезину делать из вас тупиц! Не принимайте все с бараньей покорностью! Боритесь со всем тем, что кажется вам неправильным! Смерть маньчжу!

Рассуждения о Боге. Восприятие Бога массами¹

1. ЯВА, 064/71-1.

Вера в существование Бога живет в массах как плод примитивного сознания. Люди видят: раб работает в поле. Хозяин за ним приглядывает. Но кто будет следить за самим хозяином, исправно ли приглядывает он за своим рабом? Теизм целесообразный, возникший из потребностей масс. Господь Бог — высшая инстанция порядка.

Почему нынче развелось столько неверующих? Обычно ими становятся те, кто имеет дело с жизнью как с материальной субстанцией. Они видят, как машины-автоматы, турбины и моторы работают день и ночь без присмотра... Но если все происходит само собой, то тогда и мир может обходиться без присмотра Бога, Будды или Аллаха?

Моя точка зрения

Я заметил, что в те моменты, когда я по-доброму относился к окружающим, мне и самому делалось хорошо. И наоборот, когда вел себя дурно или думал плохо, я злился сам на себя, и со мной обязательно что-то случалось, то ударялся, то падал... Например: в свое время у меня было выпадение мениска, довольно долго я не мог нормально сгибать ногу, и до сих пор еще колено болит. В тот вечер, о котором пойдет речь, у меня сильно болела нога, но мне срочно нужно было выйти из дому, то есть спуститься с четвертого этажа. Я вышел на лестничную клетку, освещаемую слабой лампочкой, и ощутил жуткую боль в колене. И в ту же секунду что-то хлопнуло на третьем этаже, осветилась шахта лифта, и приплыл лифт с го-

спожой Маутнеровой. Она довезла меня донизу. Всю дорогу я думал об этом неожиданном счастье — о какой-то неизвестной мне, разумной и всемогущей воле, которая совершила чудо. Вскоре произошел еще один случай подобного рода, потом еще и еще. Из этого я сделал вывод, что и наказание, и вознаграждение — не от нас. Учитель Х. обошелся со мной более чем несправедливо, он унизил меня перед всем классом. Во мне вскипела страшная ненависть; погасить ее смогла лишь живущая во мне и мне самому непонятная вера в то, что Х. будет наказан. Я совершенно уверовал в существование Высшей Справедливости. И сказал ей: накажи его, если он заслуживает; или не трогай его, если не сочтешь нужным. При этом я был уверен в том, что учителю это так не пройдет. Как же представлял я себе Высшее Существо? Уж конечно не в виде седоусого дедушки, как думали дети моего возраста. Не представлял никак. Я воспринимал его как Закон, например как Закон Пифагора, у которого нет никаких зримых признаков, его невозможно представить, и при этом все совершается согласно ему.

Так я думаю и по сей день. И по сей день я верю, что за все будет или наказание, или вознаграждение. Но теперь я верю не в неизвестное существо, которое всем управляет, а в науку. Миллиард лет существует небесное тело. Из миллиарда миллион лет существовали предпосылки для развития жизни. Тысячелетия тому назад в одной точке небесного тела возникла жизнь и вместе с ней целенаправленное развитие. Тело это и есть Земля. Сегодня мы видим целесообразность такого процесса, он происходил не по велению некой таинственной сущности, а по закону естественного отбора. Наша Земля живет по принципу целесообразности, все, что не целесообразно, — отмирает. Мои прежние представления о присутствии некоего Высшего Существа в моих добрых или злых делах претерпели изменения. Веру в таинственный закон заменил скепсис. Думаю, что все это был набор случайностей; а при добром отношении и собачий зуб засветится. (Me gys je na chji so y tung, как говорят маньчжуры.) И в конце концов я объясняю это разумным влиянием душевной энергии, которая действует на подсознание человека и на этом уровне ему вредит или помогает. Иногда это происходит одновременно. Например: навредишь кому-нибудь и будешь страдать от чувства вины. Оно отложится в подсознании и спровоцирует, например, дрожание руки, и ты выронишь стакан. Все это процессы подсознания. Я понимаю, что это кажется неправдоподобным, нужны убедительные доводы. Но несмотря на хилые доводы, я знаю и то, что я прав, и то, что у меня нет способности доходчиво объяснять свои мысли.

П. Гинц. «Пиратская песня. Эх да корабль по морю плывет. Весело развеваются мачта на ветру. Эх, пираты, пришел час, приготовимся к атаке! Эх-да-ах-да, доставай бутылку рома...». Попивая ром, они нагнали плывущий корабль, разбили там всех в пух и прах и продолжают попивать ром. Золото при них, корабль с мертвецами благополучно идет ко дну. Пираты довольны — пьют ром и поют своё «Эх ты да ух ты...»

П. Гинц. Отец с дочкой возвращаются с вокзала. 1944. ЕМП Желая передать движение, Петр применяет прием повтора. Он повторяет идущую пару, сначала вдалеке, на мосту, затем вблизи, сходящую со ступенек.

Тайны пещеры дьявола (Из неоконченного романа, часть 1)

Взрослые частенько притворяются, говоря, что размышляют лишь о вещах разумных и достойных внимания. Это неправда. Когда они, улучив момент, высвободятся из-под панциря, стискивающего их мозги, снимут с себя чопорную маску, которую они надевают на людях, — станет видно их настоящее лицо. Думаю, в такие минуты они сами чувствуют себя куда приятней. Знаю это по себе. Однажды я заблудился в лесу и нашел озерцо с темной спокойной водой, бросил в него камешек и с огромной радостью наблюдал, как красиво расходятся от него круги. В тот момент я подумал, что чувствую себя как бумага до того, как она попадает в ротационную машину. Нет никакого давления. И подумалось: почему чистый лист-душа должен с младенческого возраста пропускаться через ротатор общественной жизни, покуда не отпечатаются на нем различные свойства характера, покуда не сожмется душа под прессом враждебных сил и забот о хлебе насущном. Бумага, так и не успев понять, что на ней уже отпечатан весь образ жизни, снова попадет в печатную машину, и на ней оттиснут новые идеи и воззрения, но не дополняющие друг друга, а покрывающие те, что были напечатаны прежде. При этом каждый цвет стремится захватить как можно больше места, но на него тотчас ложится новый цвет и убивает старый. Хоть смейся, хоть плачь, но бумагу уже не изменишь — не по своей воле попала она в эту машину. Печатаясь, она движется взад-вперед, и так до тех пор, пока ротатор не извергнет из себя готовое издание. Выйдет оно в свет и примется воевать с теми, кого по чистой случайности отпечатали иначе. Жизнь, если взглянуть объективно, — это полный бардак.

П. Гинц. Терезин, меланхолический пейзаж. 1944. ЯВА

П. Гинц. За штурвалом. 1943. ЯВА

Жизнь неодушевленного предмета (Сочинение)

Большинству из нас известно, что неодушевленный предмет никогда и ни при каких обстоятельствах не может ожить. И лишь предмет, находящийся с людьми в постоянном контакте, становится частью их жизни и может быть причислен к категории одушевленных.

Например, это относится к ругательствам.

«Идиот, вонючая помойка»... Я хорошо помню впечатление, которое произвели на меня словоизвержения Волка¹ во время прибытия транспорта DQ. Я вдруг ощутил дыхание Праги, с ее освещенными проспектами, тихими набережными и переливающейся Влтавой. Именно тогда я и подумал: есть что-то в ругательствах. Как в национальных костюмах, традициях и искусстве, в них проглядывает характер места их рождения.

Есть ругательства элегантные и вульгарные, одни принадлежат нашей цивилизации, другие я назвал бы доисторическими. За ругательствами нашей цивилизации далеко ходить не надо, мы слышим их на каждом шагу: идиот, кретин, примитив; как видно, ругательства обогащаются за счет современных научных познаний. Зато я своими ушами слышал, как выпускал пары негр: он закатил глаза, раздул ноздри, и из уст его вылетело: *Bovo vire kapsku!* (Бык бы тебя сожрал!)

Я выбрал эти два примера не случайно. Возьмем терезинские ругательства (они не придуманы, я их сам слышал): «Ты е... примитивный придурок, линиялый кретин, ты материалистическая, эгоистичная свинья!» Здесь налицо два признака: один – цивилизации, а второй – весьма напоминающий негритянский.

Объяснение простое. Терезинская цивилизация существует за счет подавления инстинкта самосохранения, благодаря эгоизму, закону сильного и прочим негативным явлениям, которые окружающему миру в определенной степени удалось изжить.

Познать мир через ругательства, услышать ругань кули в Шанхае и Сингапуре, рыбаков Ньюфаундленда, фермеров Цейлона, гейш Японии, ловцов жемчуга в Бенгальском заливе – вот что было бы моим идеалом.

И однажды, узнав мир и его обитателей через ругательства, я поплыл бы домой на корабле «Пацифик» и уснул бы там, убаюканный гулом гребного винта. Я бы уснул, всем на свете довольный, и в спящей голове крутили бы свои винты гексаметры Гомера:

«И проспал он так целую ночь, в сладкие грезы видений укутан».

Безумный Август²

Воздух был сырым и холодным. Обрывки стального тумана нависали над волнами, почти касаясь их. Скверная погода. На расстоянии примерно ста ярдов зеленая масса воды растворялась в туманной мгле.

Август сидел в каюте «Бонифация». Его прозвали Безумным Августом, но молодой матрос Петр его уважал. «Он не сумасшедший, – говорил Петр, – он просто другой, немного странный. Похоже, у него какая-то великая тайна, которую вы не понимаете, да и не можете понять». «Ты становишься таким же, как он, – говорили матросы. – Если будешь с ним все время общаться – свихнешься как пить дать».

«Они ничего не знают...» – говорил Август, и в тот момент Петру казалось, что глаза его смотрят как будто с огромной горы, укрытой облаками. Нет, Август не был безумным – разве

1. Иржи Волк (29.8.1929 – 23.10.1944).

2. П. Гинц часто рисовал море и корабли и даже написал воззвание от имени Колумба: «Первопроходцы!!! Люди честные сердцем/ Люди поступков и слов / Люди с обветренными лицами/ Вы душой чисты, вы бесстрашны/ ... / Всем вам по двадцать/ В ваших руках штурвал/ Мчите к неведомым далям/ И завоюйте их! Колумб, Палос, 1492. В Терезине 2.2.1943». ЯВА, 064/71.

может безумец рассуждать столь убедительно? И Петр любил Августа, этого психа с глубокими глазами, и верил ему, несмотря на все его странные речи. «Никто во всем мире так не говорит, — думал Петр. — Никогда в жизни не слышал, чтобы кто-нибудь — капитан, рулевой, юнга или народ на пристани — говорил так странно». Так он думал, ибо таков он был.

Была ночь. Все спали, только на палубе слышались шаги сторожевой собаки. Петр тоже задремал, мышцы его расслабились, сделались мягкими и податливыми. Казалось, все его тело стало свободным и легким, а вместе с телом освободилась и душа, и все его мысли растворились в голубом тумане сна. Он потерял сознание.

Внезапно он ощутил легкое прикосновение, как слабый электрический разряд. Петр с трудом сел в своей корабельной люльке, огляделся и увидел склонившуюся над ним фигуру Безумного Августа. «Пойдем со мной!» — сказал он. Петр приподнялся и потянулся. «Пошли скорей!» — подгонял его голос Августа. Петр молча встал, хотя под одеялом ему было тепло, а снаружи холодно.

Он безмолвно следовал за Августом. Они спустились в трюм. Август зажег свечу. Свет от фитиля еле освещал тьму, гнездившуюся в щелях и углах. Они подошли к маленькой каюте. Безумный Август вошел туда, Петр за ним. Ключ звякнул в замке и исчез в кармане Августа. Он поставил свечку перед собой, сел на бочку с порохом и обхватил голову руками. Петр сел на корточки, ему было холодно. Август поднял голову. Его выразительное лицо засияло в свете свечи, маленькие огоньки заплескали в глазах. Время шло. Мелкие комары кружили вокруг пламени. Август заговорил. Его голос нарушил гробовую тишину.

«Жизнь. Что такое жизнь? Она как пламя этой свечи, которым глупые комары обжигают свои крылья».

Опять наступила тишина, нарушаемая лишь треском фитиля. «Бедные комары... Почему они с таким упорством роятся вокруг этого пламени? — Пауза. Август медленно рассуждал сам с собой, как бы раздумывая. — Инстинкт... Стремление к независимости и... неизвестность». Он опять обхватил голову руками и процедил сквозь зубы: «Они летают, привлеченные пламенем, пока оно не сожжет их и они не упадут на землю мертвые. Дураки! Дураки? Инстинкт слишком силен, а неизвестность слишком притягательна, они не могут с этим совладать. Бедные насекомые!»

Они сидели в тишине. Петр недоумевал — зачем он сидит здесь, вместо того чтобы спокойно спать в своей каюте.

«Подумай о жизни, мой мальчик, — сказал Август. — Гляди: она как это пламя. Ты видишь? Ты понимаешь? По привычке мы кружимся вокруг него и должны умереть. Мы хотим самоутвердиться и ради этого готовы пожертвовать всем!»

Он протянул руку и загасил свечу. Темнота заполнила комнату. Было слышно, как улетают комары, не привлекаемые больше пламенем. Какое-то время они пищали, но вскоре писк прекратился, должно быть, вылетели в какую-то щель.

«Видел? Видел?! — прозвучал в темноте голос Августа. — Теперь ты все понял?» — спросил он опять и открыл крышку пороховой бочки.

«Еще по одной, Фламарион», — донесся откуда-то издали голос капитана. Он играл в карты. «Освобождение...» — прошептал Август, поднял руку и бросил горящую спичку в бочку с порохом.

Помещение озарилось ужасающе ярким светом, и в пламени взрыва Петр увидел блеск Великого Сплава. 12 сентября 1943 года.

П. Гинц. «Безумный Август. Рассказ. Иллюстрировал Петр Гинц. В Терезине, 12 сентября 1943». ЯВА.

Рассказ написан под влиянием страшного события — депортации 5007 человек в «Семейный лагерь». Это произошло в ночь на 6 сентября 1943 года. Скорее всего, Петр был подавлен зрелищем сборов на транспорт. Ощущая дыхание смерти, он искал в ней высший смысл — «Великий сплав» — синтез, единение в момент смерти.

Походы по Терезину

Как видите, мы вводим новую рубрику. О Терезине. Вы наверняка думаете, что знаете Терезин как свои пять пальцев. Я докажу, что вы ошибаетесь.

Гинц

Пункт борьбы со вшами

Как-то раз, когда мне нечего было делать, я отправился в поход с провожатым. Мы бесцельно месили грязь на окраине Терезина, как вдруг увидели открытые ворота: пункт по борьбе со вшами. Нам стало любопытно, и мы зашли внутрь. Первое, что мы увидели: несколько рабочих загружают в газовую камеру вшивые матрацы. За объяснением мы обратились к доктору Анчерлю, и он рассказал нам, что тут происходит.

— Вот тут матрацы грузят, а потом отправляют в газовую камеру, — сказал он. Мы увидели, что одна из камер открыта, а другая закрыта. Первую как раз загружали, а во второй матрацы дезинфицировались с помощью вентокса.

— Матрацы, — продолжал д-р Анчерль, — оставляют в камере на пять часов при температуре 20 градусов Цельсия или на 12 часов при температуре 5 градусов. Для поддержания температуры вот здесь стоят печи, которые отапливаются снаружи. Объем камер от 50 до 80 куб. м. Газ поступает через специальные отверстия в дверце. Печи тщательно загерметизированы, чтобы избежать утечки газа.

— А для чего вот это помещение?

— Здесь мы держим зараженные матрацы. Не советую вам туда идти.

— А что за здание позади?

— Это котельная. Там сооружается местная система центрального отопления.

Поскольку меня всегда интересуют технические подробности, я поблагодарил доктора Анчерля, и мы с моим спутником пошли в котельную. В конторе мы нашли г-на инженера Поргеса и попросили его провести нас по зданию и все показать. Мы и тут не получили отказа. Он привел нас в соседнюю комнату.

— Это бойлерная, — сказал он. — Здесь мы устанавливаем котлы, редукционные клапаны и оборудование для обессоливания воды. К оборудованию, что позади вас, будут присоединены дутьевые вентиляторы, ускоряющие сгорание топлива. В качестве топлива используется угольная пыль, так что отопление нам обойдется дешево. Из котла будут выходить три трубы, надежно изолированные кремниевыми блоками. Одна будет идти к кухне Магдебургских казарм, ее там сейчас устраивают. Вторая пойдет в соседнее здание, где скоро будет построена современная система дезинфекции, и к баням, тоже почти законченным. А третья пойдет в Кавалерские казармы.

— Все устройства приходится изготавливать самому, — гордо заявил г-н Поргес. — Нередко моя помощь требуется и в строительстве. Все должно быть готово к 1 марта, надеюсь, так оно и будет.

Мы поблагодарили инженера и, успешно форсировав озеро грязи перед зданием, возвратились домой.

-нц (Петр Гинц), 1943 г.

Младенцы в Терезине

Наш репортер — доктор, заведующий терезинскими яслями. Прежде чем начать разговор, мы предоставим вам некоторую информацию для размышления. На сегодняшний день в гетто умерло 25 000 человек, родилось 92 ребенка. В гетто сегодня 43 000 человек, 100 000 прошло через гетто.

Младенцы в Терезине! Как и большинство терезинских детей, наши малыши, от сосунков до начинающих ходить, содержатся в специальных домах возле Пражского шоссе, с видом на парк. Здесь около ста восьмидесяти детей в возрасте от двух недель до полутора лет. Матери находятся в этом же доме, в специально отведенных комнатах. Некоторые малыши прибыли с транспортом, другие родились в Терезине и были переправлены сюда из роддома через 10 — 14 дней после рождения.

Ясли очень приятные, обычно здесь полно солнечного света, и детям предоставлены все доступные в Терезине удобства. У каждого симпатичная маленькая кроватка, полочка, в комнате стол, умывальник, раковина для посуды, маленький боковой столик с медицинскими приспособлениями, стулья, весы. Матери и нянечки следят за тем, чтобы дети были чистыми, а комнаты прибранными.

При домах есть молочная кухня, где готовят еду для малышей. Есть и пункт сбора белья для стирки, почти каждый день оно отправляется в центральные прачечные и возвращается чистым. В филиале отдела детей и молодежи — богатый набор постельного и нижнего белья и пеленок, а также мастерская по починке детского белья и конечно же административный отдел, где временно расположилась аптека. Маленьким детям нужен постоянный уход, поэтому их матери освобождены от работы. Более того, тут трудятся более 60 квалифицированных санитарок, работающих по 12 часов в смену. Врачи следят за здоровьем малышей, некоторые живут в этих же домах. При том, что у нас хорошая клиника, врачи предпочитают осматривать сосунков по месту жительства.

Как живут эти крошечные существа, чем занимаются они целый день? Просыпаются рано, после чего купание, завтрак, то есть матери кормят их грудью или дают им кашу, затем их снова кладут в постель, где они развлекаются как могут, в зависимости от темперамента. Крикуны кричат, кто-то спит, кто-то гулит, кто-то смотрит по сторонам — такие вот маленькие обезьянки в клетках. Здоровый ребенок — приятное существо, и на него радостно смотреть. В десять они получают следующее кормление, затем главный обход врачей, потом дневная прогулка. День пролетает мигмом. Обычно детей кормят пять раз в день, последнее кормление — в 10 вечера. Естественно, бывают и исключения, дети часто болеют, у нас даже была эпидемия детской болезни, которая унесла немало жизней.

Какая прелесть — здоровый ребенок, и как грустно выглядит больной. Он беспомощен, он не может сказать, где у него болит. Все зависит от врача, который должен понять проблему маленького пациента и вовремя принять меры.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что в Терезине для малышей делается все возможное, с учетом обстоятельств. Дети по большей части чувствуют себя хорошо, и если вы заглянете в коляску на улице, то увидите здорового, загорелого и милого ребенка.

И все же будем надеяться на то, что ситуация изменится к лучшему и наши малыши будут расти в здоровой среде, как все дети.

Д-р Г.А. (Неизвестный автор), 1943 г.

Сенсация, сенсация!!!

По сообщению еврейского Радио-Бонкес [слухи], шведская комиссия намерена прибыть в главную еврейскую резервацию Терезин. Как сообщается, 6 декабря наш еврейский центр Богемии посетят несколько высокопоставленных лиц.

Радио объявило следующее. Во-первых, утром в день визита каждый получит булку и кофе с молоком и сахаром в неограниченном количестве. Кое-что припасено для престарелых и больных: они получают двойную порцию мяса и картошки на обед, а на ужин – вареники со сладким соусом.

Во-вторых, Штаб гарнизона объявил о проведении интенсивной кампании приукрашивания – Фершённерунгсакцион.

В-третьих, в день прибытия гостей с полдевятого утра и далее должен соблюдаться идеальный порядок. С этой целью было дано указание в течение предыдущего дня проветрить, выбить и выколотить ватные и другие одеяла, матрацы и т.п.

5 декабря 1943 года. В соответствии с пословицей «Не делай сегодня то, что можно отложить на завтра» все приготовления проводятся в последнюю минуту. Штрассенрейнигунг [бригада дворников] испуганно бежит по улицам, хундертшафт [рабочая бригада] красит заборы приятной для глаз красновато-коричневато-черноватой краской, оформители витрин ставят новую экспозицию, руководители молодежи шастают вокруг детских домов, различные старушечьи бродят по улицам, выискивая, кому бы сообщить новые бонкес или с кем бы посудачить о старых. В витрине «Даменбекляйдунг» [дамская одежда] стоит красивая бумажная менора с надписью «Ханука 5704» (вообще-то для шведской комиссии следовало написать разъяснение, что такое ханука), а в витрине «Херренбекляйдунг» [мужская одежда] – выставлены рисунки с подробным описанием похода г-на Х в магазин. (На рисунках изображено, как он пошел в лавку голым, набросив на себя лишь чехол от соломенного матраца и держа в руке талоны на одежду и деньги, а вышел оттуда настоящим терезинским щеголем.) В посудной лавке – большой выбор емкостей с этикетками на чешском: рис, манка, рогалики, мак и т.д. – товары, нам недоступные.

6 декабря 1943 года. Мы опять вынуждены начать с пословицы: «Человек предполагает, а отдел питания располагает», ибо на завтрак вместо ожидаемой сладкой булки со сладким кофе с молоком дали лишь эрзац-Мелту, подслащенную вчерашними бонкес насчет кофе с молоком, но, правда, теплую. Утро прошло в атмосфере больших ожиданий, но этим все и ограничилось. На обед дали манную кашу – блюдо, любимое народом израильским со времен странствий с Моисеем по пустыне.

После обеда напряжение достигло апогея. Очевидно, шведская комиссия решила заставить нас ждать. Один парнишка из L 417, поняв, что посетителей не будет, вздохнул с огорчением: «Зачем только я вчера мылся!»

Но не будем тратить время на лишние детали. Следует все же добавить, что комиссия, ко всеобщему нашему разочарованию, так и не явилась, и на ужин дали лишь «экстрактзуппе» [суп из концентрата].

На этом я заканчиваю репортаж. Остается надеяться, что мы не будем опозорены.

P.S. Ожидаемая делегация прибыла 7-го и до отвала наелась в ресторане «Виктория».

Гануш Вайль и Франтишек Фейерштейн

Слепой скульптор Бертольд Орднер¹

Комната в недрах Кавалерских казарм. Вонь отхожих мест, тусклое освещение, грязь физическая и душевная... Единственная забота — наесться, выпасться и...? Что еще? Интеллектуальная жизнь? Может ли в этих каменных норах существовать что-либо помимо чисто животного инстинкта удовлетворения телесных нужд? Оказывается — может! Семя творческой мысли не погибнет ни в дерьме, ни в болоте. Оно и там пустит свои ростки, расцветет всеми цветами и засверкает, как звезда на темном небосводе.

Примером этому служит слепой скульптор Бертольд Орднер. Как-то раз мы с Иржиком Шубертом отправились к нему, поскольку я хотел написать о нем для нашего журнала. Мы представились, и я попросил его рассказать о себе. К сожалению, говорил он по-немецки, так что понимал я его с трудом.

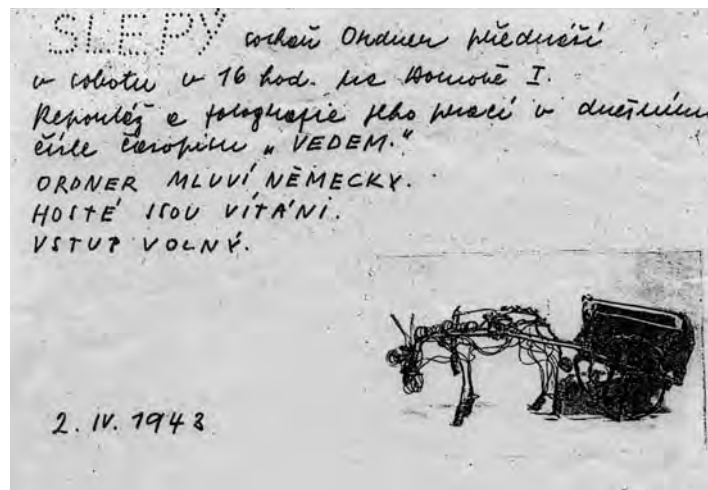
«С самого детства я был очень внимателен ко всему, что происходит у меня перед глазами. Когда я ослеп, мне пришлось бросить рисование — я не видел и не мог потрогать то, что рисую. Иными словами, мне не хватало третьего измерения. И вот я занялся проволокой». С этими словами он достал с полки замечательного павлина, сделанного из тонкой медной проволоки. Я не мог наглядеться на красоту линий и изящество работы. Глазки на хвосте павлина были сделаны из куска проволоки, загнутой в спираль.

— Как вы работаете? — спросил я.

— Сперва я делаю каркас, затем выгибаю из тонкой проволоки детали, формы и т.п.

— Как вы умудряетесь так точно передать формы предметов, которые вы изображаете, ведь вы их не видели двадцать пять лет?

— Только благодаря памяти. Я вспоминаю предметы, которые видел в молодости, и теперь, десятилетия спустя, изображаю их так, как запомнил тогда. Этот метод похож на метод экспрессионистов. Поглядите на дом, а затем изобразите его, пользуясь контурами и формой. Цвета имеют второстепенное значение. Так я и поступаю, разве что интервал между наблюдением модели и ее воспроизведением слишком велик. Двадцать пять лет! Так много изменилось за это время! Я выставял свои работы в Америке, Франции, Великобритании,

1. Бертольд Орднер (род. в 1889), осв. в Т.

Объявление: «Слепой скульптор Орднер читает лекцию в субботу в 16 часов в детдоме № 1. Репортаж и фотографии его работ в нынешнем номере журнала «Ведом». Орднер говорит по-немецки. Приглашаем всех желающих. Вход свободный». ПТ

«Ведом», подпись под фотографией: «Бертольд Орднер, слепой художник из Австрии». Довоенный снимок. ПТ

Германии, Испании, Швеции и других странах. Музеи боролись за мои произведения. И вот здесь в Терезине страдаю от голода и от того, что не хватает проволоки для работы.

— Вам все еще мешает слепота? — спросил я его.

— Когда я мыслю творчески, я совсем не страдаю от слепоты. В такие мгновения душа улетает из всей этой грязи далеко-далеко. Это — счастливейшие минуты.

Я смотрел на него с восхищением. Но тут Иржик-Джокер взглянул на часы и с ужасом обнаружил, что уже восемь. Мы быстро распрощались со слепым художником (он пообещал в скором времени нас навестить) и поспешили прочь. После спертой атмосферы Кавалерских казарм мы с удовольствием вдыхали свежий воздух и скоро благополучно добрались до нашего дома.

— нц (Петр Гинц)

Заметка в следующем номере журнала

Благодаря Иржику-Джокеру слепой художник, господин Бертольд Орднер, посетил нас в субботу 3-го числа этого месяца. Он принес показать нам несколько своих произведений. Этот человек, потерявший зрение двадцать пять лет назад, не может не вызвать восхищения — он не только помнит формы животных и людей, но еще и способен досконально воспроизвести их с помощью проволоки. Его лекцию посетили мальчики из других домов и даже их родители. Г-н Орднер говорил по-немецки, но все поняли, так как он говорил медленно и внятно.

Он обещал при первой возможности прийти снова и показать, как делать маленькие фигурки из проволоки. Его лекция была, без сомнения, одной из лучших и самой интересной из всех, когда-либо прочитанных в «Единичке».

Дуродка Махачек (Леош Мароды)

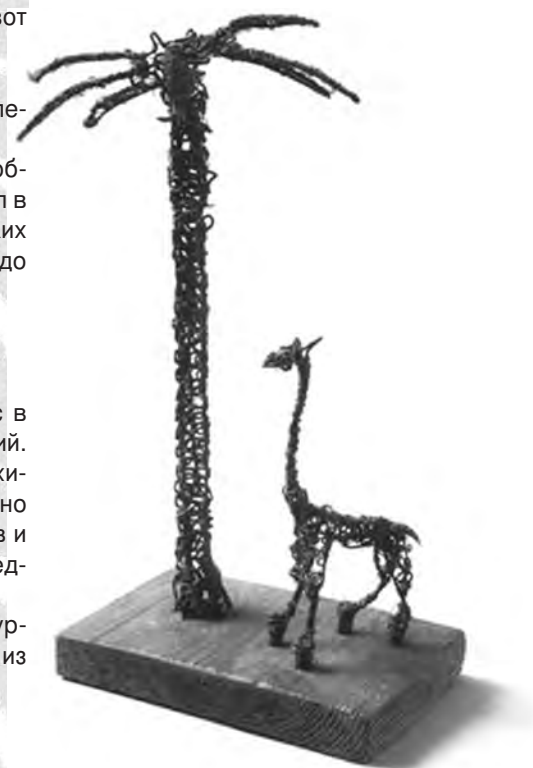
С 1943 года в «Ведеме» появилась новая рубрика, освещающая культурные события: спектакли, концерты и лекции.

Культурное обозрение

На прошлой неделе началась блестящая лекционная программа. Были прочитаны лекции: Либштейн² — о телевидении, Гинц — о буддизме, Бено Кауфман — об индуизме. Ценность их состоит и в том, что они прекрасно дополняют наш журнал. Одного журнала для полноценной культурной жизни недостаточно. Большие по размеру статьи, сколь бы интересными они ни были, в журнал не принимаются: нет места. Ценность лекций подтверждается не только интересом слушателей, но и все возрастающим числом лекторов, которые готовят для нас превосходные доклады: Мюльштейн — о Моцарте, Кан — о старочешском, Вайль — об истории шахмат, Рот — о Сервантесе, Котоуч — о криминалистике. Одного нам недостает — лекций взрослых, поскольку никто из нас не обладает серьезными знаниями в области политики и идеологии. Надеюсь, что и эта брешь будет вскоре заполнена.

Петр Гинц, «Ведем», № 9, 4 — 15 января 1943 г.

За последние две недели наша культурная жизнь достигла наконец того уровня, о котором мы мечтали. Программа была следующей: 3 января, в воскресенье, чтение стихов Волкера.

Бертольд Орднер. Жираф под пальмой.
Довоенное фото. БТ

2. Карел Либштейн (7.5.1929 — 28.10.1944).

Читали и обсуждали стихи, новые для нас. Потом Профа прочел одноактную пьесу «Больница»¹. В понедельник Меша Штейн прочел первую часть блестящей лекции о текстильной промышленности. Во вторник читал доктор Цвикер — он объяснил нам основные законы экономического развития. В среду отбой был раньше, в 8.45, из-за Лауба, который был очень болен. Поэтому вторую часть лекции Меши перенесли на четверг. В пятницу нас навестила госпожа Климке и спела нам еврейские песни и арию из «Проданной невесты». В субботу у нас был Фрицек Пик и с увлечением рассказывал о спорте и своих приключениях на этом поприще. В понедельник на лекции по современной психологии Шмуэль Клабер рассказал об очень интересных случаях из своей практики. Во вторник мы читали. В среду была лекция Зизи Айзингера. Особо важным событием в культурной жизни были вновь возрожденные кружки латыни и русского.

Обозреватель (К. Котоуч), «Ведем», № 5, 15 января 1943 г.

Культурная программа этой недели по всем вам известным причинам не была столь бурной. Но мы смогли как следует подготовиться к новомуднему капустнику. С того дня, как мы объявили культурную программу, у нас была лишь одна лекция по литературе проф. Бумбличика (поэзия Гейне). На будущей неделе обещается лекция Бруно Цвикера, к тому же нам наконец удалось зазвать Маженку и Вашека из «Проданной невесты»², и они пообещали устроить вечер еврейской песни.

Что касается развлечений на будущей неделе, здесь все схвачено. Поскольку наши главные комедианты помалкивают, следует ждать сюрпризов. Надеюсь, вы поняли, на что я намекаю, а не поняли — еще лучше. Вне всяких сомнений, программа будет что надо и оправдает рекламу, которую мы дали в первом номере журнала.

Святой, «Ведем», № 11

На прошлой неделе были прочитаны два доклада: Гануш Вайль — об истории шахмат и Пепек Тауссиг с Норой Фридом³ — о Гоголе. Первая лекция была очень хорошо подготовлена, Вайлик прочел ее без запинки, фактически наизусть. Боюсь, что она не отличалась особой оригинальностью. Роль докладчика все же не ограничивается извержением на слушателя книжных текстов, прочитанных во время подготовки. Лектор должен собрать материал и, подобно пчеле, превращающей цветочный нектар в мед, выбрать из прочитанного наиболее существенное, переварить это и рассказать своими словами.

Вторая лекция была одной из лучших, когда-либо прочитанных в «Единичке». И все-таки я позволю себе покритиковать Пепека. Наверняка вы обратили внимание на то, как Пепек с помощью шуток выкручивался из любого положения. Шутки и анекдоты, которые сыплются из него как из рога изобилия, напоминают подарочные кульки с этикеткой: «Желаем Вам всего самого наилучшего»... Стоило Пепеку оказаться в тупике, он тут же доставал из рукава одну из своих шуток.

Лекция его была очень информативной; он рассказал не только о самом Гоголе, но и об эпохе, которая его формировала. Нору я немного покритиковал бы за переигрывание во время чтения отрывков. Не помешало бы поумерить жестикуляцию. Но финал лекции вышел сильным, полным страсти... В целом доклад был удачным.

Мы возлагаем большие надежды на цикл лекций о русской литературе.

— нц (Петр Гинц)

1. Пьеса И. Волкера.

2. Имеются в виду солисты Карел Берман и Гертруда Боргерова.

3. Норберт Фрид (1913 — 1976) — известный писатель, родился в Чешских Бudeйвицах. Изучал историю литературы, получил докторскую степень в Карловом университете. В июле 1943 г. прибыл из Праги в Т. Писал пьесы для детей, поставил спектакль «Царица Эстер». В сентябре 1944 г. депортирован в Освенцим, оттуда в Дахау-Кауфферинг. После войны служил культурным атташе Чехословакии в Мексике и США. Его роман «Картотека живых» переведен на 11 языков, включая русский. Автор множества рассказов и книг о путешествиях, в частности «Меч архангела» (1953), «Мексиканская графика» (1955) и др.

Евреи в чешской литературе

Несколько дней тому назад я получил посылку, хлеб был завернут в газету прошлой недели. Просматривая столь редкостную для гетто прессу, я наткнулся на статью о декадентской сущности евреев и их пагубном влиянии на чешскую литературу. В статье приводились имена — Отакар Фишер, Карел Полачек, Франтишек Лангер, Эгон Гостовский. Не буду вам тут обрисовывать литературно-критические профили названных авторов и приводить высказывания о них известнейших чешских критиков.

Отакар Бжезина, один из величайших чешских поэтов, видел миссию евреев, помимо всего, в интернационализации литературы. Бжезина был переведен на немецкий пятью переводчиками-евреями. Врхлицкого перевел на немецкий Бедржих Адлер, Махара — Арношт Мандлер, Святополка Чеха — Эдуард Грюн, Безруце — Рудольф Фукс, Войтеха Ракоуса — Эмиль Саудек, Ярослава Гашека — Грета Райнерова. Она не только перевела Гашека, но и прославила его на весь мир — «Бравый солдат Швейк» перешагнул границу Чехословакии не только благодаря гениальному автору, но и его переводчице. Отакар Фишер перевел на чешский Гёте, Шиллера, Ведекинда, Мольера, Вийона, Маяковского; Иржи Вайль перевел молодых советских авторов. Руди Сакс в терезинском гетто перевел «Эдисона» Незвала.

Да хватило бы одного перевода «Фауста», сделанного О. Фишером! Это такой подарок чешской литературе, с которым ничто не сравнится, а уж тем более вирши «писателей», которых приводит в пример автор «Вечернего чешского слова».

Цемент, «Ведем», № 25

Один из нас

Один из нас — Барон Вральман, он же Рамзес, Жирок, Коминяш... Он милый толстяк. Носит черные брюки, которые доходят ему аж до шеи. На лбу светлый чубчик. Он потрясюще информирован о военном положении, точно знает, что сказали недавно значительные лица и сколько людей сбежало из Терезина, короче, всезнайка.

Прекрасно умеет рассказывать истории из своего детства, например, как он увидел машину, которая сначала ехала, потом прыгала по лестнице и — бултых в воду! Машина доплыла до другого берега Влтавы, проехала Летну и, взмахнув величественно крыльями, взмыла в небо и полетела в сторону Дейвиц. Таких правдивых историй у него наберется не меньше сотни.

Петр Гинц⁴

Сатира и юмор

Терезин — курортный город будущего.

В ночь с 10 на 12 апреля я проник в умы терезинских «бонкомётов», чтобы разузнать о планах Папаши Бедржиха⁵ относительно нашей автономной республики. Первая новость: Папаша намерен выпустить приказ, согласно которому все строительные бригады обязуются отрядить свой молодец на так называемые отделочные работы, якобы это ускорит процесс перестройки города. Для этой же цели Папаша велел задействовать максимальное количество специалистов из разных областей знаний. Он дал указ освободить Соколовну, которая служила больницей, и превратить ее в синагогу, а из театра сделать кинотеатр. По последним данным, полученным мною за несколько часов до того, как я начал эту заметку,

4. Курт Котоуч: «ШКИД была коллективом, в котором каждому находилось место. «Барон Вральман», например, не принимал участия в делах ШКИД, не писал в «Ведем», и при этом его все обожали. Он такие байки рассказывал перед сном...» («Что есть Отечество...» с. 45.)

5. Бедржих — то же, что и Фриц. Очевидно, здесь имеется в виду немецкое начальство Т.

на крыше будет сооружено летнее кафе. Папаша велел аннулировать колючую проволоку, огораживающую центральную площадь, а саму площадь превратить в парк с музыкальным павильоном, там обитатели Терезина смогут развлекаться и закусывать как во время обеденного перерыва, так и после работы.

В один прекрасный день во время осмотра нашего города Папаша заявил, что ему не нравятся заборы, разделяющие дома в Терезине, по его мнению, они портят общий вид. Он вызвал на ковер бургомистра нашего вольного поселения и приказал в течение сорока восьми часов снести все заборы.

Для обеспечения обильной подачи минеральной воды он велел выкопать колодец за стенами нашего города. В настоящее время глубина колодца достигла 80 метров, но никаких признаков минеральных источников еще не обнаружено. В парке на площади намечено построить ресторан, но пока никто не знает, чем там будут потчевать. Для нашего курорта мирового значения горсовет выписал множество экипажей с лошадьми. Терезинских рабочих ждет сюрприз — запланирована постройка троллейбусной линии, так что их будут возить с работы и на работу. Осмотр городских детских домов сподвигнул Папашу на еще одно судьбоносное решение: произвести повсеместный ремонт в сжатые сроки.

Поскольку наш дорогой Папаша Бедржих возжелал устроить проверку своих чад на рабочих местах, он изменил часы работы. Вот последние новости, которые мне удалось извлечь из мозгов наших «бонкомётов». Часть «бонковских проектов» уже была реализована, и можно надеяться, что и в остальном «бонкомёты» не подкачают. Мы же выражаем Папаше Бедржиху благодарность за его доблестный труд во имя нашего блага.

Сидикус

Это не банда, или Как в нашем городе делалось кино (Комедия в трех актах)

«Я слышал, что евреи недовольны Терезиным, — сказал в один прекрасный день своему заму начальник Отдела решения еврейского вопроса¹. — Более того, — добавил он с негодованием, — говорят, в зарубежную прессу просочились сообщения о тяжелом положении евреев. Так больше продолжаться не может, не ровён час, разразится международный скандал, и это не только ухудшит наше положение, но и... вы знаете, на что способны эти люди, не мне вам рассказывать». — «Но что делать, как предупредить это несчастье?! Улучшить питание и бытовые условия?! Нет, это пойдет вразрез с нашими антисемитскими принципами». — «Гм, вопрос непростой, не знаю, что и предпринять», — сказал г-н Х угрюмо. — «Ха-ха-ха! Ура! Придумал! Мы сделаем фильм (вам наверняка знакомы кинотрюки!) и распространим его по всем странам-придирам, чтобы заткнулись и не совали нос не в свои дела». — «Я всегда говорил, что у меня отличный зам. За ваши оригинальные идеи я представляю вас к ордену и выдвину вашу кандидатуру на повышение».

Таков был пролог.

И кино началось.

Операторы «Новостей» — Печенка, Фрич и др.: «Господа длинноносые, толстопузые и очкастые — приготовиться к съемке! Вы должны выглядеть веселыми и довольными, словно бы только что гуся откушали. А ты, вонючий жид, на кого ты похож? Вот тебе!» — и господин в зеленом обрушивается с тумаками на беззащитного старика... Или такая сцена. Группе старух приказано идти плавать. «Простите, пожалуйста, я не могу, у меня понос, ревматизм» — «Halt Maul, alte Juedin, gehst ins Wasser!» [«Заткнись, старая жидовка, живо в воду!»]

1. Намек на Центральное управление по еврейским делам в Праге, которое возглавлял оберштурмбанфюрер СС Г. Гонтер.

И несчастная старушенция без всяких там не-хочу-не-буду, к тому же не умеющая плавать, плюхается в воду.

Следующая сцена несравненных съемок: ортодоксальные евреи и раввины на представлении «Штадтскапелле»² пляшут под джазовую музыку.

Да, еще эпизоды с едой! Объевшись жирными тортами и сладкими пирогами, евреи облизывают пальчики (естественно, в момент, когда на них направлена камера); потом их чуть ли не откачивали.

Лучшее кабаре, «Киндерпавильон»³ – словом, бурные съемки. А главное – все это «с натуральной улыбкой на устах».

Такова была интерлюдия.

«Да, господа, прекрасная это была идея про кино... Как видите, все обошлось без улучшения питания и бытовых условий, и теперь мы полностью реабилитировали себя в глазах наших "друзей-врагов"».

Это и был финал.

Дон (Герберт Фишл)

2. Городской оркестр, созданный для съемок пропагандистского фильма.

3. Детская площадка.

Кадры из нацистского пропагандистского фильма «Еврейское поселение», лето 1944. ЯВА

Сенсационное нападение на еврейский банк в Терезине

Еврейские гангстеры, переодетые в форму «ляйхентрегеров»,¹ проникли в банк. — «Гангэльтестер»² раскололся, не выдержав тяжести улик. — Один убитый, 6 тяжелораненых.

Вчера 8 подсудимых предстали перед 12 присяжными заседателями. Процесс вел известный всем Индра Лаубер. Главным прокурором выступил знаменитый Лёвит Штейн³. Подсудимые отпирались до тех пор, пока под давлением улик не раскололся сам «гангэльтестер».

В соответствии с собранными свидетельскими показаниями картина нападения выглядела следующим образом:
8 декабря сего года в три часа дня к воротам банка, охраняемого тройкой носильщиков трупов, подкатили 8 вышеупомянутых гангстеров в бронированной машине наиновейшей марки «Парилев». Сторожа, подкупленные кнедниками с кисло-сладким соусом, пустили их внутрь.

Бандиты проникли в помещение с несгораемыми шкафами. Угрожая автогенными пистолетами, они пустили отравляющий газ и стали укладывать сейфы на специальные носилки. На бандитах были полученные от дезинфекторов маски. Впрыснув огромное количество дрожжей, преступники завоняли все помещение.

В тот момент, когда они уже были готовы бежать с добычей, перед ними возник служащий, который пытался оказать сопротивление. Бандиты сунули ему под нос коробочку «Капута». Отравленный свалился замертво. Среди служащих началась паника, но бандиты их парализовали, размахивая перед ними завшивленным бельем. Преступники бросились к телеге с

1. Носильщиков трупов.

2. Староста банды гангстеров.

3. Намек на Лёвенштейна — начальника еврейской полиции.

«Мужчины в офсайде в Терезине». Красочно иллюстрированная «повесть-сериал» построена как довоенный роман Карела Полачека «Мужчины в офсайде», только здесь действие происходит в Терезине. Жизнь мелкой буржуазии, над которой весело шутил писатель в Праге, здесь, в Терезине, описана молодыми юмористами «Ведема». Кончается все отправкой главного героя, господина Начерадеца, с женой и детьми в Польшу.

Аноним. Господин Начерадец возвращается с работы и видит, что все вещи собраны. «Ведем»

Господин Начерадец потрясает повесткой на транспорт. «Ведем»

Аноним. Прощание. «Ведем». ПТ

сейфами, но, к нашему великому счастью, были задержаны геттовахманом с перекрестка у L 417, который тут же сдал их дежурному из Дрезденских казарм (HV). Приговор без права обжалования: внеочередная отправка в Польшу.

Состряпано Хладнокровным Отцом и Святым Конем⁴, «Ведем», № 7

Празднование Хануки в детдоме № 1. Рассказ шведского репортера

Перед тем как вернуться домой в Швецию, я решил по дороге остановиться в Терезине. Больше всего меня интересовала жизнь ребят в детских домах, и вот, со своим другом И.Б., я навестил здание школы L 417. Мы вошли внутрь и в нерешительности остановились у парадной лестницы. Куда идти? Приятель указал на дверь с надписью «Дом № 1». Мы вошли. В комнате царило оживление. Ребята к чему-то готовились, им помогала госпожа З. Мы с изумлением взирали на оживленную суету, было понятно: здесь что-то происходит! К нам подошел молодой мужчина, весьма приятный на вид, и представился как профессор Айзингер, заведующий детдомом № 1. Я спросил его, к чему здесь готовятся. Он объяснил, что вечером начинается Ханука. По выражению наших лиц он понял, что слово Ханука нам не известно, и пригласил нас на праздник.

Без двух минут семь. По свистку ребята рассаживаются за праздничный стол. Ровно в семь приходит главное начальство — О. К. [Ота Кляйн]. Наступает гробовая тишина, проф. Айзингер читает молитву. Зажигаются свечи. Звучит величественный хорал. «Маоз цур...»⁵ — поют 40 мальчишеских голосов. Мы растроганы. Как только отзвучали последние звуки этой старинной песни, один из ребят встал из-за стола и разъяснил нам исторический смысл Хануки. Потом проф. А. прочел свое стихотворение, оно дышало древностью и воспевало собравшихся за столом — всех вместе и каждого в отдельности. Стихи были выслушаны с большим вниманием.

Пошли угощения. Нам тоже предложили поесть, но мы вежливо отказались: не объедать же бедняков! Во время трапезы была культурная программа. Мустафа и его melody boys отлично выступили. Программа закончилась около десяти. Поблагодарив всех присутствующих, мы откланялись. Потрясенные, шли мы в отель «Виктория». Этот вечер еще долго будет жить в моей памяти.

Дрбе (Вальтер Рот, Бено Кауфман), «Ведем», № 1

Когда Будда спит...

Когда Будда спит, он видит спокойные сны. С мадрихом дело обстоит сложнее — в его сон (а поспать он любит) врываются стоны и вопли, а иногда и рычание на манер звериного, не говоря уж об иных громких звуках.

Но хуже всего приходится спящему и видящему сны мадриху в те дни, когда его подопечные несут ночную вахту и отвечают за гигиену всего L 417⁶. Сон его как лента азбуки Морзе — то останавливается, то идет снова.

Именно так оно и было в ту ночь со вторника на среду. Каждые два часа сон мадриха прерывался топотом, стуком, болтовней, возней возвращающихся с дежурства и воплем пробуждающихся сменщиков. Бедному мадриху чудилось, что он не в супердисциплинированном L 417, а в средневековой испанской камере пыток. В эту тревожную ночь ему приснился страшный сон с продолжением.

Ад со всеми его кошмарами, который живописал божественный Данте, — это семейная

4. На самом деле прозвище Иржи Броди — Хладнокровный Конь, а Святой — Котоуча.

5. Маоз цур (ивр.) — «Твердыня и оплот» — ханукальный гимн.

6. Айзингер, больной тифом, писал рассказ в разгар эпидемии. Из-за тифа было установлено ночное дежурство в уборной; сменяясь, ребята шумели и будили больного.

идиллия по сравнению с «собранием» мадрихов, на котором Бумбрличеку¹ взбрело в голову обратиться с нижайшей просьбой к самому царю Тифону Четвертому.

Во сне страшный образ царя то смутно напоминал Оту, то становился Отой², затем превращался в доктора Яхнина³, из него — в Гонду Редлиха и прочих известных нам терезинских исполинов.

— Ваше Величество царь Тифон, с нижайшим поклоном предстоим мы пред Вашими очами и смиренно зываем к Вашему милосердию и благосклонности...

— Чего надо, червь земной? Отвори грешные уста и — говори!

— Ваша светлость, одна только просьба. Прошу не за себя, мадришка убогого, а за детишек из «Единички», милых моему сердцу. Сжался над ними!

— Успокойся, червь из рода карапузиковых⁴, колена бумбрликовых! Говори Владыке свое желание!

— Ох, Господин, не хочу ничего другого, кроме как позволения переименовать нашу «Единичку», например, в Дом номер 4597.

— Не издеваться ли вздумал ты над своим господином? Посмешище из него сотворить?! Знаешь ли ты, что я столь же милостив в добром настроении, сколь страшен во гневе?

— О Господин, дай мне обнять раскаленную железную сковороду, кинь меня на огнедышащее ложе, но только исполни, Милосердный, мою просьбу!

Царь Тифон громово прокашлялся, высморкался в «ляйнутух»⁵ и продолжил:— Тогда скажи, зачем обращаешься ко мне с просьбой, странной которой я не слыхивал?

— Господин профессор, господин профессор! Шагрибу пора на дежурство, а он не хочет вставать со своего ложа!

Прсек аж подскочил на койке и спросонья закричал: «Что? С огнедышащего ложа?»

— Нет, господин профессор, из постели он не хочет вылезать, а ему дежурить.

— Ага, — сообразил наконец мудрый профессор, моргая и стирая пот со лба, — так стащите его вниз, он должен идти. — Профессор упал в подушки, и страшный сон снова обрушился на его измученную голову.

— Славный царь-государь! Выслушай и посуди сам: неужели мы, Твои лучшие создания из комнаты № 1, не достойны Твоей жалости? Выйдет ли указ отправить 50 ребят таскать на себе матрацы, уголь и прочие тяжести — выбирают ребят из «Единички». Нужно ли послать за пайком, диетическим питанием или «шонкоштом»⁶ — опять «Единичка». А когда вдруг нагрянет контроль порядка, гигиены, программ и пр. — куда все побегут прятать, пардон, грязную обувь? Опять же в «Единичку».

Куда сунется уборщица погреть свои замерзшие руки — опять же в «Единичку». Понадобятся ли «пуцолонне»⁷ швабры для уборной — куда пойдут сортирные уборщицы — думаете, в «Двойку» или «Тройку», что поближе? Нет! В ту же «Единичку».

Во всех засранцах и разгильдяях живет безошибочный инстинкт, он и направляет их стопы в «Единичку». Но если начальство получит от господина Фишера донесение о том, что номер нашего дома — 2497, разве станет оно наносить нам визит?

В этот момент возле уха разметававшегося на койке Бумбрлика раздался голос. Это был голос Риши⁸:

— Профессор, вот тебе таблетка от тифа...

Что было дальше, не помню...

Прсек (Вальтер Айзингер), «Ведем», № 5, 1943

1. Кличка Айзингера.

2. Заметим, что «суровому» Оте Кляйну, главе L 417, было всего 22 года.

3. Доктор Яхин отвечал за гигиену и санитарию в L 417. По воспоминаниям З.Орнеста, д-р Яхин часто посещал пятничные чтения «Ведема» и награждал кусочком сахара автора понравившейся ему статьи.

4. Из-за маленького роста Айзингера прозвали Прсек, т.е. карапуз.

5. Носовой платок.

6. Усиленным питанием для больных в изоляторе.

7. Бригаде уборщиц.

8. Рихард Мейер (1918 — 1943) — воспитатель.

Махлойки⁹

По Адлеру¹⁰, махлойка связана с сексуальным инстинктом и потребностью выделиться, по Фрейду – это инстинкт, который заставляет людей думать и действовать. Чувства спрашивают логику – это правда? И вот уже идет ток по нервам, разогревая мышцы. Так осуществляется действие. Оно может быть обдуманным и необдуманным. Если мысль в своем путешествии по нервам не пожелает повернуть к разуму и пролетит мимо, то возникнет необдуманное действие. Я не собираюсь болтать что попало, у меня есть мысль, и я хочу ею поделиться (хотя целое лучше, чем разбитое на части), хочу поговорить об обдуманных действиях. ... Есть разные типы обдуманных действий. Нормальный человек понимает, что каждое действие приводит к результату, плохому или хорошему, и ждет его. Иначе обстоит дело, когда результат достигается заведомо нечестными путями. Один из них – махлойка. Махлойки – это действия, в основе своей связанные с *dre à petite*¹¹ (вдумайтесь, во всех еврейских словах есть подвох). Махлойки возникают по разным причинам – престиж, коммерция, политика и пр. Если хочешь кого-нибудь подбить на махлойку, походи к нему, улыбнись особой улыбкой, дай ему понять, что в ты принципе против всяческих спекуляций, но раз уж все этим занимаются... Потом отойди и снова подойди, похлопай его дружески по плечу и объясни, какова цель твоей махлойки. К примеру, господин профессор Вояк наносит визит господину управляющему Радлову, с тем чтобы тот пригласил Зейбдрлика, инспектора земской школы, на похороны его дяди. Зачем? А чтобы Зейбдрлик не нагрязнул случай в школу и не поймал Вояку врасплох, так как тот еще не укомплектовал седьмой класс.

Существуют разные степени давления и разные степени махлок, от наивысших (например, в политике) до наинизших. ... Наивысшие – те гордо шагают по свету, а наинизшие крутятся в своем мирке, однако и там и здесь есть свои махлойки. Вся жизнь, весь мир и вся Вселенная связаны цепью махлок. Судьбы народов определяют махлойки их правителей.

Надеюсь, вы не ждали от моей статьи решения проблемы. Я только указал на нее. Но не решил. На это пока не хватает сил.

Академия, «Ведем», № 25

Стихи из «Ведема»

Не забудь!

Ледяная решетка,
тяжесть железная
меня навсегда разлучат
с губами твоими чудесными,
что кровь мою горячат.
Прорастает в мозгу моем ужас,
с потрохами сожрет меня,
лишь появятся в сердце вера
и любовь –
превращаются тут же
в серу и столб огня.

9. Махлойкес – спор, раздор, раскол (*ивр.*). Гинц придает этому слову несколько иное значение.

10. Альфред Адлер (1870 – 1937) – знаменитый венский психолог.

11. Первое слово нами не обнаружено, второе по-французски означает «маленькая».

Отомщу вам, властители ада!
В руках моих — острый меч,
на конце его — капля яда.
Размахнусь — и придется вам лечь
грудой трупов в кровавой пене.
Враги с ненасытной злостью,
вот вам мое отмщенье!
От вас только кровь да кости
на земле оставит мой меч,
я буду над вами до рвоты
смеяться,
и тут пулеметы
заведут любезную речь,
уничтожат врага окончательно.
Может быть, это только сон,
но отмщенье придет обязательно,
будет мой народ отомщен!
Аноним

Без названия

Бредут по улицам люди,
убитые горем-бедою.
идут бледнолицые дети
с поклажею за спиной —
в Польшу уходит транспорт.

Едут в нем молодые,
старые и больные,
немало здоровых тут.
Но и они не знают,
как пережить все это,
если переживут.

Транспорт «А» ушел до рассвета,
ушли и другие транспорты.
Тысячи жизней не стало,
столько погибло людей.
Но немцам и этого мало:
так ласка, отведав крови,
становится все лютей.
Зденек Вайнбергер

Фриц Ледерер. За колючей проволокой.
ЕМП

Хана Поссельтова-Ледерерова¹. Встреча с Ганушем Гахенбургом

«18.6.1943... Поздним вечером я увидела на улице мальчика. Потрясающий ребенок! В его огромных темных глазах была такая неземная мудрость, что дух захватило. Он не обратил на меня внимания. Естественно. Мимо него проходило столько чужих людей! Разве всех заметишь? Но может быть, и, скорее всего это так, ему нельзя было вечером быть на улице. Столько указов и приказов, не знаешь, какому следовать. Но глаза его притягивали как магнит, и я решила к нему подойти. Я задала ему глупый вопрос, куда он идет. Он остановился, взглянул на меня удивленно и сказал, что ищет друга, который ушел без разрешения, и никто не знает, где он. «Сколько ему лет», — спросила я его. «Как мне, четырнадцать». — «Можно я помогу тебе его искать»? — «Пожалуйста, но думаю, нам его не найти. Скорее всего он у мамы, но я не знаю, в каком блоке она живет». — «А где живет твоя мама»? — «У меня нет мамы, и отца нет»². И я сказала сама себе: идиотка, ничего ни у кого не спрашивай, здесь все хуже, чем можно себе представить... Не знаю, но почему-то мне подумалось, что вот и черешня созрела, а у мальчика ничего нет, ни мамы, ни черешни, ни отца. Голова шла кругом, я еле сдержалась, чтобы не обнять его и не расплакаться...

Звали его Гануш Гахенбург. Тихий-претихий мальчик, за которым простиралось море печали. В свои четырнадцать он уже понял, что такое смирение. И что такое мудрость, купленная тяжелой ценой. Душой он был старше меня, хотя я была старше на десять лет...

Мы побродили немного, но друга его не нашли. Постепенно мальчик стал разговорчивее и спросил: «Хотите послушать стихотворение, которое я написал?» — «Конечно, хочу, тем более твое. Ты давно пишешь стихи?» — «С того времени, как потерял маму и папу и оказался в Терезине». — «А как называется стихотворение?» — «Терезин». — «Так читай, а потом перепиши мне на память, ладно?» Он начал читать:

Терезин

На стенах грязных грязи пятно.
Колючая проволока. Окно.
30 тысяч уснувших навеки.
Однажды проснутся они и увидят
Собственной крови реки.

Я был ребенком назад два года,
Мечтал о дальних мирах.
Теперь я взрослый, узнал невзгоды,
Я знаю, что значит страх,
Кровавое слово, убитый день.
Не рассмешит меня дребедень,
Не напугает чучело на огороде.

При этом верю — все это сон,
Колокол вздрогнет — и окончится он,
Проснусь и вернусь я в детство,

1. Х. Поссельтова-Ледерерова. «Мама и я» (Терезинский дневник). Изд. G+G, 1997 г. Прага. Х. Поссельтова-Ледерерова (1919 – 1997) – педагог, переводчица.

2. На самом деле у Гануша в Т. была мама, Элишка Гахенбургова (1904 – 1943), вместе с ней они были депортированы в Освенцим. Об отце Гануша сведений нет. Гануш погиб в июле 1944 г.

Оно как дикая роза в шипах.
Ребенок ущербный у матери на руках —
Она его нежит больше детей других.
Дни моей юности — что ожидает их?
Враг да удавка.

Юность страшна. Страшен ее приговор:
Вот — зло, вот — добро, а вот твой позор.
Там, вдалеке, где детство уснуло сладко,
На узеньких тропках Стромовского парка
Кто-то смотрит из дома. Но в том окне
Одно лишь презрение осталось ко мне.
В ту пору, когда сады набирали цвет,
Мать подарила мне Божий свет,
Чтобы я плакал.

Я сплю на досках при свете свечном.
Но время придет, и увижу в упор,
Что был я всего лишь маленьким существом,
Таким же крохотным, как этот хор
Из тридцати тысяч жизней,
Замолкших тут.
Однажды воскреснут на милой Стромовке они,
Подымут холодные веки
Глянут во все глаза на текущие дни
И снова уснут
Навеки.

И он умолк. Спустя какое-то время я сказала: «Прекрасное стихотворение. Спасибо. Только очень печальное. До слез. Но здесь, наверное, не место веселым стихам, да и мог бы ты их писать?» — «Нет, у меня бы не вышло. Да и зачем?» — «Ты любишь писать?» — «Мне легче, когда я пишу стихи. В это время мне хорошо...»

Сочинения Гануша Гахенбурга

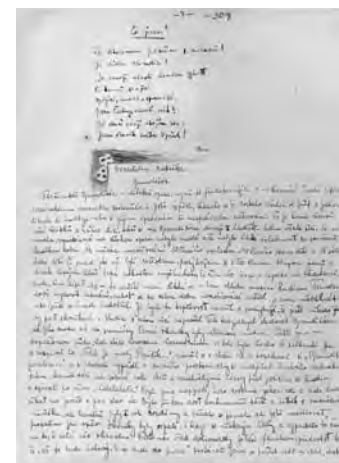
Кто я?

Кто я такой?
Какого племени, роду?
К какому я принадлежу народу?
Кто я — блуждающий в мире ребенок?
Что есть Отечество — гетто застенков
Или прелестный, маленький, певчий край —
Вольная Чехия, бывший рай?
«Ведем», № 7

Страница из «Ведема». Стихотворение Гануша Гахенбурга «Знаки вопроса после ответа», 1942.
«Знаете ли вы, что...
— Гонза Полак в рамках акции «Молодые — старым» разбил бочонок из-под маргарина господина Фишля?
— Копелович нашел в супе мышиный хвост?». ПТ

Страница из «Ведема». Гануш Гахенбург. Стихотворение «Кто я?»
Рудольф Лауб (1929 — 1943). Театральная рубрика. «Брундибар». Читайте статью Р. Лауба в главе «Брундибар». ПТ

Знаки вопроса после ответа.

К чему человечеству точность прекрасной науки?
К чему ему женщин красивых губы и руки?
К чему этот мир, если миром бесправье правит?
К чему ему солнце, коль день никак не настанет?
Зачем ему Бог? Чтоб только карать и мучить?
Иль чтоб человечество стало немного лучше?

Может быть, мы и не люди вовсе, а звери,
Рожденные для страданья, чтоб сгнить в пещере?
К чему эта жизнь, где всё живое так жалко?
Зачем превратился мир в огромную свалку?
Верь мне, сынок, всё так обернулось страшно,
Чтоб стал ты мужчиной! Чтоб воевал отважно!

В зале рукоплескания.
Сосборена в ожидании
Черного занавеса материя —
Скоро раздвинется,
И начнется мистерия.

Свет, предвещающий тьму, на склоненные головы люда
Тени бросает, и люди дремотно вздыхают,
Убаюканные предвкушением чуда.

Будущее им снится.
Мир подаёт на подносе гуся, как в детстве,
Раскланиваясь, подавал — и раздувается «Эго».
Свист оглашает сцену, вот-вот разыграется действие,
И публика, грезя о пище, собирает в трубочку губы.

Размышления

Стоял я в углу и в окошко смотрел в испуге
туда, где меж сердцем и сердцем стоит преграда,
туда, где на нарах лежат унылые тени Гада,
там сумасшедший вопя простирает руки:

«Мамочка.....
Мамочка, дай мне руку!
Будем, целуясь, играть! Всё расскажем друг другу!»

Жалкие люди, лишившиеся рассудка,
кутаются в тряпье, но даже тряпье им — бремя,
трясет их от холода, и вопиют они жутко —
да будут услышаны, прежде чем кончится время:

«Мамочка, спрячь! Я падающий листочек,
смотри, как свернулся, как зябко мне, как я гнию!»
И мощный хорал сотрясает казармы ночью,
и я, подхваченный вихрем, вместе со всеми пою.

Вы, свинцовые облака, которые ветром гонимы,
вы летящие к цели, которая вами не зрима,
образ синих небес несете вы вместе с собою,
вы несете в себе пепельный запах дыма,
вы несете в себе кровавое марево боя.
Вы, сохраните нас! Вы, которые только газ;
вы плывете в мирах, не ведая цели и жажды.
Я, ожидающий смерти скиталец, хочу однажды,
как вы, до будущего расстояние — метр за метром —
измерить, но не возвращаться с попутным ветром.
Вы, облака из пепла, что на горизонте пасется,
вы — вечная наша надежда и веры знамя,
вы, в грозный час затмевающие нам солнце,
гонит вас время! И день — за вами.

Прибытие в Т. голландского транспорта.
1943. ЯВА

Вид из кафе

Это кафе – прекрасное место для жалкой натуры,
Стаканчик чаю добудешь наверняка.
Фальшивит музычка. Взираю я свысока
На колючую проволоку немецкой комендатуры.
Девушки кофе разносят – улыбка как на заказ –
И мне вполне хорошо сейчас.

Хорошо развлекаться и делать хорошую мину.
(А внизу, катафалк толкая, везут мертвеца
Старики-доходяги, свою торопят кончину –
Сил уже нет, недалеко до конца.
А за спиною – зеленая богадельня,
Где от тифа десятками мрут еженедельно.)

С какой это стати сидим мы в тепле сейчас
Когда молят о крошке хлеба бессильные многотерпцы?
От всего, что творится вокруг, сжимается сердце.
Кафе аплодирует – музыканты лабают джаз.
Джаз доносит рыданье кошачье да крик вороний
Над равниной снежной. А я, всему посторонний,
Чувствую, что лечу, как от стакана стекло,
В бездну могилы, где не бывает тепло.

И обнял я дольний мир времени, вьюжного ветра,
Мир голода и нужды, простертый на километры,
Я здесь в гостях, я солнца цветок, я забрел случайно
В сей мир, который есть тайна.

Воспоминание

Неизвестная старуха в доме умирала,
Извелась умирать на жестком ложе.
Вся усохла не без помощи Божьей
И при этом без конца бормотала

О каком-то отрезе ситца, что гетто
Унаследует после ее кончины,
И все плакала, бедная, как бы в жизни этой
Повидать перед смертью сына.

Умирать не хотела, с тьмою сражалась,
Призывала теменю последним жестом.
Отошла в ночи — тепла не осталось,
И не мог я весь день найти себе места.

А наутро пришли за тем, что осталось, —
На дворе теплынь — и светло, и сухо, —
И на ложе нашли четыре цветочка,
Фото сына — с ним говорила старуха —
Зажато в руке. С трудом расцепили пальцы —
Снимок порвался.

Смотрит с него лицо.
Больше я ничего не знаю.
Но я верю и уповаю,
Что мать вместе с фото сожгут.
11.4.1943

Жалкое я создание — у мира прошу подаянья:
в землю меня не втопчи шагом своим слоновым,
о, не спали меня жаром своим багровым,
будь милостив, жить оставь, чтоб смог бы я возмужать
и на старой, как мир войне, мог бы я воевать.

Я голоден! Жить хочу и набираться знания!
Выстлала мне судьба ровный и мягкий путь,
словно кулек конфет, только с начинкою мерзкой.
Я — лакомка, с жадностью детской
схватил ту конфету познания и надкусил чуть-чуть,
а эта сладость-обманка застряла в моем зобу.
И волны жизни взъярились — ах, искушать судьбу?! —
и ну надо мной измываться. Снег из туч повалил.
И понесли меня волны, разинули рты...
Времени колесо с пылью смешало сухие цветы,
а я помню многих, многих из тех, кто здесь прежде жил.

Грудь мне дает судьба, да прогоркло ее молоко,
я и мысли мои, одиноко живущие рядом,
сосем судьбы молоко, но это нам нелегко —
оно горчит, будто дым, нам столько дыму не надо.

Вера в ничто

Я одинок
мне снятся обманные сны
я одинок
все кровли вдали снесены
я одинок
мчатся ужасов черные тучи
я одинок
мы обломки на волнах кипучих
я одинок
полюхают воды огнем
я одинок
я упал на пороге чужом
я одинок
кости в лохмотьях кожи
я одинок
нет дыхания на бездорожье
я одинок
расцветают розы в саду
я одинок
я молчком рядом с Тобой иду
я одинок
и потому способен
обнять Тебя кому я подобен
поскольку я одинок.

Я одинок
и сказать мне хочется
всё рождается из одиночества
чтобы напиться света.
я одинок
мне нет никакого ответа
в пепле после огромного пламени
нет ничего

Жизнь и смерть

Весь мир — это жизнь и смерть:
солнечный луч, обжигающий твердь,
дикая буря в морях,
заливающая острова,
вечна любовь — кровью земля жива.
Когда в зеленую жизнь одеваются деревья

Всё

и понедельник следует за воскресеньем,
когда ветерок повторяет слова
книги, заполненной сердцебиением,
когда юный моряк, силы недюжинной полн,
на смерть сражается в море с гробами волн...

Кровь, вечно алая, вечно живая кровь
пока не устанет в стенах холодных биться,
из праха народ восставать будет вновь и вновь,
чтобы жить —
и жизни учиться.

Сердцевина черна. И это ничто — есть круг
это ничто есть пространство Бог и закон
белые облака к правосудью плывут пыля
острым градом насмешек.
А там, где Право, коричневая земля,
а потом, а потом — красного цвета любовь и розовый сон!

Цвет — это всё. Серенькая река,
зеленая заводь дядюшки Века
желтой скалы тоска
чернильного круга тьма —
во Вселенной тюрьма
синее небо — лучистая вязь
черно-алая казнь.

Шло время глядя само на себя и видя
как вьется оно спиральной черной нитью
на миг застывает и над руинами виснет
и начинает петь свою песню жизни,
покуда не примется снова душить спиральной круговертью.
И тут раздастся печальная песня смерти.

Из лона Земли жизнь рождена
и с умением редким
отдается плодится себя пожирает она
себе расставляя сети.
Так задумано биоклеткой —
Время для жизни — и время для смерти.
Жизнь с удивительным постоянством
шла по своим дорогам,
чтоб овладеть пространством
и сделаться Богом.

Неизвестный автор. Смерть.
1943 – 1944. ЕМГ

А это и есть человек. И стал он
хозяином смерти и жизни, плеч и боков.
Время идет неустанно и странно
все по тому же кругу, по той же спирали веков.

Смерть занесла грязную руку над нашей
юдолью и над душою моею
переполняется черепа чаша
высохнет мозг и всей массой костей
крови мускул и жил
плоть закричит:
«Жизнь! Жизнь! Жизнь?!»

Время себе спиралью путь пробивает
люди рожают людей и умирают,
происходят события или они только сон
на последнем витке обрывается цепь времен
освобождая от денег и прочих пут
а нити любви в бесконечность спиралью идут.

Сверху вниз

Когда я ребенком был – мир ясный был и простой:
Дерево в полую ветку как в дудку поет,
Статуя Вацлава – заживо окаменевший герой,
Луна – большеротая девочка дивной красоты,
Человек растет, когда дождик вовсю идет,
В тюрьму заключенное время – это часы.

А что же сейчас?

Обезжизнело всё, красота исчезла, хотя
Любила меня и была подружкою мне.
Но снова, как из пелен вылезшее дитя,
В жизни постылой ищу красоту и вижу во сне.

Ребенку везет – любимую вещь детвора
Взглядом отыщет и там, где царит разруха.
Мне ж научиться любить мертвые вещи пора,
А для этого надо набраться духа.

Ищем пугало

Пьеса для кукольного театра
(На конкурс журнала «Ведем»)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Посол
Король
Полицейский
Министр
Чародей
Крестьянка
Гонза
Еврей (Мордехай)
Маничка (Маженка)
Еничек
Смерть

СЦЕНЫ

Улица
Королевские покои
Комната Чародея
Цирк

РЕКВИЗИТ

Микрофон
Трон
Звонок

Действие 1

Королевские покои

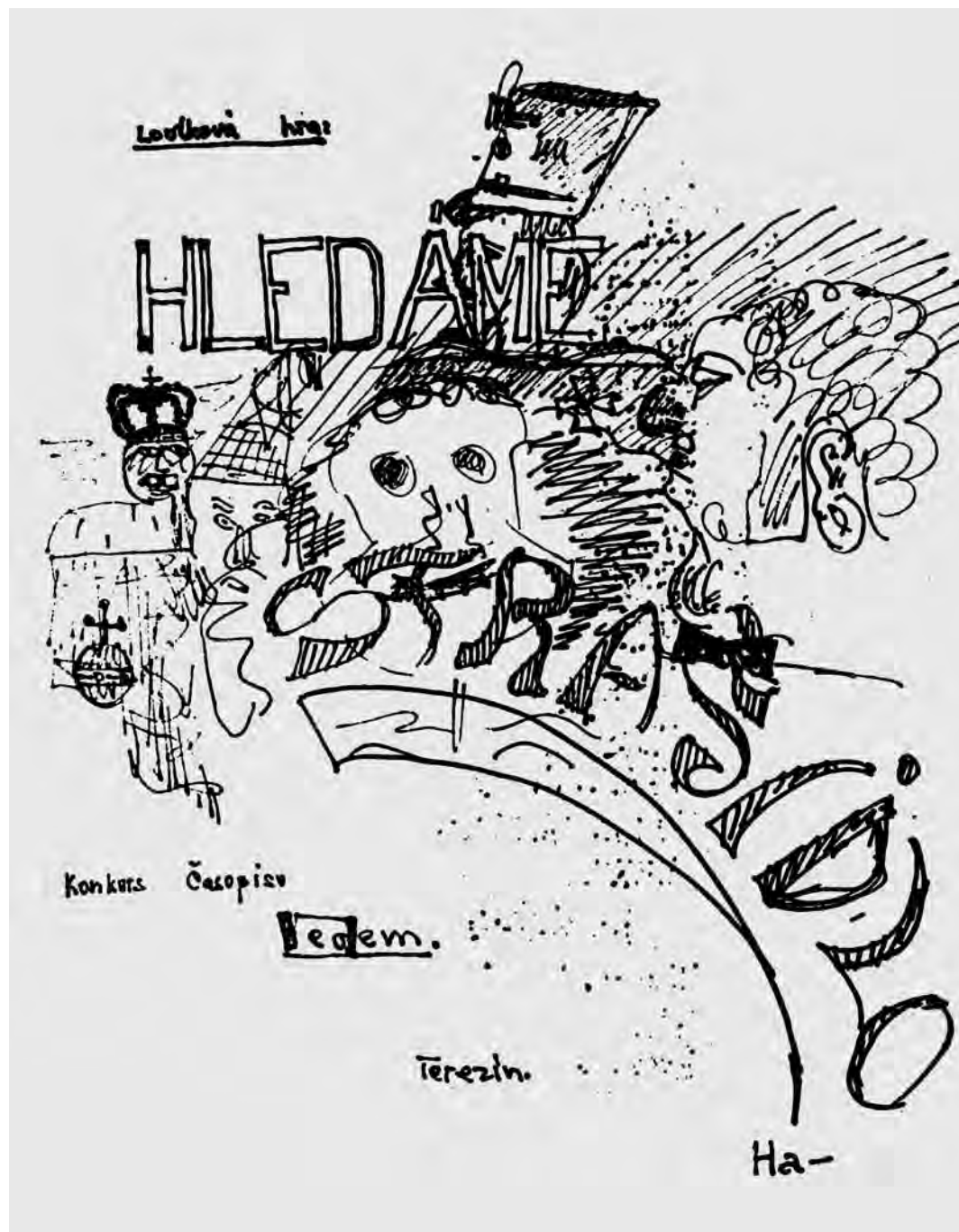

Король. Не знаю, как мне быть и что делать. Народ со своими дурацкими идеями вечно выступает против меня. Необходимо довести до его сознания одну простую мысль – хорошо все, к чему мы привыкли. Наши предшественники правили мирно, и народ не восставал. Жил себе в спокойствии и послушании.

Министр. Ваше Величество! Я организовал лагеря, в которых, благодаря успешным методам управления, люди отучатся мыслить. Это весьма выгодно, труд отвыкших думать приносит в тайную королевскую казну большие деньги.

Король. Да пошли вы с вашими методами! Нам нужны не люди, которые разучились думать, нам нужны люди, которые думают так, как я хочу. Иначе мне с ними не совладать, в мои-то преклонные годы...

Полицейский. Хайль Вашему Величеству! Служба безопасности Суровых Колбас всегда к Вашим услугам.

Титульный лист рукописи Г. Гахенбурга «Ищем пугало. Пьеса для театра марионеток. Конкурс журнала «Ведem», Терезин.

Пьеса писалась накануне депортации в декабре 1943 г., в ней девять страниц. Первые семь написаны ровным почерком, последние — в спешке. Видимо, пьеса не выдержала конкурс и не была опубликована. Она приложена к последнему сентябрьскому номеру 1944 г.

Министр. Простите, Ваша Светлость, у меня есть идея. Нам нужно пугало.

Король. Идея хорошая.

Полицейский. Смерть. Скелет. Вот, чего люди больше всего боятся.

Министр. Служба безопасности Суровых Колбас могла бы этим заняться.

Полицейский. К выполнению приступить!

Король. Великолепно! Я представлю вас к ордену Добродетельнейших Филантропов. Порядок требует крови. Г-н суперкомандир роты, поздравляю вас. Я сообщу эту новость всем верным последователям. Принесите мне микрофон.

(Полицейский приносит микрофон.)

Король *(в микрофон)*. Всем моим подданным. С этого момента все старые кости любой национальности будут собираться исполнительными органами Идиотов Безграмотных. Собираются все кости людей и зверей старше 60 лет. Те, кто попытаются скрыть кости, человечьи или звериные, будут наказаны сожжением в адском огне. Мы, Король Безграмотный Первый, Богом Просвещенный... *(Министру и Полицейскому)*. Из собранных костей, дорогие друзья, я сотворю пугало, которое будет отвечать всем запросам и вкусам современного человека.

Министр и Полицейский. Гениально! *(Аплодируют.)*

Занавес

Действие 2

Улица

Плачущая крестьянка. Моя бабушка, моя милая бабушка! Моя любимая, моя бедная бабушка!

Гонза *(за сценой)*. Иди, дедушка, иди сюда, дедушка. *(Гонза с дедушкой появляются на сцене.)* Ничего, старик. Я горжусь собой — я отказываюсь от тебя во имя процветания нашего народа.

Крестьянка. Ваш-то старик ладно, а вот моя несчастная бабушка...

Гонза. Попросите, чтобы ее отправили вместо нее самой! *(Смеется.)*

Крестьянка. Оставьте при себе ваши глупые шуточки. Моя бабушка, моя милая бабушка!

Гонза. Ох! Вы должны с легким сердцем отдать бабушку в руки нашему предводителю и богу, нашему королю! Он — властитель! И он вправе нарезать моего дедушку на куски, понаделать из него брикеты, порох для пушек или венский шницель.

Дедушка *(падая в обморок)*. Помогите!

Гонза. Слабак! Ты не можешь быть сыном нашего народа! Отдай свои кости и при этом не скрывай свою радость. Так, дед, идем на сборный пункт.

Дедушка. Ты зверь!

Гонза *(за сценой)*. Эй, сборный пункт, вот один дедушка, 63 года, прилагаю документы и талоны на еду.

Первый голос. 16,5 кг. Медаль Золотой Кошки 4-й степени. Поздравляю.

Крестьянка. О, выходит, это не задарма. Так я еще, чего доброго, получу медаль и буду произведена в рыцари.

Первый голос. Поздравляю.
Гонза. Не за что – рад стараться.
Смерть *(входит)*. Кошмар с этими скелетами!
Крестьянка. Помогите! Охрана!!!!!!
Смерть. Я иду сдаваться.
Второй голос. А почему бы вам не собирать кости на фронте? Там такого добра навалом.
Третий голос. Руки вверх! *(Выстрел.)* Вы приговорены к жизни в лагере.
Смерть. Странные времена!
Крестьянка. Полиция!!!!!!
Полицейский *(входит)*. Что происходит? Stehen! Стоять! А, уважаемая госпожа Смерть.
Вы-то нам и нужны. Вас-то мы и ищем. Пройдемте!
Смерть. Ни за что.
Полицейский. Вы арестованы. Немедленно следуйте за мной. *(Заводит ей руки за спину, и они уходят.)*

Занавес

Действие 3

Королевские покои

Полицейский *(вводит Смерть)*. Вот и сама Смерть.
Король. Очень приятно. Вижу, вы работаете усердно.
Полицейский. Да, да! Я за ней три часа гонялся, извел кучу патронов.
Министр. Это безответственно! Такой дорогой товар...
Король. Я назначаю вас на должность государственного пугала. Исполнительный орган Суровых Колбас будет водить вас за собой, а народ будет пребывать в страхе. Поле действий мы согласуем с кабинетом министров.
Министр. Возможно, это будет линия между нулевым меридианом по Гринвичу и... нулевым меридианом... по Гринвичу.
Король. Вероятнее всего. Разрешаю. Уведите ее.

Занавес

Действие 4

Улица

Голос. Три года спустя...
Маженка *(детским голосом)*. Знаешь, Еничек, сейчас тут пройдет сама Смерть. А водит ее за собой такой господин, с орденом. Каждый день она здесь появляется, в четыре часа. И так уже несколько лет подряд...
Голоса *(за сценой)*. Ура, идет!
Смотри, Вашечек, на эту костлявую даму!

Смерть *(входит с Полицейским. Бубубубубубу! Буууууу! Хрясть! Хруп! Хрясть! Бубубу! Гонза. Прямо как на ярмарке — круговерть на чертовом колесе. Дедушка. Хотя я и стар, но, видать, не все еще пережил. Хахахахаха! Смерть. Бубубубубубу! Полицейский (по-немецки). Rechts um! Links um! (Направо! Налево!) Еничек (Полицейскому). Да вы настоящий идиот! Смерть. Бубубубу! Полицейский (Еничку). Ты арестован. Маженка. Старая страхолюдина, хи-хи-хи! Перед кем ты выставляешься! Полицейский (Маженке). Ты тоже арестована.*

(Вбегает Крестьянка.)
Крестьянка. Господь с тобой! Мои дети! Матерь Божия!
(Полицейский гоняется за Маженкой, Еничек бежит за Полицейским и бьет его по спине. Смерть пугается.)
Крестьянка. Мои дети!
Гонза. Да оставь девчонку в покое!
Полицейский. Я здесь начальник!
Смерть. Бубубубу!
(Гонза удерживает Смерть, Маженка и Еничек убегают.)
Гонза. Так, теперь все в порядке. *(Уходит с Дедушкой.)*
Дедушка. Приятного дня, господин Тайная Служба! *(Уходит.)*

Занавес

Действие 5

Комната Чародея

Король. Уважаемый господин Чародей! Я пришел к вам за советом...
Чародей. Хм — за советом. Да. Деньги у вас есть?
Министр. Разумеется, дорогой Юдре¹, как только победим. Ручаюсь.
Чародей. Я вам верю. Садитесь! Что, нет стульев? Ага! Тогда по стойте. Слушаю.
Король. В моем народе, господин доктор, зародилась мысль о восстании.
Чародей. Ага!
Министр. Но — к делу! Вчера, когда я обходил улицу с целью контроля порядка, люди смотрели на Смерть как на ярмарочный товар, да еще и покрикивали на нее.
Чародей. Можно мне услышать, как именно покрикивали?
Король. Ну, например: «Пани, дайте мне говяжьих костей на суп!» А кто-то сделал плакат огромных размеров. «Кладите свои кости, косточки, хрящи и хрящики в денатурированный спирт. Его можно купить по три с половиной кроны за литр в аптеке Ана Воденкова, уезд 9, на входе в Пассаж».
Чародей. Хм-хм. Серьезное правонарушение.
Министр. Так-то вот, наш уважаемый доктор Чародейства и Прав, что прикажете Его Ве-

1. От «Юденрат» — Совет старейшин.

личеству королю Безграмотному Первому делать? Что в нашем королевстве при нашем режиме может пугать более всего? Кто?! Смерть ли это? Или есть еще более действенное пугало?

Чародей *(после долгого размышления)*. Вы, Ваше Величество.

Король. Но будут ли люди принимать меня за пугало?

Чародей. Разумеется! Вы – лучшее пугало наших дней!

Король. Ох-ох, хм, спасибо. Мое почтение.

Министр. Король благодарит... То есть – государство благодарит!

Король. Если вам что-то будет нужно, обращайтесь ко мне! Но только после того, как я одержу победу.

(Они уходят. Чародей в отчаянье качает головой.)

Занавес

Действие 6

В королевских покоях.

Король на троне

Полицейский *(входя)*. Ваше Величество! Вас ожидает один из ваших подданных.

Король. Хотелось бы верить. Как он выглядит?

Полицейский. Очень толстый. Брюки на нем трещат по швам и у него есть нос! И пейсы.

Король. Ладно, давай его сюда.

Мордехай *(входя)*. Гитн туг!² *(3 раза кланяется.)*

Король. Говори!

Мордехай. О Король! Выслушай меня, уста мои недостойны тебя. Уста твоего наипреданнейшего, наивернейшего, наибеднейшего раба на этом свете!

Король. Я уже сказал, говори, что хочешь.

(Входит Полицейский, но в дверях останавливается.)

Мордехай. О, мое сердце охвачено невыносимой болью! Ай вай вай! Ты, мой наивысший Король, избранник Иеговы, зачем собираешь таким способом кости?

Король. А каким, черт возьми, способом их собирать? Кто отдаст мне своих родственников добровольно?

Мордехай. Salspferstandlich³. Мой великий Король всегда прав. Но как тяжело справедливейшему глядеть на эти голые, ничем не прикрытые кости! О Король, сжался! Позволь кости твоих нижайших подданных покрыть кожей!

Король. Быть по сему!

Мордехай. О, Господи спаси, слезы застилают мне очи. Какое горе! Ох-ох! Голую кожу, ее же ничего не спасет от морозов, непогод, от испытующего человеческого взгляда. О Король, внемли плачу отчаянья! Позволь прикрыть одеждой или хоть тряпками никчемными жалкую эту кожу! Ох-ох-ох, Боже мой! *(Бьет себя в грудь.)*

Король. В некотором смысле ты прав. Быть по сему!

Мордехай. О мой Король! позволь мне, преданному тебе душой и телом, твоей славе и силе, самому собирать тряпки, кости и кожу, поверь, в этом деле у меня многолетний опыт.

2. Добрый день – *(идиш)*.

3. Само собой разумеется – *(искаж. нем.)*.

Король. Полицейский!

Полицейский. К вашим услугам.

Король. Этот человек — ответственный за сбор отребья и особ старше 60-ти. А кто вы такой?

Мордехай. Израэль бен Кон бен Исаак Иегуда бен Мордехай Карпелес.

Король. Ясно. Господин Карпелес, приступайте к своим обязанностям. Бежевую униформу с соответствующими знаками отличия, орденами и лампасами вы получите в государственном магазине готового платья.

Мордехай (*уходя*). Благословен наш Король, который внимлет словам детей своих в несчастье и помогает им всеми силами. Амен.

Посол (*входит*). Слава господину Богу нашему Иисусу Христу. Я послан сюда по делам службы Святой Католической Церкви, единственно спасающей и самой верной на свете.

Король. Слушаю вас.

Посол. Ваши уполномоченные начальники вчера проникли в храм Пресвятой пани Марии Устрашающей, вырвали из-под серебряной реликвии пани Марии и святого Иосифа три нижних ребра и одну мозговую кость Блаженной памяти святого Себастьяна. Наша паства протестует, требует, чтобы хотя бы мозговая кость со всем своим содержимым не позднее 6 часов вечера была бы возвращена в монастырь Сияющего Благодеяния, где из нее будет сварено тридцать литров супа для бедных безработных. Остаток будет отослан скорой заказной почтой в храм Пресвятой Марии Устрашающей.

Король. Я признаю вашу церковь как Единственную Справедливую, но кость эту вернуть не могу. Мне она необходима.

Посол. Ну, ради Бога, хотя бы мозг! Ваше превосходительство, подумайте о наших верных голодающих овечках.

Король. Ладно уж, берите мозг. Но кость мне нужна. Право же, у меня вышел весь клей.

Посол. О ужас! Были бы у святого Себастьяна Блаженного вместо достопочтенных святых ног копыта, чтобы из них варить клей!

Король. Именно! Из этой голенной мозговой кости сделаем себе клей, добавим в него еще козьего помета и воды. Я всегда в минуты насущной необходимости нахожу заменители. И вам советую. У вас полно старых святых зубов и прочего хлама. Зубы — отличный материал для клея.

Посол. Как изволите, Ваше Величество! Но доложу вам, это принесет великое несчастье.

Король. Аудиенция закончена.

Посол. Благодарю.

Действие 7

Цирк

Гонза, Маженка, Еничек, Крестьянка.

Надпись. Цирк истории, Судьба Инкорпорейтед.

Еврей. Преподобные господа! Сейчас перед вами откроется главный аттракцион! Король-распутник, который собирал кости! Танцует со Смертью, и она душит его в своих объятьях.

Маженка. Сейчас она придет, Еничек!

Смерть с Королем. Я этого не выдержу!
Король. Это ужасно!
Смерть. Ты сам виноват!
Король. Нет, это ты виновата!
Смерть. Я виновата? Это ты виноват!
Король. Не я, а ты, ведьма!
Смерть. Я?! Нет, ты, ты, негодяй!
(Публика аплодирует, а Смерть с Королем переругиваются в убыстренном темпе.)
Король. Ты виновата!
Смерть. Ты виноват!
Король. Ты виновата.
Смерть. Ты, негодяй, виноват!
Король. Нет ты, идиотина!
Смерть. Я не виновата!
Король. Я не виноват!
Еничек. Они не виноваты!
Еврей. Представление заканчивается, а мы приглашаем вас завтра, в 12 часов. Вход свободный.

К о н е ц

Марика Фридманова (1932 – 1944). Те-
атр марионеток, комната 13. ЕМП

На распутье. Мой друг Зденек Орнест

Я познакомилась со Зденеком Орнестом в январе 1988 года в Праге в Еврейском музее на Яхимова, 3. До войны в этом здании располагался еврейский детский дом, и Зденек жил в той самой комнате, где я рассматривала детские рисунки.

Мне кажется, с первой и до последней встречи наши отношения были предельно ясными и не претерпели никаких изменений. Зденек сразу назвал меня сестрицей, хотя сестер у него не было, а я относилась к нему как к старшему брату, хотя братьев у меня тоже не было.

Мы встречались с ним почти каждый день, в пять на Староместской площади. В двух минутах ходьбы от Еврейского музея, где я тогда работала. Зденек всегда приходил первым, я издали видела его высокую фигуру в темном плаще. У нас было полтора часа — между окончанием моей работы в музее и началом его работы в театре, — и мы отправлялись на прогулку под названием «куда глаза глядят». В холодную погоду сидели в кафе.

Вернувшись в Москву весной 1988 года, я получила от Зденека письмо.

Бонжур, Лена! ... У тебя столько материала из таких разных областей, любого бы это погребло заживо, тут и мы с Котоучем тебе добавили, не знаю, как ты через все это продерешься к своей цели — к Фридл.

Прочел ту твою статью¹, очень мне она понравилась, но самым интересным было узнать о тебе то, что ты никогда мне не рассказывала. Когда я приехал к Милуше² за «Ведомом», она сказала, что статью сильно сократили, но и в урезанном виде она читается хорошо.

В Праге еще прохладно, но все цветет и наполняется красками, народ подумывает об от-

1. Газета «Кмен». Прага, 1988

2. Милуша Задражилова, профессор Карлова университета, переводчица русской литературы. У нее дома я оставила для Зденека фотокопию «Ведема».

Зденек Орнест, Георг Бради и Иржи (Курт) Котоуч в Швейцарии. 1988. ЕМА

пуске, мы завершили репетиции, едем играть в Остраву, на 10 дней, потом я еду в Карловы Вары на кинофестиваль. Хочу съездить за границу, но еще не решил куда. Часто о тебе думаю, видел твою фотографию в «Кмене», там ты выглядишь ветхозаветной, в жизни ты другая. Как бы я хотел, чтобы ты прочла Ортена³, но стихи в переводе, как ты сама говоришь, — вещь сложная.

Ну, будь здорова, привет семье. Зденек.

Зденек с Котоучем мне действительно «добавили». Они знали, что запрягают человека ответственного. Дома с помощью словаря я переводила на русский все, что они мне рассказывали.

Курт: «В L 417 была спальня для педагогов и воспитателей. Тот факт, что Айзингер спал с нами на нарах, говорит о нем больше, чем любые слова. Это были чудесные минуты, после ужина или после отбоя, когда мы лежали и каждый что-нибудь рассказывал. Айзингер был отменным рассказчиком, мы готовы были слушать его часами».

Зденек: «Вечерами после работы мы собирались вместе (вечером все равно никуда нельзя выйти); мы либо играли, либо устраивали соревнования, либо просто беседовали. Часто профессор приглашал к нам лекторов. Карел Полачек⁴ рассказывал о русской классике, Пепек Тауссиг — о кино, Густав Шорш — о театре (одновременно учил читать стихи с выражением). К нам приходил слепой скульптор Бертольд Орднер, который творил шедевры из ржавой проволоки (до сих пор вижу его слезы, как он плакал, ощупывая хлеб, который мы ему подарили); приходила немецкая певица, поющая со смешным акцентом арию из «Проданной невесты»... Профессор приглашал к нам людей с самыми разными политическими взглядами. Он не боялся посеять смуту в наших мозгах, он хотел, чтобы мы научились думать».

Курт: «Мы любили в нем вдохновенную отвагу, душевную стойкость, столь необходимую в шатком лагерном быту. Айзингер не задавался вопросом, переживет он все это или нет, он заявил: «После войны защищу докторскую». Мы все хотели походить на него, самого лучшего профессора в мире, который читал нам лекции о философии Махатмы Ганди, переводил стихи, играл в футбол, спал вместе с нами на нарах, пел арии из «Проданной невесты», был по уши влюблен в свою терезинскую жену Веру — он был одним из нас, мы смеялись и плакали вместе».

Зденек: «Айзингер мог вести себя как уличный мальчишка, как «один из нас». Например: вскоре после моего прихода в «Единичку» — в ту пору, когда наша комната была реорганизована в Вацлавскую площадь, — к нам пожаловала инспекция СС. Мы все должны были выстроиться, а Айзингер — отрапортовать. Копируя жесты инспекторов СС, он разыграл перед нами уморительное представление. Мы с трудом удерживали смех. А нацисты ничего не замечали, и это было еще смешней.

... В последний раз я видел Айзингера в Освенциме. Я с трудом узнал его — желтое пергаментное лицо, запавшие глаза. «Что ты теперь скажешь, профессор?» — спросил я. Профессор провел рукой по моему лбу, ладонь соскользнула и упала на колени. «Иди, Зденек, иди, это конец».

Разумеется, возникало множество вопросов и я задавала их, как могла, на своем русско-чешском.

3. Иржи Ортен (1919 – 1941) – известный чешский поэт, брат Зденека Ортена. Ныне под редакцией М.Р. Кжижковой издано полное собрание его сочинений.

4. Карел Полачек (1892 – 1944) – знаменитый писатель-юморист. Его книги по сей день издаются в Праге.

Прага. 17.8.1988. Привет, Лена! ... Получил твое письмо, посланное через приятеля, спасибо. Я в жуткой спешке уезжал на лечение в Карловы Вары, оттуда послал тебе открытку. Из Карловых Вар уехал в отпуск в Западную Германию и Швейцарию, а оттуда на дачу, ближе к воде, единственному спасению в тропическую жару. Алена (жена Зденека. — Е.М.) уже вышла на работу, а у меня еще есть пара дней на отдых; снимаем какой-то телефильм, со съемок возвращаюсь на дачу. Здесь я и прочел твое письмо, и вот отвечаю.

Могу сказать, что твой чешский уже обретает форму, ты делаешь заметные успехи, так что — вперед!

Я понимаю, что ты ищешь точных сведений. Но поверь, невозможно сказать наверняка, например, когда и где погиб проф. Айзингер; Ирка Котоуч слышал, что его застрелили во время похода смерти. Я в своем интервью говорил, что он умер вскоре после нашей встречи. И то и другое правда, это было в последние месяцы войны, как это случилось, точно никто не скажет, но и наши свидетельства нельзя опровергнуть.

Имя сопрано-певицы — Климке, не знаю, была ли она из Австрии или Германии. У меня собачья память. Некоторые (например, Рая, моя первая любовь в Терезине) вообще не хотят вспоминать, не хотят возвращаться в прошлое, пусть это тебя не удивляет. Со мною — случай особый, из-за «Ведема», а так, с посторонними, говорить об этом не люблю. С тобой — совсем другое дело, и ты прекрасно знаешь почему.

Я всё еще под огромным впечатлением от поездки, видел столько прекрасных мест и столько добрых знакомых, мы с Аленой никак не можем переключиться на работу. А что твой отпуск? Ты вообще когда-нибудь отдыхаешь? ...

Поезд Москва — Прага прибывает на Главный вокзал рано утром, а в восемь уже можно набрать номер, услышать счастливый смех Зденека и договориться о встрече.

В пору, когда цвели акации, мы гуляли по Летнему саду (по-чешски «Летна»), взбирались по крутым холмам на Градчаны, обходили вокруг гигантский собор Святого Витта, спускались по бесконечным ступенькам к Нерудовой улице, а оттуда, через Малостанскую площадь, к Влтаве, там была чудная лавочка под развесистой, нежно-зеленой ивой. Это — длинная прогулка, не вспомнить всего, о чем мы говорили. Зденек читал мне стихи. Его голос обладал гипнотической силой. Благодаря ему я стала понимать чешский.

«К чему человечеству точность прекрасной науки? К чему ему женщин красивых губы и руки?» Тогда я впервые услышала от него стихи Гануша Гахенбурга и рассказ о нем. «С Ганушем я дружил еще в детском доме в Праге, отца у него не было, а мать, женщина легкого поведения, работала в баре гостиницы «Эспланада». Он был не от мира сего, без Айзингера он бы пропал. Тот вдохновил Гануша на переводы, помню, Гануш переводил «Парус» Лермонтова. А я был сентиментальным юношей, любил Есенина, красивых девочек, природу и звезды».

Зимой мы ужинали в кафе, а однажды Зденек пригласил меня в шикарный ресторан «Голем». Мне кажется, кроме нас, там никого не было. Мы сидели с ним, как король с королевой, на высоких стульях со спинками выше головы, а вокруг нас суетились вышколенные слуги. В фойе стояли устрашающих размеров керамические големы.

Зденек не спешил, он уже отыграл спектакль. А у меня с собой были копии рисунков ребят из «Единички», Зденек среди них не числился.

«Теперь понятно, почему ты всегда опаздываешь! Собираешь досье. Где ты всё это берешь?! Гануш Кан, неужели и он рисовал? Это был гениальный математик, из «Академии», маленький, щуплый, в очках, — типчик! Говорил исключительно на философские темы. Я — дурак дураком против него, вот и выжил. Писал стихи, пел арию пса в «Брундибаре» и играл в футбол... А он был хилым, чем только не болел. Айзингер пытался его закалять, пустой номер. Такие спортсмены не для селекции.

Руди Лауб! Его красotka-мать перепечатывала «Ведем», до конца 1943 года. Потом они уехали на восток... Руди погиб, а его мать выжила.

Метцл? Про Метцла помню только одно, как Отик Кляйн и Вальтер Айзингер разбирали с нами стихотворение Рембо... — Зденек читает мне Рембо по-чешски, он столько всего помнит наизусть, а свои стихи забыл. — Так вот Вальтер спросил Метцла о главной идее Рембо, Метцл отпарентовал: «Антифашистская». Куммерман! Тарзан! Огромный, волосатый, он брился и гулял с девочками. Его похождения не отличались особой романтикой, но нас возбуждали. В последний раз я видел его в Освенциме, выглядел он неважно...

Знаешь, кого я постоянно вспоминаю? Швенка. Я все его спектакли смотрел, и не один раз. Кстати, Швенк открыл Бейчека, Гануша Бека. Это был прирожденный комик, он мог завести знакомство с кем угодно. Сам староста гетто Эдельштейн одолжил ему велосипед. Бейчек был обаятельным нахалом. Играл у Швенка. Стал настоящей терезинской звездой. Он мог стоять десять минут перед занавесом, не произнося ни единого слова, и все смеялись до упаду. Швенк был гением, но кто его сегодня помнит...

Его я тоже видел в Освенциме, они были с Айзингером в одном блоке. Он узнал меня, а, говорит, брундибарова собака — и дал мне кусочек хлеба...

В архиве Еврейского музея Праги по фамилиям ребят из «Единички» я нашла их рисунки, сделанные на занятиях у Фрида.

Трудно понять, как была сформулирована тема урока, но дело явно шло о людях и собаках. Были и другие рисунки: маски, звери, природа и пр. Я надеялась, что Зденек, всмотревшись в эту «коллекцию», что-нибудь вспомнит, например, что рассказывали ребята, вернувшись с занятий. Но он ничего не вспомнил. Он провожал на рисование свою тамошнюю возлюбленную Раю Энглендерову, но сам не ходил. «Все ходили рисовать в L 410 из-за девочек! Куммерман! Он вообще рисовать не умел, еще хуже, чем я».

Гануш Вайль. Урок 1-й, 14 лет. 1944. ЕМП

Гануш Каудерс. Урок 4-й, группа 1. 1944. ЕМП

Петр Гинц. 15 лет. Дом № 1, урок 4-й. ЕМП

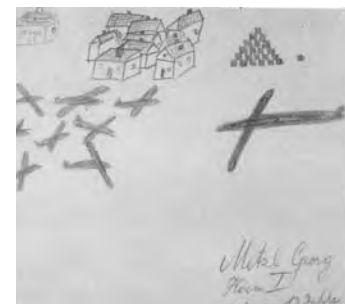
Рудольф Лауб. Урок 1-й, группа 1. ЕМП

Хануш Калих. 14 лет. Дом № 1, урок 1-й. ЕМП

Леош Мароди. 14 лет. Дом № 1, урок 4-й. ЕМП

Павел Куммерман. Урок 1-й, группа 1. ЕМП

Георг Метцл. Урок I, группа 1-я, 14 лет. ЕМП

Прага, 16.11.1988. Как давно я тебе не писал, и по глупой причине — машинка была сломана. Поскольку твой чешский все еще на стадии совершенствования, я тебя пожалел — будешь там еще разбирать мои каракули — и не стал писать от руки. Надеюсь, ты получила наши с Ирой фотки, не знаю, тот ли формат (на паспорт). Не знаю, где ты, дома или за границей, помню, ты собиралась уезжать, хорошо, если бы что-нибудь мне написала. Пишешь, что можешь устроить приглашение к вам на выставку¹. Я бы с удовольствием приехал, но мне нужно знать дату хотя бы за два месяца вперед, чтобы театр успел перепланировать репертуар на время моего отсутствия. Напиши поскорей, мне очень бы хотелось приехать.

У нас тут мерзкий ноябрь, туманный и пробирающий до костей, постоянно мерзну. Сейчас Прага уже не так красива, как в тот твой приезд. Работы невпроворот, репетируем «Уленшпигеля» Горина, на мой взгляд, дохловатую и неинтересную для нашего зрителя пьесу. И без того трудно собрать публику — люди сидят у телевизора в тапочках, смотрят дешевые сериалы и прочую чушь, так что играть стало трудно, особенно для провинциальных экскурсантов, у которых по программе дневные рейды по пражским универсамам, а по вечерам — обязательное посещение театра. Приходят в театр уставшие, с полными сумками, посапывают в тепле или жуют свою колбасу. Полгруппы, а то и больше, торчит в пивной, а мы, как августы, навязываем им культуру, это противно. Тут и репертуар виноват, играем скучные пьесы. Перейти бы в другой театр... но посмотрим.

Как движется работа? По плану или поезд сошел с рельсов? Я сейчас снимаюсь в чешско-французском фильме про Казанову, играю графа Вальдштейна, еще играю в нескольких телефильмах, что-то делаю на радио — работы полно. На Рождество едем в горы кататься на лыжах, у меня будет несколько свободных дней, так что живу в радостном предвкушении отпуска. Летом мы были в отпуске в Западной Германии и Швейцарии (не помню, успел ли похвастаться), хорошо было настолько, что кажется нереальным, какой-то волшебный сон, после возвращения было тяжело пробуждаться. Похоже на французский фильм «Четыре шага в облаках». ...

Я видела Зденека в главной роли в спектакле «Двенадцать разгневанных мужчин». Он играл увещевателя и примирителя. Мне не понравилось, казалось, Зденек из кожи лезет, чтобы убедить героев пьесы и полупустой зал в торжестве земного правосудия.

Из театра мы поехали на Баррандов, взять какую-то кассету, которую Зденек забыл. В машине молчали, он не хотел спрашивать меня про спектакль, я не хотела говорить.

«Ну а сама-то пьеса понравилась?» — «Не очень». — «Напиши для меня хорошую пьесу». — «А ты — книгу про Терезин». — «Да, я бы смог описать все два года, в деталях — где кто спал, на каких нарах, про Айзингера, тысячу историй. У меня там была первая любовь...»

О чем бы мы ни говорили, все упиралось в «Ведем». Зденек ощущал свою вину не только перед погибшими друзьями, но и перед Марией Рут Кжижковой. Мария перепечатала весь журнал, отобрала материал, записала за Зденеком и Котоучем рассказы. Но после редакционного заключения «Ведем» был отвергнут.

«Мария в Хартии², за ней следят, одна встреча с ней — и меня выгонят с работы. А без театра я не могу. Когда я не играю — впадаю в депрессию, для меня это равносильно смерти...»

Я предложила позвонить Марии, сейчас же, из автомата. Зденек продиктовал номер. Лил проливной дождь, и он держал надо мной зонт. Никто не брал трубку.

Мы зашли в кафе, взяли по бокалу вина. Зденеку пришла идея, а что, если опубликовать

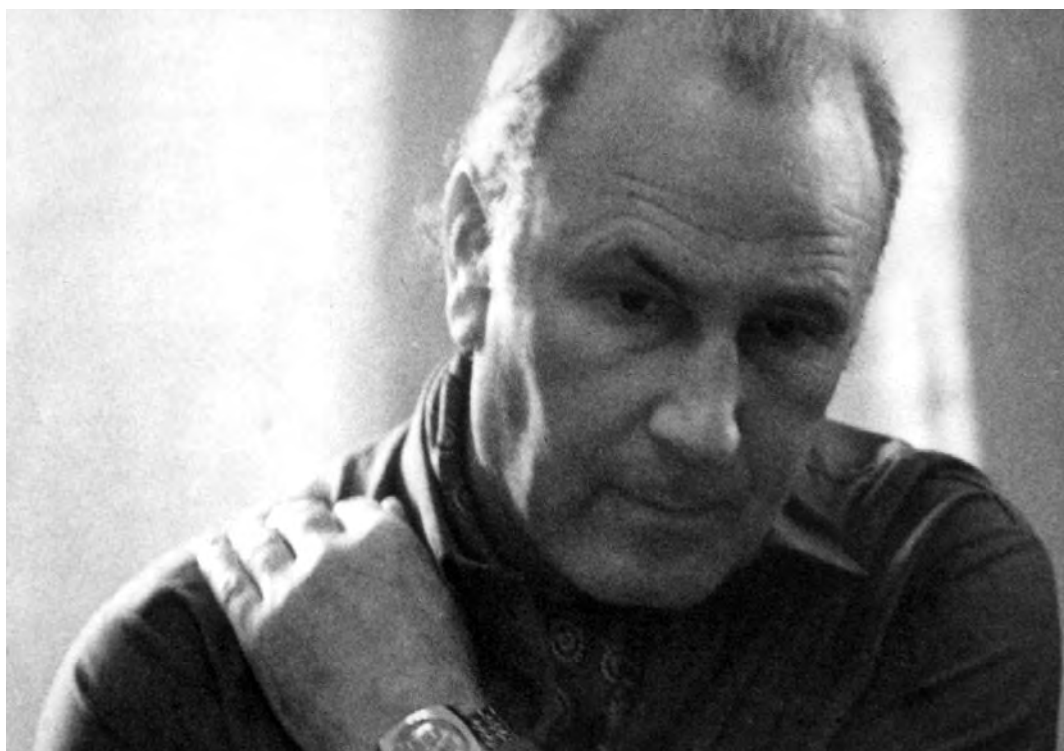
1. Выставка «Детские рисунки из концлагеря Терезин» открылась в Москве в ЦДХ на Крымской набережной в начале июня, но Зденек приехать не смог.

2. Диссидентская организация. После ввода в Чехословакию войск стран Варшавского пакта в 1968 г. Хартия активно боролась с просоветским режимом.

«Ведем» в Москве, в переводе на русский? «Я же обожал «Путевку в жизнь»! За это меня и прозвали Мустафой, по имени главного героя. В журнале я подписывался «Орче», или «Мустафа», или «Фа». Мы в «Единичке» устроили Вацлавскую площадь. Мустек, трамвай... Водичкова улица, Музей... Айзингер сказал: «Наш дом был и будет первым». С этим предложением надо обратиться к Гусаку, передать «Ведем» в Советский Союз. Пусть узнают, как еврейские дети в лагере переводили Пушкина, Лермонтова, Есенина... Ты могла бы это издать. Лена, слышишь, это я тебе говорю, это колоссальная литература... Масса рисунков. Это нужно издать как исторический и культурный памятник. Попробуй, ты же делаешь вещи невероятные... Мы имеем полное юридическое право передать тебе «Ведем». Здесь мы уже пооббивали пороги разных издательств, включая писательское, все посылают подальше. Им нужно, чтобы слово «евреи» было вычеркнуто.

Прага. 3.5.1989. Лена, сестрица моя, привет! После твоего письма я наконец вздохнул спокойно. Я с ума сходил от Милушиных намеков на какие-то происходящие с тобой неприятности, хватило и тех историй в Праге, от которых у меня дух занялся, я так волновался за тебя, это твое странное настроение (скорее, нервное расстройство) в тот вечер, когда мы сидели в кафе, я испугался тоски, звучавшей в твоём письме, и попросил Милушу, чтобы она тебе позвонила; просто боялся, что с тобой происходит неладное³.

3. Зденек отвечает на письмо, которое я написала ему в апреле. Месяцем раньше, в феврале 1989 г. мне в Праге передали письма Вацлава Гавела из тюрьмы и разные другие документы с тем, чтобы я, в свою очередь, переправила их из Москвы в Парижский ПЕН-центр. Как выяснилось, в Праге за мной была установлена слежка. По прилете в Шереметьево мне учинили обыск. Делом занялось КГБ, на меня было совершено покушение, я чудом осталась жива. Зденек не был в курсе событий, но все равно беспокоился.

Зденек Орнест. 1985. ЕМА

У нас «все в порядке». Чтобы тебя успокоить, скажу, что статья твоя в прекрасном переводе так и лежит в «Младом Свете», несколько раз я звонил в редакцию, там все очень вежливые и осторожные, в конце концов заместитель главного редактора мне ответил, что перепечатывание статей из советских журналов нынче дело непростое, я высказал ему свое мнение. Так что «Да здравствует социализм и антисемитизм!». Иногда мне кажется, что сам факт того, что несколькими евреям удалось уцелеть и из-за нас нацистский лозунг «возврату не подлежит» осуществился не на все сто процентов, до сих пор никому не дает покоя, случись это, всем было бы легче. Даже союзу антифашистских борцов — им куда ближе заключенный, которого осудили за покупку яйца из-под полы, чем мы. Ну хватит, тебе и без меня хватает переживаний, червь этот вечно будет нас грызть. Я-то смотрю со стороны, а ты в этом живешь, вся твоя жизнь этим пропитана. Ты выбрала тему, связанную со страданием, и потому страдаешь, такая уж твоя артель. Ты по натуре человек жертвенный, склонный к самоотречению. А я через все это прошел, испытал на собственной шкуре... Но вот подумаю про журнал¹ — и гнев накатывает, хотя давно бы пора успокоиться. Никогда не забуду, еще в Дахау, когда нас освободили и держали в изоляторе на карантине, чешские начальники из заключенных вызвали нас получать носки. Когда до меня дошла очередь и я назвал свое имя (в ту пору Орнштейн), на меня так заорали, что я вылетел из очереди. Это было одним из первых потрясений на свободе.

Я пережил шок; но с той поры, несмотря на счастье — я дожил до свободы! — меня гложет сомнение, а имею ли я вообще право на эту свободу претендовать.

Твой сон о корабле и апельсиновых корках² такой прекрасный, я бы с радостью плыл с тобой на корабле и швырял оранжевые корки с борта в воду, но нам с тобой наверняка пришлось бы в голову, что не всем на свете доступны апельсины, что люди стоят за ними в очередях, так что нечего корками разбрасываться, лучше их, к чертовой бабушке, засахарить!

Ну, хватит, как бы хотелось быть с тобой, мы бы болтали каждый на своем языке, при этом прекрасно понимая друг друга, я бы упивался твоей неподражаемой жизненной силой, надеюсь, тебе удастся вырваться и приехать ко мне в Карловы Вары (я буду там три недели с 6 июля), мы с тобой прошвырнемся по колоннаде, будем пить прекрасное вино и играть в беззаботных родственников, старшего брата и младшую сестру, а от грусти, извечной еврейской грусти, никуда нам не спрятаться, так и будет она виться за нами шлейфом, мы погрустим с тобой молчком и в конце концов смиримся, потому что все это жизнь, пусть и «хочется с нее плакать». Все равно нам будет хорошо вместе; ведь мы не полностью одиноки в своем одиночестве. Ну пока, ношу тебя в себе под кожей, люблю тебя. Зденек.

P.S. Мои стихи в твоём переводе звучат лучше, чем по-чешски.

В последнюю нашу встречу мы пили кроваво-красный коктейль с вишнями, лимоном и льдом. Зденек жаловался на боли в спине. Когда он вернулся, п о с л е в с е г о, то весил 32 кг при росте 182 см. В Праге он резко прибавил в весе и перегрузил позвоночник — с тех пор, чтобы быть в форме, он занимается спортом — ведь каждый день репетиции, каждый вечер выход на сцену...

— Ты думаешь, я нормальный? — Зденек приблизился ко мне, его лицо пылало, а глаза были холодными. — А если ты имеешь дело с убийцей? Вот послушай историю... На вечернем апеле нам сказали: утром все должны быть на станции. Кто не встанет или упадет по дороге, будет застрелен. От нашего барака в Биркенау до станции было где-то около пяти киломе-

1. «Ведем» в то время был запрещен к публикации.

2. Я писала Зденеку, что мне приснился сон, как мы плывем с ним на корабле и я бросаю в воду апельсиновые корки.

тров. Или меньше? Это была страшная ночь стенаний и молитв. В нашем бараке были одни доходяги. И два брата-близнеца моего возраста. Я не любил их, за проницательность. Уведут цыган в газ, они тут как тут, подбирают вещички... Тогда у меня еще было понятие о том, что дозволено, а что нет... Тех, кто не мог идти, застрелили. Стреляли в любого, кто поскользнулся или замешкался... Не помню, как я оказался в открытом вагоне, нас навалили друг на друга, три-четыре дохляка в одной упаковке... Я не мог дышать, я пытался спихнуть того, кто лежал на мне, кусал и щипал его, пока он не свалился. И тогда я увидел – это был молодой человек. Он прохрипел и стих. Мне было тошно смотреть на труп, и я попросил близнецов оттащить его в сторону, те согласились, за хлеб. Хлеба у меня не было. Видишь, я не только сравнился с близнецами, я превзошел их. Они-то никого не убивали. Зато теперь я знал, что выживу, любой ценой. Ну что, поверила? А я тебе все наврал. Захотелось тебя испугать. Кстати, ты видела рельсы под нашими окнами?

* * *

Год спустя мы с Аленой стояли под окнами их дома, у переезда. «Не знаю, что ему вдруг стукнуло, – сказала Алена, – поезд здесь проходит раз в день... Все так хорошо складывалось, новая роль в новом театре, контракт на издание «Ведема»...»

Алена говорила, я слушала ее и вспоминала стихи четырнадцатилетнего Зденека. После Освенцима он стихов не писал. Душа его промаялась в этом мире, да так и не нашла себе опоры.

Зденек Орнест. Стихи.

На распутье

Не обо что душе опереться, некуда телу волочь меня,
Некуда двинуться, негде посеять семя.
Я, над собою склонившись, стою на распутье,
Из-под ног уходит земля, гнетет меня бремя.

Тысяча незнакомцев зовут меня издалёка,
Да руки достать не могут, хоть всё мое око видит,
Дикое одиночество меня рассудка лишает,
Все ждут, когда колокол вечность пробьет.

К чему на ладонях мозоли и опаленные лица,
Ждущие старость, чтоб помереть в свой час?
К чему увяданье и жалобное рыданье,
Леность и безразличие – что они есть для нас?

Кому мои просьбы направить, кому себя вверить?
Где мне искать спасенья, во что мне верить?
На кого положиться и кто ко мне возвратится?
Кто смилуется надо мною и доверится мне?

Кто даровал нам жизнь, чтобы мы в ней жили?
Зачем умирать должны, когда жить охота?
А чтоб наши шаги стихли еще до похода,
Звонит по нас колокол, а мы не хотим умирать.

Склоняюсь сам над собою. Куда себя отнесу я?
Где я сейчас и где я буду потом?
Я еще здесь. И все еще на распутье.
Не знаю, за что же должен я жизнь отдать.

* * *

Ты выпьешь солнца свет и запах лета,
Ты выпьешь мира гнев и воздух воли,
Ты выпьешь острый эликсир Вселенной,
Ты выпьешь и покой и суету.

Впитаешься в любовь и в губы женщин,
Впитаешься в свечение рек и неба,
Впитаешься ты в речь деревьев и пташек,
Впитаешься ты в дождик и в зарю.
Ты станешь думать, станешь вслух молиться,
И петь, и зарифмовывать псалмы,
И поедом себя ты станешь есть,
И так в мирской потонешь красоте.

Кроха тепла

Как я завидую крохе тепла, друзья!
Когда, весь замерзший, смотрю я в сторону окон,
И одеяло сбросив, не чувствую холода я,
Ибо в туманные сны о тепле завернут, как в кокон.

Трудно заставить себя умыться в такой мороз.
И я обрастаю бесстыдно грязью и ленью.
Ах, дорогое тепло, о тебе я мечтаю до слёз —
Вот бы сейчас притулиться к твоим коленям!

Но стоит очнуться полностью мне от снов
И почувствовать страшный голод, как я опять
Отказаться от всех мечтаний своих готов, —
Под одеяло залезть бы — и спать, спать, спать...

Таянье снега

На черную землю падает, падает снег,
На черную землю в кровавых потеках
Ложится лениво, и лишь ветерка набег
Изредка снег подгоняет и кружит высоко.

Снег покрывает землю ковром молодым —
Всю ее гниль и старье, и наше сиротство, —
Всё исчезает разом, как сон. И с былым
Время текущее приобретает сходство.

Мрак отступает и отдыхает глаз:
Ложится на снег солнечная позолота.
Голод притих, так изнуривший нас,
и успокоилась в наших костях ломота.

Но всё это лишь на мгновенье — и белизна,
И полный вдох, и волшебный дурман искристый.
Падает снег, и видим мы из окна,
Как превращается он в потоки воды нечистой.

* * *

Язвами угнетенное тело плачет,
Побитое семя.
Безумным галопом по нему скачет
Жестокое время.
Сердце об утлые ребра ковчега
Бешено бьется.
Из скорлупы, из темницы на волю
Выскочить рвется.

«КАМАРАД» – ТОВАРИЩ

Переписка с Мишей Краусом

Прочитав «Камарад» в марте 1995 года, я написала письмо Мише Краусу¹.

«Дорогой Миша Краус! Пишу Вам из Иерусалима. На моем столе – копии 22 номеров журнала «Камарад», Ваш дневник, написанный сразу после войны, рулон компьютерной бумаги с русским переводом избранных мест, списки имен и прозвищ авторов журнала и их транспортные карточки. Ваша карточка – в счастливом ряду, что и дает возможность Вам писать. Простите за непрошенное вторжение в Вашу жизнь.

Я – автор проекта «Культура и варварство», включающего в себя выставку и каталог терезинских авторов, работы которых хранятся в кибуце Гиват-Хаим (мемориал «Бейт-Терезин»). «Камарад» – среди экспонатов выставки, которая откроется в сентябре в Центральном выставочном зале Стокгольма и затем будет показана в Дании и Норвегии.

У меня много вопросов:

1. Главный редактор «Камарада» – Иван Полак. Вы оба – из Находа. Знали ли Вы его прежде, какой он был, из какой семьи?
 2. Как возникла идея «Камарада»?
 3. Кто рисовал комиксы? (Похоже, все рисунки сделаны одной рукой, чьей?)
 4. Неужели Иван все переписывал и редактировал сам?
 5. Давали ли вы читать «Камарад» ребятам из других комнат?
 6. Как у вас возникла идея романа «Клад Ральфа Лангдона»?
 7. В книге «После тех пятидесяти лет» есть две Ваши фотографии, не могли бы Вы прислать копии для выставки?
 8. Посылаю Вам список имен. Буду чрезвычайно признательна, если Вы сможете рассказать о ком-нибудь (знаю, как это тяжело, и заранее прошу прощения).
- Мне нужно выслать в Стокгольм (для перевода) все тексты в середине мая, так что очень-очень прошу Вас не задерживаться с ответом. Ваша Лена Макарова».

Вскоре пришел ответ:

«19 марта 1995 года. Дорогая Лена! Спасибо за письмо от 7 марта, мы были в отъезде, и потому отвечаю с опозданием на 10 дней.

Признаться, нелегко восстановить в памяти «приключения» пятидесятилетней давности. Забвение – лучший способ подавить тяжелые воспоминания, это облегчает взаимоотношения с реальностью. Чтобы начать новую жизнь в Америке, нужно было поскорее забыть старую. Механизм вытеснения сработал, но, к сожалению, стер из памяти и то, что хотелось бы помнить. В декабре 1942-го мы с родителями были депортированы из Находа в Терезин, а ровно через год – в Освенцим-Биркенау. В 1945 году я вернулся в Чехословакию и немедленно стал записывать в дневник все, что произошло (копия есть в Бейт Терезине, в прошлом году кто-то взялся переводить это на иврит). План был такой: зафиксировать главные «вехи истории» и только после этого наполнить их «содержанием», тем, что мучило память. В 1945-м мне было 15 лет. Восстановить пять лет жизни, привыкнуть к «нормальному» бытию без родителей и родных – оказалось задачей непосильной, амбициозный план написания

1. Миша Краус, один из авторов «Камарада», архитектор, живет и работает в Кембридже, США.

«Мемуаров» провалился. Но остался «Дневник». Перечитывая его сегодня, я не могу поверить, что все, что там написано, случилось со мной на самом деле.

У меня есть копии двух номеров «Камарада». Возникновение романа «Клад Ральфа Лангдона» связано с нашими мальчишескими фантазиями 1941 года. В то время мы, еврейские мальчишки Находа, не имели права посещать школу, мы сидели по домам в ожидании депортации. Иван Полак, Эвжен Пик и я играли в братьев Паркеров, эти братья держали в повиновении большой регион Северо-Западной Канады вокруг озера Великого Невольника. Эвжен Пик был полукровкой и избежал лагерей. Иван Полак уже тогда отличался невероятным умом и развитым воображением (он был старше меня на год или два); я хорошо помню его и его родителей, они жили неподалеку от центральной площади. Отец Ивана заведовал сберкассой. У меня нет ни одной их фотографии. В Биркенау Иван прошел селекцию, он был там с 12 октября 1944 года, стало быть, он был отправлен в поход смерти тогда же, когда и я. Но я его не видел. Иван умер в Дахау 19 января 1945 года.

Петр Бек – другой мальчик из нашей группы. Его дядя Рудольф после войны взял меня к себе, я жил с ним и его женой Вильмой. Рудольф и Вильма были в Освенциме, где погиб их сын Томаш. Он был на год или на два младше меня. После войны у Рудольфа и Вильмы родилась дочь Мария. Ее сын, Томаш Талафант, недавно уехал из Чехословакии в Израиль, живет в Иерусалиме². Вся семья Петра Бека погибла. Отец Павла Фельдмана выжил; он был врачом, жил в Нью-Йорке и умер три года тому назад. Он потерял жену и двоих детей, после войны женился на Вере Лёвенбах, урожденной Бонди; она была с моей мамой в Штуттгофе и заботилась обо мне в первые месяцы после возвращения в Богемию. Я иногда с ней встречаюсь; по сей день она не находит себе места – зачем она выжила, когда двое ее детей³ погибли в газовой камере.

В Терезине мы сначала жили в Ганноверских казармах, а потом – в Q 609. В июне прошлого года я был в Терезине, здание Q 609 не вызвало во мне никаких воспоминаний. Не помню, откуда взялись прозвища Голубое Чудовище и Мишкус. Все мои «произведения», которые друзья так аккуратно запаковали в дорогу, были сожжены в Биркенау.

Как возникла идея «Камарада»? Скорее всего, мы последовали примеру других детских домов. «Камарад» был гигантским предприятием, которое вовлекало всех в работу, возбуж-

2. Томаш служил в израильской армии и три года назад погиб.

3. Вера с детьми Яном Германом (1933) и Эвой Марией Лёвенбах (1938) в декабре 1943 г. была депортирована в Освенцим. Рисунок Яна опубликован в первом томе данного издания.

Миша Краус. 1945. ЕМА

Миша, его жена Илана и дочери Тамара и Дана с мужьями, 1996. Бостон. ЕМА

дало творческую энергию и помогало выплескивать на бумагу все эмоции, преодолевать раздражение, которое в нас накапливалось. Я не помню, кто рисовал. Не думаю, что я. До войны я, правда, брал уроки рисования и послевоенный дневник проиллюстрировал сам. Рисунки в том же стиле я сделал для Вольфи Адлера (он раввин, живет в Мевассерет Цион)¹ сразу после войны.

Кроме меня, из авторов «Камарада» выжил Гарри Озерс, он живет в Каракасе. Недавно в Колорадо мы катались вместе с ним и его женой на лыжах.

Я с огромным пиететом отношусь к тому, что вы делаете, и готов помочь чем смогу... Вы прочли все номера «Камарада» и знаете куда больше моего. Я согласен: было бы здорово опубликовать весь «Камарад». Пожалуйста, не стесняйтесь задавать вопросы, хотя вряд ли мои ответы смогут Вас удовлетворить. Надеюсь на встречу.

С уважением, Миша Краус».

Небесное братство

Еженедельник «Камарад» издавался подростками детского дома «А» в здании Q 609² (Ратхаузгассе, 9). Хана Райнерова была в этом доме воспитательницей. Вот что она рассказывает:

«Возглавлял Q 609 Пепа Крамер. Мы с Отто Ледерером отвечали за комнаты Б1, Б2 и Б3, а Иржи Франкл и Рита – за «А». Там жили интеллектуалы, они выпускали журнал. Мой муж готовил с ними спектакль по сказкам Божены Немцовой, что-то в стиле Восковца и Вериха. Детдома располагались на втором этаже. Ребята из «А» и «Б» были примерно одного возраста – от 11 до 14 лет. На первом этаже находилась комната воспитательниц, кухня, где готовили и хранили продукты – молоко, хлеб, маргарин, джем и паштет. За кухней была швейная мастерская, где чинили одежду и шили все, что требовалось. Там же были комнаты и для детей младше 10 лет. На третьем этаже жили ребята 17 – 18 лет, многие из них работали в сельском хозяйстве.

По вечерам (с шести до восьми) ребята навещали родителей, по воскресеньям родители приходили в Q 609. Матери стирали белье во дворе, на колонке. В доме был изолятор, но тяжелобольных отправляли в Верхнелабскую больницу. Ребята помладше днем учились, это не было школой в полном смысле слова, изучались, к примеру, география и история, но в форме лекций и рассказов. Мы приглашали работать с детьми лучших педагогов и профессоров.

В основном дети легко справлялись с тяжелыми условиями, но бывали и исключения. Например, у меня был один мальчик, живой, невероятно гибкий, подвижный как ртуть. Наверное, из него бы вышел великий комик или мим. Но в тех условиях он страшно нервничал и мочился в кровать. Чтобы никто не узнал, я меняла ему постель, когда никого не было в комнате».

Редакция. Еженедельник «Камарад» выходил с 29 октября 1943 г. по 15 сентября 1944 г. Сохранились все 22 номера³.

Главный редактор и иллюстратор – Иван Полак (Згеванина, Ивча) – погиб.

Авторы:

Иржи Хан (Бегунок) – погиб.

1. Вольфганг (Синай) Адлер и его отец, известный историк и раввин Шимон Адлер, были депортированы в Освенцим. Шимон Адлер погиб, Вольфганг после войны стал раввином, живет в Израиле. Автор книги на иврите «Сила и крепость. Хроника выживания» (1996).

2. Из интервью с Ханой Райнеровой. Прага, 1992. Х. Райнерова – переводчица, вдова известного композитора Карела Райнера. Осенью 1944 г. они были депортированы в Освенцим. После освобождения вернулись в Прагу. К. Райнер умер в 1979 г.

3. За исключением отдельных стихов, кроссвордов и головоломок «Забавного уголка», журнал переведен полностью.

Ота Хуго Вассерман (Пугало) – погиб.
 Иржи Шульхоф (Шулина, Шулька) – погиб.
 Гонза (Гануш) Корец (Круца) – погиб.
 Томаш Ганс (Майка) – погиб.
 Иржи Ганс (Пенсионер) – погиб.
 Петр Лёви (Овал, Левуш, Сплющик) – погиб.
 Петр Бек (Бекиня Сосновая, Бейк, Бебечек) – погиб.
 Фреди Кляйн (Детина) – погиб.
 Йозеф (Пепек) Бехавый (Цуравый) – погиб.
 Павел Маутнер – погиб.
 Павел Гросс (Мыдлепупик, Мыдлайс) – погиб.
 Иржи Гросс (Чингачгук) – погиб.
 Петр Павел Лекнер – погиб.
 Оскар Пик (Солнышко) – погиб.
 Павел Шимерл (Шимл) – погиб.
 Павел Фельдман (Фельдмуш, Лифчик Скалозуба) – погиб.
 Герберт Гроте (Супайда, Суп) – погиб.
 Марцел Шварц (Шварцель) – погиб.
 Петр Фройнд (Петулак) – погиб.
 Миша Стрениц (Стжевиц /Киска/, Стрейда /Дядя/, Стжево) – погиб.
 Петр Винер (Пейда) – погиб.
 Кошуле (не идентифицирован).
 Миша Краус (Мишкус) – выжил.
 Гарри (Гарик) Озерс (Мозелес) – выжил⁴.

SPORT

«Камарад». Оформление постоянной рубрики «Спорт». БТ

«Камарад» № 7. Томаш Ганс. «Летопись детдома». «События недели»

TÝDENÍ PÁŠ
Tomáš Gans.

4. Большинство ребят были из Праги, остальные – из Клатова, Градца Кралове, Тавора, Млада Болеслава. Х.Гротте и М. Шварц были в Терезине без родителей, Г. Корец и П. Лёви без матерей, П. Маутнер без отца. Павел Маутнер («Камчус») не упомянут в «Небесном братстве», хотя он был активным сотрудником «Камарада», а его брат Иржи – одним из авторов журнала «Рим Рим Рим».

Хана Райнерова в своей пражской квартире. 1992. ЕМА

Клички были не только у самих ребят, но и у их подушек и одеял. Правда, не у всех. В статье «Небесное братство» (№ 7 от 10.12.1943) приводится статистика дома «А». Статья подписана кличкой «Кошуля»¹.

Небесное братство

Имя	Кличка	Кличка подушки (Бурцлика)	Кличка одеяла

А. Плутократы

Иван Полак	Згебанина	Тутинек + Тутик	Бабах
Иржи Хан	Бегунок	Шнукрлинек	
Ота Вассерман	Пугало	Френкулинек	Пепа Крамер
Иржи Шульхов	Шулина	Кулинек + Капулинек	Мадрихарня
Гонза Корец	Круца	Шипучка	Птичник
Миша Краус	Мишкус	Няня + Дитя	Голубое Чудовище

Б. Демократы

Гарри Озерс	Мозелес	Водяной	
Томаш Ганс	Майка	Сердце	Бужина
Петр Лёви	Овал, Левуш		

В. Буржуазия

Петр Бек	Бекиня		Голубое Чудовище
Петр Лекнер		Тинтилинек	
Фреди Кляйн	Детина		
Пепа Бехавый	Цуравый	Сократ + Аристотель	

Г. Дрыхуны

Павел Гросс	Мыдлайс	Цветочный Горшок	
Оскар Пик	Солнце		
Павел Шимерл	Шимл		
Павел Фельдман	Фельдмуш		
Иржи Ганс	Пенсионер	Пилот	

Д. Пролетарии

Герберт Гроте	Супайда		
Марцел Шварц	Шварцель		
Петр Фройнд	Петулак		

В «Камараде» были постоянные разделы, такие, как «Летопись детдома», «События недели», «Ребята из нашего Дома», «О воспитателях и вожатых», «С утра до вечера», «Телефон редакции сообщает», «Знаете ли вы, что...».

Журнал оформлен как периодическое издание. На обложке каждого номера нарисовано сердце и написано оглавление, на задней странице – «Зандлужандло», комикс на тему при-

1. Прозвища, имеющие точное значение, переведены; имеющие производное значение – такие, как Мыдлайс – от «мыло», Круца – от «вертун», Згебанина – от «умирающий», Бурлики – от «бурчать», Цуравый – от «плестись», а также те, которые образованы от фамилий, – даются в транскрипции.

ключений автогонщиков Згеванины, Бангрода и Скрапайды в картинках.

Из номера в номер Иван Полак рассказывает о том, как делается журнал. «Камарад» приводит репортажи о футбольных матчах, в отдельной рубрике «Забавный уголок» публикуются шарады, кроссворды и прочие интеллектуальные головоломки. К литчасти «Камарада» относятся приключенческие романы с продолжением.

К концу марта 1944 года «Камарад» иссяк. Выпуск возобновился лишь в начале сентября, за три недели до депортации в Освенцим. Последние три выпуска напечатаны на машинке.

Ребята из нашего Дома

В этой рубрике из номера в номер публиковались «дружеские шаржи». Чтобы представить всех сразу, мы собрали портреты ребят в одну главу.

«Камарад» № 1, задняя страница. Комикс «Зандлужандло». Герои: Сахмедлугу (слева вверху) – хозяин фабрики по производству гоночных машин; Згеванина (слева в середине) – бесстрашный гонщик; Скрапайда (слева внизу) – злой гонщик; Пегнесмагло (справа вверху) – зав. производства; Бангрод (справа в середине) – гонщик; Баезволхе (справа внизу) – главный механик. Внизу: «Зандлужандло» представляет... Згеванина». БТ.

«Камарад» № 1. Ганц. Летопись детдома. БТ

«Камарад» № 7. Кошуля. Статистика детдома. Небесное братство. БТ

Левуш [Петр Лёви], по кличке Овал или Сплющик, примыкает к группе вспыльчивых. Худышка, вечно зябнет, голова эллипсом, уши той же формы, что и «панам»². Два месяца тому назад он разбил колено. И по сей день, стоит нечаянно дотронуться до его колена, Овал кричит: «Ай, ай, ай!» При этом никто не имеет права называть его Овалом или Сплющиком, так что я жду, пока он заболит, тогда я схожу за его обедом, и он за это разрешит мне называть его Овалом (или Сплющиком).

Мыдлайс (№ 3, 12.11.1943)

Згеванина [Иван Полак] – наиинтеллигентнейший (верно! – Ред.) парень нашего дома. Ходит в жутко грязной куртке и при этом уверяет, что она чистая, на самом деле на ней можно выращивать картошку. Страшно гордится своей кепкой. Он – неистовый любитель футбола, жизнь бы за Гартера отдал. Иногда на него нападают приступы артистизма, и он смешит всех до упаду. Но как следует я его еще не раскусил, надеюсь, вас удовлетворит мое пресное изложение.

Мыдлайс (№ 3, 12.11.1943)

2. Лицо (ивр.).

Пугало. Да, было времечко, когда на свете жил прекрасный принц Вассерман. Но вдруг злая фея обратила принца в Пугало-злюку; первой жертвой метаморфозы стал ваш покорный слуга. Пугало – большой знаток по части чешской словесности и болтун каких не сыскать. Но лучше о нем больше не говорить, а то он взовьется и в припадке ярости разорвет меня в клочки.

Мыдлайс (№ 4, 19.11.1943)

Марцел Шварцель принадлежит к группе дрыхунов и главных свинтусов. У него объявилась новая болезнь – «падучая», все его вещи падают с постели. По этому случаю на меня уже трижды упал открытый нож, а ночью меня запорашивает искусственным снегом. Происходит это так – Марцел рассыпает соль, и она, щепотка за щепоткой, падает мне на голову. В полседьмого зажигается свет – и я просыпаюсь весь запорошенный. Впрочем, парень он добрейший, так что не буду жаловаться.

Мыдлайс (№ 4, 19.11.1943)

Павел Гросс, по прозвищу Мыдлепупик (Мыдлайс), – большой и толстый как шар. Его любимое выражение «скажи по правде». Спроси его сегодня, каким он прибыл транспортом, он скажет – Дк, потому что раньше, когда он отвечал Сс (что правда), все над ним смеялись. Особенно нравится ему брать вещи с полки Марцела и швырять их в Солнышко. Именам он предпочитает клички, и «кличет» он так, что хоть уши затыкай. Голос у него пронзительный, достигает ля третьей октавы. Но если у него случится ЧП, например, провалится в дыру между нарами или Шлахет его дверью пристукнет, – визгу не оберешься. Мыдлайс особо почитает Мухамеда, ибо мусульмане в пятницу не работают. Как-то недавно явилась его мать и спрашивает: «Павличек, почему ты не пришел?» – «Мамочка, ну я же не мог, я ходил мыться». Такой вот Павел Гросс.

Шулина (№ 5, 26.10.1943)

Лимонный акционер¹ Гарик – подтянутый, сильный жирняга с большими ушами. Если верить линейке Хана, у Гарика восьмисантиметровые уши. Так бы и дал ему по уху, но Гарик за это врежет, а у Хана уши отморожены. Поскольку он живет подо мной, я с ним часто ругаюсь. Вчера с Бебечком мы заключили пари на ругательства. Кстати, лишь немногие знают, что это за пари. Двое ребят договариваются: тот, кто произнесет нецензурное слово, получит по одному месту. Мозелес с Бебечком заключили пари. Через четыре минуты Бейк выругался. За что Мозелес ему вlepил, да так, что там зачесалось. Задница Бебечека не снесла такого удара, и пари было расторгнуто. Мозелес – враг вранья и всяких глупостей. Он любит вести умные беседы со своим соседом, философом Бехавым, и при этом пинать меня ногами². Он занимается разными видами спорта, главный из которых – лупить несчастного Овала, который живет под ним.

Мишкус (№ 5, 26.10.1943)

Иван Полак + Тутинек. Иван Полак – редактор нашего журнала. Себя он величает Згеваниной, а свою возлюбленную – Тутинком. Тутинек – это подушка, раньше он звал ее Бурчалкой, а потом, когда ее тайное имя стало достоянием широкой общественности, он переименовал ее в Тутинка. Однажды кто-то спрятал Тутинка. Згебуш помрачнел и укрылся

1. Один из героев комикса «Зандлужандло».

2. Нары низкие, Мишкус лежит на верхней полке, а Мозелес под ним.

с головой одеялом. А когда Тютинка вернули, он просиял и стал с ним баловаться. Баловство выглядело так: четверть часа Згебуш занимался с ним физзарядкой. Первое упражнение: Иван хватает Тютинку за рога и бьет об кровать (иногда и о чью-нибудь голову). Потом положит его, сядет перед ним, хлопнет по нему дважды и скажет: «Сегодня води себя хорошо!» Потом заберется под одеяло и начинает тутинковать. Схватит Тютинку, прижмет к лицу и вопит: «Тутутуту, тутутуу». Вчера к Ивану пришла мама, он встретил ее словами: «Привет, бабка, что поделявает дедка?» Мама сняла с Тютинка кожу (наволочку) и надела чистую. Когда Иван изображает из себя Зандлужандло, Тютинек становится его рулем. У Ивана есть вторая, маленькая подушечка, по кличке Тутик. Тутику пока не удастся снискать любовь хозяина, но зато его любит Миша и постоянно забирает к себе.

Шулина (№ 5, 26.10.1943)

Солнышко. Оскар Пик принадлежит к группе бесноватых, но иногда и дрыхунов. До того как у нас появился будильник, роль его выполнял Оскаррек – у него были часы³. Каждую минуту мы спрашивали: «Который час?» – и так его достали, что он перестал отвечать. Доктор Модлингер еще в бытность нашу в Ганноверских казармах назвал Оскарека Рыжим Бесом. Знаете почему? Потому что Оскаррек целыми днями дрался со своим заклятым врагом Левушем. Как-то раз, когда Левуш уже сдался, а Оскаррек при этом упрямо продолжал его лупить, вошел мадрих. Дело кончилось «хаусарестом» [домашним арестом] Оскарека. Солнышком его прозвали за светло-рыжие кудри, которые не берет ни одна расческа. Солнышко здорово играет в пинг-понг и любит покрасоваться. На этом и закончу его описание.

Мишкус (№ 6, 3.12.1943)

Шулинка⁴, или карапуз, это такая маленькая бурчалка с выпученными глазами. В Шулинке всего 138 см, так что его слышно лучше, чем видно. Он все делает наоборот, так что самым несчастным созданием по праву считается его сосед – Пугало. Шулинка обожает возиться с грязными бурчалками по кличке Кулинек и Малинек. Хвастает, что может выиграть оба турнира. Однако пора сворачиваться, пока Иржик не расплакался.

Мыдлайс (№ 6, 3.12.1943)

Мыдлайс. Мыдлайс сообщил, что пишет на меня разгромную статью. Что ж, я в долгу не останусь. Мыдлайс возглавляет группу дрыхунов, что не мешает ему орать до 11-ти вечера. Ночью он выпускает злых духов; по закону циркуляции теплого воздуха Марцелу остается одно – погибнуть от удушья. Мыдлайс играет в футбол. Он отбивает мячи брюхом, такие удары не под силу и силачу-бамбуле. Он любит развалиться во время обеда у матери, за что отец дает ему нагоняй: «Ишь какой, на всех ему наплевать, лишь бы только пожрать». В баню ходить ему не разрешают, а то простынет или подцепит заразу. Его любимый вид спорта – никому не давать спать. Стоит Фельдману уснуть, как он тотчас разбудит его вопросом: «Хочешь спать?» Продолжение следует.

Шулина (№ 6, 3.12.1943)

Шимерл, или Шимл принадлежит к утренним дрыхунам. Сегодня, например, подъем был в 7, а он проснулся в полвосьмого. Мы все удивились, как может человек так долго спать при свете, а потом я понял, что он прячет голову под маленькую подушку. Но расскажу о другой

3. В Т. разрешались одни часы на семью. Видно, родители отдали часы сыну.

4. «Летом 1942 года мы с мамой, сестрой Кармелой и бабушкой жили вместе с Шульхофами: мать с безумной красоты дочерью Верой, лет восемнадцати, и маленький блондинистый Ирка. По-моему, это была семья среднего достатка, не люксус – не как наша, с обслугой и няней. Госпоже Шульхофовой было за сорок. Она рассказывала моей маме про свои болезни – как у нее случился заворот кишок и она чуть не умерла. Из всей семьи выжила Вера, но что с ней сталося потом, не знаю». Из разговора с Мауд (Михаль) Бер, ТА, 2003.

HOŠI NA HEIMU

половине Шимловой души. Он – невероятный добряга. Шимл – тощий, жилистый и при этом очень сильный. К большой нашей радости, силу свою он на нас не испытывает. Да, чтоб не забыть: говорит он медленно, слова из него надо вытягивать клещами, но дурак будет тот, кто им поверит. На этом закруглюсь, поскольку черт не дремлет и, чего доброго, наш милый Шимерл решит испытать свою силу на мне.

Кошуля (№ 7, 10.12.1943)

Хан, или **Трико** – всем известный грубиян, из тех, кто много говорит и мало пишет домой. После отъезда Мозелеса он стал чемпионом по ушам. Они у него 5,5 см шириной, одно ухо длиной в 8, другое – 7,5. Он большой фраер, его внешность портит орлиный нос. Одно можно сказать наверняка: нет такого безобразия, в котором не был бы замешан Петух¹.

Мыдлайс (№ 7, 24.12.1943)

Петр Бек, по кличке Бекиня Сосновая, – сосед Хана по третьему этажу. У него мужественный, можно даже сказать, героический оскал; главная его ценность – подружка Марианна. Ему постоянно нездоровится, но стоит припугнуть его изолятором, наутро самочувствие улучшается. Он приобрел популярность благодаря сетке, которую он надевает на волосы. Стоит ее снять, волосы разлетаются во все стороны. Он подлизывается к Хану, но ничего путного из этого не выходит. Стоит перейти демаркационную линию², как он тут же получает в зубы.

Мыдлайс (№ 8, 24.12.1943)

Фельдман, или Лифчик Скалозуба, один из главных храпунов. Ему 11 лет, и он обожает выражения типа «Ты, собака!» и пр. Каждое утро он измеряет температуру, причем градусник держит 15 минут, а когда убедится в том, что температуры нет, он кусается и рычит. К тому же на его матрац сверху падает всякая дребедень, это ему устраивает Петулак. Павел впадает в бешенство, а мы, глядя на него, умираем со смеху, он так смешно злится. К сожалению, он очень болен, думаю, скоро умрет. Из-за недостатка бумаги ограничусь одной этой заметкой.

Мыдлайс (№ 11, 14.1.1944)

Кипящий Суп. Суп – кличка Герберта Гроте, он получил ее из-за своего любимого выражения «Немен зи ире зуппе?» [Вы будете суп?]. Обычно кипение супа происходит так: Герберт в отличном настроении – и вдруг мы слышим: «блблблблблблблблблблблблблблблблблблбл», чем дальше, тем громче, пока он не вскочит с места – значит, перекипел – и давай задираться. ... Как-то по выражению его лица я заметил, что он очень рассержен. И скоро понял почему. Камчус, указывая пальцем на Гроте, вдруг понес: «Смотрите, какой толстый слой маргарина он мажет на хлеб, а какой кусок булки...» – но договорить не успел, на него набросился перекипевший Суп. При этом Овал состроил страшную гримасу и начал чавкать. Оставив в покое Камчуса, Герберт ринулся за Левушем и нагнал его на балконе. Весь вечер мы по-

«Камарад». Оформление рубрики «Ре-
бята из нашего дома». БТ

1. Хан – петух (нем.).

2. Доска, разделяющая двойные нары.

катывались со смеху, а он смотрел на нас как затравленный. И теперь все показывают на него пальцем: «Смотрите, какой толстый слой маргарина он мажет на хлеб...»

Шулина (№ 11, 14.1.1944)

«Камарад». Оформление рубрики «Реквизиты из нашего дома». БТ

Гансисты. Утро, я сладко сплю. И пробуждаюсь от крика: «Ты, бычина! Не смей класть полотенце на мое мыло!» Полотенце взлетает и падает на пол... «Гансисты снова ругаются», — говорит Вассерман. «Пойдем, посмотрим», — раздается сверху злобный смех Круцы. Мы направляемся к Гансистам, и тут раздается скрип нар и стакан с молоком, описав гиперболическую кривую в воздухе, падает с полки прямо на мои седины. А сверху раздаются победные крики братьев. В припадке ярости я лезу по лестнице и вижу двух негнбимых героев: один ревет, другой на него орет.

Кошуля (№ 12, 21.1.1944)

Томаш Ганс крутится между швицерами³ и плачет из-за любой чепухи, заводится с пол-оборота. Ни в чем не хочет уступать старшему брату. Его главная и единственная любовь — заяц по прозвищу Пупик. К сожалению, Мыдлайс и ему подобные постоянно отнимают у Томаша зайца, не дают ему спокойно с ним играть. Иногда он свинячит, но в целом на него грех жаловаться.

Кошуля (№ 12, 21.1.1944)

3. Швицер — хвастун (идиш).

Ирка Ганс из группы пустомель — страшное трепло. Ходит на работу и все, что там происходит, подвергает нещадной критике, кроме себя самого, любимого. Постоянно нападает на брата, держит его в узде. Тому, кто дотронется до его рабочей одежды или передвинет ее на сантиметр, придется просить защиты у Бога.

Кошуля (№ 12, 21.1.1944)

Фреди Кляйн. Принадлежит к группе сосунков и сборщиков всяких механизмов. Он — придворный часовщик и в целом человек безвредный. Особую любовь питает к облезлой собачке; он хранит ее в тряпичном мешочке, который случайно облил кофе. Как-то раз кто-то стащил у него «механический» мешок, как он его называет, при этом была ополовинена недельная порция джема.

На основании этих двух фактов у него случился понос, во всяком случае, так он считает. И теперь Ирка Гросс, Вассерман, Круца или кто-нибудь еще подлетают к нему, суют в руку какой-нибудь винтик и шепчут: «Спрячь!» Реакцию Фреди описывать не буду. Он и без того удручен утратой «бесценной коллекции». Фреди все время крутится около будильника, куда бы он ни шел, у часов он замирает, якобы проверяет время. Любимое выражение Фреди: «Так дам, что мало не покажется».

В общем и целом он мирный, а что касается его родословной, то, по донесению Ирки Ганса, родители у него уникальные — они никому не верят на слово.

Кошуля (№ 13, 28.1.1944)

Пепек Бехавы считается философом. Посуда у него всегда грязная, на полке вечный беспорядок. Любит поспорить. Протестует, когда открывают окно, а как только затопят, нарубит щепок из всего, что под руку попадет, и бросит в печь. Ему доставляет удовольствие доводить Фердинку – он постоянно сует ему под нос свои грязные ноги. Он обожает поливать молоком стручки перца и при этом клянется, что это не он. Вот вам и Пепек Бехавы.

Петька + Левуш (№ 15, 18.2.1944)

Михал Стрениц, или Стжевиц (Кишка) занимает позицию между «крысоловами» и «трубадурами». У него две клички – Стрейда (Дядя) и Стжево. Его чистоплотность не поддается описанию. Вечно решает теорему – открыть окно или закрыть окно, но главное – это его дневная и, особо подчеркиваем, ночная музыкальная программа. Он громко гудит, в результате чего, кроме Мыдлайса, который затыкает уши подушками, в доме перевелись все блохи. Иногда он нарочно задирается, встает на лавку в ботинках – и тут же слышит: «Сейчас же сойди с лавки и вымой ее!» Но Стрейда не реагирует; тогда из своей берлоги вылезает Овал, а этого Стрейде и нужно, чтобы стукнуть его по овальной или сплюсненной головке. Овал разноется, по дороге ушибет коленку, но тут на выручку придет Пейда и врежет обоим. Но вообще-то Стрейда парень хороший.

Шулина + Мыдлайс (№ 15, 18.2.1944)

Гонза Корец, по кличке Круца, заправляет отделом центросвинства. Он прославился своей полкой – если хотите полюбоваться на настоящее свинство, загляните туда. ... Его главное развлечение – споры с Иваном. Когда Круце хочется подраться, он свешивает одеяло. Иван сердится и кричит: «Круца, немедленно убери одеяло!» Круца и не думает этого делать, тогда Иван достает ножницы и делает Круце предупреждение: «Круца, последний раз говорю, убери одеяло, не то обстригу пуговицы!» И если Круца не сдается, он отстригает пуговицу. Круца свирепеет, хватает с Ивановой полочки игрушку, и начинается бой.

Шулина + Мыдлайс (№ 15, 18.2.1944)

Павел Маутнер, по кличке Камчус, принадлежит к группе бешеных. К несчастью, он живет подо мной, и все его бешенство обрушивается на меня. Делается это так: сначала он несколько раз свалил меня на пол, а когда я грязными ногами встал на его постель, он взял совок, нагреб какой-то грязи и высыпал ее на мою койку. В приступе бешенства он разломал печку, кидался Томашевой тапочкой и т.д. В жизни у него два дела – отбирать у Гросса подушку и учить иврит. Он любит спорить по пустякам и испепелять взглядом Гроте, приговаривая: «Ай-яй-яй-яй...» Он приличного роста, похож на убийцу-рецидивиста, грабителя бедняков или воина из африканской саванны.

Шулина (№ 16, 25.2.1944)

Ирка Гросс – врун № 2. Иногда он превосходит самого Шимерла. Он работает в огороде и является поставщиком кошек, которых якобы там пруд пруди. Иногда разводит свинарник на постели. «Это все ребята натворили», – говорит он Оте, когда тот его ругает. Мы зовем его Чингачгук. Как и Фреди, он любит подраться. Все же в целом его можно причислить к тихоням.

Бейк (№ 16, 25.2.1944)

Иван Полак. Выпуск «Камарада»

Наверняка дома все вы читали в периодике статьи о том, как делается журнал; по совету Мишкус я решил написать об этом. Разница в том, что дома выпуск журнала проходил через разные инстанции, путешествовал по редакциям, типографиям и прочим местам. «Камарад» рождается просто – на моих нарах. Дома мы извели бы уйму бумаги и красок, нам понадобилась бы пишущая машинка и т.д. – а мне для «Камарада» нужны 2 листа бумаги, чернила, ручка, перо и акварельные краски. Но оставим процесс подготовки и обратимся к выпуску «Камарада». Выделим три этапа: 1) поиски бумаги и пишущих принадлежностей, 2) поиски материала и 3) переписывание в номер.

1) Нахождение бумаги и пишущих принадлежностей – одна из наитруднейших задач. Главное – бумага. На первые номера бумагу подарил Шулька, на третий номер я у него ее выпросил, на четвертый дал тоже он – но в последний раз. На пятый номер я нашел приличную бумагу у себя в папке, но на шестой ее не хватило. В конце концов я нашел бумагу, но она оказалась очень сухой и всасывает в себя чернила, как пиявка.

На 7-й и 8-й подарил бумагу Хан, очень хорошую. Кругом-бегом мне хватит бумаги еще на 4 номера. Шулина одолжил авторучку, у которой есть один существенный недостаток, что видно по моим пальцам, – она течет... Камчус одолжил ластик, но и тот не без причуд – постоянно от меня прячется, и я нахожу его то на полу, то у Гроте в койке. Акварельные краски дал Бейк, а кисточка осталась от Мишкус². Недавно я обнаружил у отца треугольник и тотчас его присвоил. Карандашей полно, кто бы ни нашел карандаш, жертвует его мне со словами: «Дарю «Камараду»». Больше мне ничего не нужно, разве что пару больших листов для эскизов, да, чуть не забыл про цветные карандаши, мне их подарил Лекнер. Теперь я нуждаюсь лишь в одном – в тишине. Но об этом в разделе «Переписывание».

2) Сбор материала – второй и очень утомительный этап. Уже на следующий день после выпуска я выступаю с призывом: «Гоните статьи, нет материалов на следующий номер!» И вот приходит воскресенье, а у меня пустая папка. Снова взываю к народу: «Плохо! Не будете писать – «Камарад» в пятницу не выйдет». В результате как обычно к бумаге склоняется Мыдлайс и своей слоновой лапой шкрябает душещипательный рассказ о каком-нибудь неудачнике. Он пишет на туалетной бумаге жутким почерком, стоит взглянуть на его каракули, и уже голова раскалывается. Тут являются Шулина с Круцей (следует отметить, что Шулина исправляется, а позорник Круца вообще перестал писать). Хуже всего работать с Томашем. Чтобы заполучить от него «Историю Дома» – а именно она нужна мне позарез, – я должен исчерпать весь свой словарный запас. Отъезд Мишкус – ужасная утрата для журнала, он был единственным, кто все сдавал вовремя. Получить в срок материалы от Супайды, Пугала, Марцела, Гансисов, Фельдмуша, Солнышка или Фрединки – чудо невероятное. Смотрю – и глазам своим не верю. От Бейка – то густо, то пусто.

Некоторые лентяи (напр., Мыдлайс, Пепечек и пр.) клянутся и божатся, что им не на чем писать, а на самом деле они просто вымогают у меня бумагу. Заявляю: свою бумагу я больше никому не даю.

3) Переписывание – последний и самый трудоемкий этап работы. Поведаю вам о муках и страданиях, которые я при этом испытываю, и кто знает, может, и вызову в вас хоть каплю сочувствия. До того как к этому перейти, еще раз напомним, что «Камарад» должен выйти в пятницу, что связано для меня с большими трудностями. Ладно, начнем.

1. Рубрика главного редактора Ивана Полака, № 7 – 15.

Иван Полак, шести лет. ЕМА

2. Миша Краус и Петр Лекнер собирались в ту неделю на транспорт.

VÝROBA »KAMARÁDA«

Zgebanina

В воскресенье (раньше по понедельникам) я устраиваюсь поудобнее на нарах, достаю из глубины полки папку с материалами, картон, коробку с карандашами, акварельные краски, воду и т.д. Весь этот свинарник выглядит весьма живописно; в центре сижу я с пером и бумагой на коленях. Зрелище это, если понаблюдать его с близкого расстояния, способно вывести из себя самого раздобрейшего мадриха. Ладно, поскольку уже от одного этого описания вам стало плохо, то продолжу. Беру два листа, складываю их и режу пополам. Беру карандаш и по «сердечному» шаблону вычерчиваю на титульной странице сердце. Подписываю: «Еженедельный журнал, номер XV». Протираю ластиком и обвожу снова, чтобы все было all right. Потом переворачиваю будущий журнал, и на обратной стороне рисую «Зандлужандло».

При этом меня трясет от злости, поскольку любопытные соседи во все суют свой нос и не дают работать. Первый и главный мучитель – Гонза Корец. Он взирает на меня свысока, стоит ощутить его хладнокровный взгляд, как из моих рук вылетает картон – и прямо Круце по голове. Второй главный мучитель, выдающийся подлец и злоумышленник – Мыдлайс, он постоянно бросает косые взгляды на мой «гешефт». Есть и другие мучители, рангом ниже. Но надо продолжать дальше. Я дорисовываю «Зандлужандло», открываю краски, беру тряпочку и кисть и начинаю раскрашивать.

Я смешиваю краски до тех пор, пока не выйдет тот цвет, какой я задумал, и берусь за кисть. Рисование красками – это дело, в которое надо погрузиться целиком, оно не терпит проволочек. Когда мне мешают работать, я страшно нервничаю. Заканчиваю к вечеру, будущий журнал должен высохнуть. На следующий день, если выдастся время, работаю над Томашевой «Историей Дома» и начинаю писать. Сначала провожу карандашом линию для заголовка, потом очерчиваю края, чтобы за них не залезать. Набираю чернил в бедную охромелую авторучку и пишу. Когда переписываешь, ни на что нельзя отвлекаться, вот поставлю последнюю точку и тогда смогу говорить. Переписывание – дело нудное, но для «Камарада» я писать люблю и совершенно от этого не мучаюсь, наоборот, испытываю удовольствие. Обидно одно – некоторые ребята такие безжалостные, что способны отравить всякую радость – даже ту, которую я получаю от трудоемкой работы. Так вот и мужает с каждым днем «Камарад».

Нередко случается, что по недосмотру я пропущу слово-другое в предложении, просто не замечу, и вы дождитесь мне это простить, – так всегда выходит, когда пишешь на скорую руку. Много сил уходит на оформление «Забавного уголка». И вот, представьте себе, «Камарад» почти готов. Пустуют лишь страницы романов с продолжением, и нет оглавления на титульной странице. Так выглядит журнал в четверг вечером и даже в пятницу утром. Остается взяться за карандаш и нарисовать иллюстрации. Это я делаю быстро, а написать

оглавление – сущий пустяк. Вечером, как заведено, я хватаю «Камарад» и бегу к «бабизне», та прошивает его бело-голубой лентой и при этом ворчит – то не так, это не эдак. Без пятнадцати семь «Камарад» готов полностью. За пятнадцать минут до нешева¹, я прихожу с журналом домой – пора готовиться к празднику, отмечать день рождения «Камарада». Представим себе, что все уже приготвили к встрече почетного гостя (имеется в виду журнал) и при этом болтают о том, как готовить еду, сохранится ли тот или иной способ готовки в будущем и т.д. Между тем вражеские элементы вроде Кана, Шульки и проч. рыщут по дому – ищут новый номер, чтобы захватить его в качестве трофея и тем меня разозлить. Перед самым началом нешева! А «Камарад» спрятан: иногда под Бабахом, или под Тутинком, или на полке среди одежды и белья, или под скатертью... Я спокойно наблюдаю за действиями вражеских элементов и смеюсь в душе (до тех пор, пока номер не «найдется»). Не каждому дано такое самообладание; когда же мне окончательно надоест, я вхожу в роль сыщика и быстро «отыскиваю» журнал. После открытия нешева и жратвы начинается торжественная церемония. Мы с Отой встаем, и я, держа журнал в руке, произношу сакраментальную фразу: «Передаю тебя...»

Потирая могучие руки и лучась от счастья, я завершаю данную рубрику «Камарада».

Томаш Ганс. Летопись детдома

Рубрику «Летопись детдома» вел Томаш Ганс. Повествование освещает главные вехи жизни детдома «А», созданного в начале 1942 года в Ганноверских казармах.

Публикуется в сокращении.

№ 2, 5.11.1943

...В марте, сразу после отправки транспорта Св, молодежь Судетских казарм ждал сюрприз: переезд в Ганноверские казармы...²

№ 5, 26.11.1943

В начале апреля начались большие волнения. Из гетто сбежало пятеро ребят. Трое вернулись, Мюллер был пойман жандармами, Белов³ бежал со своей сестрой.

Когда я пришел домой, в комнате были жандармы, «берушки»⁴ и крипо⁵. Они устроили у нас шмон, перевернули весь дом вверх тормашками. У Хана и у ребят, которых не оказалось дома, взломали чемоданы, но ничего не нашли. Тем дело и кончилось. Но, оказывается, это было только начало. Вышел приказ: 1) нельзя включать свет и пользоваться свечами, 2) нельзя выходить из помещений после восьми вечера...

1. Нешев – бал, торжество (ивр.).

2. Вместе с чешскими ребятами туда переселили и немецких, с воспитателем по фамилии Кройн.

3. Арнольд (1926) и Хана (1924) Беловы прибыли из Праги в Т. 13.11.1943 г. Их побег не удался, 24.1.1944 они были схвачены и посажены в тюрьму гестапо. Дальнейшая судьба неизвестна.

4. Эсэсовцы поручили группе немцев из Литомержиц изымать у з/к сигареты и деньги. На самом деле, они брали все подряд, за что и были прозваны «берушками». Эсэсовцы произвели шмон в квартирах «берушек» и обнаружили там целые склады. За «огробоение немецкого рейха» «берушки» были уволены.

5. Криминальная полиция.

№ 6, 3.12.1943

Поскольку Фрайцайт [здесь: культурные мероприятия] отменили, мы устроили вечеринку на дому. Госпожа Марта организовала кружок художественного чтения. В пятницу было первое выступление, нам всем ужасно понравилось, только жаль, что нельзя было хлопать.

... Как молния разнеслась по гетто весть – отменяют «штрассеншпере» [запрет на выход из помещения]. Мы терпели его целых 2 месяца. Через полчаса все высыпали на улицу и побежали навещать своих друзей и родственников. У всех разом поднялось настроение, ведь мы так истосковались по «свободе».

№ 9, 31.12.1943

Переезд. Мы должны были освободить все три комнаты, отданные под детские дома. До этого мы жили вместе с немецкими ребятами... Прошло 14 дней, вышел указ о дезинфекции, и нас перевели в физкультурный зал в L 417. Немецких ребят поселили на чердак.

№ 10, 7.1.1944.

После дезинфекции мы опять вернулись в наш дом. Страшный бардак – весь пол в бумагах, матрацы разбросаны по нарам. Наступил день уборки. Мы ждали, когда привезут наши одеяла из «одшиварни», – привезли полную телегу одеял. Пепа стоял на телеге и выдавал по списку. Через пару дней жизнь вошла в свою колею.

№ 11, 14.1.1944

Пришел транспорт D. К нам подселили новеньких, и дом превратился в пчелиный улей. Но мы быстро привыкли к тесноте, и жизнь пошла как прежде. Хуже обстояло дело с болезнями. На нары № 9 положили Зденека Фрида¹, тот постоянно жаловался на боль в горле. Вызвали врача, и он поставил диагноз – дифтерит. После Зденека нары продезинфицировали, туда перебрался Вассерман и вскоре тоже заболел дифтеритом. У некоторых новеньких поднялась температура. Никто не мог понять, от чего. Оказалось, скарлатина. Из-за того, что нас стало так много, Ирка не успевал следить за порядком. И тут он придумал одну вещь, которая в корне изменила дело. Ну что, заинтриговал я вас? Тогда ждите следующего выпуска.

№ 12, 21.1.1944

Ирка назначил старост нары² и устроил соревнование по чистоте. Причем не один на один, а нары на нары. Все принялись наводить порядок, и через несколько дней нашу комнату было не узнать. В конце недели у нас был праздник, на котором Ирка объявил победителей, двое нары были признаны лучшими, их обитатели получили приз в виде торта (очень вкусного).
– Прим. ред.)

1. Зденек Фрид (27.8.1928 – 28.9.1944).

2. В оригинале – kavalecaltester'ов (чешск., нем., искаж.). Нары были шестиместными (три этажа, на каждом по двое детей).

№ 13, 28.1.1944

Транспорт

Этого никто не ожидал. Сообщение о транспорте³ молнией ударило в дом Q 609. Двадцать лучших наших ребят постигла горькая доля. И ничего нельзя было поделать.

Пришел вечер раздачи повесток. Мы, в жутком волнении, ждали Гонзу Йоховца, который получает повестки. Как только он вошел, все к нему кинулись. При «первом заходе» оказалось много наших. Когда он пришел после «второго захода», поздно вечером, наших в списках поубавилось. Мы легли спать в жутком волнении – вдруг утром принесут повестки и на тех, кто числится в резерве. Так оно и было. Весь день «транспортники» складывали вещи, а мы им помогали.

Наступил последний день – одних отправляли в Q 319 и L 417, других – в Гамбургские и в Дрезденские казармы⁴. Город охватила паника. Но в конце концов все разобрались по своим местам. «Выходят», – сообщил парень из соседней комнаты. Мы тут же вскочили и пошли помогать друзьям таскать вещи. Особенно хилым Штейнерам⁵ и их больным родителям.

№ 14, 4.2.1944

Мы все идем к вокзалу. Кругом полно людей. То тут, то там мелькают носилки с больными. Несколько ободряющих слов, и – последнее прощай. Все уже в вагоне. А мы стоим, смотрим. Жаль... Жаль...

Вечер без наших друзей. Сегодня уехали. Каждое слово отзывается эхом, так странно и так пусто. Где теперь Штейнеры, Коко и другие ребята? Мы быстро ложимся спать, и каждый уходит в свои мысли.

С утра настроение получше. В конце концов ко всему можно привыкнуть.

Транспорт на восток. 1942. ЕМП

3. Декабрьский транспорт 1943 г.

4. Перед отправкой узников собирали в разных помещениях на последний контроль.

5. Близнецы Иржи и Зденек Штейнеры, на которых Менгеле ставил опыты в Освенциме. В 1947 г. Зденек погиб в автокатастрофе. Незадолго до смерти Иржи рассказал мне следующее: «Не знаю, что за научная база была у Менгеле, но он ставил опыты на близнецах и карликах (евреях). Интерес к близнецам был связан с идеей повышения рождаемости, чтобы восстановить популяцию Германии, нужно было ее как минимум удвоить. За счет полноценных близнецов. Он отобрал 150 пар однойцевых и двуйцевых. В цыганском лагере у него была ординаторская. Карликов и лилипутов содержали в отдельном блоке. Там проводились проверки способности к продолжению рода. Нам было по пятнадцать. В Терезине мы жили в маленьком детдоме «Под крышей» в Ганноверских казармах, воспитателем был Ирка Франкл. В сентябре 1943 года нас отправили в «Семейный лагерь»».

Мы пробыли в Биркенау полгода. Перед ликвидацией Менгеле отобрал близнецов и врачей. 7 и 8 марта мы были в карантине и не знали, что произошло. Лагерный комендант по кличке Бульдог вытатуировал на моей руке номер 147743. План «опытов» возник спонтанно, иначе нас отобрали бы за год. С братом мы не различались ни на секунду. Нас пичкали снотворным. Потом нас перевели в больничное отделение, им заведовал Менгеле, оно было рядом с детским блоком, а оттуда – в цыганский блок. Менгеле долго и внимательно нас осматривал, измерял и сопоставлял руки, ноги, пальцы... Каждый день мы проходили осмотр и рентген, 16 раз у нас брали кровь. Не знаю, может, и еще что-то делали. Менгеле волновали результаты анализов. Кровь, моча и рентгеновские снимки посылались в Берлин. Еврейские врачи делали все, чтобы тормозить пересылку.

Рассказы, заметки, стихи (№ № 1 – 22)

№ 1, 29.10.1943

Обращение.

Сегодня мы начинаем наш журнал, который скоро станет отражением жизни нашего Дома. Это – наш первый самостоятельный шаг вперед, и все мы заинтересованы в успехе этого предприятия. Пусть журнал будет для нас не только забавой и средством убить скуку, но наставником и достойным представителем нашего Дома. В этой работе проявятся все наши способности, и нам придется потрудиться как следует. Возможно, первый номер не будет шедевром, но я убежден, что «Камарад» будет улучшаться от выпуска к выпуску. Так что я жду, что все примутся за дело, и надеюсь, что в будущем «Камарад» станет нам настоящим товарищем. «Камараду» – удачи в будущем! Ваш Згебанина. (№ 1, 29.10.43)

Домашние условия

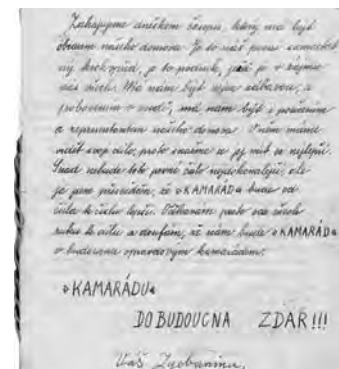
Мы начинаем выпускать еженедельный журнал «Камарад». Поскольку шеф-редактор Иван Полак всех заставляет писать, я решил рассказать о нашем доме. Живем мы на Ратхаузгассе, 9, второй этаж. Прекрасная комната на 24 человека, да еще и с балконом. Пол у нас с фокусами – чем больше его подметаешь, тем больше на нем пыли. Об уборной и умывальне лучше не распространяться, всем, кто у нас живет, отлично известно, что там уже целый год длится второй Всемирный потоп. Сейчас там делают новую «ваш-раум» [умывальню], и ходят бонкес, что через 14 дней все будет готово. Но по моему мнению, это произойдет месяца через три. Не знаю, как написать о затемнении, но скажу вам, что уже четверть часа тому назад нужно было занавесить окно, но пока никто не соглашается пожертвовать своим одеялом. Не тут-то было! Примчался Полковник¹ и как закричит: «Плохое затемнение!» Больше уж писать не буду, поскольку в «Камараде» мало места.

Всем привет, ваш Мыдлайс.

Счастье в несчастье

Была осень, созрели каштаны в так называемом Еврейском саду², и мы решили их поспивать. Встретились в саду в четыре часа. Ирка и Петр [Винер] забрались на дерево, а мы подали им грабли, чтоб легче было сшибать каштаны. Ирка устроился наверху и давай пулять каштанами со своего насеста – и все по головам. Петр был внизу и граблями счесывал каштаны с нижних ветвей. Народ, сидевший на лавках, балдел от такого зрелища. Я собирал каштаны с земли, и вдруг что-то пронеслось мимо меня и с грохотом ударилось о землю. Свалился Петр. Все вскочили с лавок и бросились к Петру; он лежал без сознания. Двое мужчин отнесли Петра в костел³, к сторожу, а Ирка побежал за отцом Петра. ... Петр отделился сотрясением мозга и ссадинами. Оказывается, он хотел перелезть на верхнюю ветку и зацепился за нее пряжкой от сандалии. Петр поклялся, что никогда больше не будет лазать по деревьям.

Павел Фельдман

Иван Полак. Обращение по поводу выпуска первого номера журнала «Камарад». БТ

На стр. 173. Футбольные страсти.
«Камарад» № 1. БТ

По часовой стрелке:

«Повара-Электрики» – 6:1. Солнце + Згебанина.

«Резчики-Садовники» – 4:3. Згеб. «9-й раунд Терезинской лиги. Хагибор-Прага 4:2, Прага-Вена 6:1. ОДМ – Хагибор-Терезин – 14:1. Матч игрался в среду, и была это скорее театральная драма, нежели игра. Команда ОДМ играла очень собранно и постоянно забивала голы. Игра держалась на Бреде и Майере (Франте). Бреда играл в защите и никому не давал забить гол, а Майер бил десятиметровые. ОДМ играл хорошо (хотя искусства в игре не было), а о Хагиборе – Терезине говорить не буду. Згеб.»

Репортаж И. Полака о футбольном матче. «Клейдеркамер» (одежный склад) обыграл команду «Кадр» со счетом 5:2.

В центре:

Таблица распределения мест между командами футбольной лиги.

1. «Полковник» – кличка Гонзы Йоховца (1920 – 1944, Кауферинг), воспитателя в Q 609. Гонза был выдающимся музыкантом. В 18 лет написал оперу «Халиф из Багдада», до депортации в Т. заведовал пражским еврейским домом для молодежи и преподавал там музыку. В Т. он и его жена Рут работали с детьми. Йоховиц репетировал с хором оперы Сметаны и Блодека и мечтал поставить оперу Глюка «Обманутый кади».

2. Городской парк к северу от L 417.

3. Терезинский гарнизонный костел находится возле парка.

Kuchaři - Elektrikáři 6:1.

V medaili hráli spolu kuchaři a elektrikáři. Kuchaři měli opatřit porokce 5:3 z minulí ligy. V první min. došlo k ruce, soudce novou nebezpečnou chvilku. Kuchaři vyrovnavají, přivážejí; kuchaři měli brádkami burasí, sy Elektr. Přes jejich tělo vyvíjejí na 1. Bran. ale těm před koncem. Do brány nastupuje a pět v 15 min. viděl 4:1. Juker od Elektr. dva po byvdna na olava. Vířila. Schůz. a v poslední min. kender byl mixený a

Slav je no 9. kole labovj:

	hry	v	s	o	score	body
1. Kuchaři	9	8	1	0	68:27	17
2. Kleiderkammer	9	8	0	1	57:19	16
3. Jugendfürsorge	9	6	1	2	56:27	13
4. Reznici	9	5	1	3	39:35	11
5. Hagibor Praha	9	5	1	3	40:36	11
6. AZ	9	4	2	3	47:30	10
7. Zahradníci	9	5	0	4	37:31	10
8. Praha	9	3	1	5	26:33	7
9. Elektrikáři	9	2	1	6	24:41	7
10. Kadr	9	0	4	5	20:36	4
11. Viden	9	0	2	7	21:64	2
12. Hagibor Terezin	9	1	0	8	18:68	2

V tomto kole musel elektr. kliduji do konce ligy. Kuchaři jsou jedni předkádři. Kuchaři a elektr. v utk.

Jiří Schulhof:
ZEMĚ MILIONŮ.
Román na pokračování.

Kleiderkammer - Kadr 5:2.

23. října byly schránky v Drážděnských dva nejmané kapasy. Jako první byl kapas Kleiderkammer - Kadr. Na 3. min. na hřišti mocný Kadr a poké na ramenním potleskem přítomní Kleiderkammer. Tím muštra hrála v kompletní sestavě. Na začátku byla muštra rovnocenná. První goal vstřelil centerforward od KMR. Kadr však pokračoval, přes to nebezpečné útoky a nebyl jistý Tausiga, předtím nepolev goal. Přes velké usilí Kadr vstřelil KMR. další branku. Jedna chvilka byla pro KMR. kritická. Jirka Dougl vyrazil míč, ať se a měl předtím, který Jirka F. který vyskřábl, ale brádo od Kadr vstřelil klant vát. Potom skončil 4:0 pro KMR. V druhé půli nasadil Kadr tempo a asi v 10 minutě vstřelil centerforward Kadr neochotně se přiznal k tomu a přes Robinsona Jirky F. skončil míč v síti. Ani ne minuty, natož poslal kufy přič a v lize krásnou kámu míč poslal do Jirky F. svatyně. Po celý křepok po dobu byla hra vyrovnaná

čarup nabízejí jasnou křepku. Již je 18 lety mladá. Je mu komed kage mu v příštím, matku d avpialky byl namáhán. ta však musela propouštět ne byl propuštěn. Avdy. přemýšl, co bude dělat. a peněz má náloženo

vam proto otevírá se nám bude KAMARÁ. kamarádem.

UČNA ZDAR!!!

banina.

Reznici - zahradníci 4:3.

V 34. min. na hřišti reznici. Poudoval Re. La Reznici hráli již Kogor na lán. Re. Tento reznici kapas vát obousměrnými. Asi v 10 minutě vstřelil Reza po binovaném útku první goal pro reznici. Nadobro na to vyrovnal. worvort Reznici přikamni vanou. Byla po těchto brankách naprosto. Reznici vyvíjejí score na 1. Ke cel. poločasů však Reznici vyrovnali. Bon tráviva kumerlivo. Kušti a chval. do 1. půle musel míst, že pro pobavení. Jirka sblou sekl na malíčku xeni. uke přelí přelí Reznici v prvuho pr. avodním. Mahreom a další se. sbl. Reznici na to nastal impetný boj, útoky

SPORT

9. KOLO TEREZINSKÉ LIGY.

AZ - Hagibor Praha 4:2

Praha - Viden 6:1.

Jugendfürsorge - Hagibor - Terezin 14:

Tento kapas se hrál ve středu a byla to spíš veselohra než zápas. J.F. byla v olšivě převaze a všichni její hráči až na Bredu a na Mayra si dali branky. Bred přesto se hrál v ústoku si gola vstřelil a Mayra neprominut desku. J.F. hrála do (což nebylo umění), a H.T. mluvit nebude

»KAMARÁDU« malo mišter.

Van Myolles

Handwritten document with various entries, including:

- TURKISH BIR...
- PINK LOT...
- VALERIE...
- MARTIN...

red Atlantic & na kleri Andy iel me.

zemi. Pukrapanyj Kalf ibnelt kamni
le mistu, kade bolot klal le kamni a
kamni spobitno indiana, jak pravje
mestno pitika. Obile se porovovat
na 4 hodiny sedit jix, ve sfam cu
priatelky rochoor. Kalf etnat, ze mu
jine se smekoval. Gop-hew, byl cros
prochaj a jinkot Kalf je tchibval p.
stijet sij rochoor se, ze indian
vsko kamni. Gop-hew prijel na
a misto chot. ze vje mognatit si
Lynn Kalf ušelal misto, kade obje
kily. Hines prije otu kanti knova k
junt misti a naroziti ali s m post
jet na klac. Selo vial, ze kalf je
kile, byje vial. La neloik misti
mavali le vsko tchibval pjeje za k
m. ali a m. ali a m. ali a m.

OZNÁMENÍ

Oznamuje se, že ku psaní KANARADA byl přijat velmi namyšlený muž Ota Wassermann, který přišel předstíhého týdne v úterý s marodky a už po ní opouštal katovici. V pondělí 28. II. nam silně zatopil a přesto byla v domově zima. Šlo o dvě byla započítána smlouva tři, mocnost, ale bohužel se mi při důležitých osah nepodařilo vyzvědět. Šel byla v pondělí první nová ka u dr. Reimera na pondělí boz. Nimov ve středu byl obvyklý úklid. Pak se nic zvláštního nepříhodovalo. Dříve na smednomo Bejk.

! VYHLÁŠKA !

Pokračování z 11. čísla.

§4. Oznamuje se vsem obyvateľom domova, že
je zakazano bráni vŕech buričky, doslov-
ne polstari nebo podobné je, zručiť o-
vati. Neuposledních se presta týdnem
lichtesperre.

§5. Dále se oznamuje, že stoupati s botami na
lavicku je zakazano pod nestem arkny.

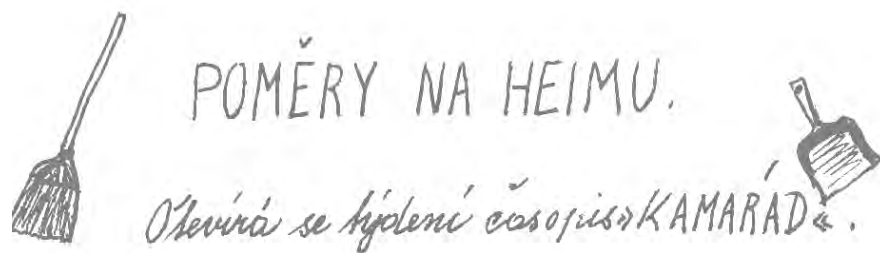
Домашние условия. См. стр. 172.

В «Камарад» снова пишет ученый муж
Ота Вассерман, который в прошлый
вторник вернулся из больницы, но
уже по ней скучает. В понедельник
28.2. в доме так здорово натопили,
что стало еще холодней. В тот же день
было подписано соглашение трех
держав, правда, содержание важного
документа так и осталось в тайне.
В понедельник репетировали с д-ром
Райнером пьесу по сказке Божены
Немцовой. В среду была генеральная
уборка. В общем, ничего такого не
произошло. До встречи!
Бейк

§ 4. Сообщаем всем жителям нашего дома, что отбирать друг у друга Бурцлики, то есть подушки, строго запрещается. Неподчинившихся ждет наказание – выключение света.

§ 5. Сообщаем, что ходить в обуви по лавкам строго запрещено. Наказание – мытье лавок. Мыдлайс

Иржи Шульхоф. Страница из романа
«Земля миллионов»

№ 2, 5.11.1943

События недели

... Роберт Редлих¹ рассказывал нам о своих приключениях в Палестине. Оскар Пик при этом заснул, а когда мы его разбудили, он выглядел как обиженный ребенок. Вышел первый номер «Камарада», его прочел вслух Г. Корец. ... В субботу был свободный день, и мы навещали родителей. Понедельник – день тяжелый, нас разбудил новый будильник, однако «неживая вещь» не способна согнать с постели. Настроение вконец испортилось, когда Ирка Франкл вошел в комнату. Он взъярился на нас за то, что мы не встали вовремя, и объявил, что мы наказаны.

Томаш Ганс

Мадрихи

Только подумал, о чем писать, как тотчас осенило – о воспитателях и вожатых. ... Главная фигура дома «А» – Георг Франкл². Он умеет держать нас в руках, обо всем заботится, от будильника до шкафа. Как выяснилось, он лютей враг всякого свинства. Первого ноября в 8.10 утра случилось то, что запомнят все. За 5 минут мы должны были вынести стекло, матрасы – навести полный порядок. Ну ладно, хватит об Ирке, пора переходить к вожатой Рите³. ... Как свойственно женщинам, она миролюбива и не любит конфликтов. Что касается Пепы, он всегда начеку и неусыпно следит за тем, чтобы соблюдался режим.

Мылдайс

2. Георг (Иржи) Франкл (1921 – 1994) родился в Градце Кралове, депортирован из Т. в Освенцим 18.12.1943, освобожден в Ораниенбурге. После войны окончил философский факультет Карлова университета, преподавал английский в школе, а в 60-х годах – в Карловом университете. После 1968 эмигрировал в Англию, преподавал в лондонских школах. Всю свою жизнь он учил – в Праге, Терезине, Освенциме и Лондоне. В книге И. Франкла «Горящие небеса» (1994) помещен рассказ «Двенадцать гномов». Вот отрывок из него: «В детстве и молодости мы переполнены мечтами о будущем, нам кажется, что мы бессмертны. Дети в Терезине видели смерть на каждом углу, о смерти они знали все, а вот о жизни, обычной человеческой жизни, почти ничего. Одной из главных наших задач было объяснить им смысл и красоту простых вещей. Вспоминаю вас, любимых моих детей, сентябрьский транспорт 1943 года разлучил

нас, но, как выяснилось, пока что не навсегда. ... Через три месяца и я, больной импетиго, измученный тремя днями езды в темном душном вагоне, оказался в освенцимской ночи. Без единого волоска на теле, обритый наголо, с татуировкой, я лежал и ждал смерти. Через несколько дней я поднялся, вышел из барака и ко мне вдруг подбежали 12 гномов. «Иржичек, Иржичек, мы тебя не отдадим, ты теперь наш!» – заверещали они. И тут до меня дошло – это же мои ребята, из сентябрьского транспорта! И они меня «не отдали». «Мы попросим за тебя Фреди». И вот я, прежде уважаемый воспитатель терезинского детского дома, а нынче доходяга Ирка Франкл, сломленный и опустошенный, предстал перед Фреди [Хиршем], – разве такому можно доверить детей?! Фреди отказал. Но гномики меня не забыли. Каждый вечер один из них проникал в барак с миской густого супа. Порция вскладчину – от каждого по ложке.

Постепенно я приходил в себя. И Фреди сдался, скорее всего, из-за настойчивости детей. Мы снова работали вместе, больше я не таскал на себе тяжелые камни, миновала угроза быть убитым эсэсовским надзирателем. Правда, Фреди дал мне других детей, шестилетних карапузов, гордых «матросов», как они себя называли. Я сочинил для них пьесу в стихах, называлась она «Робинзон». Мы разучили ее и сыграли для узников Биркенау. В пьесе Робинзон после всех испытаний возвращается домой, к маме с папой. 7 марта 1944 года ... я навеки расстался со своими спасителями. Как сейчас вижу Коку Шульхофа, ветер раздувает волосы, и от этого Кока выглядит еще более грустным. Эти дети были удивлены. Они, малыши, знали, что их ждет. Их любовь и верность сохранили мне жизнь, из них не выжил никто. (Написано в Терезине, в ночь на 18 октября 1991 года)».

1. Брат Эгона Редлиха.

3. Рита Фейнерова (1924 – 1944) – подруга и помощница Пепы Крамера.

Погром

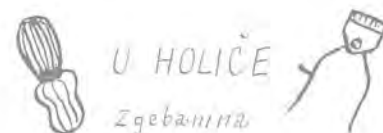
Вечер. Все в боевом настроении, а главное – я. Прыгаю и ношусь по нарам. Укутавшись в одеяло, изображаю из себя Голубое Чудовище. Дерусь с Шулиной. Вдруг слышу, что-то потрескивает, ну думаю, ладно. Но тут назрела критическая ситуация. Это случилось в тот момент, когда бурчлик играл роль новорожденного. Доска, держащая обе половины нар, прогнулась как тетива, хрясть – и переломилась. Мы выгребли из-под руин одеяла и матрацы. Нашли доску на балконе, но слишком длинную, и, поскольку было уже около девяти, решили оставить починку на потом, а пока устроиться на полу. Ночью раздобыли пилу и до полшестого утра чинили нары, при этом у Гарика пролился суп. Тем и закончилась катастрофа.

Миша Краус

У парикмахера

Пробежали дни, проходили ночи, и волосы мои достигли невероятной длины. И в один прекрасный день я дал себе слово пойти к парикмахеру. Прихватив грязное полотенце и взглянув напоследок в зеркало, которое отразило меня во всей красе, я решительно вышел из Q 609. У дверей парикмахерской я глубоко вздохнул и вошел внутрь. В небольшой комнатке угрюмые парикмахеры с бритвами наготове поджидали своих жертв. Я огляделся по сторонам и решительно сел в кресло. Мне обмотали шею грязным полотенцем, и мой гонор тотчас испарился; машинка для стрижки, которая елозила по волосам, меня и вовсе добила. Попадали наземь буйные кудри, просыпались мне на колени, что еще противней. И тут мой взгляд упал на запыленную полку с всевозможными причиндалами и на зеркало. В зеркале отразилась перекошенная физиономия – лучше не смотреть, – зато на полке я увидел бутылку с водой и черно-серую щетку. «Щетка-старуха, у нее щетина седая», – подумал я, но тут у меня так зачесалось в ушах, что я забыл про всякие размышления. Я стиснул зубы, но и это не помогло. При этом старая щетка поднялась с полки и лихо смела с меня остатки волос. Героически встав с кресла и оставив в парикмахерской почти все свои кудри, я выбежал вон. С чувством глубокого облегчения смотрел я на небо, но, как говорится, чем выше взлетишь, тем больнее падать. К моему огорчению, у меня стало колоть за воротом, что-то ползало по загривку; настал последний этап парикмахерской эпопеи – счищать щеткой волосы со всей одежды. Черт бы побрал этот Терезин – никак здесь не избежать неприятностей.

Згебанина

«Камарад» № 6. Заставка к рассказу Ивана Полака «У парикмахера»

Карел Берман. 1960. ЕМА

Репортаж о пересчете в Богушовской котловине

В пять утра всем выдали хлеб, маргарин и паштет. Пепа велел потеплей одеться. В 9 утра вышли, поделились на три группы. Два часа стояли на углу L 2 и Q 5, после чего продвинулись на 200 метров. Простояли еще 45 мин. В 12 начался поход, а в час дня мы пришли в Богушовскую котловину. Когда собралось все гетто, начался пересчет. Нас построили в пять шеренг, по сто человек в каждой. Каждая сотня, которую отсчитывали, должна была переходить на другую сторону. Все это продолжалось до пяти вечера. Потом кто-то сказал, что можно возвращаться, и все ринулись к воротам — лишь усилия геттовахманов и жандармов смогли сдержать этот натиск. Пропускали по одному. Мы выстроились в шеренгу, но кто-то пообещал провести нас вперед. Однако ворота были закрыты, и мы простояли два часа в жуткой давке. Без четверти восемь начали пропускать. Мы оказались в пятидесяти метрах от ворот и прошли чуть ли не первыми. Через полчаса мы уже были в гетто, а еще через пятнадцать минут торжественным маршем вошли в дом.

Иржи Шульхоф

Как нами управляют мадрихи

Пепе Крамеру¹, нашему «хаймляйтеру», «хаусляйтеру» и «югендляйтеру»² двадцать лет, он полон энергии, каждое утро поджидает около уборной дежурного «пуцколонны» (как правило, это Хан), завидев, хватает несчастного и волочет на место службы. При потопе он вызывает господина Бустина, а тот глядит на моря разлитые да с милой улыбкой приговаривает: «Ничего такого, обычная питьевая вода». У Пепы прозвище Дедуля. Высокий, с орлиным носом, светлыми волосами и серыми глазами. Про него вроде все. Заместитель Дедули — Гонза Йоховиц по кличке Полковник. Ему около тридцати, и у нас все его обожают, потому что он рассказывает нам перед сном кошмарные детективные истории, от которых можно: 1) уснуть, 2) свалиться со страху на пол. Страх на нас наводит и другой мадрих — Иржи Франкл, враг беспорядка и небрежно заправленных коек. Этот заводится с пол-оборота, если же он узрит «свинарник» на третьем ярусе, то так разорется, что только одна Рита может его унять. Рита не выносит шума, и нарушителям тихого часа от нее достается. Будильник — это последний мучитель верноподданного народа — он убивает сны. Однако когда мы спим слишком крепко, нас поднимает живой будильник по имени Франкл — и это, скажу я вам, еще хуже.

Аноним

Грозные фигуры из Q 609

За снабжение отвечает Арношт Шлахет³. Ему лет восемнадцать, отличительные черты его характера: 1) много из себя ставит — вечно заявляется к нам с таким видом, словно только что с randevu; 2) быстро впадает в ярость. Особенно когда мы забываем закрыть за собой дверь. Однажды мы пошли к нему в контору за пайком. Там уже были какие-то ребята, и Шлахет нас выгнал. Потом туда пошел Мыдлайс. Стоило ему приоткрыть дверь, как Шлахет вылетел навстречу (ему нравится нагонять страх) и заорал: «Ты что здесь делаешь?! Немед-

Гануш Йоховиц (Полковник), 1942. ЕМА

1. Йозеф (Пепек) Крамер (1924 — 1944).

2. Т.е. заведующему детдомом, управляющему зданием и руководителю молодежи.

3. У Арношта Шлахета (1922 — 1943) в гетто умер отец. Мать вскоре получила повестку на транспорт, и он решил ее сопровождать.

ленно вон!» Прихлопнутый дверью Мыдлайс пропищал: «Что такое, что я вам сделал...» Мы немного подождали и снова открыли дверь. Шлахет взвился. Не стану повторять ругательства, которые на нас посыпались, это неприлично. Тогда мы распахнули дверь, хлопнули ею как следует и убежали. Он – за нами, на второй этаж. Орал, что не выдаст нам хлеб, но скоро остыл и велел идти за пайком. Второй герой «мадрихарни»¹ – Гейнц Альт². Ему лет 25, он высокий, черноволосый, его у нас никто не любит. На брюках – здоровенные дыры и ноги грязные. Больше ничего о нем не знаю. А еще есть Карел Берман³. Его мы очень любим, он потрясающе поет, он холостяк, хотя ему уже 33 года.

Аноним

Уши

Ранним утром раздался спор. Я прислушался – это были Хан и Гарик. Обсуждался вопрос величины Гариковых ушей. Не знаю, кому из них пришлось в голову измерять уши. Выяснилась страшная правда: уши Гарика оказались на полсантиметра длиннее Хановых. Хан пал духом, но продолжал утверждать, что уши у него того же размера, только левое поменьше. Надеюсь, впредь о цвете и длине ушей они спорить не будут.

Ота Вассерман

Нервный снабженец

9 вечера. Тушим свет, объявляется «пишколонна» [поход в уборную]. Сегодня рассказывать никто не пришел – ни Ирка, ни Йоховиц. Тоска берет. Правда, нас 15 минут назад посетил любимый снабженец Шлахет. Дело было так. Шимерл решил заглянуть в знаменитый отдел продснабжения. Хан и Шулька отправились с ним, и, пока они уговаривали снабженца прийти к нам и рассказать какую-нибудь историю, мол, нам скучно, – Шимерл сунул свой нос в «провиант». Шлахет тотчас схватил его за шиворот и так ему наподдал, что Шимерл пулей вылетел из двери, а Хан – за ним. Послышалась ругань и хлопанье дверями. Начался переполох. Мы с Беком решили довести снабженца и нам это удалось, он неся за нами аж до лестницы. Потом к нему пошел Левуш, а снабженец как раз сел ужинать. Ну он и взвился! Схватил Левуша, приволок в дом и призвал на помощь Полковника. Мы во всем признались. Шлахет ушел в канцелярию и больше у нас не появлялся. Мы взяли слово с Полковника, что завтра вечером он будет нам рассказывать детективы.

Михал Краус

Из моего дневника (Дорога в Терезин)

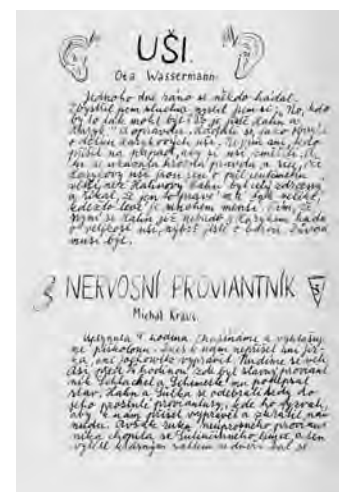
1. Транспорт. Холодное, туманное утро. Встаем и наводим порядок, домработница нам помогает. ... В 10 утра прибудет машина и отвезет наши вещи. В 11 выходим из дому. В 12.10 краткое слезное прощание со знакомыми. Отъезжаем. Что нас тронуло – множество арийцев вышло провожать нас, помахать вслед.

С поезда до сборного пункта дорога была печальная и трудная. Я тащил рюкзак и тяжелую сумку. В Градце⁴ мы дошли до здания университета, где предстояло сдать вещи. Нас поселили в комнату № 31. На каждого был матрац и 50 см – для вещей. На обед давали картошку с какой-то подливкой, на ужин – один черный кофе. Там мы были 2 дня. У нас отобрали паспорта, серебро и пр. Ели вкуснятину, все, что взяли с собой из дома: вареные яйца, мясо и пирог.

1. Группа вожатых (искаж. иврит).

2. Гейнц Альт (1922 – 1945, Дахау).

3. Карел Берман (1919 – 1995) – знаменитый певец Национальной оперы в Праге, в Т. – всеобщий любимец. Пел в разных операх, читал детям лекции о музыке.

«Камарад» № 4. Ота Вассерман, «Уши»; Миша Краус, «Нервный снабженец»

4. В городе Градец Кралове находился сборный пункт.

2. «Подъем!» 2 часа ночи, 17 декабря. Мглистый голубоватый свет в здании и на лестницах. Быстро строимся, скатываем одеяла. В темпе готовимся к отъезду. На еду времени нет. В 3.30 все выстраиваемся на аппель, после чего нас выводят группами во двор. Никогда не забуду свет фонаря, бьющий в глаза. Идем колоннами.

Загнали нас в тесные немецкие вагоны. В 8 часов поезд тронулся. Ехали мы в сопровождении эсэсовцев. Не слишком приятное путешествие. В забитом людьми и вещами вагоне нельзя было открывать окна. К счастью, я почти всю дорогу спал.

3. Прибытие в Терезин. «На выход!» Шум и крик. Выкидываем вещи из окна и выходим.

Михал Краус

Цирк

Афиши, развешанные во всех городках пограничной зоны, сообщали о приезде знаменитого цирка. Люди толпились у афиш и размышляли, что же будут показывать в этом цирке, там же был и Ирка с друзьями. Порешили, что купят билеты на первое же представление. У друзей были какие-то сбережения, один Ирка не знал, даст ли ему отец на билет, ведь он безработный. Вечером он попросил у отца 5 крон. Узнав, что это на цирк, он отказал. Ирка отправился спать; лежа в постели, он думал о том, что завтра приедет цирк и через два дня начнутся представления.

Как-то утром, по дороге в школу он увидел малыша, играющего в мяч. Мяч укатился на дорогу, малыш помчался его догонять, и в ту же секунду из-за угла выехал автомобиль. Ирка бросился к малышу и схватил его на руки. Из дома напротив выбежала мать спасенного ребенка, жена фабриканта Сватка. Она спросила Ирку, как все произошло, и он рассказал. «Пойдемте все вместе в цирк», — предложила она. Но Ирка отказался — у отца нет денег, он безработный. Госпожа Сваткова обратилась к мужу, и тот взял отца Ирки на работу. Вечером следующего дня Ирка и его друзья сидели в цирке. Им так понравилось представление, что не хотелось возвращаться домой.

Фреди Кляйн

«Камарад» № 4. Миша Краус «Из моего дневника»; Фреди Кляйн «Цирк»

Лев и мышь

Жил на свете царь зверей,
Он любил ловить мышей.
Кровь хвостатого зверька
Льву тому была сладка.
Пробегала мимо мышка
Толстая, как с елки шишка.
Прыгнул лев и цап-царап,
Держит мышку между лап.

Та взмолилась: «Царь зверей,
Кровушки моей не пей!
Коли попадешь к врагу,
Я на помощь прибегу».
Выслушав слова ее,
Лев помиловал ее.

Мышка вмиг сбежала с горки
И в своей укрылась норке.
Вскоре зверолова два
Привязали к елке льва.
Царь зверей ревел всю ночь,
Но не мог себе помочь.

Мышь услышала тревогу
И помчалась на подмогу:
На веревке вмиг повисла
И к утру ее прогрызла.
Льва освободила мышка,
Благодарная малышка.

Сказку мы закончим просто:
Дело не в величье роста.
Мышь способна, хоть мала,
На великие дела.
Михал Краус

№ 5, 26.11.1943

Ночная драма

Опишу случай, который произошел несколько дней тому назад с моими достопочтенными дядюшками Рудольфом и Густавом. Как-то вечером пошли они навестить своих родственников, которые жили в доме за овчарней. Ада, жена Рудольфа, предупредила его: «Смотри

Страницы из «Камарада» № 4.

1. Стихотворение Миши Крауса «Лев и мышь».

2. Большой конкурс. 1) Кроссворд. 2) Выбрать одно правильное слово из трех. Например: У греков была богиня по имени: Артемида, Афродита, Афина. Столица Исландии: Осло, Рейкьявик, Бейрут. В Индии не живут: крокодил, жираф, слон. И т.д.

3. Напишите рассказ на тему «Круговое путешествие».

Згебанина

Миша Краус

Шитье

Ирка Франкл пришел с наисвежайшим «шуганом»¹ – на нашей верхней одежде должен быть именной знак.

Раздосадованный мерзким указом, я на следующий день приступил к его выполнению. Достал с полки сумочку со швейными принадлежностями, выудил из моря вещей пальто, куртку, рабочий халат и пр. Моя койка превратилась в «наштубе» [швейную мастерскую], а сам я – в портного. Прежде чем начать шить, я нарисовал на больших лоскутах свое имя. Устроившись поудобней, я достал из сумки нитки, катушки, иглы, ножницы и наперсток. Первой жертвой стал мой жилет. Я хотел вдеть нитку в иголку. Наслюнявил ее, скрутил, все сделал как надо, но нитка в ушко не продевалась. Жуткое дело! Пятнадцать минут каторжного труда – и нитка уже в ушке. Осталось приложить лоскут к рукаву – и вперед! ... Прошил иглой лоскут и ткань и любуюсь делом рук своих, нитка длинная, ее должно хватить. Но после нескольких стежков она запуталась, я пробовал и так и эдак – никакого результата. Решил я ее отрезать и начать по новой. Не буду описывать, как я злился и как охал «Ах-ах, ой-вей!». В конце концов пришил – вокруг бугры, а имя как шишка – меня чуть инфаркт не хватил. Второй жертвой стал мой распрекрасный рабочий халат. Опять продевать нитку и прилаживать лоскут. Я подложил под халат вешалку, и игла начала свое путешествие. Нитка оказалась слабой, все время рвалась, и я трижды продевал ее в иголку. Страшное испытание – у меня болели руки, слезились глаза, а рот устал от проклятий. В конце концов я пришил свое имя на нужное место и, торжествуя победу, хотел было убрать вешалку из-под рукава. Не тут-то было! Пришита намертво. Я стал бледен как стена. Убитый горем, я отложил халат в сторону и взялся было за куртку, но тут меня осенило – ведь можно написать имя прямо на ней. Что я и сделал. На шапку мне имя пришила Рита. Так что с заданием я справился, пора закрывать швейную мастерскую.

Згëбанина

Невеселый театр

Как-то по дороге в Q 319 я услышал страшный крик. Я выглянул из окна во двор и увидел грустное зрелище. Привезли телегу с пустыми котлами и отбросами. Вокруг нее толпилось человек пятнадцать стариков. Они пытались влезть на телегу. Те, кому удалось туда забраться, выскребали со дна остатки пищи. Одна старушка обнаружила бак, наполовину заполненный картошкой, сослепу упала на него, и картошка высыпалась. Все кинулись подбирать картошку. Началась свалка. В дело вмешался повар, у которого не было никакого сострадания к убогим. Подавленный зрелищем страшного театра, я отвернулся, так горько было смотреть на униженных людей...

Томаш Ганс

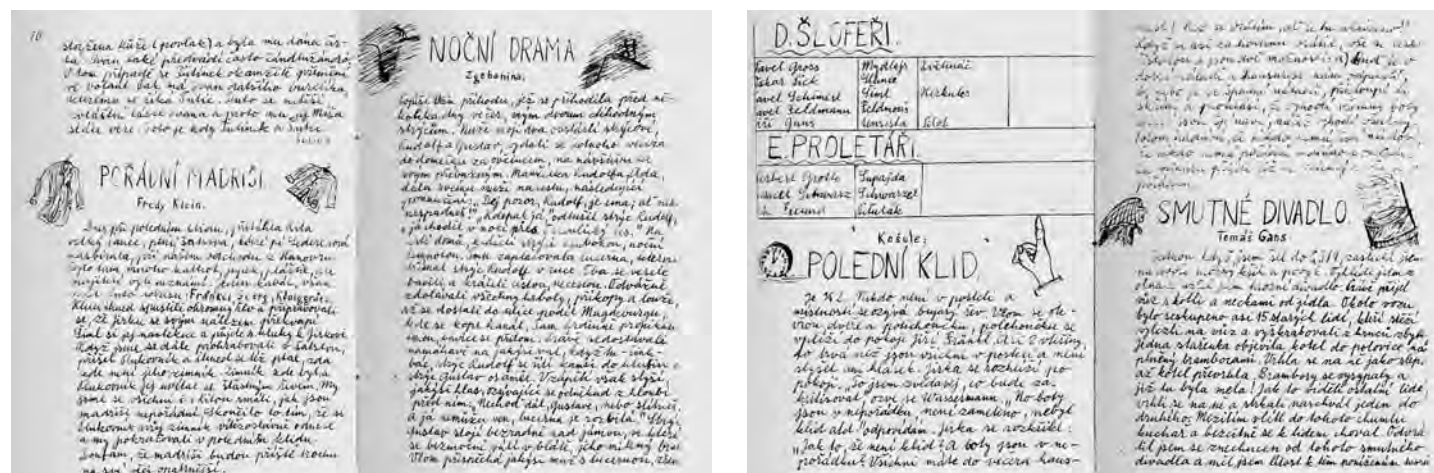
1. От «шигаон» (ивр.) – сумасшествие; здесь – идиотское распоряжение.

Группа «Центросвинства»

В нее входят Марцел Шварцель, Петулак и Пепечек Цуравый – наш «Эльтестенрат» [Совет старейшин]. Под одеялом Пепеcheка можно обнаружить крошки, бумажки и прочий мусор. По сей день у Пепеcheка был жуткий бардак, но тут Рита сжалилась над ним и привела в порядок его одежду и продукты. Мы часто отбираем у Марцела обе его подушки, они все в волосах, при этом Марцел уверяет нас, что неделю тому назад менял наволочки, и вот – они опять свински грязные. Часто у него улетает одеяло.

«Чье это пальто? Чьи грязные ботинки? Чья шапка?» – спрашивает Ирка и грозит выкинуть все на балкон. «Погоди, это мое», – раздается голос с нар. «Чье?!» – «Мое!» – «А, Петулака, ясно. Все, что лежит не на месте, принадлежит господину Фройнду». Во время обхода дежурные находят у Петулака обкусанные корки, грязную посуду, очистки и прочее свинство. Плохо заправленное одеяло пикирует с третьего этажа на грязный пол. Наш патрон Пепечек постель застилает абы как, посуда у него грязная. И это – образец самоуправления – эх!

Мишкус

Аккуратные мадрихи

Сегодня в тихий час Рита принесла мешок из Ганноверских казарм. Госпожа Ледерер собрала всю одежду, которая осталась там после нашего переезда: брюки, куртки, пальто и плащи неопознанных владельцев. На одном пальто был адрес: «Франкл Георг, Градец Кралоуе». Ребята расшумелись, стали придумывать, каким образом преподнести Ирке этот сюрприз. Решили, что Шимерл наденет пальто и мы всей делегацией отправимся к Ирке. Но пока мы рылись в вещах, он пришел сам и спросил, не попалась ли нам его пальто. Как же он обрадовался, когда его увидел! Мы с Ритой рассмеялись – мадрихи, а такие растяпы. Дело кончилось тем, что Ирка с победным видом ушел со своим пальто, а мы улеглись на тихий час. Надеюсь, мадрихи будут впредь внимательней относиться к своему имуществу. Фреды Кляйн

«Камарад» № 5. Ф. Кляйн. «Аккуратные мадрихи». БТ

«Камарад» № 6. Згбанина. «Ночная драма». БТ

«Камарад» № 7. Т. Ганс. «Летопись детдома». «События недели». Кошуля. «Статистика детдома. Небесное братство» и «Тихий час». БТ

«Камарад» № 6. Кошуля. «Статистика детдома. Небесное братство». Т. Ганс «Невеселый театр». БТ

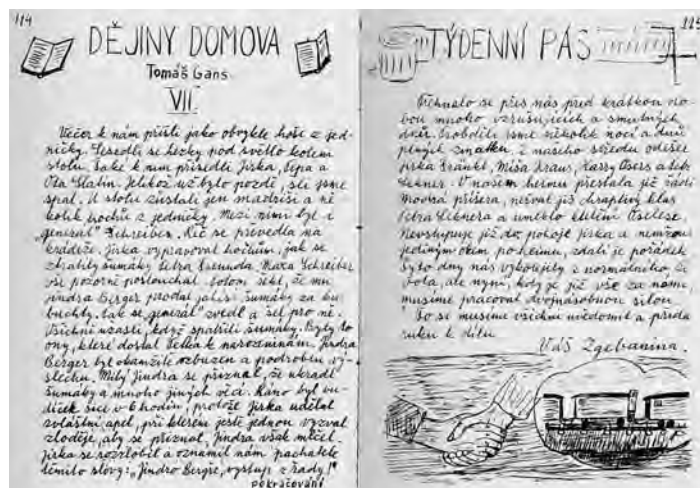

№ 8, 24.12.1943

События недели

Недавно мы пережили несколько жутко тревожных дней. Несколько суток мы пребывали в панике, а последние две ночи вообще не ложились. От нас ушли Ирка Франкл, Миша Краус, Гарик Озерс и Петр Лекнер. В нашем доме уже не снует Голубое Чудовище, умолк хриплый голос Петра Лекнера, не слышно Озерсовой брани. Не является с проверкой Ирка [Франкл], не обводит пристальным взглядом нашу комнату. Эти дни выбили нас из колеи, но теперь все позади, и мы должны работать с удвоенной силой. Пора понять это и взяться за дело.

Згебанина

Тревожные дни

В четверг как молнией ударило – транспорты! Паника охватила гетто, чехи представляли себе будущую жизнь в Биркенау. Во вторник утром мы напряженно ждали сообщения. В транспорт попали Гарик Озерс и Петр Лекнер. В 10 часов объявили, что в резерве Миша Краус. Все трое были совершенно спокойны. В среду получил (дальний) резерв Петр Фройнд. В четверг должен был уйти транспорт, но мы все еще надеялись, что Гарик вернется. Не вернулся. Про Петю мы уже знали – он получил рекламу, в пятницу он к нам вернулся. На следующий транспорт дальний резерв получил Солнышко. Наш мадрих Ирка Франкл поехал добровольно с родителями. В пятницу, впервые в нашей истории, не вышел «Камарад». Воскресным утром мы с воплями восторга встречали вернувшегося к нам Оскара Пика. Хан надеялся, что уедет, но, к его великому сожалению, этого не случилось, так что он продолжает бузить в нашем доме.

Ирка Ганс

«Камарад» № 8. Рассказ Шулины «Первый снег». БТ

«Камарад» № 7. Т. Ганс. «Летопись дома». БТ

«Камарад» № 8. И. Полак. «События недели». БТ

Первый снег

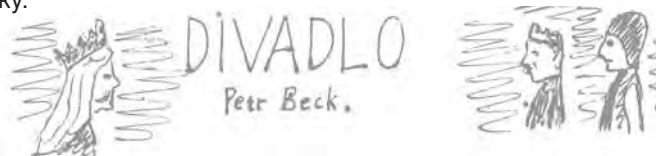
Сегодня выпал первый снег. Утром мы играли на балконе в снежки, и до обеда нас никто не мог утихомирить. В конце концов нам это надоело, и мы ушли с балкона в комнату. «Кто не пойдет на улицу – тот трус», – сказал Мишкус¹, и они с Фельдманом пошли во двор. Увидев это, Ирка Хан, Павел Гросс, Петр Лекнер, Оскар Пик, Петр Бек, Петр Фройнд, Петр Лёви и я – пошли за ними. Там уже были какие-то ребята. Не сходя с места, мы объявили им войну, и тут же ее выиграли. Потом мы увидели парня с возом, увязались за ним и вышли со двора. Скоро мы оказались (при этом Фельдман дал команду забрасывать по дороге снежками всех девочек от 7 до 22 лет) около Судетских казарм. Там мы посоветовались и решили пойти в овчарню. Мише пришлось вернуться, поскольку он был без звезды, так что мы остались вдвоем. Трое впереди, двое по бокам, двое сзади, двое тащили воз. Мы шли быстро и у Егровки [Егерские казармы] остановились перевести дух. И тут явился некий господин, швырнул в воз пальто и схватил Хана за шиворот. Мы кинулись врассыпную. Господин спросил у Хана, где мы живем, и тот сказал, что в Q 710. Хотел было он кликнуть СП [службу порядка], но поблизости никого не оказалось. Тогда он повел Хана к Богушовским воротам, к пункту «геттовах»; мы пошли за ними. И тут на нас напал такой смех, мы аж за животы схватились. На посту стоял мой отец! Он велел господину оставить нас в покое. Господин с возом уехал. А мы (теперь уже втроем) пошли за овчарню и устроили снежную битву с какими-то девочками. Промокшие до нитки, в пол-одиннадцатого мы вернулись домой. Так мы отметили первый снег.

Шулина

№ 9, 31.12.1943

События недели

Справили Хануку, у нас была обширная программа. Мы разучили пьесу про царя Соломона и сыграли ее в воскресенье вечером. Все прошло хорошо. Для красочного описания событий предоставляем слово Бейку.

Театр

Вечер 26 декабря. В «А» царит возбужденное настроение. Священный день премьеры нашего спектакля. Все готово к представлению. Из-за занавеса доносится смех наших актеров, им весело. Но вот приходят первые гости. Все успокаивается, гости тихонько болтают. Сидим на нарах. Шепотом пересчитываем публику – 47 человек. Ота подходит к выключателю и гасит свет. Все стихает. Включается освещение. Двое ребят (Иван и Павел Ф.) в рабочих комбинезонах выходят на сцену, волоча за собой стул – царский трон. Они ставят его в угол. Двое ребят, стоящие у занавеса, складывают руки на груди и описывают невыразимое величие царских хором. Вдруг свет на сцене гаснет. Потом снова включается, и мы видим на сцене царя (Гонзу Кореца) и его советника (Томаша Ганса). Они обсуждают строительство храма, решают проблему дробления камней.

1. К этому времени Мишкус (Миша Красус) и Петр Лекнер уже были в Освенциме. Рассказ был написан раньше.

«Камарад» № 9. Заголовок рассказа Петра Бека «Театр». БТ

Затем они призывают великих мудрецов, Фреди Кляйна и Оту Вассермана. За кулисами раздаются голоса, и мудрецы выходят на сцену. Фреди со страху позабыл слова и стал заикаться. Гонза подсказал ему, после чего на сцене появились духи, Петулак с Шалкой¹, в ночных рубашках. Ну, скажу вам, это была картина, даже меня она рассмешила. Белый дух, то бишь Петька, тоже что-то напутал, но не страшно. Когда царю Соломону сообщили о черве Шамире², царь вызвал к себе добропорядочного мужа Бенаю³, то есть Ирку Хана, в длинной майке и велел ему найти Асмодея. После чего царь удалился, а на сцене появились рабочие. Они все убрали, принесли лавки, составили их в форме колодца, поставили на нем печать⁴ и произнесли: «Ну нет, тут слишком густая пальмовая роща, сюда не может проникнуть луч солнца, а вот на той горе – дворец, в нем и живет царь Асмодей».

После этого рабочие ушли со сцены, а к колодцу подошел Беная. Хитростью он выманил Асмодея (П. Шимерла), чем вызвал бурю смеха, и повел его в Иерусалим в царский дворец. Там, во дворцовых покоях, ждал его царь Соломон и придворные. Беная и его слуги ввели Асмодея. Когда на сцене появился слуга (Мыдлайс), все покатились, даже актеры не могли удержаться от смеха. Асмодей сказал, что Шамир живет в пустыне и что он доверенное лицо фазана⁵. Беная отправился в путь. Опять пришли рабочие сцены и все убрали. После этого Беная выкрал Шамира, привез его в Иерусалим, где его ждали с распростертыми объятиями. Тем и закончилось представление, на котором мы здорово повеселились.

Петр Бек

Ота Блейер⁶

После отъезда Ирки Франкла к нам прислали нового воспитателя. Зовут его Ота Блейер, ему лет сорок пять, и он бывший учитель. Ивча [Иван Полак] сказал, что этот человек ему явно по вкусу. Я его еще как следует не раскусил; с виду тихий, голоса не повышает. Ота высокий, нос крючком, а уши еще больше, чем у Хана. Он завел новые порядки, поначалу все разнылись, но теперь они нам нравятся.

Кошуля

Прогулки по Терезину

Холодное зимнее утро. Я решил прогуляться из Q 609 в сторону «Судет». Повстречал Хана, который болтался без дела, и мы пошли гулять вместе. Видим – едет телега, запряженная лошадьми. По обеим сторонам маршируют сотрудники СП, а за телегой тянется процессия стариков и детей. Мы живо просекли, что к чему: в телеге была картошка, и народ рассчитывал ее вышлойзовать. «Бедолаги, как же они изголодались, – подумал я, – шлойзуют сырую картошку». Пошли мы дальше.

Дошли до строительного двора и свернули в направлении новостройки. «А что, если войти туда и посмотреть?» – предложил Хан. Мы сделали вид, будто ищем госпожу Шрамкову, транспортный номер CI 395 (на самом деле такой не существует), прошвырнулись по пустым помещениям. Вернулись на Морскую, а оттуда двинули к Егровке. Там было тихо и пустынно, лишь в некоторых комнатах убирала «пуцколонна». «А какие здесь разыгрывались трагедии два дня тому назад!»⁷ Пошли мы дальше.

Было полпятого. В это время в «Ганновере» уже выдают менаж. Подходим ближе и видим: старая госпожа громко препирается с каким-то дедом: «Штеллен зи зих хинтен ан!» [Встаньте сзади!] – «Их хаб да гештанден!» [Я здесь стоял!] – отвечает дед. Тут подходит сотрудник

1. Нам не известно, кто это.

2. «Был у Соломона чудесный червь по имени Шамир. Червь этот обладал свойствами тесла и гранила. С помощью Шамира обтесывался строевой камень для храма и дома Соломонова и производилось гранение драгоценных камней для хошена (священной пластины, которую царь носил на груди). Червь был величиною с ячменное зерно, и самые твердые предметы не могли противостоять его чудесным свойствам. Сохраняли его завернутым в шерстяную вату в свинцовом сосуде, наполненном ячменными отрубями». (Из «Хасидских легенд», пер. С. Г. Фруга.)

3. Беная, сын Иегоиады, придворный царя Соломона.

4. «Знал Соломон, что место нахождения червя Шамир» известно одному только Асмодею, князю дьяволов. Обитал же Асмодей в пещере под горой, и был там колодезь, закрытый камнем, с печатью Асмодея на нем. Изодня в день восходил Асмодей на небо, где изучал мудрость небесную, оттуда возвращался на землю для изучения земной мудрости, после чего приходил к своему колодцу и, убедившись предварительно, что печать цела, отодвигал камень, напивался воды и, снова закрыв и запечатав колодезь, уходил. Призвал Соломон Бенаю, сына Иегоиады, дал ему цепь и перстень, на которых Шем-Гамфораш начертан был, и дал ему руно овечье да мехи с вином и послал его к Асмодею. Пришел Беная к пещере Асмодеевой, и вот что сделал он: ниже того места, до которого доходил колодезь, выкопал яму и, спустив туда всю воду, отверстие законопатил шерстью; проделав затем отверстие поверх колодца, вылил в устье вино из мехов. Покончив с этим, взобрался на дерево и стал ждать прихода Асмодея. Тот явился, осмотрел печать, открыл колодезь и видит: вместо воды – вино. «Ну, нет, – сказал Асмодей. – Вино глумливо, сикера [древний алкогольный напиток] буйна, и неразумен тот, кто увлекается им». Отошел и пить не стал. Но жажда стала невыносимо мучить его. Не выдержал Асмодей, выпил-таки все вино из колодца, захмелел и заснул крепким сном. Сошел Беная с дерева и связал его цепью». (Там же.)

5. В хасидских легендах говорится не о фазане, но о «лесном петухе» по имени Бар.

6. Ота Блейер (1914 – 1944), воспитатель.

7. В Егерских казармах проводился последний «досмотр» узников перед отправкой на восток.

СП и ставит деда в конец очереди. «Шнеллер, шнеллер!» [Быстрой, быстрой!] – выкрикивает кто-то из очереди. «Наливайте полный половник!» – кричат те, кто впереди. Удрученные этим зрелищем, мы пошли в овчарню. По дороге вспоминали разные события прошлого и позапрошлого года. Но тут Хан опомнился: «Ужин!» Затемно мы вернулись домой.

Шулина

Приключения семьи Мейзельшвейнов® в Терезине

8. «Приключения семьи Мейзельшвейнов», № 9 – 12. Meisselschwein – «зубило» + «свинья» (нем.).

Прежде всего познакомимся с героями клана Мейзельшвейнов: Артур Курт Бонифаций Мейзельшвейн, отец и глава семьи, его супруга – Розара Терезия, хозяйка кухни, обладательница крючковатого носа и мать троих несовершеннолетних детей: Арношта, по кличке Мыдлепупик, Риты и Томашека. На этом вступление завершено, приступим к истории.

Семейка изрядно намучилась на грязном чердаке и решила пристроить мансарду. Досок было предостаточно – отец Артур вышлойзовал всю округу. Нашелся подходящий «бокс», на застройку которого не требовалось разрешения. Строительство мансарды было в самом разгаре. И вот одним дождливым утром, к большому огорчению семейства, в дверь (которой еще не было) влетел «гензундхайтсвезенсабтейлунг-фюргебойдерзингангсальтестерстелвертретер»⁹ и страшным голосом произнес: «Запрещено строить без разрешения!» Розара – руки в боки – и на него: «Это вы-то нам запрещаете строить?!» – «Госпожа, я доктор Кон из «гезундхайтсвезен» [отдела здравоохранения], а если вы не понимаете по-чешски...» «Готово!» – отозвался на это Томик, сидящий на горшке. «Мама, а что тут делает этот дедушка?» – спросила Рита. «Так что вам...» – продолжил господин Кон, но его снова перебили, на сей раз господин Артур.

Он и дядя Карел пришли домой с полными карманами нашлойзованных гвоздей. «Ба, да это же господин Кон из Пардубиц! – сказал дядя. – Как дела? Вы знакомы с моим братом? Как это мило с вашей стороны – нанести визит старому знакомому... Как, вы уже уходите?! Вот жалость – ну тогда прощайте!» – и выпихнул Кона из дверей. Таким образом мансарда

«Камарад» № 9 – 12. Рассказ Кошулы «Приключения семьи Мейзельшвейнов». БТ

9. Искусственное слово, что-то вроде «заместителя старосты по очистке помещений из отдела здравоохранения»

выдержала атаку вышестоящих органов.

Поскольку места в мансарде было мало, семейный суд вынес вердикт – определить Арношта в «Югендхайм» [детский дом]. Сказано – сделано, и на другой день (это было 20 ноября 1943 года) в дверях дома «А» в Q 609 уже стоял Арноштик, обвешанный вещами. «Скажите, пожалуйста, где тут можно пристроиться?» – спросил он писклявым голосом. В ответ раздался смех. «Аух е лемох»¹ – отозвался парнишка, сидящий за столом. Явился мадрих – и к Арношту: «Новенький? Будешь спать вот на этих трехэтажных нарах». Арношт постелил постель, разложил вещи и стал прислушиваться к голосам.

«Не тронь!» – кричит играющий в шахматы.

«Меняю три «гебеки» [печенья] на десять граммов сахара, – объявляет другой. – Мой неисправимый ну-ну-ну, мой бабошка, мой малютка, ти-ти-ти».

«Вы будете суп?»

«Признайся мне...»

И на фоне этого мощный возглас: «Свиньи! Ты у меня уже в печенках сидишь, Круца!» И ему в ответ – злобный голос: «Заткнись, Шулина!»

Скоро Арношту надоело все это слушать, и он сказал: «Ребят, давайте во что-нибудь сыграем!»

Ребята вспомнили про пинг-понг. Раздался насмешливый голос: «Против Хана!» – «Я – второй», «Я третий – с Беком!», «Нет, я первый сказал!»

В конце концов Арношт плюнул на них и пошел гулять.

Когда он вернулся, на него накинута мадрих, красный от негодования: «Ты почему в тихий час расхаживаешь? Я проверил твою постель – страшный беспорядок, за это будешь дежурить неделю, я не разрешу тебе брать книги в библиотеке, ясно?!» Арношту стало грустно, и он расплакался. А мадрих продолжал свой обход. Дошла очередь до какого-то парня в верхнем углу. Мадрих – на него: «Повидло в грязном белье! Обувная щетка в грязной кружке! Как свернуто одеяло!!!!» Вздывая клубы пыли, полетели на пол одеяло, щетка, кружка, чего там только не было. Но и это не удовлетворило мадриха, он влез в ящик с грязными ботинками, выкинул на балкон все двадцать пар, после чего хмыкнул в усы и удалился. Поскольку было уже 5 часов, Арношт решил пойти к маме на ужин. Но прежде он простоял около часа в ZKK [пункт раздачи еды], получил «картофельзуппе» и отправился в мансарду. Стоило войти, как мама закричала: «Арностель, ты съел у меня повидло. Что за жуткие дети!» – и вlepила ему затрещину. «Мама, это не я, может, это Рита или Томашек?» – «А я видела!» – вскричала Рита, и все стали громко ругаться. Поднялся страшный шум. Тут появляется господин Артур и возбужденно шепчет: «Эй, ребята, тихо! Эрнст, на станции можно сошлойзовать картошку. Пошли скорей!» Арноштик вытер слезу рукавом, снял с гвоздя «шлойзташку» [сумку для стаченного] и пошел за отцом.

На углу у станции была огромная гора картошки, которую охраняли СП-маны, геттовахманы, и прочие лица из органов безопасности. Отец с сыном подкрались к картофельной горе и, следя за тем, чтобы их не застукали, стали рассовывать картошку по карманам. Вдруг по горе пронеслась тень. «СП-ман», – смекнул господин Артур и, оставив Арношта на произвол судьбы, бросился наутек. Тот же, ничего не заметив, продолжал шлойзовать. Но тут чья-то рука вцепилась в его плечо. Арношт попался. «Вас махст ду да? [Ты что здесь делаешь?] – раздался мерзкий голос. – Ду вирст мит мир ауф ди вахштубе геен» [Пойдешь со мной в участок].

От страха у Арноштика подкосились ноги. Заикаясь, он промямлил: «Абр хехехерrrrrrr СП-ман мммир хахат дер папа да гелассен...» [Но, г-н СП-ма-ма-ман, ме-ме-ня здесь па-па-па-

1. «Еще один недотепа» (идиш).

па оставил]. Но это не помогло, и Арноштика повели в участок. Он ревел во весь голос – ноль внимания: СП-ман был неприступен. И тут Арношт сообразил, что делать. Он успокоился и теперь мелкими шажками семенил за СП-маном. Улучив момент, он ловким движением вернулся из рук СП-мана и бросился наутек. СП-ман орал как резаный, но Арношт уже был далеко и ничего не слышал. С отцом он встретился у мамы и получил взбучку за недостаток бдительности.

Когда на другой день Арноштик вышел на улицу, а было это, думаю, 23 января, он остолбенел от ужаса. Перед ним во всей красе предстал тот самый СП-ман. У Арношта задрожал подбородок, но, к счастью, СП-ман не обратил на него никакого внимания. Арноштик на радостях побежал к маме. Та как раз ждала его: «Мне нужно к врачу, поиграй с Ритой и Томашеком, будь к ним внимателен», – велела мама. Арноштик начал рассказывать им историю: «Давным-давно неподалеку от большого города Литомержице был построен собор в честь святого Пепы. Это был очень красивый собор, весь красный. Служили в нем 22 монаха и два аббата. Эти 22 монаха были большими неряхами...»

«Это ты съел мамино повидло?» – спросила Рита.

«...И когда их неряшество достигло предела, был учрежден новый порядок, которому все без исключения были обязаны подчиняться. Но и тут нашлись такие, которые пришли в умывальню и говорят: “Для контроля мыть обе ноги или одной достаточно”?»

В этот момент двери мансарды распахнулись и вбежала мама, вся красная, в глазах застыл страх. «Что с тобой, мамочка?» – спросил Арношт. «Дети, я получила повестку, мы в транспорте, быстро собираемся! Ты, Эрнст, иди к себе и принеси вещи». И тут мать начала вытаскивать вещи из одного чемодана и запихивать в другой, из другого – в третий. Потом утерла лоб рукавом и стала все перекладывать обратно. Явился папа Артур, сообщил, что идет искать протекцию, и удалился. Дети распищались, никуда они не поедут, как будто их кто-то спрашивает. Отец оббил пороги всех ведомств, от «Раумвиртшафта» [отдел распределения жилплощади] до «Югендфюрзоре» [отдел детей и молодежи], но так и не смог ничего добиться.

Близилась пора отъезда. С тяжелыми чемоданами все впятером (за исключением Томашека, который держал в руке соску) они пошли к станции. Там они увидели скотовозы. «С нами и коровки поедут?» – спросила Рита. «Наверно», – ответил Арношт. Коровки не поехали, зато Мейзельшвейны после долгого ожидания уселись в вагон и, стиснутые со всех сторон и при этом блаженно улыбаясь, принялись за обед. Вагоны тронулись с места, и семья Мейзельшвейнов медленно поплыла навстречу новым приключениям...

Кошуля

«Камарад» № 9 – 12. Иллюстрация к рассказу Кошули «Приключения семьи Мейзельшвейнов» в Терезине. БТ

№ 10, 7.1.1944

События недели

Этим номером мы отмечаем Новый год и празднуем десятый выпуск нашего журнала. Я надеюсь, что первый номер 1944 года будет не только звеном в цепи последующих, но новой вехой. Оставим прошлому прошлое и – вперед! Могу сказать, что до сих пор с «Камарадом» все шло отлично, за исключением одной пятницы, когда он не вышел – из-за очень тяжелых событий. Благодаря общим усилиям журнал продержался уже два с половиной месяца. ... Он сделался нашим близким другом, сросся с нами. И это здорово! Издавать журнал стало такой же насущной потребностью, как ходить в «пишкOLONну» или влюбляться. ... Ныне в журнал пишет весь дом, и надеюсь, что так будет продолжаться и впредь.

Згебанина

Как я пролетел с хлебом

«Хлеб, выдают хлеб!» – разнесся по коридорам Q 609 голос Отто Ледерера¹. Хлеб – как мы устали его ждать. К тому же раздают сахар и маргарин. «Повезло, – думаю, – получу все сразу и разделю по дням, чтоб на неделю хватило». Так я и сделал – вернул хлеб, который задолжал, осталось у меня четверть пайки. «Да, на этом вряд ли долго протянешь, – подумал я, – съем-ка сразу одну шестнадцатую, а три шестнадцатых припрячу». Не удержался, намазал хлеб маргарином, а сверху посыпал сахаром. Вкуснятина! А, будь что будет», – подумал я и отрезал еще кусочек.

Вскоре от четверти пайки и двадцати граммов маргарина остался один пшик. «Спрячу хоть сахар», – решил я. Пересыпал его в кулек и положил на полку. «Все, не притронусь!» Но мысли о сахаре не давали покоя, чертов кулёчек так и манил к себе. В полдень я сдался. Съел весь сахар и думаю, как же теперь быть? Да еще и без хлеба?! Весь день я терпел, но вечером пошел одалживать. Снова-здорово, этому нет и не будет конца. В Терезине из долгов не вылезешь.

Супайда

Кошка

В полвторого ночи раздался страшный вопль. В постели между Фреди и Левушем оказалась кошка. Послышался смех и голос: «Иди вон, вон отсюда, зараза!» Мы проснулись, решили, что у нас крыша поехала. Но Мыдлайс сказал, что видел, как кошка убежала. Мы закрыли дверь, чтобы она снова не пришла. Через какое-то время Мыдлайс собрался в уборную, открыл дверь и как заорет: «Вон отсюда, вон!» Кошка, оказывается, ждала за дверью. Печек, который ворчал, что и ночью ему нет покоя, встал и отогнал кошку от двери. После чего мы проголосовали за соблюдение тишины во время сна. Тем и кончилось ночное приключение с кошкой.

Марцел Шварц

Купание

Перед центральной баней собрался народ. Когда мы пришли, баня еще была закрыта, и мы встали в очередь. Наконец она открылась, и мы пошли в раздевалку. Мыдлайс пролез без талона. Мы в бешеном темпе разделись – успеть бы занять место под душем. Все голые

1. Отто Ледерер (1921 – 1944, Дахау). «Отто Ледерер занимался с ребятами гимнастикой и, чтобы они не скучали – дети до 12 лет не работали, школа была запрещена, – придумал им занятие, театр марионеток». Из письма Ханы Райнеровой, 1991. ЕМА

уже зашли в душевую, я схватил мыло и мочалку – и айда за ними. Пристроился к нашей компании, снял «деревяшки»² и положил их вместе с мылом и мочалкой в угол. Пришел Оскар Крафт и включил душ. Сначала шла холодная вода, но постепенно она потеплела. Незабываемое ощущение! Через десять минут вода стала горячей, и все принялись мылиться. Мыдлайсу выпала честь всем намылить головы, вот радости-то было! Мы снова влезли под душ, вода уже была еле теплой и вскоре стала ледяной. Мы стали скакать и беситься, и тут воду отключили совсем. Мы побежали в раздевалку, обсохли, оделись. И все бы здорово, если бы я не подхватил насморк, а у Ивана не поднялась температура. В Терезине все так.

Петр Бек

2. Деревянная обувь, сабо.

События недели

Читатель! То, на что ты глядишь с тоской, – только лишь часть издания, именуемого «Камарад». (Только не подумайте, что я собираюсь делать рекламу этой бульварщине!) Шеф-редактором издания является Иван Полак, по кличке Згеганина. Он сам его переписывает и иллюстрирует. Как-то раз одной умной голове пришла в голову смелая мысль: а не стереть ли этот «Камарад» с лица земли! Злоумышленник потерпел крах, ибо на помощь подоспела голова еще более умная и отняла у него номер журнала, которому грозило уничтожение.

В половине третьего Фреди Кляйн попросил у Ивана почитать «Камарады». Иван согласился отдать все, кроме последнего номера. Но где последний номер? Поискав и так и не найдя его, Иван решил, что это чья-то глупая шутка и что журнал ему вернут. Он прождал до четырех часов, но «Камарад» так и не обнаружился. Иван сказал, что больше никому журнал в руки не даст, и ушел.

На нас напала детективная горячка, все искали вора; сошлись на том, что это не кто иной, как Гонза Корец, и решили устроить ему индейскую пытку. Мы привязали его к нарам, ребята (Т. Ганс и М. Шварц) проявили невиданное бесстрашие, они щекотали и таскали за волосы бедную жертву. Сквозь весь этот гам пробился голос Вассермана: «Включите свет, мне нужна посуда для маргарина!»

Как только мы включили свет, влетел Пепа и громовым голосом произнес: «За включение света до пяти вы наказаны: «лихтшпере» [запрет на включение света]». Все так расстроились, что даже пленного отпустили.

Настал вечер. Мы уговорили Пепу отменить «лихтшпере», но из-за жуткого беспорядка Ота и Рита отказались участвовать в нешеве. На ужин была каша и вкусные бутерброды. Потом встал Шулина и небрежным жестом подал Ивче десятый номер, который тут же угодил в лужу на столе. Как выяснилось, «Камарад» был взят им и Вассерманом в качестве трофея. Было это так: Шулина запер Ивчу в уборной, а в это время Вассерман сошлойзовал журнал. Тем и завершилось Великое Похищение «Камарада» в доме «А».

Кошуля

№ 11, 14.1.1944

Объявление!

§1. Запрещается на «Кто идет в ЗКК?» отвечать «Je vi!»¹. За это нарушитель схлопочет кое от кого по шее.

§2. В 21.00 должна быть полнейшая тишина, дабы дрыхуны могли спать. Нарушитель будет передан в руки дрыхуна Блейера.

§3. В наших общих интересах ложиться вовремя, тогда мы сможем встать в 7 утра.

Предводитель дрыхунов – Мыдлайс.

№ 12, 21.1.1944

События недели

13-го в четверг по Терезину разнесся приказ: в течение суток Гамбургские казармы должны быть полностью освобождены. «У нас будут новенькие, так что решайте сами, кого принять», – сообщил вечером Пепа Крамер. Мы проголосовали за Петра Винера, по кличке Пейда. А уже утром к нам переехал Миша Стрениц. Вечером в контору вызвали Павла Фельдмана², чтобы тот поручился за Пейду. И вот посреди нешева двери отворились, и к нам пожаловал Пейда с родителями. Он разложил свои вещи на койке и присоединился к нешеву. Как только мы закончили чтение «Камарада», Миша вызвался играть капитана потонувшей подлодки, для чего извел массу воды. Бедняга был весь мокрый; вода залилась в перископ, то бишь в рукав пальто. До самой ночи Миша сушил свои вещи, у нас аж животы разболелись от смеха. Так закончился наш развеселый нешев.

Фреди Кляйн

Зависть

Иду в диетическую столовую. По дороге останавливаюсь. Зачем? Чтобы увидеть настоящую зависть. И голод. Несколько женщин просят подаяния около кухни. Мимо них проходят за пайком люди. Женщины просят у каждого. Они голодные. Один господин из чехов отказывается от супа. «Вы не будете суп? Я голодна», – обращается к нему одна по-немецки. Господин по-немецки отвечает: «Нет». Вокруг него столпились несчастные. Господин в растерянности. Кому дать? Но тут ему Бог помог.

Он увидел женщину, стоящую чуть поодаль. Высохшая, тощая, изголодавшаяся. И он двинулся к ней, окруженный свитой попрошайек. Взял из ее рук пустую миску и дал свою. Оказалось, что женщина из Германии. «А почему не мне?! Я – чешка, и вы – чех. Пожалейте своих! – раздавались ему вслед голоса. – Господин, вы же чех, где ваше благородство!» Но сердце господина тронула именно эта, замерзшая, исхудавшая женщина. Страдая от голода, она не утратила честь.

Петр Фройнд

Пропала менажка³

«Черт, где моя менажка?» – разоряется обезумевший житель «А», обнаружив пропажу талона на еду. Он рыщет по комнате, перетряхивает все постели – менажки нет как нет. Он уже так устал – о том, что ждет впереди, ему и подумать страшно. «Динстштелле» [отдел

1. Дословно – «Ты бык» (чешск.). Ругательство, употребляется в значении «идиот, придурок» и т.п.

2. П. Фельдман и П. Вейнер прибыли в Т. 30 ноября 1942 г. из города Клатова.

3. Менажка, «Esskarte» – талон на еду. Пропажа талона – архетипический сюжет, фигурирующий почти во всех детских и взрослых журналах и конечно же в лагерном кабаре. В кабаре Швеев история с менажкой заканчивается трагически: после долгих поисков герой обнаруживает ее в своем кармане, счастливый, бежит за едой – но увы, раздача окончена.

ŠTVAČOVA TAJNÁ VYSILAČKA VOLÁ...

трудоустройства] – где должны выдать новый талон, «Крипо» [отдел сыска], где он должен заявить о потере, и прочие терезинские организации. Сделав первый круг, он несолоно хлебавши идет в «менажединст» [служба распределения талонов на еду]. Простояв целый час в очереди, он и там получает от ворот поворот: для ZKK требуется подтверждение от «хаусэльтестера» [старосты дома], заверенное «циммерэльтестером» [старостой комнаты]. Наш герой, оббив пороги всех указанных инстанций, возвращается домой в состоянии крайней невменяемости и... обнаруживает менажку у себя под матрасом. Господа, будьте бдительны, не спускайте глаз со своих менажек!

Петр Бек

№ 13, 28.1.1944

Случай по дороге в ZKK

11 часов. Иду в ZKK. Мимо проходит старичок со своим обедом. Вдруг он выронил миску, и суп пролился. Старичок нагнулся и стал ложкой собирать суп в миску. Думаю – какой несчастный старичок! И таких в гетто множество.

Павел Шимерл

№ 14, 4.2.1944

Вражеская подпольная радиостанция сообщает...

«Алло, алло! Сообщаем всем нашим слушателям прискорбную весть: господа Иржи Ганс, Пепечек Бехавый и Миша Стрениц простудились; позавчера утром поступило сообщение о том, что они оставили открытым окно на всю ночь. Вчера по этому поводу происходили бурные дебаты, вылившиеся в ссору между ними и объединенными силами противников в лице Фельдмана и Мыдлайса, к коим примкнули и остальные. Против Фельдмана выступил господин Иржи Ганс. Это была их совместная с Пепечком идея: беситься все то время, пока открыто окно. Фельдман же с Мыдлайсом, наоборот, хотели беситься при закрытых окнах. Стычка продолжалась полчаса, пока Мыдлайс (защитник «дрыхунов») не встал и не пошел за Отой. Далее – самое главное и абсолютно невероятное: господин Ганс и господин Бехавый были побеждены. Невероятно, но факт!

Далее сообщаем, почему господин Стрениц не умывается. Год тому назад бедняжка переболел плевритом, воспалением легких, скарлатиной и прочими болезнями. Холодная вода, по его мнению, наносит вред телу, а особенно такому нежному, как у него. При всем том он чистюля. Но позвольте, почему же он, лелея свое утонченное тело, носит одну и ту же майку и под свитером, и под пижамой?» Передача окончена, продолжение следует.

Аноним

VYCHÁZKA.

Прогулка

Однажды после обеда Рита предложила пойти гулять. Все согласились. Кроме Томаша. Он был не в духе, на него иногда находит. Но общими усилиями мы его уговорили, так что весь «А» во главе с Ритой вышел на улицу. Решили идти к Вестбаракам. Мы шли гуськом и через пятнадцать минут прибыли на место. Там мы скинули с себя пальто и начали спорить, во что играть. Решили – в воров и сыщиков. Шулинка нас рассчитал, и игра началась. Воров тут же поймали. Мы играли весь день до самого вечера, а когда стемнело, вспотевшие и довольные, пошли домой. С того дня Рите нет покоя, ребята все время на нее наседадут, чтобы вывела их на прогулку.

Пепе

Мужественный старичок

Спускаюсь по лестнице в В IV¹. Навстречу, держась за перила и помогая себе палкой, подымается старичок. К нему подбегает молодой человек и предлагает помощь. «Спасибо, спасибо, все в порядке», – отказывается старичок и мужественно идет дальше. Я спускаюсь по лестнице и про себя приговариваю: «Вот так мужественный старичок. Нужно написать о нем в «Камарад»».

Ирка Ганс

№ 15, 18.2.1944

Воюющий дом

Окажись посторонний воскресным днем 6 февраля в Q 609, он подумал бы, что население этого дома живет в страхе перед какими-то неведомыми грабителями. Иначе зачем вывешивать столь угрожающие надписи: «Осторожно, злая собака!», «Стоять, братцы, а не то будем кусаться!», «В доме куча злых собак, будь на стреме ты, дурак!»? Конечно, жителей Q 609 объявлениями не запугаешь, и все это было бы даже смешно, если бы под «злой собакой» Дом «Е» не имел в виду Полковника, нашу главную знаменитость.

Агенты враждующих лагерей начали ходить по комнатам и перетягивать народ каждый на свою сторону. На сторону Дома «Е» перешли гордые единоличники и «старенькие» из «Б1» и «Б3». А на сторону Полковника – вояки из «А», «Д» и «Б1». Битва была назначена на три часа, на гарнизонной горке. Но гнусные элементы из «Е» и не думали придерживаться соглашения и напали на «ашников». Они закидали их снежками, что последним, разумеется, не понравилось, и разразился снежный бой, причем полем битвы служила постель Левуша.

Когда «ешники» поняли, что битва проиграна, они со злости стали срывать с «ашников» шапки. «Ашники» в долгу не остались, они взяли в плен бойца Йоханку² и привязали его к лавке. Тем, кто пытался освободить пленного, был дан мощный отпор. И тут в открытую дверь вступило все вражье войско. Натиск его был столь силен, что в дело вмешались мадрихи и быстро выставили врагов из комнаты.

Гонза Йоховиц произнес на балконе торжественную речь, после чего был проведен

«Камарад» № 14. Заставка к рассказу Пепе «Прогулка»

«Камарад» № 14. Заставка к рассказу Ирки Ганса «Мужественный старичок»

1. Ганновские казармы.

«Камарад» № 15. Рассказ Гонзы Кореца «Воюющий дом». Боец Йоханка в плену.

2. Енда, Ян Кляйн (1930 – 1944).

смотр войск, завершившийся победным ревом. Увы, гордых бойцов из «А» ждал страшный финал в лице генерала Q 609, образца здравомыслия.

Поскольку снег растаял, он отменил битву на гарнизонной горке. Вместо этого нам предложили играть в контрабандистов и разрешили бегать по всему Терезину. Игра завершилась большим чаепитием с сахаром. Мы разбили неприятеля и при этом никак не могли утихомириться. И решили вот что: устроить четвертьфинал по шахматам, пинг-понгу, бегу и футболу между домами «Е», «А», «Д» и «С». Тем и закончилась святая битва.

Гонза Корец

№ 16, 25.2.1944

Объявление

Сегодня, 24.2.1944, в отопительном тресте кончились дрова, в связи с чем в Q 609, в Доме «А», была проведена акция по обрезанию ног у нар. Возглавил ее П.М. [Павел Маутнер], который, как мы знаем, и сам обчikan под горшок. Камчус сжалился над нашей единственной поломанной лестницей и починил ее. Сообщаем также, что во время дневного дежурства Гонза Йоховиц отводил Круцу в амбулаторию и поэтому мы остались без угля. После долгих разборок уголь принесли, но его хватило ровно на пять минут.

Бейк

Телефон редакции сообщает

Рубрика «Выпуск Камарада» исчерпала себя. Я решил открыть новую рубрику под вышеуказанным заголовком. Надеюсь, что она поможет мне поддерживать контакт с сотрудниками и понять недостатки и достоинства журнала. Хотел бы здесь сказать и о других вещах, касающихся «Камарада», так что приступим к делу.

1. Думаю, «Камарад» следует переименовать в ГАШУКРУБЕ, ибо, смею вас известить, что на сегодняшний день в нем сотрудничают лишь Томаш Ганс, ШУлина, КРУца и БЕйк. Очень надеюсь, что и остальные очнутся и примутся за дело.

2. Если ко вторнику не наберется нужное количество статей, я вообще не буду писать, я больше не намерен гоняться за ними всю неделю.

До встречи. Ваш Згеванина.

Забавный уголок. Большой (но не очень) конкурс. Первый тур.

Напиши названия 20 больших городов на буквы А и Б.

Напиши названия 10 рек Северной Америки.

Напиши имена 10 выдающихся личностей на букву М.

Напиши названия 5 известных опер и их композиторов.

Напиши имена всех известных тебе живописцев и скульпторов.

Редакция принимает ответы до 2 марта. Отнеситесь к конкурсу честно, не смотрите в атлас. Имена трех победителей будут опубликованы в журнале и отмечены дипломами.

Надеюсь, что в конкурсе примут участие все, желаю вам всем получить наивысшие баллы.

Здоровья и счастья вам! Ваш Згеванина.

Обложка 16-го номера журнала «Камарад». БТ

«Камарад» № 18. Заставка к рубрике
«Уголок врача». БТ

№ 18, 10.3.1944

Уголок врача

Открываю в «Камараде» новую рубрику и прошу принять ее без насмешек. Думаю, что в этом «углке» вы найдете для себя много полезного, прочтете интересные статьи о здоровье; читая рассказы о болезнях, – это я обращаюсь лично к господину Стреницу, – следите за тем, чтобы вы сами со страху не заболели.

Сначала я хотел бы рассказать об органах и организмах. Все организмы ограничены и замкнуты сами в себе. Живое тело, образованное из разных органов, и есть индивидуум (например, Ирка Хан). Органы делятся на «высшие» и «низшие». Низшие есть в любом индивидууме, без них никакое существо жить не может. Высшие же принадлежат лишь высокоразвитым индивидуумам. Например, руки и прочие конечности нужны не всякому живому существу. А без желез организм нежизнеспособен, поэтому они причисляются к низшим органам.

Ваш Томми

Губительная болезнь

Неделю тому назад по гетто разлетелась страшная новость. Случай брюшного тифа. Нужна особая бдительность. Это – смертельно!

В Терезин из какой-то страшной тюрьмы прибыл человек, весь завшивленный. В тюрьме он заразился и стал бациллоносителем. Врачи в Терезине заподозрили тиф. На второй день у больного поднялась страшная температура, а на третий все его тело покрылось язвами. Сомнений не оставалось – брюшной тиф. Тех, кто жил с ним в одной комнате, и тех, кто жил по соседству, перевели во второй двор Гамбургских казарм, там теперь карантин. В помещении произвели дезинфекцию. На третий день больной скончался. Пока о новых случаях сведений не поступало, надеемся, что этим все и кончится.

Томаш

Научный трактат о зеркалах

Зеркало (на латыни – «опоссум», по-еврейски – «рея», по-английски – «миррор») появляется там, где вспыхивает страсть к самолюбованию (чаще всего среди фраеров и балбесов). У нашего зеркала много тайных почитателей; но одного из них, усатого, мы знаем точно, и вот почему: если в пятницу кому-то из нас приспичит увидеть себя в зеркало, то, голову даю на отсечение, мы его не найдем. Оно исчезает по пятницам, во время подготовки к нешеву. Упрямцу, которому кровь из носу нужно посмотреться в зеркало, ничего не остается делать, как тащиться к фрау фон Пфенгель (фрау может и прогнать). А зеркало при этом находится у Герберта Гроте в его «протекторате».

Но не думайте, что зеркало у нас обычное. У Снегурочкиной мачехи зеркало тоже

было волшебным, из него глядело привидение, но куда ему до нашего! Стоит Оскару Пику или Левушу посмотреть в зеркало – в нем появляется бык. Реже – акула. То же бывает, когда Мыдлайс приходит от зубного врача. В остальном же зеркало как зеркало, на наше счастье, не разбитое. Пожалуйста, если вы моете уши перед зеркалом, делайте это аккуратно – не разбейте его!

Кошуля

Телефон редакции сообщает

...что Пуримшпиль удался благодаря тому, что Иван Полак, играющий царя Ахашвера, наконец забыл свою роль, о чем и сообщил на сцене. Томаш, который на репетициях покатывался над остротами Ивана, на сцене выглядел как настоящий Аман.

...на Пурим Дом мальчиков «А» в одночасье превратился в Дом девочек, на встрече было всего три парня.

...вчера, 10.3., после десятидневного пребывания в больнице, к нам вернулся «лемох» по имени Ота Вассерман.

...что до 18-го числа сего месяца ребята старше 12 лет будут призваны на работу, где они будут выполнять роль экспонатов «трудящейся молодежи».

...что, следуя пожеланиям ребят Дома «А», будет проведен второй тур конкурса «Камарада».

...что сегодня, 11.3., в полдевятого вечера, Ирка Гросс отправился в изолятор (в тот момент у него было 39. Надеемся, что он скоро вернется к нам живым и здоровым).

...что 8-го у Полковника Гонзы Йоховца был день рождения и ему исполнилось 24 года. В ночь с седьмого на восьмое мы хотели переодеться в призраков (читай стихи И. Полака), зайти в таком виде к Полковнику и зачитать стихотворение, которое сочинил для юбиляра наш поэт Иван Полак. Этот план сорвался, но милый Ивча успел переделать стих, и утром мы, в роли представителей армии союзников, все-таки зачитали его Гонзе (см. № 15). Гонзе наше поздравление очень понравилось, и он тут же рассказал нам отличную историю.

№ 19, 17.3.1944

Знаете ли вы что...

... 20.3.44 в блоке Q 609 было свыше десяти больных с температурой за 39?

... 20-го в изолятор был отправлен Марцел Шварц?

... Хан сдал в «Камарад» всего одну статью?

...Левуш – самый заботливый парень нашего дома, особенно в отношении больных; кличка «Лемох» перешла от него к Мише Стреницу?

...У 55 детей в Q 609 нет родителей?

...Мыдлайс – самый главный злоумышленник в Доме «А»?

... у Левуша уже зажило одно колено?

... наш поэт Иван Полак изобрел новое слово *ulejvanda* (отлыныщик)?

... уборная на первом этаже все еще не работает?

...Стрениц весьма одаренный музыкант и здорово исполняет на пианино песню «Прекрасная Прага» (только ее и умеет)?

... в Биркенау мы можем писать только раз в 14 дней?

... Ирка Ганс как только выздоровел, сразу понес чепуху. Знаете, кто такой кретин?

№ 20, 8.9.1944

Этим номером¹ мы возобновляем выпуск «Камарада», надеемся, что он не рухнет под напором лени и пассивности. Мы хотим, чтобы «Камарад» стал гордостью всего нашего дома, и верим, что это желание исполнится.

Не рассчитывайте на редактора, каждый обязан приложить все свои силы к тому, чтобы чтение «Камарада» стало не только забавой, но и обменом мнений насчет реальных проблем, которые нас окружают.

Да здравствует работа!

Иван Полак

Получено письмо

Милые мои ребята, редакторы, издатели, сотрудники и читатели!

Соскучившись по славной традиции «Камарада», вы выпускаете в свет новый номер. Пользуясь случаем, позволю себе высказать одно предположение. О том, почему исчерпал себя старый «Камарад». Вы считаете, что он развалился лишь из-за недостатка времени. Но вы ошибаетесь.

Это произошло потому, что вы, авторы, утратили живой, непосредственный взгляд как на новые, так и на общеизвестные вещи, у вас истощились идеи, но главное – пропал интерес к поиску сюжетов, пробуждающих мысль.

Живой интерес способен пробудить даже ленивых карпов, которые в тупом безразличии греются в заводи в ожидании смерти. Думаю, «Камарада» спасла от смерти работа на огородах. Вы резко переключились, мозги на время заклинило, и «Камарад» умолк. Так знайте – именно это и сохранило журнал, будущие номера были бы сплошной досадой: в редакционной папке остались вялые, скучные материалы; к счастью, вы поняли это сами и потому не хотели продолжать.

От той поры нас отделяет лето с его щедрым солнцем. На огородах вы загорели, набрали полные легкие свежего воздуха, поздоровели и подросли. Усилилась и растущая в нас надежда!

Вы изменились, и вот вы беретесь за новый выпуск старого «Камарада». Заявите о себе по-новому! Из прошлого сохраните лишь самую атмосферу радостного воодушевления, в которой родился и жил журнал. Будьте бойкими, и вас осенят неожиданные идеи, будьте усердными и искренними во всем, что хотите сделать. Много читайте и додумывайте мысли до конца! Продируйтесь сквозь вихри мыслей и идей. Сортируйте их, вышелушивайте из них зерна подлинности, чистоты и благородства.

БУДЬТЕ ТОВАРИЩАМИ – И БУДЕТЕ ЛЮДЬМИ. ЭТО И ЕСТЬ ВАША ЦЕЛЬ!

Ваш Ота Блейер.

Вспоминаем...

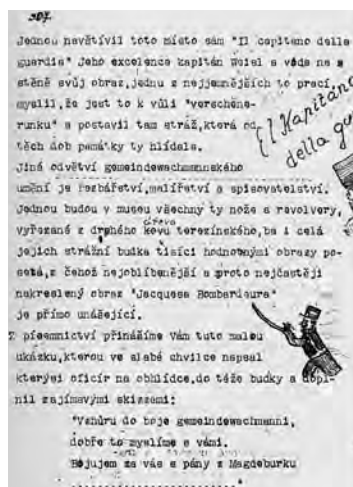
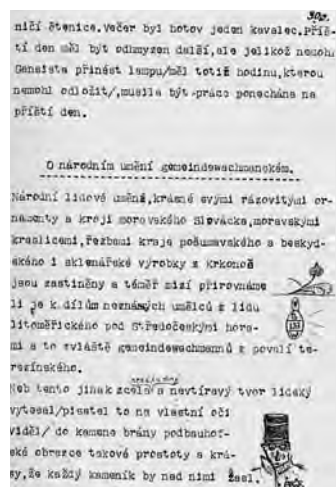
Прошел год с того времени, как из Ганноверских казарм уехало много наших друзей. Мы все еще вспоминаем их, по прихоти судьбы оказались они далеко от нас, будь судьба по-милосердней, они были бы с нами и сегодня.

Уже целый год, как ушли они из дому, исчезли из виду. Исчезли из виду, но не из нашей памяти, этого не случится никогда!

1. Этот и последующие два номера напечатаны на машинке. К работе активно подключился Ота Блейер, видимо, он и перепечатывал журнал. В № 20 – 22 имена авторов, как правило, не обозначены.

О народном искусстве «гемайндевахманов» [еврейских охранников]

Народное фольклорное искусство славится многообразием орнамента – взгляните на национальные костюмы моравских словаков, на моравские крашенные яйца, на резьбу из Шумаковского и Бескидского краев, на кроношские изделия из стекла, – но все это меркнет перед произведениями, созданными безымянными народными умельцами, проживающими в Литомержецкой области, в горах Средней Чехии, и называющими себя гемайндевахманами – то бишь терезинскими лодырями.

«Камарад». О народном искусстве «гемайндевахманов». Стр. 306. БТ

Неброский и скромный человеческий образ вытесан (пишущий видел его своими глазами) в камне в подбауховской галерее² и являет собой образец такой чистоты и красоты, что любой каменотес пал бы перед ним на колени. Однажды галереею посетил сам «Il capitano della guardia» [капитан гвардии], его величество капитан Вейзл, и, увидев на стене свой портрет, выполненный с невероятным изяществом, подумал: а не выставить ли караул, чтобы не исчез сей шедевр после «приукрашивания». Памятник охраняется и по сей день.

Другими направлениями в творчестве гемайндевахманов являются резьба, живопись и литература. Придет время, и ножи и револьверы, вырезанные из терезинского дерева, а то и вся сторожевая будка геттовахманов займут почетное место в музее. Хотя будка и сама по себе является музейным экспонатом, в ней – тысяча рисунков: вдохновленные образом «Жака Бомбардира», художники изобразили его в самых разных позах.

Приведем небольшой пример из литературы, созданной офицером во время несения караула. В минуту душевной слабости он начертил на стене будки вот это:

Вставай на бой, гемайндевахман,
С паханами Магдебурга войю
Пусть они тебе покажут

Дальнейший текст, увы, стерт, но и эти строки дают представление о высоком уровне гемайндевахманской литературы.

2. От Bauhof (нем.) – строительный двор, рядом с ним была мастерская («Лаучарня»), где зэки производили по заказу скульптуры и керамические изделия.

№ 21, 15.9.1944

Рош Хашана 5705

К шестому дню слихот¹ наступит полнолуние и вместе с ним – еврейский Новый год. Через два дня мы будем вспоминать проступки, которые мы совершили в уходящем году, и, взяв из прошлого то лучшее, что в нем было, вступим в новую пору жизни. Как туристы, которые с каждым витком серпантина приближаются к желанной цели – вершине горы, так и мы в дни слихот готовим душу свою к яким нораим – страшным дням. Наверное, евреи – единственный народ в мире, который не ликует и не радуется тому, что минул еще один год жизни, напротив, два дня напролет горюет и плачет в синагоге и боится, что страдания его еще умножатся. В это время во всех уголках земного шара собираются семьи и общины, которые в слезах и страхе перед будущим зажигают свечи и два дня напролет, не разгибая спины, читают молитвы, дабы услышаны были они на небесах и разжалобили Бога, дабы смилился Он над судьбой избранного Им народа. Души, укутанные в траурные одеяния, будут благодарить и славить Создателя во всем еврейском мире. И в пять тысяч семьсот пятый раз прозвучит клятва «На будущий год в Иерусалиме».

Наверное, никогда еще в Рош Хашана не стоял еврейский народ на границе двух эпох, как это случилось сейчас. Никогда не было у него столь ясного ощущения, что он вступает не только в Новый год, но и в совершенно иную фазу жизни. Ни у кого не осталось сомнения в том, что в ближайшее время нас высадят на перекрестке, где и решится наша судьба. Оттуда протянется много дорог, они разбегутся во все стороны и поведут к бесчисленным целям. Не ждите того момента, когда нужно будет быстро принять решение и выбрать ту единственную дорогу, которая приведет вас к цели. Обдумайте все это спокойно заранее. Было бы страшно обидно тратить свое будущее зря, идя по неправильно выбранной, тупиковой дороге. Нужно извлечь все позитивное из опыта прошлого и настоящего, и тогда у вас будет значительное преимущество перед сверстниками, которое вы сможете с легкостью реализовать. Не столь уж важно, каким путем идти, главное, выйти на него с верными и чистыми помыслами².

Получена открытка из Праги

В полдень, когда вы после работы возвращаетесь домой, вам сообщают уже в коридоре: «Тебе пришла открытка из Праги». В радостном волнении вы прибавляете шаг, думая про себя: «От кого бы? От дяди? Нет, он недавно писал. От возлюбленной? Та давно меня забыла. Может, от Петра? Или от господина доктора? Или из дому? Ладно, увидим».

Не успели войти в дом – вас уже приветствуют сразу три голоса: «На столе открытка из Праги». Вы обалдеете от счастья, но открытки на столе не найдете. «Эй, ребята, а где почта? – робко промолвите вы. – Куда она подевалась?» И начинается: ищите под нарами, в коробке для бумаг, за печкой, на своей полке, на чужих полках. В результате находите открытку на своей постели. «Победа!» Скорей читать. Левым глазом пробегаете по адресу (похоже, это от господина доктора, надо же, он переехал – здесь написано Регнартова, 8, раньше он жил на Белцредного), а правый уже читает (при этом вы испытываете страшное возбуждение, как и бывает в такие минуты): доктор вас приветствует, у него все в порядке, надеется, что и у вас все в порядке, и как поживают родители, ответьте поскорей. С приветом доктор такой-то. «Замечательно, надо бежать к маме, вот она обрадуется, что

1. Сливот (от «слиха», ивр. – просьба о прощении) – новогодние молитвы в иудаизме.

2. Скорее всего, это новогоднее напутствие Оты Блейера.

с доктором все в порядке, а то она постоянно волнуется, что в Праге нечего есть». «Ну что?» — интересуются ребята. Хотя перед тем, как вы пришли, они уже изучили открытку до последней буквы. Вы отвечаете, что все в порядке. Зачитываете текст вслух. Доходите почти до конца, но тут появляется еще один любопытствующий, и вы начинаете снова. Вы выходите, чтобы всему миру поведать прекрасную новость. По дороге вас будут останавливать люди, которые вас искали, поскольку слышали, что вы получили открытку из Праги. Они будут спрашивать: ну как там? Тем, кто не спросит, вы сами расскажете.

А теперь остается самое трудное — написать ответ господину доктору, но об этом — в следующий раз.

Курниц

Как Томаш Ганс над нами прикалывался

В понедельник в восемь утра Томаш решил поприкалываться. Завернулся в одеяло — и давай вещать. «Как эксперт по ковбойской литературе, раскрою вам одну тайну. Я лично прочел все номера Rodokaps'a³. Когда мне в руки попадают ковбойские романы, я смотрю начало, прочитываю несколько предложений и пробегаю взглядом по именам. У старого богатого фермера хорошенькая дочурка Сюзанна, Пегги, Дана — выберите имя по вкусу, — в нее втюрился бедный ковбой Джим, Жак, Билли и т.п., который служит у врага ее отца; он и выдает ей тайну. Оказывается, его хозяин собирается присвоить себе все добро ее папаша. Налет на ранчо «Красная семерка», принадлежащее папаше нашей очаровательной героини, по фамилии Вильсон, Смит, Блейк и т.п., намечен завтра в полночь. А дальше все понятно: они поженятся».

Затем Томаш рассказывает о Rodokaps'ких детективах, и, в завершение, последний прикол: спряжение латинских глаголов.

Как вы думаете, зачем он над нами прикалывается?

Ответ в следующем номере.

Аноним

О врачах

Сегодня я расскажу вам о людях, с которыми наша жизнь в детдоме тесно связана, но о ком мы в «Камараде» писали мало или вообще ничего — о врачах.

Стоит заговорить о врачах, как в воображении сразу возникает йод и всяческие мази, которыми провоняли поликлиники, шприцы для инъекций и клещи для выдирания зубов. Об этом я говорить не собираюсь, ибо если бы я стал описывать, как врач обрабатывает пронтосилом (средство для очищения крови) гноящиеся раны, вы бы представили себе обычного среднего врача. Но это не так. Врач врачу рознь. Не нам судить об их профессиональном уровне. Одни врачи хорошие, другие — плохие. Одни работают ради денег, другие ради славы, третьи, и таких множество, получают физическое и душевное удовлетворение от самой любви к страдальцам. Самые лучшие врачи живут в Терезине. Врачи по призванию, настоящие борцы со смертью. И в каких страшных условиях приходится им работать! Но и тут не без исключений. Наверняка вы знаете таких врачей, как Роберт Кон, Давид Бруце, Август Вассерман и Арнольд Ирасек. Но пред именем знаменитого доцента Шмейдлера, по прозвищу Шмейда, меркнет и их слава! Приношу свой скромный очерк в дар будущему биографу — пусть вольется еще одна капля в море славы нашего героя.

3. Чешский приключенческий журнал.

Нынче он принимает в амбулатории Q 710 с восьми до девяти. Там вы можете вволю поговорить с ним о вашей болезни (т.е. о составе футбольной команды на следующем матче или поисках нового центрального нападающего). Но и это не предел его возможностей. Представьте, он регулярно приходит к нам до обеда, интересуется больными, и, если кто-нибудь пожалуется на боль в животе, он, пользуясь своим огромным опытом, заглянет больному в горло и закапает в глаза. Любой другой врач после обхода тут же уходит, но доктор Шмейдлер поступает иначе. Усаживается за стол, где мы занимаемся, хлопает меня по плечу и спрашивает учителя: «Ну, как у Шулинки с учебой?» И тотчас сам себе отвечает: «Хорошо, зато в футбол он играет плохо». (Доктор – яростный фанат футбола, зуб даю, он не пропустит ни одного матча или тренировки, даже в пять утра.)

Этот вопрос он задает ежедневно. Но однажды случилось вот что: вошел доцент Шмейда и, спросив: «Ну, как у Шулинки с учебой?» – ответил: «Плохо, зато в футбол играет хорошо». (Накануне был матч, и в виде исключения я играл неплохо.)

Я сидел как вкопанный и смотрел на него во все глаза. Что такое – он даже по плечу меня не похлопал. Такого еще не было...

На следующей неделе у нас был матч, и первую половину я играл плохо. И тут его величество доцент Шмейдлер заступился за меня перед Пепой Крамером, сказав ему, что хорошо учиться важнее, чем играть в футбол.

Сегодня мы узнали, что даже у самого лучшего, самого самоотверженного врача есть слабости, так что никаким врачам полностью доверять нельзя.

Прим. редакции: Может, Шмейда и за «Дракона» болеет из жертвенности – наверное, думает, что, кроме него, за этих бедолаг никто и болеть не будет.

Шмалхоф¹

Ты готов?

Нет никого, кто бы не задумался над этим вопросом. Но всем «некогда» искать на него ответ. Некоторым вообще все безразлично. Лучше играть в футбол, чем тратить силы на размышления. Эти и часа в день не потратят на подготовку к будущему. Зачем им портить игру работой и размышлениями? Мы же в Терезине, зачем разбазаривать силы впустую? У нас свои заботы – чем бы подкрепиться, где раздобыть мяч, кто сообщит ребятам, что на бастионе скоро начнется торжественный парад. Но должен вам сказать, что этот *provisorium*² скоро кончится. Между тем из мальчиков, которые прибыли сюда два года тому назад, выросли четырнадцатилетние, а то и пятнадцатилетние юноши, а это уже возраст ответственный. Мы знаем, что вернемся «домой», но теплого гнездышка там уже не будет. Будет семья, к которой ты принадлежишь, и тебе нужно будет строить с ней новые отношения. Ребята, которые привыкли жить одним днем, могут растеряться. Главное для них – это развлечения, у них нет ответственности перед собой, своей семьей и своим народом. Каждый человек должен быть востребован, и даже если лучший из лучших получит крохотный участок работы, все равно он внесет свой вклад в общее дело. Помните об этом!

И не пытайтесь сваливать вину за свою отсталость на Терезин. Скажите честно, что вы просто не думали о будущем, что вам хотелось одного – развлекаться. Никто не имеет права обкрадывать вас, лишая забав, после работы самое время поразвлечься. Делу время – потехе час. Помните – вам многому еще предстоит научиться.

<Ота Блейер>

1. Шулина (Ирка Шульхоф) описывает своего отца, доктора Ярослава Шульхофа.

2. Временность (лат.).

...В то время я учился в реальном училище в Густопечи, и был у нас там ученик-еврей. Я его сторонился, смотрел на него свысока. Мы его доводили, вели себя с ним совершенно не по-христиански. Вообще-то парень был добрый, но не умный, учился плохо и как таковой отнюдь не улучшал нашего отношения к еврейской нации...

Как-то летом поехали мы всей толпой в Палавские горы. На обратном пути остановились поужинать в ресторане в Дунаевицах: пили вино, пиво, взрослые курили, учителя обменивались остротами, мишенью, как водится, был Леопольд. Зашло солнце. Леопольд встал из-за стола и ушел. Мы пошли его искать – и нашли. Стоит за воротами с ремешком на лбу, вроде как молится. Ребята отошли на какое-то расстояние и стали его дразнить. Я тоже пошел посмотреть. Никогда не забуду, как порастил меня Леопольд: он спрятался за воротами, залез в самую грязь, лишь бы никто его не увидел, и там кланялся и молился. Тут мне стало не до шуток. Мы резвились, а Леопольд не забыл о молитве. В тот момент во мне случился переворот, антисемитизм мой, хотя и не был преодолен полностью, был подорван его верой.

Если бы Масарика спросили, как он относится к евреям, он бы усмехнулся и сказал, что не разделяет людей на евреев и неевреев и что оценивает каждого по его заслугам. Он старался объективно относиться к евреям и неевреям и судить о тех и других по их жизни и поступкам. Но в молодые годы он подпадал под разные влияния и не всегда мог с ними справиться. Со времен Польненского процесса³ евреи привыкли относиться к Масарику не-критично, они считают его юдофилом, безоговорочным другом всех евреев.

Но юдофилом Масарик никогда не был. С детства он слышал, что у евреев якобы руки в крови. От этого суеверия он освободился, но еще долгое время считал, что евреи в определенном смысле тормозят политическое, национальное и государственное развитие чешского народа.

Была в этом и доля правды: возьмем, к примеру, еврейские корчмы. Однако Масарик понимал, что не евреи, или не только евреи, были в этом виноваты, но вся государственная и общественная структура, давление обстоятельств, система управления и проч. Как говорится, каждый народ имеет тех евреев, которых заслуживает. В Англии, к примеру, еврейский вопрос отсутствует.

<Ота Блейер>

Телефон редакции

Алло, алло! Похоже, вы все уснули. Только трое сдали материалы – Фреды Кляйн, Ирка Ганс и Оттик Вассерман. Если так и дальше пойдет, вы сорвете выпуск «Камарада»... или мы сами будем писать все статьи. Представьте, как будет выглядеть журнал!

Ваши головы – неисчерпаемые источники тем. Не бойтесь критики. Увидите, чем лучше будут ваши статьи, тем лучше будет «Камарад». Что вы обещали? Что предложите новые рубрики. Так где же они?

Хочу написать в «Камарад», или Писательские страсти

Полдень. Время есть, а делать нечего. Мелькнула мысль – напишу-ка в «Камарад». Но о чем? А, знаю! О нашей прогулке.

«Томаш, бумагу и карандаш! Хочу написать в «Камарад»».

3. В 1899 г. в лесу у города Польне в Чехии был найден труп девушки. В убийстве был обвинен еврей Гольцнер, которому якобы была нужна христианская кровь для ритуальных нужд. Масарик выступил с протестом против этого обвинения, за что его назвали «еврейским наймитом».

«Бумаги у меня нет, а карандаш самому нужен», – бурчит он в ответ и дает кусок тряпки. «На этом не пишут!» После того как мне удалось добыть нормальную бумагу, началась охота за карандашом. Еще 15 минут – и Стрениц жертвует мне жалкий огрызок. Наступает пора творчества.

Но ничего не выходит. Забыл, о чем хотел написать. Чиркаю бумагу, соплю, в конце концов спрашиваю Томаша – что писать?

«Не знаю», – отвечает он.

Но мне нужно сдать материал в редакцию! Думаю, думаю... – и чем же кончилось дело? Провалом.

Встреча одиннадцать лет спустя

Ненастный осенний вечер. Накрапывает дождь. Звенят трамваи. Вожатый крутит рукоятку. Ругается. Гудят клаксоны. Большой город в постоянном движении. Дует противный холодный ветер. Люди спешат поскорее добраться до дому. Дождь усиливается. Разносчики газет бегают с угла на угол. Из-под ног брызжет грязь. В окнах доходных домов зажигается свет. Дождь переходит в снег. Слякотно. С огромной скоростью несутся облака – то разлетятся в стороны, откроют прогалину со звездами, то снова закроют все небо. Поздняя осень 1955 года.

Укутанный в пропахшее нафталином зимнее пальто – зависелось в шкафу, – я быстро шагаю по Водичковой улице. Иду, глубоко упрятав руки в карманы – портфель под мышкой, воротник поднят, – и думаю о сегодняшних неприятностях в конторе. Как пан Свобода рассердился и ушел, хлопнув дверьми. Как я испортил дело, указав на ошибку в налоговой декларации, и как... Бум! Кто-то врзался в меня с такой силой, что с меня слетела шляпа, да прямо в грязь.

«Послушайте, вы что, ходить не умеете по-человечески?» – воскликнули в унисон два голоса, мой и визави. Чистой перчаткой я пытался счистить грязь с моего перепачканного головного убора. (Должен заметить, что, столкнувшись, мы оба нагнулись – он за моей шляпой, я – за его перчаткой. Обменявшись вещами, оба пробурчали «пардон».) Хотел было я пойти дальше, но тут он уставился на меня, выпучил глаза из-под густых бровей и как закричит: «Привет, Круца! Откуда ты, дружище, взялся? Сколько лет, сколько зим, а?» Хватает меня за руку и изо всех сил ее пожимает. «Ггггоспоодин, чччччч вы себе пппппозволяете?! – говорю я, заикаясь от волнения, ведь такое не каждый день происходит. – Вы вообще знаете, с кем говорите?» – «С тобой, с Гонзой Корецом, ясно как день». – «Господин, – повышаю голос, – будьте добры, объясните, с кем имею честь беседовать в этот ненастный час?» – «Хм, никак я с ума сошел, – говорит он с неподдельным огорчением. – Я – прокурор Вассерман. Почему-то я подумал... Нет, это невозможно...» – «Прокурор Вассерман? Вас-сер-ман? Нет, я такого не знаю» – «А разве вы не Гонза Корец, который в сорок третьем и сорок четвертом жил в Терезине? – спрашивает он неуверенно. – Извините, кажется, я обознался, но так похож, так похож...» Тут уж и я глаза выкатил: «Откуда вы знаете? Вы что, там были? Или вы видели меня в Италии? На Ривьере? Где? Объясните скорей, а то ужасно холодно», – говорю я, стирая мокрый снег с лица. «Так что, не узнаешь? Или шутить изволишь? Ведь я же Пугало, мы вместе...» – «Ну наконец-то! Отик, друг мой, как же ты изменился! Расскажи, как ты, куда сейчас-то идешь?»

Пугало, а ныне прокурор Вассерман, посмотрел на меня серьезно, сощурил глаз и тем же

тоном, что и одиннадцать лет тому назад, сказал: «Не сходи с ума, сначала надо найти сухое местечко, представь, еще секунда, и мы бы разошлись. Бежим, трамвай! Тебе куда?» — «В Дейвицы». — «Смотри, семерка! Доедем до Народного театра. А ты куда?» — «На Смихов, к друзьям. Скорей, нужно его догнать. Он уже останавливается!»

(Продолжение следует...)

...К сожалению, продолжения не последовало. 23 сентября жителям гетто было объявлено о предстоящей депортации. За один месяц (с 28 сентября по 28 октября) все наши журналисты были уничтожены в Освенциме. Но чтобы не расставаться с «Камарадом» на такой горестной ноте, мы продолжаем публикацию. На очереди — романы. Одни переведены полностью, другие — частично, третьи просто пересказаны.

Романы с продолжением

Гонза Корец Жертвы моря

32°20' западной долготы и 45°3' северной широты. «Да, это здесь», — объявляет старший заместитель капитана и, взглянув еще раз на секстант, направляется к капитанскому мостику. Семь часов назад здесь затонула французская подлодка «Ла Фонтане». На крейсере грохот цепей, огромный водолазный колокол готов к спуску на помощь потонувшей подлодке. На капитанский мостик выходят шесть матросов в скафандрах. Огромные серые волны омыают водолазный колокол, который медленно погружается в воду. 4 часа 35 минут. Где-то внизу, в мутной воде, лежит злосчастный кит. Подводники неотрывно смотрят в воду. Вокруг них противный зеленый мрак. Давление растет, они уже погрузились на 70 метров. Перед окном мелькнуло огромное тело кита. Водолазный колокол останавливается. Капитан командует в микрофон «на выход». Один за другим матросы выходят из водолазного колокола и исчезают в облаках взвеси. Перед ними маячит силуэт кита. Они осторожно ступают по мягкому, уходящему из-под ног дну. В конце концов добираются до «Ла Фонтане». Привязывают ее к водолажному колоколу, и тот по сигналу снимается с места. Медленно подымаясь, подлодка тянет за собой кита. На крейсере страшный переполох. Наконец водолазный колокол с подлодкой пристает к борту. Кит, наполовину погруженный в воду, качается на волнах. Прошло 9 часов с момента потопления подлодки. Есть ли там живые и если да, то что с ними?

Люки в «Ла Фонтане» были взломаны, и капитан с судовым врачом и двумя матросами прошли внутрь. На полу неподвижно лежали двадцать мужчин, их лица были искажены судорогой. «Задохнулись», — спокойно констатировал врач. Море грозно...

1. № 1 (29.10.1943).

«Камарад» № 1, 29.10.1943. Гонза Корец. Жертвы моря

Иржи Шульхоф Земля миллионов (Пересказ)

Роман о восемнадцатилетнем сироте Энди Бенете (отец его умер, мать попала под машину, когда ему было 6 лет). Два года тому назад Энди работал на машиностроительном заводе, многих рабочих сократили, его тоже. Прогуливаясь по набережной, он остановился у доски объявлений, прочел, что «в Аргентине разворачиваются лесоразработки» и решил отправиться в Буэнос-Айрес. Энди купил словарь испанского языка и все 19 дней плавания на корабле «Атлантик» изучал испанский – он был так этим занят, что не мог выкроить и минуты, чтобы выйти на палубу.

Прибыв в Буэнос-Айрес, Энди устроился в дешевом отеле в крошечном номере и вышел прогуляться. Вечером он вернулся, скромно поужинал. Нежданно-негаданно к нему в номер пожаловал незнакомец, и они начали беседовать. Незнакомца звали Джон Гордон, он искал компаньона для весьма заманчивого дела – добычи золота. Энди согласился. Они купили коней, 2 ружья, револьверы, мясные консервы, сахар, масло и крекеры и двинулись в северо-западном направлении. На пятый день они прискакали к горной реке. Джон зачерпнул горсть песка, насыпал в таз и стал промывать. На дне таза осел золотистый слой. До самого вечера шли они против течения вдоль берега и дошли до небольшой пещеры в скале; там и заночевали. Утром Джон опять набрал полный таз песка. Разумеется, там тоже было полно золота. Они напали на хороший прииск. Энди копал, Джон промывал – дело шло. Как-то раз они отправились на охоту и услышали выстрел, затем еще и еще.

Здесь сюжетная линия – добыча золота – ослабевает; на смену ей приходит история с бандитами, похитившими сестру некоего Джона Смита, которого наши герои обнаружили у подножья скалы смертельно раненным. Умирая, Джон Смит просил найти его сестру. Энди и Джон Гордон тотчас находят бандитов и расправляются с ними, после чего спасают сестру Джона Смита, на которой женится Энди. Втроем они едут в Техас, где строят ферму. Судя по всему, золота им хватит на всю оставшуюся жизнь.

«Камарад» № 1. Иржи Шульхоф. Земля миллионов

Миша Краус
Клад Ральфа Лангдона¹
(Сокращенный перевод)

Часть 1

/

Сорокалетний Ральф Лангдон попрощался с женой и четырнадцатилетним сыном и отправился на поиски золота. Два года безуспешно бродил он по горам. И вот в 1879 году он наконец напал на золотую жилу. Он копал и промывал золото, но вскоре понял, что в одиночку ему с этим не справиться. Вечером следующего дня, когда Ральф готовил себе ужин, он увидел голубя, низко летящего над лесом. Раздался выстрел, и голубь упал прямо под ноги Ральфу. При таких обстоятельствах и состоялось знакомство Ральфа с индейцем Габ-Хью, убившим голубя. Стали они работать на пару. Три месяца подряд они копали золото, после чего продали его и зарыли железную коробку с деньгами под елью.

Работали они дружно, но однажды Ральф поймал на себе злобный взгляд Габ-Хью.

...Тихая темная ночь. Жалобно воют волки. Луна выплывает из-за облаков и разгоняет тьму. Раздается выстрел! Фигура индейца с лопатой бросается к ели, выкапывает из земли железную коробку и исчезает вместе с ней в лесу.

Восходит солнце. В небе парят грифы.

1. Во время подготовки 7-го номера Миша собирался на транспорт, а ко времени окончания публикации автор романа уже больше месяца находился в Биркенау. Вот отрывок из Мишиного дневника, охватывающий этот период времени. «После того как было собрано необходимое, я сложил в рюкзак свои «сокровища»: статьи, рисунки, и пр. Мой добрый друг Иван Полак дал мне в дорогу подшивку «Камарада». [Видимо, Иван переписал несколько номеров. — Е.М.] ... (Потом, в Освенциме, у меня все отобрали и сожгли.) На следующий день очень рано утром мы пошли к поезду. Длинная вереница мужчин, женщин, детей, стариков — все закутанные да еще и с тяжелой поклажей — тянулась к рампе. (Тогда уже действовала ветка «Богушовец — Терезин»). Тяжелое прощание с родственниками, знакомыми и друзьями у ворот Судетских казарм, затем поход в сторону Егерских (блок «А»). С одной стороны — готовый в путь товарняк, с другой — горы багажа, а прямо перед нами — стол регистрации, несколько SS, главный жандарм Янчек и комендант лагеря Бургер. Разношерстная компания немецких врагов. Один за другим проходим мы мимо них. Каждый получает номер, и мы прощаемся с Терезином. Hilfsdienst помогает нам забраться в темные высокие вагоны, без единого окна. В углу стоит ведро и бутыл с водой — все, что нам дали в дорогу. Отсчитали 50 человек, закрыли дверь, в полной тьме послышалось «цвок» — вагон запломбирован.

... 17 декабря 1943 года в полдвенадцатого ночи поезд сбавил скорость и остановился. В вагон из расщелин проникал слабый свет. Я заглянул в щель, и меня затрясло: щель была маленькая, но увидел я много. Колочая проволока, эски в полосатой одежде, эсэсовцы с палками — концлагерь! И тут с грохотом отворилась дверь вагона и резкий свет от прожектора разрезал тьму. Раздался выстрел, и — немецкие голоса: «alles'raus, los, los, raus...» Я взял сумку и вышел ... Вокруг эсэсовцы и эски в полосатой одежде. И колочая проволока, везде колочая проволока. Из огромных четырех труб, что слева, вылетало огненное пламя. Небо было красное, и в воздухе стоял странный запах. Жуткое состояние напряжения. Нас посадили в грузовики, везли куда-то минут десять. Я искал маму с папой, но они пропали. Мы вышли из грузовика. Один эсэсовец указывал: мужчины — сюда, женщины — туда. Нас отвели в какое-то здание, где я увидел отца. Мы с ним влезли на голые нары — не было ни матраца, ни одеял. Нас было около пятисот на деревянный барак примерно 40 метров в длину и 8 — в ширину. По обеим сторонам трехэтажные нары, а посередине — длинная платформа, по которой ходили эсэсовцы и эски с красными повязками (как потом выяснилось,

это были старосты блоков и барак). И тут вошел какой-то подполковник. Все вытянулись по стойке «смирно», а он, стоя в центре платформы, приветствовал новые жертвы KZ. От слов его делалось дурно. Это был унтершарфюрер Бунтрок, за огромный рост и страшную морду прозванный «Бульдогом». Он прочел нам длинную лекцию о том, как мы должны себя вести в концлагере, что мы в Освенциме!!! — здесь убивают за любую провинность. Освенцим замаскирован под разными именами — Биркенау, Вальдзе и пр., на самом деле это самый большой концлагерь, Освенцим 2!! ... В общем, все нам рассказал... На следующий вечер началась переключка. Люди из Schreibstube [канцелярии] называли имена по алфавиту, и в 10 вечера 400 человек от «А» до «К» повели в другой блок. Там нам выдали по талону и миске, и мы пошли дальше, туда, где делали татуировки. Мне на левой руке вытатуировали 168497, отцу — 168498. Потом регистрация. После заполнения всех формуляров нас вывели и отделили взрослых от детей. Взрослых отвели в баню, наша очередь пришла на следующий день. Нас выгнали из блоков, выстроили в ряд по пятеро и повели. Холод. Старики поскальчивались и падали на припорошенный снегом лед, старосты блоков скидывали их в канаву, и так заканчивалась их жизнь. Дорога в баню вела мимо крематориев III и IV, но в то время мы не знали, мимо чего проходим. Через двадцать минут мы подошли к большому новому зданию с высокими окнами. Там, в большой комнате, мы разделились. Дети до 13 лет складывали вещи на топчаны, а старшие — в мешки. До того как мы пошли мыться, нас осмотрели. Через четыре часа принесли мешок с продезинфицированной одеждой. Нам достались какие-то тряпки и деревянные башмаки. На обратном пути все продрогли. Мы пришли в 14-й блок, где, размахивая палкой, нас встречал староста по имени Бонди. Этот человеконенавистник целыми днями носился по блоку, сквернословил и бил всех подряд. Мы пришили номера на брюки и пальто. Нас положили по шестеро, восемнадцать человек на один блок нар. В новой «квартире» на каждого было по одеяльцу. На обед давали три четверти литра жижи из-под турнепса. После обеда долгий апфель. Дети плакали и звали мам. И такая безнадега день за днем. Я долго не видел отца и мать. Через десять дней, несмотря на запрет, я пошел навестить отца в 16-й блок. Он был болен. Бледный, слабый и очень худой. Я достал лекарства и белый хлеб. Ничего не помогало. В январе мужчин выгоняли на улицу таскать камни. Кругом мертвецы, груды трупов. Месяц нас держали на карантине. И только после этого удалось разыскать маму, она была в одиннадцатом, а потом в пятом блоке. Она тоже страшно сдала за этот месяц».

Краус Михал. Дневник 1945. Часть 1.
Гетто Терезин, 1942 — 1943. АМК

II

Свен Ландерсон, молодой неопытный охотник, поднялся на пригорок и огляделся. Над лесом парили грифы. Охотник пошел в лес и обнаружил там белого человека. Он был мертв, пуля пробила сердце. По некоторым признакам Свен заключил, что убийца индеец. При Ральфе были документы, Свен положил их в карман и похоронил покойника.

Габ-Хью быстро бежал на север. Проплутав две недели, он добрался до большой реки Макензи, 12 июля 1889 года он достиг форта Норман, где встретился со своим сыном Виндпау и рассказал ему всю эту историю.

Когда Дик, сыну Ральфа Лангдона, исполнилось 17 лет, он узнал от Свена, что его отца нет в живых. Свен оказал ему финансовую помощь, на его деньги Дик купил оружие и хорошего коня. Дик поклялся отомстить за отца. Через неделю он был уже на месте убийства и, расспросив тамошних охотников, отправился в форт Норман.

III

Что происходит в Нормане? Старый Габ-Хью умер, а его сын Виндпау поставил в окрестностях Нормана сруб на отцовские деньги.

В мае 1887 года Дик Лангдон прибыл в форт Норман. Узнав, что индеец умер, он пришел в отчаянье. Но все же решил остановиться в тамошней гостинице. И, как оказалось, не зря — он узнал про сына Габ-Хью!

Виндпау сидел у окна, попыхивая трубкой, и не без удовольствия рассматривал клад — содержимое коробки, перешедшее ему в наследство. В этот момент двери распахнулись и в комнату с винтовкой в руках вошел Дик. Виндпау встал из-за стола, и Дик с размаху ударил его прикладом. Виндпау свалился без сознания. Дик связал его, осмотрел дом, забрал отцову коробку с деньгами и ушел.

Придя в себя, Виндпау обнаружил на столе оставленную неизвестным записку: «Я отомстил за отца. Дик Лангдон». Прочитав это, Виндпау очнулся уже окончательно. Что же ему теперь делать?!

До Медвежьего озера Дик плыл на каноэ 8 месяцев. За месяц он поставил сруб, а клад спрятал под половицей на чердаке. В этом доме он прожил 4 года, занимаясь охотой и делая припасы на зиму. Весной он ездил в Норман — продавать меха и на вырученные деньги покупать продукты на зиму. Поздней осенью 1892 года он решил задержаться в Нормане на месяц, поохотиться на бобров. К тому же ему вдруг захотелось пожить в цивилизации.

IV

Тихое канадское утро. Туман постепенно рассеивается. Дик проснулся. Он быстро встал и оделся. «Сегодня буду осматривать горы с берега», — сказал он себе. Взял ружье и вышел. Стояло прекрасное утро. И тут Дик услышал тихий стук весел. Он посмотрел на реку и увидел...

Конец 1-й части.

Предисловие ко 2-й части.

Этот рассказ я написал к скаутским встречам, поскольку я состою в группе ДЬЯВОЛЬСКИХ СКАУТОВ ДОМА «А». Каждый скаут должен или сам написать охотничий рассказ, или взять его из какой-нибудь книги.

«Камарад» № 1. Встреча Ральфа с индейцем Габ-Хью

«Камарад» № 2. Свен Ландерсон

1. Скаутское спортивно-молодежное движение, очень популярное в Чехословакии.

перетаскивали из саней продукты и вещи, заперли собак в сарае за домом, и Дик со своим старым ружьем отправился в лес и через час вернулся с огромным кроликом. Отужинав, они легли спать. Но в полночь Дик проснулся, надел ботинки и пошел на чердак проверять клад. Он вынул половицу, при этом доска упала на пол. Не обращая на это внимания, Дик достал железную коробку и хотел было положить половицу на место, как в руку его что-то ударило, и он выронил коробку. Пуля попала в левую руку, из нее пошла кровь. В этот момент из темноты выскочил индеец Виндпау и схватил коробку. «Хе-хе-хе, вот оно, золото и серебро старины Лангдона, золото и серебро старого...» Оглушенный прикладом, индеец упал на землю.

V. Поимка

Стук свалившейся доски пробудил Джеймса, он схватил винтовку и взбежал на чердак. Там он увидел лежащего на полу Дика и хохочущего индейца. Он пристукнул индейца, отнес Дика на кровать и забинтовал раненую руку. Потом он вернулся на чердак, связал индейца, а коробку перепрятал в печь. У Дика поднялась температура, и Джеймс всю ночь просидел у постели больного. К утру Дик полегчало, и друзья устроили Виндпау допрос; под дулом револьвера тот сразу же признался в своих гнусных намерениях. Плохо одно: уходя с чердака, они забыли там винтовку.

VI. Смерть индейца и планы на будущее

Виндпау удалось выпутаться из веревок. Он осмотрел чердак, взял винтовку и двинулся вниз. Он прицелился и хотел выстрелить из окна. Но тут раздался выстрел, и Виндпау упал за смертью. Оказывается, совершенно случайно Джеймс был позади хижины и, увидев Виндпау, быстро выхватил револьвер и выстрелил.

Друзья похоронили Виндпау неподалеку от дома.

Через неделю Дик уже мог ходить, правда, рука у него все время болела.

С той поры, как был убит Виндпау, прошло три недели. Дик решил проверить клад. На чердаке его не было. Он повынимал все доски – нету. Дик страшно расстроился.

Как-то ранним утром три охотника приехали в хижину; братья Джек и Свен Ландерсоны и Ральф Дирсон, двоюродный брат Джеймса. Джеймс был счастлив: вот так сюрприз – встретиться с братом в такой глуши. Друзья ужинали у камина и разрабатывали план охоты на северного канадского оленя. Потом гости рассказывали о своих приключениях и расспрашивали о Виндпау, оказывается, они о нем слышали.

Конец 2-й части

Часть 3

Большая охота

Наутро началась охота. [Подробное описание, свидетельствующее о богатом воображении и невероятной начитанности автора.— Е.М.] К вечеру все легли от усталости, а на следующее утро друзья разделились на две группы, так было нужно для успешной охоты на оленя. Когда на следующее утро Свен вышел из палатки, он увидел костер, около которого сидело четверо индейцев. Он подошел к ним и увидел, что вождь племени держит в руках железную

«Камарад» № 7. Дик и Джеймс решают отправиться в форт Норман

«Камарад» № 9. Виндпау обнаруживает клад

коробку с инициалами «Р.Л.» и достает из нее всякие драгоценности.

Свен сразу вспомнил про Дика, который рассказывал о своей пропаже. Но мужчин было четверо, а Свен – один. Пришлось ему разбудить брата. Свен вернулся к индейцам, а брат остался в засаде. Он сказал им, что коробка принадлежит его другу Дику Лангдону, но они не верили и потешались над дураком. Тогда Свен съездил вождю кулаком по морде. Ответного удара не последовало, поскольку в эту же секунду там оказался Джеймс, и вдвоем они лихо расправились с индейцами. Вождь и его помощник остались лежать без сознания, а двое удрали. Братья забрали железную коробку и пошли искать место для ночлега. В полдень они вернулись в сруб. Там никого не было. Оказывается, Джим, Дик и Ральф, обеспокоенные пропажей друзей, отправились на поиски. Какова же была радость застать «потерянных» дома. А тут еще Свен вручил Дику железную коробку!

Но как же она нашлась? Позднее выяснилось вот что: оказывается, Виндпау перед тем, как его убил Джим, стоял у окна с коробкой в руках. Она выпала у него из рук в снег и долго пролежала там, пока ее не нашли индейцы¹.

* * *

Какова же дальнейшая судьба клада? Когда Дик Лангдон вернулся в родные места, он закопал клад в том месте, где был застрелен Ральф Лангдон. И поставил скромный памятник с выгравированным на нем именем.

Дик Лангдон стал состоятельным человеком и возглавил общество охотников целого округа. К нему часто приезжают друзья и вспоминают про хижину и приключения, которые происходили с ними в тех местах.

Оскар Пик **Дикий Запад** (Пересказ)

1. Как-то утром Кид, сын Аристана, хозяина ранчо, выехал с ковбоем Перри за Томом, который усакал в Маунт-Хиллз пасти стадо. Хозяйина ранчо Джона Аристана уважала вся округа. У него были дети: Кид, Жан, Жак и дочь Пегги. Аристону принадлежало самое большое ранчо, и кое-кому это не давало покоя. Аристон был добрым малым, ковбоям у него жилось хорошо, и при этом таким богатым, что держал негра-повара.

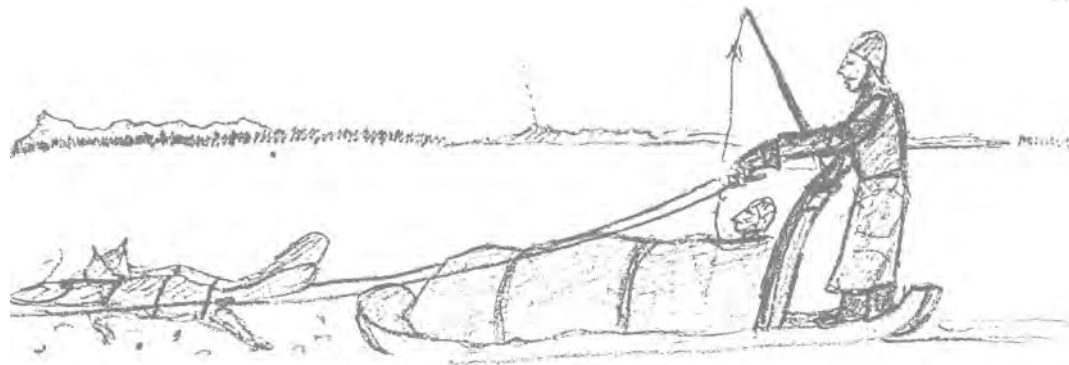
Кид спокойно себе ехал с Перри, и тут их остановил индеец из племени юта по кличке Молодой Олень и сообщил, что на ранчо готовится нападение. Услышав это, путники развернули лошадей, чтобы как можно скорее предупредить Джона. Было решено, что на следующей неделе все покинут ранчо. Аристон готовился к отъезду. Но Киду все не верилось, и он решил переспросить индейца; тот сказал, что не может ничего добавить, но знает, что это правда. Так Кид подружился с Молодым Оленем.

2. Джим Хильсон с помощью своей банды рассчитался с кем положено в Техасе и прибыл в Аризону. Он остановился на ранчо у приятеля Тома Главсона, который совсем недавно рассорился со своим другом Аристоном. Джим Хильсон предложил ему напасть на ранчо Аристана. Узнав об этих злодейских планах, Билл, ковбой Тома Главсона, помчался к Аристону, но там увидел Пегги и потерял голову. Они влюбились друг в друга. Но тут случилось то, о чем предупреждал Молодой Олень. Примчавшись на ранчо Аристана, Джим Хильсон

1. Видимо, автор забыл, что Джеймс спрятал клад в печь.

и его банда были немало удивлены, увидев перед собой шерифа. Джим Хильсон бросился в атаку, но вскоре был разбит в пух и прах. Поняв, какую глупость он сотворил, Том Главсон бросился с утеса и разбился насмерть. На Аристоновом ранчо настала новая жизнь. Что же касается Билла, то он женился на Пегги и стал хозяином ранчо Главсона.

Гонза Корец
Владыка мужей Севера
 (Перевод)

1. По темному полярному краю, еле освещенному багровым солнцем, неслись сани, запряженные тремя парами собак. Впереди бежала статная быстроногая овчарка светло-желтой масти с выразительной мордой. Время от времени воздух разрезал свист бича. Здоровый мужчина, закутанный в меховую одежду, стоял сзади на санях и правил собаками. В это время года здесь трескучие морозы и гробовая тишина, и люди, даже если очень приспичит, не отваживаются отправляться в путь.

Что же привело путника в голландскую Гренландию? Сани едут по сверкающему рассыпчатому снегу, оставляя за собой глубокую колею. Незнакомец глядит прямо перед собой, ему мерещится родной Рейкьявик, воображение рисует тот момент, когда заместитель начальника полиции Исландских Штатов сообщил ему об исчезновении ребенка исландского губернатора Рёвона. Следы вели через всю Исландию, через океан, аж в самую Гренландию. Иностранца, штабс-капитана Эриха Бёргена, упорного, как и полагается северянину, не остановили тысячи возникших на пути препятствий – он не из тех, кто сдается. Эрих достал из кармана солонину, отрезал себе кусок, а остаток скормил собакам. Наевшись, он лег и уснул. И часа не прошло, как он проснулся и продолжил свой путь.

2. Во дворце губернатора Рёвона на главной площади Рейкьявика проходил важный прием. Гости из высших слоев исландского общества собрались, чтобы отметить день рождения жены губернатора. В ярко освещенном помещении было много кушаний, вина и тортов. После тостов, произнесенных губернатором и его гостями, разгорелись оживленные споры. И тут большие стеклянные двери распахнулись и в залу без стука влетела няня; не дав губер-

натору опомниться, она дрожащим от волнения голосом сообщила, что во время прогулки подъехала машина, из нее выскочил мужчина, схватил Лео, губернаторского сына, и увез... Губернатор побледнел и позвонил в полицию. Вскоре он нашел на столе записку: «Губернатор Рёвон, надеюсь, вы не забыли о долге. Скёлы». И тут он вспомнил: два года назад американца Скёлы казнили за шпионаж, и теперь его сын мстит за отца. То есть уже отомстил – выкрал Лео. Полиция бросилась на поиски, но безрезультатно.

3. Сильные руки забросили Лео в машину, и она помчалась в сторону моря по длинным улицам Рейкьявика; на выезде из города мужчина еще прибавил газу. Наконец они достигли залива, где ждал спрятанный в скалах аэроплан. Лео впихнули в аэроплан, моторы взревели, и в ту же секунду аэроплан взвился в небо. Лео, милый десятилетний мальчик, дрожал от страха. В ушах еще стоял крик няни; мужчина, сидящий за штурвалом, время от времени бросал на Лео злобные взгляды. Аэроплан летел на запад, наверное, в Америку. Летел час, два, три. Лео было уже все равно. Вдруг резкий порыв ветра ударил в аэроплан, он чуть не упал на морскую гладь. Виражи повторялись снова и снова, потом ветер подхватил аэроплан и на огромной скорости понес его на север. Когда ветер чуть стих, аэроплан пошел на снижение – под ним была огромная обледенелая поверхность. При резкой посадке сломался пропеллер. Лео вылез из аэроплана. Не знал он, что окажется так далеко от дома, среди ледяных холмов Гренландии. Мужчину, который похитил Лео, ранило при посадке, и вскоре он умер. Лео было холодно и голодно. Продовольствие было заперто в аэроплане, и он не мог его достать. Сон стал одолевать его, он лег и потерял сознание.

4. Эрих все ехал и ехал, и тут у него разболелась голова. Наверное, от долгой езды, подумал он. Но тут в глазах зареяло, и он упал на сани. Очнувшись, он увидел, что собаки разгрызли ремни, съели все продукты и убежали. Потрясенный случившимся, без пищи и надежды на спасение, он впрягся в сани и потащил их за собой. И тут он увидел следы на снегу. «Северный канадский олень», – вспыхнула мысль. Надежда подстрелить зверя и утолить голод придала ему силы. Он пошел по следам. Шел час, другой, но оленя не было. Обессиленный и уставший, он упал на снег...

5. Группа из пяти эскимосов тоже шла по следам оленя. Вдруг они увидели что-то черное вдалеке. Подумали, что это загнанный ими олень, но каково же было их удивление, когда, подойдя поближе, они увидели полумертвого белого человека. Вожак группы склонился, чтобы убедиться, что лежащий жив, и приказал взвалить незнакомца на плечи и нести. Человеком этим, как уже понял читатель, был известный нам штабс-капитан Эрих Бёрген.

6. Эрих проснулся. Он был в лагере эскимосов, на него с любопытством взирали лица монгольского типа. Чтобы понять этих людей, особого знания эскимосского языка не требова-

«Камарад». Иллюстрации к роману
Г. Кореца «Владыка мужей Севера»

лось. Он понял главное: эскимосы спасли его от неминуемой смерти. Странно было то, что в разговоре они постоянно упоминали какого-то «Владыку мужей Севера». Он спросил о нем сидящего поблизости. Тот ответил, что это их белый владыка. Эрих стал о чем-то догадываться. Почувствовав себя вполне окрепшим, он попросил аудиенции у «белого владыки». В сопровождении старых эскимосов вошел он в большой шатер – в обитель «Владыки мужей Севера». Увидев «Владыку», Эрих вскричал от радости – это был Лео, сын губернатора Рёвона. Лео широко улыбался. Он сразу понял, что этот мужчина прислан отцом, и теперь радостно рассказывал ему: «Проснувшись, я увидел перед собой эскимосов, которые смотрели на меня как на Бога и называли Владыкой».

Этими словами Лео закончил рассказ. «Надеюсь, вы знаете дорогу назад и возьмете меня с собой. Есть одна трудность: эскимосы считают меня полубогом, так просто они меня не отпустят. В нашу честь они закатят большую охоту, в это время мы отстанем от них и смоемся». Эрих согласился. Перед тем как откланяться, он рассказал Лео о родителях и ситуации в Рейкьявике.

7. Через четырнадцать дней после этой беседы 10 мужчин из племени отправились охотиться на северных оленей, в их числе Лео и Эрих. Лео разделил эскимосов на три группы, но с собой взял одного Эриха. Они сложили продукты на большие сани и направились в другую сторону. Но тут первая группа напала на их след и бросилась в погоню. Наши приятели поняли это и погнались собак в другом направлении. Но только они подумали, что ушли от погони, как снова увидели эскимосов – те, похоже, догадались, что их провели. Начались гонки, которые выиграла Эрих с Лео, поскольку им дали самых лучших собак. Эскимосы не были столь упрямы и скоро сдались. Наконец путники смогли перевести дух, отдохнуть и спокойно ехать дальше.

Три недели они были в пути, пока не добрались до побережья, где нашли поселение белых. Там они сели на пароход, курсирующий между Гренландией и Исландией. Радость при возвращении сына, которого губернатор уже оплакал в душе, словами не описать. Он все время гладил Лео по голове, приговаривая: «Мой маленький мальчик...»

Пепечек Бехавый **На ракете вокруг земного шара** (Сокращенный перевод)

Часть I. Старт
Глава 1

Иржи, двадцатилетний студент университета, с малых лет интересовался ракетами и всем, что с ними связано. Он изучал машиностроение, но скоро утратил к нему всякий интерес. Он и без того разбирался в машинах лучше всех своих сверстников.

Дома, в своей маленькой комнате, он строит планы на будущее: что он будет делать, когда окончит университет, – планы, кажущиеся фантастическими и при этом имеющие логическое обоснование. Для того чтобы к ним приступить, надо сперва закончить учебу и получить все необходимые знания. Учиться не просто, но в свободное время он только и думает о том, как подступиться к решению разных задач в будущем. Он пытается составить генеральный план, без конца его переделывает и никак не может остановиться на чем-то одном.

При этом главный вопрос так и остается нерешенным. Это денежный вопрос. Ирка родился в городе. Когда он был маленьким, у его родителей возникла насущная необходимость переехать в деревню, к родственникам. Там им было тихо и спокойно. Их покой нарушал лишь сын, который отличался недюжинной любознательностью и страстью к учебе. Это стремление, достойное всяческих похвал, деревня удовлетворить не могла. Он грезил о реальном училище. В конце концов родители сдались и отправили его в школу, которая находилась в городке неподалеку. Он окончил ее с отличием и во что бы то ни стало хотел поступить в университет. На это у родителей не было никаких финансовых возможностей. К тому же они не верили в Иркин талант и не хотели его поддерживать. Но энергичный Иржи настоял на своем и после недолгих сборов переехал в столицу. Он записался на техническое отделение, там готовили инженеров-механиков. Домашние, пока могли, посылали ему на пропитание. Этого ему, конечно, не хватало, хотя жил он крайне скромно, и он стал подрабатывать репетиторством, давать уроки отстающим сокурсникам. На сэкономленные деньги он покупал книги, которые удовлетворяли его жажду знаний.

Глава 2

Павел – сын богатейшего фабриканта. Больше всего на свете его интересует химия. Отец поддерживает увлечения сына, человек он в целом передовой. Сомневается он лишь в реализации Павловых устремлений. У Павла есть старший друг и советчик Петр, который изучает геофизику. Павел конечно же имеет аттестат об окончании школы.

[Петр считал, что Павлу нужно работать в своей химической лаборатории, но при этом продолжать учиться в университете: исследователю необходимы элементарные знания.]

«...Хорошо, что тебя поддерживают родители. А скольким ребятам приходится давать частные уроки, чтобы продолжать обучение в университете!»

«Я это знаю и понимаю. Но в университете меня будут учить теории...»

«...Как только ты получишь хорошую основу, мы начнем работать вместе. А что касается лабораторных опытов, то их надо ставить после того, как все уже основательно продумано и подготовлено...»

«Но что за смысл ставить опыты, когда знаешь результат наперед?»

«Для настоящего ученого это, возможно, и не имело бы смысла. Но для такого неоперившегося химика, как ты, это имеет смысл: чтобы понимать процессы, происходящие во время

«Камарад». Иллюстрации к роману «На ракете вокруг земного шара»

реакций, нужно хорошо знать свойства материалов...»

Павел уже отучился 3 курса в университете, родители и его наставник Петр поражались его успехам. Было ясно, что лабораторным исследованиям Павла уготовано большое будущее. Выходит, учеба не мешает, а помогает.

[В это время у Иржи выходит небольшая книжка по физике. Разумеется, по поводу ракет. Книжка чудом попадает в руки Павлу, и тот находит в ней ответ на вопрос: как наиболее продуктивно использовать изобретенную им взрывчатку в качестве топлива для ракеты. Ракету, разумеется, он хотел использовать в мирных целях.]

Но изобретение динамита ведь тоже предназначалось для мирных целей и столько наделало зла. А самолеты?! Разве они не служат нуждам войны!

«Увы, так оно и есть, и сколько бы мы ни старались, мы ничего с этим поделать не можем»...

Так Павел и Ирка стали работать над созданием ракеты в лабораторных условиях¹.

Оскар Пик Ферина

1. Это случилось среди скал, куда не ступала нога человека. В глуши, где звери не знали, как пахнет человек. Это был первозданный, никем не тронутый край.

Там и родился лис с серебристым мехом. Звали его Ферина. В норе кроме него жили трое детенышей – две лисы и один лис, но серебристый мех был только у Ферины. Старшие о них заботились: добудут пропитание и принесут молодым. Ферина был самым боевым, считалось, что из него вырастет один из самых сильных лисов в округе. Лисы подрастали. Старшая лиса уже выводила Ферину на солнце и учила охоте.

И вот пришел день, когда все должны были идти на охоту поодиночке. Ферина побежал в лес. Остановился на маленькой прогалине и огляделся. И вдруг из земли вылезло что-то тонкое и длинное. Это была змея. Ферина подумал, прыгнуть на нее или нет, он не помнил, чтобы мать рассказывала ему о подобных вещах. Стоило призадуматься, как раздался голос: «Не трогай ее, это змея, твой враг!» Ферина взглянул туда, откуда раздался голос, и увидел серебристую лисью шерсть. Лиса скрылась, Ферина остался стоять в оцепенении. Опомнился лишь тогда, когда к нему с веселым щебетанием слетелись птички. Ферина спросил птичек, почему они смеются, а они ответили: «Над тобой смеемся, стоишь как остолененый». Ферина спросил у них: «Был ли здесь кто-то недавно?» «Конечно, тут был вожак», – прошептали птички и улетели.

Ферина вернулся в нору и спросил маму, что такое змея. Мама долго объясняла ему про змей, пока наконец до него не дошло. Бедного Ферину лесное свидание совершенно сбilo с толку, и он забыл о цели; сестра и братья стали над ним насмехаться. Тогда он спросил у отца, который на самом-то деле и был вожаком. Отец удивился, когда Ферина сказал ему, что видел его в лесу. Оказывается, Ферине была оказана особая честь, и спасителем его был вовсе не отец, а предводитель всех лис этого края. Услышав это, сестры и брат зауважали Ферину.

2. Город Валторен угнездился в горах. Вчера оттуда приехала компания звероловов, которая узнала, что существует никем не обжитая земля, где водится много зверей. И однажды они подобрались к лисьей норе.

За это время лисята превратились во взрослых лис и родителей своих не признавали.

1. Повесть прерывается, в выпуске «Камарада» возникает пятимесячный перерыв. Судя по названию, герои должны были построить ракету и облететь на ней земной шар. Но Пепек Бехавый не дождался эры полетов в космос и не успел решить вопрос о связи прогресса с мировым злом. 18 октября 1944 г. он и его родители были уничтожены в газовой камере. На резиновых нарах осталась подушка по прозвищу Сократ + Аристотель.

«Камарад». Иллюстрация к роману Оскара Пика «Ферина»

Но Ферина и по сей день ходил навещать отца, и было понятно, что он станет его преемником. Однажды отец сказал ему: «Ферина, я уже не такой проворный, пора тебе занять мое место». Став вожаком, Ферина не задрал нос, а поступал так, как учили старшие. Так в диком краю появился новый вождь.

Однажды Ферина учуял незнакомый дразнящий запах. Он пошел на него и вскоре увидел двух незнакомых тварей о двух ногах. Таких он никогда не встречал. Один из них снял что-то длинное с плеча, Ферина увидел молнию, и тут что-то влетело ему в лапу, что-то, что жжет. Ферина заковылял по дороге, и всех зверей, встречающихся на его пути, предостерег от двуногих странно пахнущих тварей. И с раненой лапой спрятался в нору. Весь лес охватила паника. Несколько зверят видело, как один двуногий шел за другим таким же. Валторенцы радовались, что здешние звери не знают, что такое человек. Но радость их была преждевременной. Через три дня в этом лесном краю не осталось ни одного зверя. Все убежали, кроме Ферины.

Душа Ферины умерла. И хотя лапа зажила, ему стало все безразлично. И он принялся блуждать по лесу.

Однажды Ферина, усталый и голодный, вновь увидел двуногих тварей. Он безучастно глядел на них и тут вдруг почувствовал, как что-то обвилось вокруг его шеи. Ферина стал убегать, но петля затянулась, он не мог дышать. И сдался. К нему подошел человек. Ферина вел себя послушно. Человек дал ему поест и снял петлю. Но Ферина не убежал. Он остался у индейца, поскольку хромал на подстреленную лапу. Больше он никогда не тосковал о природе.

Кошуля Раджа

(Сокращенный перевод)

1. Письмо.

«Раджапур, 11.6.194(?) Милый Вилли! Прости, что так долго не давал о себе знать. Надеюсь, у тебя все в порядке. Вот уже три года я живу около города Раджапур. К письму прилагаю два билета на пароход и очень прошу тебя, если только можешь, приезжай ко мне со своим сыном Петром, я ведь уже так давно его не видел. Надеюсь, что ты обязательно приедешь, и желаю тебе и твоему сыну много счастья. Твой Джон».

Доктор химических наук Вильям Томпсон прочитал письмо и в задумчивости отложил его в сторону. Поразмыслив минуту-другую, он встал и пошел в другую комнату, где сидел его шестнадцатилетний сын; он читал книгу.

«Петр, — сказал он сыну, — я получил письмо от дядюшки Джона из Индии, он приглашает нас в гости. Я подумал и решил, что нам с тобой это путешествие пошло бы на пользу — ты бы посмотрел Индию, я бы поискал интересные материалы. Ну, что ты на это скажешь, Петр?» Петр вскочил со стула и прошептал: «Это правда, папа? Вот здорово. Мы можем ехать?»

«Отлично, значит, договорились. Билеты у нас есть, с работой я вот что сделаю: я ее закончу по пути в Бомбей, надеюсь, шеф пойдет мне навстречу».

Петр, в порыве энтузиазма, тут же принялся складывать вещи, которые могут пригодиться в дороге.

2. Долгожданный день

Вильям Томпсон изучал химический состав продуктов питания. Это был мужчина лет сорока, вероятно образованный, у которого пять лет тому назад умерла жена, и он жил со своим сыном в портовом городе Гримсби на вилле, вдвоем они занимали четверть дома. Сын его, шестнадцатилетний Петр, учился в пятом классе гимназии и слыл там лучшим учеником. Как раз у него были каникулы, и дядюшкино приглашение пришлось кстати. Отец тем временем приготовил все в дорогу и получил паспорта. И вот пришел долгожданный день 13 июня 194(?) г.

3. Дорога

Утром 13 июня взяли они свои вещи, закрыли виллу и отправились на пристань. Там стоял на якоре великолепный пароход «Букингем», готовый к отплытию. В каюте, которую они заняли, был еще мужчина лет пятидесяти. Петр с отцом сначала болтали о путешествии, а когда Петру надоело, он вышел на капитанский мостик, где никого не было, и заглянул в капитанскую каюту. На стене висел календарь. «13 июня!» У Петра не было никаких предрассудков, но все же при мысли о числе «13» ему стало не по себе. В половине одиннадцатого взвыла сирена, и пароход отошел от пристани. Петр с отцом стояли у кормы и смотрели на исчезающий вдали город. Вначале ветер был слабый, но как только они вышли из залива в открытое море, ветер усилился. Они устроились на верхней палубе и заказали чай. К ним подошел сосед по каюте...¹

...Путешественники сидели в каюте, а вечером, когда спадала жара, подымались наверх. Так прошло три недели. В начале четвертой недели показалась земля. Это был Бомбей – конечный пункт наших морских странствий. Земля быстро приближалась, и скоро мы оказались на большой пристани, где, у причала, кроме яхт и катеров, было несметное количество китайских джонок. Поскольку наш пароход плыл дальше на Цейлон и в Калькутту, мы забрали багаж и поехали в отель «Европейский», где заказали комнату. Потом мы пошли смотреть город. В этой части побережья было много домов в европейском стиле, особенно выдающимися были костел Св. Петра, построенный во время французского завоевания, и губернаторский дворец. В полдень мы вернулись в отель и после вкусного обеда пошли за покупками. В три часа хлынул ливень, и мы примчались домой, чтобы как следует отдохнуть перед предстоящей дорогой.

4. Пропажа дядюшки

На следующий день мы сели в поезд, который ехал в Схулапур. С нами ехали индусы и один европеец, по всей видимости, торговец. В Схулапуре мы пересели в другой поезд, который шел аж до самого Байапура. Приехали вечером и решили переночевать здесь, а уж с утра добраться до дядюшкиной фермы. Мы пошли ужинать, в столовой еще поболтали и решили пойти спать. И только вошли в номер, Петр воскликнул: «Папа, что это за открытка на столе?» Тот взял ее и прочел: «Не ездите к своему дяде! Р.» Сначала Петр подумал, что это какое-то случайное совпадение, откуда чужие люди могут знать про дядю? Но на обратной стороне открытки был их адрес. Отец особо не утруждал себя мыслями об открытке, но у Петра она не выходила из головы. Весь вечер он только о ней и думал, а когда наконец заснул, ему приснились горы писем. Наутро они собрали два мешка вещей, наняли проводников и пошли на ферму. Поначалу Петр все думал об открытке, но потом забыл. Жара все

1. Отсутствуют страницы с продолжением в № 17, но есть продолжение в № 18.

«Камарад». Кошуля. Раджа

усиливалась, и через два часа они остановились у маленькой хижины, чтобы перекусить и отдохнуть. Легко сказать – отдохнуть, они уже приспособились спать на полу, но отдыхать на грязных тряпках нашим приятелям не хотелось.

Наконец жара стала потихоньку спадать, и они пошли дальше. Никаких приключений, к счастью, больше не было, и в полдень они добрались до фермы.

Оказалось, что дядюшка пропал прошлым вечером, и ни его управляющий, ни работники, ни одна живая душа на ферме не знает, что с ним случилось. Эта новость привела путников в отчаяние².

Шулина Потерянный след (Сокращенный пересказ)

Тихое африканское утро. На опушке леса у ручья разбит лагерь, в нем идут приготовления к походу. У Дика Шерри пропал двоюродный брат Рольф, который поспорил с Диком на 1000 фунтов, что он и его группа пройдут всю Африку с севера на юг (то есть от Александрии до Кейптауна). По дороге они нашли клад с золотом, о чем Рольф писал в письмах. Рольф писал часто и вдруг – перестал. За 14 дней – ни одного письма. Дик вместе с друзьями Вильямом Кеннеди, Генри Джексон и Джорджем Смитом отправились на поиски Рольфа. Когда они добрались до Кварагара, Дик сказал друзьям: «Вот место, где было найдено золото, отсюда пришло последнее письмо». После долгого пути они расположились на отдых под тенистым деревом. Вдруг пролетела стрела. Друзья вскочили и увидели негров, которые целились в них стрелами. При виде белых негры бросились наутек. А что, если Рольф попал к ним в плен? Ребята оседлали коней и, с карабинами наперевес, поскакали за неграми. Так оно и было. В лагере, после небольшой потасовки, они обнаружили Рольфа, привязанного веревками к дереву. Дик отвязал его, посадил на коня и умчался³.

2. Роман прерывается. Скорее всего, дядюшку найдут (по адресу отправителя на открытке) и вывод будет такой: если бы отец с сыном не приняли приглашения дяди, дела последнего были бы плохи. Может, им пришел на помощь раджа?

«Камарад». Иллюстрация к роману «Потерянный след»

3. К сожалению, в № 17 отсутствуют страницы с продолжением романа. Скорее всего, там была описана битва в пути, рассказ Рольфа о пропаже и чудесном обнаружении клада. Впрочем, роман носит название «Потерянный след», так что поиски могли и не увенчаться успехом.

«Камарад». Рисунок к «Научному трактату о зеркалах»

«РИМ РИМ РИМ» – МИР МИР МИР

Франта Майер. Отчет о работе детдома «Нешарим»¹

Детский дом «Нешарим» был основан 9.7.1942 в комнате XIX, в здании L 417. В нем живут дети из детдомов, прежде расположенных в Гамбургских и Дрезденских казармах. На сегодня в «Нешарим» 41 ребенок. Воспитатели – Франта Майер², Катя Фухсова³, Лили Фердова⁴. Целью нашей работы является организация совместной деятельности, например подготовка различных театрализованных представлений: «10 заповедей молодого еврея», «Государство, народ, язык» или обустройство помещения. С самого начала мы утвердили самоуправление. Установлено дежурство, каждая смена дежурит неделю. Дети самостоятельно готовят программы. Жизнь в L 417 входит в колею, что благотворно действует и на наш «Нешарим»⁵.

Помимо проведения Эрев Шабат мы занимаемся в образовательных и развлекательных кружках, репетируем и показываем спектакли, устраиваем вечера художественного чтения: «На кусте обледенелом», «Государство, народ, язык», «Крысолов из Гамельна», «Чудо четверорогое», «Блудный сын», «Шимке», «Библейские легенды», «Навуходоносор». ... Мы основали хор, поначалу он состоял только из нешаримовцев, но теперь к нему подключились ребята из других детских домов, мы регулярно выступаем. Мы выдвинули инициативу проводить некоторые занятия совместно с родителями, но это не вышло, поскольку родители страшно заняты на работе.

Мы дважды делали перестановку в комнате и в четыре этапа ее украшали. Все это с помощью нянечек и воспитателей.

... Нынешний состав воспитателей: Бедржишка Лавецка⁶, Франта Майер. В доме соблюдаются все гигиенические нормы. Двое детей переболели тифом.

Если мы внимательно наблюдаем за ребятами, если мы способны проникнуть в мир их идей и чувств, если у нас есть представление о довоенной жизни еврейской молодежи, то

1. Нешарим – орлы (ивр.)

2. Из доклада о «Нешарим» Франты Майера, июль, 1943 г., ЯВА. Ф.Майер 1922 г.р., работал воспитателем в детском доме в Брно, депорт. в Т. 19.3.1942, в Освенцим – 28.9.1944, осв. в Глейвице, живет в Лос-Анджелесе.

3. К. Фухсова, 1921 г.р., депорт. из Т. в Освенцим 4.10.1944, осв. в Маутхаузене.

4. Л. Фердова, 1917 г.р., депорт. из Т. в Освенцим 4.10. 1944, осв. в Маутхаузене.

5. Странно, что Франта Майер не упоминает о футболе. Он был вратарем, а ребята из «Семерки» – фанатами футбола. Подробные разборы матчей публикуются из номера в номер.

6. Б. Лавецка, 1924 г.р, депорт. из Т. в Освенцим 1.10.1944, где и освобождена.

Герб журнала «Рим Рим Рим». ЯВА

Обложка журнала «Газета» № 3. ПТ

Обложка журнала «Газета» № 1. ПТ

мы заметим, что вопреки всему она изменилась к лучшему, и этому способствует Терезин. Вспомним тех же ребят, которые росли в благополучных семьях, им был уготован определенный уклад жизни, он был попросту предписан им отцами: каким бы ни был уровень их способностей, им было суждено пополнить ряды студентов-интеллектуалов; слепым обожанием и чрезмерной любовью они были возведены до уровня божков и ни о ком, кроме себя, не думали.

А нынче: сорок ребят представляют из себя сплоченный коллектив, который невозможно сравнить ни со школьным классом, ни с кружком друзей, ни со спортивным или физкультурным кружком. Здесь собралась группа разновозрастных детей из разных слоев населения, воспитанных и в сиротских приютах, и дома; единственные дети в семье и дети из многодетных семей; спортсмены и интеллектуалы; сильные и слабые; столичные жители и провинциалы; компанейские ребята и индивидуалисты. Пестрая смесь – и все живут в одной комнате. Сперва они приглядывались и привыкали друг к другу. Но уже через два месяца, когда они прощались с товарищем, который уезжал польским транспортом, воцарялась кричащая тишина: все были охвачены горем. Лучше всех сказал один мальчик: «Петр был такой странный парень, часто вытворял глупости, но без него нельзя представить наш детдом, он был частью нас...»

Не скажу, чтобы эгоизм был искоренен полностью, но дети стали куда больше думать о других. Недавно я узнал, что те, кто получает посылки, делятся с остальными. И таких случаев много. Чего ребятам не хватает, так это школы. Обучать их запрещено, а организовать содержательное образование косвенным путем при нынешних технических возможностях (недостаток учебников, принадлежностей для письма, наглядных пособий и т.д.) крайне сложно. Но элементарные знания они получают – эта возможность все-таки существует.

Франта Майер

Редакция «Рим Рим Рима»

Главный редактор: Павел Лион (1930 – 1944).

Авторы:

Йозеф Баумл (1931 – 1944).

Иржи (Гарри) Блох (1930 – 1944).

Гануш Бреннер (1929 – 1944).

Павел Готцлингер, Пудлина (1930 – 1944).

Петр Хелер, Коко (1931 – 1944).

Ян (Енда) Гануш Герман, Кузьма (1930 – 1944).

Рудольф Коперль (1930 – 1944).

Иржи Лекнер, Ишик (1931 – 1944).

Иржи Маутнер (1930 – 1944).

Габриэль (Эли) Мюльштейн (1930 – 1944).

Густав Цвейг (1930 – 1944).

Павел Вайнер, ПаИк, 1931 г.р., осв. в Т., живет в США.

Петр Ледерер, Педро, 1932 г.р., депорт. в Освенцим 15.5.1944, осв. в Освенциме, умер в ЧССР в конце 70-х.

Иржи Репер, Кикина, 1930 г.р., осв. в Т., живет в США.

Ф. Дикер-Брандейс. Портрет Франты Майера, 1944. СБЦ.

Павел Репер, 1932 г.р., осв. в Т.

Ян (Гануш) Стребингер (Горилла), 1931 г.р., депорт. в Освенцим 18.5.1944, осв. в Освенциме, живет в Бразилии.

Риндлер (Гризли) и Гидот Палко не идентифицированы.

К началу 1944 года в «Нешарим» выходило три издания: «Рим Рим Рим»¹, «Нешер» и «Газета». Между журналами шла постоянная конкуренция.

От имени редакции «Рима» Павел Лион пишет «Ответ «Нешеру»»:

«ПаИк в своей статье выразил надежду, что редакция «Рим Рима» на его критику не обидится, и я начинаю свою статью теми же словами: «Надеюсь, редакторы «Нешера» на меня не обидятся, пусть те, кого не убедят мои слова, ответят мне в следующем номере.

ПаИк пишет: «Само создание «Рим Рима» было в принципе делом нечестным». На это я отвечаю, что мы первые задумали «Рим Рим», но у нас не было машинки и нам не пришло в голову, что журнал может быть рукописным. Именно в то время, когда готовились к выходу первые номера «Нешера» и «Газеты», мы нашли машинку. Понятно, что журнал вручную делать трудно, и, если хотите, мы можем договориться насчет машинки и для вас. Тогда это будет честной игрой». (№ 9)

Нешаримовцы активно занимались самообразованием, что следует из названий статей в «Рим Рим Риме»: «Возникновение Нью-Йорка», «Эйфелева башня», «Порт-Артур, зима 1904 года», «Рассказы про Амундсена», «Давно забытые изобретатели», «О землетрясениях», «Ветры» (история ветров), «Роботы», «Яхимов – знаменитый город XVI столетия», «Проезжая по Моравии», жизнеописание Яна Жижки и св. Вацлава, история Праги, Брно, Кладно, Карлштейна и пр.

Романы с продолжением писались с дальним прицелом – в будущем они должны были составить антологию приключенческих романов на естественнонаучные темы. Готовились сборники «Бой за радиy» и «Полным ходом в мир техники» (автор рубрики Павел Лион), «Земля, непознанная планета» (автор рубрики Ян Герман) и т.д.

В «Рим Рим Риме» нет ковбойских романов. Авторы волнует судьба планеты, ее история, география и физика. На страницах журнала обсуждаются научный прогресс, открытия и изобретения. Если бы научные статьи и «романы» не перемежались с рассказами и стихами про транспорты, умирающих стариков и шлойску, можно было бы подумать, что это обычный журнал типа «Техника молодежи», только со спортивным приложением.

1. «Рим Рим Рим», ЯВА, 064.1/69. Издавался с 18 февраля до конца сентября 1944 г. Все номера, кроме последнего, напечатаны на машинке. Мы публикуем избранные произведения из «Рим Рим Рима».

Йозеф Баумл (1931 – 1944). Улитки. ЕМП

Коллажи Густава Цвейга и Сони Шпицовой на тему картины Вермеера «Девушка с бокалом вина». 1944. ЕМП

Рубрики и заметки

В разделе «Полным ходом в мир техники» из номера в номер печатались статьи об истории авиации.

Из истории авиации

Дедал и Икар

Еще в древние времена люди с завистью наблюдали за полетом птиц. Знаменитой стала история про Икара. Ученый Дедал из Афин убил своего ученика и племянника за то, что тот изобрел нечто, до чего его дядюшка не додумался. За это Дедала упекли в афинскую тюрьму. Его лучший друг помог ему совершить побег. Дедал со своим сыном Икаром решили удрать на Крит. Там Дедал построил царю Миносу огромный дворец; из-за гигантского объема и множества коридоров он был назван Лабиринтом. Дедала влекло в Афины, но Минос не отпускал его от себя, боясь, как бы он не построил там еще один Лабиринт. «Ах так!» – подумал Дедал и решил во что бы то ни стало бежать от Миноса. Он смастерил себе и сыну крылья из воска, воском же прилепил их к телу и наказал Икару высоко не взлетать – а то воск растает. Но Икар не послушался отца и взлетел чересчур высоко. Солнце растопило крылья, и он упал в море. Дедал же благополучно долетел до Сицилии, где был обласкан этрусским правителем, прожил у него во дворце до глубокой старости и всю жизнь горевал о своем слишком высоко взлетевшем сыне Икаре.

И в древние времена, и в Средневековье люди мечтали взлететь, но их опыты не имели успеха, поскольку были основаны на механическом махании крыльями. Одним из отважных героев более позднего времени был чешский крестьянин Вит Фучик, прозванный Кудличкой. В 1760 году он создал летательный аппарат с медными крыльями, а свой вес облегчил тем, что приделал к телу несколько мехов, наполненных газом метаном, который, как известно, легче воздуха.

...Так автор доходит до 1909 года. В заключение он пишет:

«Ныне никто не считает авиацию безумной затеей, напротив, она стала неотъемлемой частью современной жизни».

Густав Цвейг² (№ 10)

Популярные терезинские рубрики «Знаете ли вы» и «Доска объявлений» не обошли и «Рим Рим Рим».

Знаете ли вы...

... что в ближайшие дни нам выдадут кровяную колбасу?

... что в нашем доме 5 глухонемых, и, несмотря на сей дефект, они прекрасно ладят со всеми?

... что в Терезине 5 больных брюшным тифом и они уже выздоравливают?

... что, как утверждают терезинские врачи, четверть населения больна энцефалитом?

... что 26.2 матчем «Юнион» – «Хагибор Терезин» открылся футбольный сезон?

... что 29.2 «Криминальный отдел» праздновал свой первый юбилей?

... что до обеда раздавали новые формуляры на посылки в Терезин?

... что в ближайшие дни будет установлена новая очередь на посылки? (№ 2)

«Рим Рим Рим» № 3. «Авиация». «Расскажем вам несколько интересных историй из области авиации»

2. Густав Цвейг посещал занятия рисованием в L 410. Об этом свидетельствует коллаж на тему картины Вермеера «Девушка с бокалом вина». Существуют десятки коллажей на данную тему. Видимо, Франта Майер, чей портрет написала в Т. Фридл, просил ее заниматься с ребятами. Помимо коллажа Густава Цвейга сохранилось 18 рисунков Йозефа Баумла, 10 – Петра Ледерера, 6 – Иржи Маутнера и др.

Знаете ли вы...

...что мертвецов из ляйхенкаммер [морга] будут вывозить на катафалках?
 ...что в «Магдебурге» будет специальная витрина, в которой каждую неделю будут выстав-
 лять работы одного из терезинских художников?
 ...что еду будут готовить в специально оборудованных машинах, на них же ее будут развоз-
 ить, и мы будем получать ее теплой?
 ...что американское радио заплатило знаменитому скрипачу Яше Хейфецу 15 000 долла-
 ров – полмиллиона крон – за получасовой концерт?
 ...что общая длина линий пражских электричек составляет 1000 км. Каждый год они пере-
 возят 250 млн. человек. В год одна электричка проезжает 49 000 км. Если бы она ехала,
 никуда не сворачивая, она бы объехала земной шар. За день машинист проезжает 92 км.
 ...что каждый прибывающий в гетто транспорт проходит «отшиварню»?
 ...что тот, кто еще не принял участие в пятиборстве «Рим Рим Рима», должен спешить, а не
 то опоздает? (№ 9)

Доска объявлений

Хотите верьте – хотите нет, но введен приказ, который звучит так: «Каждый, кто увидит
 пчел, висящих на дереве, должен немедленно сообщить об этом в ближайший пункт жан-
 дармерии».
 У нас есть приятный сюрприз для читателей. Из проверенных источников мы узнали, что в
 Терезине будут делать и продавать мороженое. Так что радуйтесь! (№ 5)

К лету 1944 года Терезин превратился в «культурную столицу» – концерты, театры, лекции,
 съемки фильма, приезд Красного Креста... Как сказал Сенека, «накануне землетрясения
 воздух над землей должен быть тих и спокоен»¹. В августе, по мнению редакции, в журнале
 наступил застой. В № 18 опубликованы два обращения редактора к читателям и авторам –
 отчаянное и конструктивное.

Два обращения

1. *Отчаянное*: Неужели никто из вас ничего не может сочинить? Четырнадцатилетние люди,
 которым нечего сказать? Не кажется ли это вам признаком деградации? О чем вы думаете?
 Чем живете? Что вас интересует? Думаете ли вы вообще? Нет? Тогда завернитесь в дет-
 ские пеленки или копайтесь в песочнице, да не забудьте прихватить лопатку и воздушный
 шарик. Неужели вам всё все равно и вы предпочитаете пассивный образ жизни? Не пора ли
 проснуться? Не пора ли стать активными, критически мыслящими людьми, стремящимися
 к образованию и истине?

2. *Конструктивное*: Наверное, вы все обратили внимание на уровень последних выпусков:
 он явно снизился. Мы предприняли несколько попыток спасти положение...
 Изменили состав редакции, в ней нас теперь не четверо, а трое: Лион, Пудлина, Коко. К со-
 жалению, из-за нехватки художников в «Рим Риммах» будет уже не так много иллюстраций
 (один Коко не способен писать статьи, расставлять «хачки» и «чарки»², да еще и столько
 рисовать).

До сегодняшнего дня печаталось по 6 копий «Рим Римов», из них 5 доставалось редакции,
 поскольку ее члены больше всех работали. Теперь мы будем оставлять себе 3 экземпляра

1. Л.А.Сенека. «О землетрясении». См.
 далее, с. 232.

2. Чешские диакритические знаки.

и столько же отдавать авторам.

Чтобы решить, кому достанутся три экземпляра, мы будем засчитывать очки. Тогда не будет скандалов и разборок, кто сколько статей сдал, и сроки будут выдерживаться. «Рим Рим» получат те, кто сдает к сроку больше готовых материалов.

Этим номером мы открываем новую эру «Рим Рима». Получится это или нет, зависит не столько от нас, сколько от вас. Читать «Рим Рим» нравится всем, но работают по-настоящему лишь некоторые. Так что, пожалуйста, оставьте предубеждения, возникшие еще во времена конфликта с «Нешером», и пишите для журнала всего L 417!

П. Лион, П. Готцлингер (Пудлина), П. Хелер (Коко)

И последнее воззвание главного редактора

С 18 февраля, когда вышел первый номер «Рим Рима», минуло уже полгода. Тогда же вышли «Газета Семерки» и «Нешер», и между нами возникло соревнование. В первых номерах «Рим Рима» с нами сотрудничали только Тути (Густав Цвейг) и Пауль (Павел Готцлингер), все остальные писали в другие издания, так что первыми выпускающими «Рим Рима» были мы с Германом. Затем долгое время мы работали в таком составе: Горилла, Коко, Блеха, Педро и Ишик. С третьего номера Пауль взял на себя роль спортивного комментатора. Следующие 4 номера мы еще продержались на достойной высоте, но потом наступил кризис. При перепечатке в Ганноверских казармах Герман сломал машинку, после чего ему запретили печатать, к тому же в суде разбиралось важное дело и им хватало своей писанины. Тогда мы решили принять в редакцию того, у кого красивый почерк. Вызвался Коко, почерк у него красивый, но, на наше счастье, люди в Магдебургской типографии согласились печатать нам по 5 – 6 копий. Так что «Нешеру» пришлось сойти с дистанции, и мы стали единственным журналом L 417. Интерес к «Рим Риму» возрастает.

Павел Лион, № 20, август 1944 г.

Экстренный выпуск № 12

Друзьям, депортированным в мае 1944 года, «Рим Рим Рим» посвящает экстренный выпуск.

Милым друзьям, которые уезжают

«Счастливого пути и быстреешего возвращения домой». Этот номер был написан перед первым транспортом 13.5. Простите нас за то, что он составлен иначе, чем прежние, это случилось из-за недостатка времени, из-за сборов на транспорт.

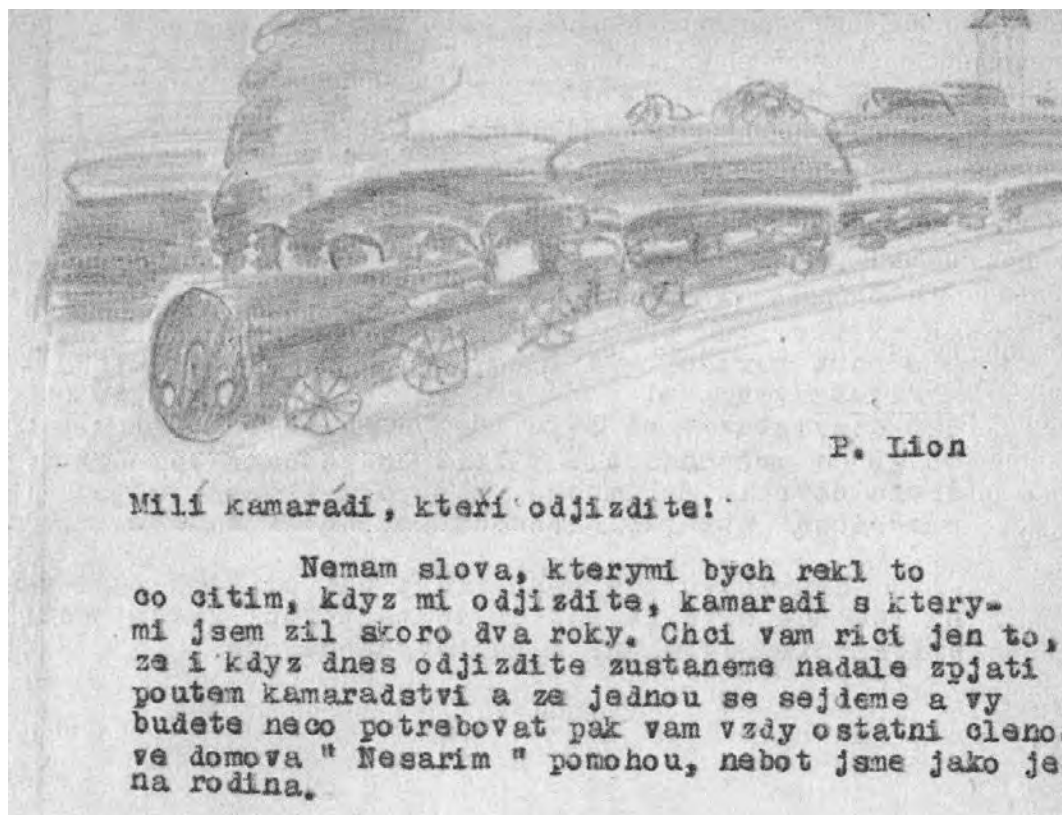
Нет слов, которыми я мог бы передать то, что чувствую, когда вы уезжаете от меня, друзья, с которыми я прожил вместе больше года. Хочу вам сказать, что, хотя вы и уедете сегодня, мы навсегда связаны узами дружбы, и когда мы снова встретимся и вам что-нибудь будет нужно, «Нешарим» придет вам на помощь, ведь мы – одна семья.

Мы верим, что предусмотрительная судьба сведет нас снова и мы снова заживем вместе, но свободными».

Павел Лион

«Рим Рим Рим» № 12. Экстренный выпуск

«Камарад» № 12. Павел Лион. «Милым друзьям, которые уезжают»

Судьба

...Вот уже более двух лет мы живем в «Нешарим». Мы, ребята с разными характерами, взглядами и убеждениями, сошлись друг с другом. И жили в общем-то счастливо. От нас и раньше уезжали ребята, но в этот раз это особенно тяжело, наш дом никогда не приходил в такое удручение, как ныне. Уезжаете... Надеемся, что ненадолго. Мы верим в скорую встречу, но не в Польше, а на родине, где мы будем жить спокойно и не будем бояться, что принесут повестку на транспорт, и вздрагивать от каждого стука в дверь. Может, встретимся, может, нет. Мы не знаем, какая судьба ждет нас. Мы жили вместе, научились порядку и дисциплине. Мы связаны узами дружбы и надеемся, что эти узы не ослабнут и что наша дружба не развалится и после Терезина. Иногда мы совершали ужасные ошибки, но в этот тяжелый момент забудем про все наши ссоры и распри, забудем все это и простим друг другу. Сегодня уезжаете вы, а завтра, возможно, мы. Нельзя раскисать, нужно это выдерживать, нужно научиться с этим справляться, чтобы прийти к нормальной жизни не отсталыми, а наоборот. Терезин – это школа, которая нас объединила и закалила. Теперь вы уезжаете, и нам остается одно – пожелать, чтобы мы, в полном здравии, встретились на свободе.

Аноним

Транспорт в неизвестность

Утром в четверг разнеслась весть, которая заставила всех задуматься о будущем. Страшная и при этом хорошо известная всем жителям гетто. Транспорт. От этого нового удара весь Терезин уже в полдень стоял на голове. Город наполнился небылицами, от одного к другому передавались бонкес, что тот или этот в транспорте, но пока все это было взято из воздуха. Люди в страшном волнении бегали в «Магдебург» за подробной информацией. Заведующие разных отделов боялись потерять работников, записанных на транспорт, и просили каждый за своих. Совершеннолетние, у которых в гетто были родители, просили, чтобы их оставили здесь.

Теперь — к нашему дому. Госпожа Маутнерова сообщила, что она в списке. Все разом сникли и стали думать о себе и друзьях, как бы не оказались они в транспорте. Около девяти вечера все собрались. Баумл, Бенеш, Гуперт и Горилла сообщили, что они в списке. Многие ребята высказались на эту тему, с их точки зрения, еще есть надежда на рекламацию. Узнали мы и о сложностях Франты с его семьей. Утром принесли новости: точно, что Бенеш и Гуперт в списке, так что мы держим за них кулаки, чтобы они получили рекламацию. О Маутнерах и Горилле точно пока не известно, но мы надеемся, что они останутся тут. Тем, кому никак не помочь, придется отправиться в неизвестном направлении.

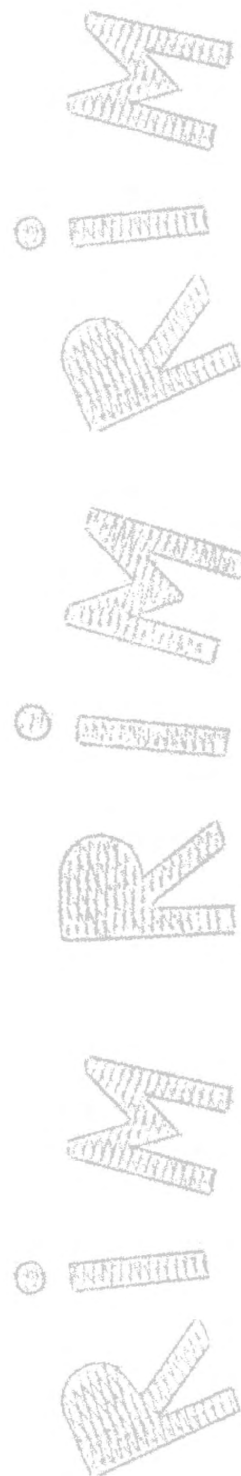
Пудлина [Павел Готцлингер]

Счастье в несчастье

В среду, 17.5 утром разносили третью порцию повесток, в этом транспорте должно было быть 2 500 человек. В четыре утра составлялся список резерва, и мы в нем числились. Утром моя сестра по своему обычаю пошла в «Магдебург» и там все узнала. Она быстро побежала к маме, которая по той же причине уже дважды была в В V. Ей пообещали сделать все возможное. В то же время сестра выяснила наши номера — 11407-8-9. В 11 утра мы начали паковать. Мы были убиты этой новостью, вот уж никак не рассчитывали оказаться в нынешнем транспорте. Оставалась маленькая надежда на то, что мы попадем в резерв.

Пока мы складывали вещи, пришло сообщение — не позднее 4-х все должны быть в шлойске, поскольку прибует оберштурмфюрер СС Рам, чтобы самолично укомплектовывать транспорт. Те, кто опоздает, попадут в транспорт автоматически. Мы запихали в чемоданы все, что можно, и без двадцати пять уже были в шлойске. Как выяснилось, слухи были ложными, но что правда, вечером прибыл Рам и всех, кто хотел получить рекламацию, вызвал к себе, чтобы выслушать доводы. Эта история продолжалась до двух ночи. В целом рекламацию получили 750 человек, но когда выяснилось, что это много, выбрали две трети, так что лишь 205 счастливых смогли избежать транспорта. Мы в их число не попали.

Но на следующий день случилось чудо. В 11 часов вечера я решил прилечь. Мы были на первом этаже, в угловой комнате 123. В ту ночь я спал всего три часа, а мама ночью сбегала в «Магдебург» и подала новую рекламацию, она просила о помощи всех подряд, и все ей отказали. Ничего нельзя было сделать. Ночью мы собрали в дорогу пирожки, картошку и кофе. И снова сенсация — в шлойску идут утром номера от 15 000 до 17 000. В полдевятого люди уже были во дворе, а через полчаса — у вагонов. В полдень «упаковали» в вагоны 1000 человек. После чего объявили перерыв. После обеда все должно было происходить в темпе, поскольку Рам назначил отправку состава на пять. С четырех до пяти люди находились в кошмарном состоянии, от страха и отчаянья никто не понимал, куда себя девать и что с

собой делать, у всех сдали нервы. Мама в три часа снова пошла к той же особе и к разным другим людям, и ей пообещали еще раз попытаться, хотя никто не верил, что из этого что-то выйдет.

Следующие транспорты шли в шлойску в таком порядке: с утра номера 5500 – 8270, потом сироты и добровольцы с номера 1200 до номера 1340, потом чешский резерв, номера 11 000 – 11 500, затем номера 8200 – 9000, и в заключение – 8 вайзунков [штрафников]. Когда в полпятого сообщили, что не хватает еще 600 человек, все побледнели. Одни думали, что должны были пройти все до номера 11 300, другие думали еще что-то, никто ничего не понимал. И тут приказ: резерв от номера 11 000 до 11 500 – на выход. Мы стояли и ждали. И тут пришел один из наших знакомых и сказал, что мы «не в нем». От радости мы не знали, что делать. Но это было еще не все. У нас на руках не было никакой бумаги, и мы обязаны были идти. Но тут с дежурства вернулась моя двоюродная сестра (она переписывает тех, кто входит в вагоны) и сказала, чтобы мы шли спокойно, что нас отправят домой, поскольку мы вписаны в «стоп-список».

Когда мы пришли благодарить господина, через которого мы получили рекламацию, он сказал: «Лучше поздно, чем никогда». Поезд ушел без пятнадцати девять; мы стояли как вкопанные. Слово «домой» звучало как колдовское заклинание. В десять я пришел домой и сразу уснул. Хочу вам еще что-то сказать: этот транспорт, который был самым страшным и горестным из всех, я никогда не забуду. Горе и страдание, счастье в несчастье.

Иржи Маутнер¹

1. Иржи Маутнеру вместе с мамой Марией и младшим братом Павлом удалось избежать майского транспорта, однако 12 октября 1944 г. они были депортированы и погибли.

Рассказы

Густав Цвейг Нищие

Нищие бывают разными. К первой категории относятся настоящие бедняки, которые стыдятся просить, честь для них важнее смерти, они предпочитают умереть от голода, но не от унижения. Другие – те, кому просить милостыню неприятно, но они просят на самое необходимое. Третьи – те, кто побирается постоянно, даже тогда, когда в этом нет нужды. Это лентяи, им неохота работать, и они живут попрошайничеством. Они – вымогатели и обманщики, например, приделывают себе деревянную руку, чтобы вызвать сострадание, а свою собственную прячут под одежду. Это пропащие люди, которые по вечерам ходят в кабаки и все там пропивают.

Есть и другие, которые ходят по городам и деревням, собирают ненужные вещи, штопают их и чинят, а потом продают и живут на выручку. Это самые порядочные нищие. (№ 1)

Ян Герман Суд в Терезине

В Терезине есть все, а значит, и суд. Он расположен на Ратхаузгассе, 19. Терезинский суд отличается от гражданского. Там судят лишь за некоторые проступки. Остальные дела передают немцам; например, на почте были украдены разные вещи из посылок, и вора осудила немецкая комендатура. Терезинские судьи пользуются большим уважением. Здешний суд в

основном разбирает дела о наследстве; например, когда кто-то умрет, то имущество покойника подлежит ариизации. Но родственники хотят, чтобы и им что-то перепало. Они подают прошение в «Геттогерихт» [геттовский суд], и в процессе судопроизводства решается, какая доля причитается родственникам. Главный судья «Геттогерихта» — д-р Ретер². Судят здесь бывшие профессиональные юристы, и ремесло свое они знают назубок. На 18 человек у них три помещения и три печатных машинки.

О том, каким уважением они здесь пользуются, свидетельствует вот какой случай. Один из судей был на какой-то лекции. В первом ряду были зарезервированы места для «хаусэльтестеров» [старост зданий] и «бециркэльтестеров» [старост округов]³. Так вот этот судья спокойно прошел в первый ряд, показал свое удостоверение и сел, никто и пикнуть не посмел. (№ 2)

Иржи Блох **Италия**

В то время я учился в первом классе. Как-то раз за мной в школу пришла мама, чтобы попрощаться с учительницей. Я тоже с ней попрощался, хоть и не знал почему. Утром следующего дня родители сообщили мне, что мы уезжаем в Италию. Я запрыгал от радости. До обеда мы в жуткой спешке складывали вещи, и в 4 были готовы к отъезду. Перед домом уже стоял автомобиль. Мы загрузили в него все вещи, уселись и поехали в Прагу. К шести мы уже были там. Переночевали в «Экспланаде» и утром поехали в аэропорт. Мы вошли в просторное здание, где нас и наши вещи подвергли строгому досмотру. В конце концов мы вышли на летное поле. Самолет, которым мы летели, уже ждал нас. Это был чехословацкий самолет старого образца. Мы вошли внутрь, по обе стороны были два ряда кресел. Мы заняли три места у окна. Я боялся, что в самолете будет страшный шум, и завязал себе шарфом уши. Мне надоело сидеть в самолете, и я пошел его осматривать. Кроме кабины пилотов, там не было ничего интересного. Наконец передний пропеллер закрутился, а за ним два остальных. Самолет поехал, разогнался, резко подскочил и взлетел. На высоте 1000 метров дома и поля выглядели игрушечными, а когда мы поднялись на 3000 метров, земля стала похожа на карту. Вдруг самолет быстро развернулся и стал спускаться. Мы приземлились в Триесте.

Там мы пообедали и через полчаса полетели дальше. Вскоре вдаль показалось что-то огромное и переливающееся. Когда мы подлетели поближе, самолет пошел на снижение. Под нами, в пяти метрах, было море. По нему плыли большие корабли и рыболовецкие суда. Прямо у моря был аэропорт, где мы и приземлились. Как только мы вышли, нам снова произвели досмотр. Оказавшись за пределами аэропорта, мы увидели Венецию. На площади Св. Марка видимо-невидимо ручных голубей, стоит положить зерна на ладонь, они уже тут как тут. Все склюют и улетят. Тогда я сделал опыт: насыпал зерна себе на волосы, на плечи и на руки и через секунду был весь облеплен голубями. Мне стало так весело, что я тут же забыл про перелет. (№ 2)

Жара, охватившая Терезин, напомнила мне Италию. Самый короткий путь туда из Праги — самолетом до Венеции (около 4 часов на самолете устаревшей модели — 200 — 250 км/ч). Венеция бурлит, и, когда вы по суше доберетесь до площади Св. Марка, до вас донесется воркование, а подойдя поближе вы не поверите своим глазам — сотни голубей, кротких, как воробышки, сидят и летают вокруг. Клюют зерна прямо с ладони. Затем вашему взгляду от-

2. Освальд Ретер (1884 — 1944).

3. Терезин был разделен на 4 округа по странам света.

кроется величественный Дворец дождей и магазины с прекрасными вещами, которыми по праву славится Венеция. В городе нет обычных улиц, сплошная вода, дома стоят на сваях. Главным средством передвижения служат лодки, здесь их называют «гондолы»; перевозчик с радостью доставит вас куда угодно за небольшую плату, к примеру на вокзал, и через три часа вы сможете очутиться в следующем пункте путешествия – в Риччионе. (№ 18)

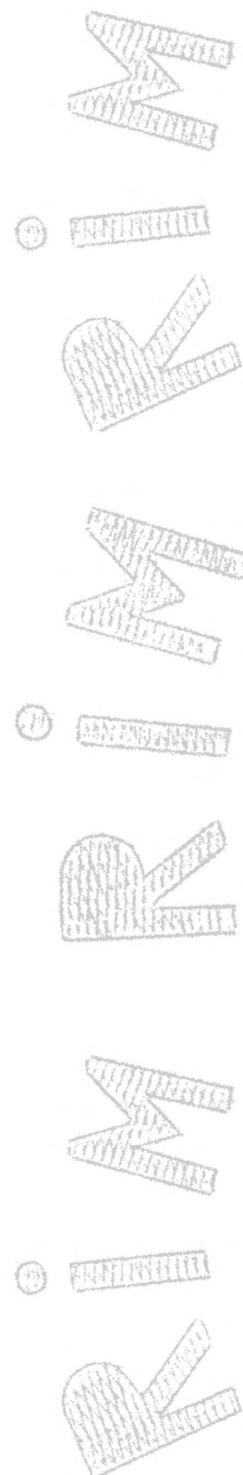
На вокзале в Риччионе вы попадаете в жуткое пекло. Вы еще не вышли из вагона, а вам уже наперебой предлагают «пеше», что по-чешски значит рыба. ... Полчаса ходьбы – и мы в небольшой современной гостинице «Domus mea». Там нас радушно встречают и проводят в двухкомнатный номер. Весь первый день я как полоумный собирал ракушки, все, какие видел. А потом нашел такие красивые, что решил оставить их себе на память. Оказывается, из песка можно делать потрясающие вещи. ... В Риччионе очень вкусное мороженое, оно отличается от нашего тем, что очень твердое и продается в брикетах, а не в стаканчиках. Мы пробыли там месяц, потом сели в поезд и поехали дальше. (№ 19)

Ян Герман В руках правосудия

Шел я с Баумлом в «Гамбург». И когда мы уже были около казармы, он предложил мне пойти с ним на «Брундибара». Меня долго уговаривать не надо – и через час мы уже стояли в очереди перед театром. Была жуткая толкучка. Мы поднажали и продвинулись вперед. Попробовал я протиснуться внутрь, да не вышло. Под моим напором геттовахман, стоящий в дверях, оказался внутри помещения, но и это не помогло, и после безуспешных попыток меня отправили в конец очереди. Но вскоре терпение мое иссякло, и я снова стал пробиваться вперед. Меня опять прогнали. Потом я сделал еще пару мощных заходов, но в результате снова оказался в хвосте. Тогда я пошел на штурм, пролез в первые ряды, толпа покачнулась, и я упал прямо на геттовахмана. Тот обозлился, приставил меня к геттовахману, чтобы тот меня сторожил и не отпускал, а сам вызвал другого геттовахмана, чтобы тот сдал меня в «вахштубе» [т.е. в участок]. Тот схватил меня за шкурку и стал силой волоочь за собой, я же вовсю упирался. Тут собрались «болельщики», взрослые и ребята, и стали меня подбадривать выкриками: «Беги быстрее! Только не давайся в руки этому деду плешивому!» Я впал в такой раж, что не заметил, как стал «тыкать» геттовахману. В результате я очутился в «вахштубе». Только я хотел что-то спросить, как тут же заработал пару подзатыльников. Со мной был еще один мальчишка, который должен был играть в «Брундибаре», этого забрали вообще по непонятной причине. Там я провел где-то полчаса, пока за мной не пришла мама. Но и это мне не помогло. Потом пришел папа, а за ним еще и Франта. Где-то около восьми я вернулся домой. От Франты я получил наказание спать неделю на голых нарах, а от мамы – неделю не ходить в сторону Гамбургских казарм. Тем все и кончилось, но всю силу наказания я как следует ощутил только вечером, когда лег спать. (№ 3)

Петр Хелер Чума

Стоял прекрасный летний день. На палубе царило оживление. Господа развлекались. Парочки с нетерпением ждали начала вечернего бала, устроенного в честь итальянского

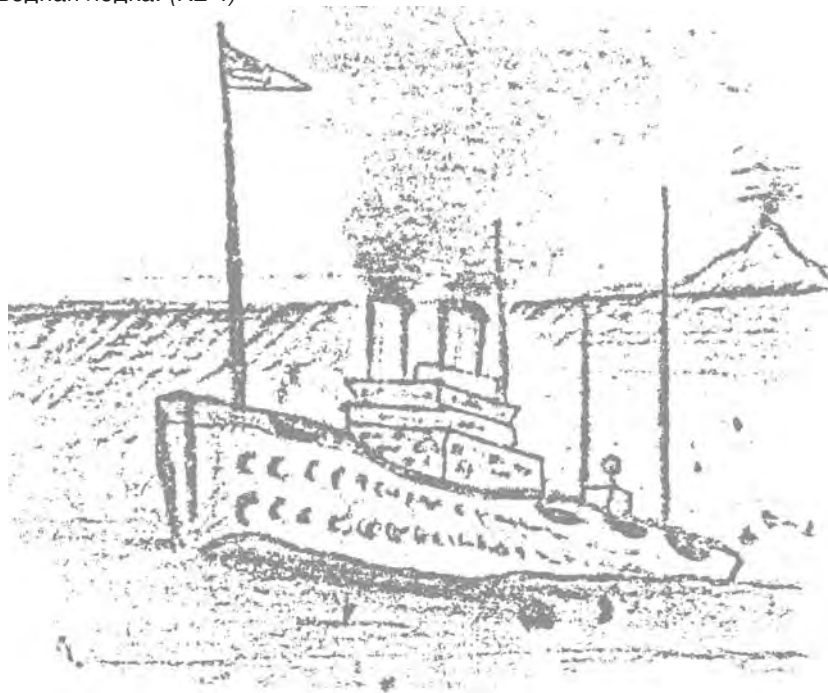

графа синьора Эдмонда Ля Пас. Этот господин владел всемирно известными бюро путешествий, вообще он был одним из самых богатых людей на свете.

Настал вечер. В великолепном танцевальном зале собралось много элегантных дам и мужчин. В десять вечера явились граф с супругой. После праздничных поздравлений оркестр заиграл первый вальс, и зал наполнился весельем. Молодые люди, разбившись на пары, кружились под вальс Штрауса.

5 июня человек по имени Жак Мори слег в трюме от какой-то загадочной болезни – у него поднялась высокая температура и ломило все тело. К тому же бедолаге досаждала темнота и вонь в трюме. 7 июня врач понял – у больного чума. ЧУМА! Страшное слово вырвалось из уст побледневшего доктора. В тот же вечер легли все люди в трюме. Врач по ступенькам поднялся к капитанской будке и доложил капитану. Тот сразу все понял, влетел в танцевальный зал и одним взмахом руки остановил оркестр. Скрипки жалобно заплакали, тарелки звякнули и замолчали. Все повернулись к капитану, и тут корабельный врач поведал о случившемся. Когда он закончил, все люди в зале стали бледными как полотно.

Вывесили желтый флаг – знак, что на корабле опасная инфекция. Мужчина в трюме умер. Все, кто был около него, были заражены страшной болезнью. За два дня на корабле умерло 1359 человек. Остальные были объаты страхом перед смертельной болезнью. Следующие 4 дня унесли еще 120 душ. На корабле осталось всего несколько человек, среди них – телеграфист и капитан. Телеграфист выполнил последний долг – отправил «SOS... SOS...» и упал в изнеможении. Через несколько дней полупотопленную «Санта Марию» обнаружила английская подводная лодка. (№ 4)

«Рим Рим Рим» № 4. Петр Хелер. Чума

Аноним Птицы в Терезине

В последние дни в пивоварне объявилось несколько цапель, они искали гнездо, которое свили себе еще прошлым летом, но так и не нашли. Его разрушил трубочист. Не обнаружив гнезда, они улетели в сторону Егера и больше не вернулись.

Неделю тому назад к Верхнелабским казармам прилетела сова. Неизвестно откуда. Птица угнездилась на колокольне костела. Днем спит, а вечером дебоширит. Забирается глубоко в ветви каштана и губит всех здешних птиц. Всю эту неделю мы натыкаемся на объединенные птичьи трупы. Уничтожить бы эту убийцу! Но нет, на помощь к ней прилетели еще три совы. (№ 5)

Ян Стребингер Эксцентрик

В море всевозможных человеческих особей существуют и такие, кого называют «эксцентриками». Оригинал, отличающийся от всех своим поведением и образом мысли, и есть эксцентрик.

Для примера расскажу о личности всем нам известной. Парикмахер Антуан из Парижа (мсье Антуан). Спит в стеклянном сундуке. Одет во фрак, но не в черный, а в белый. Сорочка у него черная, а галстук белый. Он создает себе отличную рекламу уже тем, что спит в стеклянном сундуке и ходит в белом фраке, черной сорочке и белом галстуке. Одно это способно привлечь внимание всех женщин. Женщина, сделавшая у Антуана прическу, может форсить и хвастаться на весь мир. Мсье Антуан был и остается создателем наимоднейших причесок. Он прославился в 1923 году, когда ввел в моду короткую женскую стрижку. Не будь Антуана, женщины и по сей день носили бы волосы до пояса, а то и еще длинней. (№ 6)

Густав Цвейг Землетрясение

С давних пор люди боялись землетрясений и пытались разгадать причину этого явления. Великий ученый Сенека¹ пришел к выводу, что они происходят от скопления газов в полостях земной коры. Он уже в то время догадался, что есть места, где земная кора вздута сильнее, именно их и начал он исследовать и так добрался до самой причины.

Индейцы Северной Америки во всем винят гигантскую черепаху, которая, беснуясь на дне моря, вызывает землетрясения. Но мудрые древние китайцы не попались на удочку суеверий и изобрели прибор, регистрирующий землетрясения. Это был каменный столб, укрепленный в земле, на его верхушке было несколько драконьих голов, а на земле вокруг столба — жабы с открытыми пастьми. К столбу был приделан маятник. В отличие от обычных маятников, висящих свободно, этот одним своим концом был прикреплен к верхушке столба, а вторым упирался в землю. Как только в недрах земли начиналась тряска, маятник на это реагировал, в результате чего падала та драконья голова, которая находилась ближе всего к верхушке маятника, — и прямо к жабе в пасть. Однако прибор этот вскоре был забыт и лишь благодаря чуду снова вернулся на службу людям. В 1889 году в Потсдаме проводи-

1. Статья опубликована в «экстренном номере». Неужели во время подготовки и отправки транспортов Густав Цвейг читал в библиотеке произведения великого стоика? «О землетрясении», «Естественнонаучные вопросы», книга VI. Откроем и мы Сенеку да помянем Густава. «Итак, причина, вызывающая землетрясения, весьма значительна: это движущийся воздух (spiritus), от природы быстрый и несущийся с места на место. (Гл. XVIII)... Нужно найти средство утешить потрясенных людей и избавить их от непомерного страха. Если сам мир покачнулся, если уходит из-под ног все, что было в нем прочного, то где искать опоры? Если единственное на свете неподвижное, твердое и надежное, то, на чем держится все остальное, дрожит и опрокидывается; если сама земля утратила свое главное свойство — устойчивость, то куда деваться нам с нашими страхами? Где найти приют для наших тел, куда скрыться в смутении, если ужас поднимается снизу, надвигается из глубины всякого убежища?» (Гл. I, ч. 4.) После длинного блистательного разбора причин, сотрясающих землю, Сенека пишет: «Что мне размеры бедствия, от которого я погибну? Сама гибель — дело маленькое. А потому, если мы хотим быть счастливы, если не хотим вечно терзаться, страшать людей, богов или вещей, если хотим презирать судьбу с ее несбыточными обещаниями и пустяковыми угрозами, если хотим прожить без тревог, самим богам не уступая в счастливой безмятежности, надо, чтобы наша душа всегда была наготове. Так что держись бодрее, Луцилий, из всех сил держись против страха смерти. Он унижает нас; он губит тревогами твою жизнь, которую велит беречь; он преувеличивает все опасности вроде землетрясений и молний. Подумай о том, что невелика разница между кратким сроком и долгим, и ты стойко встретишь любую опасность». (Гл. XXXII, ч. 9.) «То, чего мы лишаемся, — всего лишь часы; ну, пусть не часы, а дни, месяцы, годы: мы лишаемся того, что в любом случае нам бы не принадлежало. Скажи, пожалуйста, что даст мне, если я даже и получу их? Время течет мимо, не утоляя нашей жажды; чем дальше, тем больше нам его не хватает. Будущее — не мое, так же как и прошлое; я подвешен в одной точке бегущего времени, и самое драгоценное — возможность сознавать, что я никогда не жаждал получить его больше, чем имел». (Гл. XXXII, ч. 10.)

лись опыты с огромным маятником и весами, и были замечены существенные отклонения. Как потом выяснилось, эти отклонения были связаны с землетрясением, которое в тот момент было в Японии. (№ 12)

Петр Хелер (Коко) Мать

Тонику пять лет. Маленький, подвижный, умный не по годам мальчонка. Единственный ребенок у матери, она души в нем не чаёт, и он любит ее всем сердцем.

Сидит Тоничек на лавке перед домом, рядом с ним – старый дедушка. Руки сложил на коленях и дымит своей трубкой. Тихий жаркий полдень стоит над долиной. Мама ушла в город, а дедушка с Тоничком остались дома. Тоник просит дедушку: «Деда, расскажи мне какой-нибудь стишок, для мамы, на праздник»². Дед призадумался. Память перенесла его в далекое детство, когда он любил свою маму и к празднику собирал для нее цветы на лугу. «Мама вот уже сорок лет как лежит на кладбище, да и мне уж восемьдесят, гроб по спине стучит, скоро жизнь кончится. Ну и ладно. Главное, дождался я счастья. Один сын работает врачом в городе, другой купил этот дом, и я тут.» «Деда, вспомнил что-нибудь?» – прерывает Тоничек дедушкины мысли. «Да, Тоничек, вспомнил, слушай: «Милая мамочка, дарю тебе прянички, чтобы долго ты жила и здоровая была»». Этому короткому стишку учил дедушка Тоничка аж до темноты. Каторжный труд. Пожали они друг другу руки, расцеловались – и спать.

Ранним утром занялась над долиной солнышко, и в комнате послышались шажки. Это Тоничек. В обновках и с цветком в руке постучал он в комнату, где спала мама. Открыл дверь. Мама была уже одета. Тоничек встал перед ней и звонким детским голоском прочел стишок. Слезы заблестели у мамы на глазах, и она обняла Тоничка.

Прошло много лет. Тоничек вырос. Стал он очень умным и интеллигентным, сделал докторат у хорошего руководителя – вот и получил должность доцента в Сорбонне в Париже. Женился

«Рим Рим Рим» № 5.
Густав Цвейг. «Р. Амундсен».
Аноним. «Птицы в Терезине». ЯВА.

«Рим Рим Рим» № 12. Густав Цвейг.
«Землетрясение».

2. День матери.

ся на симпатичной француженке, и было у них двое прекрасных детей. Тоник работал днем и ночью, но о маме своей не забывал. Никак не удавалось ему выкроить время и навестить маму, но ее фотография спасала его в самые трудные минуты. А теперь послушайте, что случилось.

Приближался праздник мам, и Тоник послал маме из Парижа открытку, где написал, что приезжает.

И настал этот день. Дома все было убрано к приезду гостя. Мама считала часы до его появления. И час пробил. Мама сидела на лавочке около дома, на той самой лавочке, на которой много лет тому назад разучивал стишок ее сын. Услышала она топот скачущих по дороге коней, из-за поворота выехал экипаж. Она уже разглядела своего сына и около него – фигуру его жены и двоих детей. При этом чувствовала она себя как-то странно. Кони приближались. Скрипнули рессоры, экипаж остановился. Молодой человек соскочил с подножки и побежал к маме. Но что с ней? У нее закружилась голова, и она упала на землю со счастливой улыбкой на устах. Она задохнулась от счастья. Она дождалась того, кого ждала всю жизнь... (№ 13)

Ф. Гёблингер и П. Лион, по рассказам старшего лейтенанта Ф. Гёбеца Война

В нашем журнале несколько недель тому назад были напечатаны статьи взрослых авторов. Мы решили продолжить публикацию статей прославленных терезинских мужей. В этом номере мы познакомим вас с господином старшим лейтенантом Франком Гёбецем.

Многие из вас знают в лицо старшего лейтенанта Гёбеца. Мы попросили его, чтобы он поделился с нами историей о своем личном участии в немецко-голландской войне. Мы думали, что он служил в голландской авиации, на самом же деле он был в разведке, что уже само по себе великая честь, поскольку разведчики были элитным подразделением голландской армии. Чтобы описать все, что с ним случилось, нужна целая книга, сказал он. Так что он только вкратце поведал нам о своем ранении и пообещал, что когда-нибудь напишет в наш журнал главу о своих приключениях.

«10 мая 1940 года началась немецко-голландская война. Она была короткой, и через 6 дней Голландия капитулировала. Главные военные действия начались утром 13 мая налетом 3500 немецких самолетов на Роттердам. Днем немецкие дивизии развернули наступление; потеряв много солдат, они все-таки продолжали атаковать. На пятикилометровом участке фронта, где я воевал, погибло до полудня 20 000 немцев и 1100 голландцев. 4000 солдат, укрывшихся в окопах, получили ранения. Но и это не помогло...»

(Подробное описание битвы. Старший лейтенант Франк Гёбец идет в атаку с 230 голландцами, при этом 90 погибают, 65 получают ранения, но многие из них продолжают сражаться.)

«Вдруг я ощутил острую боль. В меня вошло три пули: одна – в запястье правой руки, другая – в плечо, а третья, когда я упал, прошла через подбородок и вылетела изо рта вместе с двумя зубами. – Он показал нам красную язву во рту. – Но я продолжал воевать. Это было 12 мая. В тот день мы отразили немецкую атаку. На следующий день немцы стреляли снарядами в полметра длиной и 24 см диаметром. Один угодил мне в ногу, и меня отнесли в полевой лазарет.

15 мая Голландия официально капитулировала, но бои длились еще несколько дней.

15-го же мне ампутировали руку и ногу. Голландский генштаб наградил меня за отвагу золотыми часами, впоследствии я их, увы, потерял. Командование разведки подарило мне этот серебряный перстень. — Он показывает нам перстень, на котором что-то написано по-голландски и выгравирован знак голландской службы разведки. — Я — единственный из дивизии, кого удостоили такой награды, — прибавил он, а мы подумали: не маловато ли за руку и ногу?

Примечание. В Голландии, Бельгии и французском Дорнкёрхене воевало в целом 5 500 000 немцев, из них в Голландии — 2 000 000, а голландцев было всего 500 000»¹. (№ 14)

1. Цифры, приведенные старшим лейтенантом и авторами статьи, сильно завышены.

Аноним **Терезинское приключение**

Как-то раз, дело было к вечеру, Франта М. дал мне крупу, чтобы я вручил ее первой попавшейся старушке, естественно, если та захочет. Шел я по улице и увидел старую, согбенную старушку. Я спросил ее, не желает ли она крупы. Старушка посмотрела на меня и спросила, что я за это хочу. Она уже так привыкла к Терезину, что и представить не могла, что кто-то может что-то здесь отдать просто так. Когда я сказал ей, что мне ничего не надо, она не поверила, решила, что я шучу. В конце концов я ее убедил, она согласилась, но у нее не было при себе миски. Чтобы пересыпать крупу, нужно было идти с ней в Дрезденские казармы, где она жила. Дорога была ужасна. Старушка стала мне рассказывать, что была когда-то богатой и все потеряла, о своем умершем муже и т.д. и т.п. Говорила, что меня ей сам Бог послал, и благодарила. В конце концов мы пришли к Дрезденским казармам, она пересыпала крупу, и я с чувством выполненного долга пошел домой. (№ 18)

Густав Цвейг **Жалоба на библиотеку**

В свободное время мне скучно. Потому что читать нечего. Пошел я в библиотеку — книг на дом не выдают, читать можно только на месте. А вначале можно было брать на дом. В один прекрасный день в библиотеке сказали: «Ты тридцатого года рождения и можешь получить книгу на дом только в Магдебургах». Я ужасно огорчился, но все же через несколько дней пошел в «Магдебург». Там меня ждал второй удар. Сказали, что я не числюсь в списке, который им прислали из L 316, но если я принесу две любые книги, тогда мне выдадут книгу на дом. Я отправился в L 316 жаловаться. Меня послали к какому-то Иегуде Фишеру, и с того времени я его ищу; когда бы ни пришел в библиотеку, его нет. Так что я потерял всякую надежду на то, что когда-нибудь мне в L 316 выдадут книгу. Самая лучшая терезинская библиотека — в Соколовне. Я пошел туда, но и там получил отказ: детям до 16 лет книги выдают при одном условии — мой отец должен взять книгу на свою карточку и сидеть со мной, пока я ее не прочту. Тогда пожалуйста! Но это же невозможно! Мой отец не может уйти с работы для того, чтобы сидеть со мной 2 часа в библиотеке. Достаточно примеров, чтобы получить представление о драконовых законах в терезинских библиотеках. Остается один, но проверенный метод — обмениваться книгами между собой. Жаль только, что я пришел к этой мысли с таким опозданием — одну книгу в библиотеку я уже сдал, а второй у меня нет. (№ 19)

Гидот Палко **Бедность и богатство**

Большой город был поделен на две части. В первой в прекрасных домах жили богатые люди, а во второй в деревянных хибарах бедные. В богатой части жил очень обеспеченный врач. Однажды пришлось ему проходить по другой стороне города, и увидел он там страшную нужду и болезни. Вернувшись домой, он стал размышлять о болезнях, которые распространились в среде бедняков. И пришел к выводу, что он мог бы их спасти на свои деньги. Он снял небольшой деревянный домик в бедной части города и устроил там ординаторскую. На следующий день он пошел осматривать больных. Бедняки так обрадовались доктору! А он отдавал все силы на лечение и ничего за это не брал. Число больных резко сократилось. Однако когда доктору понадобилось купить лекарств, выяснилось, что у него уже почти нет денег. Тем не менее, видя, что его работа приносит хорошие плоды, он не пал духом и купил лекарств на последние деньги. Когда и последние лекарства вышли, он, не найдя другого выхода, пошел работать на завод. На что-то же надо было ему жить! Больных снова стало больше, и он решил голодать, чтобы сэкономить на лекарствах. По несчастью, он получил смертельную травму на заводе. Начальник велел рабочим отнести его в его каморку и тут же забыл о нем. Вся беднота ходила его навещать, все старались ему помочь, но не могли. Они видели, что он при смерти. Умирая, он сказал: «Познал я бедность и богатство». (№ 19)

Габриэль Мюльштейн¹ **Жизнь и смерть**

На смертном ложе в немой судороге лежит погруженный в последние мысли человек. Человек, как и я, из крови и мяса. Я с ним не знаком, ничем ему не обязан, при этом хочу ему помочь – и не могу. Не знаю как. Я маленький, на что я гожусь! Мне так страшно, но ему еще хуже. Я в ужасе мечусь по палате – и вот все кончено, человека нет. Смотрю, как другие смертники покрывают его простыней, он мертв. Я отвожу глаза, чтобы не видеть его выпученные зрачки. И все думаю. Прощаюсь со своей приятельницей и ухожу. Бреду, углубившись в свои мысли, по больничному парку (Верхнелабской больницы), и вдруг раздается страшный гул. Я перестаю думать о смерти, бегу по направлению к овчарне, где можно укрыться и думать на эту тему дальше. Сажусь на траву и думаю. Разве я виноват в существовании смерти? И чем я мог ему помочь? Глупыми были мои мысли – я еще не созрел для того, чтобы видеть смерть. Мое присутствие никак не могло помочь умирающему. Мысль, которая проела мне все мозги, наконец оставляет меня. Встаю спокойно и смеюсь над собой, как же я был наивен, когда смотрел на умирающего. Ведь это естественное дело, оно происходит веками, а я отнесся к нему так, словно это произошло впервые. Это та жуткая минута, которой не избежать никому. Жизнь идет в заведенном ритме, по отметкам, равномерно расставленным на ее колесе. Движение жизни монотонно, как движение колеса. Единственной вехой является прогресс. Прогресс – это неустанное движение вперед. Значит, наступит момент, когда колесо жизни прокатит вперед настолько, что прогресс начнет угрожать смерти и в конце концов остановит ее круговорот.

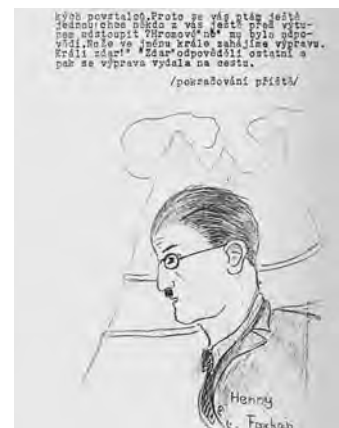
1. «Мать Габриэля была у нас в L 410 социальным работником. У нее было трое детей – Мария, моя самая близкая подруга, старший сын Эмануэль (Пинтя) и младший Габриэль (Эли). Мужа у нее не было. Госпожа Мюльштейнова если и не была глубоко религиозной, то строго придерживалась традиции. В Шабат приходила к нам зажигать свечи, похожа была на Марию Богородицу, такой тип, очень мудрая. Сначала я дружила с самым младшим – Эли. Но потом я поняла, что Эли – малыш, мне стало с ним неинтересно, и я подружилась с Пинтей». Из интервью с Х. Дрори, кибуц Хохотрим, 1996.

И что? К чему приведет эта перемена? Ни к чему. Огромное число людей будет жить бесконечно. Каждый будет хотеть жить. И даже когда места не останется, никто добровольно не уйдет из жизни. Никто не захочет умирать — почему должен умирать именно он? Пусть умирает другой. Недостаток места приведет к уничтожению людей. И все вернется на круги своя, колесо жизни будет крутиться как прежде. Но могут случиться и непредсказуемые перемены. Глыба, подложенная под колесо, изменяет его ход. (№ 20)

«Рим Рим Рим» № 1. Павел Лион. «Бой за радий».

Прекрасный день. Небывалая красота Индии всех изумляет. Группа гудей вышла из индийской деревушки. Около тридцати человек. Из них двадцать — служащие британской армии. Группу возглавляет молодой лейтенант. Остальные члены группы — штатские, судя по одежде, европейцы. Они несут с собой веревки, тросы, мотыги, лопаты, и прочие необычные на вид инструменты. Впереди, рядом с лейтенантом, шагает стройный широкоплечий мужчина с полоской усов под носом. Это английский ученый и исследователь. Генри Токсан, еще в ту пору, когда он занимался исследованием одной из малых вершин индийской горы Цеканы, расположенной на высоте 1000 метров, предположил, что эта отвесная скала богата радием. Экспедиция была экипирована всем необходимым для поисков радия и продуктами на 25 дней. Опасаясь нападения индийских повстанцев, группа взяла с собой военных. Наконец экспедиция достигла подножья Цеканы, здесь велено было устроить стоянку. Токсан встал на высокий камень и произнес речь: «Дорогие товарищи и солдаты! Мы предприняли эту экспедицию, не будучи уверенными в ее успехе, ибо нам будут препятствовать не только силы природы, но и опасность нападения индийских повстанцев. И поэтому я хочу спросить вас еще раз: хочет ли кто-то из вас отказаться от этой затеи?» В ответ раздалось громогласное «нет». Тогда именем короля объявляется начало работы экспедиции. Да здравствует король!» «Да здравствует король!» — откликнулись все, и экспедиция тронулась в путь... (Продолжение следует)

Стихи

Терезин

Как-то вышел я в отличном настроенье,
Но теперь не вспомнится когда.
Вышел на прогулку, в сад зашел весенний,
Где каштанов белая гряда.
А потом пошел я к каменным воротам —
Это «Кавалеры»², — думал о своем
И не вдруг услышал — всхлипывает кто-то,
И не вдруг заметил этот дом.
Заглянул в окно и обмер: там, раздеты,
Наголо обриты, на полу лежат
Люди штабелями — сущие скелеты —
И последним страхом дышат и дрожат, —
Будто побывали хищники в больнице
И добычу рвали на куски.
...В то же время в парке подставляют лица
Солнцу на траве здоровяки,
И не знают вовсе, что полуживые

2. Кавалерские казармы, где жили старики.

Тоже видеть солнышко хотят, –
 Еле простирают пальцы костяные,
 Еле слышно дышат и вопят:
 «О, как мы хотели жить, как не хотели
 Умирать! Как ждали мы весны!
 Мы прошли сквозь бурю, но в чужой постели
 Истлевать судьбой обречены».
 Страшные картины, жуткие виденья
 Ткут здесь паутину наших дней.
 Старикам бездомным нету здесь спасенья –
 В мире умирают тысячи людей.
 Мертвым не увидеть солнечного света,
 Не увидеть свечечки в доме.
 Так вот старики и умирали в гетто –
 Не нужны на свете никому.
 Аноним (№ 14)

Стихи на заданную тему «Что со мной будет»

Ребенок, прощаясь с детством, с собой расстается грустно,
 С самим собой расставаясь, спрашивает себя:
 «Что со мной будет, если своим же несносным грузом
 В жизнь мне закроет дорогу собственная судьба?
 Станет судьба запрудой, станет судьба баррикадой –
 И жизнь пройдет моя мимо, будто бы так и надо».

Но вот человек, он молод, он любит свою работу,
 И что бы судьба ни чинила, ей не поддается он, –
 Измученный и голодный, он до предсмертной икоты,
 Он до последнего вздоха будет в природу влюблен.
 Ну а судьба-злодейка будет всегда загадкой,
 Ибо дорога жизни нигде не бывает гладкой.

Человек с судьбой своей в тяжбе, куда живет на свете,
 В горестные минуты себе задает вопрос:
 «На что мне всё это надо, на что мне несчастья эти,
 Для этого ли родился, для этого ли я рос,
 Почему не остался ребенком малым и неумелым,
 Которого мама держала на ручках и песни пела?»

Чудесно синее небо и дивно лоно земное.
 Земля прекрасна, так что же так тяжело на ней житье?

И человек вопрошает: «Что же будет со мною?»
А властная музыка жизни трубит и трубит свое:
«Человек, оставайся там, где ты есть, где живешь доселе,
И помни: работай, работай — и так ты достигнешь цели».
Аноним (№ 10)

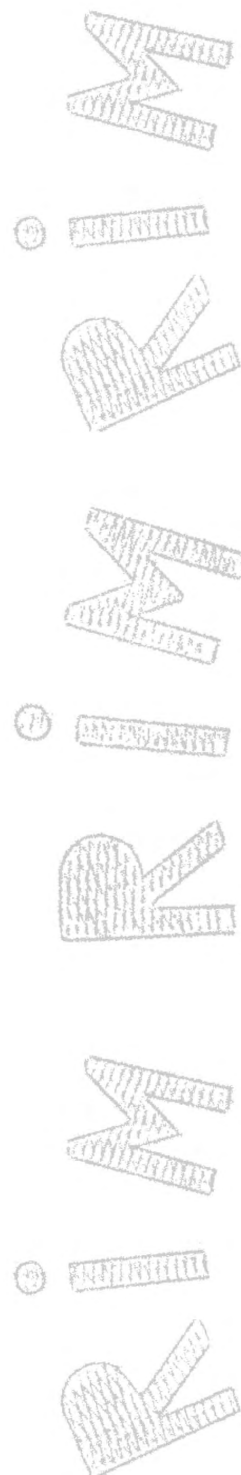
Что со мной будет?
Трудно ответить на это.
Все мы мечтаем,
И разные грезы у нас.
Может, разбогатею
И завладею всем миром,
Может, стану исследователем, химиком, батраком.

Об этом я размышляю,
Об этом все время мечтаю.
И громко смеюсь над собой.

Вижу перед собою нескончаемую дорогу,
И на каждом шагу — преграда:
Длиной в год — для одного застава,
А для другого застава — длиною в целую жизнь.
У всех — свои преграды.
Верстовые столбы как колья.
Судеб людских значительно больше,
Нежели в небе звезд.

По этой дороге, где на каждом шагу препоны
Плетется бедняжка старушка,
Думает и считает,
Сколько еще столбов верстовых
Осталось ей до ее конца, до цели похода.
И ждет меня та же дорога,
Вот на нее я выйду и увижу все сам.

Что будет со мной — не знаю,
Хотел бы я зло уничтожить.
И при этом — ни с кем не сражаться.
Но знаю одно:
Я родился, чтоб умереть.
Ян Стребингер (Горилла) (№ 15)

BONACO

«БОНАКО» – БОРДЕЛЬ НА КОЛЕСАХ

Воспитатель Гертруда Секанинова и девушки из L 414

Журнал выходил в L 414 в течение 1944 года. Судя по всему, заправляла им Сойка (Соня Вальдштейнова, 1926 г.р.)¹; она автор обложки, рисунков, коллажей и многих статей. Воспитательница Труды Секанинова² раздобыла для девушек печатную машинку и все необходимое. Во вступительной статье к журналу сказано: «Пока мы в Терезине еще не утратили ни оптимизма, ни желания жить и работать. Наш журнал докажет, что мы способны достичь того, к чему стремимся, что у нас есть общая цель... Но в первую очередь мы хотим доказать это себе»³.

2. Гертруда (Труда) Секанинова, урожд. Счастливая, старшая сестра известного нам Пелека Счастливого, родилась в Праге в 1908 г. Ее первый муж, чех Иван Секанина, адвокат-коммунист, был арестован на следующий день после взятия Праги, и 21 мая 1940 г., в день рождения Труды, расстрелян. Нацисты не забыли адвоката, выступившего в 1933 г. в роли общественного защитника по делу лидера болгарской компартии Георгия Димитрова, обвиненного в поджоге рейхстага. В Терезине Труда работала воспитательницей в комнате девушек 16 – 18 лет, которые прибыли в гетто без родителей. В октябре 1944-го Труда была депортирована в Освенцим, оттуда – в рабочий лагерь неподалеку от Вроцлава. Во время наступления Советской Армии фашисты погнали 1000 женщин в поход смерти. «Мы шли мимо пылающего Дрездена. Мы были полны циничной злобы, – рассказывает она. – Мы радовались пожару и не испытывали жалости ни к детям, ни к невинным жителям». Вместе с четырьмя подругами Труда совершила побег с похода смерти и до окончания войны жила в Праге по поддельному паспорту. Ее родители, два брата и сестра погибли в концлагерях. В 1948 г. к власти в Чехословакии пришли коммунисты. Труда вышла замуж за известного политического деятеля Казимира Чакры и в свои сорок лет родила сына.

В 1953 г., во время процесса Сланского, ее муж, преследуемый чешскими гзбистами, покончил жизнь самоубийством. Будучи адвокатом-правозащитником, Труда в 1968 г. стала членом парламента. Когда Чехословакию оккупировали советские войска, Труда, одна из четырех депутатов парламента, проголосовала против ратификации договора о сотрудничестве с оккупантами; вскоре ее исключили из компартии и из парламента. Она ушла в диссидентство и одна из первых подписала Хартию. Адвокат с международным именем, она пыталась достучаться до мировой общественности, привлечь ее внимание к преследованиям инакомыслящих. В Терезине она подерживала моральный дух своих воспитанниц, в Праге защищала своих друзей-диссидентов, находящихся под следствием или в заключении. Труда умерла в Праге 30 декабря 1986 г., так и не дождавшись свержения режима, на борьбу с которым у нее ушло полжизни. По рукописи статьи: С. Дин. Труда Секанинова: жертва Холокоста и правозащитник (англ.), 1987. Эту рукопись вместе с фотографиями Стивен подарил мне в Америке в 1988 г. – Е.М.

1. Соня родилась 28.11.1926, выжила в Т. По слухам, она стала художницей, живет в Америке. Все попытки разыскать ее пока ни к чему не привели.

3. Статья подписана «Яркой». Ярилла Стейнерова (Калинова), 1927 г.р. Депорт. в Освенцим 15.5.1944, выжила, живет в Праге.

Гертруда Секанинова. 1985. Фото Стивена Дина. ЕМА

«Я навестил Труду в июле 1986 года, — рассказал нам американский журналист и исследователь Терезина Стивен Дин. — Я спросил, с какой целью предложила она девочкам работать над журналом».

«Чтобы у них было занятие, в котором смогут участвовать все, причем такое, которое имеет продолжение, — ответила Труда. — В ситуации, когда каждый день грозит гибелью, заинтересованность в общем деле укрепляет дух: мы не сдадимся, мы будем продолжать во что бы то ни стало».

«Но как это возможно — жить в постоянной тревоге и не терять оптимизма?» — спросил я ее. «Оптимизм был необходим, причем не заоблачный, мол, сейчас плохо, но когда-то, где-то будет лучше; нет — нужно было видеть, что происходит на самом деле — и при этом верить, что есть выход и все еще можно изменить»⁴.

4. С. Дин. Труда Секанинова: жертва Холокоста и правозащитник (англ.), 1987. Эту статью вместе с фотографиями Стивен подарил мне в Америке в 1988 г. — Е. М.

Из воспоминаний Эвы Германовой

Когда я прибыла в Терезин, L 410 уже был переполнен, и меня поместили в L 414. Нас было 30 девочек, мы писали хронику нашей комнаты, рассказы и сказки, у каждого было свое амплуа. Труда Секанинова ввела у нас «Устный журнал», несколько раз выступал певец Берман, исполнял «Русалку».

Мальчики, с которыми мы крутили любовь, уходя на транспорт, приклеивали нам в дневники пряди своих волос. Я по сей день храню прядь Иржика, с ним у нас был роман, и друзей, Штефана и Крауса, из «немецкой» комнаты... Больше мы ни о ком из них не слышали.

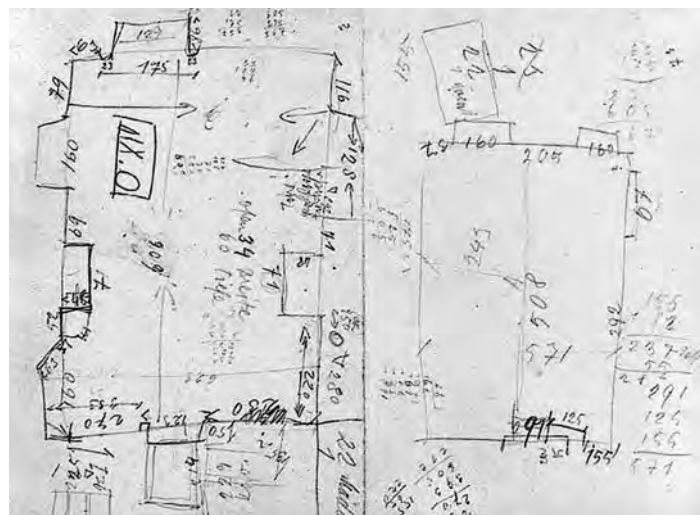
Уходили транспорты. У нас были сестры-двойняшки, похожие как две капли воды, а дочери у них были совершенно разными. Мы договорились, что они напишут оттуда и точками обозначат — хорошо им там или плохо. Жирные точки после предложений — значит, плохо. У них были жирные точки. Но они выжили.

Эва Германова⁵

5. Из интервью с Эвой Германовой. Прага, 1997. Эва, как многие полукровки, была депортирована в Т. из Праги в мае 1944 г., в то время транспорты увезли из Т. около 500 детей, и в L 414 освободились две комнаты, которые отдали девушкам из Праги. Э.Германова — профессор консерватории, живет в Праге.

Эва Германова. Фото 1996. ЕМА

Ф. Дикер-Брандейс. Чертеж комнаты «0» в детдоме L 414

Из воспоминаний Нозми Блановой

Жила я в Терезине в L 414, многих девчат помню. Там были комнаты для полукровок и комнаты для еврейской молодежи из рейха. Нас было 30 девочек в маленьком помещении с трехэтажными нарами. Как-то Ули¹ решила перестроить нашу комнату, очень уж у нас было тесно и неудобно. Она позвала Фридл Брандейсову с мужем, и они нарисовали план, как все сделать, чтобы было лучше. Фридл привела кого-то, кто перекрасил простыни в цвет красного вина. Простынями они выгородили уютный уголок, потом соединили вместе некоторые койки, а некоторые оставили так — и из нашего кубрика на 30 человек вышла прекрасная комната. Кроме того, мы должны были придумать эмблему и лозунг. Я лично написала на двери такую глупость: «Веселей, веселей, начинай-ка свой день, даже если вставать неохота!»

Два наших окна выходили на улицу — а между комнатами был проход, Соня, по прозвищу Сойка, спала по одну сторону прохода, а я — по другую. Стоило кому-нибудь появиться в дверях, она сообщала: «Не волнуйтесь, это не мужчина». Соня все время ходила куда-то рисовать. И меня изобразила, в профиль. «Вылитая мадонна XV века!», — сказала она.

Наша воспитательница Ули Лажанска преподавала в еврейской школе в Праге. У нее был талант учителя и большой интерес к детям. Она нам очень много дала. Ули и Труда Секанинова, воспитательница из смежной комнаты, верили в социальную справедливость. Но это вовсе не то, что в 1948 году окрестили социализмом. В Терезине мы были охвачены идеей строительства нового общества. У нас была дисциплина, мы все делали сами и на равных, у нас была подпольная школа и система оценок. Ули приглашала отборных преподавателей. Мы изучали математику, чешский, литературу. Нора Фрид нам читал теорию стихосложения, историю, он нас многому научил. Ули преподавала историю культуры с социалистической точки зрения, пересказывала нам книгу Синклера². Девчата пели новомодные шлягеры. Я знала все песни из «Брундибара». Ули учила нас переплетному делу, я сохранила пару книг, но потом мой муж их выкинул. Друг моего отца работал в Отделе досуга — он достал мне билет на Швенка. Не помню, про что там было, но помню, что смеялись до упаду.

Нозми Бланова³

Рассказы

Мое будущее

«Представьте себе, что после возвращения домой я быстро окончу школу и поеду в Париж — изучать архитектуру и историю живописи.

Париж! Как красиво и заманчиво звучит это слово! Париж всегда был центром Искусства. Как бы я хотела ходить по этим улицам, по выставкам и музеям, смотреть во все глаза и впитывать в себя красоту. И при этом сосредоточенно учиться, чтобы обязательно кем-то стать. Не важно кем — лишь бы избавиться от гнетущего чувства: «Ты ничего не знаешь, ты никто». Я испытываю перед этим городом божественный трепет и все время жду часа, когда наконец окажусь там. Не как турист, но как одна из множества парижан. Чтобы увидеть произведения искусства, памятники и все, что скрыто под именем «Париж». Это как бьющий гейзер. Читать Виктора Гюго, Эмиля Золя, смотреть картины Анри Руссо и Жоржа Сёра. Вот я выхожу из подъезда де ля Эст и на ломаном французском спрашиваю дорогу до...

Где-то через неделю я вполне обживаюсь в этом новом мире. Здесь, в Париже, всё дозво-

1. Ульрика Лажанска (8.1.1920 – 12.10.1944).

«БОНАКО» № 1. Лилька Монатова (Мерси). Мое будущее, с. 1. ВМК

2. Видимо, речь идет об американском писателе-социалисте Э. Синклере (1878 – 1968).

3. Из интервью с Нозми Блановой (Мавковской). Остров, Чехия, 1997.

«БОНАКО» № 1. Лилька Монатова (Мерси). Мое будущее, с. 2. ВМК

лено и никто ничему не удивляется. Лечу с лекции на лекцию, с выставки в музей, оттуда – в библиотеку. Мечтаю наверстать все, что упущено, и быстро двигаться дальше. А вот сейчас бегу с лекции в Сорбонне в Лувр, там я еще не была.

В первую неделю у меня было полно хлопот: снять квартиру, поступить в университет и пр. Сейчас же, в это самое мгновение – я вхожу в Лувр. Потрясенная, долго стою перед полотнами Мастеров. Здесь Моне, Ван Гог, Руссо и – Мона Лиза Леонардо да Винчи. Какая красота! Не знаю, сколько я перед ней простояла – минуту или час. Как все это в себя вобрать?! Потрясенная, выхожу из Лувра и сливаюсь с потоком людей на парижских бульварах. Мне хочется убежать от многолюдья и переживать всю эту красоту в одиночестве.

О Боже, полвторого! Мне же надо быть в Академии художеств! Быстрее, быстрее, только бы не опоздать...

Я не слышу профессора, который что-то объясняет. Не знаю что. Вижу только Лувр. Радуюсь, когда кончается лекция. Ноги автоматически несут меня к Лувру.

Совсем не ощущаю времени. Если бы женщина, которая сдает мне комнату, не совала мне еду под нос, я бы не ела.

Учусь с утра до ночи. С языком никаких проблем. Пишу домой длинные письма...»

...открываю испуганно глаза. Я не в Париже, а в Терезине, на Бауэрплац. Эту жестокую действительность я опишу как-нибудь потом.

Мерси (№ 1)

Открытие библиотеки

Без четверти шесть. Сгорая от любопытства, я спешу в библиотеку-читальню для детей и юношества. Сегодня ее открытие. Я представляю себе, как все будет, и очень волнуюсь. Наконец прихожу туда и еле протискиваюсь внутрь. Полно народу, много знакомых. Как только прибудет д-р Мурмельштейн вместе со всем Советом старейшин, пускать сюда перестанут вообще: зал набит битком – около 130 человек.

Д-р Мурмельштейн начинает речь. Но не бывает радости без печали: он говорит на таком сложном немецком, что я понимаю лишь каждое четвертое слово. Все внимательно слушают. Упоминается развитие греческой и римской культур, очень интересная тема. Под аплодисменты присутствующих господин Мурмельштейн завершает доклад, за ним следует Гонда [Редлих]. Хоть бы он говорил по-чешски! Как по заказу – Гонда на моем родном языке рассуждает на тему еврейской молодежи. Перерыв, потом будет спектакль. К моему глубокому разочарованию, Вава Шён и четверо актеров, чьи фамилии я забыла, играют замечательную пьесу на немецком, в котором я «крупный специалист»... Пьеса рассказывает о том, как новорожденный растет и превращается во взрослого. В конце хор скандирует стихотворение, о котором ничего сказать не могу, поскольку оно на иврите! Так была открыта долгожданная детская библиотека.

Кое-что о самой библиотеке

«Библиотека открыта с 8.30 до 4.30»⁴ – как вам это нравится?!

Народ бормочет: «Гм-гм, опять эти терезинские штучки. Тут что-то не так, не может этого быть». Но – наберемся духу и войдем! Смотрите-ка, и впрямь замечательно. Читатели (к сожалению, одни мальчишки – от восьми и старше) сидят вокруг маленького столика, обложившись разными техническими и научными изданиями. Тишина вдохновляет на учебу.

4. Т.е. в рабочее время.

Несколько усердных библиотекарей с особой обстоятельностью заполняют карточки новых читателей, заносят в список драгоценные новые поступления, получают и выдают книги (чтобы записаться, надо внести две книги, чешские принимаются с особой радостью). Просматриваю список книг, быстро нахожу ту, что искала, и встаю в очередь. Жду и разглядываю помещение.

Это небольшая, со вкусом оформленная библиотека, в которой каждый сотрудник работает с любовью и полной отдачей. Множество читателей, прежде всего дети, приходят сюда каждый день, чтобы, уткнувшись в книгу, забыть все тревоги и заботы. Ровно в 11 все бросаются к стойке, чтобы что-нибудь наконец взять на дом. Это ни в коей мере не нарушает покоя и тишины. Сажу, погруженная в учебник русского языка Степанека, как вдруг кто-то появляется в дверях. «Надя!» — раздается громкий голос. Это Соня — зашла, чтобы напомнить про обед. (Еду раздают в коридоре, рядом с библиотекой.) Встреченная грозными укоризненными взглядами, Соня краснеет и бормочет: «Ох, я забыла...»

К сожалению, приходится сдать книгу и снова окунуться в жалкий мир Терезина. Покидаю библиотеку и становлюсь в очередь за похлебкой. Какой контраст! Единственное утешение — я скоро вернусь к книгам.

Дана¹ (№ 3)

Урок рисования

Моя учительница² сказала, что я могу помочь ей заниматься с детьми рисованием и живописью, в увлекательной форме объяснять им то, что они пока еще как следует не понимают. Например, разницу между большой и маленькой вещью. Или «много», «ничего» и «мало». Показать им, каким образом передать на плоскости, то есть на листе бумаги, глубину и даль, или то, что вблизи, свет, фактуру грубого материала, или как рисуется гладкое, стеклянное, текучее или темное. Все, что я описываю таким образом, звучит скучно. Но если бы вы могли увидеть, как это все выходит у меня на деле. Я рассказываю детям какую-нибудь фантастическую сказку. Вот, например, послушайте отрывок:

«Маленькая девочка пошла гулять в парк, где на фоне голубого неба, будто феи в вуалях, стояли рядом сине-зеленые лиственницы, а рядом цвели прелестные розовые магнолии. В парке прогуливался старичок и продавал воздушные шары фирмы «Батя», каждый шар на веревочке. Разноцветное чудо, вознесенное над головой старичка, походило на красочный букет. Девочка купила у старичка два шара и стала бегать по парку и играть с ними. Но тут откуда ни возьмись налетел сильный ветер, такой сильный, что пригнул к земле верхушки деревьев, и, завывая свою странную песню, подхватил девочку и унес на своих крыльях. Красный и желтый шары раздулись еще пуще и вместе с девочкой летели в необъятном пространстве, улетали все дальше и дальше».

Так примерно звучал отрывок из сказки, который я рассказала девочкам; на этом я прервалась и подробно описала несколько самых выразительных эпизодов. Девочки с такой отвагой и страстью принялись рисовать, что я была потрясена их энтузиазмом.

Сойка

А теперь я хочу что-то добавить. Когда я узнала, что буду учить детей, то подумала, что им будет года четыре или пять, так что шла к ним спокойно, без всякого страха. Подумаешь, что уж такого знает четырехлетний ребенок? А теперь представьте себе, как я струсила, когда

Записка Соны Вальдштейновой (Сойки) к Ф. Дикер-Брандейс. 1944. СВЦ

1. Настоящее имя неизвестно.

2. Имеется в виду Ф. Дикер-Брандейс. Видимо, Соню с Фридл связывала тесная дружба, о чем свидетельствует и этот рассказ, и записка: «Моя любимая Фридл! Мне бы так хотелось пожелать Вам чего-то очень-очень красивого... Чего-нибудь такого, что Вам никто, кроме меня, пожелать не догадается... А это вот что — если Вам снятся сны и вы увидите в них то, о чем мечтаете, пусть это сбудется! Спокойной ночи. Соня».

Соня Вальдштейнова. Обложка журнала «БОНАКО». ВМК

поняла, что должна буду рассказывать сказку и излагать теорию двенадцатилетним девочкам. Но ничего плохого из этого не вышло. Наоборот, я убедилась, насколько способные эти двенадцатилетние девочки и как здорово мы понимаем друг друга».

Сойка (№ 3)

Соня Вальдштейнова нашла где-то фотографию, приклеила ее на страницу журнала и подписала:

«Скажите, люди добрые, ну разве это не душераздирающая картинка? Белоснежная бумага так соблазнительно вызывает, тут и неприкосновенные, дразнящие краски, кисти с карандашами, резинка, линейка, тушь и стаканчик для воды и круглая коробочка с таинственным содержанием. Не кажется ли вам, что это где-то там... в небе, или в раю, или просто — на свободе?»

Когда бы это была не я, наклеившая сюда этот натюрморт, то сказала бы, что неприлично дразнить этой картинкой добрых людей. Но представьте себе, что мои бедные коллеги по художественному цеху используют вместо белил зубной порошок или пасту, что мы делаем наброски на туалетной бумаге, представьте себе, что вместо резинок мы пользуемся подвязками (как поступали дамы в подобных ситуациях — не знаю). А стаканчик! Когда видишь этот стаканчик и вспоминаешь кастрюлю для супа, в которой моешь кисти, — душа обрывается. Можете теперь себе представить, как мы умиляемся этому идеальному благополучию. Сойка.» 1944. ВМК

С.Вальдштейнова. Двое. 1943 — 44. ЕМП

С.Вальдштейнова. Библийский пейзаж. 1943 — 44. ЕМП

«Приукрашивание»

Мы всю занимались перестройкой. В пыли и грохоте, потя и сопя, мы с энтузиазмом расколачивали наши старые нары. Казалось, мы методично разбиваем цепи нашего плена. Как видно, мы давали выход нашей осознанной и неосознанной тоске и безграничной жажде свободы.

Вновь возникла пропавшая было надежда. Да, вновь, потому что весна опять переходит в лето, и мы молоды, здоровы и всегда готовы поверить, что любая перемена, какой бы она ни была, даже смена времени года, несет с собой какое-то улучшение.

Ну вот, перестройка закончена. Все внезапно успокоилось, как море после шторма, и мы зажили в непривычном для нас порядке. К этому новому ощущению полнейшей чистоты прибавьте невероятное ощущение весны. Весна, все меняется — появляется надежда.

Но то, что возникло, вскоре опять исчезнет...

Опускаясь все ниже и ниже, житель гетто постепенно обнаруживает, что находится как раз в таком окружении, которого он боялся, — в забытом Богом месте, населенном угнетенными

и измученными людьми. Он идет по городу, которому дано пожить монотонной жизнью еще пару дней и ночей — пока приходящие транспорты не нарушат рутины существования. И только почувдится, что жизнь наконец набирает темп, что дни становятся более яркими, что с них сходит серый налет, — как это ощущение тотчас теряется. Летит время, расщепленное на минуты и секунды, и те редкие состояния, когда кажется, вот он, найден путь к спасению, проходят. И сердце рвется при виде состава, утягиваемого из лагеря пытящим локомотивом, — вместе с ним навсегда исчезает взгляд любимого.

Многие молодые люди записываются во «вспомогательную службу». В ночную или дневную смену — все равно. Предложение намного превышает спрос. Думаю, что так неумолимо влечет туда молодых людей — легкомысленных, беззаботных, готовых принести себя в жертву? В этой «лотерее» есть и «бонус» — фальшивый пропуск в гамбургскую шлойску¹. Это игра, но почему столько людей в нее играют? Нет ли тут желания вплотную приблизиться к трагедии, почувствовать боль, отраженную в глазах стариков, родителей с малыми детьми? Но с другой стороны, разве желание молодых людей из «хильфсдинста» помочь депортируемым не продиктовано разумом и чувством, разве это не инстинктивное движение души?

Атмосфера в шлойске пронизана спешкой и неумолимостью конца. Замешательство, хаос, боль, прощание — всё. Звенит тупая пустота. Все кончено — и ты идешь по улицам, смотришь на людей во все глаза и никого не узнаешь. Кругом — чужие, смущенные, растерянные, безумные. Все кончено.

Ну а теперь вернемся к лживой и губительной акции «при-у-кра-ши-ва-ния». 7500 обитателей Терезина отправлены, думаю, исключительно ради придания городу красоты и благопристойности — к визиту иностранцев нужно создать иллюзию свободного пространства, населенного прилично одетыми, красивыми людьми. Именно — красивой: рекламацию получили самые красивые, те, кто произведет нужное впечатление, вместо них отправили тех, кто мозолил бы глаза иностранцам — родителей с бедно одетыми, грязными детьми, старых, больных, убогих.

В результате отбор на транспорт был произведен не по списку, а по капризу одного из господ. «Акция приукрашивания» не только спасла от депортации тех, кто своим видом был способен создать хорошее впечатление, но и внесла ряд похвальных, не менее существенных изменений. В переводе на чешский «акция приукрашивания» — это старый прогнивший стол, застеленный кружевной скатертью, на которую, в свою очередь, навалены заплесневелые отбросы и разное гнилье.

Первый вопрос: куда подевались больные, которые до «приукрашивания» лежали в роскошных залах Соколовны? Где они? Черт меня побери, но куда подевалась вся эта масса больных? Ведь больница в Верхнелабских казармах и так переполнена! Где же они? Не знаю; но глаза мои не видели этого «солидного» здания Соколовны. Прекрасно оформленные и продуманные помещения, пустые залы, стены которых так часто слышали стоны страждущих. Соколовна — недавний приют для несчастных — гордо «каменеет» на краю гетто. «Глядите, — говорит она посетителям, — вот как хорошо мы живем».

Сойка (№ 6)

1. В шлойску допускались только «транспортники» и работники «Вспомогательной службы» по пропускам. Тот, кто их подделывал, рисковал быть отправленным вместе со всеми.

Часть 3.

Бабочки здесь больше не живут

Избранные стихи

Хана Люстигова. Все цвета радуги. ЕМП

И обнял я дольний мир времени, вьюжного ветра,
Мир голода и нужды, простертый на километры.
Я здесь в гостях, я солнца цветок, я забрел случайно
В сей мир, который есть тайна.

Г. Гахенбург. Из стихотворения «Вид из кафе»

Бабочка

та последняя бабочка та последняя самая,
полная солнечного золотого цвета
как желтого солнца слеза о белый звякнула камень
и тут же легко взлетела
словно хотела успеть
расцеловать мой последний свет.

В гетто живу уже седьмую неделю
подругой мне стала каштана белая ветвь
друзьями в саду — желтые одуванчики
Но бабочки здесь больше я не встречал

та была самой последней бабочкой в гетто
бабочки здесь не живут.

Павел Фридман¹, 4.6.1942

Считалка

Эники-беники,
Геттовски кнедлики,
Без масла, без соли,
Без меда тем боле,
Эники-беники-бемс!
Аноним

1. «Павел был старше нас. По стихам чувствовалось, что он не выживет. Я помню это ощущение по Терезину... В комнате № 9, в доме мальчиков, мы проводили совместные культурные мероприятия. Я была ответственной за 28-ю комнату, Павел Фридман — за комнату ребят. Он писал прекрасные стихи, но был ужасный задавака». Из интервью с Х. Дрори.

Берта Конова (1931 — 1944). Цветок и бабочка

* * *

Солнышко-око,
Божья коровка,
Посиди немного
На моей ладошке.
Целый день спешишь ты
От цветка к цветочку,
К нам сюда в окошко
К ночи залетишь ты.

Божья коровка,
Улетай из гетто!
Нет у нас ни солнышка,
Нет у нас ни теплышка,
Нет у нас на кустике
Розы ни одной.
Лишь мечта одна у нас —
Поскорей домой.

Где ты будешь, солнышко,
Божья коровка?
В пекле иль на небе,
Близко ли, далеко?
Расспроси у небушка,
Когда нашу бабушку
Воротят с ВОСТОКА.
Аноним

Томаш Каудерс (1934 – 1943). Домик.
ЕМП

Баллада¹

Сколько транспортов? Сколько
их пережил из Пардубиц Пепек
в Терезине?

Сколько транспортов? Сколько
их пережил из Находа Карлик
в Терезине?

Три? Два? Один?

Не знаю. Мы снова в списке,
мама уже собирает вещи.

Хейндл² орет. СС готовит свой танец
в Терезине?

Молись, «мертвая голова», призывает тебя идолище Гитлера!

Золотые тельцы

и в Терезине

крадут именем чистой расы,
набивают бездонные свои карманы,

мордуют в Терезине «жидяра»

смердящие злодеи, мерзавцы

И здесь в Терезине.

Мордуют и славян

И цыган — «лжецов»

Именем чистой расы.

Оболванили народ,

какой только гадостью

не кормил его тысячелетний рейх

понаделали из людей ослов, овец,

вот и носятся они по горам и долам,

Бекают, мекают — обезглавленное стадо

«Зиг хайль! Зиг хайль!»

Обещают им «лебенсраум»³,

но это все лишь «траум»⁴

тысячелетнего рейха

«Эс коммт дер таг,

Айн нойер таг»⁵

И для нас.

Кая

1. «Баллада возникла после прослушивания лекции по истории Германии «От Веймара до Третьего рейха».

Лекция для детей, больных туберкулезом, в отделении доктора Шаффы. После дискуссии на тему «Как это случилось, что...» трое ребят прочли мне свои стихи, а Кая написал балладу». И. Лаушера. Дети в Терезине. Терезинский сборник, 1987, ПТ, последующие комментарии к стихам из того же источника.

2. Заместитель коменданта Терезина.

3. Жизненное пространство. Одним из предложений Гитлера для войны была «нехватка жизненного пространства».

4. Мечта.

5. «Придет день, новый день» — лозунг сторонников фашистского лидера судетских немцев Хайнляйна.

Роберт Сатлер (1934 – 1944). Победа над драконом. ЕМА

К сумраку

Сумрак, какие тебя принесли облака,
от кого ты принес мне привет, ветрами гоним?
По дому родному изводит меня тоска —
можешь его поцелуй к устам приложить моим?

Сумрак, сейчас ты, пожалуй, один на земле,
кто видит глаза мои, полные жгучих слез,
капающих на колени. Глаза мои ждут во мгле
свидания с Эрецом, с тенью олив и лоз.

Может, на свете один ты знаком с тоской
дщери Сионской и знаешь, что плачет она
о местечке малюсеньком, что над Лабой-рекой,
и о том, до чего ей туда дорога страшна...

Неизвестная девочка из L 410

Ирена Карпелесова (1930 — 1944). Ха-
нука. ЕМГ

Хотите посчитать?
Нары — раз,
Одеяло — два,
Фуфайка — три,
Миска — четыре,
Ложка — пять.
Все, что у меня есть.
Больше нечего считать.

Нет, нет, нет!
Здесь у меня папа,
Здесь у меня мама,
Здесь у меня сестричка,
Здесь у меня братишка,
Пусть мы и не вместе,
Я люблю их всех.

Есть у меня два глаза,
Есть у меня два уха,
Есть и добрые мысли,
Есть и живое сердце,
Есть у меня мозги —
Это мой тайный клад.

Бабушка вынянчила,
Семья вырастила,
Школа выучила —
Есть у меня основа,
И из всего, что знаю,
Черпаю нужное слово.

В гетто наша училка,
Как об отце родном,
О Коменском рассказала.
Нам силы давало это —
Вот он — источник света.

1. Ян Амос Коменский (1592 – 1670) – выдающийся чешский педагог и гуманист.

Курт Вурцель (1932 – 1944). Комната мальчиков. ЕМП

Вслед Коменскому повторяю:
«Промчится гневная буря,
И все, что в жизни утратил,
Ко мне возвратится снова».
*Аноним*²

Дом, родимый дом,
Дорогой, единственный, —
Песню пела Аничка³,
Умолкла навсегда.

Где же ты, мой дом,
Сказочный, таинственный,
Самый-самый дорогой,
Самый разъединственный.

А я-то теперь
Разве Милена из Градца?
Имя мое — три цифры
Да печатных две буквы⁴.
*Милена*⁵

2. Тринадцатилетний автор, начитанный мальчик, умел задавать правильные вопросы, его очень любили друзья. Не выжил.

3. Аничка — бабушка Милены, Анна Берманова, умерла в Терезине 8.2.1943.

4. Номер узника и буквенное обозначение транспорта.

5. Берманова Милена (1935 — 1944), в Т. прибыла транспортом Es из Градца Кралове.

Эва Хеска (1932 — 1934). Гуси. 28.2.1944.
ЕМП

«Лихтшпере»¹

«Лихтшпере!»
Как, снова «лихтшпере»?
Что за издевательство!
Или кто-то
над нами шутит?
Кто это сказал?
Ты? — Нет, не я.

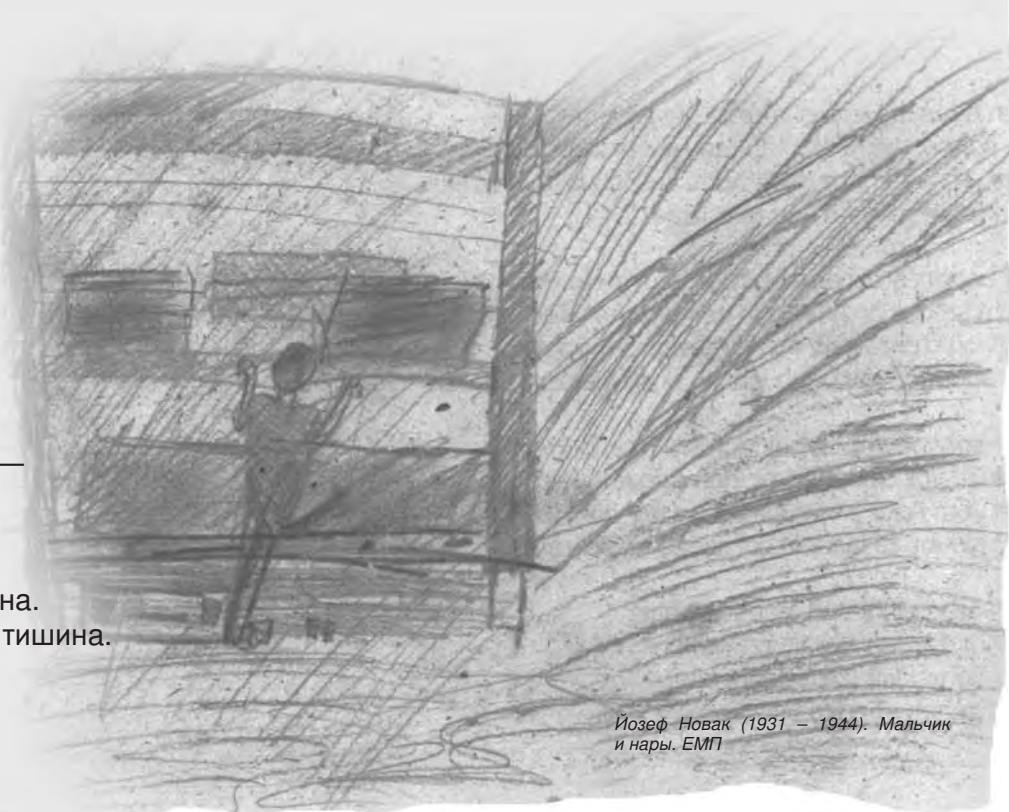
«Лихтшпере» —
можно в темноте повалять дурака.
А как? Да вот так:

Немного побаловаться,
подраться и поиграть,
чего-нибудь рассказать,
напроказить, расхохотаться,
кому-нибудь наподдать.

Всё. Устали, стихает возня.
Эрвин песенку напевает
о маленьком домике
о дворе, огорожке,
о милом ребеночке
об игривом котеночке
о мягкой постельке
о теплой печурке
о дающем тепло угле
лежащем в огромном ящике, —
о о о о о о о о о о о о
о домашнем уютном тепле.

И тут наступает глубокая тишина.
Огромная тишина, полнейшая тишина.
Не морозит тебя тишина?
Нет-нет, не морозит.
Не холодит тебя тишина?

1. Отключение света в качестве наказания.

Йозеф Новак (1931 – 1944). Мальчик и нары. ЕМП

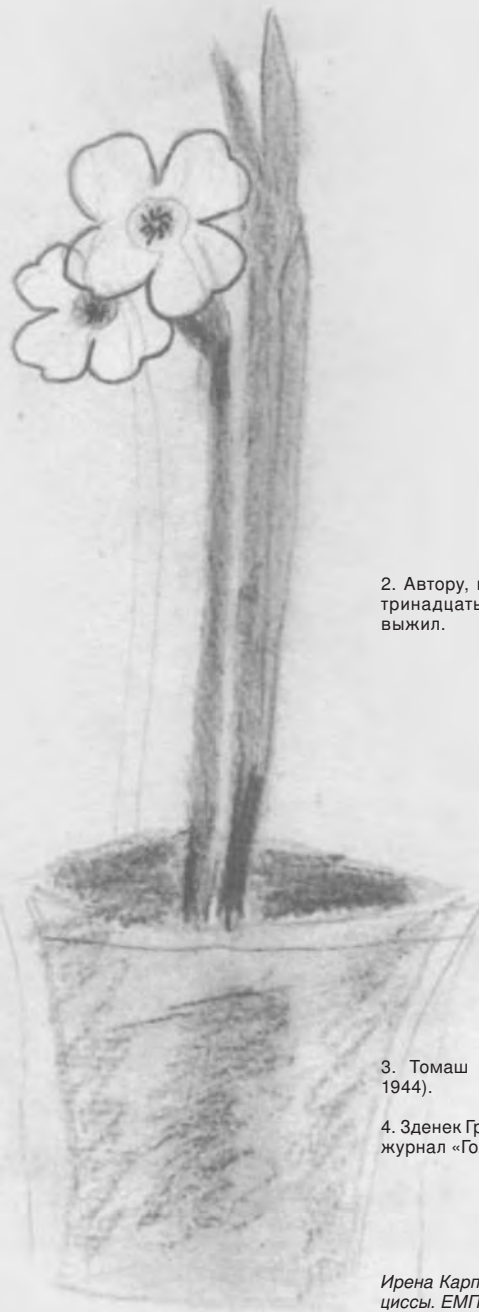
Нет, не холодит.
Жаром сердца, дыханьем своим
делятся между собой друзья —
вот и душа в тепле.

И вдруг приходит на ум:
ведь ты до сих пор не знал,
и понял только теперь —
Стужа за дверью, и всюду тьма
нечеловеческой злобы.
А здесь — тепло. Здесь ЧЕЛОВЕК.

Здесь люди,
а там — лишь звери впотьмах,
здесь ЧЕЛОВЕК — и не стыдно
плакать у всех на глазах.
Аноним²

Q 306

Здесь их убежище, здесь их жилище.
На чердаке ветер воет и свищет.
На верхотуре живет двадцать детей,
Ходит чердак ходуном от разных затей.
Мало здесь места, но много для них не нужно,
На столе и диване играют дружно
Марианка, Томи, Анитка, Ивонка.
Здесь Ивонка все время щебечет звонко,
А вот Томи несчастный все время плачет.
Томи Брандейс³ конвертики собирает,
А Маженка все время стихи сочиняет.
Ветер врывается к ним на чердак,
Двадцать детей проживают вот так:
На чердаке под бревенчатой крышей
Темною ночью пугают их мыши.
Серые мыши шуршат и пищат,
Дети от страха все ночи кричат.
Зденек Грюнхут⁴

2. Автору, мальчику с Высочин, было тринадцать с половиной лет. Не выжил.

3. Томаш (Томи) Брандейс (1933 – 1944).

4. Зденек Грюнхут (1934 – 1944) писал в журнал «Голос чердака», (Q 306). ПТ.

Ирена Карпелесова (1930 – 1944). Нарциссы. ЕМП

* * *

Сарой¹ праматерь звали. А Сарой-Тёркой
Я называюсь — узница Терезина.
Жил-был на свете домик, стоял под горкой,
В доме — квартирка в четыре светлых окна.
Всех приглашаю там побывать, как в сказке:
Кухня чистым-чиста и глядится в сад —
Розы алеют, блестят анютины глазки,
Меж голубых незабудок фиалки горят.
Выглядит сад на удивленье пестро.
Всех я сейчас приглашаю войти туда —
Рядышком дружно стоят, как родные сестры,
Острые астры и скромная резеда.

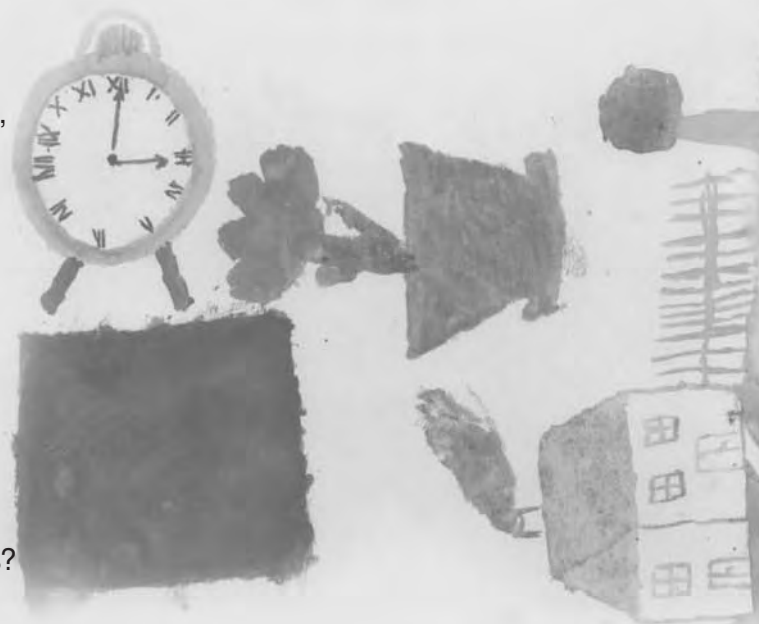
Вот и диван — подушка и покрывало —
С ножками столика вровень. Там у окна
Милая бабушка сживала, бывало.
Теперь не сидит, в могиле лежит она.

Мускат за окном розовый и бордовый,
Как поживаешь? Кто холит тебя сейчас?
Звонкие колокольца петунии бедовой,
Кто слушает песни ваши? Кто поливает вас?
Столик на четверых, кто тебя накрывает?
Кто здесь хлебает суп? Кто разливает бутыл? —
Родительская постель, кто ее расстилает?
Кто в ней сегодня спит? Кто вытирает пыль?

Как расписная шкатулка у Тёрки светёлка.
В ней собралось не ценимое прежде добро:
Куклы, картины на стенах, книги на полках,
А на столе — кисть, карандаш и перо.

Тут обрывается сказка. Как все, по приказу,
Как велено, из дому вышла. Надела пальто.
Всё, что любила, да не ценила, сразу
Вдруг превратилось в одно большое НИЧТО.

1. По предписанию рейха, все еврейские имена должны были начинаться с «Сары» и «Израиля».

Ирина Стейнерова (1931 — 1944). Будильник. ЕМП

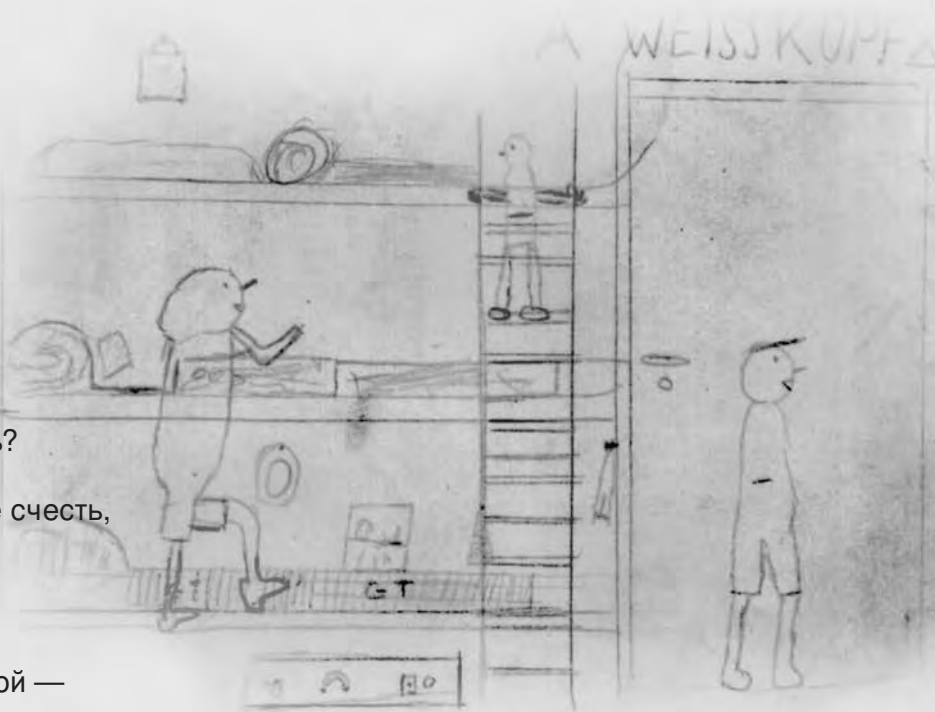
Мы на заре взвалили на плечи котомки.
 Двери закрыли — в скважине хрустнул ключ.
 Прочь мы уходим, уходим в такие потемки,
 Где ничего-ничего...
 Только памяти луч.
Тёрка

В Терезине

Когда новичок появляется здесь,
 всё ему кажется мрачным:

Не буду картошку черную есть
 и спать на нарах чердачных!
 Кругом грязища и в крыше течь.
 Пол и тот что земля сырая.
 Как жить мне здесь и куда мне лечь?
 Я себя измараю!
 Здесь шум несносный, здесь мух не счесть,
 зараза — с ней шутки плохи!
 Ой, что меня так укусило здесь —
 да неужели блохи?

Страшно здесь летом, страшно зимой —
 нас всех Терезин ужасает.
 Но когда мы уедем отсюда домой,
 никто, даже Бог, не знает.
Неизвестный мальчик из L 417 или L 318

Альфред Вайскопф (1932 – 1943). Нары.
 ЕМП

Никогда не забуду

Вечером в лазарете, глядя на нас с любовью,
Бабушка приподымала руку, едва дыша.
Тихо рыдала свечка возле ее изголовья,
Так, как будто бы это рыдала моя душа:
«Бабушка, дорогая, останься на этом свете!
Хочешь, задай мне перцу, хочешь — задай ремня.
Я — терезинская, все научилась терпеть я,
Бабушка, дорогая, не оставляй меня!»

К бабушке мать склонилась, гладит дряблую руку,
Капельки пота стирает с похолодевшего лба:
«Мама, спасибо за все, Господь твою примет муку,
Он-то оттуда видит, какая твоя судьба».
И мамино слово застыло, так застывает эхо,
Устала оно толкаться в двери безумного рейха.

Бабушка улыбнулась, мутным погладила взором
Маму, меня и папу, Ханичку и Петра,
И тут же взгляд ее начал шарить по коридору,
По уголкам лазарета, будто бы только вчера
Ее навещали в больнице две дочери и три сына,
Вот уже год как ищет она своих четверых.
Ищет и не находит, их поглотила чужбина.
Еще она ищет внуков и не находит их.

Будит нас желтое солнце и голубое небо,
Наверно, в раю проснется бабушкина душа.
Отдали мне узелочек, вот что мне остается:
Сахара три кусочка, два тонких ломтика хлеба,
Четыре иконки обернутых, огрызок карандаша.
Письмо, что было написано месяц тому как раз,
Внукам благословенье, последний ее наказ:

«Скорей карандаш из рук улетит,
Чем бабушка внуков своих вразумит.
Пусть моя крепкая вера

Ева Хеллерова (1931 – 1944). Фрагмент
копии с картины П. Брейгеля «Крестьян-
ская свадьба» (1568). ЕМП

Будет для вас примером.
 Вот вам — души пыл,
 Вот вам — души весть:
 Добрый человек был,
 Добрый человек есть,
 Добрый человек будет,
 Если Господа не забудет.
 Он обязательно должен быть,
 Если начнет с себя
 Зло на земле винить».
 Бабушка, не подведи тебя!
 Рут¹, 14 мая 1944 года

Да, да, да, это точно так!

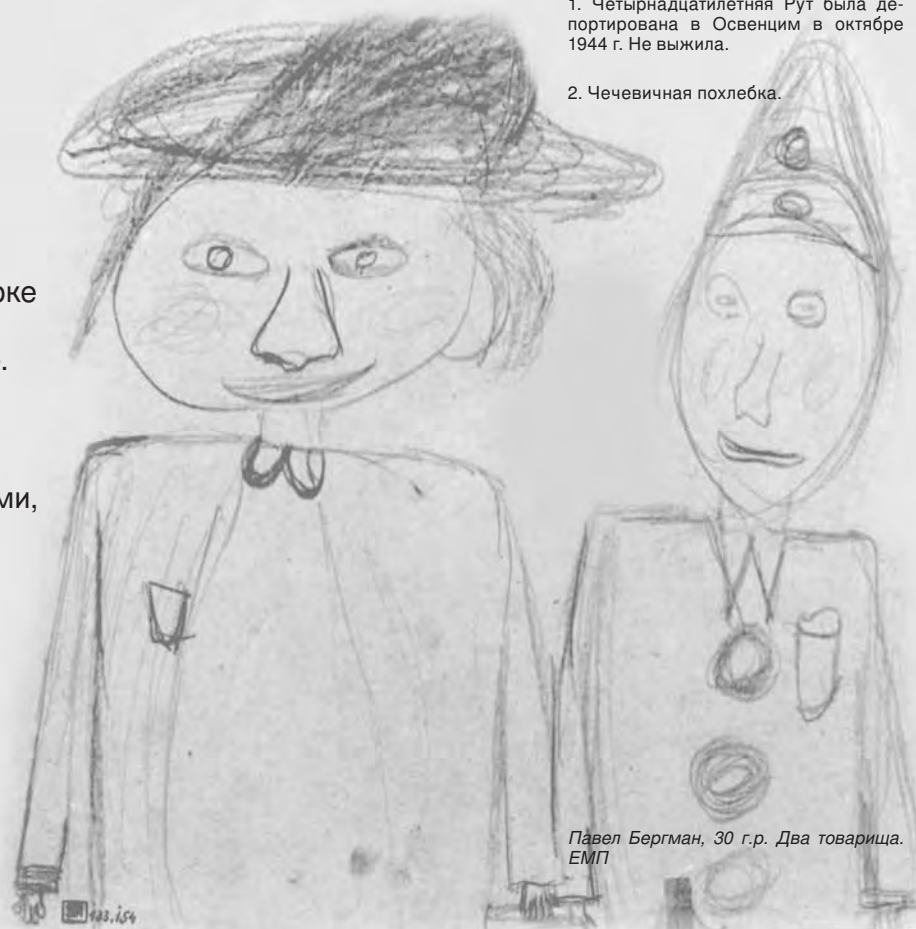
1.

В Терезине в так называемом парке
 дед коротает часы,
 и думает, что он на райской траве.
 До бороды усы.
 Чепчик на голове.

Черствый хлеб разгрызает деснами,
 зуб-то у деда один.
 Милый, грызун мой старенький!
 Вместо булки и «лицензупе»²
 заработал лишь клочок седин.

2.

Кто в Праге кров имел и пищу,
 Кто в Праге был здоров, богат,
 В Терезине стал жалким нищим,
 Стал доходягою в бинтах.

1. Четырнадцатилетняя Рут была депортирована в Освенцим в октябре 1944 г. Не выжила.

2. Чечевичная похлебка.

Павел Бергман, 30 г.р. Два товарища.
 ЕМП

А кто жил в бедности, в недуге,
Переживет и Терезин.
Тому же, кто привык к прислуге,
Здесь светит только гроб один.

3.

Мышка

Сидит на полочке мышка,
ловит блоху в своей шубке,
да поймать эту блошку не может —
та залезла под самую кожу.
И уж так извелась наша мышка —
не блоха, а чертовка, ей-богу.

Но тут папа пришел и с порога
стал вычесывать мышкину шубку.
И поймал эту блошку-чертовку
и понес ее на сковородку.
Мчится радостно мышка к деду:
«У нас есть блоха к обеду!»
КОЛЕБА¹

1. КОЛЕБА — Мирослав КОшек (1932 — 1944), Хануш ЛЕви (1931 — 1944) и Бед-ржих БАхнер, 1931 г.р., депорт. из Т. в Освенцим 4.10.1944, осв. в Блеххаме-ре, живет в Израиле.

Рая Энглендерова, 1929 г.р. Страх.
ЕМП

Часть 4.

Уроки Фрида

Рут Вайсова (1931 – 1940). Монограмма «Брандейс». ЕМП

Занятия рисованием не призваны сделать всех детей художниками, их задача — освободить такие источники энергии детей, как творчество и самостоятельность, пробудить фантазию, усилить способности детей к наблюдению и оценке действительности...

...Лучшими союзниками против «готовой продукции», против заштампованных эстетических представлений, против застывшего в косности мира взрослых являются настоящие художники и сами дети — когда они приподняты над рутинной.

Фрида Дикер-Брандейс

Фредерика Дикер родилась в Вене 30 июля 1898 г. в семье мелкого служащего. Ее мать умерла, когда Фридл еще не исполнилось четырех лет. С 1909 по 1912 Фридл училась в женской средней школе, в 1914 г. поступила в Экспериментальную школу графики на отделение фотографии. В шестнадцать лет она ушла из дома. Чтобы заработать на обучение, работала в уличном театре. Училась на текстильном отделении Высшей школы прикладного искусства и в Свободном лицее, посещала курс «творческого рисования» профессора Ф. Чижека. С 1916 по 1919 училась в частной школе Иоганнеса Иттена, затем, вместе с ним и группой его студентов, переехала в Веймар, в школу Баухауз, возглавляемую архитектором В. Гропиусом. В школе «архитекторов будущего» Фридл посещала занятия Иттена и работала в текстильной, литографической и скульптурной мастерских, которыми руководили П. Клее, Г. Мухе, Л. Файнингер и О. Шлеммер. Благодаря выдающимся способностям она вскоре получила право преподавать новичкам «Вводный курс» И. Иттена. В 1921 г. Фридл оформила главу «Старые мастера» в философско-искусствоведческом альманахе Иттена «Утопия». Вместе с другом и сокурсником Францем Зингером она работала в театре берлинского режиссера Бертольда Фиртеля «Труппа», где они создали декорации и костюмы к «Пробуждению» А. Штраммы, «Габриелю Боркману» Г. Ибсена, «Венецианскому купцу» В. Шекспира и др. В 1923 г. Фридл закончила Баухауз. Вместе с Зингером они открыли в Берлине Мастерские изобразительного искусства по производству тканей, кружев и изделий из кожи. Ее работы были отмечены почетным дипломом Второй берлинской ярмарки кружев (1924). В 1925 г. Фридл вернулась в Вену. Вместе с однокурсницей Мартой Дёберль они изготавливали ткани, вышивки, гобелены, кожаные дамские сумочки и пояса, экспериментировали с новыми техниками и материалами. В 1926 г. Зингер переехал в Вену, где они с Фридл открыли ателье «Зингер — Дикер», одно из самых модных и престижных в городе. В нем проектировались мебель, ткани, интерьеры и здания. Самые известные из них — детский сад в пролетарском районе Вены по системе Монтессори и теннисный клуб. Ателье выполняло заказы на костюмы и декорации для спектаклей Б. Брехта: «Мать» М. Горького, «Дон Карлос» и др. В 1931 г. Фридл начала преподавать на курсах для воспитателей детских садов. Тогда же она примыкает к коммунистическому движению и создает серию антикапиталистических и антифашистских плакатов-фотоколлажей. В 1934 г. во время профашистского путча в Вене Фридл арестовывают за подделку паспортов для коммунистов. После недолгого тюремного заключения она эмигрирует в Прагу.

В Праге она продолжает работать в антифашистском движении вместе с Элизабет Дойч, сестрами Шимко и немкой Хильдой Котны, которая становится ее ближайшей подругой.

Стиль живописи Фридл резко меняется, от конструктивизма она переходит к весьма необычному реализму (сегодня этот стиль носит название «новая вещьественность»). Кроме того, она сотрудничает со своими прежними коллегами по венскому ателье. В своей квартире на Виноградах она открывает художественную студию для детей-иммигрантов из Германии и Австрии.

В 1936 г. Фридл выходит замуж за своего кузена, бухгалтера Павла Брандейса, что дает ей чехословацкое гражданство и право на работу. Теперь она Бедржишка (так переводится на чешский имя Фредерика) Брандейсова.

В 1938 г. Фридл с помощью друзей получает визу на выезд в Палестину — и отказывается от нее. Вместе с Павлом они переезжают из Праги в Гронов, маленький город неподалеку от польской границы, где Павел устраивается бухгалтером на текстильную фабрику «Шпиглер и сыновья», Фридл работает там же художником по тканям. За спроектированный ею стенд «Текстиль Северо-Восточной Богемии» для выставки «Наход-38» она награждается дипломом и золотой медалью. Годы жизни в Гронове, с 1938-го и вплоть до депортации в Терезин в декабре 1942-го, оказались невероятно продуктивными для Фридл. Она пишет картины, иногда занимается с еврейскими детьми и очень много читает. В письмах Хильде Котны она формулирует свой взгляд на историю искусства, философию, психологию и педагогику.

В 1939 г. фабрика была закрыта, супруги лишились работы и квартиры. В 1940 г. в лондонской галерее «Аркадия» состоялась совместная выставка художников Джеральда Дэвиса и Фредерики Брандейсовой. Это была первая и последняя прижизненная выставка ее работ.

В сентябре 1941 г. евреям «Протектората Богемии и Моравии» было предписано носить звезду и «уплотняться», в результате чего Павел и Фридл оказались в тесной каморке. 14 декабря 1942 г. они вместе со всеми евреями Гронова были отправлены в областной сборный пункт в Градец Кралове. Они прибыли в Терезин 17 декабря 1942 г. транспортом Ch, в котором было 650 человек. Из них войну пережили 52 человека, в том числе и Павел Брандейс. В Терезине Фридл жила в детском доме и занималась с детьми рисованием.

6 октября 1944 г. Фридл под номером «Ео, 167» была депортирована в Биркенау, где погибла 9 октября 1944 г.

Фридл и ее отец Шимон Дикер, 1903. Вена. Архив П. Брандейса

Фридл Дикер, 1918 г. ЕМП

Фридл Дикер, 1928 г. ЕМП

Ф. Дикер. Обнаженная. Баухауз. 1919. АКА

Ф. Дикер. набросок. Баухауз. 1919. АКА

Ф. Дикер. Цветы. Баухауз. 1919. АКА

Ф. Дикер. Ритмический рисунок. Баухауз. 1919. АКА

Ф. Дикер. Утки. Баухауз. 1919. АКА

Ф. Дикер. Упражнение: «Белые и черные круги». Баухауз. 1919. АКА

Дом для гостей на вилле четы Хериот в Вене, построенный по проекту ателье «Зингер-Дикер», совместно с архитекторами Хансом Билем и Анной Сабо. 1932 – 1934. Дом снесли в 1962 году, чтобы построить на этом месте блочный дом для рабочих

Стенд фабрики Шпиглера на текстильной выставке в Находке, 1938. ЕМГ

Ф. Дикер – Ф. Зингер. «Вилла Хериот». 1932 – 1934. Архив Г. Шрома

Ф. Дикер – Ф. Зингер. «Вилла Хериот». 1932 – 1934. Архив Г. Шрома

Ф. Дикер – Ф. Зингер. Интерьер кондитерской «Каридо и Ян», 1927. Архив Г. Шрома

Ф. Дикер – Ф. Зингер. Витрина кондитерской «Каридо и Ян», 1927. Вена. Архив Г. Шрома

Ф. Дикер – Ф. Зингер. Интерьер детского сада, 1930. Архив Г. Шрома

Ф. Дикер. Кружева. Берлинская выставка кружев, 1924. АКА

Ф. Дикер. Кошка, 1930. Архив Г. Шрома

Ф. Дикер-Брандейс. Ждарки, 1939. ЕМА

Ф. Дикер. Допрос, 1934, Прага. ЕМП

Ф. Дикер. Плакат с цитатой из Брехта: «Вот так, дитя мое, таков наш мир, куда явился ты, одним здесь ножницы даны, других здесь будут стричь. Так выглядит, дитя мое, наш мир... Коль честен будешь ты, вступай дитя мое, в борьбу со злом, чтоб мир наш изменить...» 1930. УПИ

Ф. Дикер. Гитлер и кричащий ребенок. Фрагмент плаката-фотоколлажа. 1930. УПИ

Ф. Дикер-Брандейс. Аллея в Терезине, 1944. СВЦ

Ф. Дикер-Брандейс. Вид из окна детдома L 410. 1944. СВЦ

Окно. Терезин. Фото Р. Островской. 1998. ЕМА

Вид из окна L 410, фото Р. Островской. 1998. ЕМА

На стр. 267

Павел Брандейс. 1936. Архив П. Брандейса

Франц Зингер. Фото. 1921. Архив Ю. Адлер

Павел Брандейс с друзьями после освобождения. Лето 1945 года.

Карточка Фрида из архива Освенцима. В нем три ошибки: в дате дня рождения Фрида, в номере обозначении транспорта, и в определении профессии — ее определили как домработницу

Список с оценками. ЕМП

Фридл Дикер-Брандейс. Черновик письма. Июль 1944 г. СВЦ. Письмо написано Марии и Отто, родителям Эвы Брандейс. Эву и ее подружку Герти Фридл отдала под опеку Лауры Шимковой. «Мы так рады, что у нас вдруг образовалась маленькая семья. Девочки милые, веселые и хорошо привыкают. Если все останется на своих местах, можно считать, что в их пребывании здесь есть польза. Хорошо, что у Эвы здоровая душевная основа.

Навыки, которые они не обрели там, получают здесь. Они здесь в самой лучшей комнате, воспитательница у них Лаура. Эва развивается хорошо, работает в саду. Это основательная натура, на нее можно положиться, к тому же добрая и мягкая. Хорошо, что они закадычные подружки. Мне с ними невероятно хорошо. Сегодня я рисовала и страшно много писала – покуда это можно...

(текст на оборотной стороне тетрадного листа)

... нам это необходимо. От всех вам огромная благодарность, мы вас любим, за все-все... И обнимаем и целуем несчетное количество раз.

... как это возможно, что несчетное число существующих картин могут быть столь разными, где... обнаруживается множество подобий, мы и прежде знали, что в основе ... цвета, композиции, отношений светлого и темного, ритма... личность ... весь окружающий мир изменился – неверно предполагать, что наше подсознание только теперь играет такую роль, просто оно нам более открыто, вещи стали ясней, поскольку остальной мир, окраинный, откуда произошли все свойства и ..., которые развивали столетиями социальный опыт, мировоззрение и сознание, и как только они обнаружили этот элемент – сознание, тут же – как мне кажется – подавили его в себе, и быстро тоже тот... Но может быть, новая... вера, современная, расставит все точки над «i», соберет ... в одном нет краски, нет ни светлого ни темного, нет никакой конкретной формы...».

Nazwisko **BRANDEIS** Nr
 Imiona **Friederike** Ożyczenie
 ur. **30.7.93** w
 Narodowość Przyn. państw.
 Zawód **Haushalt** Uwagi:
 Transport En Theresienstadt z dn. **6.10.1944 r.**
 Źródła i materiały
 Syg. D-RF-3/103-Nr law. 107408 Tom, 18 str. **23**
 Odr. 576-94 - 131.300

Bikk Edita	6	3	5	6	6	6
Reiml Milena	3	4	3	5	4	19
Eisner Hanna	3					
Fischl Edita	6	6	6	6	12	6
Haykus Hanna	5	2	6	5	4	20
Kessler Frieda	5	4	6			7
Ledner Pina	5	3	5			13
Losz Malva	5	5	6	5	6	10
Pollak Edita	6	6	6	6	3	6
Schönberg Eva	6	6	6	6	3	6
Schule Ylla	6	6	6	6	3	6
Schur Eva	6	6	6	4	5	6
Winn Eva	4	3	6	5	2	5
Ypils Anita	4	3	6	5	2	5

Энергия свободы

Фридл предначертала себе судьбу в прологе пьесы «Синяя борода». Она написала ее в шестнадцать лет.

Три философа-аскета представляются зрителям.

«Первый: Я – Жизнь. Я – мельчайшая частица Всецелого в круговом колесе жизни. Пока жизнь меня крутит – я живу.

Второй: Я жажду Жизни. По пути к цели, которая недостижима, я собираю богатый урожай.

Третий: Я мечтаю о Жизни. Я – эфемерен, я самый великий в природе, я – несостоявшийся».

Жизнь не крутила, но перемалывала Фридл своими жерновами. Но по пути «к цели, которая недостижима», она «собрала огромный урожай». Ее ученица, известная американская художница и искусствотерапевт Эдит Крамер, считает, что, если бы Фридл выжила, она достигла бы новых высот и заняла бы одно из ведущих мест в искусстве XX века. Но и то, что чудом сохранилось, ставит ее в ряд с лучшими художниками эпохи.

Оставшись без матери в раннем детстве, Фридл всю жизнь мечтала о ребенке, но детей у нее не было, и всю свою материнскую любовь она отдавала ученикам. Начала она преподавать в двадцать два года в Баухаузе, затем, после почти десятилетней паузы, вернулась к преподаванию и занималась с детьми до конца жизни.

Спрессованность времени и пространства в Терезине отменила дилемму Фридл. Там Фридл уже не задавалась вопросом, кто она: художник или учитель.

«Рисование доставляет ни с чем не сравнимое удовольствие, – говорила она там, – и пробуждает в детях вкус к жизни». Себе она это удовольствие доставляла в лагере крайне редко. Однако то, что она успела нарисовать – пейзажи, цветы, абстрактные композиции и реалистические портреты, наброски костюмов и декораций к спектаклям, – не несет в себе никаких признаков концлагеря. «Лагерная тема» – катафалки, груженные мертвецами, очередь за едой, в уборную и на транспорт – не нашла отражения в ее искусстве¹.

Дети занимали ее время и мысли, они были для нее неисчерпаемым источником энергии, она нуждалась в них не меньше, чем они в ней. Наверное поэтому по прибытии в Терезин Фридл отказалась работать художником в «Техническом отделе» и ушла в детдом.

В L 410 она занимала «привилегированную» позицию – не числилась в штате воспитателей и не отвечала за порядок и дисциплину. Это дало ей возможность полностью сосредоточиться на занятиях рисованием. Свидетельство тому – 5000 пронумерованных и подписанных детских рисунков, лекция «Детский рисунок» и рассказы очевидцев. Фридл занималась с детьми не только в L 410, но и в других детдомах и больницах. Помимо этого она проводила семинары с воспитательницами, учила старших детей, как заниматься с младшими, устраивала выставки² и спектакли³.

На занятиях дети помогали друг другу, вновь учились доверию. Фридл не столько заботил результат, сколько сама личность ребенка. Она лечила детей искусством, она была врачом, а бумага и краски – лекарством. Теперь это называется искусствотерапией.

Кроме того, у Фридл было много друзей и единомышленников в среде воспитателей и педагогов. С Лаурой Шимковой ее связывала давняя дружба по подпольной работе, с Розой Энглендер, Иреной Краусовой, Камиллой Розенбаум, Гертрудой Баумловой, Бруно Цвикером и Вилли Гроагом⁴ она сошлась в Терезине. «Здесь можно было бы жить прекрасно среди образованных, интеллигентных людей, если бы не страх быть отправленным дальше...» –

Хильда Котны. Прага, 1936. ЕМА.
К ней обращены многочисленные письма Фридл (1939 – 1942).

1. 22.9.1944 Фридл писала Марии Брандейс: «...У меня каникулы. Благодаря Отто я могу рисовать». Большинство живописных работ Фридл относятся к лету и ранней осени 1944 г. Краски привезла Эва Брандейсова, племянница Павла, прибывшая в Т. в мае 1944 г.

2. «17.7.1943. Детская выставка. Любопытно, очень любопытно: с огромной яркостью проявилась терезинская проблематика (многократно повторяющийся образ трехэтажных нар, фигура геттовахмана, сексуальные проблемы в картинах 14-летней девочки). И рядом с ними рисунки, в которых дети выражают свой идеал: кибуц, макет роскошной комнаты, самолет, поезд. Есть здесь и произведения высокого художественного уровня: голландец Спир, 16-летний парень, вылепил рыбака и голландскую карусель. Очень интересны тотемы и маски, замечательно выполнены браслеты, красивейший абажур. У детей из немецкого рейха тематика с некоторым «пруссским» оттенком – крепость, танк – но при этом масса прекрасных вещей, не связанных с войной». «18.7.1943. Я открыл детскую выставку. Дети и подростки создали много прекрасного: рисунки, гравюры, скульптуры и пр. С жизнью гетто можно знакомиться по произведениям, созданным руками детей». Из дневника Э. Редлиха, ТД, с.193.

3. Спектакли «Похождения девочки в Земле Обетованной» и «Светлячки».

4. Вилли Гроаг, заведующий детдомом L 410 с октября 1943; до него заведующим был В. Фройд.

писала она из Терезина.

«Как-то я пришла к Фридл в ее маленькую комнату, — рассказывает одна из ее учениц, — Фридл была грустна. Я спросила, что с ней, но она не ответила, а потом вскинула голову и говорит: «Что такое? Почему мы сегодня не рисуем?!» Как выяснилось, в тот день Павел получил повестку на транспорт»⁵.

Сразу же после депортации Павла Фридл записалась на транспорт.

«Она поделила между нами книги и репродукции, — рассказывает другая ученица, — мне достались десять репродукций с картин Ван Гога и книга гравюр Хокусая»⁶.

Детские рисунки Фридл сложила в два чемодана и оставила на хранение воспитательнице Розе Энглендер.

В конце августа 45-го года Вилли Гроаг привез чемоданы с рисунками в Еврейскую общину в Праге. К подарку в общине отнеслись весьма прохладно. Но первая же выставка детских рисунков из Терезина произвела сенсацию. Работы детей были названы «бриллиантами в короне мировой культуры». Они путешествуют по миру и по сей день.

«Она излучала какую-то особую энергию, — говорит Антон Сваровский⁷. — Стоило ей только появиться у нас, как все в доме менялось».

«Она излучала особое, материнское тепло», — говорит ученик Фридл, известный австрийский художник Георг Айслер.

«Она излучала энергию свободы», — говорит Хельга Кински, терезинская ученица Фридл.

Жизнь Фридл оборвалась в 46 лет. «Энергию свободы» теперь излучают ее картины и рисунки ее учеников.

Транспорт Ео⁸

«Вечером 5 октября нас погрузили в поезд, не в скотовоз, а в очень хороший. Правда, из-за вещей в вагоне было тесно. Нас было 1550 человек, в основном женщины и дети. Еще матери с младенцами, которые родились в Терезине. Это мы сочли добрым знаком — не станут же немцы убивать грудных детей! Мы верили, что едем в новый лагерь, к отцу. Беспокоились только за вещи. На всякий случай мы надели на себя все, что только можно, и очень страдали от жары, тем более что погода стояла теплая. На терезинском перроне нам велели снять с шеи номера. Какая радость — значит, мы больше не числа. Рано утром 6-го поезд тронулся в путь. Каждому на дорогу дали батон хлеба и что-то вроде колбасы. Мы думали, что вечером уже будем на месте. Где это место, никто не знал, и все постоянно об этом говорили. Иногда мы ненадолго засыпали и тут же просыпались в испуге, все было как-то странно. Когда поезд останавливался, мы наполняли водой бутылки или кружки. Пробираться в уборную через тюки и чемоданы было настоящей мукой.

А поезд все шел, сначала в направлении Дрездена, затем дальше. Ночью поезд остановился в каком-то городке⁹. Мы слышали звук разрывающихся снарядов, видели полыхание огня. Прежде мы никогда не видели бомбардировки. Если бы в наш поезд попали, о раненых никто бы не позаботился. В конце концов мы с Соней уснули, а поезд все ехал... Польша. Куда мы едем? Явно не туда, куда отправили мужчин. Может, они в лагере у Дрездена?

Сообщение, которое принес кто-то из уборной, было для всех страшным ударом. Там, на стене, за грудой вещей, было накорябано «Освенцим». Все бросились утешать друг друга;

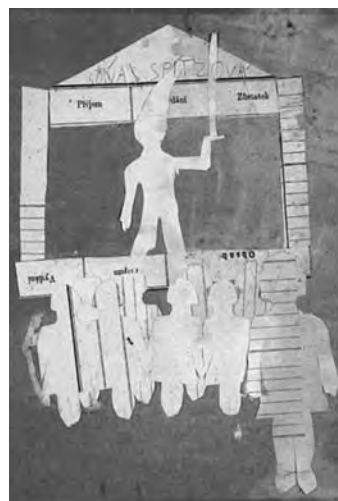
5. Из интервью с Эдной Амит (Л. Бобашовой). Михморет, 1991.

6. Из интервью Иреной Марвановой (Айслер). Колин, 1997. Я попросила у Ирены книжку на выставку Фридл в Токио. В Музее искусств Фуджи я показала куратору наброски фигур и пейзажей, выполненных Фридл в Т. с гравюр Хокусая. Мне тут же принесли оригиналы этих гравюр из запасника музея.

7. Сын друзей Фридл: дирижера Ганса Сваровского и его жены Леи.

8. «Приказ по транспорту Ео» гласил: «Внимание! Внимание! Отправка! Вагоны уже здесь, пора на посадку, все к вагонам! Те, кто в назначенное время не явится в шлойску, будут посажены во внутреннюю тюрьму! Не задерживайте сами себя!» ЯВА, 064.

9. 6 октября в Освенциме-Биркенау вспыхнуло восстание, евреи из «зондеркомандо» взорвали одну из четырех газовых камер. Было объявлено чрезвычайное положение; поезда, следующие в Освенцим, были остановлены. Вывод из строя газовой камеры означал уменьшение пропускной способности. Транспорт Ео ждал своей очереди почти сутки. «Здесь погибли женщины и дети, прибывшие из Терезинштадта 8 октября 1944 года», — гласит памятная доска, установленная на месте трагического события.

Елена Макарова и Мария Витовцова (Шпицова) рассматривают фотографии, 1998. Водняны. ЕМА

Соня Шпицова (1931 – 1944). Цирк. ЕМП

многие, в том числе и я, про Освенцим никогда не слышали. Мама начала сомневаться в том, что в Освенциме мы встретимся с папой.

На чешской и немецкой территории нам давали пить, а в Польше – нет, якобы вода отравлена тифом.

Было воскресенье, 8 октября. Транспорт прибыл в Освенцим в полдень. На перроне стояли вооруженные эсэсовцы с собаками. Мы и вздохнуть не успели, как налетели заключенные в полосатой одежде, стали отпирать двери вагонов и орать: «Вон, быстро вон! Оставить вещи на месте, они пронумерованы, все получите потом!» С испугу мы с Соней выронили рюкзаки, а мама – сумочку, и так мы вышли... Мы были в первом вагоне. Не прошло, как мне казалось, и десяти минут, как мы очутились перед группой эсэсовцев, на селекции. Менгеле показал на меня и еще на одну девушку – направо¹. Я остановилась, мама стала просить его, чтобы он отпустил меня с ними. Но он закричал на нее: «Вон!» Я обернулась и увидела их в последний раз. Сонечка плакала, я слышала ее плач, когда они уходили. Там, между рядами колючей проволоки, шла дорога...»²

1. Из двух первых вагонов была отобрана 191 женщина и несколько десятков мужчин, всего выжило 76 человек. (Данута Чех. «Календарь событий концлагеря Освенцим, «Музей «Освенцим-Биркенау», 1992, с.780).

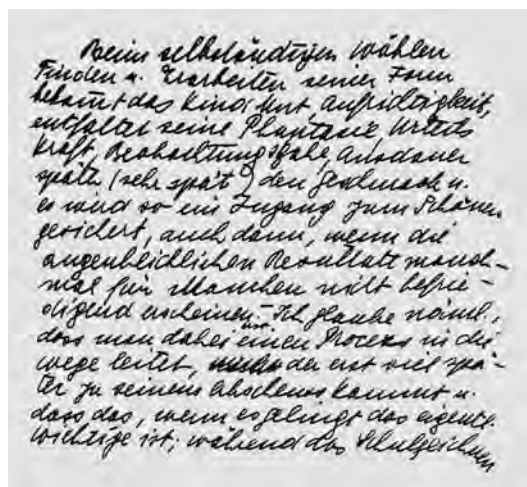
2. Из письма Марии Витовцовой, сестры Сони Шпицовой, ученицы Фрида. Сентябрь 1997, архив ЕМА.

Искусствотерапия в концлагере

Впервые прикоснувшись к детским рисункам из концлагеря, я испытала шок. И подумала: как можно их анализировать, зачем? Я этим заниматься не буду. Кто способен чувствовать, обойдется без объяснений. Рассматривая и «перерисовывая» для себя в тетрадь сотни детских рисунков, я записывала – «композиция тревожная», «обратить внимание на двойные рамки», «странное положение солнца»... И вместе с тем – потрясающее ощущение беззаботности. Досушие мысли детей витают далеко за пределами гетто, там, где жонглируют шариками веселые клоуны, кружатся карусели и скачут лошадки. Их рисунки населяют целый мир отнятых удовольствий. Простых удовольствий: прогуляться по лугу и понюхать цветы, посидеть в своей комнате за своим столом, проехаться на машине... Поскольку все эти рисунки созданы на уроках Фрида (свидетельство тому – подписи на них), то можно

сказать, что главной ее задачей было вызвать в детях забытое чувство удовольствия. Об этом она читала лекцию в Терезине³. Через всевозможные упражнения и диктанты она вела их именно к этому чувственному воспоминанию. Успокоившись и сосредоточившись, дети в конце концов погружались в сладостную беззаботность, и им так не хотелось, чтобы урок кончался.

Фридл ставила оценки по шестибальной системе. «Энергия – Напряжение – Пропорции – Форма – Образность – Композиция – Цвет». Конечно же она делала эти отметки для себя. Она, не подписавшая ни одной своей лагерной работы, следила за тем, чтобы на всех детских рисунках были проставлены имя, возраст, номер комнаты и порядковый номер урока. Рассчитывала ли она вернуться к терезинским работам после войны? Или понимала, что это будет единственной памятью, которая останется от детей?

3. Доклад «Детский рисунок» был напечатан на машинке. Вторая часть, рукописная, обнаружилась в Праге в декабре 1971 г. «Мы купили у проф. Альфреда Эрлиха 15 страниц на немецком языке, написанных в Терезине на той же бумаге, на какой рисовали дети. 14.2.1972 г. мы показали рукопись Розе Энглендеровой ... Она выразила абсолютную уверенность в том, что текст принадлежит Ф. Брандейс и что бумага из Терезина ... Запись из архива Еврейского музея в Праге, 14.3.1972». Найденная рукопись относится к лету 1944 г. Об этом свидетельствуют даты, указанные на тех детских рисунках, которые Фридл использует в качестве примеров. По всей видимости, рукопись служила Фридл конспектом к докладу, о котором, увы, не сохранилось никаких упоминаний. Мы публикуем оба текста без купюр.

Фридл Дикер-Брандейс. Страница рукописи «Без названия». 1944. ЕМП

Рут Гейнова (1934 – 1944). Освенцим. ЕМП

Роберт Перл (1932 – 1944). «Лев и лошадь. Группа 4А, 22.4.1944». ЕМП

Хана Бекова (1930 – 1944). Клоун и публика. «19 комната, 18 урок». 1944. ЕМП

Детский рисунок. Лекция Ф. Дикер-Брандейс

Занятия рисованием не призваны сделать всех детей художниками, их задача – освободить такие источники энергии детей, как творчество и самостоятельность, пробудить фантазию, усилить способности детей к наблюдению и оценке действительности¹.

Многие прежде проводившиеся занятия рисованием обедняли фантазию детей, блокировали их творческую силу. Лучшими союзниками против «готовой продукции», против заштампованных эстетических представлений, против застывшего в косности мира взрослых являются настоящие художники и сами дети – когда они приподняты над рутинной.

Если идет речь о ребенке младше десяти лет – имеется в виду не возраст, а степень зрелости, – то главным образом нужно заботиться о том, чтобы ему не мешали играть в его игры и осуществлять им самим задуманное. Преподавать, учить такого ребенка бесполезно; в этом нарциссическом возрасте на любое вторжение в душу он отвечает тем, что отворачивается от деятельности вообще, хотя в этот период рисунок и живопись – его главные средства самовыражения.

1. И. Иттен во «Вводном курсе в Баухауз» говорит о «высвобождении творческих сил и художественных способностей учащихся», о том, что они «шаг за шагом должны освобождаться от мертвящих условностей, накапливать решимость для самостоятельной работы». А вот что говорит Фридл: «Помню, как я мечтала вырасти большой и оберегать своих учеников от противного ощущения, когда в голове уйма всяческих знаний, а зачем они – непонятно. [То есть Фридл со школьных лет видела себя педагогом.] В сегодняшней ситуации существенно только одно – пробуждать тягу к творчеству, сделать ее привычкой и научить преодолевать трудности, незначительные по сравнению с целью, к которой стремишься». (Из письма к Х. Котны, 1940 г.)

Рут Хейнова (1934 – 1944). Арена цирка, 1943 – 1944. ЕМП

Эрика Тауссигова (1934 – 1944). Цветы и нары, 1943. ЕМП Эрика любит Фридл, Фридл любит цветы. Так на ее рисунке цветы выходят на первый план, вытесняют трехэтажные нары

Леа Поллакова (1930 – 1944). Портрет. 1944. СВЦ

Неизвестный автор. Портрет. СВЦ. Справа в углу рукой Фридл нарисовано лицо. Видимо, иначе не объяснить было автору рисунка, что сначала надо почувствовать форму целиком, а потом заниматься вырисовкой деталей.

Эрика Тауссигова. «Для госпожи Брандейс». ЕМП

Ребенка старше десяти лет уже не удовлетворяют средства, имеющиеся в его распоряжении; ему открывается реальный мир, фантазии отступают на задний план. Приходит пора обучения форме, сами занятия должны носить характер взрыхления почвы или поддержания ее взрыхленной; главное — следить за тем, чтобы в процессе занятий не уничтожить сами всходы. Технику рисунка и живописи надо давать ребенку в точном соответствии с его запросами². Элементы, которыми оперирует ребенок на занятиях, естественно, те же, что и в «большом искусстве»: величины, соотношения величин (пропорции), ритм, свет, тень, пластика, пространство, цвет, перспектива и композиция; теперь его знакомят с каждым из этих элементов в отдельности, оставляя при этом открытым путь к индивидуальному восприятию³.

Вспышками детского вдохновения, внезапными озарениями не следует дирижировать. Эдак можно не только закрыть себе доступ в мир идей ребенка, но и утратить возможность оценки его готовности к восприятию, его способностей, психического состояния, душевного настроя. В том случае, когда педагог обладает *достаточным* опытом для осуществления обратного перевода — из мира материальных следствий в мир идеальных причин (от объекта к причине), — детские рисунки предоставляют в его распоряжение как важную информацию, так и нити для руководства духовной жизнью ребенка. В противном случае педагогу лучше положиться на повседневные наблюдения. Если ребенок вяло и без энтузиазма отвечает на вторжение взрослых идей в его мир, не следует ему их навязывать. Знания, которые ребенок не способен воспринять или которые даются ему в момент, когда он поглощен иными вещами, воспринимаются им как посягательство на его внутренний мир; на это ребенок отвечает скукой и неадекватным поведением.

2. Возможно, к этому утверждению Фридл привел собственный просчет. «У меня есть маленький ученик, необузданный милый паренек. Если бы я не ставила перед собой проклятую задачу научить его «правильно» видеть, сколько нового мне бы открылось! Но когда преследуешь определенную цель, трудно перестроиться. Вначале мы учились смешивать краски, дабы он смог упорядочить свое представление о цвете, обогатить его, затем начали малевать, беспредметно, чтоб создать среду обитания для тех вещей, которые ему предстояло нарисовать. Показываю ему цветные репродукции на сигаретных пачках. Он буквально влюбляется в мадонну с младенцем Рафаэля и хочет «это» рисовать. Все идет хорошо, но там, где рукав выглядывает из-под мантильи, есть маленькая красная форма с закруглением; он рисовал ее раз десять, и всякий раз — прямой линией. Я — стирала, он — упорно повторял. Мне бы понаблюдать и понять, почему он так делает — наверняка у него сложилось какое-то свое представление о соотношении этой формы и краски...» Из письма к Хильде Котны, 1940 г.

3. Почти дословная цитата первого пункта иттеновской программы «Вводного курса в Баухауз». В 40 г. Фридл писала: «Я долго находилась под сильным влиянием страстно почитаемого мною учителя, он помог мне выпутаться из скорлупы (она была очень твердой). В результате, вопреки возражениям друзей, я поняла, что я вообще не учитель, и ушла в живопись. Может, поэтому я теперь столь успешно преподаю или просто ученики попались талантливые? То, что я когда-то изучала, вошло в меня полностью. Это и есть свидетельство необходимости и своевременности полученных знаний, без них я бы не обошлась, теперь они через меня воздействуют на учеников». Из письма к Х. Котны, 1940 г.

Рисунки Роберта Бонди (1930 — 1944). ЕМГ Яркие, красочные пейзажи Роберта Бонди описывают одну и ту же картину — горы вдалеке, на первом плане — одинокое дерево... Пейзажи кажутся огромными, хотя нарисованы на стандартном листе. Карандашные рисунки на лагерную тему нарисованы бледно. Пейзажи выполнены художником, а рисунки — ребенком.

Трудности, вызванные скудостью технических средств, могут быть преодолены самим педагогом, если ему удастся установить контакт с учениками. Здесь самое трудное – начало, потом легче; однако бедность самих средств самовыражения – это уже нечто непреодолимое. Лучше заниматься с большой группой детей, чем с маленькой или с одним ребенком. В большой группе дети зажигают друг друга, создается более стабильное настроение, хорошие почти всегда сплываются против плохих. Дети заражаются друг от друга полезными идеями. Не перегружая детей своим вниманием, преподаватель тем самым предоставляет им широкое поле воздействия друг на друга. При этом вырабатывается необходимый для жизни навык – умение работать в группе. Группа – это неконкурирующее целое, совокупная единица мощности¹. Посредством интенсивных совместных усилий как группа, так и отдельная личность достигают наилучших результатов. В этой ситуации все готовы преодолевать трудности, возникающие из-за нехватки материалов, и, помогая другим, в чем-то ограничивать себя.

Замечательные ребята Дома № 617 хотят заниматься живописью. Не хватает кистей, красок, планшетов для рисования. Мальчики, которые составляют группу, должны знать, что они пришли заниматься живописью, что здесь принимают всех, вне зависимости от степени одаренности. Они сами разбиваются на четыре подгруппы, одна рисует, а три ждут очереди. Ребята признают превосходство тех, кто страстно увлечен живописью и готовы быть на подхвате. Готовить планшеты, смешивать краски – это их вполне устраивает. Сами или по чьему-то совету они находят применение своим способностям: одни готовы вести список и отвечать за организацию процесса, другие – распределять материалы, третьи – вести рабочий дневник занятий, иные же хотят только рисовать или делать эскизы. Находятся и те, кто готов посвятить свое время поискам материалов для занятий. Таким образом, не теряется ощущение сопричастности с общим делом – те, кому приходится ждать, знают, что настанет и их черед.

Мальчиков становится вдвое больше. Приходится обмениваться кистями, пользоваться ими по очереди. Раньше в этом доме исчезали бумага и картон, теперь мальчишки стали более сознательными. Ребят с явным художественным даром удалось организовать в отдельную группу, которая ведет занятия с группой менее способных.

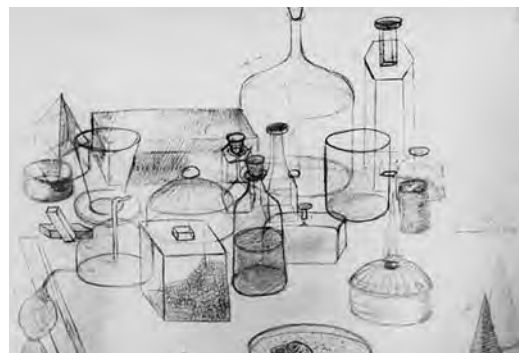
Мы часто делаем эскизы, обсуждаем их вслух и выбираем лучшие. В процессе совместной работы дети быстро отвыкают от злой и насмешливой критики. Из жизни и взглядов другого можно незаметно для себя почерпнуть много полезного. Ошибки, а точнее, те детали, которые не полностью удались ребенку при выполнении задания, дают стимул новым идеям. Обнаруживая ненамеренное, случайное сходство предметов, ребенок обогащает запас форм. Относясь критически к тому, что делает сам, он утрачивает нетерпимость к своим и чужим попыткам.

Поскольку меня часто спрашивают о ритмических упражнениях, хочу сказать о них особо². Они служат хорошим подспорьем для превращения толпы в рабочую группу, готовую совместно заниматься делом, вместо того чтобы мешать друг другу и портить работы. Как побочный результат, эти упражнения делают легкими и гибкими как руки художников, так и их самих. Вдобавок ребенок с их помощью извлекается из зрительной и мыслительной рутины (позже мы увидим, насколько это полезно) – ему дается задание, полное игры и фантазии, и при этом – легковыполнимое. Это приносит ребенку удовлетворение, помогает ему скон-

1. Сходные идеи изложены в докладе профессора-психолога Гертруды Баумловой: «Группа – это социальный механизм, подлежащий образовательным и воспитательным процессам. Труд наполняет содержанием жизнь группы и отдельной личности; он организует группу, призывает себе в помощь товарищество; группа одновременно творит и трудится. Без осмысленного труда она теряет нравственные устои и саморазрушается». – «Вопреки», Г. Баумлова, Т., июль 1943. ЯВА.

2. «Тренировка тела как инструмента духа очень важна. Пальцы, руки и все тело необходимо подготовить к работе, используя упражнения на расслабление, усиление и повышение их чувствительности. ... Звук, наполненный силами сердца, может творить чудеса». Из предисловия И. Иттена во «Вводный курс в Баухауз». Цит. по: А. Аронов. Иоганнес Иттен. Искусство формы. М, 2001, с.11.

центрироваться, и он начинает различать ритмы разного происхождения (тональность звука или напряжение линии), которые прежде были для него слиты воедино. Должно ли это быть именно звуковое упражнение? Нет, не обязательно – важно, чтобы упражнение было простым, однозначным и легко варьируемым. С помощью такого непривычного задания дети сообща выходят на старт, звуковой сигнал и смещит их, и настраивает на общую волну.

Гануш Вайль. Дом № 1, 12 лет. Упражнение, 1944. ЕМП

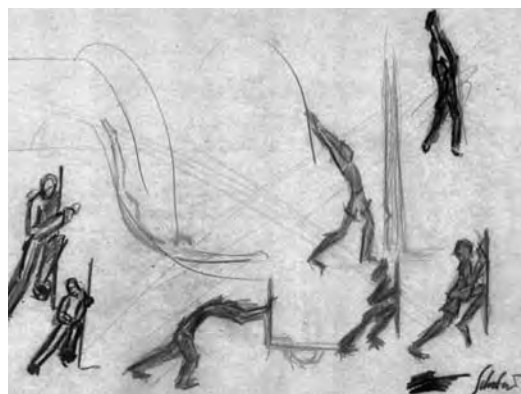
Леа Поллакова (1930 – 1944). Прозрачная посуда. ЕМП

Иржи Шуберт, 1922 г.р. Упражнение на движение. 1943. АМВИ

Петр Гинц. Ритмические упражнения. 1944. ЕМП

К. Кляйн. Упражнение. Детдом № 7, 1-й урок. ЕМП Смешивание цветов, подбор их по тонам или контрастам, – это своего рода медитативное занятие. Выписывая кисточкой тонкие квадратики, ребенок внутренне успокаивается, настраивается на работу с цветом. Судя по множеству рисунков с цветовыми шкалами, Фрида часто пользовалась этим приемом.

Иржи Лагус (1933 – 1944). Композиция. ЕМП

Работая с группой девочек 10 – 12 лет, я столкнулась с большими трудностями в преодолении рутинных привычек и привязанностей. Большинство из них играло с большими целлюлоидными пупсами. Однажды мы решили сделать кукол, чтобы с ними сотворить что-нибудь, например театр.

Девочки были недовольны тем, что у них получалось. Некрасиво. Все хотели принцесс. В конце концов они принесли мне своих пупсов, толстых, гладких, подрумяненных, с длинными ресницами. С ними тряпичные куклы, естественно, не могли соревноваться. Я предложила из тряпичной куклы, которую девочки сочли уродской, сделать фигуру для процессии ряженных, и вскоре настроение переменялось. Так у нас возникли куклы – водовоз, кухарка, волшебник со зверями и даже работница туалетной службы.

Бесконфликтная, принимаемая некритично, бессодержательная «красота» в стиле Макарт (Анно Шнее)¹ приносит вред и сегодня.

Борьба с «готовым изделием» в любом случае пойдет ребенку на пользу. Им еще не освоено богатство форм и не пережито в полной мере чувство красоты, так что не беда, если в борьбе с клише он временно утратит стабильность. ... В этот период народное искусство, первобытное искусство, современные художники и скульпторы и через них – старые мастера, воспринимаются им в соответствии с его личной способностью к суждениям.

Такая способность, не боящаяся быть высмеянной, самосознающая и стремящаяся проявиться самостоятельно – и есть новый источник творчества, она же и цель наших попыток заниматься рисованием.

Ф. Дикер-Брандейс. Без названия

К сожалению, детские рисунки из-за их формата не могут служить демонстрационным материалом, поэтому прошу меня простить, что я больше говорю о намерениях, чем о результатах; наглядные примеры были выбраны для показа довольно случайным, хаотичным образом.

Если мы хотим рассматривать детские рисунки с пользой и удовольствием, мы не должны торопиться с окончательными суждениями о форме и содержании; лучше взглянуть в них молча и подумать о том, что они в себе несут.

Наши предрассудки и притязания в отношении детских рисунков вытекают по большей части из ложных представлений о самом ребенке и о том, что он хочет сказать. Они происходят из расхожих мнений о высоких и низких эстетических ценностях, возникающих у взрослых либо вследствие тщеславия, либо от самонадеянности или страха; пытаюсь в свое время решить для себя проблемы собственного творческого развития, они сочли их непреодолимыми и со страху преждевременно подавили в себе желание в этих процессах разобраться.

Почему, собственно, взрослые хотят как можно скорее уподобить себе детей – так уж ли мы счастливы и довольны собой?

Ребенок не является (или почти не является) недоделанным, недоразвитым, предварительным этапом развития взрослого. (Ратенау², очевидно, именно по этому поводу сказал: «Аллегро – это не цель для адажио, и финал – не цель для вступления. Они следуют друг за другом по закону гармонии. Не всегда диссонанс требует разрешения».)

Предписывая детям путь их развития, при том, что их способности, помимо всего прочего, развиваются абсолютно неравномерно, мы не даем им расти свободно и творчески, а себя лишаем возможности этот рост увидеть.

1. Ганс Макарт (1840 – 1884) – австрийский художник, его именем названо художественное направление. Писал огромные помпезные полотна, был законодателем мод. Знатная буржуазия декорировала свои салоны в стиле Макарт.

2. Вальтер Ратенау, министр иностранных дел Германии во времена Веймарской республики, сторонник проведения в жизнь Версальского договора о мире. Убит правыми экстремистами-антисемитами в 1922 г.

Требования взрослых, даже тогда, когда они обоснованны, относятся не к тем вещам, по поводу которых они высказаны. Например, такие качества, как чистота, точность, способность адекватно передать определенное содержание, требуются при создании геометрического орнамента и не имеют ничего общего с творческим рисованием.

Чего следует ожидать от творческого рисования? Достижения ребенком всемогущей свободы, при которой он реализуется, сначала эмоционально, а уж потом и в материале. Итак, следует довериться самому ребенку; самое большее, что мы можем, — это предложить ему материал и побудить его к работе. Всякие наши «художественные» оценки на этом этапе не имеют никакого смысла.

Учитель, воспитатель должен придерживаться огромной сдержанности в оказании влияния на ученика. Возможно, именно тот учитель, который обладает вкусом и художественными задатками, пленившись силой и непосредственностью работ ребенка, станет искусственно удерживать его на стадии инфантильности или настаивать на определенном виде выражения, идет ли речь о каком-либо из «измов» или о серьезном академическом рисунке. Точно так же не следует показывать ребенку «примеры» — картинку из календаря с козочками и соснами, посыпанными серебряной пылью, Белоснежку с семьей гномами, Ферду-Муравья или какой-нибудь импрессионизм. Последний, благодаря свежести и смелости, ребенку ближе (правда, сам ребенок может его сразу и не воспринять, однако это все-таки лучше, чем сентиментальность, пошлость и слащавость).

При этом можно многократно показывать произведения как старого, так и современного искусства всевозможных видов, любые изображения с натуры — в любом случае это лишь обогатит ребенка. Он сам выберет то, что ему нужно. Не следует навязывать ему своих мнений и предпочтений, так как он, податливый и доверчивый, жадно прислушивается к любому высказыванию взрослого, отождествляет себя с ним; он готов верить всему, сказанному взрослым; он быстро соглашается с его советом, лишь бы поскорее и попроще достичь спокойной ясности и застраховаться умением производить готовый продукт. Ребенок верит, что средствами, полученными от взрослого, он скорее выиграет соревнование, которое ему навязано. Таким образом, он отторгается от себя и своих нужд; сперва он теряет выражение, адекватное его переживанию, а затем и само это переживание.

Главное, чтобы ребенок был свободен в выражении того, что он хочет о себе сказать — это могут быть любые идеи и фантазии, богатые и бедные, вплоть до бессмыслицы, — вовсе не воплощенные в форме или выраженные на том языке формы, которым он владеет.

В обмен на это мы получим бесценную возможность наблюдать за его внутренним состоянием (здесь желательна помощь психолога), вникать в его интересы, предпочтения и знания. Приведенные ниже работы детей могут служить примерами того, насколько необходимо ребенку ежедневное спонтанное самовыражение и как оно трансформируется в рисунках, которые дети рисуют как «картинки».

Воспитательница, которая обычно не рисует с детьми, предложила им нарисовать все, что придет в голову. У одного возник дом с наглухо закрытыми окнами и дверьми, одиноким цветком, платицем и мебелью; все без связи, без пространственных отношений друг с другом. Ирена Краусова³ сообщила об этом ребенке, что он до Терезина был в сиротском доме, где с детьми очень жестоко обращались, их постоянно держали взаперти, отбирали и прятали все их вещи, включая деньги. В Терезине он встретил хороших воспитателей, и через какое-то время на его рисунках появился уютный столик в комнате, с лампой и картиной на

Хана Поллакова (1931 – 1944). Квартира, 1944. ЕМР

Ирена Краусова. Довоенное фото. ЕМА

3. Воспитательница Ирена Краусова (1910 – 1944) — сестра коммуниста-подпольщика Ф. Крауса. «Любимая всеми» Ирена была всесторонне образована, преподавала девочкам чешскую и мировую литературу, занималась с ними спортом. Ее возлюбленный, чех И. Жонтовский, по кличке Кулишек, рискуя жизнью, проникал в Терезин. Подкупая жандармов, Кулишек проносил в гетто письма, продукты, книги, газеты — все, что просила Ирена. Однажды он провел в Терезине, в приемной доктора Бёма, целую неделю (с 24 декабря 1942 г. по 1 января 1943 г.); там он встречался с Иреной. Он уговаривал ее бежать, но она не соглашалась, боясь, что это навлечет беду на детдом и ее родителей. 23 октября пришел черед родителям. Ирена проникла в шлюску попрощаться с ними, но там оказался патруль. Ирена выпрыгнула из окна — и прямо «в объятия Хейндла». Она была зверски избита и отправлена тем же транспортом. Во время суда над Хейндлом И. Жонтовский и Ф. Краус выступили общественными обвинителями.

стене. Вещи теперь связаны воедино, их много. Вместо сухих штрихов – линии, они имеют толщину и наполненность (не прерывисты). В лучшую сторону изменились и другие дети.

Как было замечено этой же, очень любимой детьми воспитательницей, на первом рисунке дом (по словам д-ра Баумловой, дом означает самого ребенка) отправлен в самый угол, его двери закрыты, окна пусты, линии имеют депрессивный наклон. На втором рисунке, после того, как ребенок отошел от шока после перенесенных несчастий и оказался в нормальном окружении, дом вернулся на середину листа, на окнах появились занавески, на двери – глазок, на лугу – цветы, и даже солнце нарисовано не так бегло, как на первом рисунке.

Третья девочка 12 лет, как и все в ее возрасте, переполнена сексуальными фантазиями. Пояснения излишни: объятия, нога мужчины, помещенная между ногами девушки, и одинокое дерево говорят сами за себя. В рисунках четвертой девочки д-р Баумлова увидела проявления садизма – отрезанные головы, отрезанные ноги у собаки.

В этой ситуации нет никакого смысла уделять внимание хорошей или вообще какой-либо форме, поскольку рисунок спонтанен. И хотя детей положено воспитывать, прежде всего им надо предоставить возможность оригинального и самостоятельного выражения.

При самостоятельном нахождении и обработке своей собственной формы ребенок становится мужественным, искренним, развивает фантазию, интеллект, наблюдательность, терпение и позднее, намного позднее – вкус. Даже если сиюминутный результат будет выглядеть неубедительным, сам процесс в итоге приведет к пониманию красоты. Я верю в то, что руководить можно лишь процессом развития, который придет к завершению много позже (если получится), и это особенно важно понимать. Почти все мы знаем по школьному опыту: то, что было закрыто на засов в школьных рисунках, не высвобождается или никогда, или с большим опозданием и с огромным трудом.

Не нужно беспокоиться об аккуратности и чистоте! Сама красота материала для рисования, красота чистого листа вызывает у детей бесконечную жажду творчества. А клякса или запачканное место лишь усиливает ее. В этом вас, возможно, убедят следующие примеры.

[Тут Фридл, очевидно, перешла к демонстрации рисунков.]

Разве можно предпочесть богатству переживаний, сказочному творчеству этой 12-летней девочки сухие, трезвые, точные рисунки 16-летней? Причем 12-летняя может рисовать не менее точно. Обе девочки сообщают что-то истинное, обе одарены. Однако младшая еще полна свежести, она лихо распоряжается материалами, свободна от условностей. Старшая тоскует. По чему? По дому? Или эта тоска только оттого, что все говорят о доме? Неизвестно. Сентиментальность и стилизация деформируют все. Видны птички на дорожном столбе. В рисунок попадает красный домик, выполненный с большим чувством, хотя и в плакатном стиле; подчеркнутая «праздничность» терезинской одежды отражает глубокую печаль и тоску по дому. Менее понятна заторможенность в рисовании этой 13-летней, при всем ее обаянии. Она слишком рано взяла курс на готовую форму. Еще год назад она обворожительно рисовала, свежо и очень выразительно, бралась за наблюденные, совершенно нетривиальные сюжеты, такие, например, как трудности маленькой девочки в незакрывающемся туалете: одной рукой она поддерживает юбочку, другой держит дверь, в зубах – бумага, девочка балансирует на одной ноге¹. А теперь ее все сковывает: технические задачи, чувство собственной значимости, желание получить «безопасный» результат (это вообще один из главных подводных камней).

А вот обратный пример – вполне свободная 11-летняя художница, работающая в полном

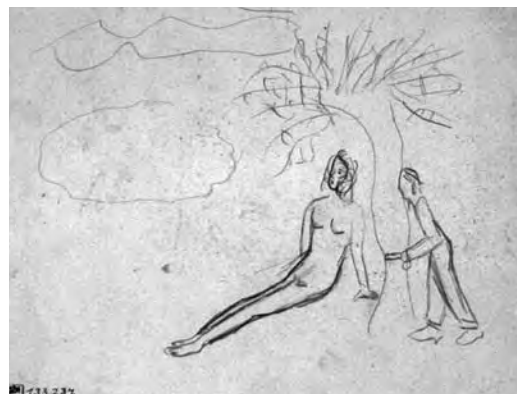

Хельга Вайсова. Девочка в туалете. 12 лет. Дрезденские казармы. XXВ.

1. Упомянутый рисунок датирован 1942 г. и принадлежит Хельге Вайсовой (Хошковой).

согласии со своей богатой натурой и невероятно развитой фантазией; она реагирует на тему урока только тогда, когда она ей близка, находит отклик в душе. Это значит, что может пройти 10 уроков без результата, пока учитель не набредет на что-то, на что этот «неконтактный» ребенок внезапно отзовется. Впрочем, достаточно одного-единственного правильно поставленного вопроса, чтобы оказаться у той двери, которая хочет быть открытой. Девочки рисовали на свободную тему. Эва показывает мне свой лист². На нем – обнаженная женщина под деревом, она грустно глядит в пространство, на несуществующий пейзаж. За деревом – мужчина в рыцарском одеянии, он настроен весьма добродушно, но в руке у него револьвер. Я осторожно спросила, куда глядит женщина и что сейчас произойдет. Эва ответила, как любой ребенок в подобном случае: это ничего не значит, это просто так, но она хочет здесь кое-что улучшить. Затем на рисунке возникает озеро, около него абсолютно осмысленно сидит женщина, колени прикрыты платком, на небе облака; пистолет из руки мужчины исчез. Я сказала – это совсем другой, новый рисунок, жаль старого. Она с готовностью ответила, что может перерисовать старый по памяти, получится точно такой, как раньше, и действительно – появилась в точности та же задумчивая голая женщина и добродушный мужчина с револьвером.

2. Эва Шурова (1933 – 1944).

Эва Шурова. Сидящая женщина и мужчина с револьвером. 5.4.1944. 2-я группа. 10 лет. ЕМП Оба рисунка были сделаны за месяц до депортации в Освенцим.

Эва Шурова. Коленопреклоненный. 1.3.1944. ЕМП

Эва Шурова. Обнаженная девушка. ЕМП Эва не могла справиться с передачей позы, и Фридл сделала для нее маленький эскиз.

Эва Шурова (1933 – 1944). Танцы.
15.3.1944. ЕМП

Эва Шурова (1933 – 1944). Пианист
(фрагмент). 15.3.1944. ЕМП

Вот пример неравномерности стадий развития: девочка 12,5 лет рисует с натуры как 15-летняя, а на свободную тему как 7-8-летняя.

Обратный случай – неудача при рисовании с натуры у 13-летней. Горшки с растениями нарисованы будто бы другим ребенком, их вид лишь намекает на огромное богатство форм, горшки с растениями закрыли путь к самовыражению, и девочка изнывает от тоски; и напротив, какое изобилие, полнота жизни в ее рисунках на свободную тему.

Одаренный, полный фантазий ребенок зачастую не может выразить того, что у него внутри, и рисует невыразительно. Следующий пример – единственный ребенок в семье, совершенная фантазерка (не в плохом смысле); она не считает нужным выражать себя более ясно; пока принимается все, что она ни делает, она предпочитает рассказывать и объяснять, вместо того чтобы выражать то, что видит ее внутреннее зрение. Перед ней стоит тарелка с пучками зелено-желтых кленовых листьев. Я спрашиваю, почему она не взяла один пучок, ведь все сразу трудно рисовать. Она: «Да, но красиво, только когда их много, вот как здесь». Я: «А что это за белые полосы?» Она (с обидой): «Разве вы не видите? Это же солнечные лучи, которые на них падают». Был дождливый день. У этой 12-летней девочки фантазия и восприятие природы тесно связаны друг с другом.

Две девочки рисовали «Красивый весенний день». Обе долго не решались приступить к рисованию. Одна из них думала «отделаться» умением ловко рисовать, но тема ее увлекла.

Пример заикливания на форме при неправильных занятиях рисованием – когда педагоги посредством схематичных упрощений или с помощью шаблонов, почерпнутых из иллюстраций к детским книжкам, пытаются приблизить ребенка к природе и к рисованию. Таким образом фиксируется жесткая форма.

Этот ребенок не испытывает особой радости от рисования. Однако в ее детдоме, одном из немногих, руководство сделало рисование обязательным предметом – то ли из честолубия, то ли чтобы занять детей в свободное время. Как только девочка почувствовала удовлетворение от рисования, она стала заниматься с радостью.

А вот, напротив, явно одаренная девочка. Она несколько заторможена, но все-таки, вопреки всем ожиданиям, ее одаренность реализуется. Воздействовать на этого ребенка практически невозможно: она сама видит и остро чувствует то, что ей нужно. Но когда слова учителя отвечают ее внутренней потребности, она может прислушаться к ним и даже прервать работу, если учитель это ей посоветует.

Вот девочка с гипертрофированным стремлением к точности.

Чтобы получше узнать характеры детей, были заданы три темы – весна, зима, гроза: глубокий покой и крайнее беспокойство.

В свои 10 лет эта девочка чрезвычайно несдержанна и криклива. Она не умеет спокойно общаться – или кричит, или говорит с невероятной горячностью. Ее отец, бывший мясник, ужасно вспыльчив. При этом мне кажется, что душа у девочки добрая. Но все, что она рисует, будь то весна, листья, цветы или снежинки, выглядит агрессивно и тяжело, как камни; даже если тема вполне спокойная, у нее все выходит или слишком крупным, или всего слишком много, затишье возбуждает ее точно так же, как и буря.

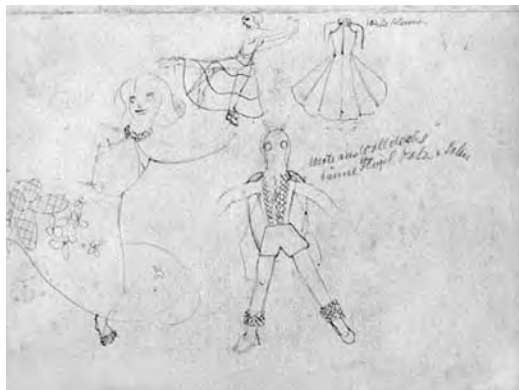
Этот лист показываю из-за необычности форм (дерево); напрашивается вывод о некоторой странности сексуальной жизни этой девочки.

Полное изобилие! По-видимому, рисунок изображает сказочную страну с молочными реками и кисельными берегами; ребенок еще не отваживается рисовать людей, хотя как художник он к этому готов; первый рисунок – это, собственно говоря, исключение.

Дети не сразу воспринимают целое, их взгляд выхватывает разрозненные детали, и они помещают их друг подле друга безо всякой связи; но спустя какое-то время тема захватывает их, и они рисуют до тех пор, пока на бумаге не останется свободного места. Но вскоре маленькая Хана справляется и с этим вихрем и начинает работать обдуманно и очень самостоятельно.

Второй лист – диктант, иногда дается задание изобразить все предметы, которые я называю, а иногда только те, которые я называю дважды. У ребенка, который рисует лениво, это никогда не выйдет.

С этой девочкой мне неожиданно удалось войти в контакт, когда я сделала ей костюм бабочки. В нем она чудесно играла на сцене и была очень довольна¹. Очевидно, в этой теме она наконец-то нашла себя.

Для иллюстрации совершенно иного темперамента покажу вам рисунок второй девочки, основательной, добродушной девицы, с которой поначалу было очень трудно работать; теперь с ней работается замечательно. Выяснилось, что ей пришлось пережить тяжелое время, ее родители сильно пострадали.

Случай воспитания от обратного. Ребенок, от которого я многого ожидаю. Она тщеславна,

Маргита Ульрихова (1931 – 1944). Осень, 1943 – 1944. ЕМП

1. Речь идет о Хане Калиховой (1931 – 1944)

Аноним. Эскизы костюмов к «Светлячкам», 1943. СВЦ

Хана Калихова. «Светлячки», 1943. ЕМП

ходит только на N... (?) Понятно, что начала она с линейки, перспективы и рисования мод. Вскоре она увидела, что таким образом успеха не добиться — дети ее критикуют, ставят ей низкие баллы. И вот она попыталась нарисовать что-то от души на тему «Пустыня, караваны». Скоро она будет очень хорошо рисовать.

Три мальчика — еще одна пустыня. Дети природы. Среди них один отстающий. Плохо говорит, сначала только пачкал бумагу, не мог изобразить даже схематичного человечка. Теперь он рисует вполне прилично.

13-летняя девочка рассматривает красивую книжку с цветами, нарисованными одной линией, нежные краски, все очень близко к натуре, и без всякого импрессионизма. Дети рассматривают книжки по несколько минут, в это время мы обсуждаем характерные особенности рисунка, цвет или форму. Вот что они нарисовали по памяти. Пока мне кажется хорошим только этот пейзаж.

Еще одна одаренная девятилетняя девочка, невероятно напористая и раскованная — с разными материалами она работает по-разному.

Вот некоторые примеры, иллюстрирующие тему «пещерных детей», о которой я вам уже коротко рассказывала.

Преследования, каменоломня и пещера.

Принцесса. Это неудачно выполненное задание, однако в нем видны темперамент и озарение.

Это задание должно было дать детям понятие о пропорциях. С этой целью я предложила им нарисовать многоэтажный доходный дом, виллу, крестьянскую хибару и хижину.

Линии изображения животного, здесь они дорисованы до картинке петуха. Линия рисуется спонтанно, по вдохновению, в определенном ритме, каждый ребенок видит в ней свое и дополняет рисунок до полного изображения.

Звери, иллюстрирующие противопоставления, например зверь круглый и зверь угловатый — свинья и олень или коза; большой и маленький — слон и мышь; колючий и гладкий — еж и заяц.

Дорис Здекауерова (1932 — 1944).
Принцесса и дракон. 1944. ЕМП

Лукас Кранах. «Портрет молодой женщины». Фото. ЕМА

Эрна Попперова (Фурман). Набросок
с картины Лукаса Кранаха «Портрет
молодой женщины». 1944. ЕМП

Анни Вотиц. Набросок с картины Лукаса
Кранаха «Портрет молодой женщины».
Баухауз, 1919. БА

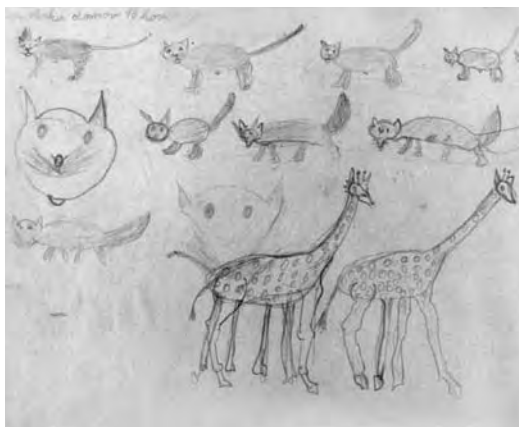
Рене Лихтенштейнерова, 1929 г.р.
Копия с картины Рафаэля «Мадонна с младенцем». ЕМП

Рита Бейковская (Мюнцер), 1927 г.р.
Копия скульптуры. ЕМП

Рита живет в Тель-Авиве. Она всю жизнь рисует для себя. «В Израиле я должна была зарабатывать на жизнь – в то время ни о какой живописи и речи быть не могло, – рассказывала она мне. – Я нашла человека, который писал морские пейзажи и продавал их. Подрабатывала у него. Кроме того, расписывала ткани для разных текстильных предприятий, в основном по заказу кибуцев. Еще сегодня в некоторых кибуцах можно увидеть мои гардины, покрывала, косынки...».

Эва Хеска (1932 – 1944). Жирафы. 13-я комната, 23-й урок. 1944. Терезин

Зузи Дегенова (1934 – 1944). Носорог и прочие звери. Изучение пропорций, 1944. ЕМП

Ученицы Фридл из комнаты № 28

К сожалению, невозможно рассказать обо всех учениках Фридл (их было больше 600) и их рисунках. Я выбрала одну комнату, № 28, где Фридл провела много занятий. В сборе информации мне очень помог дневник ученицы Фридл, Хельги Поллаковой (Кински)¹, жившей тогда в этой комнате.

Я познакомилась с Хельгой в 1990 году в Вене, тогда же она и показала мне дневник. На первой странице был список девочек, против каждого имени – оценка. Самая низкая оценка стояла против имени Хелены Мандловой.

«Но ведь она же такая талантливая! Вы видели ее коллаж «Пражский град»?!»

«Да, – ответила Хельга, – на выставке, после войны. Настолько это с ней не вяжется... Она была жуткой девчонкой».

1. Хельга Поллак (Поллакова) родилась в Вене в 1930 г. У ее отца, инвалида войны Отто Поллака, было в Вене свое кафе, где по вечерам играл оркестр. Какое-то время он даже заведовал популярным венским кабаре. Отец был намного старше матери; в 1938 г. они развелись, мать уехала в Англию и оттуда пыталась получить для Хельги визу, но не вышло. Хельга с отцом переехали в Чехословакию, в г. Киев, откуда в январе 1943 г. были депортированы в Т. Там Отто возглавил дом инвалидов. На правах инвалида войны он оставался в Т. до освобождения. В октябре 1944 Хельга была отправлена в Освенцим, а к концу войны снова оказалась в Т., куда нацисты свозили транспорты с «еврейским отребьем». Отец сохранил дневник Хельги.

«Когда-нибудь вспомни и Хелену Мандлову», — написала она в дневник Хельги. Хелена погибла, погибли все девочки, в чьих прощальных автографах не упоминалось будущее. И наоборот, те, кто строил планы на встречу после войны, выжили. Однако и это может быть чистой случайностью.

«Милая Флашка! — писала Хельга в тетрадь Анны Флаховой. — Надеюсь, мы встретимся с тобой в том краю, где будет полно свежего воздуха и не будет той сонной атмосферы, какая была в заключении, — где будет легко дышать и где у нас возникнут новые идеи. Мы будем с тобой обсуждать их уже как взрослые и серьезные люди. А когда стемнеет и на небе зажгутся звезды, заблещет озеро или море, мы усядемся на берегу и вспомним все радости и печали, которые случились с нами в Терезине несколько лет тому назад. Хельга. Терезин, 22.10.1944. Да, да, да. Консерватория!»¹

«Вспомни, Флашка милая, — писала другая девочка из 28-й, Хана Поллакова, — как мы в Терезине с тобой валялись лениво и все же не утратили веру в победу мира»².

Авторы этих посланий думали о том, что их ждет на воле, словно бы они получили не повестку на транспорт, а счастливый билет в мирное будущее. Ханда приклеила к страничке рисунок белки с орешком, Хельга — горный пейзаж.

«Поначалу меня приняли там холодно, — вспоминает Хельга, — но потом мы подружились. У нас был свой «парламент» — *маагаль*³, эмблема и гимн: «Мы хотим быть единым целым, хотим любить весь мир. Хотим и будем — мы уйдем отсюда — мы должны вернуться домой. Наперекор злу проторим дорогу к добру, искореним зло и, пока не вернемся, будем петь песню свою. *Маагаль* обязательно победит, он ведет нас по путям земным, так возьмемся же за руки и споем гимн нашей комнаты».

Как и все дети в Терезине, я много болела — тифом, энцефалитом и пр. В нашей комнате устраивались представления, мы учились, как только могли, и рисовали, а мальчики выпускали журнал — воспитатели хотели как-то объединить нас на трудовой основе, но это не очень-то удавалось.

У нас было жесткое расписание — когда навещать родителей, когда работать и т.д. Не знаю, откуда бралось время вести дневник или читать, факт тот, что мы вели дневники и читали... Жили мы на верхнем этаже. Из окна были видны горы, поля. Для нас это многое значило. Я писала об этом в дневнике и в сочинениях на заданную тему. Мы были заключенными, и может быть, поэтому, было особенно важно видеть из окна свободный мир.

Хельга Поллакова. Пейзаж. ЕМП

1. Флашка, Анна Флахова-Ханусова, 1931 г.р., осв. в Т. Живет в Брно.

2. Хана Поллакова (Ханда Дрори), 1931 г.р., живет в кибуце Хахотрим. После всех лагерей Хана с мамой Теллой уехали в Палестину. Хана-Ханда вышла замуж за мукачевского еврея Хаима, который прошел Освенцим и Бухенвальд.

3. Маагаль — круг (ивр.). Гимн 28-й приводится в подстрочном переводе.

Хельга Поллакова (Кински), Вена. Фото Р. Островской, 1998. ЕМА.

Анна Флахова-Ханусова. 1998. Фото Р. Островской. ЕМА.

«У нас был свой парламент». Из дневника Хельги Поллаковой (Кински)

Среда, 10.3.1943

Воспитательница Эва⁴ готовит этикетки, каждая из нас должна придумать свой лозунг и символ, изобразить это на этикетке и приклеить к койке. У меня будет «Тихие мухан!» – «Будь готов!» и маяк. Девчата сказали, что маяк – это символ надежды. Потому я его и выбрала, ведь мы сейчас в бурном море – на корабле войны, нас захлестывают волны, и без маяка мы сгинем во тьме.

Вторник, 30.3.1943

Мы хотим изменить нашу жизнь (оказывается, здесь не так страшно и люди вовсе не враждебны друг другу). Мы придумали свою форму одежды: белая мужская рубашка с гербом, голубая юбка в складку и голубые или черные береты. Каждый день ходим на бастион, играем в волейбол, устраиваем соревнования, с песнями, строем возвращаемся домой.

Пятница, 2.4.1943

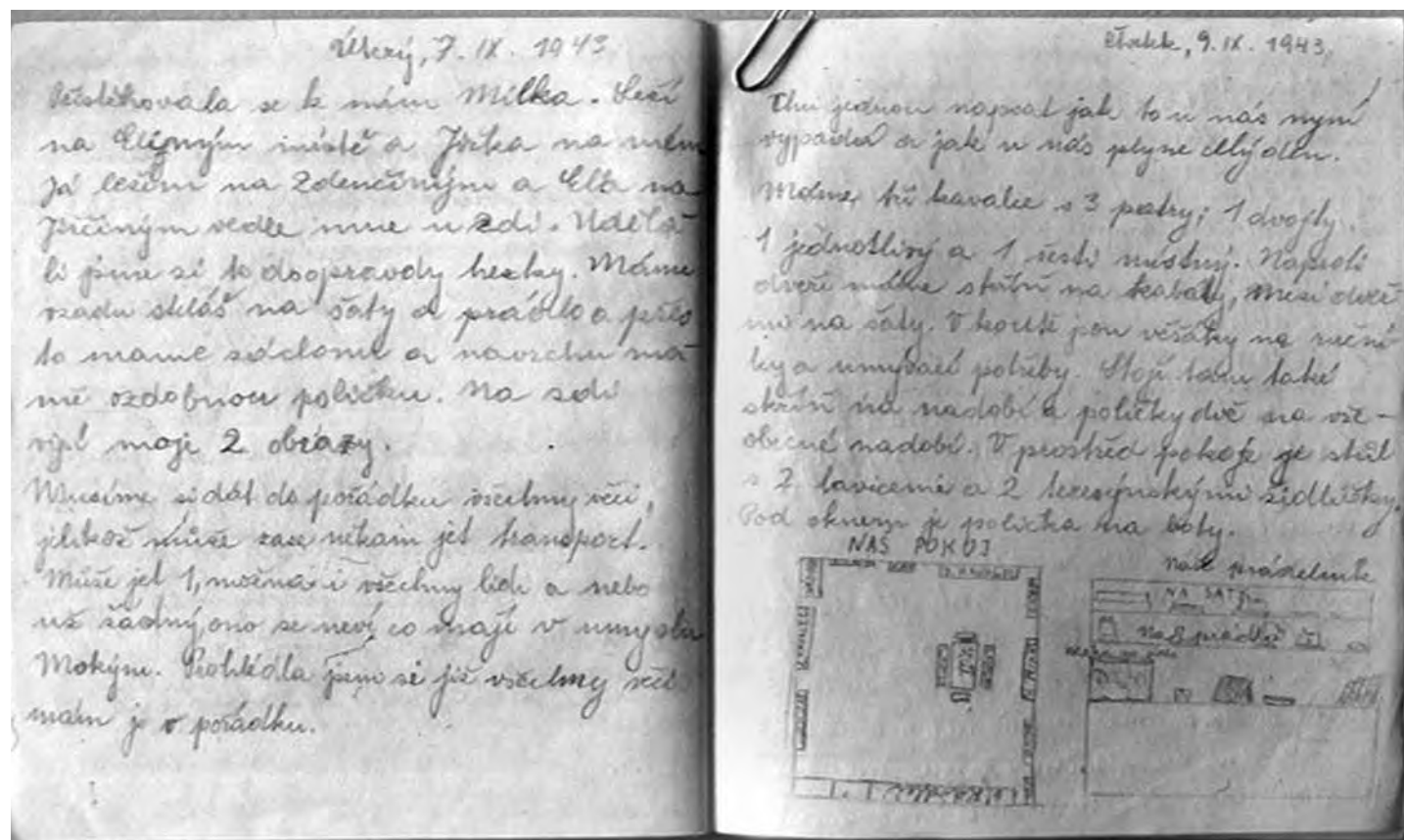
Мы собираемся учредить парламент. Воспитатели будут министрами, а мы – сеймом (ниж-

Хельга Поллакова, транспортная карта в Терезин. ХПК

4. Эва Вайсова, 1923 г.р., депорт. в Освенцим 18 декабря 1943 г., осв. в Христианштадте.

Хельга Поллакова (Кински). Страницы из дневника, 1943. Архив Х. Кински

няя и верхняя палаты). В *маагаль* войдут самые умные и работоспособные девчонки, которые должны служить примером. Остальные – простые граждане. Те, у кого 15 баллов, избираются в нижнюю палату. Выборы ежемесячно. Выбранные дважды переходят в верхнюю палату. Все решения принимает *маагаль* с воспитателями. У нас есть свой герб и лозунг: VVBN (веришь мне – верю тебе, будь самим собой, изменишь нам – мы изменим тебе).

Суббота, 10.4.1943

Отключили свет. Все гетто наказано за то, что брат с сестрой, полукровки, сбежали из гетто. К нам пришла новенькая, Эмма Таубова, по прозвищу Мушка¹. Вчера она приехала из пражского детского дома, где пробыла две недели. Она из Телче. Очень симпатичная, у нее красивые косы аж до пояса.

Четверг, 6.5.1943 (в больнице)²

Ужас, что творится в Терезине! Вавилон – немцы, австрияки, чехи, голландцы, несколько французов, даже одна финка. Евреев здесь большинство, есть еще бедолаги-полукровки, и даже арийцы. Возле меня лежала девушка по имени Антония Михалова³, – вот страшная судьба! Три недели тому назад она прибыла из Брно, отец – ариец, мать – еврейка. Ей больше четырнадцати, окрестили ее в 1939 году, но это не суть важно. Она здесь очень одинока, общество евреев ей чуждо, она любит свою чешско-моравскую церковь⁴ и тоскует по ней. Почти все время она тоскует...

Четверг, 11.6.1943

Вернусь к тому дню, когда мы справляли день рождения трех наших воспитательниц. Это было в субботу. ... Воспитательницы были растроганы. Мы разыграли для них пьесу «Король Гермон и фея Словенка». Там говорилось о короле, который узурпировал чешский престол, он украл корону, а простой чешский парень хитростью у него корону выманил – прямо выхватил из рук. После спектакля был десятиминутный перерыв, мы переоделись в нашу форму, и Павла Зейнерова, самая высокая, да и самая лучшая из нас, держала флаг, а мы пели гимн. Потом мы воспитательниц выпроводили, а сами расставили столы и лавки для пирушки. У нас был рис с молоком, шоколадный крем, бутерброды (с творогом и паштетом). ... Праздник кончился тем, что мы в саду танцевали хору. Воспитательницы получили много подарков.

Пятница, 2.7.1943

От нас ушла Лаура, госпожа Энглендерова перевела ее в 24-ю. К нам должна была прийти Лилька. Но, слава Богу, к нам прислали Риту Бёмову⁵, жену врача, который потрясающе рассказывает про медицину. Рита тихая, нежная, страшно милая. Просто изумительная.

Пятница, 9.7.1943

... Мне было так неловко, что я не сионистка. На пятничный вечер к нам прислали двух девушек, г-жа Мюльштейнова молилась, зажигали свечи. Потом мы поиграли в игры, почитали. Все быстро улеглись, некоторые уснули. ... За столом из 27 человек осталось семеро. Это был тоскливейший Эрев Шабат. Рутка, которая его проводила, рыдала от огорчения.

Пятница, 17.7.1943

Вчера вечером справляли день рождения Дядюшки⁶. ... Вечер сюрпризов. Все нарядились так, что никого нельзя было узнать. У Теллы – косы с красными бантами, короткая юбка из кружевной ткани, верх из того же материала с большими рукавами, ... пояс из красного платка, вместо чулок на ногах красные тесемки. ... Лаура – во фраке, в цилиндре и с тростью. И настоящие усы, одна воспитательница пожертвовала на усы свой локон.

1. Мушка, Эмма Таубова (1930 – 1944): «18.10.1944. Милая Флашка! Надеюсь, все твои желания исполнятся, я в этом уверена. Но мне, увы, пора ехать, и посему я прощаюсь с тобой, пожалуйста, не сердись на меня за то, что не написала тебе раньше и больше. Думаю, что ты (к сожалению) скоро ко мне приедешь, там и поговорим. Твоя Мушка. (Ул. Роберта Киша, Прага-13, площадь Короля Иржи, 832; я – Тельч, Вокзальная, 55)». Из тетради А.Флаховой. «Это была золотая девочка, такая полненькая, умненькая, всем всегда помогала». Из интервью с Х. Дрори.

2. Хельга заболела сначала воспалением среднего уха, потом тифом.

3. Антония Михалова, 1928 г.р., осв. в Т.

4. Раннепротестантская церковь, возникшая в Центральной Европе в 1457 г.

5. Бёмова Рита (1914 – 1944), ее муж проф. мед. Арношт Бём (1903 – 1944).

6. Кличка врача Карела Поллака, мужа Теллы.

Телла Полакова, воспитательница в комнате № 28. Довоенное фото. Архив Х.Дрори

Полак, врач в L 410, по прозвищу Дядюшка. Довоенное фото

Лаура Шимкова, 1946. ЕМА

На Эве Вайс – длинное платье, какие носили в XIX веке, черная шляпа с настоящими перьями, бархатная пелерина; она нарисовала себе красные брови, так что и ее было не узнать.

Четверг, 26.8.1943

Здесь страшный переполох. Готовят транспорты в новое гетто – в неизвестность... Среди прочих – 60 мужчин из АК-транспорта⁷, дядя Эвы Ландовой⁸. Судье, оказавшемуся в транспорте, Бургер сказал: «Поедете со всеми, там тоже нужны судьи». Меня всю трясет. Но ничего – после войны я им отомщу, Бургер будет первым⁹.

Говорят, 1500 детей привезут этой ночью из Польши. Мы для них делаем игрушки и маленькие мешочки (для щеток и пр.). Они будут месяц в карантине, чтобы не разносить инфекцию. У меня понос (инфекц.), из 27 у нас слегли 15, и еще у троих начинается.

Суббота, 4.9.1943

Завтра сборы на транспорт. От нас в результате уйдет одна Зденка¹⁰. Повестки разносят поэтапно. Зденка держится молодцом, хотя у нее жуткая история. Едут Лилькины родители и сестра, Лилька записалась добровольно. Едет 5000 людей, большинство – евреи из Протектората, а также все, кто сидел в тюрьме, и евреи из разных стран. Госпожа Штейнова с мужем, дядя Макс и тетя Паула. Все собираются по домам, а потом встречаются с семьями на сборном пункте. Здесь разные сборные пункты. Зденка идет в первый двор «Гамбурга», 500 человек из этой казармы тоже в транспорте.

«Не забудь Зденку. 5 сентября 1943».

«Не забудь: Чёкла, Олиле¹¹, Чёлиле, Чёкликер, Павла¹², Попинка»¹³.

«5 сентября. Милая Хельга, так жаль, что я уезжаю от тебя. Как только мне захочется тебя увидеть, я посмотрю на твою фотографию. На память, Тёпка».

Это было днем, и вот все кончилось. Все в шлойске. От нас ушли Павла, Хелена, Зденка, Олиле и Попинка. Попинка и Хелена все еще в резерве, может, им и удастся спастись. Зденке каждая из нас что-то дала. Она такая бедная. Я дала ей полпорции хлеба, консервы – паштет, липовый чай и сахар. Ее отец пришел помочь складывать вещи, Зденка дала ему

7. Транспорт АК («Ауфбауккомmando»), отряд первостроителей гетто, был застрахован от депортации. Эсэсовское начальство нарушило обещание, и этот факт взволновал все гетто.

8. Эмиль Ланда и Ильза Ландова, мать Эвы, были депортированы вместе с ней, погибли.

9. Антон Бургер, второй комендант Терезина, избежал кары. Он прожил долгую жизнь под чужим именем и умер в Германии в 1991 г.

10. Зденка Лёви, Курочка (1930 – 1943).

11. Олиле, Ольга Лёвиева (1930 – 1943). «Олиле, малютка, худенькая, страшненькая, часто ругалась и спорила по пустякам. Она спала внизу, с Мандловой, а мы с Эвой Меровой над ними, и все время слушали их перебранку». Из воспоминаний Х. Дрори.

12. Павла Зейнерова, Плапла (1930 – 1943). «Высокая, красивая спортсменка. Очень энергичная. И юморная. Они с Лизавкой устраивали вечеринки и постоянно разыгрывали мальчишек». Из воспоминаний Х. Дрори.

13. Попинка, Рут Попперова (1930 – 1943).

хлеб, сахар и помидор. Он отказывался, но мы его уговорили взять, сказали, что еще дадим Зденке. И тут это случилось. Он расплакался и стал благодарить детей и воспитателей за заботу, которой они окружили Зденку, и мы все плакали от расстройства, Рутка¹, Алиса [Ситигова] и [Иржинка Стейнерова], девчонки, которые никогда не плакали. У нашего дядюшки [Карла Поллака] мы выпросили буханку хлеба для Зденкиного отца – у него, у матери и брата не было ни кусочка. Зденку мы собрали так, что из ничего вышел чемоданчик и еще рюкзак с едой. Она оставила мне на память дневник.

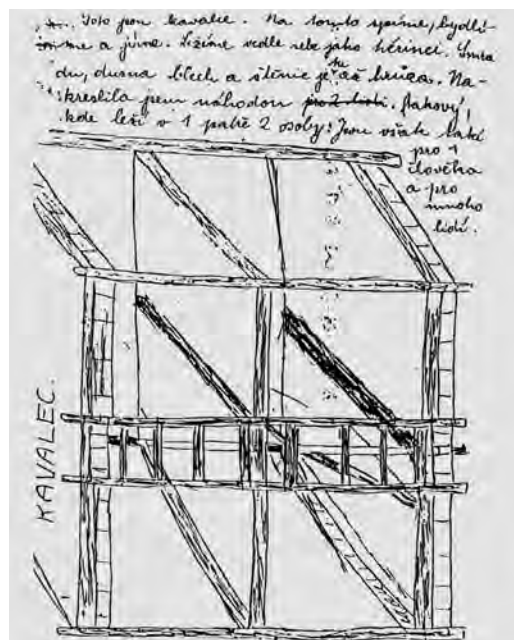
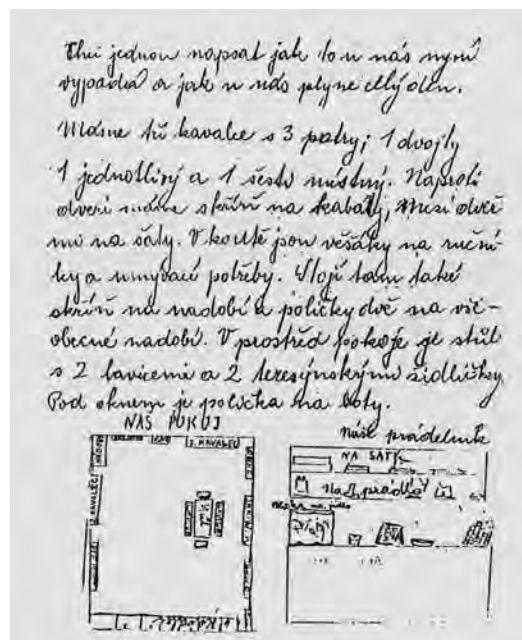
Прощание было тяжелым. Все вела себя хорошо даже с Хеленой, сегодня я увидела, как она плачет. В восемь вечера пошли проводить Зденку. Она и вся ее семья сидели на чмо- данах. Когда мы пришли, Зденка расплакалась, но потом рассмеялась от радости, что на прощанье видит нас. Ночью мне снились кошмары, утром под глазами были темные круги, мне было страшно.

Понедельник, 6.9.1943

Встала в 6 утра, чтобы увидеть Зденку. Когда я подошла к «Гамбургу», к задним воротам, оттуда уже выходила последняя партия транспортных, они шли к вагонам. Дорога была перегорожена, чтобы невозможно было к ним подойти и чтобы они не сбежали. Я перепрыгнула через барьер и встала в хвост последней партии. Мы миновали ворота и увидели уходящий поезд, в каком-то из вагонов была Зденка. Послала ей вслед воздушный поцелуй. Днем Ленка [Линдтова] принесла письмо; Зденка писала, что у нее начался понос, что она едет в вагоне без родителей, потому что ее номер меньше, чем их (1222).

Весь хлеб, что у нас был, мы послали Попинке (у некоторых вообще ничего не осталось, кое у кого были горбушки). Девчонкам, которые едут вторым транспортом, мы в обед отнесли в

1. «Пришел отец Курочки и хотел помочь ей собирать вещи. Курочка предложила ему три помидора, но он отказался, говоря: «Не надо, Зденечка, я так голоден, что могу это съесть», – и рассласался. Выяснилось, что вся их семья голодает, у них нет ни кусочка хлеба. Мы это услышали и разревелись, каждый что-то ему дал. Зденка на радостях всех нас перечеловала, чмодачоник ее напоял, и мы ей сказали: «Не забудь, мы – одно целое, мы помогаем друг другу. № 28, Р.Г., 13 лет». Рут Гутман, из «Тетради I. 410». БТ.

Хельга Поллакова (Кински). Страница из дневника с описанием перестановки в комнате и чертежами. На рисунке справа изображен шкаф, две верхние полки заняты под одежду, нижняя под продукты. 9.9.1943. Архив Х. Кински.

Страница из дневника. Нары, 9.9.1943.
Архив Х. Кински.

14 дней тому назад из гетто сбежал Вальтер Дойч, его поймали и отправили в концлагерь³.

2. Милка, Богумила Полачкава (1930 – 1943). «Перед уходом на транспорт Милка написала мне письмо. Она просила меня следить за ее возлюбленным, который оставался в Терезине. Если до нее дойдут слухи, что он гуляет с другой...» Из интервью с А. Флаховой-Ханусовой. Брно. 1997.

3. Вальтер Дойч был посажен в тюрьму Малой крепости 25.9.1943. Узники Т. подчас понятия не имели, что делается в Малой крепости, в полукилометре от гетто.

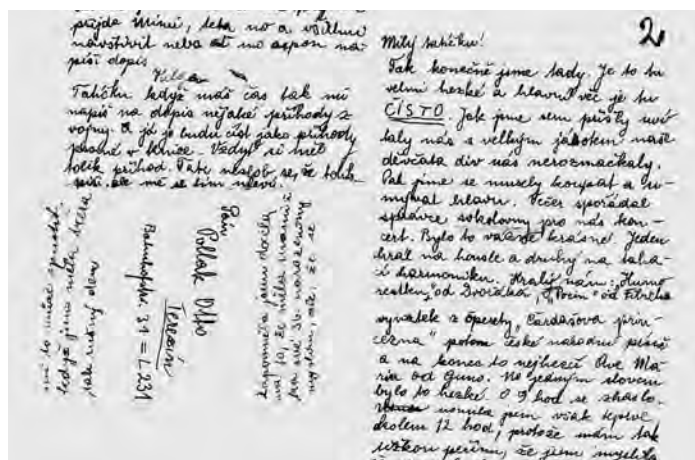

Хельга Поллакова (Кински). Рисунок из дневника. «Наша комната (детдом). Хлеб и посуда. Угол. Печь. Лавка. Стул. Окно. Нары. Шаф. Дверь», 1943 г. Архив Х. Кински

Приглашение. «Вечер у управдома. 15.7. в 12.15, Вестгассе», 3. Билет на «Проданную невесту», Гауптштрассе, 2/241, 4.9. в 17.30. Билет на «Поцелуй», 12.3. в 17.00. Библиотечная карточка О.Поллака. 1944 г. Архив Х.Кински

И что на парня напало, ведь не так уж здесь и страшно. Родители у него в Польше (само-му ему 23 года). Другую страшную новость мы узнали из письма госпожи Корохиловой. Вальтер Поллак с женой умерли 27.1.1943. Вся наша семья в шоке. С Вальтером 26.1.1943¹ уехал и дядя Карл. 27-го они или были на месте или еще в пути. Самоубийством это быть не могло, не те люди. Может, они попали в транспорт нетрудоспособных стариков и весь его расстреляли? От дяди нет никаких известий, мы боимся, не постигла ли его страшная участь Поллаков.

... Мы тут рассуждаем про ум и сердце. Каким образом мы понимаем вещи? Что представляет из себя сердцевина мироздания? Может быть, ось — это законы, которые правят миром, и мы вертимся вокруг этой оси? Сердце — это все. Любовь, ложь, правда, искусство — оно всем правит с умом. Например, ум говорит — не подавай милостыню, а сердце — подай, и ты подаешь. Без того и другого существовать невозможно, но сердце берет верх над умом.

1. Хельга, ее отец, брат отца Карл и его сын Вальтер Поллак с женой Корнелией прибыли в Т. 26.1.1943 транспортом Сп из Угерского Брода. Карл и Вальтер с женой были сразу же отправлены в Освенцим. Вальтер выжил, остальные погибли. По этой истории видно, что творилось в Т., если даже родственники, прибывшие одним транспортом, не знали, куда девались их близкие, и спохватились лишь через 9 месяцев, получив письмо.

Хельга Поллакова (Кински), письмо к отцу 6.1.1944. Архив Х.Кински

Титульная страница дневника Хельги Поллаковой. «Если захочешь, то сможешь управлять собственной волей! Будь готов!»

Воскресенье, 24 октября 1943 г.

... Вчера мы попросили воспитательницу, чтобы она дала нам вопросы для проверки интеллектуального уровня. Из десяти я ответила на восемь. 80%. Не знала, что такое мореное дерево и где его используют, не знала имени автора книги «Жизнь насекомых».

Четверг, 28 октября 1943 г.

Вчера спросила папу, не рассердится ли он на меня, если я покрещусь, когда стану взрослой. Сказала ему, что у меня нет никакой симпатии к евреям. Ни к их истории, ни к их страданиям. Я не чувствую с ними ничего общего. Отец: «Когда будешь взрослой, будешь делать что хочешь, я не буду препятствовать, не буду идти наперекор твоим взглядам». Этих слов я никогда не забуду. Если бы у каждого был такой отец, в мире все было бы иначе.

Понедельник, 13 декабря 1943 г.

Транспорты. От этого страшного слова трясет терезинских евреев из Протектората. Два транспорта по 2500 человек. В нем — и умалишенные, и те, кто был застрахован, и люди с инфекционными болезнями. От нас четверо. Ирча², Эва Ландова, Фишка [Эва Фишлова] и Милча в резерве... Мы пока застрахованы. Ходят слухи, что всех евреев Протектората

2. Ирена Грюнфельдова (1930 — 1943). «Милая тихоня, спала около окна, утром с нее всегда свалилось одеяло». Из интервью с Х. Дрори.

отправят в Биркенау. Если это правда, я бы с радостью поехала, лишь бы не оставаться с немецкими евреями, они такие зануды, правда, бывают исключения, например госпожа Хехтова. Вчера мы провели последний день вместе. Сложили приготовленные подарки, получилась целый чемодан.

Пятница, 17 декабря 1943 г.

Первый транспорт в сборе. Ушли Ирча, Фишка и Эва, Милча осталась. Она была в ужасном расстройстве – ее оставили на второй транспорт. Вчера вечером в шлойску ушла Хелена – первая очередь второго транспорта. Еще должна была пойти Марианка³, но ее отец в отделе кадров, он сразу же получил на нее рекламацию. Голубка узнала (через отца), что этим транспортом отправят и резервных. Эва Вайсова в резерве.

Фишка⁴ пишет стихи в постели. Ханда тоже больна, они лежат вместе. Задают себе темы и пишут. Они такие разные. Ханда – человек зрелый, а Фишка живет иллюзиями.

Среда, 22 декабря 1943 г.

Я еще как должна гордиться своим отцом. Впервые слышала, как он читает лекции. Здорово! В доме инвалидов праздновали Хануку аж до 9 вечера. Я была там до полвосьмого. Отец прочел три чудесных стихотворения о евреях. Прочел доклад о жизни поэта Розенфельда⁵.

... Вчера говорили с отцом о шестом чувстве, но так и не определили, что же это. Хотя на вопрос, что такое жизнь, тоже еще никто не ответил.

Рисунки девочек из комнаты № 28

Хелена Мандлова

21.5.1930 – 18.12.1943

5.9.1943. Хелена сегодня снова отличилась. У Олили с собой две простенькие рубашонки, а у Хелены платьев незнамо сколько. Хелена страшная эгоистка, вся в родителей. Мама немного разумней (самую малость), она сообразила, что столько не увезти, и велела Хелене отдать Олиле и Зденке те вещи, из которых она выросла. Но как Хелене расстаться со своим добром! Она хотела взять с собой 20 тетрадей (чистых), Телла положила ей в чемодан 8, а остальные предложила Хелене раздарить. Телле пришлось на ум взять 5 тетрадей и, делая вид, что она кладет их в чемодан, положить их на полку; потом она отдала их Эрике [Странской]. Телла сказала: «В чемодане у тебя столько тетрадей, на год хватит, зачем тебе столько, когда у других нет и листа чистой бумаги».

6.9.1943. Сцена с Хеленой!

Хелену отпустили, я бы всем этого пожелала, только не ей. Особенно после того, что мы сегодня о ней узнали. Когда Хелена, довольная и счастливая, уходила с родителями утром из шлойски, господин Поппер попросил ее передать девочкам нашей комнаты, чтобы они принесли Попинке кусочек хлеба. Хелена нам ничего не передала. Мы с Теллой спросили ее, почему она не отдала Попинке свой хлеб, ведь у нее с собой была целая буханка. Хелена начала выкручиваться: «Не знаю, куда я его дела». – «Да он у тебя в чемодане!» Хелена слетела с нар, перевернула весь чемодан, может, она случайно завернула его в белье? – Нету, может он на полке? Или у мамы остался...

... Хелена ходит за обедом сама – боится, что ее обманут, дадут на ложку меньше.

3. Мариана Дойч, 1930 г.р., осв. в Т., живет в Германии.

4. Элла Фишлова получила рекламацию.

5. Моррис Розенфельд (1862 – 1923), настоящее имя – Моше Якоб Альтер, родился на Западной Украине. Работал портным в Лондоне, огранщиком брильянтов в Амстердаме, в 1886 г. переехал в Нью-Йорк. Публиковал стихи в идишистской прессе. Позже стал редактором New Yorker Morgenblatt и Jewish Annals. Ero Lieder Buch (1897) и Songs from the Ghetto (1898) были переведены на многие европейские языки. Знаменитые слова песен «Mein Ingele» и «Cradle Song» Розенфельд написал, работая в кондитерской. При всей своей славе он умер нищим.

Хелена Мандлова. Градчаны. 1943. ЕМП

Эта в жизни не пропадет, своего не упустит. Следит за нами жадным взором – кто что ест. Так и тянет влепить затрещину. Она все копит. Сегодня сообщила, что со вторника якобы начинает копить маргарин ко дню рождению своей мамы. «Я здесь уже 22 месяца, и мне нечего подарить маме» (папе, бабушке, прапрабабушке и т.д.), – говорит она, видя, что мы над ней смеемся. Взгляд колючий, впивается в тебя как иголка. Когда кто-то над ней подтрунивает, она говорит: «Желаю тебе того же».

13.9.1943. Сегодня у нас разыгралась детективная пьеса. Главный герой – гангстер Хелена. Дело было так. До обеда был урок рисования у группы «В», рисовали акварелью. У кого не было, тот одалживал у группы «А». Мы спросили у Хелены, где ее краски. Когда она собиралась на транспорт, краски были, почему же она одалживает? Она разворчалась, раскричалась, но никто ей не верил. Тогда она сказала, что отдала краски Ренате. Мы пошли к Ренате, Рената сказала, что никаких красок у нее не было и нет. Хелена не выдержала и расплакалась: «Я дала их брату Ренаты, Мартину, а он не вернул...» Телла решила, что не пустит Хелену домой. «Мама специально греет воду, чтобы вымыть мне голову!» Тогда Телла велела, чтобы кто-то проводил Хелену до Гамбургских казарм, где живет ее мама, до самых дверей. Хелена согласилась и тут же удрала. Так может поступить только человек с нечистой совестью. Девчонки бросились вдогонку, с ними Телла, я, Элла и Рутка. Поднялись наверх. Господин Мандл лежал на постели, а Хелена сидела рядом. Заявилась г-жа Мандлова с кувшином, поставила его на стол и попросила Эллу и Рутку выйти с ней из комнаты, она хочет с ними поговорить. Подвела их к узенькому балкону, где проветривают матрацы, но туда не пустила. «Что вы имеете против Хелены, почему она прибежала к нам в слезах?» Элла рассказала ей о Хелене все, кроме истории про хлеб. Мандлова на это: «Таких коллективных людей, как моя Хеленка, на свете раз-два и обчелся. Она отдает все, иногда даже больше, чем нужно». Тогда Рутка сказала про хлеб... В конце концов выяснилось, что у Хелены вообще не было акварельных красок.

17.12.1943. На сей раз Хелене не повезло. Ее родители пошли на все, лишь бы ее спасти. Сделали ей укол, от которого подымается высокая температура. Но в больницу ее все равно не взяли. С высокой температурой и поносом Хелена уехала в Биркенау¹. В скотовозе, где ни уборной, ни лавок. Из дневника Хельги Поллаковой (Кински).

Мария Мюльштейнова

31.03.32 – 16.10.44

30.3.1943. ... Недавно отмечали день рождения Марии Мюльштейновой. Ее мама варит для больных кашу, подкармливает, чем может, слабых (яблочко, лимоны, прянички, добавки и пр.) – все только для них. Она достает это в молодежном отделе. А теперь опишу, как прошел день рождения. Для Терезина – очень роскошно. Марию завалили подарками, я подарила ей постель. Праздновали в полдень. Всем досталось по большому куску торта (внутри джем с кофейной подливкой, сверху вишенка), пили какао. Вот это да – пирушка на сорок человек! Из дневника Хельги Поллаковой (Кински).

15 октября 1944. Никогда не забывай все, что мы вместе пережили и испытали. Как мы пели вместе на концертах у Баштика². Все прекрасное, что мы пережили в Терезине, не забудется никогда. Будь здорова и не сердись на маму, целую. Мария Мюльштейнова... Не

1. Хелена, ее отец Павел и мать Эльза погибли.

Мария Мюльштейнова. Базар. 1943. ЕМР

2. Р. Фрейденфельд, см. о нем далее в главе о «Брундибаре».

обижайся, что пишу тебе такие глупости, но ведь ты хотела, чтобы я тебе что-то написала». Из тетради А. Флаховой.

Это была моя любимая подруга. Мария была самой младшей и вызывала всеобщую нежность — хотелось ее целовать, обнимать... Пела она потрясающе. Вся семья была очень музыкальной, а у Марии был редкостный для маленькой девочки голос — глубокий альт. В искусстве ей не было равных, но училась она кое-как. Эйнштейн тоже был плохим учеником... Кто знает, какой бы она стала?! Из воспоминаний Х. Дрори.

Марта Кендова

27.07.1930 — 23.10.1944

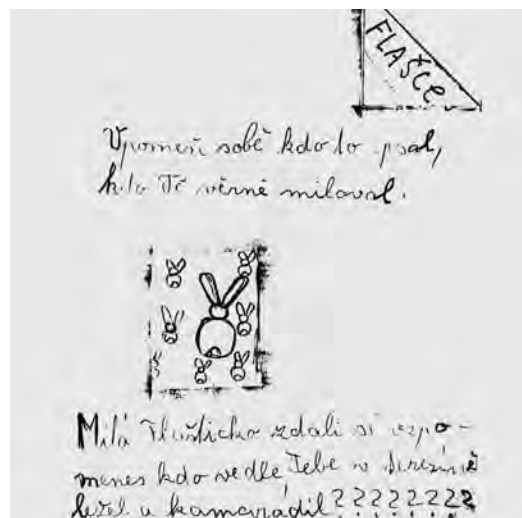
2.4.1943. У меня была противная соседка Марта Кендова, стоит сесть на ее постель, как она тут же делает замечание. Из дневника Х. Поллаковой (Кински).

Мартичка родилась в Венгрии, такая хорошая девочка, такая странная, мы немного сторонились ее. У меня в дневнике про нее сказано так: «Гамашки спущены до колен, но ей и дела нет — она занята изобретением нового языка: «вуй-вуй-крынды-пинды»... Смурная девчонка, но очень хорошая. Родители приходили ее навещать, они были какие-то пришибленные. «Мартичка-Мартичка», — шептали чуть ли не про себя... Она была рослая, говорила, подняв плечо, прикрываясь им, как голубь. Из воспоминаний Х. Дрори.

Рут Шехтерова, Заяц³

24.8.1930 — 18.5.1944

Был День матери. Девочки готовили подарки мамам. И мне пришло в голову вот что: подарю-ка я подарки тем, кого ощущаю почти что мамой, тем, кто заменил мне мать — госпоже Мюльштейновой и Телле. Они полтора года заботятся обо мне. Почему бы не отблагодарить?

Марта Кендова (1930 — 1944). Море. ЕМП

3. Прибыла в Т. из брненского детского дома, родители ждали ее в Палестине.

Рут Шехтерова. Подпись под рассказом «Праздник мам». «Тетрадь девочек из L 410». БТ

Послание Хане Флаховой (Флашке). Архив Х. Флаховой-Ханусовой

Довоенное фото. ЕМП

рить их? Хочу стать такой, как они. Приготовила подарки. И какое у меня было прекрасное чувство, когда я увидела госпожу Мюльштейнову за столом! Я подкралась к ней на цыпочках, вручила подарок вместе с поцелуем и убежала. Я видела, как она обрадовалась. А я обрадовалась в сто раз больше. Вся дрожа от волнения я пошла к Телле, поздравила ее и расплакалась. Стало мне вдруг так легко на душе. Никогда, никогда не забуду этот праздник мам. Зайчик». Из «Тетради L 410».

Анна (Ленка) Линдтова

19.3.1930 – 28.10.1944

15.10.1944. Человек на свете для того, чтобы делать добро, кто не делает добра, тот не имеет права называться человеком. Поступай так, как тебя учила Телла, в трудных ситуациях думай, как бы она повела себя на твоём месте. Она самый потрясающий человек из всех, кого

Ленка Линдтова. Иллюстрация к сказке. ЕМП

Ленка (Анна) Линдтова с мамой. Довоенное фото. ЕМП

я встречала в жизни. (Нет, вообще самый лучший на свете!) – На память моему сердечку – собственноручно – Ленка Линдтова (Анна)». Из тетради А. Флаховой.

«Это была наша революционерка. За правду готова сражаться на баррикадах. Она была страшно закомплексованная, неряшливая, беспорядочная, мочилась в постель, и при этом – очень талантливая. Причиной ее странностей, по-моему, была семья. У ее мамы был друг, и Ленка его терпеть не могла. Мама была очень элегантной, часто к ней заходила. Ленка на все реагировала бурно, она или обожала, или ненавидела, без конца спорила, воевала за идеи и права. Ленка попросила меня написать стихотворение ко дню рождения ее мамы. Оно сохранилось у меня в тетради, называется «Гитара». Когда-то ее мама училась играть на гитаре, и Ленка выменяла на хлеб брошку в виде гитары. Стихотворение о том, как я купила новую гитару в музыкальном магазине, а душа моя прикипела к старой. Что ж, старая отыграла свое и умерла, пусть звучит новая гитара». Из воспоминаний Х. Дрори.

Эва Фишлова, Фишка

23.04.1930 – 16.10.1944

22.2.1943. Flasche! Если ты когда-нибудь будешь есть в Брно рыбу, то вспомни, что в Терезине тоже была одна – Фишка. В память о Терезине и Эве Фишловой, Фишке¹.

Из тетради А.Флаховой.

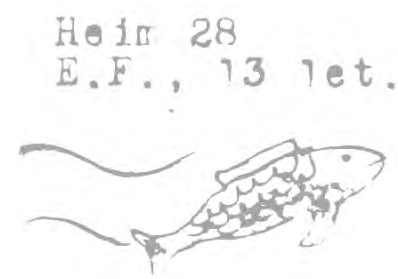
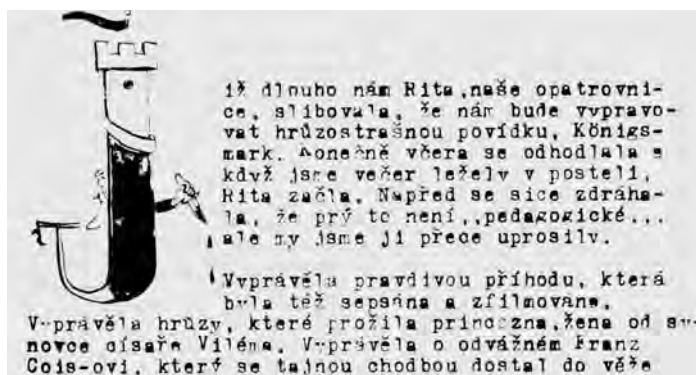
Наша воспитательница Рита уже сколько раз обещала нам рассказать страшную историю «Королевская башня»². Вчера наконец она отважилась и вечером, когда мы улеглись в постель, начала. Правда, перед этим чуток поколебалась, может, не надо, это непедagogично... но все же мы ее уговорили. Она рассказала историю, которая взята из жизни и снята в кино. Рассказала об ужасах, которые пережила принцесса, жена племянника короля Вильгельма. Об отважном Франсуа, который через тайный ход проник в башню и нашел там труп принца. Рассказала о заговоре принцессы и о князе, который завидовал племяннику короля, рассказала об астрономе, который был убит дьявольской машиной, и обо всех несчастях «Королевской башни». Рассказала, как злодей наконец покончил с собой, как Франсуа бежал на родину и отдал за нее жизнь и как принцесса поехала на поиски и на поле, усеянном крестами, нашла надгробие с его именем. Потом она уехала к себе в Россию и написала там книгу «Королевская башня», по книге поставили фильм, и она играла в нем сама себя. От всего этого у меня кружилась голова, чудилось, словно я укутана в покрывало, сотканное из ужасов. Я уснула, так и не придя в себя от всех этих кошмаров, и при этом мне было так хорошо, я знала – я в полной безопасности. И долго перед глазами стоял среброглавый старец-астроном, он казался мне всемогущим... как судьба. Э.Ф. 13 лет. 28-я комн. Эва Фишлова. Из «Тетради L 410».

У нас было очень много талантливых детей, одна из них – Эва Фишлова. С ней мы писали пьесу. Не знаю, была ли она столь же одарена в рисовании. Безусловно, она была самой умной из нас. Пьеса была про бедняка и его друга, прекрасного человека, который спасает жизни, потом мы вдвоем ее разыгрывали. При невероятной образованности Фишка была очень инфантильной. Тоненькая, с волнистыми волосами, самая умная и сознательная.

Из воспоминаний Х. Поллаковой (Кински).

Фишечка постоянно пребывала в грезах и сочиняла сказки. Она была мечтательницей.

Из воспоминаний Х. Дрори.

1. Фиш – рыба (нем.)

2. Роман французского писателя П. Берна (1886 – 1962).

Эва Фишлова. Рыба (деталь). Из послания Хане Флаховой (Флашке)

Послание Хане Флаховой (Флашке). Архив Х.Флаховой-Ханусовой

Рассказ. «Тетрадь девочек из L 410». БТ

Хана Эпштейнова, Голубка

16.8.1930 – 12.10.1944

13.12.1943. От Голубки я получила на прощание брошь «Зальцбург», маленького фарфорового слоника, карты, открытку, обложку для дневника, рисунок кошек, карандаш... Из дневника Х.Поллаковой (Кински).

«Она была на грани, не совсем нормальная, большая, сутулая, очень-очень исполнительная, все, что ни попросишь, сделает. Скажешь ей доброе слово – и она счастлива. Из воспоминаний Х.Дрори.

Рут Гутманова

13.4.1930 – 6.10.1944

5.10.44. Вспомни когда-нибудь про Терезин и не обижайся на меня, если я когда-то тебя сердила. Рут Гутманова (Пльзнь, Резовска, 10). Из тетради А.Флаховой.

Рут Гутманова одно время была моей близкой подругой. Она была замкнутой, необщительной, но очень образованной. Ее мать умерла в гетто, и Рут очень страдала. Из воспоминаний Х. Поллаковой (Кински).

Хана Лизавова

04.02.1930 – 16.10.1944

14.10.44. Не хочу желать всякие глупости. К сожалению, пишу всем почти одно и то же. Одно скажу – Терезин был для нас хорошей школой. Я пришла сюда как малое бесхарактерное дитя. И поняла: чтобы стать хорошим человеком, нужна воля. Вспомни когда-нибудь обо мне. Хана Лизавова. Из тетради А. Флаховой.

У Лизавки были сине-зеленые глаза, черные, кудрявые, как у негритенка волосы, белоснежная кожа и черные усики. Она была лидером по натуре, всегда задавала тон. Принадлежала к маагалю, элите 28-й комнаты. Очень талантливая. Из воспоминаний Х. Дрори.

Хана Эпштейнова. Прогулка. 1943 – 1944, ЕМП

Хана Лизавова. Рынок. ЕМП

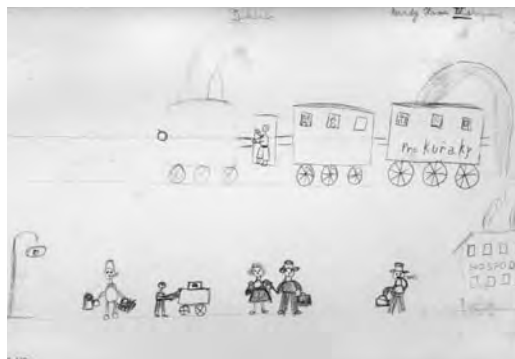
Хана Лизавова. Натюрморт. ЕМП

Хана Вертхаймерова. Портрет Рут Гутмановой. ЕМП

Хана Бради

16.5.1931 – 23.10.1944

Хана Бради. Жизнь вокруг большого дерева. 19.4.1944. ЕМП

Хана Бради. Диктант. Вагон для курящих. Ресторан. 19.4.1944. ЕМП

Семья Бради (слева направо): Хана, Георг, мама, Эма, Хынек Дубски, отец. Довоенное фото. Архив Г. Бради

Хана и Георг Бради. Довоенное фото. Архив Г. Бради

Алиса Ситигова, Диди

19.4.1930 – 18.5.1944

Алиса Ситигова. Моды. ЕМП

Хана Вертхаймерова. Портрет Алисы Ситиговой (Диди). ЕМП

Богумила Полачкова

24.3.1930 – 18.12.1943

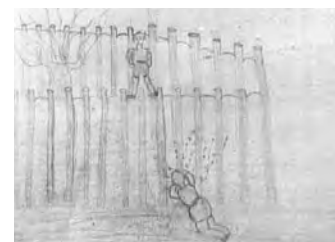
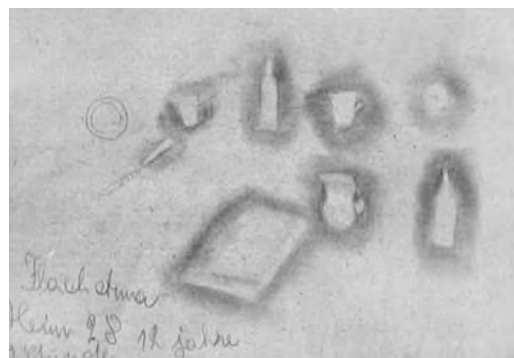
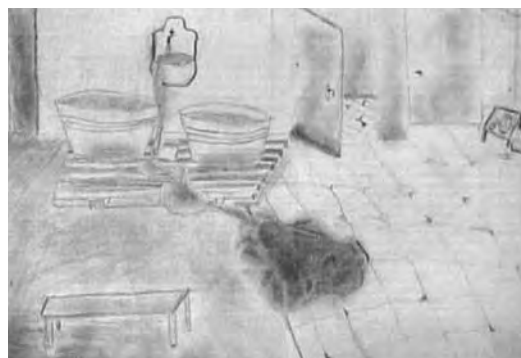

Богумила Полачкова. Рынок. 1943. ЕМП

Богумила Полачкова (вторая справа). Фото 1941. ЕМА

Анна Флахова-Ханусова

1928 г.р., живет в Чехии

Анна Флахова. Умывальня. ЕМП

Упражнение на светотень. ЕМП

На заборе. ЕМП

Эва Ландова-Мерова

1928 г.р., живет в России

Выступая в 1989 году в Москве на открытии выставки «Детские рисунки концлагеря Терезин», Эва Ландова-Мерова сказала: «Я старший преподаватель кафедры иностранных языков института им. Репина в Ленинграде. На выставку я приехала в другом качестве – я одна из детей Терезина; одна из немногих, переживших полтора года Терезина, Освенцим-Биркенау и пять последующих концлагерей. В январе 1945 года в польской деревне Гутау нас освободила Советская Армия. Мне тогда исполнилось 14 лет. После этого я волею судеб попала в СССР, меня удочерили, и я училась и жила в Ленинграде. Умудренные опытом люди тогда не советовали никому рассказывать о том, что со мной произошло. Их удивляло и даже настораживало, почему я осталась жива. Трудно было поверить в такую случайность.

Так как это произошло со мной и я ничего не забыла, ... я должна здесь рассказать о том, как мы, несколько сотен детей, жили, росли и интеллектуально развивались в условиях, мягко говоря, этому не способствовавших. Мы жили в детском доме, учились без учебников и учебных пособий, у нас были чудесные, образованные воспитатели и учителя... Мы рисовали... Если удавалось раздобыть кусок старой амбарной книги или чистый лист, счастью не было предела. Мы испытывали творческий экстаз, наслаждение, забывали, где мы, изображали по памяти далеко ушедшее детство, дом – все, что хотели и могли. Творчество и было нашим детским протестом против зла и унижения; мы не покорились злу».

Прошло много лет. Эва на пенсии, она вернулась в Прагу, где получила квартиру. Как-то случайно я встретила Эву в Праге, на какой-то улице. Она стояла и смотрела в подвальное окно. «Это то самое окно, – сказала она мне, даже не удивившись встрече. – Знаешь, у нас была канарейка в клетке. Когда вышел указ, запрещающий держать домашних животных и птиц, родители, чтобы не сдавать птичку на живодерню, отправили меня отнести ее какому-то человеку. Помню, как несла клетку, и всю дорогу, пока я шла, кенарь без умолку пел. Я постучала в полуподвальное помещение, человек открыл окно, и я отдала ему клетку с кенарем. Вот здесь это и было! Представляешь, шла – и наткнулась...»

Эва Ландова-Мерова. 70-е годы. Ленинград. ЕМА

Эва Ландова. Белоснежка и семь гномов. 1943. ЕМП

Костюмы. 1943. ЕМП

Фрида в воспоминаниях учеников

Эпидемия рисования

Как-то утром в комнате появилась маленькая женщина с большими карими глазами и очень короткой стрижкой – стремительность ее походки, ее энергия нас моментально покорили. Она влетала в комнату, на ходу раздавая материал. С первой же секунды я полюбила ее и ждала уроков. Уроки были короткими, мы работали интенсивно и, как мне помнится, в тишине. Урок кончался так же стремительно, как и начинался. После уроков она забирала рисунки. Не знаю зачем. Я панически боялась конца. Я готова была продолжать до ночи, но это было запрещено.

Хельга Поллакова (Кински)¹

Буря, ветер, вечер...

У меня не было и нет никакого таланта к рисованию. И при этом занятия с Фрида захватили меня. Она пользовалась определенной техникой упражнений. Ритм линии, он делает дом домом, щетку щеткой. Суть вещи – вот что осталось в памяти.

Она говорила тихо. Что-то рассказывала, и мы начинали рисовать. Каждый – свое. Голос, ритм – это то, что я применяю в занятиях с внуками. Рисуйте – сильно, с нажимом, теперь легко, почти не касаясь бумаги, рисуйте приятное-неприятное – это я помню. Техника передачи контрастов. Хорошо помню про щетки – задание на фактуру, передача «щеткости» наиболее лаконичным способом – несколькими линиями.

Она давала темы. Например: женщина в шляпе, одинокая, идет по улице, никого вокруг, куда она идет, кто она, что с ней? И нужно было думать, фантазировать.

Ни одного законченного сюжета – намеки или наводящие вопросы: эта женщина всегда такая печальная или только сегодня, она просто гуляет или идет куда-то? Каждый решал это для себя, в рисунке. Помню еще тему: буря, ветер, вечер. То, чего она добивалась от нас, мне кажется, не было связано с качеством рисунка, скорее с выражением разных чувств, с освобождением от страхов. Она делала это с невероятной энергией, страстью.

Эва Адориан²

Искусство светотени

Мне хотелось достичь объема, так, чтобы нарисованные люди отлепились от бумаги, и Фрида стала учить меня искусству светотени. Она принесла книгу Рембрандта и объяснила – вот здесь свет сильный, направленный, а здесь он тоже сильный, как бы не по закону. Это для выразительности. И ты не бойся резких теней, они «выдернут» фигуры из бумаги.

Моя младшая сестра Юдит была в 25-й комнате, там много рисовали. Я приходила как будто бы к ней, а сама смотрела как зачарованная. Фрида заметила это и дала мне карандаш и бумагу. И я стала рисовать, после работы. Я ухаживала за стариками и видела столько мертвых...

Фрида похвалила меня за рисунки. За то, как я чувствую пластику. Однажды она принесла мне глину. Я никогда не лепила из глины. И Фрида сказала: лепи, что хочешь, не бойся. Я

1. Из интервью с Х. Поллаковой (Кински). Вена, 1991.

Эва Адориан (Эрлихова). Довоенное фото. ЕМА

2. Из интервью с Эвой Адориан. Кармиэль, 1996.

Эстер Бирнштейн (Шварцбардтова). Фото 1997. ЕМА

слепила людей, которые сидят вокруг мертвого тела. Фридл взяла скульптуру на выставку, она сокрушалась, что ее негде обжечь, и конечно, вскоре моя работа развалилась на части. На выставке я увидела лепку какого-то мальчика из Бельгии – настолько лучше моей – и взгрустнула. Фридл сказала – не завидуй, этот мальчик из семьи художника, у него хорошая подготовка. Ты тоже научишься³.

Я вернулась к рисованию, только когда у меня выросли дети. В Израиле я должна была работать. Искусство это не работа, я выучилась на бухгалтера – писать на иврите я не умела, но зато хорошо считала. Так я и осталась самостоятельным художником, как, кстати, почти все, кто выжил и приехал строить Израиль.

Эстер Бирнштейн⁴

Подсолнухи

Я начисто забыла про Фридл, и тут одна леди⁵ пришла ко мне и стала расспрашивать, а я – вспоминать. Фридл умела как-то очень доходчиво объяснить, как смотреть на картину так, чтобы видеть ее. У нее было несколько книг по искусству, помню, меня потрясли «Подсолнухи» Ван-Гога. Фридл жила в конце коридора, в кубрике, похожем на пенал, и история с подсолнухами произошла именно там. Фридл обратила наше внимание на то, что краски, которыми написаны цветы, не соответствуют реальным. Мы были поражены. Значит, правда, что художник видит иначе!

Дита Полахова⁶

Эстер Бирнштейн. Безумный танец. Терезин, 1944. ЕМП

3. Это были, очевидно, работы Петера Спира, сына голландского художника Йозефа Спира.

4. Из интервью с Эстер Бирнштейн (Шварцбардт). Нетания, Израиль, 1998.

5. Имеется в виду Е.Макарова.

6. Из интервью с Дитой Полаховой. Нетания, Израиль, 1991.

*Дита Полахова и Рая Энглендерова. Довоенное фото. ЕМА
Дита Полахова. Довоенное фото. ЕМА
Дита Полахова (Краус), 1996. ЕМА*

Лодка и свеча

Как-то я рисовала лодку и свечу во тьме, и у меня не получалось. Фридл сказала: «Здесь нужен свет, чтобы выделить темное, и тьма, чтобы выделить светлое».

Она была единственной, кто в тамошних условиях сказал нам: рисуйте что думаете и как чувствуете, – и я помню это по сей день. Каждый урок был событием, происшествием. Например, мы рисовали с натуры, в саду. Помню цвета, цвета, цвета... Цветность мира мне открыла Фридл, и так странно, что это случилось в Терезине, в таком мрачном месте. Меня возбуждал сам вид красок, смотреть на них было счастьем.

«Интересные вещи у нас под ногами, нас окружает такое многоцветье. Пропало одно, и тут же находится другое. Любой материал годится в дело» – вот идеи Фридл.

Дита Полахова. Терезин. ЕМА

Все пытались ввести нас в рамки, она нас из рамок выводила. Она внушила нам, что в любой ситуации можно что-то изобрести, при любых условиях что-то создать, она была первым учителем, который возбудил во мне потребность в творчестве. Она полностью нам доверяла, говорила – ищите в себе и вокруг себя, присматривайтесь...

Я не понимала, кто она на самом деле. Она была другая, другая. Эта ее таинственность... Всем хотелось узнать ее поближе. Мы открывали ее для себя, она открывала нас. Мы ей были интересны, и она наивнимательнейшим образом присматривалась к каждому. Например, обратила внимание на то, что я люблю камни, и рассматривала камни вместе со мной. Фрида говорила, что в рисунке нужно уметь отказываться от лишних деталей, пропуски – это легкие рисунка, он дышит ими.

Фрида говорила, что в рваной бумаге куда больше жизни, чем в нарезанной. Ножницы режут механически. Может, она так говорила потому, что у нас не было ножниц, но я по сей день рву бумагу для коллажей и этому научила внуков.

У нее был особый взгляд на вещи, стоило ей обратить наше внимание – ну хотя бы на дерево, которое растет у нас под окном и на которое мы целыми днями смотрим, как оно преобразуется на наших глазах. В этом была ее тайна, и не знаю каким уж образом, но она сумела нам ее передать, за это я ей очень благодарна.

Человека можно определить через его влияние на других. Влияние Фриды я чувствую по сей день. Когда я задавала ей слишком много вопросов, она замыкалась, уходила в себя. В этом смысле она была трудной. Очень странной, что ли, я не понимала ее до конца. Она влекла меня, как тайна. Было что-то, что я и по сей день не понимаю в ней. Иногда у меня было ощущение от нее как от врача. Что она сама лечение, сама по себе. Ее тихий голос... Как-то она сказала, что в черном и белом много цветов. Я тогда не поняла: как это? Потом поняла.

Она никогда не навязывала своего мнения. Граница, суверенитет, здесь я – здесь ты. Беседы с ней завораживали, в них было что-то магическое, мы не всегда понимали их смысл, и это, наверное, еще сильнее притягивало.

О себе Фрида не рассказывала ничего. Она была с другой планеты.

Она говорила, что у каждого – свой мир, у всего, всякой вещи на свете – свой мир. Каждая вещь – отдельная система. Красота – таинственна. Красивая вещь – тайна, чем больше на нее смотришь, тем сильнее желание проникнуть внутрь нее; интенсивность этого желания может свести с ума.

Она объясняла мне про красоту. Красота – это не слепок, не отображение природы. Красота – в вариациях. Красота – в разнообразии. Она внушала нам, что нет вещей абсолютных. Красоту надо искать, гнаться за ней, ибо нет красоты остановившейся.

Для меня самым важным было ощущение свободы. Это ощущение передавалось нам. Свобода думать и делать то, что чувствуешь. По сей день я открываю для себя Фриду. И зная, что ее нет, я постоянно ощущаю ее рядом.

Эдна Амит¹

Все щетки разные

Я помогала Фриде на уроках. С бумагой всегда было плохо, красок не хватало. Она приносила материалы, я раздавала, а после урока собирала рисунки, проставляла на них даты и сразу же готовила все для следующей группы. Наверное, после занятий она просматривала

Лили Бобашова (Эдна Амит). Довоенное фото. ЕМА

1. С Эдной Амит (Лили Бобашовой) мы впервые встретились в 1990 г. на выставке Фриды в «Яд Вашем». На знаменитом рисунке «Лодка и свеча» сбоку неразборчивым почерком было написано: «бобаш пластик. рельеф». Эдна опознала свою работу. В том же году я впервые посетила Эдну в прибрежном городке Михморет. Мы говорили о Фриде в саду на ярко-зеленой лужайке, а перед нами, в тени тропических растений, стояли фантастические скульптуры, сделанные Эдной.

все, что уносила в комнату, и ставила отметки. У нее были уроки и в других детских домах. Я помогала ей два месяца, потом меня отправили в Освенцим².

Ее невозможно было не любить, она была такая приятная и обращалась с детьми как со взрослыми. Фридл плохо давался чешский, и это никому не мешало. Я говорила с ней по-чешски, а она со мной — по-немецки, и мы прекрасно понимали друг друга.

Помню, рисовали щетку. Фридл не показывала ее, но описывала ее свойства, фактуру. Когда я собирала рисунки, то заметила, что все щетки вышли разными.

Помню ее установку на другом уроке: не думать, просто рисовать, просто вспоминать или мечтать, рисовать, не думая, как и что получится. Много было и свободных уроков — Фридл просила детей, чтобы они нарисовали что-то, «не размышляя».

Технике и материалу она не придавала никакого значения, может, потому, что выбирать особенно было не из чего. Часто рисовали простым карандашом. Дети не шумели, работали тихо. Иногда она их останавливала, что-то показывала или объясняла, и они снова рисовали. На занятии было человек 12 — 15, рисовали за столом. Она всеми силами пыталась привести детей в норму и об этом часто говорила с педагогами в группах.

Эва Штихова-Бельдова³

Умные руки

Из разговора с Мартой Микуловой

— Я ее очень хорошо помню, — Марта смотрит на фото, где Фридл 16 лет, — но на этой фотографии я бы ее не узнала.

— Она выглядела старше своих лет?

— Наверное, старше. Она все умела. Я столькому от нее научилась. Она умела все пустить в дело — кнопку, лоскут, гвоздик — и такое из этого сотворить! — она во всем что-то видела.

Я плохо училась, не любила учиться, но все, что касается работы руками... Так жаль, что я все свои поделки — целый чемодан — отдала сыну в Америку, а то бы похвасталась, — чего только я не навязала — шапки, носки, игрушки. В Израиле у всех моих подруг есть по игрушке — и трубочист, и Кашпарек⁴, и мухоморы, и рыбы, и водяные... — Марта ушла в комнату, вернулась с поделками, разложила их на развороте каталога, прямо на лице Фридл. — Эти уж старые... но по ним можно представить, вот цыганка, вот солдат...

— Сколько девочек было на занятиях?

— Немного... Но места на всех не хватало. В комнате у нее было очень тесно. Комната, это как выйдешь во двор L 410 — справа в углу дверь из дерюги, за ней койка, полка... Там был настоящий морозильник. Как она это выносила? Или спала в другом месте? — Марта рисует план. — Здесь койка, стул вроде лавки, не было ничего одинакового, и была у нее большая картина из тряпок — не помню, что на ней, — и везде темно-голубые простыни, даже стены занавешены... Да, похоже, кровать была двухъярусная...

Я жила на втором этаже в 13-й комнате. В 24-ю и 28-ю я была сослана на перековку. Мы с сестрой все время ссорились. По дороге в Терезин у нас отобрали почти все вещи, и нам приходилось спать под одним одеялом. Мы устраивали драки, и меня перевели к образцово-показательным девочкам.

— Вы помните, где была выставка детских работ?

— В подвале, под нынешней амбулаторией. Там были разложены доски на козлах — на них

2. Эва Штихова-Бельдова была отправлена в Освенцим тем же транспортом, что и Фридл.

3. Из интервью с Э. Штиховой-Бельдовой. Прага, 1988.

4. Кашпарек — персонаж чешского фольклора, что-то вроде Петрушки.

Марта Микулова. Довоенное фото. ЕМА

стояли поделки — мои обезьяны, — а на каменных стенах висели рисунки. Мои тоже были выставлены, но главное было не в них, а в обезьянах, за них-то мне и присудили первое место. Ну и что — ни похвальной грамоты, ни добавки! А я-то надеялась — это будет слава на весь мир, первое место — обычно за первое место давали «цибус».

— Что такое «цибус»?

— Госпожа Мюльштейнова получала от немцев всякие объедки. Немцы крали посылки у евреев, брали оттуда все, что им нужно, а за остальным приглашали госпожу Мюльштейнову. Сыпали ей все в мешок — сухой хлеб, сухари, все, что осталось, — и она варила из этого свой знаменитый «клейстер»... Пани Мюльштейнова была набожная, наисправедливейшая из справедливых, у нее было трое детей, и она им «цибус» не давала, варила и кормила сладостной «отравой» — вы бы в рот ее не взяли — ослабленных детей. Но я думала, что за первое место все-таки получу «цибус»...

— Как возникла у вас идея про обезьян?

— У Фриды были книги. Книги меня не интересовали, я не любила читать, но любила рассматривать картинки... А у нее все книги были с картинками, на прекрасной бумаге, книжки-сказки для маленьких детей, на бумаге высшего сорта, детские стишки для малышей про Африку. Фрида давала мне эту книгу раз сто, я так любила ее рассматривать... Знаешь моего слона с выставки? Из той же «Африки», все мои зверюшки оттуда.

— А какие были книги по искусству?

— Не помню. Они меня не интересовали. Это Хельгу Вайсову интересовали — она была из хорошей семьи, — а меня занимало только то, что можно смастерить. У меня руки умелые. Соседи как что выйдет из строя — тотчас ко мне: Микулова починит. Фрида была для меня примером. Она мне внушила веру в свои силы, говорила: «Не обязательно учиться по книгам, твои руки любят учиться, умные руки — это огромный дар». Меня страшно занимало, как делаются вещи, например, девочки делали кукол с волосами из пакли — как делать паклю? — или глаза из бусинок... Она умела делать все! Цветы из сухих веток, а если кто принесет бусинки, так она их и к тому приложит, и к этому — и получаются разные вещи — она все, все умела! Она была художником в полном смысле слова, она не только рисовала, но делала все.

— Вы помните, как впервые встретились с Фридой?

— Да! Я сидела и смотрела на чистый лист. Как баран на новые ворота. Она подошла ко мне и говорит: «Нарисуй пару линий, покрути лист и увидишь, на что это похоже». Я сделала, как она велела, и ничего не увидела. Она говорит: «Еще крути». Ну я и давай крутить — и вдруг вижу, будто бы девочки танцуют. Но как же их нарисовать? «Главное — это увидеть, а уж нарисовать — это пара пустяков!» Правду сказала Фрида — я нарисовала хоровод, сама, первый раз в жизни... Иногда я пыхчу-пыхчу, стараюсь, чтобы вышла голова принцессы, а она подойдет, проведет пару линий — «пар чар» [«пара линий» — *чешск.*] — и готово! Она учила рисовать быстро. Портреты я тоже рисовала. Да все что угодно рисовала. Но больше всего зверюшек. Есть у меня рисунок пустыни, в Африке, там все мои звери, можете в музее посмотреть — у меня там двенадцать рисунков. Цветы тоже рисовала... в музее есть мои рисунки с тюльпанами и колокольчиками. У Фриды так: только начнешь рисовать, она подходит и интересуется, на что это похоже. Что из этого может выйти. У нее все крути-да-гляди...¹

1. Из интервью с М. Микуловой (Фролиховой). Хеб, Чехия, 1997.

Соня Шпицова (1931 – 1944). Терезин. ЕМГ

Эрика Странска (1930 – 1944). Пейзаж. ЕМП

Эли Хеллерова (1930 – 1944). Человек с тачкой. ЕМП

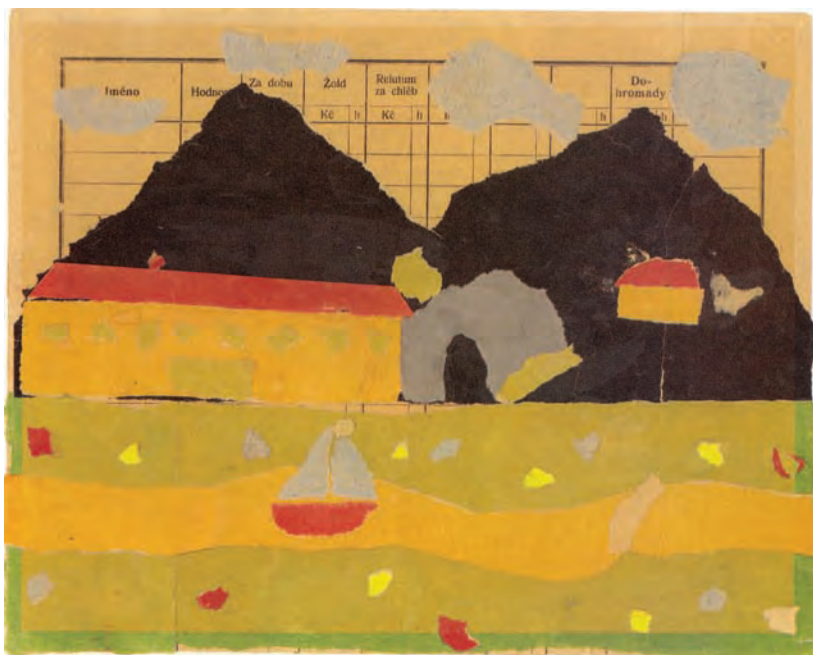
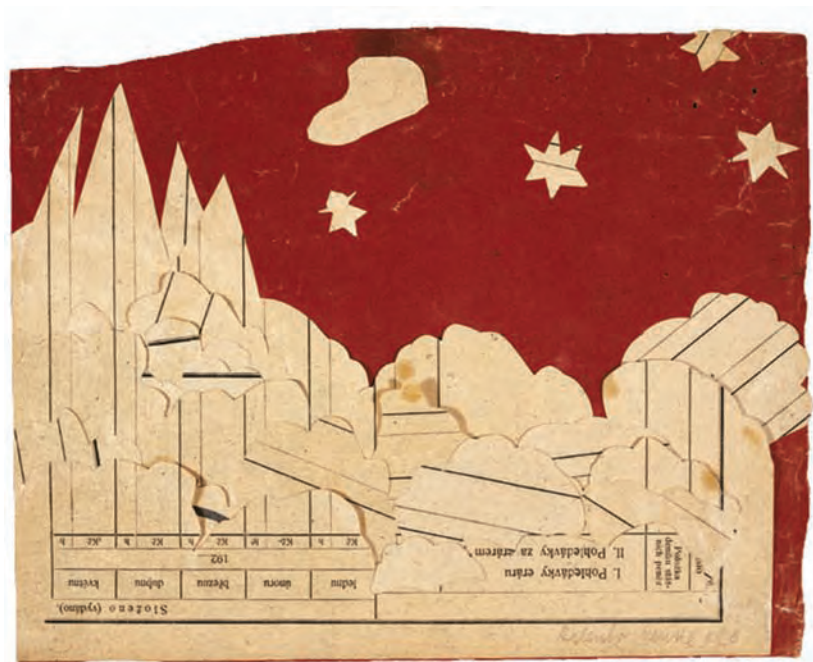

Нелли Сильвинова (1931 – 1944). Геометрическая композиция. ЕМП

Неизвестный автор. Композиция. ЕМП

ЛеаПолакова(1930–1944).Коллаж.ЕМП

Хана Калихова (1931 – 1944). Светлячки. ЕМП

Хелена Мандлова (1930 – 1943). Градчаны. ЕМП

Марта Кендова (1930 – 1944). Пейзаж с лодкой. ЕМП

Фридл Дикер-Брандейс (1898 – 1944).
Копия картины Вермеера «Девушка с бокалом вина». ЕМП

Марта Кендова (1930 – 1944). Коллаж по картине Вермеера «Девушка с бокалом вина». ЕМП

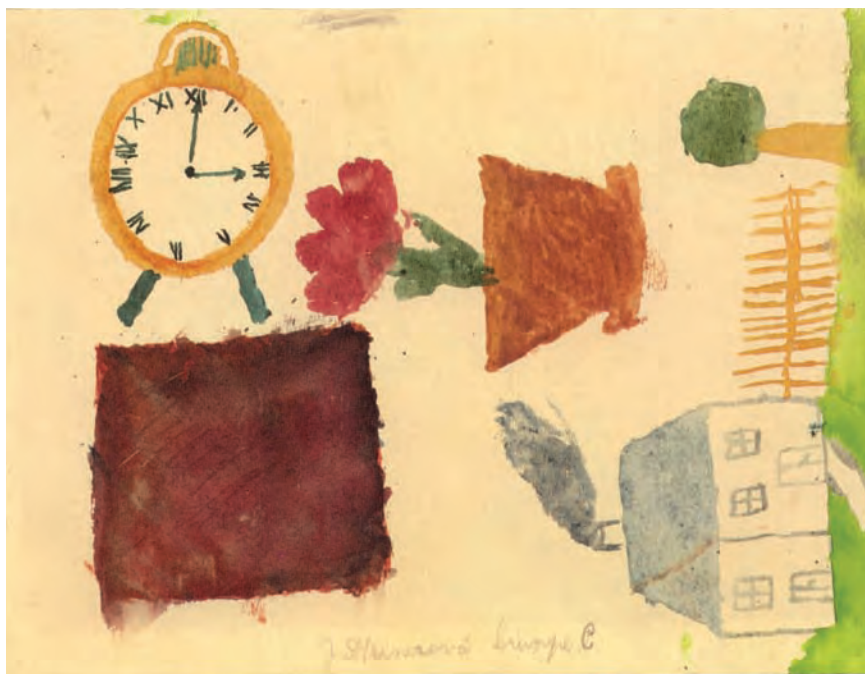
Мария Мюльштейнова (1932 – 1944).
Коллаж по картине Вермеера «Девушка с бокалом вина». ЕМП

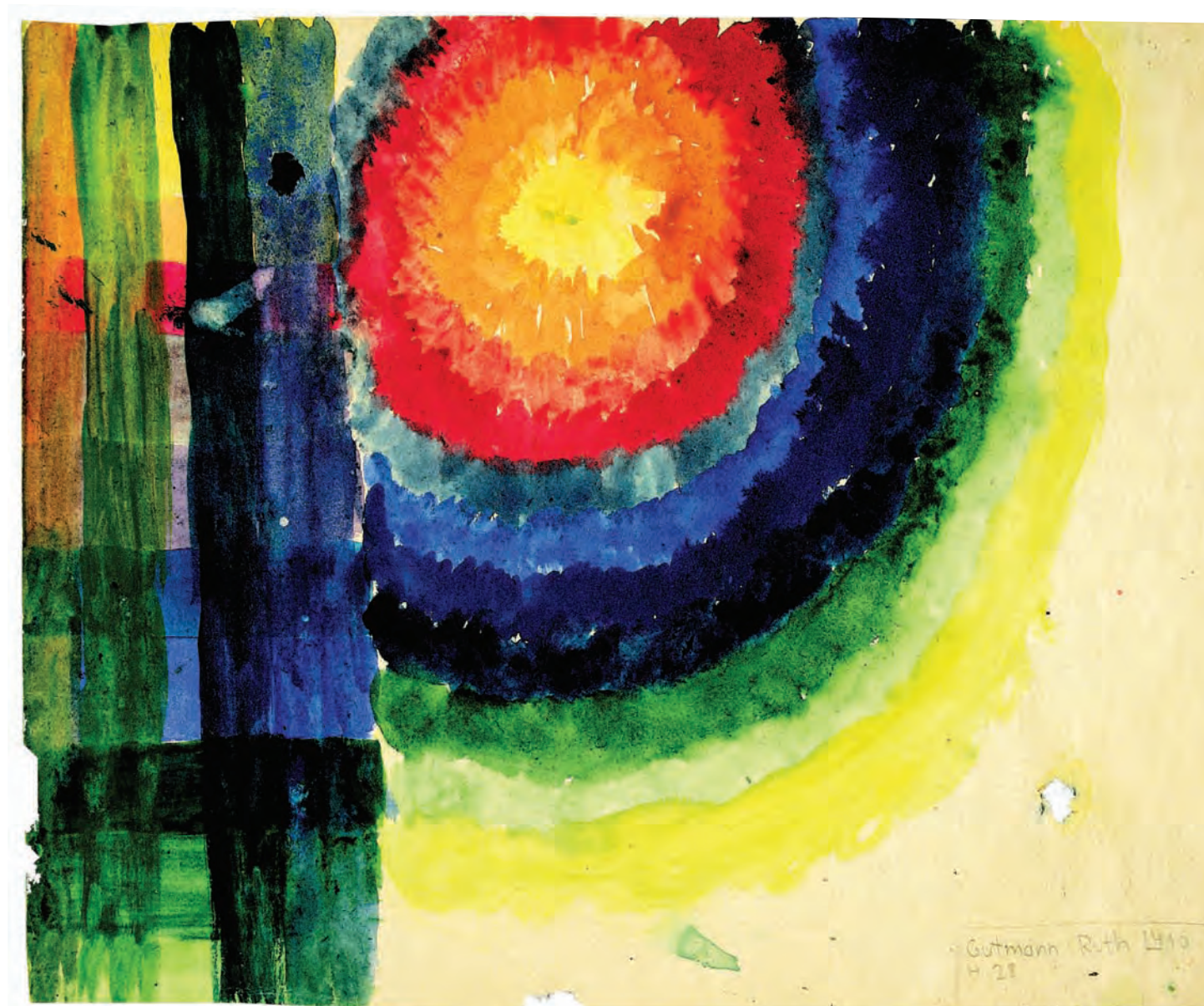
Рут Шехтерова (1930 – 1944). Пейзаж.
ЕМП

Ленка (Анна) Линдтова (1930 – 1944).
Пейзаж. ЕМП

Иржина Стейнерова (1930 – 1944). Пей-
заж с будильником. ЕМП

Нелли Сильвинова (Диди) (1930 – 1944).
Попугай в пустой комнате. ЕМП

Рут Гутманова (1930 – 1944). Композиция. ЕМГ

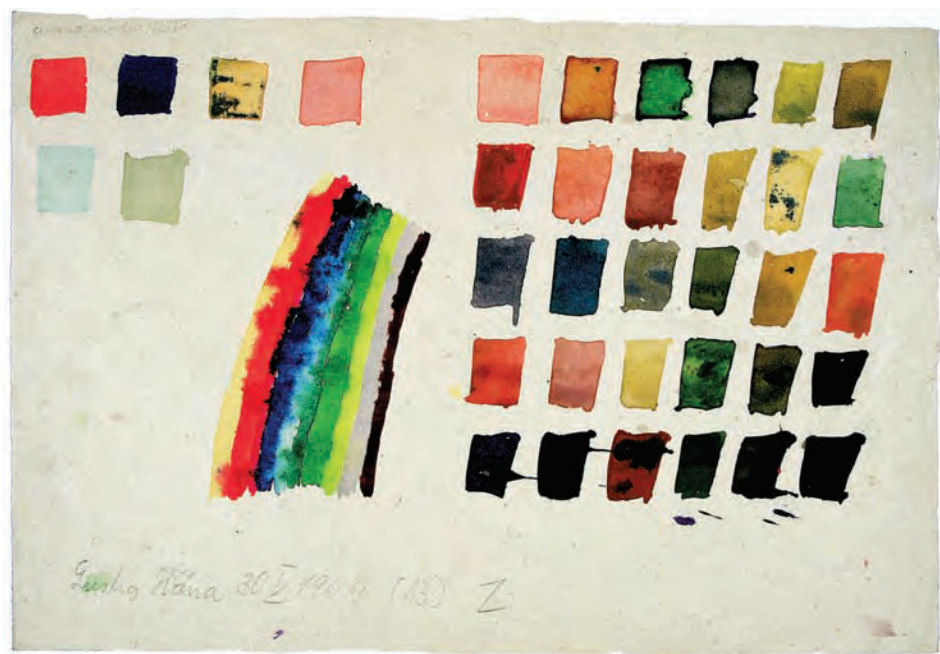
Рут Гутманова. Натюрморт. ЕМП

Цветы. ЕМП

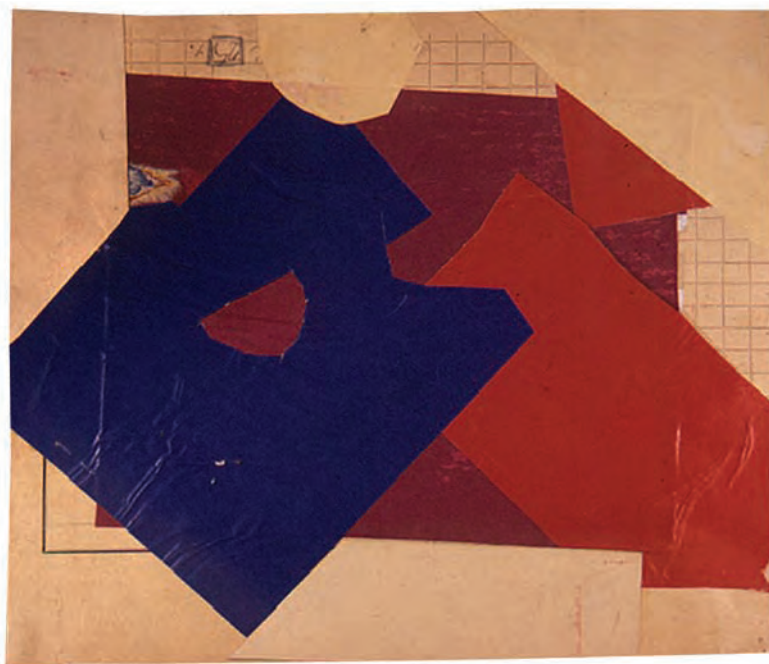
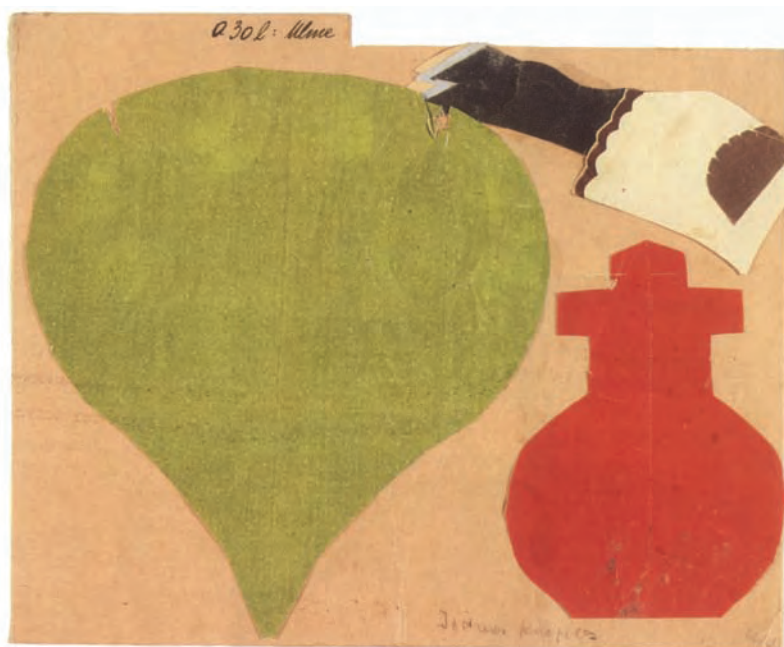
Ружена Центнерова (1933 – 1944). Радуга и молния. ЕМП

Лили Бобашова, 1929 г.р. Лодка и свеча. «17 комната, 2-й урок». ЕМП

Мариана Лангова (1932 – 1944). Радуга.
«30.5.1944. 13-я группа». ЕМП

Иван Каудерс, 1931 г.р. Пейзаж с раду-
гой. «30.5. Группа № 2». ЕМП

Ирина Карпелесова (1930 – 1944).
Коллаж. ЕМП

Рая Энглендерова, 1929 г.р. Коллаж.
ЕМП

Неизвестный автор. Семья и хоровод.
ЕМП

Бедрих Хофман (1932 – 1944). Пейзаж.
ЕМП

Рисунки из терезинского альбома Милана Айслера (Марвана), род. в 1932 г., с комментариями автора, сделанными в 1992 г.:

Портрет мальчика. «Это — мой лучший друг. Его отправили на транспорт. Я по нему скучал и нарисовал, уже через год, от тоски...»

Ирисы в банке. «Это с натуры. Я здесь честно написал: "нарисовано с помощью пани Фрида"».

Сидящая в берете. «Мы рисовали живые модели. Она приводила кого-нибудь, сажала... — на этом рисунке, думаю, она мне показывала — я бы так не смог».

Портрет мальчика. «Это я».

Фрида Дикер-Брандейс. Цветы. ЕМП

Фридл Дикер-Брандейс. Лицо ребенка. БТ

Лицо ребенка

Я посещал дневной курс Фридл, для особо страждущих, там были все – от мала до велика. Мы рассаживались полукругом, посередине модель – и рисовали. Фридл комментировала, давала советы. Мы изучали структуру рисунка, делали разные упражнения – она рисовала примеры, в том числе «Лицо ребенка», причисленное ныне к классике, она нарисовала у меня в альбоме, не помню, чтобы я ее об этом просил. Дневные уроки обычно мало кто выдерживал, знаю по себе, я как-то пытался давать уроки по химии, люди падали от усталости, засыпали. Фридл была исключением.

Вилли Гроаг

Письмо Фридл Дикер-Брандейс Вилли Гроагу¹

8 августа 1944 года. Дорогой Вилли, будь я феей, я бы преподнесла Вам на день рождения волшебный дар... Увы, я не фея, к тому же, как Вы знаете, эти заразы посещают лишь ново-рожденных в колыбелях, после чего визитами себя не утруждают.

И все же как заполучить волшебный дар? Прежде всего следует разобраться, что это, собственно, такое. Для начала предположим, что волшебный дар у вас есть. Займитесь поисками его источников в Вашей душе – и этот процесс Вам уже принесет удовлетворение. Я твердо убеждена, что «творческость» – одно из основных Ваших качеств. Возможно, я еще недостаточно изучила Вас, но, как правило, общее представление о предмете включает в себе частные детали.

Вы не выбрали религию или науку, не выбрали и простую жизнь. Равно как и карьеру политика. Вас влечет к творчеству. У тех, кто занят религией, наукой, светской жизнью или политикой, свой путь. Я полагаю, что Вы к этой группе не принадлежите и ничем ей не обязаны. Вот вам мой совет: постоянно распутывайте клубок трудностей, руководствуясь вдохновением и инстинктом. В день по ниточке – и клубок постепенно распустится, уже сам этот процесс Вас обогатит.

Поверьте, если мы забетонируем наши внутренние источники (из боязни, что ничего не выйдет, или выйдет что-то не то), то они будут казаться нам серыми и ничтожными – откуда же тогда черпать силы и на чем строить жизнь?

Рассмотрим варианты: 1) талант не был нам дан природой с колыбели, 2) сейчас неподходящий момент для его раскрытия, и 3) он раскроется, но необходимо долгое ожидание.

Талант – это тоска по чему-то. (Часто сковывает не недостаток таланта, но горький взгляд внутрь.)

Подходящий момент – любой; сама тоска создает необходимое свободное пространство в плотном теле жизни, но, если хватит душевных сил, Вы соберете необходимый материал в той области, которая не имеет ничего общего с вашей нынешней, и будете всегда готовы к творчеству.

Долгое ожидание – это да, часто оно длится куда дольше, чем мы думаем, но если Вы на правильном, на Вашем пути, то и самый малый успех Вас ободрит.

Не думайте, что я считаю свои методы единственно правильными. Сказать по правде, я постоянно ищу новые источники и стараюсь держать все опции открытыми.

Только здесь я узнала, насколько сложны и причудливы все эти трансформации и что

Вилли Гроаг, 1992. ЕМА

1. Из бесед с Вилли Гроагом. Кибуц Маанит, 1996 г. Вилли сохранил письмо Фридл, которое, увы, оказалось последним. «Летом 1944 года мы были уверены, что война вот-вот кончится, и думали о будущем. Продолжить ли то, чем мы занимались в Терезине, или вернуться к прежней профессии, в моем случае – химии. Я посоветовался с Фридл, которая знала меня не только как воспитателя, но и как своего ученика. Ко дню рождения она прислала мне письменный ответ.

Иржи Люстиг. Портрет Вилли Гроага. 8.8.1943. БТ

в конечном счете все определяется выдержкой и безграничным преодолением. Как ни банально это звучит, но это честный вывод из прожитого опыта.

Многое зависит от Ваших планов: хотите ли Вы быстро приобрести нужные навыки или собираетесь долго учиться искусству (это зависит и от самого уровня подготовки, и от того, насколько быстро Вы схватываете). Важно понять, нужен ли Вам учитель или Вы сможете учиться сами. Вы знаете на своем опыте: сегодня Вы помогаете ребенку обойти опасные рифы, а завтра случится то, чему Вы при всем желании не сможете помочь, – и этому нет конца. Помните милые истории о художниках под названием «Истинное Призвание и Верный Путь»?

В день рождения я желаю Вам всего самого доброго, а также долгого и глубокого дыхания – это самое главное. Посылаю «Кино» и картинки. Надеюсь, у Вас будет время ознакомиться с репродукциями, вечером мне их нужно вернуть. Фридл Брандейс.

Эдит Крамер и Эрна Фурман

Книга из Ленинской библиотеки. 1988 год. Недавно я узнала о детских рисунках из Терезина и о Фридл, «спасающей детские души уроками рисования». Это мне близко. У меня здесь свой концлагерь, с детьми-аутистами, детдомовцами, списанными по статье «умственная отсталость», которых закалывают аминазином, чтобы «не выступали», – и я тоже пытаюсь помочь уроками рисования. А может, этим уже занят весь мир, а я, по невежеству, ничего не знаю?

Перебрав в Ленинке карточки по ключевым словам «ребенок, искусство, творчество», я выписала ряд книг. Первой в списке была английская, «Лечение детей искусством», автор – Эдит Крамер.

Наконец книгу «подняли», я села за стол, включила лампочку и прочла – «To Friedl». Книга посвящена Фридл! Я переписала выпускные данные и поехала домой. В день – по чуду, не больше.

И верно. Наутро я получила письмо из Праги от сотрудника Еврейского музея, в нем было сказано: «В Прагу приехала профессор Эдит Крамер из Нью-Йорка, ученица Фридл с 1931 года. Я взял у нее адрес и телефон, на тот случай, если ты будешь в Нью-Йорке. Если ты намерена продолжать исследования, тебе следует встретиться с ней лично».

«Инколлект». Но кто пустит меня в Америку? Не проходит и недели – письмо в СП СССР из Корнелльского университета с приглашением читать лекции по современной литературе. В иностранном отделе сказали, что я все равно не успею, билет просрочен и вообще, дескать, кто ты такая? Но я-то знала, что улечу. Через две недели после указанного в приглашении срока, в свой день рождения, я полетела в обитель капитализма. С тремя долларами в кармане – из коллекции моего сына. Купив в Копенгагене кока-колу, я исчерпала бюджет.

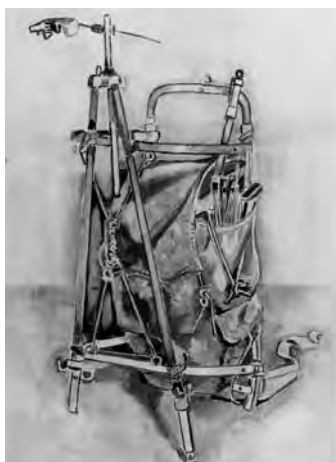
Нью-Йорк. Никто меня не встретил, вдобавок потерялся чемодан. Позвонить Эдит? Веселые негритянки, уютно расположившись в уборной, играли в карты. Они-то и объяснили, что можно звонить без денег. «Инколлект». Набираешь ноль, называешь номер, и если тот, кому ты звонишь, готов платить – вперед!

Эдит была готова платить. «Лиина, – раздался в трубке молодой голос, – с приездом! Возьми такси и езжай по адресу, я заплачу».

Эдит Крамер. Фото 1971. ЕМА

Эдит Крамер. «Лечение детей искусством». 1971

Старушка в запятнанном комбинезоне открыла мне дверь. Быстрые, энергичные шаги приблизили ее ко мне, мы обнялись по-родственному — и так и живем в обнимку по сей день.

Встречи. Мы встречаемся по несколько раз в году — в Нью-Йорке и Австрии (у Эдит дом в Грундлзее, на альпийских озерах), на открытиях выставок Фрида, которая уже пять лет странствует по миру, на занятиях с психологами (мы проводили вместе с ней лекции и семинары по искусствоведению в Австрии и Швеции); кроме того, время от времени мы с приятелем снимаем Эдит на видео, для себя и для истории. В какой бы стране мы с Эдит ни оказались, тут же отправляемся по музеям — выслеживать «дичь», то бишь шедевры, подолгу их разглядываем и обсуждаем. Перед уходом из музея, совершая обход «любимчиков», мы умиляемся и вздыхаем — нет больше таких художников... В Вене, после трехдневного семинара с детскими психологами, Эдит сказала: «Мы с тобой заслужили Вермеера». За ужином Эдит, как правило, произносит тираду про массовое искусство, которое она ненавидит, и мы до полуночи говорим обо всем, что нам близко, важно, что, собственно, и есть наша жизнь.

К тому же Эдит учит мою дочь Маню. Вот и сейчас они вместе, в Альпах. Маня пишет озеро, а Эдит — дерево, усыпанное красными яблоками. «Маленькое деревце и такое плодовитое, — восхищается она, — такое индустриальное!»

Эдит училась у Фрида, Маня — у Эдит. Интересно все получается.

Эдит и Фрида

Эдит Крамер, американская художница и искусствовед, родилась 29 августа 1916 года в Вене, в элитарной еврейской семье. Теодор Крамер, дядя Эдит, — знаменитый австрийский поэт-лирик. В семье были актеры, режиссеры, общественные деятели. В доме родителей, Рихарда и Йозефины (Пепы), бывали Зигмунд Фрейд и его дочь Анна, психоаналитик Анна Райх, исследователи в области психоаналитической педагогики и искусства Виктор Лоуэнфельд и Людвиг Мюнц¹ и другие выдающиеся деятели того времени.

Эдит Крамер. Лондон. 25.6.1949. Фото Тони Коллинса.

Эдит смастерила этот рюкзак-мольберт где-то в семидесятом году. Он почти с нее ростом и на самом деле выглядит иначе, чем на ее акварели: заляпан красками, в некоторых местах на нем цветные наросты, и он очень напоминает лешего.

Эдит Крамер. Водочистительная станция. 2001. Из цикла «Индустриальный Нью-Йорк».

1. В 1936 г. преподаватель скульптуры В. Лоуэнфельд (1903 — 1960) и известный искусствовед Л. Мюнц (1889 — 1957) выпустили книгу «Пластические работы слепых», положившую начало новой дисциплине — искусствоведению. Фрида дружила с Мюнцем и, видимо, тоже занималась в Вене со слепыми. Несколько фотографий работ ее учеников опубликованы в этой книге. В 1938 Лоуэнфельд эмигрировал в США, где десятилетиями разрабатывал теорию преподавания искусства. Его книги, особенно «Творческий и интеллектуальный рост», входят в перечень основных трудов на эту тему.

Эдит Крамер. 1936. В Праге у Фридл

Эдит Крамер. Автопортрет. 1937 – 1938

Фридл, дружившая с родителями Эдит, заметила в девочке талант.

«Я все время рисовала. Она хвалила меня. И обещала, что, как только я подрасту, она за меня примется. И правда, когда мне исполнилось 12, она разрешила мне присутствовать на ее занятиях с воспитательницами детских садов».

В 1934 году Фридл эмигрировала из Вены в Прагу. Вскоре Эдит приехала к ней. «Мне было 18 лет. Денег хватало лишь на комнату и еду, за уроки платить было нечем. Фридл учила меня даром. Она учила даром всех, кто не мог платить. ...

В Праге Фридл все дальше удалялась от баухаузовских экспериментов. Она повернулась к природе. Это было мне на руку, я по своей натуре предметница, меня интересует действительность. При этом педагогические методы Баухауза оставались для меня живыми и продуктивными.

Но самое главное – Фридл повернулась к цвету. ... Я ходила за ней хвостом – никто другой не мог дать мне того, что она: понимания сути искусства и неприятия фальши или манерности. Кроме того, я помогала ей на занятиях с детьми политэмигрантов из Германии и Австрии. Мне хотелось научиться разбираться в «продукции». Многие, что потом пришло в искусстотерапию, началось в Вене и затем продолжилось в Праге. Первые попытки понимания поведения ребенка в искусстве, разбора работ детей с точки зрения их внутренней жизни – это было самое начало.

Фридл работала с ними свободно, на больших листах бумаги, углем, цветными мелками, и они тоже, как я в свое время, делали много коллажей. Принцип в Праге был тот же – диктанты (звуковые и на фактуру), ритмические упражнения, коллажи, копии, – но все в очень облегченном виде. Для травмированных, тревожных детей, вывезенных из родного дома в чужую страну, это была невероятно успешная терапия. Дети раскрывались, расцветали на глазах. Фридл была для них «центром вдохновения». И сама она стала гораздо мягче. Конечно, положение детей-эмигрантов не было столь тяжелым, как в концлагере, но и они были оторваны от корней, травмированы, и опыт работы с ними был применен ею позднее в работе с терезинскими детьми».

В Праге юная Эдит занималась психоанализом. Она училась у Анны Райх и посещала её

общество психоаналитической педагогики, в задачи которого входила помощь учителям, родителям и детям.

В 1937 году мать Эдит, будучи в тяжелой депрессии, покончила с собой. В 1938 году Эдит с отцом эмигрировали в Америку. Ее бабушка, Бетти Крамер, была депортирована в Терезин, где умерла в 1943 году.

«В Америке я нашла работу в прогрессивной частной школе «The Little Red School House» в Нью-Йорке, там я преподавала искусство и столярное дело. Когда в 1950 году я начала работать с брошенными и умственно отсталыми детьми в Нью-Йорке, я по-настоящему оценила все, чему научилась у Фридл, и взяла за основу ее методы.

Позже я увидела рисунки из Терезина и была потрясена их витальной силой. Видно, как велики были усилия взрослых воспитать детей, дать им инструменты для развития, чтобы на время своей короткой жизни они сумели сохранить душевное здоровье. Их произведения в корне отличаются от работ неухоженных, нелюбимых, душевно травмированных детей крупных городов Америки. Для изобразительного искусства и педагогики убийство Фридл – невосполнимая потеря».

После этого рассказа мне стало ясно, почему свою книгу «Лечение детей искусством» Эдит посвятила Фридл.

С 1943 года (первая выставка в Нью-Йорке) произведения Эдит Крамер выставлялись на многих персональных и групповых выставках. Она работает в станковой живописи и скульптуре, а кроме того, создает фрески и мозаичные панно, одно из которых украшает станцию Нью-Йоркского метрополитена. В 1997 году была издана монография, посвященная ее жизни и творчеству¹.

Эдит Крамер – профессор университетов Нью-Йорка и Вашингтона, почетный доктор искусствотерапии Норвичского университета (Вермонт), член Всемирной ассоциации искусствотерапевтов. В 1996 году, в честь 80-летия, она была награждена Серебряным крестом Почета города Вены, а летом 2003 года – в честь 85-летия – Золотым крестом.

Движение формы². Она давала диктанты, в которых нужно было перевести звук в графическое изображение. Например, раз-и-дваа, раз-и-дваа – это был определенный ритм, чтоб воспроизвести его, надо было точно ему следовать, нырять в глубь, бежать в гору... Иногда она диктовала задуманные предметы – улитку, восьмерку... Поначалу было не так-то просто поспевать за голосом. В конце мы должны были «пропеть нарисованное».

Это прекрасное и простое упражнение, ведь чувство ритма есть у всех, и для того чтобы получилось красиво, особого умения не требуется. Иногда мы рисовали двумя руками, выводя, например, форму кувшина.

Диктанты нам очень нравились, потому что никогда нельзя было предугадать, что будет дальше, – у нее была невероятная фантазия: лестница вверх, лестница вниз, кто-то поднимается по лестнице, кто-то спускается. Вот скалка, а вот грубые кирпичи – очень тяжелые, из-под них растет трава. Авоська, поленья. Лиса вертит хвостом, или что-то совсем другое, например вязанье. Она говорила: «Сделайте мне вязанье!», и еще говорила: «Представьте путешествие нитки по ткани, как она движется стежками, туда-сюда, туда-сюда, смотрите на фактуру».

Мы этим много занимались. Нужно было сконцентрироваться на определенном свойстве предмета, например его ритме, фактуре, структуре, – и работать с ним. Чтобы не полу-

1. Ш. Цвиауэр. Эдит Крамер, художник и искусствотерапевт. Вена, изд. «Пикус», 1997.

2. Эти рассказы вошли в мою монографию о Фридл, опубликованную в 1999 году на немецком, а затем на английском, французском, чешском и японском языках.

чалось все – и ничего. Чтобы научиться, не теряя ритма, делать очень мелкие движения, нужно сперва тренироваться на бумаге большого формата. Когда я стала хорошо рисовать углем, она мне это запретила. Велела рисовать карандашом, тушью или акварелью. Уголь рисует сам, у него выразительная фактура, а чтобы добиться выразительности в рисунке карандашом, надо много работать. Помню, я делала маленький рисунок тушью по Боттичелли. Она заставляла много рисовать по Боттичелли, потому что у него мощный ритм.

Я тоже даю эти упражнения, у меня люди стоят на листах бумаги и рисуют вокруг себя. Очень важно, чтоб все тело участвовало в рисовании, и в этом смысле ритм очень важен. Мне недавно пришло в голову, что одно упражнение, которое я даю на сеансах искусствов-терапии, восходит к диктантам Фридл. Я прошу несколько человек в группе рассказать о том, что они хотели бы изобразить, например какой-то характер или событие, произведшее на них сильное впечатление. Потом дается задание нарисовать это не со своей позиции, а с позиции рассказчика. Для этого нужно очень внимательно выслушать, как этот человек рассказывает о своих переживаниях и эмоциях. Этому не учат в художественных школах. Там учат выражать себя.

Глядя на то, как сплетена корзина, можно ощутить внутреннее движение формы, понять фактуру вещей, она зависит от того, как и из чего они сделаны, природой или человеческими руками.

Рисунок тюльпана. Сразу видно, как она понимала его движение, – это не академический рисунок, в нем видно, что такое тюльпан по сути, что тюльпан хочет делать, куда хочет расти. Линия – сама нежность. Она любила цветы и растения. «Подумайте, как растет бамбук – скачками – вверх, вверх, и наконец раскрывается».

Или представьте себе, что вещи сделаны из проволоки, так что сквозь них все видно. Это как каркас. Когда вы научитесь рисовать то, что видно, зная, что происходит внутри, вам будет гораздо проще и рисунок выйдет убедительнее. Так можно разобраться во внутреннем плане каждого растения – что там у него происходит внутри. План у вас в руках!

Кроме того, существуют фактура, тона, объемы. Все они объединены ритмом, ритм – универсален. Потом есть еще цвет, и это совершенно отдельная наука. Как цвет работает на переднем плане, каков он в глубине, как его оттуда извлечь...

Похоже, в ее курсах была какая-то система: ритм, фактура, диктанты. Но сама наша работа не подчинялась никакой программе: мы могли начать с натюрморта, и если для этого нам требовалось выйти на природу, мы это делали. Сама тема диктует тебе, что делать. Часто нам кто-то позировал, какие-то еще вещи – это не было систематизировано.

Я старалась изо всех сил, но иногда восставала. Фридл была очень темпераментной и резкой. Если она чувствовала, что ученик сфальшивил или сделал «репортаж», говорила: «Знаю, что ты видишь, знаю, что ты можешь нарисовать глаз один в один, – но я хочу увидеть глаз, а не его признаки! «Репортажем» она называла рисование по поверхности без должной концентрации. Это она отметала с ходу. Она говорила: «Стоп! А теперь начни с верхнего левого угла». Советовала начинать рисовать человека с ног, а не с головы, или начинать с окружающих вещей или объемов, с задницы например. «Если вы собираетесь нарисовать портрет, но не знаете, где при этом у человека задница, ничего хорошего не выйдет». Нужно полностью понимать вещь, которую рисуешь, рисовать честно, не врать – вот в чем было ее учение.

«Я знаю — ты талантлива, но что ты будешь делать с талантом — вот что важно!» Разумеется, с маленькими детьми она вела себя иначе. Такая требовательность важна взрослым или подросткам.

О проблеме цвета. Фрида часто прибегала к коллажам — не нужно смешивать цвета, можно подбирать цветные обрезки, нет опасности развести грязь на холсте и превратить все в кашу. В коллаже цвета остаются свежими, палитра не пачкается — это очень удобно. Мы делали уйму коллажей, и в Терезине она много занималась коллажами, получались прекрасные работы. Обычно, если мне хочется сделать что-то структурное и при этом — в цвете, я прибегаю к коллажам.

Она говорила, что качество картины можно определить по ее размеру. Плохая картина выглядит маленькой; какой бы огромной она ни была, ощущение от нее как от почтовой марки. Хорошая картина независимо от ее размера выглядит большой.

Некоторые вещи, которые она говорила, настолько правильны, что мне хочется повторять их снова и снова. Вещи, которым она меня научила, стали частью меня. До сих пор, если мне кажется, что картина маловата, я знаю — что-то не то с композицией.

Учитель — ученик. В те времена не одна я умела так работать, но мастерство уже начало выветриваться и из академий, и из современного искусства — а Фрида учила тому, что составляло суть искусства во все времена его существования.

Ничего нового в этом не было, новым было то, что происходило это в мире, который двигался к распаду, к уходу от традиций. А когда нет традиций, все нужно проговаривать четче, чтоб было ясно, о чем идет речь.

На мой взгляд, традиционные отношения между учителем и учеником чрезвычайно важны. В старые добрые времена, если ты не становился самобытным художником, ты продолжал работать в стиле учителя и, следуя за мастером, по крайней мере держался приличного уровня.

Если же в тебе обнаруживался настоящий талант, ты мог уйти от мастера и делать свое, при этом имея очень прочный фундамент. Но если сильной внутренней тяги не было, ты не занимался дешевым самовыражением.

А теперь, когда имеется энное количество учителей и все чему-то учат, процесс обучения теряет структуру, становится безличным и вредоносным.

В Баухаузе мастера стремились распознать область способностей студента и направить его в соответствующую мастерскую. Это было здорово.

Разносторонне одаренной Фрида это очень подходило: на занятиях у больших мастеров она училась ткацкому ремеслу, архитектуре и дизайну, скульптуре и промышленной графике.

Иттен не был хорошим художником, но был редкостным учителем. В том-то и разница. Фрида была редкостным художником, и все дидактические методы, которые она применяла, шли через искусство. Иттен был философом искусства, Фрида — практиком, Иттен отработывал методы, Фрида, хорошо усвоив их, вдохновенно преподавала.

Я думаю, благодаря столь прочной основе, она смогла проявить себя во всех областях искусства — в архитектуре, скульптуре, живописи, театральных декорациях и костюмах, станковой графике, фотоколлаже, текстиле она делала невозможные вещи, и ее подход к визуальному миру был невероятно гибким и утонченным.

Неизвестный ученик. Упражнение из цикла «Анализ композиции картин старых мастеров». ПБА

Поразительно, что она всему этому умела обучать, основываясь на простых элементах. В этом смысле, не утратив то хорошее, чему ее научил Иттен, она пошла дальше него. Я ее уважала, а иногда и боялась. По-моему, для искусства это очень хорошо. Это держит искусство в узде, а ученика — в скромности. Успех не кружит голову. Естественно, все очень сильно зависит от того, кто твой учитель, — тот, кто на тебе самоутверждается или паразитирует, или тот, кто помогает тебе расти. Во мне живет ее энергия.

Эдит Крамер. Фридл. 1937 – 1938. ЭКА

Фридл вяжет. 1937 – 1938. ЭКА

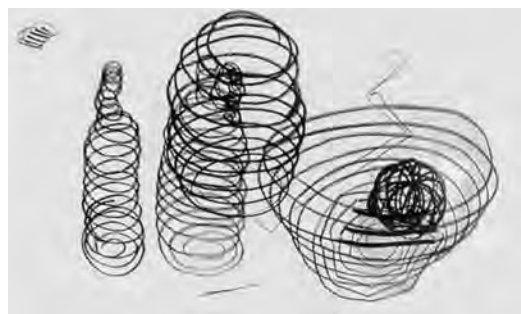
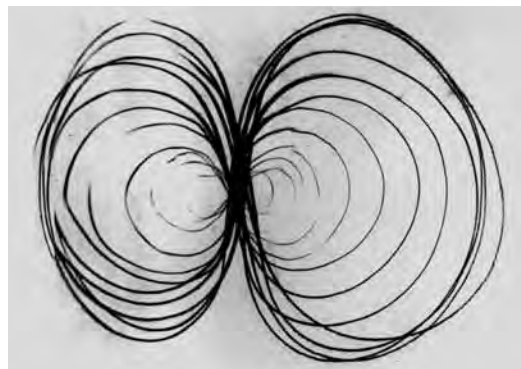
1932. Упражнение на движение формы. ЭКА

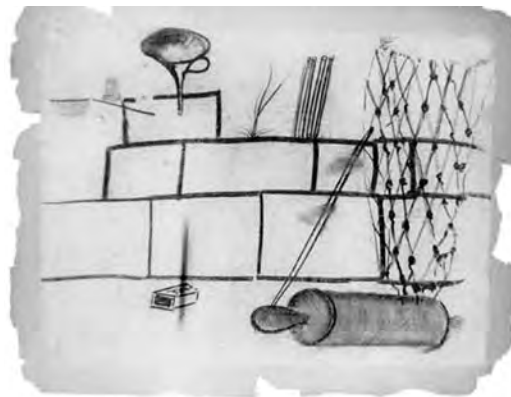
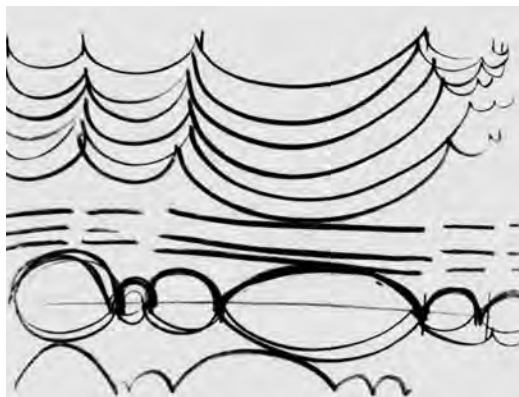
1932. Упражнение «на голос». Бесконечность. ЭКА

1932. Упражнение «на голос». Спираль. ЭКА

1932. Движение формы. ЭКА

Неизвестный ученик. Упражнение на передачу фактуры. ПБА

Эдит Крамер. Упражнение «на голос». ЭКА

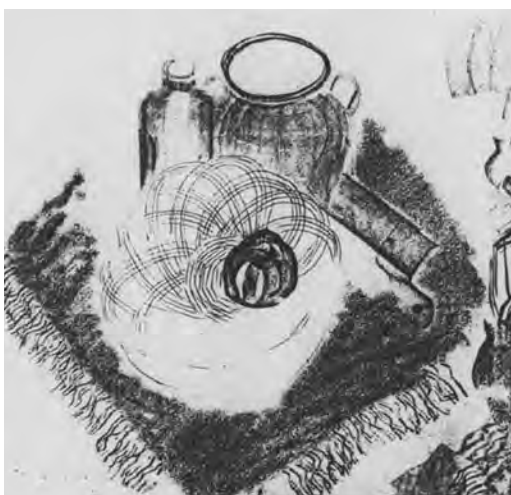
Диктант. 1934. ЭКА

Упражнение на движение формы. 1932. ЭКА

Натюрморт. 1932. Упражнение на передачу фактуры. ПБА

Натюрморт. 1932. Упражнение на движение формы. ПБА

Натюрморт. 1932. Упражнение на передачу фактуры с использованием светотени. ПБА

Эдит Крамер. 1932. Диктант. 1933. ЭКА

Неизвестный ученик. Диктант. ПБА

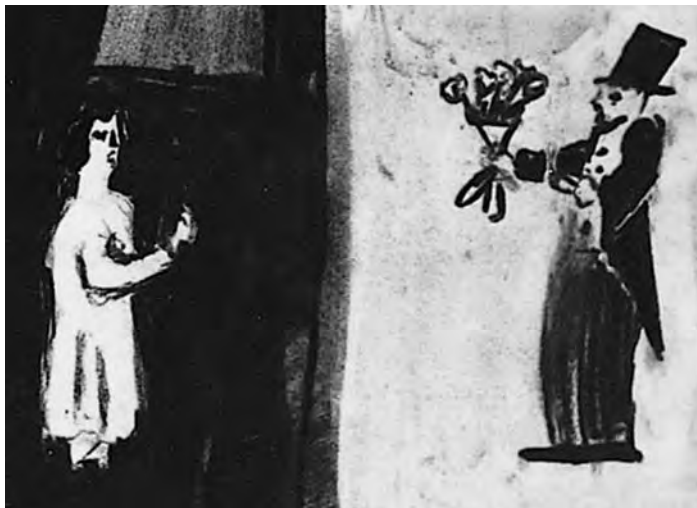
Фридл Дикер-Брандейс. Вид с балкона на железнодорожную станцию «Прага – Вышеград». 1936. ЕМП

Эдит Крамер. Вид с балкона на железнодорожную станцию «Прага – Вышеград». 1936. ЭКА

Ритмический анализ (по картине Боттичелли), 1934. ЭКА

Изучение ритма в картине Монтенки. Рисунок пером. ЭКА

Неизвестный ученик. Рисунок, сделанный по скульптуре слепого и помещенный на обложке книги Л. Мюнца и В. Лоуэнфельда «Творчество слепых». И. Иттен. Альманах «Утопия», 1921. Берлин

Неизвестный ученик. Композиция. Упражнение на контрасты. 1937 – 1938. ПБА

Картина Мастера Франке «Рождество». И. Иттен. Глава «Анализ картин старых мастеров». Альманах «Утопия», 1921. Берлин

Картина Мастера Франке «Рождество». «Характер формы. То же самое внизу, в черно-белом». И. Иттен. Глава «Анализ картин старых мастеров». Альманах «Утопия», 1921. Берлин

Последняя корректура Эрны Фурман

Марианна и Карл Поппер, родители Эрны. 1930. САФ

Эрна Фурман. Фото 1970. ЕМА

Письмо Эрны Фурман

В первый же вечер Эдит рассказала мне про книгу, которую я заказала в Ленинке. Это была ее первая книга по искусствоведению, охватывающая разные дисциплины: искусство, психоанализ и педагогику. Издательство отправило рукопись в Кливленд на рецензию детскому психоаналитику Эрне Фурман¹. Та высоко оценила работу Эдит и написала, что училась в Терезине у Фридл и думает, что эта та же самая Фридл, которой посвящена книга.

Уезжая из Америки, я оставила у Эдит письмо для Эрны. Спустя год получила ответ.

«Проф. Эрна Фурман, США, 24 марта 1989.

Дорогая Лена Макарова!

Какое-то время тому назад я получила через Эдит Крамер Ваше письмо от 11 декабря 1988 года. Да, тяжело возвращаться к терезинским дням, но лучше уж написать сейчас, чем никогда. Эдит уже говорила мне о встрече с Вами, и я была очень рада узнать о Вашей работе и Ваших усилиях написать о Фридл.

Я прибыла в Терезин из Праги в октябре 1942-го и уехала оттуда в мае 1945 года, то есть пробыла там с 16 почти до 19 лет. Почти все время я проработала воспитательницей в детском доме L 318. Фридл была моим учителем около двух лет; я точно не помню, как она объявилась в «моем» детском доме, но пришла она по собственной инициативе и пригласила меня и нескольких моих коллег, которые интересовались рисованием, поучаствовать в занятиях. Сначала мы ходили в ее «студию», потом она стала проводить еженедельные встречи в комнате, где жила моя группа детей и я сама. Несмотря на то, что по большей части участниками занятий были «взрослые» (большинство лишь немного старше меня), нередко к нам подключались и дети. Так или иначе, вскоре я стала передавать моей группе в рамках ежедневных «школьных» занятий то, чему научилась у Фридл, используя те же или почти те же методы. Я всегда любила рисовать (живопись меня привлекала меньше) и по какой-то непонятной причине захватила в багаже, с которым пришла в лагерь, несколько мягких карандашей для эскизов. Бумагу, конечно, найти было трудно, но у меня с собой был

1. Подробную биографию Эрны Фурман (Попперовой) см. в ТД, с. 344. Эрна родилась в 1926 г. в Вене. В 1938 г., после того как Австрия вошла в состав рейха, семья бежала в Прагу, откуда отец Эрны эмигрировал в Англию. Эрна и ее мать не смогли последовать за ним – началась Вторая мировая война. В октябре 1942 г. Эрна с родственниками была депортирована в Терезин. Мать и бабушка вскоре умерли, две тети были депортированы в Освенцим. Эрна осталась в Т. одна. Она работала воспитательницей в L 318 и постоянно училась, в том числе у Фридл. После освобождения уехала к отцу в Лондон, где получила диплом психолога, а в 1952 г. была приглашена на работу в Кливленд (США). Там она вскоре вышла замуж за психиатра Роберта Фурмана. Главными направлениями ее почти полувековой работы в кливлендском Центре помощи детям им. Ханни Перкинс были травмы родителей при потере ребенка, кризисы в развитии ребенка, родительство и его «подводные камни», становление личности ребенка и пр. В этих областях она достигла мирового признания. Эрна Фурман умерла 9 августа 2002 г.

блокнот для набросков (разумнее было бы взять побольше еды), и нам всегда как-то удавалось «урвать» бумагу, причем мы, конечно, рисовали с обеих сторон. Мы делали множество «освобождающих» упражнений – рисовали круги и закорючки, давая рукам или ножницам полную свободу движений. Но больше всего мне нравилось рисовать конкретные вещи: портреты (у меня все еще хранится много портретов «моих» детей), автопортреты, а также рисунки с натуры и многочисленные наброски натюрмортов (никогда не забуду рисунок с печкой в углу, стулом и палкой – на нем Фрида объясняла приемы композиции), и еще там был маленький дворик с несколькими деревьями, – у меня до сих пор хранится эта акварель. Фрида, конечно, указала, что стволы моих деревьев недостаточно крепкие.

Через Фриду мне открылся новый мир, она помогала мне и увлекала меня, она была замечательным, ни на кого не похожим учителем. В Терезине у нее был приятель, художник, чье имя я не припомню¹, – маленький человечек, который любил писать красивые миниатюрные работы. У него были книжки с репродукциями, одна или две. Несколько раз мы с Фридой ходили к нему; я рисовала с его репродукций (в основном это были экспрессионисты), и они вместе, Фрида и он, учили меня. Это было потрясающе! Фрида помогала мне и на занятиях с «моими» детьми, и, как мне кажется, немало терезинских сюжетов, изображенных ими, в конце концов оказались в той коллекции, что Вы видели. Много лет я делала наброски, просто для себя, а позже, когда у меня появились собственные дети, я рисовала с ними. Обеим девочкам это нравилось. Моя старшая дочь довольно талантлива, и сейчас, будучи

1. Вильгельм Конрад (1892 – 1944) – венский художник-миниатюрист.

Эрна Попперова. Комната в L 318. «AAv 381. Венская газета». САФ

уже детским врачом, женой и матерью, она носит с собой повсюду блокнот для набросков, продолжая традицию Фридл.

Учеба у Фридл, часы, когда мы вместе рисовали, относятся к любимым воспоминаниям моей жизни. Тот факт, что дело происходило в Терезине, еще более обостряло это ощущение, хотя в любом другом месте было бы то же самое. Лишь многим позднее я узнала от Эдит Крамер, с каким количеством личных проблем Фридл приходилось справляться. В то время она излучала спокойствие, глубокое понимание, у нее был совершенно особый взгляд на мир. Она всегда была добра и готова прийти на помощь, всегда оценивала мои способности куда выше, чем я сама, время наших занятий рисованием всегда превращалось в большое событие. Хотя мы были очень близки, мы никогда не говорили о наших личных делах. И это тоже было хорошо, поскольку наши личные трагедии таким образом отодвигались в сторону, а наши занятия занимали центральное место. Я буду всегда ей благодарна.

В лагере я научилась множеству разных вещей. В Терезине было столько специалистов мирового уровня во всех областях, и большинство из них было готово давать уроки или проводить семинары за хлеб (я с радостью отдавала свой хлеб за это более важное питание!). Я изучала философию, экономику, тесты Роршаха и т.д.² Но я думаю, Фридл была единственной, кто никогда не требовал никакой платы за уроки. Она просто отдавала себя.

Годы спустя, когда меня попросили написать отзыв на книгу Эдит Крамер, я сразу же ощутила в ней влияние Фридл и поэтому связалась с Эдит. От нее я тоже многое узнала, я восхищаюсь ею как художником и искусствотерапевтом. Но правда и то, что одна из нитей, связывающих меня с Эдит, это Фридл».

Бессонница

Перед отлетом в Атланту в ноябре 2001 года на монтаж выставки Фридл я взяла да и позвонила Эрне. Она подошла к телефону. Я сказала: мы открываем выставку, может, она приедет. И так же просто, как я набрала ее телефон, столько лет не решаясь это сделать, она ответила: «Да, я подумаю об этом, пришлите мне по факсу точные данные: где, когда, во сколько».

Я неверно записала номер факса и позвонила ей через пару часов. Она рассмеялась в трубку: «Моя дорогая, похоже, у вас бессонница». Видно, у нее были часы, показывающие время на всех континентах.

Встреча в Атланте

В назначенное время мы с Фимой, израильским оператором, приехавшим в Атланту снимать открытие выставки, стояли в аэропорту у табло «Прилеты». Навстречу шел нескончаемый поток людей – как разглядеть в нем Эрну, которую я знаю по фотографии тридцатилетней давности? Однако я узнала ее сразу – она не изменилась. Та же обворожительная улыбка. Высокая, красивая, слегка ссутулившаяся дама. Услышав, что мы с Фимой говорим по-русски, она радостно воскликнула: «Я знаю по-русски, кто-то из моей семьи из Одесса».

Боба, мужа Эрны, привезли на коляске. Притопала розовощекая Эдит – с рюкзачком и ярко-синей палкой. Оказывается, она сломала ногу в Париже, и тамошние эстеты подобрали ей палку под цвет «сентябрьского неба в полдень».

В Атланту Эрна привезла свой терезинский архив – рисунки, конспекты лекций психолога Гертруды Баумловой, о которой я столько лет пыталась найти хоть какую-нибудь информа-

Эрна Попперова. Ирис. 1944. САФ.

2. Из терезинских календарей-ежедневников Э. Попперовой за 1943 год:
- Январь
- 3, 10, 17: Органическая химия, французский
- 9: Струнный квартет Ледеча
- 12: Физвоспитание
- 16: Кокто: «Голос человека», кабаре
- 20: Тёти [отправлены] в Польшу
- 25: Волкер: «Могила» (В. Шён)
- Февраль
- 8: Песни и арии (Граб, Вайзенштейн)
- Март
- 6: «Волшебная скрипка»
- 7: «Букет»
- 13: Детское представление (Брумлик)
- 14, 21, 28: Народное хозяйство (Винер)
- 20: «Женитьба Фигаро», Пурим
- Апрель
- 19: Пасхальный вечер, 1-й «седер»
- Май
- 3: Семинар 1—3
- 15: Семинар, кабаре Джона
- 17—19, 24: Семинар, д-р Баумлова, психология
- 20, 27: Курс музыки
- 22: Открытие бастiona
- 23: Народное хозяйство, Лаг ба-Омер
- 31: Народное хозяйство, «Светлячки»
- Июнь
- 1, 7, 14: Д-р Баумлова, психология
- 3: Курс музыки, рисование
- 5, 12: Народное хозяйство
- 17: Курс музыки, рисование, «Риго-летто»
- 19: Фауст, ч. I, русский, английский
- 21: Психология, бридж
- 23: Русский (комн. 283)
- 24: Курс музыки, рисование
- 26: «Фауст»
- 27: «Да будет жизнь!»
- 28: Психология, русский
- 29: Концерт Майера-Саттлера
- 30: 3-й раз. Голан, «Путешествия»

цию, и конспекты, сделанные на семинаре по изучению тестов Роршаха.

Пожелтевшая бумага крошилась в руках. «Ну и что, – сказала Эрна, – все умирает, я тоже умру». Эдит вступилась за рисунки: «Это очень важно сохранить. Особенно альбом! По нему видно, как и чему учила Фрида в Терезине... Не огорчайте Лену!» Эрна позволила мне снять копии со всего, что я считаю нужным. До открытия выставки оставалось два часа. Я помчалась в музей. И успела не только сделать копии, но и переложить рисунки и конспекты специальной реставрационной бумагой.

Утром следующего дня мы с Ефимом провожали Эрну и Боба в Кливленд. Черная машина отъехала от гостиницы, мы махали ей вслед.

По возвращении из Атланты Эрна написала мне письмо:

6 декабря 2001 года.

Дорогая Елена Макарова,

Я пишу, дабы поблагодарить Вас (и, пожалуйста, передайте мою благодарность оператору Ефиму) за те невероятные 20 часов, которые мы провели вместе в Атланте в мире Терезина, воссозданного Вами и через Вас на выставке. И еще спасибо за все те усилия, которые Вы приложили к тому, чтобы уберечь мои рисунки от дальнейшего распада. Я знаю, Вы сделали это не только для меня, но и для себя, для своей будущей работы, и для тех, кто, возможно, заинтересуется этим в будущем. Что касается меня, я поняла, что наша встреча, обмен мыслями и чувствами, стали для меня этапом для перехода на новый уровень осмысления лагерного опыта, и один из шагов в этом направлении – говорить с Вами.

... Мои записи отражают количество еженедельных семинаров, которые д-р Винер проводил с нашей группой за 1/8 пайки за каждую тему по дисциплине «Народная экономика». Винер есть в Вашей книге. Я подтверждаю, да, Вы правы, это конспекты лекций Гертруды Баумловой. Список концертов в дневнике не имеет дат. В нем же и другие мероприятия.

... Следующая проверка покажет, как обстоят дела, но я знаю, что жить мне осталось недолго, так что время – главный фактор. Нравится нам это или нет!

Я все еще читаю Вашу книгу – подарок непростой. Хорошо, но и тяжело читать, я знала столько из Вашего списка...¹

Боб шлет приветы.

Ваша Эрна Фурман.

1. Имеется в виду наша книга о лекциях в Т.

Кливленд

20 февраля 2002 года по приглашению Эрны я прилетела в Кливленд. В аэропорту меня встречал шофер-негр – доктор Фурман занята в первой половине дня. Он вез меня по незнакомому городу и рассказывал, что обратился в мусульманство и что его отец, христианин, не может ему этого простить. На вид ему было за пятьдесят. Обратившийся в мусульманство привез меня в гараж какого-то огромного строения, попросил ключ и на лифте отвез меня на второй этаж. По коридору бродили припомаженные старушки, толстые негрятки пылесосили в открытых настежь комнатах. Здесь, по решению Эрны, мне и предстояло ночевать. Когда освободится гостевая в доме престарелых, где живет Эрна, меня туда переведут. Комната с пуфиками и розовыми занавесками, огромные рекреации с каминами и мебелью под старину – я ощущала себя героиней американского фильма про полноценную старость.

В два часа дня за мной заехал Боб. Два профессора жили в трехкомнатной квартире с небольшой кухней. От Эрны только что ушли студенты, и она что-то дописывала за большим столом в гостиной. Наверное, если бы просто так прийти к Эрне, без магнитофона и вопросов, которые предстояло задать, я бы чувствовала себя спокойней. А что, если мои вопросы покажутся ей глупыми или диктофоны не будут работать?!

Я выложила на стол оба диктофона, и Эрна решила, что я большой спец в технике. Мы говорили с ней четыре дня, и все четыре дня я волновалась за запись, получится или нет. Эрне, к счастью, мои тревоги были неведомы, единственное, на что она отвлекалась – это на птиц в окне, все жалела, что я не увижу ее загородный дом, там столько птичек! В один из вечеров мы ходили в театр, от усталости я свалилась со стула. Благо я была в белье, а чета Фурманов – в партере. Каждый день в пять часов мы усаживались в кресла и пили виски с содовой. Эрна и Боб были похожи на влюбленных студентов.

«Как ты думаешь, – спросила меня Эрна на прощание, – сколько мне еще осталось?» Я промолчала. «Максимум полгода, – сказала она, – торопись. Я должна успеть прочесть весь текст интервью».

Эрна проверяла все до последней запятой. Из-за боли она иногда не могла говорить по телефону. И при этом продолжала править тексты.

Последняя корректура

Центр развития детей им. Ханны Перкинс, 16 апреля 2002 года

Дорогие Лена и Сергей! Спасибо за звонки и вчерашний факс. Я рада, что мой текст пришелся вам по вкусу и даже помог душевно, хотя я не ставила перед собой «терапевтической» задачи. Я рада, что с Токийской выставкой все складывается хорошо и что вы в порядке.

... К сожалению, я должна сказать, что сеанс химиотерапии закончился безрезультатно. Из-за метастазов я прохожу ежедневный сеанс рентгенотерапии, после этого будет возможна новая химиотерапия. По статистике, шансы маленькие. Как вовремя мы встретились, та неделя была, как видно, единственной возможностью. Сейчас мне это было бы не по силам. Но я сделаю все возможное, чтобы дочитать тексты.

С огромной благодарностью, приветами и пожеланиями вам и Ефиму, искренне Ваша Эрна.

2 июня 2002 года

Дорогая Лена!

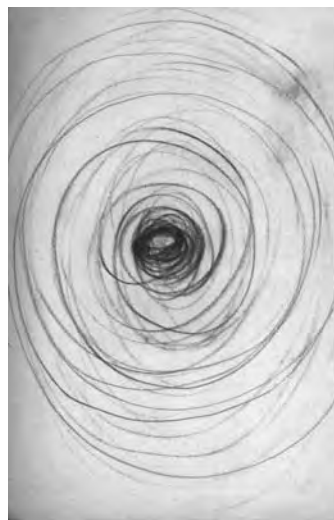
Огромное спасибо за Ваше последнее письмо и шесть распечатанных файлов. Меня все еще изумляют японцы, которые с таким огромным интересом восприняли историю о европейских концлагерях. Может, это потому, что Запад видит в них агрессоров, а они воспринимают себя жертвами, особенно после Хиросимы и Нагасаки. Да, люди во всем мире ведут себя скверно по отношению друг к другу, но всегда находятся те, кому не безразличны чужие страдания, с кем мы находим общий язык, с кем мы объединяемся. Главное, и самое важное, конечно, что Вы смогли создать такую выставку, которая говорит с людьми на их языке, примите мои поздравления.

Ваша Эрна Фурман.

Это было последнее письмо от Эрны. За две недели до ее смерти мы говорили по телефону, и она нам дала добро на издание книги о ее жизни.

Портрет Иво Розенбаума (1934 – 1944), сына Камилы Розенбаум (-овой). Иво был воспитанником Эрны. В Терезине Камила взяла себе в дочери сироту по кличке Чапла. Павел, муж Камилы, был депортирован в Освенцим 28 сентября 1944 года, а Камила с детьми 23 октября. Она, единственная из семьи, выжила и в конце войны, пройдя через разные лагеря, оказалась в Терезине. «Увидев меня на улице, она упала в обморок, – рассказывала Эрна. – У нее было страшное чувство вины, она не последовала за детьми. Значит, у нее был ослаблен инстинкт материнства». Не знаю, права ли Эрна. Камилу любили все девочки в детском доме, и тот факт, что она удочерила сироту, скорее свидетельствует об обратном. Кроме того, я беседовала в Праге о Камиле с ее самыми близкими друзьями, Ханой и Иржи Бласко, и они рассказывали, что после войны Камила мечтала только обо одном – родить. Она вышла замуж и родила двоих девочек. Встреча с Камиллой на улице и последующие беседы с ней в Терезине явились предпосылкой к глубоким размышлениям Эрны об отношениях «родители – дети». В одной из последних своих статей «Анна Каренина. Книга материнства» Эрна подводит итог своим размышлениям.

Эрна Полперова. Упражнение на ритм.
САФ

Упражнение «на голос». Круг. 1943.
САФ

Центральная баня. САФ

Эрна Попперова. Корзина и яйца. 3-й урок. 1943. САФ

Соитие. САФ

Копия картины Брейгеля «Деревенская свадьба». САФ

Портрет женщины в берете. САФ

Человек в очках, эскиз (автор В. Конрад?). САФ

Портрет человека в очках (автор В. Конрад?). 1944. САФ

Портрет подруги. САФ

Из интервью с Эрной Фурман

Кливленд, Огайо, США, январь 2002 года.

Е. Когда вы начали работать в Терезине?**Э.** Я попала в L 318¹ сразу по приезду, в октябре 1942 года. Я прибыла с пражским сиротским приютом, где в последнее время была воспитательницей у младших. И я продолжила эту работу. Сперва девочки и мальчики были вместе. Нас поместили в одну комнату как новоприбывших, мы привезли с собой скарлатину, и из-за этого нас на три недели посадили на карантин. Скарлатина считалась ужасной болезнью, в то время пенициллина еще не было. Так нас встретил лагерь. Я очень боялась заразиться.**Е.** Но вы не заразились...**Э.** Нет. Зато заработала дизентерию и гепатит. С гепатитом был просто кошмар. При гепатите нужна определенная диета, но в лагере и так есть нечего, какая уж там диета...**Е.** Вы лежали в больнице?**Э.** Нет, оставалась в L 318, в комнате для воспитательниц. Есть у меня рисунок трехэтажных нар. Представьте, каково лежать с жутким поносом на третьем ярусе! Температура под 40, невероятная слабость, и при этом без конца надо бегать в туалет, а он один на всех – и постоянно занят. Это страшно изматывает. Болезни были постоянным фоном жизни. Одно время у меня все тело было в нарывах. Месяцами. Нужны были антибиотики, их не было. У меня были импетиго, туберкулез, тяжелый артрит, воспаление тройничного нерва... Помню, у одного ребенка была астма. Я впервые встретилась с этой болезнью. Не знала, что делать, как за ним ухаживать...**Е.** А как вы действовали в ситуации, когда все дети заболели разом?**Э.** Когда живешь в такой тесноте, всегда кто-то находится рядом, ты не остаешься со всем этим один на один. Это сдерживает эмоции. Я работала с ребятами шести-восьми лет. Ранний школьный возраст в эмоциональном плане более спокойный, чем подростковый, – там много проблем. Я помню детей огорченных, расстроенных – но мало кто плакал.**Е.** Вы наказывали детей? Если да, то как?**Э.** Ну, в большинстве случаев я им говорила: «Нет, ты не должен этого делать», «Мне это не нравится», «Так у нас не принято», «Ты делаешь плохо другим» или что-то в этом роде.

Был один мальчик, на которого я очень злилась. Он вел себя плохо, и однажды я его ударила. Лучше бы я этого не делала, но я это сделала. Он был абсолютно несносен и вывел меня из себя. Я извинилась. Знаете, я считаю человеческое тело священным. Нельзя причинять ему боль. И если вас не били, то и вы не будете бить. Меня никогда не били. Но если вас били, вы не можете справиться с собой; тогда это становится почти невозможным.

Е. Вы так успешно лечили детей, потому что сами прошли тяжелые испытания?**Э.** Не знаю. Думаю, что если человек покопается в себе поглубже, то найдет там все что угодно. Возможно, не все чувства удастся пережить в полном объеме, но в нас есть они все, мы знаем их вкус. Поэтому я не думаю, что проникнуть в травму другого человека можно лишь при том условии, что ты сам перенес подобную травму. Достаточно иметь в себе этот вкус. Но люди, как правило, не желают обнаруживать в себе дурное. Это пугает!**Е.** Я не имела в виду, что нужно пройти лагерь, чтобы успешно работать с детьми.**Э.** Но вот такая штука: к несчастью, те, кто через это прошли, не могут этим опытом вос-

1. В L 318 были дети от 4 до 10 лет, часть из них сироты.

Э. Попперова. Портрет Ярды. 20.3.1944. САФ

Портрет Вольфа. 2.1944. САФ

пользоваться правильно, поскольку не способны от него абстрагироваться. Это очень деликатный вопрос..

Е. Какова была ваша основная работа в L 318?

Э. Стирка. Стирка и стирка... грязные простыни, одежда. Я постоянно стирала, этим занимались все воспитательницы. Зимой, конечно, белье негде было вешать. Но все это бывает и не в лагере. Я по сей день говорю Бобу: сегодня совершенно великолепный день, я могла мыться в горячей воде сколько угодно. Как мало людей могут себе это позволить! Пользоваться горячей водой по своему усмотрению – это роскошь. Подумать только – полная ванна горячей воды! Вовсе не обязательно быть в лагере, чтобы испытывать лишения. Когда я заболела всерьез, меня заменили. А когда я уже могла стоять на ногах, мне дали группу мальчиков. И помощницу. Она спала в том же доме, но в другой комнате.

Е. Вам удавалось высыпаться?

Э. По большей части я спала хорошо. Не было особых кошмаров или ночных тревог. Потом, когда вспыхнула эпидемия тифа, у детей была очень высокая температура, и я с ними сидела. Тогда было не до сна. Но такое случалось не часто. В основном мы жили спокойно. Как ни странно, со мной дети чувствовали себя достаточно комфортно. Не было ни серьезных проблем с дисциплиной, ни необходимости в наказаниях, мы справлялись.

Е. Как проходил обычный день?

Э. По-разному, все зависело от обстоятельств. Но, скажем, умывание было обязательным. Не все чистили зубы, так как не хватало зубных щеток. Затем одевались...

Е. Где умывались?

Э. Напротив в коридоре была умывальня, рядом с ней – туалет. В умывальне было две раковины. У нас были тазики, куда мы наливали воду. Мы старались греть воду для ванны раз в неделю, но это не всегда получалось.

На завтрак был хлеб. Нам давали сахар, и некоторые дети клали его на хлеб. Иногда повидло из свеклы. Оно было красное, но жутко невкусное. Была кухня, где готовили кофе и какое-то питье. Помню молоко – жидкое и голубое. Сегодня сказали бы: здоровая пища – ни капли жира. Надо заметить, что диабетики в Терезине – если не умирали от голода – от частых приступов не страдали.

У каждого ребенка была маленькая тумбочка в прихожей. Мы получали одну буханку хлеба на всех. Было 22 ребенка, и я научилась резать хлеб точно на 22 кусочка. Потом родители решили, что будет лучше, если каждый ребенок получит четвертушку хлеба на три дня. Выходило примерно три восьмых буханки. Некоторое время мы делили хлеб таким образом. Уроки были утром. К нам приходили учителя по разным предметам, но многие уроки я проводила сама, а иногда и все – когда никто не приходил.

Е. Какие были предметы?

Э. Чтение, письмо и арифметика, а также география, история и иногда рисование. Вечером мы играли в прихожей, пели песни, развлекались – что-то вроде обычного домашнего вечера.

И еще одно: у нас был ежевечерний ритуал добавления дней жизни. Ребенок, который в этот день особенно хорошо себя вел, становился «избранником». Решала не я, вся группа. Этот ребенок получал почетное право поставить на дверном косяке свою отметку – добавив день. Мы провели в этой комнате больше года – и к концу срока вся дверь была покрыта метками.

Хеди Вайзер (1912 – 1944), учительница гимнастики из Вены, в Терезине работала медсестрой и помогала Эрне с детьми. В мае 1944 года Хеди и ее друг Руди были депортированы в Освенцим. Эрна сохранила альбом с рисунками Хеди и ее фотографии. Альбом хранится в семье Фурман.

Фридл Дикер-Брандейс. Портрет Иво Розенбаума. СВЦ

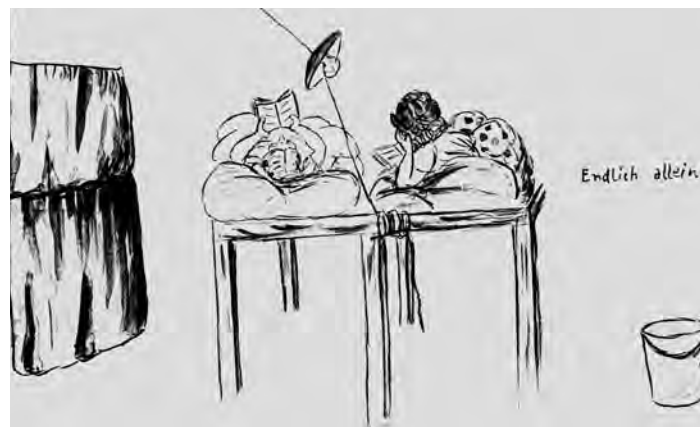
Это было полезное дело. Почему? Видите ли, вычеркивая дни в календаре, мы вычеркиваем часть жизни, мы ее сокращаем и, подходя к концу года, впадаем в тревогу — что там случится дальше? Я не хотела вычеркивать дни — кто знает, что нас ждет в будущем, возможно, наши дни сочтены... Мы добавляли метки, и дней становилось все больше! Каждый ребенок рано или поздно получал возможность добавить свой день. Помню, мне приходилось поднимать детей — отметины уже добрались до притолоки».

Хеди Вайзер. Начало «эры украшения»

Наконец-то одни

Переезд в новое помещение

Исход из Египта

Хеди Вайзер. «Невозможно привести вещи в порядок в С III»

Переезд из L 318 в С III.

Хеди Вайзер. «Тихо, Руди спит!»

Хеди Вайзер. Обложка альбома. Терезин, 1944.

Часть 5.

Играйте с нами комедию-ю-ю...

Соня Шпицова. Театр. ЕМП

И — играли. Репетировали на чердаке при минусовой температуре, ветер свистел в щели. Репетировали упорно и самозабвенно...

И — получилось. 14-го числа этого месяца на сцене Q 319 играли кабаре для молодежи. Было выдано триста билетов, но, как показала реальность, желающих оказалось втрое больше. Актеры выступали блестяще, и благодарная публика наградила их аплодисментами.

Театр в Терезине родился из потребности «играть другую жизнь». Дети ощущали себя Голиафами, которым все нипочем, – одним движением пальца они могли сокрушить злого врага и с ним всю несправедливость мира. Нары становились царскими хоромами, лестницы – корабельными мачтами... Репетиции проходили весело, и, как отмечал в «Ведеме» театральный критик Гануш Бек, актеры даже на сцене «не могли удержаться от смеха». Но спектакли заканчивались. Пробуждение вызывало горечь и тоску. И, увы, не случилось так, как пел Швенк в терезинской «Колыбельной»: «Усни, во сне ты сможешь делать все, что тебе здесь запретили, – бегать свободно по солнечной лужайке, собирать цветы и весело смеяться. Выписать вволю... А когда откроешь глаза, то увидишь – все хорошо, минули горести, они проходят быстро, уже все хорошо, все как в твоём сне».

Самодеятельные спектакли

Представления в комнатах. Практически в каждом детдоме были свои драматурги, режиссеры и актеры. Многие спектакли рождались во времена массовых наказаний, когда запрещалось выходить из помещения и пользоваться электричеством. Темными вечерами дети, запертые в четырех стенах, выдумывали разные истории и их разыгрывали.

«Я сочиняла пьесы вместе с Флашкой, – рассказывает Ханда Дрори. – Например, про старую обувь. У нас под нарами была полочка для обуви. Не помню, чтобы два ботинка когда-нибудь стояли вместе. Мы написали про это пьесу. Главной ее героиней была Трикена, начальница над домашними тапками. Она изнасилась и умерла. Еще была пьеса про двух евреек – Амалку и Позинку. Она начиналась со слов: «Грядет праздник Рошошоне!» Дальше нужно было купить петуха-индюшку, и все смешные приключения связаны с покупкой этого гибрида. Был еще глупый сюжет про какую-то семью, которая приходит в гости, муж с женой корчат из себя светских особ. Муж-профессор разговаривает с учениками высоким стилем, но ни он, ни ученики не понимают, о чем идет речь. У нас даже сохранился список актеров. Да, еще я написала «Трагедию о вставных зубах». В день такой-то произошло событие, которому надлежит быть вписанным в историю. У пана Шпица был верный друг и помощник, песик Шпицек, спец по ловле мышей. Однажды у пана Шпица зачесалось в носу, он чихнул что есть силы, и изо рта вылетели вставные зубы. Но верный Шпицек не растерялся и поймал зубы на лету. Кроме пьесы по сказке «Соль дороже золота», у нас ничего до конца не дописано».

Поскольку из комнаты в комнату ходить не запрещалось, дети давали «выездные спектакли» у соседей.

«Вчера в 8 вечера девочки 31-го г.р. пригласили нас на представление, – пишет в дневнике Хельга Поллакова. – Это было у них в комнате, на первом этаже. Не знаю, как называется сказка, она в пяти действиях, пока сыграли два, продолжение следует. Это было здорово. Сначала – танец, потом история о том, почему гномик маленький, – ее рассказывала девочка, которая превосходно играла гномика. Это произвело неописуемое впечатление. Я вспомнила Вену. Когда мне было пять лет, мама водила меня в балетную школу. Вспомнила, как на глазах у родителей, родственников и девочек из балетной школы я танцевала в венгерском костюме чардаш. Как все хорошо тогда было, мама с папой вместе, я чувствовала себя принцессой».

Инсценировки

Воспитательница Лили Гроссова¹ поставила с девочками два спектакля по рассказам Норы Фрида: «О мяче, который попадал только в ворота соперников» и «За секунду вокруг света» (в L 410 и в Гамбургских казармах).

Как мы играли в театре Сочинение

Как-то во время аппеля Лили сообщила нам радостную новость: мы будем играть в театре. Вечером в Эрев Шабат пришел некий господин, сел за стол и стал читать нам книгу, которую он сам написал. Называлась она «За секунду вокруг света». Она нам очень понравилась еще и потому, что Лилечка сказала, что мы будем выступать. Мы так радовались! На следующий же день начали учить роли, каждая – свою. За неделю мы должны были все выучить. И выучили. После этого стали репетировать перед экраном. Потом была генеральная репетиция, и у нас все здорово получилось. В пятницу вечером мы дали представление в Гамбургских казармах. Все дети и воспитательницы были в восторге и просили сыграть еще раз. На следующее представление пришли родители и кое-какие господа из Магдебургских казарм. Потом мы сыграли три представления у нас и два – в L 414. Надеемся, что следующий спектакль будем играть в Праге. Зюзка, 10 лет².

Иногда в спектаклях для детей играли взрослые.

«Была на «Великом изобретении Ирки», – записывает Хельга Поллакова в июне 1943 года. – Играли в немецком доме³, в мирное время там тоже был театр, небольшой, но уютный. Играли взрослые, хотя главными героями пьесы были дети. Такого мы бы не увидели и на вечернем спектакле в пражском театре. Автор и режиссер «Великого изобретения Ирки» – наш учитель физики и химии д-р Эмиль Гофф»⁴.

1. Лили Гроссова (1911 – 1944).

2. Из альбома Раи Энглендеровой «Молодежь в Терезине, 1941 – 1945», 1985. ЕМП

3. Здание L 414.

4. Эмиль Гофф (Голан) (1905 – 1945) родился в Ходонине, Моравия. Сын раввина. Изучал издательское дело. Работал в пражских издательствах. Прибыл в Т. из Праги летом 1942 г. с женой Ярославой и дочерью Ханной. В Т. написал несколько крупных прозаических и поэтических произведений. В октябре 1944 г. вся семья была депортирована в Освенцим. После всех лагерей Голан вернулся в Прагу, но, узнав о гибели жены и дочери, вскоре умер.

«Детский отдых. Зюдштрассе, 1. 1944, июль, август, сентябрь. Веселая трагедия для больших и маленьких. Баццилинек. Написал д-р мед. наук Карел Дримл». ПТ

«Нора Фрид. За секунду вокруг света. Режиссер Лили Гроссова, играют, поют и танцуют дети дома 104»

«Крысолов из Гамельна. Литературная обработка Вальтера Фрейда. Постановка Франты Майера. Играют дети из детдомов L 417 и L 410. Сцена – чердак L 417 (дважды)». ПТ

Часть 5. Играйте с нами комедно-ю-ю...

Фрид Дикер-Брандейс. Набросок к оформлению спектакля «Похождения девочки в Земле Обетованной».

Норберт (Нора) Фрид. Фото 1950 г. ЕМА

Ф. Дикер-Брандейс. Набросок к четырём сценам спектакля «Похождения девочки в Земле Обетованной»:
4. Переговоры с хозяином. 5. Банкет. 6. Сон. 7. Наутро. СВЦ

Н. Фрид. «Конь в цветах». Музыка К. Райнера. Играют и поют детские дома L 410 и Q 609. ПТ

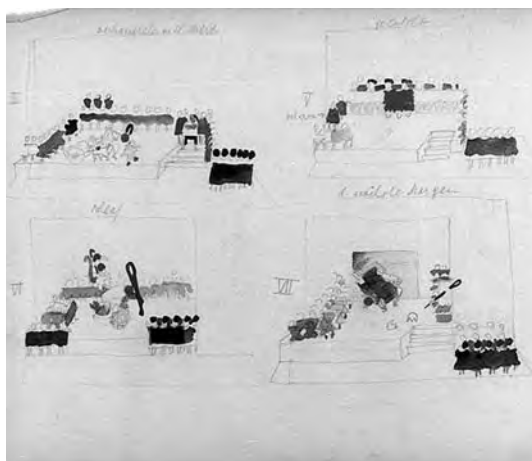
«Похождения девочки в Земле Обетованной. Представление в 14-ти картинах, в ролях – девочки дома L 414. Режиссер – Вальтер Фрейд, сценография – Франтишек Зеленка, костюмы – профессор Фрид Брандейс». ПТ

«Эмиль и сыщики» (пьеса Э. Кёстнера, поставлена в L 414, музыка композитора В. Ульмана). ПТ

«Вася». Пьеса Ф. Майера, режиссер В. Шён, декорации Ф. Зеленки, играют дети L 417. ПТ

«О мяче, который попадал только в ворота соперника. Нора Фрид. Режиссер Лили Гроссова, играют, танцуют и поют дети дома L 410, комнаты № 16». ПТ

«Великое изобретение Ирки» по одноименной повести для детей поставил Арно Нойман. ПТ

Вальтер Фрейд' и Земля Обетованная

Инициатива и проведение спектаклей принадлежала воспитателю Вальтеру Фрейду, первому заведующему дома L 410. До Терезина он работал воспитателем в еврейском детском доме в Брно. Он не успел завершить инженерное образование и, кажется, не был этим особо удручен. На досуге он изучал еврейскую историю и традицию и, как всякий неофит, стремился приобщить к делу всех, кто оказывался рядом. Рядом были дети, и с ними он разыгрывал первые представления на Хануку и Пурим. В. Фрейд инсценировал рассказы Шолом-Алейхема, но главной темой его спектаклей были героические события еврейской истории: освобождение из вавилонского плена, победа над Аманом, дарование Торы и пр. («Эстер», «Пуримшпиль» /постановка В. Фрейда с детьми из Q 710 и L 410/, «Менора» /режиссер И. Гольдштейн, играют дети из L 417 и L 410/, «Симхат Тора» /постановка В. Фрейда при участии В. Шён в L 318/ и др.).

К этому циклу относится, видимо, и спектакль «Похождения девочки в Земле Обетованной». Он был сыгран всего 6 раз; исполнительницы главных ролей были депортированы в сентябре 1943 года, и на этом спектакль закончился. До нас дошло несколько набросков Фрида к декорациям и одна фраза: «мальчик чистит башмаки Илье-пророку».

1. Вальтер Фрейд (1917 – 1944).

Хельга Вайсова. В. Фрейд и дети на чердаке дома L 410. XXV

Свадебная фотография Вальтера и Рут Фрейд. 1940. ЕМА

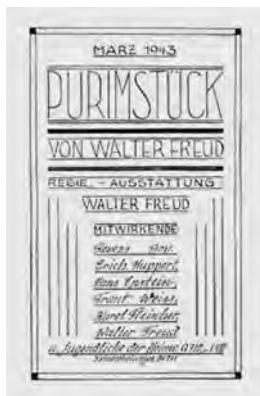
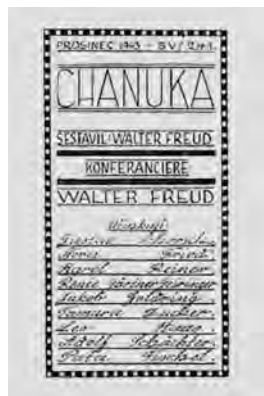
«Ханука. Постановка и конференс В. Фрейда. Участвуют: Густав Шорш, Нора Фрид, Карел Райнер, Рене Гартнер-Герингер, Якоб Голдинг, Тамара Цукер, Лео Хас, Адольф Шехтер и Патя Фишл». ПТ

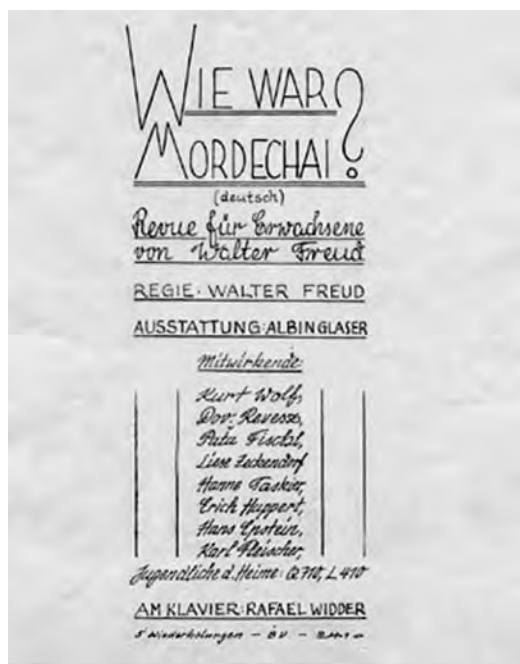
«Пуримшпиль», режиссер-постановщик В. Фрейд. Участвуют: Дов Ревез, Эрих Гуперт, Ганс Эпштейн, Франта Вайс, Карел Фляйшер, Вальтер Фрейд и молодежь детских домов Q 710 и L 410». ПТ

«Симхат Тора», постановка В. Фрейда. Выступают: Илья Вебер, детский хор, струнный квартет, еврейский детский сад Деборы Фрухт. За пианино: Рене Гартнер-Герингер. Танцуют: Грета Штраус и дети из детдома L 318. Принимают участие Телла Поллак и хор детдома L 410». ПТ

Шолом-Алейхем (на немецком, чешском и идише). Инсценировка его произведений – В.Фрейд. Участвуют: Арон Менчер, Абрахам Фикслер, Вальтер Фрейд. Одноактная пьеса Шолом-Алейхема «Этот мир». Играют: Д. Ревез, Патя Фишл, Дебора Цекендорф, В. Фрейд, Ганс Цекендорф и Курт Лёви». ПТ

«Иеремия», одноактное представление в постановке В. Фрейда. Исполнители: молодежь из Дрезденских казарм и их воспитатели Диди Лампл и Юдит Пейтцер. Представление в HV (Боденбахские казармы), L 514, Q 307, BV 241». ПТ

Афиша спектакля «Каким был Мордехай?» (на немецком), представление для взрослых. Режиссура Вальтера Фрейда, оформление Альбина Глазера. Участвуют: Курт Вольф, Дов Ревез, Пинтя Фишл, Лиза Цекендорф, Хана Таскер, Эрих Гуперт, Ганс Эпштейн, Карел Фляйшер и молодежь детских домов Q 710 и L 410. За пианино: Рафаэль Видер». ПТ

Рут Феликс, вдова Вальтера Фрейда, 1997. ЕМА

Кукольный театр

«В здании бывшей терезинской школы мы нашли несколько сборников 1900 года с пьесами для кукольного театра, — рассказывает Нава Шён, — на первых порах они служили нам большим подспорьем. К лету 1942 года в двух детских домах был создан кукольный театр. Вскоре дети сами стали писать пьесы, мастерить кукол и показывать спектакли. Мальчики из детского дома Q 609 играли в казармах для стариков»¹.

«В Терезине на чердаке Вальтер устроил кукольный театр, — вспоминает Рут Феликс, вдова В. Фрейда. — Хобби Вальтера были марионетки, все свободное время он, окруженный детворой, мастерил кукол. Как папа Карло. Сидя за занавеской, он водил их, говорил за них. Он говорил за мужских персонажей, девочки — за женских. Дети смеялись, Вальтер сиял».

«Вальтер обучил ребят, как делать марионеток, как соединять между собой части, чтобы они получались подвижными, — вспоминает Хана Райнерова. — Мои ребята из Q 609 его обожали. Однажды они повели меня с ним знакомиться. Я так хорошо помню, как мы туда шли, — был прекрасный осенний солнечный день. Во внутреннем дворе детского дома L 410, слева, был маленький домик, там он и жил.

Сразу же после войны я поехала в Терезин искать марионеток. Я была уверена, что найду их... Туловища у них были деревянные, а головы — из терракоты, раскрашенные. Король, рыцарь, принцесса, Баба-яга, Кашпарек, черт, наездник, полицейский... — всего их было девять. Для изготовления марионеток нужны были разные материалы, в первую очередь, разумеется, дерево, и мы с ребятами повсюду его собирали. Я шила костюмы. Сценой слу-

1. Нава Шён. Из воспоминаний. БТ

жил ящик 1,4 x 0,9 м. На портале я нарисовала Маженку и Еника в пльзеньских народных костюмах, а сверху Кашпарека. Головы из глины вылепил Енда Кляйн², по кличке Йоханка. Его так прозвали, потому что он был похож на девочку, нежненький, с круглыми щечками. Йоханка расписывал кукольные головы масляными красками. У Йоханки был невероятный талант, головы кукол и декорации к трем действиям (дворцовый зал, лес и чешская деревня) были выполнены столь искусно, что я по сей день вижу их перед глазами.

У нас был еще один гений – Ирка Бадер³. Совершенно зрелый человек в свои четырнадцать лет. Мы часто беседовали, и меня не покидало ощущение, что он понимает вещи на глубине, мне недоступной. К тому же Ирка был очень рукастым и управлял «ремесленным цехом». Ланчик (Ландсман)⁴ написал пьесу в стихах в духе чешских народных сказок, при этом в ней явственно проступал лагерный быт – менажки, нары и пр. Сначала представления устраивались в нашем доме, а потом ребята выступали в разных детских домах⁵.

«Волшебная скрипка»

«Создать кукольный театр в Терезине – эта задача поначалу казалась невыполнимой, – писал Ярослав Дубский⁶. – Найти место, приготовить сцену, кукол, декорации, поставить свет... Да еще и пьесу написать, отрепетировать роли, научить обращаться с марионетками... На подготовку первого спектакля ушло несколько месяцев. Но как было радостно, когда засияли тысячи детских глаз, – ведь детям в Терезине приходилось тяжелее всех. После того как мы дали 22 спектакля, у нас отобрали помещение. Больше выступать было негде. Одно утешение, что мы хоть что-то успели сделать для детей. Головы кукол лепили и резали скульпторы Саудек и Цадиков. Последний умер, не закончив кукол для «Волшебной скрипки», 13.9.1943».

«9.3.1943. Сегодня днем была в настоящем кукольном театре, – пишет Хельга Поллакова. – Для Терезина – очень хорошо, особенно если представить, сколько работы было вложено в этих кукол. Показывали «Волшебную скрипку». И играли на скрипке».

2. См. с. 194.

3. Иржи Бадер (1930 – 1944).

4. Арношт Ландсман (1930 – 1944).

5. Хана Райнерова. БТ, 2235.

6. Ярослав Дубский (1901 – 1943) депортирован в Т. из Праги в конце 1942 г. с женой и двумя маленькими сыновьями. Через год семья Дубских была отправлена в Освенцим. Все погибли.

Зузана Вайсова (1930 – 1944). Ярмарочное представление. «Огурцы»

Аничка Кан. Семья Кашпарека. ЕМП

Плакаты: «Театр марионеток детского дома В2 Q 609 под руководством Ханы Райнеровой. Художественные руководители: Власта Шёнова и Вальтер Фрейд. Постановщики: Иржи и Зденек Фрид, Эрих Кляйн. Марионеток сделали Иржи Бабер, Ян Кляйн, Томи Соботка, К. Тухенхарт. Оформление: Ян Кляйн. Костюмы: Хана Райнерова. Свет: Петер Месснер. Марионетками управляют: Иржи Бабер, Томи Соботка, Арношт Ландсман». ПТ

Плакаты «Заколдованный замок». Пьеса для марионеток в 4-х действиях. Написал А. Ландсман. Действующие лица и исполнители: Рыцарь Радомир – Петр Месснер; Людмила, его жена – Милка Гелертерова; Власта, их дочь – Эва Пикова; Охотник – Томи Соботка; Слуга – Роберт Дуб; Посыльный – Томи Соботка; Полицейский Секир-башка – Иржи Вейнер; Черт – Иржи Вейнер; Гонза – Ян Кляйн; Крестьянка – Эва Пикова; декламация – Рубичек, Месснер и Соботка». ПТ

Рудольф Саудек. Довоенное фото. ЕМА

Нава Шён. Спектакль «Светлячки»

«Постановка карафиатовских «Светлячков»¹ в терезинском гетто в 1943 году была чисто педагогической задачей. Мы понимали, что подавляющее большинство терезинских детей никогда не было в театре. К тому же репетиции частично заменяли учебу, которая была запрещена. Разучивание текста превращалось в образовательный процесс, а «Светлячки» – в учебную программу всего детского дома.

Идея постановки Карафиата принадлежит балерине Камиле Розенбаум. В пражском детском доме Камилла занималась с детьми ритмикой, в Терезине она организовала танцевальную группу и в начале 1943 года, взяв за основу чешские народные песни, стала работать над хореографией «Светлячков». Камилла показывала детям, как можно выразить в движении отрывки из сказки, которую она читала им вслух. После двух месяцев репетиций она пришла ко мне и сказала, что работает с детьми над хореографической постановкой «Светлячков», а я буду читать текст.

Я отправилась на репетицию. И сразу стало ясно – вот форма детского спектакля, о которой я мечтала. Учитывая наши терезинские условия, я взялась за переработку сказки в пьесу. Все действие происходило на фоне огромных цветов, которые создавали полную иллюзию луга. Там маленький Светлячок учился летать. Его нечаянно поранили играющие на лугу дети; следующая сцена показывала жизнь в маленьком домике, как мама его выхаживает, потом сцена, как мама готовит, а маленький Светлячок раздувает огонь, сцена, где светлячки делают вино из большущей виноградины, и в конце концов свадьба маленького Светлячка, его венчается пьеса.

1. Нава Шён. «Светлячки», Терезин, 1965, с. 261 – 262.

Премьера «Светлячков» по одноименной сказке пастора Карафиата (1846 – 1929) состоялась в мае 1943 года, спектакль был показан 32 раза. Текст афиши: «Режиссер – Н. Шён, хореограф – К. Розенбаум, музыкальное сопровождение – К. Швенк, декорации – А. Аузенберг, костюмы – Ф. Брандейс, исполнители – девочки из L 410».

Начали репетировать. Я выбрала детей на главные роли. В работу был вовлечен весь детский дом. Во-первых, одну и ту же роль репетировало несколько детей, кроме того, все дети учились петь, все принимали участие в оформлении сцены – делали костюмы и декорации. По техническим причинам работа продвигалась медленно. В то время я по десять часов в день работала в мастерской по починке носков, так что репетировать можно было или рано утром, или поздно вечером. Из педагогических соображений я свела репетиции к часу или двум – чтобы они были в радость и не превратились в обязательку, к тому же из-за недостаточного питания дети были физически ослаблены и быстро уставали.

После нескольких месяцев репетиций, похожих скорее на групповую игру, мы подошли к моменту, когда можно было выпускать «Светлячков» на публику. Наступило время лихорадочной подготовки. Для декораций у нас была одна бумага, а для костюмов – старые тряпки. Работники детского дома распорол старую одежду и вместе с детьми сшили из нее костюмы. Это происходило под наблюдением и при участии австрийской художницы Фриды Брандейс, кстати, она и придумала сделать огромные цветы, на фоне которых дети выглядели крошечными. Декорации сделал художник Адольф Аузенберг². Подростки вызвались расписывать декорации. Все это отняло куда больше времени, чем мы планировали. Накануне премьеры мы с помощниками работали до пяти утра. Рисовали огромные колокольчики и одуванчики. Аузенберг расписывал занавес. Мы заразили энтузиазмом знакомых электриков, которые тоже вызвались помочь. Они раздобыли какие-то электродетали, смастерили из них реостат и прожекторы; с помощью цветной бумаги Франта Пик создавал на сцене волшебные эффекты. Карел Швенк сделал аранжировку народных песен и аккомпанировал во время представления. В спектакле играло 30 детей. Сценой служила платформа, сооруженная в зале Магдебургских казарм. На мой взгляд, мы хорошо справились с задачей. Нам удалось

Афиша. «Светлячки. Карафиат. Музыка: Карел Швенк. Танец: Камила Розенбаумова. Играл дети дома L 410. По-чешски читает Вава Шёнова, по-немецки Рене Гартнер-Гейрингер.

2. Адольф (Дольфи) Аузенберг (1914 – 1944) – художник-сценограф.

Власта Шёнова (Нава Шён) и поэт Иржи Ортен, 1940. ЕМА

Камила Розенбаумова, послевоенное фото. ЕМА

создать спектакль, в котором и духа терезинского не было. Он пользовался необычайным успехом и игрался многократно. В Терезине не было ни одного ребенка, который хотя бы дважды не видел «Светлячков». При этом надо было считаться и с пожеланиями взрослых, они тоже хотели попасть в настоящий детский театр.

Мы сыграли «Светлячков» не менее 28 раз, и тут пришло известие о готовящихся транспортах. К тому времени мы привыкли к этой постоянно возвращающейся трагедии – буквально через несколько дней жизнь в лагере входила в прежнее русло и представления возобновлялись. Уехавших заменяли, «Светлячки» репетировались снова.

Но тут нагрянула новая беда – указ о расформировании Судетских казарм. Около 4000 мужчин должны были в течение нескольких часов оставить казармы. Их расселили по пустующим помещениям и чердакам, в том числе и в нашем театре. Мужчины спали на «сцене» под колокольчиками и одуванчиками. Каждый сантиметр площади на чердаке был занят жильем. Мы вытащили декорации во двор; через несколько дней они были уничтожены дождем. Так пришел конец «Светлячкам» – незабываемому событию для всех детей».

Опера «Брундибар»

«К работе с детьми меня привела детская опера, которую я написал в 1938 году для анонимного конкурса, проводимого министерством просвещения, – рассказывал Ганс Краса на педагогическом семинаре в июле 1943 года. – Труднее всего было выбрать тему для либретто, ибо всякие драматические конфликты вроде эротических, политических и т.п., естественно, не годились. И мне, и автору текста (А. Хофмейстеру) нравился сказочный материал. Автору удалось придумать забавный детский сюжет; материал был взят из жизни и нес в себе важное послание о коллективной сплоченности в борьбе со Злом. В данном случае – это «песенная война» всех детей против злого шарманщика.

Как композитор я поставил перед собой задачу сочинить музыку, которую детям будет легко исполнять, а слушателями, в том числе и взрослыми, она будет восприниматься как оригинальная современная музыка, не подпадающая под категорию «детского жанра». И хотя диапазон детского голоса не может выходить за пределы одной квинты, мне не пришлось особо насиловать свою композиторскую натуру. Надеюсь и верю, что мне это удалось; во всяком случае, друзья говорят, что узнают меня в каждом такте оперы.

В 1941 году Рафаэль Шехтер попросил у меня детскую оперу, с тем чтобы поставить ее в доме сирот. Я согласился. Настал первый день, все были взволнованы, возбуждены – распределялись роли. Дети честолюбивы не менее взрослых – все хотят получить главные роли. Был такой эпизод: мальчику досталась одна из главных ролей – играть сестру в паре сестра – брат. Он разревелся и ни в какую не желал признаваться в причине своего горя. В конце концов он заявил, что не будет играть роль маленькой девочки. Это казалось ему страшным позором; успокоился он лишь после того, как ему объяснили, какая это большая и важная роль.

Меня поразила детская память. Некоторые запоминали все со слуха, и не только свои, но и остальные партии. Кроме того, они с легкостью восприняли перебивы в интонации и мгновенно их усвоили. Работа с мальчиками была чрезвычайно интересной, но куда более напряженной, чем со взрослыми; свобода и непосредственность детей должны были отвечать самой сути музыки и выражаться в игре.

1. 43-летний композитор Ганс Краса, автор трех опер (среди них «Дядюшкин сон» по Достоевскому), симфоний, скрипичных квартетов, музыки для спектаклей, получивший в 33 году государственную премию за вклад в чешскую музыкальную культуру, возглавил в Т. музыкальную секцию Отдела досуга. Это освободило композитора от физической работы и дало ему возможность писать музыку. Последнее его произведение «Пассакалия и fuga» было закончено 7 августа 1944 г., за 80 дней до гибели в Освенциме.

Ганс Краса, 1937. ЕМА

Здесь, в Терезине, — продолжал Краса, — я очень надеюсь получить доступ к фортепиано и довести представление до конца. Среда здесь еще более благоприятная, чем в Праге, — множество детей, а они — самая лучшая, самая благодарная публика.

В заключение хочу лишь вспомнить моего любимца из пражского ансамбля, маленького Ярду Бергера². Он пел Воробья, он был самым веселым, самым умным и самым непри-
нужденным. К сожалению, он отправлен транспортом на восток. И если мне когда-нибудь доведется услышать свою оперу здесь или в другом месте, я всегда буду с грустью его вспоминать»³.

Сюжет «Брундибара» прост. У Пепечка и Анинки заболела мама, нужно срочно купить ей молока, да не на что. Брат и сестра отправляются на поиски денег. По дороге они поют. Выбегают дети из школы, с шапкой по кругу собирают им деньги на молоко. Но тут появляется злой шарманщик Брундибар, отбирает деньги и убегает. Однако с помощью добрых друзей — пса, кошки и воробья — дети находят шарманщика и конечно же свои деньги. Зло побеждено, Добро торжествует.

Директор пражского детдома Ота Фрейденфельд поручил своему сыну Рудольфу⁴ собрать детей, желающих участвовать в постановке.

Рудольф Фрейденфельд (Франек) вспоминает: «Шехтер приходил в наш дом раз в неделю, проводил энергичные репетиции, а все остальное время я работал с детьми сам, так что тоже вынужден был учиться музыке. Зеленка сделал потрясающие декорации, были проделаны отверстия в щитах, на которых были нарисованы кошка, собака, воробей, — во время исполнения дети просовывали головы в дырки, так что не нужно было возиться с костюмами. Сцена была установлена в столовой. Время было страшное, и работа над оперой помогала нам жить, отвлекала от назойливых мыслей о депортации. Нам удалось дважды сыграть оперу для 150 гостей, восторг был непередаваемый. Вечером гости покидали детский дом по двое, по трое, чтобы не привлечь внимания оккупационных властей.

Летом 1943 года мы с отцом оказались в Терезине и сразу же приступили к репетициям. Сначала они проходили на чердаке Дрезденских казарм, а потом на чердаке L 417. В то время я работал на строительстве тира для немецких солдат за Литомержице. 12 км пешком, беготня с груженной тачкой вверх — вниз — вверх — вниз, потом 12 км строем, под дулами винтовок, — назад в гетто. И так каждый день. Едва успев умыться, я бежал к детям, они ждали меня на чердаке. Я раздобыл старую фисгармонию с педалями. Пепека пел Пинтя Мюльштейн, а Анинку — Грета Хофмейстер (Хофмейстеровна), певцы с большим стажем. Они уже выступали в «Проданной невесте» у Шехтера, и тот их всячески рекомендовал. Мы думали, что будем исполнять оперу под пианино, но благодаря «акции приукрашивания» мы получили инструменты. Краса тотчас написал партитуры. У нас был настоящий оркестр: Карл Фрелих, Гидеон Кляйн, Фреди Марк, Фрицек Вайс, братья Кон. Но кто будет дирижировать? Шехтер сказал: «Ты! Я тебя научу». Каждый день я ходил на уроки в подвал L 410, где располагалась «студия» маэстро. Первые репетиции мы проводили вместе.

Роль Брундибара играл четырнадцатилетний Ян (Гонза) Трехлингер, сирота из Пльзеня. Он на нее сам напросился. Брундибар — отрицательный персонаж, деревенский мужик, шарманщик, но Гонза так сыграл Брундибара, что и ему, злодею, публика выражала сочувствие. Он стал любимцем Терезина. Все его подкармливали, а мы с женой решили усыно-

2. Ярослав Бергер (1933 — 1943).

3. Г. Краса, из доклада. ЯВА.

4. После смерти отца, осенью 1943 г. Рудольф взял постановку «Брундибара» на себя. Осенью 1944 г. он был депортирован в Освенцим. После освобождения вернулся в Прагу, сменил фамилию на Франек. Работал директором школы в Праге. В 1965 г. опубликовал мемуары о Т.

Франтишек Зеленка. Фото 1936 г. ЕМА.

вить его после войны. В Освенциме из-за маленького роста он не прошел селекцию. Первое представление «Брундибара» состоялось 23 сентября 1943 года в холле Магдебургских казарм. Зеленка располагался перед подиумом. Хореографом была знаменитая Камила Розенбаум... Оркестр располагался перед подиумом. Успех был невероятный! Перед прибытием комиссии Красного Креста мы «переехали» с оперой в Соколовну, там было все, что только можно пожелать, – сцена, оркестровая яма и гримерная. Пришел день показа: зал был пуст, хор и оркестр – наготове. Они появились на галерее всем составом, встали, не снимая фуражек; комендант лагеря дал приказ: «Можно!» После нескольких тактов я обернулся. Они сидели как вкопанные, фуражки были сняты. Опера закончилась, а они так и остались сидеть. Даже этих прожженных циников растрогала музыка – разумеется, не надолго. У них тоже дома дети, говорили эти подонки!

1. О популярности «Брундибара» в Т. свидетельствует рассказ Яна Германа «В руках правосудия» – «Рим Рим Рим», № 3. Ныне существует Международное общество любителей музыки имени Г.Красы, произведения композитора входят в репертуар многих ансамблей. Опера «Брундибар» была восстановлена в 1985 г. и ныне исполняется детьми в разных странах мира.

Франтишек Зеленка. Поздравление ко дню рождения. «Да здравствует Эва Байерова! 16.3.1944». ПТ
Семья Байеров прибыла в Терезин из Праги одним транспортом с семьей Франтишка Зеленки. В марте Зеленка поздравил Эву с тринадцатилетием. А в октябре 1944 года обе семьи погибли в Освенциме.

Афиша: «Ганс Краса. Шарманщик Брундибар. Детская опера в двух частях. Музыкальный постановщик и дирижер: Рудольф Фрейденфельд; режиссер-постановщик: Франтишек Зеленка; хореография: Камила Розенбаумова; поют, играют и танцуют дети терезинских детдомов». ПТ

Заключительная сцена «Брундибара». Кадр из нацистского пропагандистского фильма «Еврейское поселение», лето 1944. ЯВА

Дети смотрят «Брундибар» в Соколовне. Кадр из нацистского пропагандистского фильма «Еврейское поселение», лето 1944. ЯВА

Вечером мы получили указание: «Брундибар» будет представлен комиссии. Сцена слишком темная, это не годится для радостного детского спектакля. К утру город на сцене должен быть окружен деревянным забором. Все необходимые материалы – бумага, краска и прочее – будут выданы.

Мы работали всю ночь. Зеленка нанял штат помощников, и к утру все было готово: городской квартал огорожен, нарисована школа – символ нашего светлого будущего.

Было решено, что гостям покажут финал. Первый сигнал я получил, когда машина въехала на улицу, второй сигнал – когда они подымались по лестнице, по третьему сигналу я опустил поднятую руку – и грянула торжествующая музыка: «Брундибар побежден, потому что мы не трусили, мы не сдались». По указанию режиссера² дети в определенный момент должны были поднять вверх книжки, ранцы и тетрадки. Но дети есть дети, они забыли об этом и подняли вверх сжатые кулаки.

Опера была сыграна 55 раз. Она стала огромным событием в гетто³.

Осенью 1944 года композитор Ганс Краса, дирижер Рафаэль Шехтер, сценограф Франтишек Зеленка, оркестранты Карл Фрѐлих, Гидеон Кляйн, Фредри Марк, Фрицек Вайс, братья Кон и 150 юных актеров были депортированы на восток.

Отзывы зрителей и участников (Из журнала «Ведем»)

Да будет жизнь!⁴

Хочу описать кратко, как появился спектакль Швенка «Да будет жизнь». Расскажу, что знаю. Было много репетиций, и наконец наступила генеральная. Она была назначена на 24 марта. Я договорился о встрече с Пепеком, Леошем и Иржином. Пришли мы на репетицию в десять вечера, но запускать начали в пол-одиннадцатого. Было человек сто желающих. Ничего не было готово, и мы принялись помогать.

Все внесли свою лепту в общее дело: кто-то помогал устанавливать декорации, кто-то приводил в порядок костюмы и т.д. Между тем Швенк несколько раз предупреждал, что посторонним тут делать нечего, но, поскольку никто не хотел уходить, Пепека и других выставили силой. Началась репетиция. И все шло хорошо. Все были в восторге, некоторые номера повторяли по несколько раз. Репетиция закончилась в полчетвертого утра, а потом мы слушали критику. Раздали билеты на первое представление. И вот пришел долгожданный день премьеры. Пьесу приняли хорошо. В конце были длинные аплодисменты, многие вышли поздравить Швенка с успехом.

*Примадонна Бек (Гануш Бек)*⁵

«Брундибар» Театральная рубрика

«Шарманщик Брундибар» – детская опера, ныне она многократно исполняется перед терезинской публикой и по праву заслуживает успеха. Я не собираюсь распространяться ни на тему либретто, ни по поводу музыки или хорошей или плохой режиссуры. Это в конце концов дело критики и вообще тех, кто сидит в зале и смотрит «Брундибара». Но могу сказать, что немалые усилия были положены на постановку детской оперы и что не просто было

2. Курта Геррона, см. выше, с. 62.

3. Р. Франек. Терезин, 1965, с. 265. В оккупированной Праге несанкционированные собрания евреев были запрещены.

4. Премьера кабаре Швенка «Да будет жизнь, или Танец вокруг скелета» состоялась 24 марта 1943 г. Карел Швенк (1917 – 1945), звезда терезинского кабаре, родился в Праге в семье бедного портного. В марте 1939 г., когда евреям запретили публичные выступления, Швенк организовал в Праге «Театр никчемных дарований», который просуществовал до осени 1941-го. 24.11.1941 г. Швенк в составе первого рабочего транспорта АК1 прибыл в Т. Бригада эта состояла из таких же «никчемных дарований», как он сам. Молодые музыканты, поэты и актеры, засучив рукава, обустроили казармы для приема десятков тысяч узников. В Т. Швенк поставил много спектаклей. «Да будет жизнь...» был сыгран 20 раз. В начале 1944 г. Швенк написал пьесу «Последний велосипедист»; ввиду явной антифашистской направленности Совет старейшин запретил ее к постановке. В Т. Швенк стал легендарной личностью, его песни пели на улицах, билеты на представления нужно было заказывать загодя. 1 октября 1944 г. Швенк был депортирован в Освенцим. Умер от истощения в апреле 1945 г. Подробно о «терезинском Чаплине» – в 4-м томе данного издания.

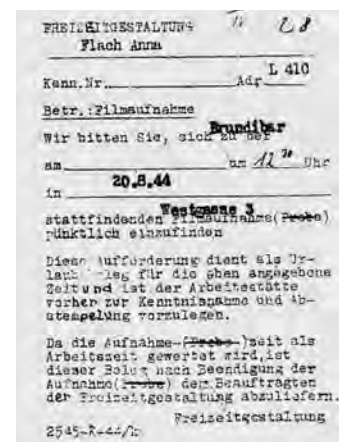
5. Гануш Бек родился в Праге 12.9.1929, прибыл в Т. 28.4.1942, отправлен в Освенцим 28.9.1944. Рассказывают, что дорогой он всех забавлял. А когда разнеслись слухи о том, что они едут не на работу, а в страшный лагерь, он сказал: «Раз моя мама там, со мной ничего не случится». И правда, узнав о приходе терезинского транспорта, Юлиана Бек уговорила заключенных, встречающих поезда, спасти Гануша. Они пообещали. На селекции он был отобран «на работы в рейхе». Но вдруг, увидев кого-то из друзей, мальчик перебежал на другую сторону. И уже ничего нельзя было сделать. Так погиб Гануш.

за весьма короткий срок, за полтора месяца репетиций, справиться с оркестром в десять человек, с сорока участниками хора и десятью солистами, причем детьми. Может, вы уже были режиссерами, способными завладеть труппой в пятьдесят юнцов и милых девиц, которые считают, что чем больше шума и подначек на репетициях, тем лучше? Нет — это точно не легко, и следует выразить огромную благодарность Рудольфу Фрейденфельду, который за все время репетиций всего несколько раз вышел из себя и при этом тут же смягчился. У меня бы точно терпения не хватило, я думаю, что никто другой после пяти студийных репетиций не справился бы с этой задачей. Теперь проследим историю от возникновения «Брундибара» до премьеры. Первые репетиции в целом были скучноватыми. Пришли мы на пыльный чердак, где стояла разваленная фисгармония и где было жарко до обморока. Хор дважды пропел: «Вот он я, малый Пепечек...». Я разучил еще одну фразу, пропел «Брундибар побежден...» и с радостью покинул душный чердак — глотнуть свежего воздуха. Потом кандидаты на роли солистов встали перед потным Руди и взволнованными голосами спели «Лалалалала». Мы волновались: кому какая роль достанется, кто произнесет на сцене на пару слов больше. Было при этом много соперничества, злости и интриг, но в легкой форме, в конце концов роли были распределены, и мы начали репетировать, сначала хор. Сонные репетиции. Хотя некоторым и это нравилось. Мне же казалось, что все постепенно угаснет. Но нас удерживали вместе какие-то флюиды и вера в то, что «когда все будет готово, будет классно».

При всем при том дело продвигалось; мы получили хорошее место для репетиций, интерес к работе возрастал, мы с удовольствием ходили на репетиции, и я всем знакомым резревонил, что «репетирую детскую оперу». И настал момент, когда мы уже могли петь всю оперу целиком. Явился к нам господин архитектор Зеленка и начал организовывать зрелище. Выглядело это так: мы встали с мест и начали двигаться так, словно бы мы на сцене. Зеленка нас подбадривал: «Чокнутый, что ты выделяешься?!», «Двигайте всем телом, а не раскачивайтесь, как пьянчуги!» В результате мы расхулиганились и раскричались; Руди не выдержал и стал угрожать нам расправой, что, дескать, если так будет продолжаться, мы провалимся и т.д. и т.п. К счастью, к его угрозам никто серьезно не отнесся, и веселье под девизом «суета сует» царило за кулисами во все время репетиций. Так что режиссерам работа легкой не показалась, ибо что можно сделать с человеком, который неуклонно продолжает петь «Кто не хочет к врачу» вместо «Кто не хочет к молочнику» (mlekar и lekar) и который принципиально поет не в такт. Таких оказалось немало, и ушло много времени на то, чтоб от них избавиться.

К сожалению, пагубное влияние этих уникамов ощутимо и по сей день, они периодически выдают что-то на спектаклях. В то время нами и оркестром руководил новоиспеченный дирижер Рудольф Фрейденфельд. Дело шло к завершению, осталось довести до ума всякие мелочи. В последнюю неделю репетиций (уже в Магдебургских казармах) постоянно что-то случалось. На одной из последних репетиций вечером в полдесятого в Магдебургской казарме погас свет. Из всех помех эта была самой пустяшной.

Но тут началось! Шум, крик, визги, — безобразия неопишемое, усмирить нас оказалось непросто. Покидали мы сцену несколько утихомиренные, но все еще в буйном настроении. Пришло время генеральной репетиции, и мы впали в тревогу. Все разом почувствовали себя неуверенно — стали суетиться, шуметь, мешать друг другу, собственно, так и бывает в настоящей театральной жизни, но мы боялись, что выйдет лажа и премьеры провалится;

Приглашение, выданное Анне Флаховой. «Просим вас явиться на съемки «Брундибара» 20.8.44. в 12.30 по адресу Вестгассе, 3. Просим быть пунктуальным. Данное приглашение служит в качестве справки для получения отпуска на работе, который следует оформить заблаговременно с соответствующей печатью. Для оценки времени съемок как рабочего времени данное приглашение следует после окончания съемок предъявить ответственному лицу из Отдела досуга. ОД, № 2545-K-44/к. Архив Х. Флаховой-Ханусовой.

на самом деле это было признаком того, что все пройдет успешно. Но, как я уже сказал, настроение у всех было жуткое. И при этом генеральная репетиция прошла без сучка без задоринки, это была самая спокойная «генералка» в Терезине, и все отлично получилось. Пришли мы за полтора часа до начала, но когда увидели друг друга в гриме, пришли в ужас и начали паясничать и дурачиться. Но Руди нас не окоротил. Когда в зал стали входить первые зрители, мы дрогнули. Лишь три стреляных зайца расхаживали за кулисами и хвастались: «А мне хоть бы что, я к такому привык, меня ничем не проймешь!» При этом уши у них горели от страха.

Но тут раздалась первые такты, и мы забыли всякий страх. Мы играли. И все у нас получилось. Брундибар — Гонза Трехлингер наблюдал из-за кулис и сказал, что было очень смешно, когда Пепечек, Аничка и зверята начали петь. Хоровая колыбельная «Мамочка, укачай» всех растрогала и вызвала гром аплодисментов. Рафик Шехтер изо всех сил старался, чтобы мы пели красиво. Когда мы допели до конца, публика разразилась долгими овациями, а мы были счастливы и довольны собой. Человек — создание тщеславное. В целом мы были удовлетворены хорошо выполненной работой.

Теперь спектакли стали рутинной, но мы делаем все, чтобы не соскучиться. Этому способствуют и неожиданные приключения: вдруг посреди представления раздается истошный крик двадцати девочек, все в недоумении — что случилось? Выясняется, что под нежными созданиями проломилась скамейка. Но бывают вещи, о которых зрители не догадываются, а мы стоим за кулисами и помираем со смеху.

«Брундибар» быстро исчезнет из памяти тех, кто видел его в Терезине, для нас же, участников, он останется одним из самых светлых воспоминаний.

Рудольф Лауб

Играйте с нами комедию-ю-ю...

И — играли. Репетировали на чердаке при минусовой температуре, ветер дул в щели. Репетировали упорно и самозабвенно...

И — получилось. 14 числа сего месяца на сцене Q 319 играли кабаре для молодежи. Было выдано триста билетов, но, как показала практика, желающих оказалось вдвое больше.

Актеры выступали блестяще, и благодарная публика наградила их аплодисментами. Всеобщую любовь завоевал комический дуэт Бека — Рота, но назовем и остальных: Лакса, Мароди, Грюнбаума, Каудерса, Гульдштейна (свет) и Лёви (занавес).

Мы повторим спектакль через неделю, так что те, кому не хватило билетов, скоро смогут его увидеть.

— ер (*Герберт Майер*)

Объявление

Мистер Икс-Игрек однажды спросил своего многообещающего отпрыска: «Как тебе понравился театр?» Сын ответил со знанием дела: «Ты знаешь, папа, все было хорошо, только музыка звучала как сирена». Отец: «Пьеса была серьезной или смешной?» — «Да ты знаешь, по смыслу она была серьезной, но при этом все ужасно хохотали». — «В таком случае стоит и мне ее посмотреть», — сказал отец.

«Волшебная флейта»

Это последняя опера знаменитого композитора В.А. Моцарта, написанная им в год смерти. Эмануэль Шиканедер, написавший либретто, так же как и Моцарт, был масоном. Вот почему в либретто масонские идеи и тенденции, а вся опера считается не немецкой национальной оперой, а оперой «вольных каменщиков». В то время Австрия была против масонства, и подвергнувшееся цензуре либретто стало, как в большинстве опер, малопонятным, бессмысленным и нелогичным. Опера состоит из нескольких арий и речитатива. Сюжет такой: на дремлющего принца Тамино нападает огромная змея, и его спасают три фрейлины Королевы Ночи. Когда он приходит в сознание, Королева Ночи показывает ему портрет своей дочери.

Он мгновенно в нее влюбляется, и Королева просит его освободить принцессу от похитившего ее кардинала Зарастро. Тамино в сопровождении трех мальчиков немедленно отправляется на спасение Памины. Он приходит к Зарастро, и тот убеждает его, что Королева — злюка и что он держит у себя Памину во имя ее же счастья и свободы. Тамино почему-то становится хорошим и свободным человеком, оба счастливы. В опере много второстепенных сцен и действий. «Волшебная флейта» — одна из лучших опер Моцарта, в ней особо ощутим его изысканный стиль, столь сложный для певцов. В мире нет ни одного оперного театра, где бы не исполнялась эта опера, так что и мы в Терезине не думаем отставать. Рафи Шехтер со своей прекрасной труппой отрепетировал «Волшебную флейту», и в скором времени мы ее здесь услышим.

Пинтя (Эмануэль Мюльштейн)¹

Из дневника Хельги Поллаковой

20.9.1943. Так было здорово, что я до сих пор не могу очнуться. Мы с отцом ходили на «Франсуа Вийона». Это французский поэт XV века, он был нищим. Все его считали скверным человеком. Он ненавидел богачей. Относился к ним так же плохо, как к Богу. Постановка из отрывков стихотворений. Больше всего в пьесе мне понравилась смерть. Декорации были нарисованы восхитительно². У Вийона была мимическая роль. Нет, это невозможно описать. Эта пьеса одновременно лирическая, эпическая и политическая, и называется она «Баллада нищих».

Вчера была на концерте Моцарта. Это было просто изумительно. Достала билет на 4 часа. Мы пошли всемером. Вера, Эрика и я сидели рядом. Пришли в 3.45, боялись опоздать. Было это в «бранце» [зал ратуши]. Мы пришли одними из первых, так что успели осмотреть помещение. Описание: небольшой зал, высокие черные двери, снаружи кованые, темно-красные гардины, в нишах цветы, что на меня произвело огромное впечатление, ниши мраморные, тоже темно-красные, в каждой — герб или скульптура... Окна маленькие. Над дверьми две большие скульптуры. Стулья, как в кино, в несколько рядов. Впереди подиум, на нем большое черное крыло. Сзади высокие кафельные печи, от пола до потолка. Белые, узкие, на них изображены скорбящие мадонны. Гербы: терезинский чешский лев, чехословацкий флаг.

Больше всего мне понравилась «Фантазия» Моцарта, ее исполнял наизусть 16-летний

1. «Пинтя был старше меня. Я — 31-го, он 29-го года. Косой, внешне непривлекательный, он во всем хотел быть первым, непревзойденным. Пинтя пел главную партию в «Брундибаре», у него было красивое сопрано. «Что будет, когда у меня начнет ломаться голос», — вопрошал он страдальчески. При этом он на всех смотрел свысока. Но когда он не пытался «произвести впечатление», с ним можно было говорить обо всем на свете, он был невероятно глубокой натурой». Из интервью с Х. Дрори.

2. Автор декораций — Б. Граус (1924 — 1944), режиссер И. Додалова, композитор В. Ульман.

парень, самый талантливый из молодых пианистов. После войны хочу заняться музыкой. Незабываемый облик — длинные пальцы, черные гладкие волосы с завивающимися концами. Сначала, в первой четверти, он был скован, зато потом так разыгрался! Я смотрела только на его пальцы, как они быстро движутся, и слышала, слышала «Фантазию» Моцарта. Будто бы кто-то рассказывал сказку про принца, лес, фей и зверюшек, только вместо слов была музыка. Наверное, я не люблю шлягеры и подобную музыку потому, что она мне ничего не говорит. Я не умею различать легкую и классическую музыку, меня этому не учили, и не могу сказать, какую люблю больше.

Потом пела одна дама, не знаю ни ее имени, ни как называется то, что она пела. Хотя она пела по-немецки, я не поняла ни слова, пела она непонятно, но здорово. В сопровождении фортепьяно. У нее красивый сильный голос, алыт, а песня была для сопрано. После нее играл какой-то Шехтер на скрипке и какая-то венская музыкантша на пианино. Потом все кончилось. Забыла еще сказать, что с потолка свисала огромная позолоченная люстра.

1.1.1944. [Больница в Соколовне]. Концерт кончился. Его организовал управдом Соколовны. Прекрасно! Скрипач и аккордеонист играли целый час: «Аве Марию» Гуно, «Юморески» Дворжака, отрывок из оперетты «Королева чардаша», «Поэму» Фибиха и народные песни. Когда они играли «Аве Марию», мне вспомнилась фраза, которую я когда-то прочла: «Музыка это само волшебство, она — величайшее создание человеческого духа, сотворенное из ничего».

Густав Шорш. Довоенное фото. ЕМА

«Женитьба». Гоголь. Режиссер Густав Шорш. Сцена — архитектор Зеленка. Роли исполняют: Подколесин — Цайлайс, Кочкарев — Франтишек Мишка, Жевакин — Ф. Плачек, Чубкин — Ян Фишер, Анучкин — Патя Фишл, Агафья Тихоновна — Мария Шёнова, Арина Пантелеймоновна — Вава Шёнова, Фекла Ивановна — Труда Полперова, Дуняшка — Милуша Бёмова». ГТ

3.4.1944. Снова ходила на концерт Моцарта. Не в тот парадный зал, а в комнату № 105 в Гамбургских казармах. Мужскую комнату не сравнить с залом, и в этот раз музыка так на меня не действовала. Еще минут пятнадцать после окончания скрипичного концерта в ушах звучал аккомпанемент, именно фортепьянная часть, без скрипки, эта мелодия повторилась трижды, и я ее запомнила.

...После ужина мы с отцом отправились в «Магдебург» на спектакль «Женитьба»¹. Это перевод с русского, написал пьесу основатель русского реализма Гоголь. Я никогда в Терезине так не хохотала. Начало такое. Темно, в комнате кто-то храпит. Рассветает. Кто-то поет. Песня поется во время чистки ботинок, человек уже виден. Светло. Спящий проснулся и спрашивает слугу из глубины сцены, когда будет готов фрак. Слуга был у портного, и господин спрашивает его: «А что рассказывал портной, не спрашивал тебя, а что, мол, твой господин, женится?» — «Не спрашивал». И снова то же самое. Следующая сцена. Входит сваха. За ней — еще один жених, надворный советник Иван. Он идет посмотреть в зеркало и узнает от свахи, что его друг хочет жениться. Он прогоняет сваху и берется за друга. Первым делом они идут в город посмотреть на невесту. Сцена в доме невесты Татьяны Тихоновны. У невесты нет родителей, одна тетюшка. Татьяна Тихоновна обсуждает со свахой мужчин, и тут звонок: «Это они». Татьяна стесняется и плачет. В доме все вверх тормашками. Она уходит в спальню переодеваться. В это время является жених. А за ним — другой, третий, четвертый. Беседуют друг с другом, и тут входит Татьяна, и им становится неловко друг перед другом. Невозможно описать, но это так смешно, если бы я не сидела, а стояла, я бы свалилась от хохота. ... Я описала лишь само действие, а это ничего не дает. Играют здорово, постановка потрясающая. Занавес, декорации, одежда, утварь. Наша учительница чешского видела «Женитьбу» в Национальном театре в Праге и сказала, что здесь это так же здорово, некоторые места даже лучше, чем в Национальном театре. Если бы эти актеры не выступали здесь, никто бы о них не знал. По этому спектаклю видно, сколько здесь талантов и как нелегко им пробиваться к нам, зрителям, которые так нуждаются в их творчестве.

5.4. 1944. Сегодня была на концерте Бетховена. Одна дама о нем рассказывала, то бишь читала, выглядело это очень глупо. Никто ее не понимал, она заикалась, читала выдержки из разных книг, хоть бы понимала сама, что читает! Но зато играли потрясающе, и про дурацкое вступление все сразу забыли. Играли какую-то скрипичную сонату. На скрипке — Тауссиг, а на пианино — проф. Кафф². Потом Кафф играл сам, без нот. Он жил в музыке. Какое-то время он играл с закрытыми глазами.

1. «Женитьба», постановка Г. Шорша, декорации Ф.Зеленки.

2. Бернанд Кафф (1905 — 1944) — пианист, снискавший европейскую славу еще до войны.

Часть 6.

"Ода к радости"

Освенцим-Биркенау. Селекция. Лето 1944 г.
«Хроника Холокоста». Л.Вебер, Иллинойс, 2000.
с. 368.

Время себе спиралью путь пробивает
люди рожают людей и умирают,
происходят события или они только сон
на последнем витке обрывается цепь времен
освобождая от денег и прочих пут
а нити любви в бесконечность спиралью идут.

Гануш Гахенбург. Терезин. 1943

Грета Клингсбергер (Хофмейстер). Зубная щетка из соломы

Грета живет в уютном иерусалимском доме. Главная ее гордость — цветущий сад, за которым она сама ухаживает. В ясную погоду отсюда видна Иудейская пустыня. Под развесистым деревом прохладно, и все наши беседы проходят в саду.

Мы познакомились, когда еще был жив ее муж Реувен — он знал десятки языков и работал в библиографическом отделе университета. Грета более двадцати лет была редактором израильской музыкальной радиопрограммы «Коль ха музыка». Она не стала великой певицей, как ей прочили, но при жизни Реувена пела в хоре. Наше знакомство началось с рисунков ее погибшей сестры Труды — я привезла из Еврейского музея Праги цветные копии. О существовании рисунков Грета не знала. Не сразу, где-то через полгода, она повесила в спальне рисунок с корабликом.

Детство в Вене

Раннее детство я помню мало, в основном из рассказов мамы. Например, когда мне было четыре года и я пришла из садика, мама сказала: «Какие у тебя красивые черные глаза!» И с тех пор мне нравятся темноглазые и темноволосые мужчины.

Мы жили в Вене, в еврейском квартале, вчетвером в маленькой квартирке. Отец работал в газете, мама была дома. Родители были невероятно правильными — прямыми, честными и ужасно щепетильными. Когда через много лет мы встретились в Палестине, меня поразило, насколько они не изменились — все у них было на своих местах, чисто и аккуратно, как в нашей венской квартире. В 1946 году отец работал в британском военном лагере; в подмандатной Палестине почиталось чуть ли не за честь обкрадывать англичан. Отца это приводило в ярость. Он никогда и ни при каких обстоятельствах не взял бы чужой вещи. При том, что они с мамой очень нуждались.

Я была старательной ученицей и огорчалась, когда несправедливо получала плохую оценку. «Еврейке нельзя ставить отличные оценки», — объяснила маме учительница. Но как преподнести такую правду восьмилетней дочери?! В детстве несправедливость переживается тяжело, и я очень страдала.

Труда и Грета, Вена, 18.7.1933. Архив Г.Клигсбергер (Хофмейстер).

Грета и Труда, Брно, 1940. Архив Г.Клигсбергер (Хофмейстер).

Поход

Зимой 38-го года мама, Труда и я отправились пешком в Чехословакию. Отец с нами не пошел. Как социал-демократ и участник подполья, он был под подозрением. Он считал, что, если нас поймают одних, у нас будет больше шансов выкрутиться.

И мама решилась — в мороз, с двумя маленькими девочками, совершить переход через горы, в Микулов¹. Мы шли долго, очень устали, и на границе между Чехией и Австрией мама вдруг сдалась и решила повернуть обратно — холод, страшно, сил нет, — и тогда я впервые приняла взрослое решение — мы не вернемся, мы пойдем вперед. Холод, темень, поля, поля, вокруг ни души, страшно. Тяжело шагать, ноги вязнут, мама выбилась из сил... Наконец добрались до Микулова. В Микулове мама стала искать местных жителей, говорящих по-немецки: раз говорят по-немецки, значит, евреи². Нам нужно было где-то переночевать, чтобы наутро быть в Брно, в доме у маминого брата, женатого на «арийке». Мы шли и разговаривали между собой, естественно, по-немецки, чешского мы не знали. Нас услышали евреи и взяли к себе на ночлег.

В то время отец работал в Вене на фабрике. Он писал нам, что Чехословакия — это трамплин для Гитлера и скоро он совершит свой грандиозный прыжок. Связавшись с организацией по нелегальной отправке евреев в Палестину, отец добыл нам визы. Поскольку было неизвестно, как и что, организация решила в первую очередь послать в Палестину взрослых, чтобы они все устроили для приема детей.

Немецкая школа в Брно

Нас с Трудой отдали в немецкую школу в Брно. Там мы пели хором о том, как капает с остро-го ножа еврейская кровь, эти песни я помнила из Вены. Учительница ставила меня в пример: «Смотрите, еврейка, а по-немецки поет лучше вас». Ткнув в мою сторону указкой, она сказала: «У фюрера есть и еврейские друзья».

Формально мое образование закончилось в Брно, во втором классе. Родители уехали в 1938 году, а нас с Трудой в составе тридцати детей, готовых к отправке в Палестину, поместили в детский дом, но вскоре всех оттуда выставили. Вместе с нами были Рут³ и ее брат

1. Город в Моравии.

2. Моравские евреи, как правило, знали немецкий. До 1918 г. Моравия была частью Австро-Венгрии и евреи, из уважения к императору Францу-Иосифу, который даровал им гражданство, учились не в чешских, а в немецких школах.

3. См. про Рут Шехтерову на с. 293.

Грета и Труда с мамой Паулой. Вена, 1938. Архив Г. Клингсбергер (Хофмейстер). Фотография была сделана перед отправкой в поход

Грета (2-й ряд снизу, третья слева) в венской школе. ЕМА

Алекс. Спустя вечность, в 1946 году, мы с Алексом прибыли из Праги в Палестину. Оба мы потеряли сестер и ехали к нашим родителям. С тех пор я с Алексом не встречалась. Знаю, что он жив и работает автомехаником в Тель-Авиве.

Еврейский детский дом

Пришел Гитлер, и десятки тысяч эмигрантов остались запертыми в Протекторате. Нас, тридцать детей, временно устроили в еврейский детский дом. Оттуда нас то отправляли на вокзал, то возвращали обратно. Все смешалось в те дни. Вдобавок ко всему мы с Трудой не знали чешского, и после немецкой школы, где мы так натерпелись, мы оказались в среде чешских евреев, то есть снова попали в изоляцию. Жуткое состояние — все время чувствовать себя чужой. Сестра мамы и другая тетя со своим сыном были отправлены в Польшу первыми транспортом.

Дети были вреднейшие. Мы провели вместе четыре года, и в Терезин нас отправили вместе, но об этом потом. С чешским мы справились быстро, дети легко учат язык. Позже мы все сплотились на почве ненависти к начальству — оно было ужасным!

Девочки жили в одной комнате, мальчики — в другой. Комнаты были огромные, как казармы. Мы постоянно голодали; во время раздачи еды нас заставляли петь, чтобы мы что-нибудь не стянули, — сплошной «Оливер Твист»! За малейший проступок — на колени! Мы ненавидели директрису Грюн¹, «штабс-капитаншу Грюн»! Там были две очень милые чешки-уборщицы, но Грюн была монстром. Помню, у нее был день рождения, и мы, чтобы подлизаться, где-то своровали для нее цветы. Мерзкий поступок.

1. Амалия Грюн (1882 — 1942).

Терезин

В Терезин мы прибыли 19 марта 1942 года, штрафным транспортом². Немцы поймали Грюн на каких-то махинациях с консервами на черном рынке. Вместо того чтобы ее наказать, наказали нас всех, 50 детей.

В Терезине я с первого дня ощутила свободу. Там было лучше, чем «на воле», где ты сгораешь от стыда и страха — на тебе желтая звезда, ты изолирован от общества: тебе запрещено учиться, да просто сесть на скамейку в парке нельзя. В Терезине я вздохнула с облегчением.

2. Транспорт Ас, из 1000 человек выжило 43.

Пение

Музыкальные способности перешли ко мне по наследству. Дед со стороны отца играл в берлинском театре, дед по материнской линии, которого я, правда, не видела, не только работал суфлером в оперетте, но и пел у Легара, а у моей тети-певицы по линии отца было колоратурное сопрано.

Театры я в детстве не посещала, в возрасте девяти лет уже была без родителей, при Гитлере было не до театров.

В еврейском детском доме нас по праздникам водили в синагогу. Мои родители не соблюдали еврейскую традицию, а родственники были христианами. Я знала, что я еврейка, вот и все. Но когда мы всем детдомом ходили на Хануку или Песах в синагогу, я пела самозабвенно, при этом не понимая ни слова.

В Терезине я попала в хор Шехтера, он-то и обнаружил, что я чисто пою. От природы у меня абсолютный слух, и потому я говорю без акцента на разных языках. Так вот, после «Проданной невесты»³ и репетиций «Брундибара» Баштик⁴ на прослушивании заявил, что я обязана петь. После работы репетировать и выступать — большая нагрузка. Учить приходилось со слуха — ведь я не знала нот. Я пела Анинку, а Пинтя Мюльштейн — Пепечка. Когда я недавно была в Германии на постановке «Брундибара», дети задавали мне много вопросов. Они спросили, дружу ли я с Пепечком. Я сказала — дружу, хотя он и не выжил.

Когда кто-нибудь начинает петь или играть, я подхватываю мелодию, даже если не знаю саму вещь. Но я никогда бы не стала солисткой. Мне куда комфортней с книгой в руках. Я пою с друзьями, особенно когда выпью, и они сокрушаются, что я зарыла талант в землю. Но я пою для себя... Я любила петь в хоре, в секции сопрано. И когда был жив мой муж, Реувен...

Дневник

Мы были большими философами. Почти все вели дневники. Некоторые, уходя на транспорт, оставляли дневники близким родственникам, свой я взяла в дорогу. Что я там писала и рисовала? Помню рисунок ёлки и меноры и подпись под ним «Ритуал или вера»? Писала о книгах «Жизнь после жизни» Ирвинга Стоуна, о Ван Гоге, «Ребенке» дю Морье, ею мы зачитывались, об «Избранном» Волкера. Но больше всего я любила книгу о Ван Гоге. Первой репродукцией, которую я купила в Палестине, были «Подсолнухи» Ван Гога, а первой книгой — «Жизнь после жизни».

Нам давали темы для сочинений, но мы писали о том, что в голову взбредет. Помню рассказ «Беседа со вставной челюстью». Она лежит в стакане и навеивает воспоминания об ушедшей молодости. У меня по сей день все зубы целы, не знаю, с чего мне пришло в голову это писать. Странно работают мозги...

3. Постановка Рафаэля Шехтера.

4. Кличка Р. Фрейденфельда.

Грета Хофмейстер. «19.7.1942. Терезин. «Устраивай свою жизнь в це-дур, поскольку в ней нет крестов. Вспомни когда-нибудь в будущем свою соседку по терезинскому детскому дому, которая была, кстати, твоей подругой. Грета Хофмейстеровна». ПТ

Грета Хофмейстер. Посвящение Эвичке. 2.5.1943. Эвичка, жизнь стоит того, чтобы в ней жить, но нужно наполнить ее содержанием, если ты сможешь реализовать в работе те способности, что имеешь, тогда ты отдашь жизни все лучшее, что у тебя есть!! Работай по призванию, отдавай все, что только можешь! Эва, вспомни когда-нибудь дома о своей соседке, с которой ты часто спорила, часто ругалась, но думаю, что были у нас и счастливые моменты».

Лаура Шимкова

Кстати, с Лаурой я подружилась из-за дневника. Я лежала в больнице, по-моему, с тифом, а у Лауры был день рождения. Мне захотелось сделать ей подарок, и я послала ей дневник. С тех пор я стала ей как дочь. Хотя сначала она мне не нравилась. Мы любили прежнюю воспитательницу, Магду Вайсову. Ее отправили с польскими детьми¹. Лаура изнуряла нас дисциплиной – ни за что нельзя было братья, пока не приведешь в порядок себя и комнату. Лаура была человеком четким и собранным, что крайне важно в ситуации хаоса. Нужны разумные ограничения, разумный режим; Лаура добилась того, что мы застилали койки и мылись в любую погоду – как выяснилось, это не отнимает, а высвобождает время.

Сестра Труда

Мы с Трудой жили в разных комнатах. Нас разделили по возрасту, чтоб мы могли учиться. Труда была боевой, а я все норовила уткнуться носом в книгу. Наверное, мы бы развивались в совершенно разных направлениях. У меня был комплекс отличницы, а она делала массу орфографических ошибок и говорила, ну и ладно, профессором я все равно не буду. Я была на год старше, а физически даже слабее. Это чистая случайность, что я выжила, а она нет. Мы и внешне как двойняшки, посмотри на фото. Это последнее, я послала его родителям из детского дома.

1. Накануне депортации Магда Вайсова передала девочкам письмо: «Дорогие мои дети! Прежде всего благодарю вас за прекрасный подарок, а еще больше – за внимание, за то, что вы не забыли меня в столь тяжкий момент. Трудно мне с вами расставаться, никогда я не думала, что вот так, вдруг буду вырвана из среды, к которой приросла душой, столько дел ждало меня в гетто. Мои любимые маленькие подружки, я всегда буду с благодарностью вспоминать время, которое прожили мы вместе в беде и лишениях, несмотря на все трудности, нам удавалось поддерживать хорошее настроение. Вы, именно вы явились для меня неисчерпаемым источником силы, благодаря вам я смогла справиться с хандрой. Когда я с вами познакомилась, вы были мечтательными, немного диковатыми девчонками, но способными и умными. Не прошло и года, как из вас выросли красивые, стройные, благородные девушки, с удивительным даром – умением тонко ощущать вещи. Так я думаю о вас сейчас и мечтаю как можно скорей встретиться с вами после войны. Вы найдете меня на философском факультете в Праге, и там, по традиции нашей 25 комнаты, мы все друг с другом обсудим. Сердечко, подаренное вами на день рождения, беру с собой, оно будет сопровождать меня в пути как самое счастливое воспоминание в моей воспитательской карьере. С Богом, дети мои! Не забывайте меня. Целую вас сотню раз, ваша Магда». К письму приложено стихотворение Сако Новомеского «Слово». В нем есть такие слова: «Допиши свой стих, попрощайся и уходи, играющий поэт. Время – в оковах, мы заперты в нем, сдавлена в горле речь, стиснуты мы в тисках неумолимого Времени. Все утрачено, но осталось слово. Оно разобьет оковы». Приписка: «Учите стих и вспоминайте меня». ЯВА, файл 067

Посиделки у Брандейсов. Лаура Шимкова – в центре, Павел и Фрида – справа в глубине. 1941г. Архив П.Брандейса.

Освенцим – Эдеран

С Лаурой и Трудой мы вместе ехали в Освенцим. Из Освенцима без Труды – в Эдеран. Мы были полуголые, спали на соломе. Лаура научила меня делать из соломы зубную щетку и этим чистить зубы. Чистить зубы – это нормально. Очень важно в полном безумии помнить хотя бы об одной нормальной вещи. Это возвращает к жизни. Сделанная из соломы зубная щетка – это и есть та соломинка, за которую можно держаться. Или – расчесывать волосы, которых нет. Без расчески, пальцами. Быть чистой – это важно².

В Освенциме нас раздели догола и остригли. Секунда – и ты уже не узнаешь того, кого любил и знал лучше всех. Было очень шумно... У тебя ничего нет, кроме тела, но, в конце концов ты окружен друзьями – Лаура, Телла, Ханка... Я не узнала лысую Лауру, она не узнала меня, все вокруг голые, бритые... но это было так давно... Я говорю это, будто чужой текст вслух читаю, внутри все пусто. Наверное, это было время другой планеты, не описанное ни в одной книге. Что там бывает, в Освенциме?! Понятия не имею. Сколько времени я там была? Два дня, две недели? Самое страшное, когда тебя стригут, ощущение полной оголенности, у меня, правда, волосы росли только на голове, я была слишком юной, чтобы иметь волосы в других местах, но в эту секунду ты смотришь вокруг – и все такие же голые – такого ты никогда не видела. Время теряет смысл. Время ведь тоже связано с образом мышления, отсчитывая, ты невольно что-то с чем-то сравниваешь, например больше – меньше, было – стало... Время присутствует даже в дежа вю! А тут что-то иное... Нет, не могу объяснить... Нас отвели в какой-то барак. Какие-то люди сказали: «Вы страшно выглядите, вы – не для жизни, вы – для газа». Мы подумали, что они сумасшедшие. Сумасшедшие, раз живут в этом лагере. И не приняли их слова всерьез, может, это нам и помогло. А они твердили свое: «Вы не выживете, вас не отберут на работу, только в газ». Но нас отобрали, 200 из 600 или 700... и отправили в Эдеран.

Про сестру я узнала только после войны. Там я ничего не поняла, нас без конца сортировали и пересортировывали. Может, Лаура знала про Труды?! Нет, не только дети, никто ничего не понимал. Транспорт из двухсот женщин ушел в Эдеран, на фабрику по производству амуниции. Я была в нем. Все это чистая случайность, даже то, что я сейчас с тобой разговариваю. Не могу представить, что мне столько лет!

Помню дорогу из Эдерана. Война шла к концу, немцы не знали, куда нас девать, возили в открытом скотовозе туда-сюда, то в Протекторат, то обратно в Германию, не давали ни пить, ни есть, люди сходили с ума от жажды. Русские наступали, у немцев не было времени даже на то, чтобы нас перестрелять. Да и приказа такого не было.

Как-то поезд остановился, чтобы люди могли справить нужду, и немец-конвоир предложил мне хлеб. Увидев это, Лаура удалилась, чтобы никак не повлиять на мое решение, но я хлеб не взяла. Я считала, что лучше умереть, чем взять хлеб из рук немца, и я гордилась своим поступком. Лаура же на самом деле хотела, чтобы я взяла хлеб, потому и отошла, думала, если ее не будет рядом, то я отважусь на «беспринципный» поступок. Мы были такими голодными...

Поезд из Эдерана... Нет свободного угла, все забито. С тех пор у меня обостренная потребность в пространстве, я плохо переношу тесноту – в детском доме своего угла не было, в Терезине было очень тесно, в поезде невозможно было пошевелиться, ты был сдавлен, расплюснут. В конце концов нас доставили в Терезин. Помню холод. Постоянный холод.

2. Примо Леви в книге «Человек ли это?» пишет, как, попав в лагерь, увидел з/к, обнаженного до пояса и тщательно моющегося под краном – без мыла, в грязной холодной воде. На недоуменный вопрос новичка этот человек «прочел мне целую лекцию: огромная машина лагеря работает на полную катушку, чтобы уподобить нас зверям, и именно поэтому мы не должны становиться зверями. Даже здесь можно и нужно выстоять, чтобы рассказать обо всем на воле. Нам нужно сохранить в себе хотя бы скелет, остов цивилизации. Да, мы рабы, мы лишены всего, унижены и осуждены на верную смерть, но за нами остается последнее право – право отказа. И мы будем мыться без мыла, в холодной и грязной воде не по указке начальства, но дабы сохранить человеческое достоинство».

Лаура Шимкова, 1946. ЕМА. Подпись под фотографией: «Утверждаю, такую сентиментальщину Грета не воспримет: фотограф сам поставил цветы у фотографии. (Некие цветы постоянно находятся рядом с этим снимком!)». 1946. ЕМА.

И тут — «Да здравствует Советская Армия!» — нас освобождают. Вилли Гроаг¹ и Лаура отвечали за наше распределение. Мы попали к Пшемислу Питеру².

Пшемисл Питер

Из концлагеря мы попали в настоящий замок. С зеркалами и библиотекой. Я тут же схватила книгу Якоба Вассермана, это было невероятно — заполучить книгу. Де факто, эта библиотека была ничья, немцы, жившие в этом замке, сбежали. Пшемисл, при всей своей доброте и глубокой вере, не понимал, через что мы прошли. Он объяснял нам про смерть. Это было настолько глупо! «Ты переходишь в другой мир, оставляя пальто». И это — после Освенцима! Пальто! У нас там не было никаких пальто! Меня эти проповеди бесили.

Письма в Палестину

В 1945 году в Праге мы с Лаурой нашли адрес моих родителей в Палестине. Я написала письмо, Лаура приложила к нему свое, и мы отослали конверт. Письма сохранились. Вот мое: «Дорогие родители! Сегодня, после семилетней разлуки, мне на самом деле трудно писать вам так, как полагается писать родителям. Я уже выросла из того возраста, когда можно сказать: «Они — твои родители, ничего не изменилось, и все». Вы для меня новые и почти чужие люди, и я хочу снова с вами познакомиться». Затем я перечисляю все, что мне понадобится в Палестине: хороший учитель музыки, инструмент, советую взять напрокат, записать меня на курсы иностранных языков... «До сего дня у меня, естественно, не было никакой возможности учиться на фортепьяно, да и инструмента не было. Ни в доме сирот, ни в гетто, ни в концлагере. Школа также была для меня закрыта, и посему я жутко необразованная. Вероятно, вы знаете, что евреям не разрешалось учиться. Но не бойтесь, тупицей я не стала. Во-первых, учусь как сумасшедшая и все быстро схватываю, во-вторых, время и окружение сделали меня достаточно зрелой для того, чтобы понять, что школа и аттестат зрелости — это еще не все. Я получила от людей столько хорошего и столько плохого, что никакая школа этого не заменит. Так что «школьное образование» я ставлю невысоко, но постараюсь учиться. ... Как я жила и что пережила, писать не буду. Не получится. Я бы только огорчила вас (что бессмысленно, так как почти все кончилось), но зачем! Тот, кто не пережил этого, не может и вообразить, на какие мерзости способен человек, а это то, что сотворили с нами немцы. Мне выпало счастье, я не была одна. Обо мне заботилась и пеклась моя любимая мама-воспитательница и подруга Лаура Шимкова, которая меня понимала и любила. ... От дяди Лео вы уже получили печальное известие о смерти Трудочки, так что об этом писать не буду. К сожалению, это не поможет ни нам, ни ей».

Мама мне потом рассказывала, что она всю ночь прорыдала над нашими с Лаурой письмами.

Письмо Лауры Шимковой родителям Греты в Палестину

«Прага, 4.11.1945. Дорогие друзья, я счастлива, что наконец могу написать вам прямо. ... Наверное, вам интересно узнать, кто я. В комнате, которой я заведовала, Грета была одной из 24 девочек. Труды была в том же детдоме, но в другой комнате, с ее однолетками. Грету я знаю с августа 1943 года. В детдомах было принято прикреплять опекунов к тем детям,

1. См. о нем с. 24, 37 и др.

2. Пшемисл Питер (1895 — 1976) — христианский гуманист, духовный последователь Яна Гуса. Во время Первой мировой войны он дезертировал с поля боя, чудом избежал смертной казни. Будучи проповедником, редактором журнала «Братство», членом Лиги за права человека и против антисемитизма, помогал детям эмигрантов-антифашистов. В 1933 — 1934 П. Питер организовал в Праге приют «Дом Милича» и детдом в городке Мыто. Во время оккупации еврейским детям нельзя было посещать «Дом Милича», и П. Питер со своей сподвижницей Ольгой Фрейзовой под покровом тьмы ходили навещать детей на дому, приносили продукты и все, что только могли раздобыть. Такая акция приравнивалась к саботажу и каралась отправкой в концлагерь или расстрелом на месте. Питера вызвали в гестапо. Как рассказывают, он долго молился, потом взял зубную щетку, смену белья и ушел. На допросе его спросили, почему он помогает евреям, ведь он знает, чем ему это грозит. «Как люди вы должны это понять», — ответил он. После долгой паузы гестаповец сказал: «Можете идти». «...Я знала Пшемисла с детства, он дружил с моими родителями. На почве эсперанто. Им импонировала идея сплочения народов на базе единого языка. Пшемисл продолжал навещать нас и во время оккупации. Он приходил каждую неделю, это поддерживало моральный дух родителей и радовало нас, детей, — нам нравилось слушать его «проповеди» про добро. «Верующий не имеет права бояться Сатаны», — говорил он». (Из воспоминаний Х. Прессбургер.) После войны Питер устроил реабилитационные центры для детей-сирот в четырех замках. Сначала там содержались еврейские дети, потом — дети немецких военнопленных. В 1948 г. чешские габисты занялись П. Питером. При обыске в «Доме Милича» нашли письма за границу, «угрожающие народно-демократическому строю Чехословакии». Пшемислу удалось бежать на Запад, в Швейцарию, туда же переехала позже и О. Фрейзова. В аллее праведников мемориала Яд Вашем (Иерусалим) в его честь посажено дерево. В 2000 г. в память о нем была издана книга «Сколько надежд у смерти».

у которых в Терезине не было родителей. Мне досталась Грета. Вместе с ней и Трудой мы в октябре 1944-го уехали в Польшу. В Освенциме нас с Трудой разлучили. Страшно описывать, как все было, придется подождать, пока Грета сама вам расскажет. К несчастью, говоря по правде, у Труды практически не было шансов. Из нашего транспорта в 1800 человек лишь 215 женщин и 45 мужчин были отобраны в так называемые «рабочие транспорты», остальные отправлены «на другую сторону»; из них не вернулся ни один. Я понимаю, что все это для вас значит, утрата невосполнима. Сама я потеряла 10 членов семьи, в том числе двух братьев с женами и детьми и сестру с мужем. От всего сердца желаю вам найти в себе силы справиться с этой трагедией. Нам ничего не остается, кроме как принять эту горькую правду и сказать себе: жизнь идет дальше, надо жить.

Теперь – к Грете. Не буду вам говорить, что для меня значит разлука с ней. Мы с ней так сроднились, словно бы она всегда была моим ребенком, забота о ней была, есть и будет неотъемлемой частью моей жизни. О ней могу сказать только хорошее. Она доставит вам уйму радости. У нее безупречный нрав. Она чистый, тонкий и деликатный человек, она отважна, но вместе с тем стеснительна и замкнута. Вам понадобится большое терпение. При первой встрече не ждите от нее откровенности и нежности. Она трудно сходитесь с людьми, не столько по недоверию (хотя история с сиротским домом вполне могла сделать ее недоверчивой), сколько от боязни разочароваться. Надеюсь, что вы правильно поймете письмо, которое она вам написала. Я его прочла и прекрасно понимаю, что это не то письмо, которое вы хотели бы получить. Но все-таки я сказала ей, чтобы она отослала его как есть, поскольку в нем отражено ее нынешнее состояние. В нем она говорит (и в общем-то верно), что она вас мало знает, что вы для нее новые люди и она должна с вами познакомиться.

Могу признаться, что поначалу Грета была настроена против меня. Она меня знать не желала, она приняла решение не иметь со мной никаких дел, отгородилась молчанием, и это продолжалось довольно долго – но зато возникшее со временем чувство взаимной близости стало невероятно крепким. Пишу вам об этом откровенно, на мой взгляд, это важная особенность ее характера, и вы непременно должны о ней знать. Сейчас она очень привязана ко мне, и должно пройти время, чтобы эта привязанность перешла на вас.

... Подумайте, что она пережила (и другие дети в подобных обстоятельствах) душевно и физически. Чудо, что она не сломалась.

Теперь о другом. Грета необычайно одарена музыкально, у нее (по мнению специалистов) изумительный голос и абсолютный слух.

Поскольку она довольно скоро окажется у вас и поскольку, по моему мнению, музыка станет ее профессией, я перевела ее из чешской школы в английскую, так что утром она учится, а вечером занимается музыкой. За Грету взялась виртуознейшая пианистка, она считает, что у Греты незаурядные способности, и очень довольна ее успехами³. ... Я не витаю в облаках и понимаю, что на все нужны деньги. Я не знаю вашего материального положения, но надеюсь, что в Палестине, как и везде, высокоодаренному ребенку могут дать стипендию. Надеюсь, что такие хлопоты не будут вам в тягость, поскольку музыка для Греты – это ее жизнь.

И теперь кое-что о физическом состоянии Греты. Буду предельно откровенной. К сожалению, в Терезине у нее, как и у многих детей, была проблема с легкими. Она прошла интенсивный месячный курс лечения и тем не менее была еще слабенькой, когда нас отправили в Освенцим. Можете себе вообразить, как я волновалась за ее здоровье. Пришлось ввести железный

Лаура Шимкова, 1948. ЕМА

3. Речь идет о пианистке А. Зоммергерц, которую Грета знала в Т.

режим, и она его неукоснительно соблюдала. До сих пор Грета напоминает мне, как я сказала: «Если даже тебя тянет блевать, ешь все, что дадут». В Терезине в смысле питания она была не слишком дисциплинированной. Еще я заставляла ее все свободное время лежать перед открытым окном. Это было непросто, но главное, что она со всем этим справилась и вернулась здоровой. В данный момент она здорова как теленок, толста как поросенок, физических проблем нет. Однако следует соблюдать осторожность, регулярно проверяться и избегать тех вещей, которые могут нанести вред ее здоровью. В связи с ее будущей жизнью в Палестине меня особенно беспокоит солнце. Она плохо переносит солнце, и нужно это учесть. Можно ли что-то предпринять? ... Могу поставить себя на ваше место и понять, как вам тяжело, но нужно, нужно это пережить. Вы ждали столько лет, и впереди у вас – радостная встреча, не так ли?»

Палестина

Когда я встретила со своими родителями, я спросила их, почему они не родили мне брата, чем они занимались все это время?! Я знала, что у меня больше нет сестры, но не понимала, как с ними говорить об этом. Я не могла сказать папе, как умерла его мать, не могла сказать маме, как погибли ее сестра с сыном... Все это не укладывалось в их голове, нам всем было очень тяжело. Они жили в Хадере и всю войну занимались одним – отправкой посылок. Денег у них не было, при этом они были очень щепетильными и стеснялись одалживать. Мама была изумительной, она изо всех сил пыталась меня понять. В нашу последнюю встречу Труде было семь с половиной, а мне восемь с половиной. Труды не стало, а мне было почти пятнадцать, и я была взрослее их. Позже наши отношения пришли в норму, но мы приложили к этому немало усилий.

Вилли Гроаг. Грета Хофмейстер. Карикатура. 1943. БТ

Грета Хофмейстер, Прага, 1945. Архив Г.Клингсбергер (Хофмейстер)

Грета Клингсбергер, фото на паспорт, 2004. ЕМА

Цви (Курт) Козн. Кролик, беги!

В январе 1995 года в Москве со студентами еврейского семинара мы устроили выставку про Терезин. На семинар прибыл Ави Козн, полковник в отставке, весельчак, танцор. Он обучал студентов еврейским танцам. И вот оказалось, что у этого образцово-показательного израильтянина вся семья была в Терезине. Его старшего брата прежде звали Хорст¹, а в Израиле – Цви, и живет он в кибуце Маабарот.

Мы навестили Цви в январе 1996 года. Красивый стройный мужчина, отец большого семейства, принял нас радушно, накормил, напоил, на губной гармошке сыграл и конечно же рассказал несколько историй.

Семья Кознов

В 1933 году моего деда посадили в тюрьму Ораниенбаум. Деду было 72 года, а по тогдашним законам тюремному заключению подлежали лица в возрасте до 70 лет. Мама явилась в полицию со свидетельством о рождении деда и учинила скандал. «Где это видано, чтобы немцы нарушали законы?!» Деда выпустили.

Отец был единственным евреем-портным, имеющим звание мастера. Портной высшей квалификации. Он организовал ремесленное училище для еврейских подростков-правонарушителей, дабы они не смешивались с прочими правонарушителями, и учил их портновскому ремеслу. «Что же мы будем без тебя делать?!» – возмутился глава еврейской общины Берлина, когда отец сообщил ему, что намерен сматывать удочки.

Дедушка и бабушка

Бабушка была очень набожной, а дедушка – типичным австро-венгром: любил пиво, свинину и Франца-Иосифа. При этом у бабушки с дедушкой было четверо детей, и они прожили жизнь во взаимной любви и согласии.

В Терезине мы разыскали дедушку с бабушкой. Они были страшно истощены. Вскоре после нашего прибытия они умерли. В один день, но в разных больницах.

Губная гармошка

Жили мы в Берлине на последнем этаже. Единственные евреи во всем доме. После того как меня однажды ударили на улице, я перестал выходить из дому. И так продолжалось два года. Родители уходили на работу, а я оставался один. Сидел и читал книги, многие выучил наизусть.

2 февраля 1942 года пал Сталинград, началась бомбардировка Берлина. Евреям запрещали спускаться в бомбоубежище. Родители давно приготовились к депортации. Большой чемадан – отцу, поменьше – маме и маленький – мне. Когда приходили за евреями, времени на сборы не давали. На выход, и баста!

В мае 1943 пришли. Около одиннадцати утра. Родителей не было дома. Я стал собираться и взял губную гармошку. Один из нацистов, тот, что стоял в комнате (другой был у двери), указал на гармошку – сыграй! Я знал разные песни, и, конечно, нацистские. Сыграл марш,

Цви Козн, 1996. ЕМА

1. Хорст Козн, 1931 г.р., депорт. в Т. с матерью Гертрудой и отцом Максом 19.5.1943, оттуда 5.2.1945 – в Швейцарию.

понравилось, другой, понравилось. Воспользовавшись ситуацией, я попросил позвонить родителям — они придут, и мы отправимся вместе. Нацисты согласились. Ждали два часа, пока не пришли родители, а я все играл. Так что в Терезин мы отправились вместе, что главное.

Деньги

Родители не имели никакого представления о Терезине, но знали, что нужно как-то исхитриться, чтобы протащить туда деньги, деньги помогают в любой ситуации. В шлойске отцу велели добровольно сдать деньги, пригрозили тюрьмой. Папа снял с себя пальто и сказал — ищите. Найдете, будут ваши. Они разрезали пальто на куски, обшарили все швы и, ничего не обнаружив, швырнули отцу рваньё; он забрал и ушел. А деньги там были. Отец зашил их как следует.

Курт из Вены

В Терезине мать работала на слюдяной фабрике, а отец — придворным портным у нацистов. Меня поместили в L 414, где я познакомился с разными ребятами, в том числе с Куртом из Вены¹, у которого был необыкновенный голос. С Куртом мы стали «выступать». Я играл на губной гармошке, а Курт пел, и так с шапкой по кругу мы зарабатывали хлеб. Курта депортировали, когда я был в больнице.

1. Не идентифицирован. В Еврейском музее Праги есть детский рисунок с подписью «Курт из Вены».

Прах

В ноябре 1944 года меня вызвали и велели подготовиться к секретной акции за пределами гетто, а именно ликвидации останков из крематория. Пепел содержался в картонных коробках величиной примерно 20х20 см, каждая была подписана: номер, имя, даты рождения, депортации и смерти. Тысячи коробок, и среди них я нашел коробки с пеплом бабушки и дедушки. Коробки надлежало погрузить на грузовик, вывезти к реке Егер, где сперва высыпать прах в реку, а уж потом выбросить картонные коробки. Зачем нужно было так делать — неизвестно. Я высыпал прах бабушки и дедушки в реку, мне было очень грустно.

Нацисты сжигают документы

В декабре, если мне не изменяет память, я увидел, как нацисты жгут бумаги. Нацисты меня заметили, их было шестеро, и вынули пистолеты. И тут я вспомнил, что Кролик в сказке братьев Гримм убегал от преследователей зигзагами, я стал петлять, как Кролик, и ушел от пуль.

Кино

Я нашел себя в нацистском пропагандистском фильме. Во время представления «Брундибара» я сижу в одном из первых рядов. В «Брундибаре» я одно время играл на губной гармошке. И я был одним из детей, кому было велено говорить: «Мы не хотим шоколада, не хотим сардин». Но в фильме этого нет.

Швейцария

В конце января 1945 года в присутствии Эйхмана Совет старейшин объявил набор на транспорт в Швейцарию. От Эйхмана я тогда получил под зад коленом, поскольку стоял у него на дороге.

Нас троих записали. В транспорте было 1200 человек. Нам велели снять с себя желтую звезду, все испугались, кто может на такое отважиться. Тогда на нас стали кричать. И люди послушались, стали срывать звезды с одежды. Ничего не случилось. Никого не убили.

5 февраля мы выехали. В дороге не разрешали открывать окно, но кормили прилично. Как я потом вычитал из книг, Гиммлер предложил Красному Кресту сделку: за каждого из нас Германия получила товары на сумму 1000 долларов.

Из Швейцарии в кибуц Маабарот

В Терезине я просил родителей родить брата или сестренку. Они пообещали выполнить мою просьбу, как только окажутся на свободе. В Швейцарии я им об этом напомнил. Там я вступил в еврейскую молодежную организацию и узнал о кибуцах. На второй день по прибытии в Эрец мы с родителями оказались в кибуце Маабарот, где и родился мой брат Ави, танцор.

Петер Харрингер. Ангел непорочный

Петер (Питер) Харрингер² не проявил никакого энтузиазма по поводу предстоящей встречи. Разумеется, он помнит Эрну Попперову-Фурман, но вряд ли он сможет пополнить копилку наших знаний, и он не думает, что есть смысл пилить 150 миль от Сан-Франциско до Модесты, чтобы встретить старого мизантропа. Рисунков в Терезине он не рисовал, вкладов в культуру не внес. Его воспоминания об Эрне мало что добавляют к ее портрету.

И все же мы поехали в Модесту. Долго плутали и опоздали. Питер стоял около дома. Ждал. Однако, заведя нас, не улыбнулся, как принято у американцев. Молча провел в холл, зашел за стойку бара, принял заказы: кофе без сахара, с молоком, без молока. «Сейчас все помешаны на Терезине и детских рисунках – детские рисунки, знаем-знаем... А на самом деле Терезин – это голод, голод и голод...»

Питер жил один и, наверное, отвык принимать гостей. Он плохо спал, волновался, убирал квартиру и теперь мечтал поскорее от нас избавиться. Маленький, нелепый, время от времени зыркал на нас своими черненькими глазками-буравчиками. После кофе он пригласил нас в свой кабинет. На столе лежали папки, книги, альбомы – все готово к беседе.

Мы провели с Питером весь день. Он устроил нам долгую экскурсию по своей жизни, при том, что рассказывал он все вперемешку, ему как-то удавалось держать в руках нить каждого отдельного сюжета. «Я интересуюсь прошлым, но не живу им», – повторял он неоднократно. Мы слушали его в комнате, в саду, в машине, в мексиканском ресторане, в копировальном центре. Ночью, вернувшись в Сан-Франциско, мы получили от него письмо, которое начиналось так: «Я чувствую себя страшно виноватым – говорил только о себе... Сейчас полпервого ночи, а я все думаю о сегодняшнем дне. На самом деле я не такой уж холодный человек, как это может показаться с первого взгляда. Просто я научился держать себя в узде. Но с вами мне было так тепло, что я потерял контроль».

2. Манфред Петер Харрингер, 1934 г.р., депорт. из Берлина 28.1.1943.

Петер Харрингер. Берлин, 1942. ПХА

Тетя Фрида и дядя Фриц

Я родился в Бреслау. Позенштрассе, 40. Прекрасный город, восемьсот лет истории, столица Силезии. Теперь это Польша, по-немецки там не говорят. Моя мать от меня отказалась. Мало того что родила вне брака, еще и от еврея. Она сдала меня в семью Битнеров, набожных бездетных католиков. Медсестра тетя Фрида и дядя Фриц, не помню, кем он был. Мы целые дни проводили в костеле. После войны тетя Фрида служила домработницей у самого епископа и умерла в возрасте 101 года.

Отец

Мой отец был будапештским евреем, оформителем витрин. Звали его Мартон Розенфельд. Он погиб. Я ездил в Освенцим. Обнаружил в архиве пять убитых Мартонов Розенфельдов, но лишь один — из Будапешта. Мне распечатали документ. Особенно потрясли меня в Освенциме волосы... Не знаю, сколько времени там был мой отец. Я провел там сутки.

Мать

Мать осталась в Бреслау, вышла замуж за нациста. Он был инженером и получал посылки со свастикой от Шпера, индустриального магната-нациста. После смерти мамы я нашел серебряную свастику в ее вещах. У меня есть и фотография Гитлера, которую сняла или она, или ее муженек. Думаю, она на меня и донесла. Отец мой нигде не числился. Хотя, как я теперь знаю от австралийского дядюшки, она сама была полукровкой, но до самой смерти отказывалась это признать.

Narazisko: ROSEN FELD		Nr. B-5824	
Imię: Marton	Ojciec: Pol. Mag. J.		
ur. 18.6.17	z Kolossvár		
Narodowość: Żyd	Przyn. państw. Żyd		
Zawód: Schlosser	Uwagi: Ob. 24. 6. 44 z KL Auschwitz do KL Buchenwald		
Zródło i materiały: Szp. D-Bu 3114, Nr. Inw. 149720, Tom 4, str. 47			
KRAKÓW, 5. Stycznia 1944 — 1944 — 1944			

Narazisko: ROSEN FELD		Nr. B-5824	
Imię: Marton	Ojciec: Pol. Mag. J.		
ur. 22.2.1918	z Kolossvár		
Narodowość: Żyd	Przyn. państw. Żyd		
Zawód: Stalarnik	Uwagi: Ob. z KL Auschwitz do Gofschau dn. 13.6.44		
Zródło i materiały: Szp. D-An. III. Gofschau 12, Nr. Inw. 149715, Tom 1 str. 84			
KRAKÓW, 5. Stycznia 1944 — 1944 — 1944			

Свидетельство о гибели двух Мартонов Розенфельдов. Оба были из Венгрии, и оба погибли. Один из них был отцом Петра Харрингера. Архив Освенцима

Петер Харрингер. 1940. ПХА

Петер Харрингер с собачкой, 1940. ПХА

Петер Харрингер в пору, когда он жил у тети Фриды. ПХА

Берлин

В 1939 году тетя Фрида и дядя Фриц привезли меня в Берлин. Поначалу я жил в каком-то детском доме. Там, если ты себя плохо вел, брили наголо. Не думаю, что это был еврейский детский дом, нет. Им заправляли монашки. Мы жили в кельях, где ужасно воняло потом. У меня осталось такое воспоминание о монашках: кто святой, тот потеет. Они спали за занавесками. Я обмочился, и меня наказали. Представьте себе берлинскую зиму, собачий холод, пустую комнату без мебели. Окна открыты настежь, и ты держишь мокрую простыню над головой, пока она не высохнет. В Берлине, зимой! Мы спали на соломе, по ней прыгали блохи. Потом, не помню уж как, я оказался в маленьком горном городишке Брезниц. Мне было

Документ о бракосочетании Доротей Марии Иоанны Харрингер и инженера Рудольфа Фрица Адольфа Вольфа, Бреслау, 9.6.1941. ПХА

Доротей Харрингер с Рудольфом Вольфом и знакомой. 1941. ПХА

Доротей Харрингер с Рудольфом Вольфом. 1941. ПХА

Фотография Гитлера, сделанная Рудольфом или Доротеей. ПХА

Петер с тетей Фридой, 1941. ПХА

Рената и Петер Харрингер, 1942. ПХА

тогда лет пять, помню, нас учили писать на дощечках. Если все было правильно, мы переворачивали дощечки и рисовали на них танки и свастику. Утренним приветствием было «Хайль Гитлер!».

Перед тем как фотографировать на паспорт, меня коротко подстригли, чтобы не было видно кудрей, чтоб я был как ариец. Но меня все равно записали в «мишлинги» и обязали носить желтую звезду!

Монастырь на Оливерплац

«Мишлинга» нужно прятать. Тетя Фрида и дядя Фриц забрали меня из Брезница. В Берлине у них была связь с монастырем, куда меня и поместили. Из огромного сонма монашек я выбрал себе Каритас. Она отвечала мне взаимностью и долгое время меня прятала. Иногда даже брала с собой в город. Я был один такой в монастыре. Но, видимо, в какой-то момент держать меня там стало опасно, и тетя с дядей устроили меня в приходской сиротский дом Марии-заступницы. Там мне как-то раз пришлось делить уборную с двумя маленькими девочками. Мы болтали ногами в воде, а я дергал за веревку. Это было весело.

Петер в монастыре. 1940. ПХА

Запрос на посылку Хуго Якобсону для Петера. 1944. ПХА

Куриная печенка

Но и там оставлять меня было нельзя. Дядя и тетя отдали меня одной женщине. Ой, выключи магнитофон! Ее звали Эсти Шмидт. Она жила на Прагерплац, 15. Ей был лет сорок, может, чуть больше. Разведенка, жуткая тетка. Она жила в солидном доме, с портье. Она заставляла меня есть куриную печень с желчью. Кошмарная гадость! Она была садисткой, о да! Еще она заставляла меня с ней мыться. Ничего сексуального, нет, просто я должен был сидеть с ней в ванной. Ох и уродина же она была! Она возлежала на диване, а я должен был ползать вокруг, собирать с ковра крошки и расчесывать ворс металлическим гребнем. Потом меня от нее забрали. Я очень обрадовался, когда узнал, что она погибла во время бомбежки в 1944 году.

В семье Кольбенов

Меня перевели на Ксантерштрассе, 19, у собора Св. Людвига. К Курту Кольбену, еврею-католику. Вторая, то есть второй, Эсти Шмидт. В доме жили его сестра, жена и дочь Рената, лет тринадцати. Как-то я пошел в костел на исповедь, а когда вернулся, Рената меня спросила: «Ну, как ты теперь себя чувствуешь?» Я сказал: «Как ангел непорочный». И тут Кольбен ударил меня с размаху мухобойкой. Дьявольская натура. Они заставляли меня работать и не давали есть. Все посылки от тети Фриды они забирали себе, а мне давали тонюсенький кусочек хлеба с маргарином. И это все. Я был страшно нервным, мочился в постель. Сейчас это успешно лечат. Мне же тогда устроили электрошок, вещь ужасно болезненную. Еще Кольбены узнали у какого-то врача, по-видимому тоже садиста, что если положить деревянные колоды под задние ножки кровати, чтобы я лежал с запрокинутой головой, то я не буду мочиться в кровать. Мне тогда было лет шесть или семь. На ночь они привязывали к моей спине скребок. Стоило повернуться, как он в меня вонзался. Казалось бы, достаточно. Но нет, они еще кое-что придумали: перед тем, как выдать мне тоненький кусочек хлеба, они посыпали его солью якобы для удержания жидкости в организме. Но я был смышленным и соль сдувал. Скоро они это заметили, и стали втискивать соль в хлеб. Нет, этих людей я не любил.

И вот однажды я проснулся — дома было непривычно тихо. И, не знаю почему, я вдруг понял — они не вернутся. Их больше нет. Не знаю, как случилось, что я остался один. Тут я начал вытворять всякие безобразия. Пошел на кухню — там у них была потрясающая посуда — и принялся ее колошматить. Потом вошел в комнату, где были книги. Мне не разрешали читать, а я очень любил читать. Потом стал прыгать на диване, на том, к которому не разрешали прикасаться.

Произведя ряд разрушений, я отправился на Оливерплац к сестре Каритас. Она дала мне яичницу — это было блаженство! Я не мог поверить своему счастью! Она куда-то позвонила, чтобы кто-то меня забрал, с этим человеком мы куда-то шли, ехали в автобусе, кто-то другой меня перехватил, мы снова ехали трамваем, автобусом, метро — по всему Берлину. В конце концов я оказался в еврейской семье Якобсонов.

Можно ли взять с собой игрушечный поезд?

Мюнцештрассе, 10, рядом с Александерплац. Якобсона звали Салли, а его жену — Ильза. Этот дом и поныне там. Они были милыми и очень бедными, хранили капусту под кроватью. Якобсону было лет пятьдесят, он служил офицером в Первую мировую войну. В Терезине он повесился¹. В конце войны мы, дети, выкидывали коробки с пеплом в реку. За дополнительный паек. Когда я расчищал крематорий, мне в руки попала коробка с прахом Якобсона. Ильзу я несколько раз видел в Терезине. Потом она уехала в Англию, и с концами.

В январе 1943 года я пришел домой из еврейского попечительского отдела. Я ходил туда вместо школы. На двери была печать, как при аресте. Дверь была открыта. Тетя Ильза стояла в одной комбинации, а вокруг ходили какие-то люди. Там были и еврейские помощники, пособники эсэсовцев. Я спросил, можно ли мне взять с собой игрушечный поезд, подарок тети Фриды и дяди Фрица. Они разрешили. Разрешили надеть на себя все что хотим. Мы надели по три пары нижнего белья, четыре рубашки и два костюма.

1. Якобсон Салли (1886 — 1944). Якобсон Ильза, 1891 г.р., осв. в Т.

Адъютант Эйхмана

Нас привели на Ораниенштрассе. Знаете, кто такой Брюнер? Адъютант его величества Эйхмана. Он лично меня допрашивал. Я навсегда запомнил время – три утра. Когда ты маленький, ты помнишь, что такое три утра. На столе Брюнера лежал пистолет. Когда я второй раз вошел в его кабинет, вместо пистолета на столе лежало яблоко.

Брюнер спросил Якобсона, в каком чине тот воевал, Якобсон ответил. Он воскликнул: «О, мы коллеги!» Он спросил, у кого я жил до Якобсонов. Я ответил, у Кольбенов. «Кольбены? Знаю, мы их поймали при попытке к бегству. Пытались смыться в Австрию и прихватили с собой персидские ковры. Мы поставили их к стенке и расстреляли». Я сказал: «Отлично!» Когда тебе причиняют столько зла, ты добра не желаешь. Для ребенка все очень просто. Нас поместили в подвал с еще одной семьей, каждому выдали по тонкому ломтику хлеба – сквозь него можно было читать! – с чем-то вроде повидла.

Из Берлина в Литомержице

Через два дня или две недели мы пошли на станцию и оттуда поездом доехали до Литомержице. Оттуда километров пять до Терезина. По дороге нас дразнили мальчишки. Я уверен, что им было завидно. Взрослые волнуются, когда не знают, куда их ведут. А дети любят путешествия.

Терезин

В конце января мы оказались в Терезине. Было холодно, жутко холодно. В шлойске страшно воняло – тьма народу, почти одни старики, и все кричат... Мы ели хлеб, откусывая передними зубами, по чуть-чуть. Потом слюнявили пальцы и подбирали крошки. Думаю, я был единственным ребенком в транспорте. Всего нас было человек сто. Меня потрясло количество мертвецов. Их провозили мимо, одного за другим.

Учеба

По-моему, одного нашего учителя звали доктор Бореш, а другого Орнштейн. Мы что-то писали по заданию, а они исправляли ошибки. Не очень интересно. Мы учили еврейские буквы. Помню госпожу Левин, немецкую еврейку. Она обучала ивриту. Помню одну букву вроде нашей «эйч». Один раз мы пошли в душ, и с нами была госпожа Левин. Полуголая, большая. Она учила нас ивритским песням. Помню, надо было цепляться мизинцами и петь, не знаю, что это значит.

Эрна Попперова

Мне она очень нравилась. Она заведовала детским домом. После войны мы возобновили контакт, но это уже была другая Эрна, холодная и вечно усталая. Расскажу вам историю, которую Эрна не знает. Когда дети ложились, она вешала одеяло, чтобы от нас загородиться, раздевалась догола и мылась. Мы обнаружили в одеяле дырки и подглядывали за ней. Ох, она была красивая!

Голод

Ты встаешь голодным и ложишься голодным. Мы ели все, что только можно: траву, мороженую морковь, которую находили в земле. Недавно соседка тети Фриды прислала мне извещения о посылках, которые приходили в Терезин на мое имя. На некоторых за меня расписывался Якобсон, на некоторых стоит «Петр». В извещении сказано: «Я счастлив и здоров, посылка дошла в полной сохранности». Судя по извещениям, тетя Фрида послала на мое имя около сотни посылок. Я получил 33. И все равно голодал. Наверное, они были маленькими.

Быт

Уборные были ужасные. Узкая доска на краю глубокой дыры. Воняло или лизолом, или дерьмом. Зимой еще было терпимо, экскременты замерзали, и можно было прямо на них сидеть. Летом приходилось хуже. Рассказывали, что какой-то старик провалился в дыру и утонул в дерьме.

В Терезине была умывальня на пятьдесят мужчин. В апреле 1945 года пришел транспорт женщин из концлагеря. Я не знал, что их поведут в мужскую умывальню, и пошел туда. Женщины заорали: «Пошел вон!» Они были голые. Я закрыл глаза, сказал, что хочу вымыть руки. Но конечно подсматривал.

Приключения

В Терезине все, что ни найдешь, большая ценность. Например, я нашел проволоку и по ней влез на высокое дерево, смотрел оттуда на барак, где жили пожарные. Потом я ездил в Терезин, искал этот барак, но не нашел.

Будучи по природе большим любителем приключений и случайных находок, я однажды обнаружил гигантских размеров коробку с очками и коробочку с тюбиками, в них были разные мази. Мы сперли несколько тюбиков и пытались мазью чистить ботинки. Нам и в голову не приходило, откуда взялись эти очки и тюбики. Из нескольких очков мы вынули стекла и пользовались ими как увеличительными. Ловили на них солнечные лучи и палили муравьев.

После войны в подземных тоннелях мы нашли рулоны фотопленки, с помощью стекол от очков мы ее прожигали, нам нравилось, как она шипит.

Одно время в здании L 318 располагалась комендатура, там жил комендант. По-моему, Зайдл. В один из чудесных солнечных дней мы решили его проведать. В комнате, где прежде жило столько детей, стояла двуспальная кровать. На столе лежала кобура, а в ней десять патронов. Схватил я их и слышу шаги на лестнице. «Стоять, смирно!» Боже, какой страх. Охранник дал мне пинка под зад, и я бросился наутек. Карри, с которым мы шли на дело, слинял. Я показал патроны Ирке Блоху, по кличке Блоха (он потом умер от перитонита). Тот взял молоток и стукнул по гвоздю, наставленному на капсуль. Никакого эффекта. Я сказал: «Слабак, бить не умеешь». И ударил как следует. Раздался взрыв. Я взглянул на Ирку: «Ой, у тебя кровь на рубашке!» А он мне отвечает: «Да, с твоих пальцев». С тех пор я фейерверков не устраиваю.

Яркие вспышки

Память как яркие вспышки. Например, мне запомнилось больше то, что происходило зимой. Словно в Терезине учредили одно время года. Запахи... Все время что-то жгли...

Помню:

- Эльфриду Зеттер из Австрии. Имя девочки и ее историю. Мать хотела удушить ее подушкой, но подушка лопнула и из нее вылетели перья. Эльфрида боялась перьев;
 - себя, поющего на какой-то сцене по-чешски «Цыганка, цыганка, маленькая цыганка...»
- Помню циркача по имени Саттлер – сильный, мог на груди держать пианино. Очень большой. Когда ты маленький, все выглядит большим;
- крошечные рубины в слюде. Мы работали на производстве, где расщепляли слюду;
 - запах аэрозоля. Когда пришли датские евреи, их опрыскали аэрозолем, и они ужасно воняли. Их можно было выследить по запаху;
 - подземные тоннели. Двое парней вышли через них, украли где-то гуся и вернулись. Мне часто снятся тоннели. Это было в конце войны;
 - пересчет в Богушовской котловине, как все стояли... Кошмар;
 - кусок мыла, который я получил от чешского жандарма. Я стоял у шлагбаума, жандарм разжал кулак, и у него на ладони лежал кусок мыла. Он мне подарил его, просто так. С тех пор я люблю жандармов;
 - приезд Красного Креста. Вот тупицы! С тех пор я в Швейцарию ни ногой;
 - съемку фильма. Я там в трех сценах. На качелях-лодках, с мячом и в почтовом отделении. Женщина выдавала посылку. Получая посылку, я должен был скривить рожу – фу, какая маленькая посылка! Мне нравилось играть в кино, что-то новое;
 - книжку, которую я сделал в Терезине, она пропала в Америке;
 - маленькие свечки, с которыми мы ходили по вечерам. Нужно было держать их прямо, чтобы не затухали;
 - прививки против дифтерии. Нас выстроили в ряд и одной и той же иглой делали уколы. На следующий день у всех вспухли руки. Нам вскрыли нарывы. Это было так больно, сестрам приходилось нас держать, чтобы мы не вырвались во время процедуры. У меня остался шрам. Еще нам делали прививки против скарлатины, уколы в грудь. А так я в Терезине не болел. Я был закаленным.

Конец войны

Я пробыл в Терезине 27 месяцев. Прибыли русские и давай командовать. «Стой, стрелять буду», – это были первые слова, которые я от них услышал. Летом после войны мы плавали в реке, вдруг слышим: «Банг!» Это русские солдаты гранатами рыбу глушили. Еще мне русский солдат дал папиросу. Они обожали детей! Я затянулся и чуть не задохнулся.

Помню случай: мы, дети, влезли на крышу и увидели огонь и нациста, которого избивали палками, кидали в костер, снова вынимали, били, опять кидали, пока он не умер. Чешские жандармы принесли носилки. Прибыл священник. Реванш. Одним стало меньше. Не делай другим плохого, и они не будут делать плохого тебе.

Кончилась война, и первое, что мы сделали, выкинули звезды. Жаль, я не сохранил свою. Вместо нее у меня на груди был чешский флажок.

Во владениях барона

Из Терезина в Олешовице мы ехали на тепловозе. Нас, детей, поселили в дворницкую. Это был рай! Настоящие матрацы, и никакой вони. Вскоре нас перевезли в Каменице. Я думаю, там прежде собирался гитлерюгенд¹. Дворцы и замки принадлежали барону фон Рингофферу. Он владел Олешовицами, Штирином и Каменице. Каким-то образом Пшемисл Питер получил эти замки под санаторий. Штирин – фантастическое место, полностью разграбленное Советской Армией. Шкуры тигров и львов, статуи и пр. По ночам мы слышали перестрелку, все еще шла охота на фашистов.

Заболел мой лучший друг Ирка². У него были страшные боли в животе, он плакал, хотя был таким терпеливым. Я посоветовал ему пойти в уборную и потужиться. Но это не помогло. Его увезли на машине в Прагу, и он умер от перитонита на операционном столе. Мы все так плакали. В Штирине нас опросили, кто куда хочет. Я слышал от тети Фриды, что моя мать, возможно, живет в Англии. Другие дети попросились в Палестину.

1. Детская гитлеровская организация.

2. Ирка (Иржи) Блох (1935 – 1945).

Англия

Мы прилетели в Голландию, где нас накормили. Потом перелетали Ла-Манш. Всех укачало. В то время мой английский исчислялся десятью словами, одно из них – велосипед. В результате у нас появился велосипед, один на двенадцать мальчишек. В сентябре 1945 года мы прибыли на север Англии, в Виндермир. Там польские евреи чуть насмерть меня не забили за то, что я был ненастоящим евреем. В Англии одни считали меня чехом, другие – немцем, то есть нацистом: говоришь по-немецки – нацист.

У квакеров

Какое-то время я жил в Виндермире, потом переехал в Баткомб-Корт, в Сомерсете, около Бристоля. Там я пошел в школу. Первым делом нужно было выучить английский. Думаю, я пробыл там год или два. Школу финансировали квакеры и Фостеровский опекунский родительский фонд для детей – жертв войны. Английский продвигался полным ходом, я много читал вслух. Я считал себя самым симпатичным ребенком на свете – у кого еще такие темные густые вьющиеся волосы! К сожалению, я страдал сильной близорукостью. Школу я ненавидел. В пятнадцать я ее бросил и пошел работать. Зато я здорово говорил по-английски!

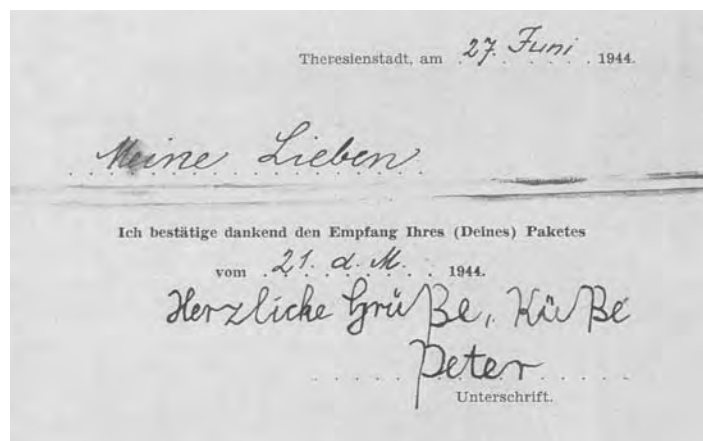
Сексуальный опыт

Жил я в доме Леи Менсон, в пригороде Денхама, дому было лет 400. Владелицу звали леди Аквис. Сначала работал на фабрике. В 15 лет по 60 часов в неделю. 14 центов за час. После года работы получал пенни за час. Я стал учиться в вечерней школе машинописи и стенографии. В то время я много понаписал, но забыл все символы и так и не смог прочесть того, что написал.

Первый сексуальный опыт был у меня с помощницей старшей воспитательницы, ей было 24, а мне 14. В 1990 году я посетил Денхам и нашел ее. Сказал, что приехал, чтобы сказать ей спасибо. Старушка покраснела.

Часть 6.

"Ода к радости"

Подстригать газон ножницами

В 17 лет меня выперли из Денхама и отвезли в Лондон. Высадили у молодежного общежития, принадлежащего армейской церкви. Притон гомиков и воров. Я снял комнату у Симонсов на Вестовер-роуд. Они были милые, но туповатые. И сын у них был набалованный, ленивый донельзя. Однажды я его подбил на одно дело — подстригать газон ножницами. Миссис Симонс это, похоже, не вдохновило, но я был в восторге.

Архиепископ и бутылки

В Лондоне я попытался устроиться певцом в ночной клуб «Ле тро клоше» — не вышло. Но я старался! Потом работал в денхамской киностудии в программе «Два городских кино». Продержался 6 недель. «Муллард электроникс» взял меня на работу — там занимались электроникой для флота. В «Легких напитках Клейтон» мыл бутылки. Затем работал в той же фирме в коммерческой фотографии. Снимал архиепископа Кентерберийского в момент коронации принцессы. Затем «Бегли и компания», производство стеклянных бутылок. Бутылки для джина и утки для мочи. Я проверял готовые партии. Работал подмастерьем на заводе листовой штамповки для авиакомпаний «Мартин-Бакер». Изготавливали сиденья для самолетов. Часто я находил работу случайно. Кто-то позовет на пиво, разговоришься — и уже приглашают на работу. От одной я отказался. Пришел к новому знакомцу по адресу, а это — морг. Нет, подумал я, сюда — ни за какие деньги.

Женитьбы, разводы и дети

Однажды пошел я в кино на фильм с Сьюзен Хейвуд. Спускаюсь в антракте с балкона, а навстречу мне — милое создание. И фигура, и прекрасные темные волосы, и осиная талия. «Вы вылитая Сьюзен Хейвуд», — сказал я ей. Она улыбнулась. Я достал бумагу и записал свой телефон. Сказал, что работаю в «Университи моторс» на Пикадилли, 80. Мы продаем машины марки «Веспас», «МГс» и «Бристоль»... Короче, она мне позвонила. Сказала, что у

Извещение о получении Петером посылки от 27.6.44. «Сердечные приветы и поцелуи. Петер». ПХА

Свидетельство о крещении Петра. 1939. ПХА

Заявление Петра о крещении. 1952. ПХА

меня мощная энергия. Вскоре она забеременела. Она утаила от меня возраст, оказывается, она училась в школе. Ее папаша пригрозил судом, и я быстренько женился. У нас родилось два сына, Тодд Битнер и Мэтью Пауль. Я дал им христианские имена, на всякий случай. Хотя «Петер Манфред» меня не особо выручило. Потом жена тяжело заболела. Но она выжила и развелась со мной, отобрала по суду детей. Потом еще два неудачных брака. Последняя моя подруга-мулатка недавно меня бросила.

С Тоддом и Мэтью мы очень дружим, часто созваниваемся, иногда вместе путешествуем. Они славные ребята, но я не хочу им мешать.

Так что остались мы с котом. Старый персидский кот, ему 17 лет.

Дом в Америке

В Америке мне пришлось сначала работать дровосеком. На выходные все разъезжались, а я оставался один. Однажды съел на спор 5 стейков, после чего не мог дышать. Никогда не ел столько мяса. Работал диктором на радио. Мог всю ночь напролет катать девчонок, а с утра – работать. Однажды, правда, не выдержал. Сел в 8 утра за микрофон, сказал несколько фраз и... свалился.

Свой дом я построил на муравьиной куче. Включу пылесос – и все муравьи там. Так постепенно и вывелись. У нас рядом продали дом. Там жили две сестры, немки, старые девы. Английский не знали, газет не читали, такая грязь у них была, ужас... Потом одна умерла, а вторая продала дом за 25 000 долларов. Оттуда ко мне прибежал таракан. Я его раз пылесосом – и все. Больше у меня тараканов не было.

Обожаю готовить, обожаю мясо. Спросил у врача – как же так, ем столько мяса, и у меня низкий холестерин. Он сказал – скажите спасибо своей маме. Пожалуй, это единственное, за что ее стоит поблагодарить.

Встреча с матерью

Мне было лет двадцать, когда я наконец напал на ее след. Она жила в Гамбурге. Я купил в Лондоне костюм, и вперед. Позвонил с вокзала. Она говорит, это Вольф? Вольф – ее муж, нацист. Я говорю, нет, это я, твой сын. Она ахнула: «Что ж, когда-то это должно было произойти». Я пришел. В Европе принято угощать гостей. Она не предложила мне поесть. Дала бокал вина. Потом явился Вольф. Я предложил ему сигарету. Тот отказался – курит только немецкие. Мать сказала, что Вольф рано ложится спать, пора откланиваться. Я остался в Гамбурге, нашел какую-то грошовую работу. Один раз мама дала мне 50 марок. И один раз купила шелковый галстук за 15 марок. Зачем мне галстук, если я жил впроголодь!

Второй раз я увиделся с матерью после смерти Вольфа. Она очень изменилась, но по-прежнему не хотела говорить о прошлом. На Рождество она регулярно посылала нам посылки. Подарки внукам, в красивых обертках. Я навещал ее в Германии, она приезжала на две недели в Калифорнию. Когда она умерла, я приехал в Мелк. Поразила бедность и неуют. Может быть, все украли, растащили. К концу жизни она относилась ко мне хорошо и внуков любила. Вообще, я никого не сужу. Зачем? Справедливости на свете не существует. Посудите сами – женщину в «Макдоналдсе» облили горячим кофе, и она получила миллионную компенсацию ущерба. А я провел 27 месяцев в лагере и получил три тысячи долларов.

Любовь в сейфе. Повесть о Мауд

Мауд (Михаль) Штекльмахер (Бер) живет в центре Тель-Авива, рядом с площадью Рабина. Когда мы с ней познакомились, Рабин еще был жив и площадь называлась иначе. Маленькая, неприметная Мауд – или Мауси, как звал ее возлюбленный более полувека тому назад. В ту пору я искала сведения о детях, которые учились рисовать у Фридл. В списке из 600 имен Мауд Штекльмахер не числилась. Она не посещала уроки рисования. Но согласилась помочь. На первой же странице списка было знакомое ей имя: «Абелова Герти. Знаю! Наши отцы были двоюродными братьями. Герти жила с отцом в Оломоуце, мать ее умерла, когда она была маленькой. Она была единственным ребенком в семье, высокой для своего возраста, черноволосой, зеленоглазой, хорошенькой...»

Я оставила ей списки.

В алфавитном порядке

22.12.1990

Дорогая Лена! Посылаю тебе все, что пока удалось вспомнить. Обрывочные воспоминания об отдельных детях L 410 я приписала к графе «Комментарии», графу «№ комнаты» я дополнила, красной ручкой исправила мелкие ошибки. О некоторых детях есть целые рассказы, не знаю, уместны ли они, но я их написала и посылаю.

Гутманова Алиса, из Богемии, не помню из какого города, какое-то время мы спали рядом, в 25-й комнате. Тихая, стройная и бледная. У нее умер папа. Была отправлена с матерью в Освенцим. Вот рассказ об Алисе.

Кровь и хлеб

Терезинское гетто было жутко перенаселено. Несмотря на все усилия, трудно было соблюдать гигиену. Мы делили кров с клопами, блохами и вшами. Мы недоедали и страдали от множества болезней. Скарлатина и туберкулез, разные виды тифа, к тому же и полиомиелит. Орган здравоохранения гетто решил спасти детей от заражения полиомиелитом; нам переливали кровь родителей, в надежде укрепить иммунитет.

В то время моей соседкой по койке была Алиса, бледная, худая и деликатная девочка. Мы обе уже потеряли отцов. И думали, как отблагодарить матерей, которые жертвуют ради нас своей кровью. Решили устроить им торжественный прием. Скопили немного маргарина, смешали его со щепоткой супного порошка – уж не помню, где мы его раздобыли, – и начинили два ломтика хлеба. После того как наши матери сдали по две порции крови, мы преподнесли им на самодельном блюде два «бутерброда». Непросто было заставить их принять этот дар, но мы настояли. Какая это была радость – смотреть на наших матерей, они ели с таким аппетитом!

Камерманнова Хана и ее мать жили в одном доме с моей мамой, бабушкой и Карми¹. Мать работала на кухне, и я завидовала, что у них была еда. У них даже было что-то вроде постели (мои родители спали на полу), и на ней сидела кукла. Мать Ханы была в 30-х годах

Алиса Гутманова (1928 – 1943). Терезинская ратуша. 1943. ЕМП

Терезинская ратуша. Фото 1996. ЕМА

Герти Абелова (1931 – 1943). Терезин. 1943. ЕМП

Хана Карплюсова (1930 – 1944). Надпись на указателе: «Прага». 1944. ЕМП

1. Кармела, сестра Мауд.

в Палестине, но ей там пришлось тяжело, и она вернулась в Чехию. В октябре 1944 года они были уничтожены в Освенциме.

Карплюсова Хана – моя дальняя родственница из Брно. Мама ее умерла, Ханичка осталась с отцом, весьма несимпатичным. В Терезине он работал в огороде, а бедная Ханичка была бледная и тощая. В этой ветви нашего семейного древа было много талантливых художников, у Ханички, как мне кажется, были художественные задатки.

Киршнер Рене и Эва из Брно. Старшая, Рене, жила в 25-й комнате, Эва с мамой часто приходили ее навещать. Рене была очень инфантильной и нуждалась в постоянной опеке. Когда начались осенние транспорты, вся семья числилась в списках. В последний момент во дворе Гамбургских казарм Рене узнала, что ее исключили из списка, поскольку она работала в огороде. В тот момент, когда это случилось, я была с ней. Рене не хотела оставаться в Терезине, разлучаться с семьей. Мы надеялись, что после войны семья найдется. В мае 1945 года пронесли слухи, что отец Рене, возможно, жив. Но они не подтвердились. Позже Рене присоединилась к молодежному сионистскому движению. С тех пор я ищу ее по свету и не могу найти².

2. Я разыскала Рене в Праге и послала Мaud письмо: «В квартире Рене все блещит. У входа надо снять обувь и поставить на газету, чтобы не испачкать полы. У нас с собой была камера, так что мы Рене сняли, она выглядит хорошо, правда, очень худая и сутулая. Пока посылаю тебе то, что я наспех переписала с кассеты (про после войны)».

«Я вернулась одна. Погибли не только Эвичка и родители, но все родственники с обеих сторон. Кроме дяди, который был женат на нееврейке и потому был в Терезине только три последних месяца. С ним я уехала в Вышков, городок около Брно. Там я прожила год. В 1947-м сестра моей мамы вернулась из Палестины, и я переехала к ней. Жила у нее, пока не вышла замуж. Работала на целлюлозно-бумажном комбинате. Муж умер пять лет тому назад. Тете 94, еле жива. Я каждый день езжу в Высочаны за ней ухаживать».

Смотрим фотографии: «Четыре девушки – те, что справа, погибли; преподаватели еврейской гимназии в Брно: Филипп Бок погиб, Вальтер Айзингер погиб, Драгман – не знаю, Эдельштейн погиб, Ота Унгер, профессор математики, погиб, инженер Фуks – не знаю; это я, такая толстая! Это свадьба – неинтересно; бабушка в Карловых Варах; это я ходила на танцы; это тоже я, была хорошенькая; это мы с сестричкой, что-то она грустная... уж не помню отчего; вот все мы – папа, мама я и Эва; это я – в костюме теленка; это – в роли мышки; это прабабушка; это я – с медведем; а это внуки, внучке тринадцать, а внуку десять. Такие послушные дети!»

Эва и Рене с матерью Ольгой. Довоенное фото. Архив Р. Киршнеровой

Киршнер Хуго (1886 – 1944), Ольга (1907 – 1944), Рене. Довоенное фото. Архив Р. Киршнеровой

Хана Карплюсова (1930 – 1944) (слева), фото 1934 г. Архив М.Бер

Эва и Рене Киршнеровы. Довоенные фотографии. Архив Р. Киршнеровой

Мейтнер Эва из Простеева, внучка доктора Вольфа.

Семья Вольф

В Простееве у семьи Вольф была текстильная фабрика и большой дом. Вся семья жила вместе. Главой семьи был доктор медицины Оскар Вольф. У него было два брата-близнеца. У доктора были две дочери. Незамужняя Хеда (Хедвика) увлекалась спортом, играла в теннис, ходила в походы, помню, у нее была собачка. Другая дочь, Хана, была замужем за Гансом Мейтнером, и у них была дочь Эва, на два года младше меня. Как большинство зажиточных еврейских семей, Мейтнеры держали гувернантку, которая занималась Эвой. Эва была тихая, не особенно привлекательная, но очень славная девочка-очкарик. Сколько я ее помню, она всегда была в очках.

Когда немцы захватили Судеты, евреи оттуда бежали, многие приехали в Простеев. Среди них — чета Грюнхутовых с дочкой Зузой (Сузи). Грюнхутовы были прелестной парой — высокие, ладно сложенные, а их дочка Зузка — невероятная красавица, с длинными светлыми волосами и пухленькая (что ей очень шло). Всегда со вкусом одетая, в красивые коротенькие платьица, она была очень самостоятельной, даже, я бы сказала, самоуверенной. Старая госпожа Вольф часто приглашала обеих девочек поиграть в саду (евреям не разрешалось гулять в парке, спортплощадка «Маккаби» была далеко, потом и ее у нас отняли). Так что я часто встречалась с Эвой и Зузкой, которые стали неразлучными подружками.

Помню, как зимой 1941 года семидесятилетний доктор Вольф вместе с другими евреями убирал в Простееве снег...

В Терезине Эва жила в L 410 на первом этаже, думаю, и Зузка там же.

Из семьи Вольф вернулся лишь Эвин дядя Отто, из семьи Грюнхут — никто.

Рис Иржи из Простеева. Маленький мальчик, очень воспитанный. Его мама Вильма была одноклассницей моей мамы и ее подругой. Его и мои бабушки-дедушки подружились в Терезине, они жили по соседству. Иржи был единственным ребенком в семье.

Эва Мейтнер (1931 — 1944). Седер Песах. ЕМГ

На стр. 389
Дедушка и бабушка Мауд. Простеев, 1920. МБА

Маленькая Мауд на руках у домработницы Марии

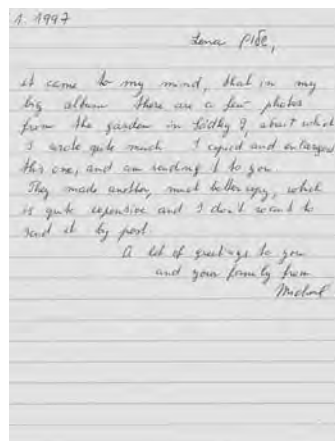
Фриц Штекльмахер на прогулке, 1937

На спортплощадке «Маккаби». Справа — Рут Вайсова, внизу справа Власта Хасова, Хана Бергерова и неизвестное лицо. МБА

Велосипедистки (Мауд слева). МБА

Страницы из семейного альбома. Мауд с подружками на коньках. МБА

Подружки из «Маккаби». Первая справа — Рут, за ней Мауд. МБА

1) Mrs Tandler (M's mother) 4 my father
2) Hermann 5 my sister Hermann
3) my mother 6 J.

Фото в саду. По рисунку Мауд: «1) Госпожа Тандлер, мать Германа. 2) Герман. 3) Моя мама. 4) Мой папа. 5) Моя сестра Кармела. 6) Я». Архив М. Бер

Из письма Мауд от 5.1.1997. «Дорогая Лена! Мне пришло в голову, что в большом альбоме есть несколько фотографий из нашего сада по адресу Садки, 9, об этом я довольно много писала. Я скопировала и увеличила эту и посылаю ее тебе...»

Пояснительный рисунок Мауд к фотографии в саду. ЕМА

Хасова Власта (про нее я лет десять тому назад написала рассказ. Посылаю тебе ее фотографию).

Власта

Летом 1940 года несколько еврейских семей из нашего города Простеева приютили на лето детей из еврейского дома сирот города Брно. У нас гостила Олли, а в доме моей подруги Рут – Власта. Властичка была маленькая, шустрая, с живым умом и острым языком.

Это было последнее счастливое лето. Нам было по одиннадцать, и большую часть времени мы проводили на спортплощадке «Маккаби» вместе с другими еврейскими детьми. Там мы чувствовали себя свободно. В окружающем нас нееврейском мире мы были опутаны множеством ограничений и запретов.

Летом 1942 года мы прибыли в Терезин. Там я встретила Олли. Она исхудала, оголодала после тяжелой зимы, проведенной в гетто. Власта была все так же проворна и жизнерадостна.

У сироты Властички был обожаемый брат Руди. И она решила подарить ему на день рождения апельсин. Ни больше и ни меньше! Она нашла кого-то, кто получил это сокровище в посылке и согласился обменять его на три буханки хлеба. Подсчитаем: каждые три дня мы получали четверть буханки. Значит, маленькая Властичка примерно пять недель жила без хлеба! Не знаю, как она это выдержала, – но на день рождения Руди получил апельсин.

В мае 1944 года немцы готовились к приему представителей Международного Красного Креста. Чтобы произвести хорошее впечатление на гостей, они депортировали в Освенцим стариков, больных и сирот. Властичка и Руди были отправлены с группой сирот. Властичка не прошла селекцию – у хрупкой крошечной девочки не было никакого шанса избежать газовой камеры.

Хаусшильд Лили нет в твоём списке «художников», но я хочу, чтобы ты про нее знала.

Лили сразу привлекла мое внимание. Красивая, похожая на фарфоровую китайскую куклу, с нежной кожей, розовыми щеками, большими зелеными глазами и золотыми кудрями. Вот только голос у нее был какой-то надтреснутый; может, потому, что она была из Судет и плохо говорила по-чешски. Матери у Лили не было, а отец был слепым. Лили о нем заботилась, по несколько раз в день ходила к нему в казарму, пыталась раздобыть для него еду, водила к врачам. Ей было некогда учиться и играть. На куцем, запинаящемся чешском она рассказывала нам о своих бесчисленных горестях.

Зимой 1942 года Лили с отцом были отправлены на восток. Пусть эти строки останутся на память о Лили Хаусшильд¹.

1. В «Терезинской памятной книге» («Терезинская инициатива», Прага, 1995) другие данные: Лили Хаусшильд, род. 5.9.1929, прибыла в Т. из Пльзеня 18 января 1942 г., депорт. в Освенцим 19.10.1944.

Хохнерова Лили из Богемии (может, из Колина) – единственная дочь очень симпатичных родителей, типичных чешских евреев. Из девочек 25-й комнаты она была самой «устроенной», отец ее работал в таком месте, где давали еду, и она не голодала. Когда начались осенние транспорты, она заболела. Из этой семьи не выжил никто. Ее отец организовал для нас «частные» уроки по химии и физике. По его просьбе эти уроки давал нам профессор Салюс.

Кто их помнит?

С тех пор МAUD посылает мне все, что вспомнит. Рассказы на чешском, английском и иврите. Запишет на листочке в линейку — и в конверт.

Рите Кребсовой было пятнадцать. Высокая, стройная, смуглая, с черными курчавыми волосами, красивая и, как мне тогда казалось, задавака. В Терезине мы с ней таскали ведра с водой, поливали огурцы в огороде.

Где Рита, там и **Вера Люстигова**, и **Трикси Шильдова**, с ней мы ехали из Оломоуца... На огородах я познакомилась и с **Маргит Поргесовой**. Тихая, большие грустные карие глаза, темная кожа, чувственные губы, высокая, отец ее работал в закутке L 400, он был ортопедом, однажды мы его навестили.

Постепенно девочки пропадали из виду, была отправлена малышка **Ханичка Бенешова**, рожденная в Терезине. Нескончаемая череда прекрасных, добрых людей, жаль, как жаль...

Девочка из Германии. Однажды из Германии в Терезин прибыла пятнадцатилетняя девочка. Отдельным транспортом. Еще несколько дней тому назад она была гордой немкой, мечтала вступить в гитлерюгенд, где уже были все ее друзья. Невзирая на упорное возражение родителей, она подала туда заявление. Проверка показала: она еврейка и не имеет права состоять в гитлерюгенде. Оказывается, она была удочерена бездетной немецкой парой, и те держали в секрете ее еврейское происхождение. В гитлерюгенде ее проверили по всем статьям, и она тут же была отправлена в Терезин.

Госпожа Флуссерова и терезинская мода. В L 410 была пошивочная, там работала мать профессора Флуссера², ужасно симпатичная. Однажды мы с мамой и сестрой получили повестку на транспорт. Мы спрятались, а наши вещи отправили в Освенцим. Мы остались в чем были, и госпожа Флуссерова сшила мне из старья платье и кофту.

На блузках мы вышивали монограммы. У сестры была кукла Олинка, я на нее шила юбки — крик терезинской моды — из разноцветных тряпочек, вырезанных ромбиками. В нашей комнате была одна модница, она меняла еду на тряпки и так исхудала, что заболела туберкулезом.

Лоли. В Простееве, неподалеку от замка, стоят два старых, ладно построенных дома, когда-то они прекрасно выглядели. Один из них принадлежал нашей семье, а другой — Шпрингерам. Время, о котором идет речь, было неблагоприятным для семьи Шпрингеров. У госпожи Шпрингер, щуплой и очень нервной, был седобородый старик муж в пенсне, больной душевно и физически. Их дочь Лоли была сверстницей моей матери. Старая дева, «синий чулок», опора еврейской общины! С мамой они дружили с детства.

У нас дома в выдвижном ящике письменного стола хранились маленькие старые фотографии со времен молодости родителей: мой папа — франт, каких не сыщешь, и юная Лоли, играющая в теннис.

В 1941 году родители решили, что мне нужно заниматься с Лоли разговорным немецким, — довести его до совершенства. Поскольку евреям было запрещено появляться на городской

МAUD: «Это я изобразила писк терезинской моды — одежду с множеством карманов». Архив М. Бер

2. Профессор Давид Флуссер (1917–2000) — историк и философ, специалист по раннему христианству, приехал в Палестину в 1939 г., жил в Иерусалиме.

площади, я ходила к Лоли дворами, в обход. По понятным причинам к немецкому я испытывала смешанные чувства. Лоли-очкарик, тщедушная, в заношенной трикотажной робе, длинной и бесформенной. Мне передавалось ее одиночество. О чем мы только не говорили на уроках...

Близилось время транспортов, Лоли день ото дня становилась все беспокойней, без конца перепаковывала вещи. Что будет, где она окажется, а что, если встретятся ей там интересные люди и скрасят ее пустую одинокую жизнь? Лолинка с родителями была в нашем транспорте. В Терезине я ее не встречала. Как потом выяснилось, ее расстреляли в Барановичах в июне 1942 года, а родителей уничтожили в газовой камере Освенцима в октябре 1942 года.

Урок на природе. В 1938 году мы проводили лето в Татрах, в какой-то деревне, не помню названия, и там познакомились с двумя еврейскими семьями – чета Шмидтов с сыном-красавцем, и Келлеры¹ – с дочерью Ханой.

Шмидты мне очень нравились, они были из Судет или Германии, точно не помню.

Хана была старше меня лет на пять. Мы гуляли по лесу, и она научила меня одной чудесной вещи – «начинять» цветами едва раскрытую еловую шишку: это так красиво!

Наша следующая встреча произошла в Терезине, в детском доме. Хана жила в комнате с воспитательницами, на первом этаже. Она погибла.

Не упоминая ее имени, я научила фокусу с шишкой всех своих внуков. Иногда я думаю, а что, если память о Хане и есть еловая шишка с цветочками... Но это так, лирика.

1. Хана Келлерова (1925 – 1943), ее родители, Валерия и Альфред, погибли 5.5.1944.

Память на хранение

МAUD решила сдать «память» на хранение в Яд Вашем. Пусть уйдет в общий котел скорби и отпустит ее в конце-то концов!

Она приехала к нам в Иерусалим с ночевкой, привезла с собой фотографии, ножницы, клей и уже заполненные анкеты. Штук сто, не меньше, на всех друзей, близких и не очень.

Групповые фотографии довоенной поры мы увеличили на ксероксе, так, чтобы каждое лицо было видно. Осталось его вырезать и вклеить в ячейку для фотографии.

Но люди на групповых фотографиях обычно сидят вплотную друг к другу, и, вырезая голову, ты отрезаешь часть соседней головы. «Не страшно, – говорит МАUD, – это же копии, главное, не перепутать, где чья голова».

Утром следующего дня пошли мы в Яд Вашем сдавать пачку анкет. МАUD удручена – не у всех есть лица. Но где их взять? Ладно, хоть какая-то память останется. Сдали все чинчином, вышли.

«Думала, сдам и все... А они все равно тут», – стучит МАUD пальцем в седой висок.

Вещи из сейфа

МАудкино прошлое хранится в одном из нескораемых сейфов банка «Апоалим». Сумочка с письмами возлюбленного, убитого в Трeблинке, его подарки – слоники да божьи коровки... Записная книжка с мизинец – в ней цифры. Давление и часы приема лекарств. Дедушка умер в Терезине. МАUD всплакнула. Вторая книжечка, чуть потолще, папина. В ней записаны

даты и часы проведения лекций, имена лекторов, в основном по иудаизму; отец организовывал культурные программы в Терезине, покончил жизнь самоубийством. Оставил жене список, где что лежит, где находятся часы (в Терезине на всю семью полагались одни часы). Дневник Мауд, со стихами и крылатыми выражениями.

– Это второй. Первый я сожгла.

– Почему?

– А, глупости там были!

– Что же за глупости?

– Любовь.

– Мауд, расскажи!

Терезин, 21.8.43. Рисунок Мауд. Архив М. Бер

Страница из дневника Мауд. 15.10.43. Герман. Нарисован по фотографии. Архив М. Бер

Мауд рассказывает про любовь

Его вместе с матерью и тетей подселили к нам, мы считались богатыми и должны были потесниться. Ему было 24, а мне не было и тринадцати. Все надо было скрывать. Мы встречались тайно, в прихожей прятали записки в ботинок – где и когда свидание. Это он мне подарил слоника и божью коровку, а в письмах всегда просил целовать ручки маме и бабушке. Письма, расплывшиеся, неясные. Мауд переписала их на листы в клетку. Есть слова, которые невозможно разобрать.

— А это что за пакетики?

— В них цветы, — Мaud краснеет, — засушенные.

Цветы 1942 года, каждый пакетик подписан: «незабудки», «лютик».

— Это он. Герман. — Фотография молодого человека, с усами и при галстуке. На обратной стороне рукой Мaud написано «Треблинка» и дата. — Это я узнала только после войны. Его мать записали на транспорт, он поехал с ней, добровольно. А это наши транспортные номера. Я вышла, гладью.

Реставрация цветов

— Как отреставрировать цветы? Они же сыпятся! Да и не нужны они мне, — говорит Мaud реставраторше в Яд Вашем. — Это Лене они зачем-то нужны, мне они не нужны...

— А кому нужны слоник и божья коровка? — спрашиваю строго.

Забираем сумочку и уходим.

Мaud по дороге:

— Да отдам я тебе эти цветы! Что обо мне люди подумают?! Сумасшедшая старуха!

— Не все ли равно, что они подумают?

— А тебе они зачем?

Сказать, что я сама не знаю? Нет, нельзя. Не этого она от меня ждет. Отвечаю:

— Если будет выставка в Вене, я их там помешу.

— Но что скажет моя семья, это же позор!

— Я не напишу, что это твои.

— А как же люди поймут, что это такое?

Осенью 1999 году венская реставраторша Барбара Шремпис раскрыла конвертики, разложила их содержимое на специальной японской бумаге, укрепила лепестки и стебельки, зафиксировала бумагу от конвертов, в которой хранились цветы. Вот уже пять лет путешествуют Мaudкины цветы по миру. Они помещены между пуленепробиваемыми стеклами. На бирке значится: «Цветы, подаренные Германом Тандлером (1917 — 1942) Мaud Штекльмахер, лето 1942 года, Простеев»¹.

1. В 1997 году я впервые побывала в Простееве, городе, где родилась Мaud. Мы снимали о ней фильм, за который получили две золотые медали на международных кинофестивалях. Что касается Простеева, то он и по сей день всплывает в разных рассказах. Вот что я услышала недавно от Эдны Амит (Лили Бобашевой), ученицы Фрида:

«Простеев был для меня целым миром — большая семья, синагога, друзья, соседи, юношеский клуб «Маккаби», спорт. Прошло много лет. И вот мы с мужем и взрослыми детьми подъезжаем к Простееву. Они никогда не видели города моего детства. По дороге я объяснила, что жили мы на съемной квартире, хозяином был г-н Веселы, под нами был ювелирный магазин, хозяина звали г-н Нарожный. Он вечно стоял в дверях магазина — скособоченный, с застывшей улыбкой на губах. Стоит, поджидает клиентов.

Мы — в Простееве. Вот церковь Святых Братьев, а вот и наш дом. Машина останавливается. Мое сердце тоже. Вокруг все какое-то обшарпанное, а ювелирный магазин сверкает как прежде. В дверях стоит мужчина.

Я спрашиваю: «Господин Нарожный?!»

«Да», — отвечает он.

И я больше не могу говорить. Плачу, не могу остановиться. Господин Нарожный не понимает, в чем дело.

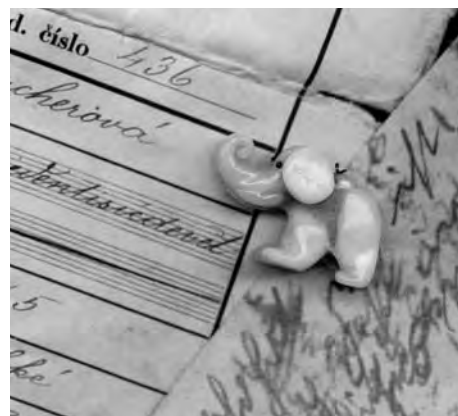
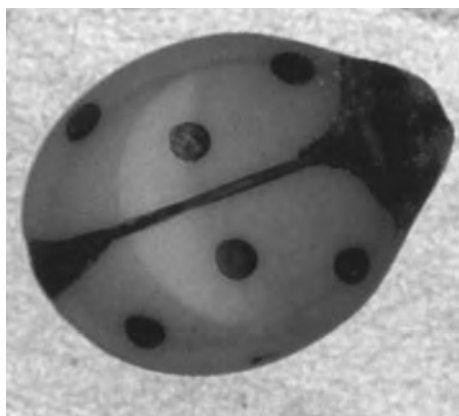
Мaud. 1996. Тель-Авив. ЕМА

«Прошу вас, присядьте, я принесу вам воды!» Я взяла себя в руки, спросила: «Помните ли вы семью, которая здесь жила, семья Бобаш?»

«Да, да, помню, — кивает господин Нарожный, — но я тогда был маленьким мальчиком».

Понимаешь, в начале девяностых в Чехии все было в запустении после коммунизма, людям возвращали дома, надо было их реставрировать... Нарожный сделал ремонт, и магазин выглядел точно так же, как при нас.

Время остановилось. Во время ремонта Нарожный обнаружил письмо со штампом Красного Креста. Его написала моя мама соседям в Простеев: «15 мая 1945. KZ Маутхаузен. Дорогие! Мы здоровы, находимся в концлагере Маутхаузен. О муже с 29 октября нет никаких сведений, с того времени, как он уехал в Освенцим. И о других родственниках нет никаких сведений, это нас страшно подавляет. После трех лет крестного пути благодарим Бога за то, что он сохранил нас. Нет сил писать, надеемся, что скоро вернемся и все расскажем. Американцы освободили нас 5 мая, с этого дня мы не голодаем. Надеемся, что вы в порядке, ... дайте знать поскорей, не объявился ли у вас папа или кто-то из родственников. Спасибо, надеюсь, на первых порах вы нам поможете. Тысячу раз спасибо. Ваша Юльча». И моя приписка: «Ждет скорого свидания и Лилька, только она боится, что вы ни ее, ни маму не узнаете. Всем знакомым и родственникам привет».

«Милая Мауси!»

Роман в рассказах и письмах

26.11.96, Тель-Авив

Лена, я не писала роман, я написала правду, то, что помню, так что прости за стиль, вернее, за его отсутствие. Я пишу об этом впервые. И хочу обратить твое внимание на некоторые пункты.

Скандалы с отцом: у него была своя логика; он просил Германа не возбуждать во мне эротических чувств, по его мнению, я была маленькой, и столь ранняя связь могла бы наложить тяжелый отпечаток на мое будущее.

Герман держался очень достойно, не просил больше того, что может ему дать девочка. У него были интимные связи с женщинами, он мне о них рассказывал. Он был нормальным молодым человеком и чувствовал то, что чувствовали все: жизнь стремительно сокращается. Встреча с Германом повлияла на всю мою жизнь, на замужество с Шимоном и даже на наших детей. Да, конечно. Такова жизнь. Твоя Мауд.

1. Как мы познакомилась. 1941 год. Два года как Чехословакия оккупирована немцами. Мы не имели права ходить в школу, в парк, в кино, театр, на игровую площадку и в центр города. Нужно было носить звезду и в восемь вечера быть дома. Нельзя было общаться с арийцами и ходить в магазин за покупками (за исключением указанного времени). Дети встречались в «Бейт-ха-Ам»² и на игровой площадке «Маккаби».

Однажды весной 1941 года ехали мы с моим двоюродным братом Густой на велосипедах. А навстречу нам ехали на велосипедах молодые ребята, евреи. Мы слезли с велосипедов, и Густа познакомил меня с Германом.

Вскоре Густа сообщил мне новость: по приказу нацистов нас уплотняют, мы будем жить вместе с Германом и его мамой. Они вселились в наш дом по адресу ул. Садки, 9. А мы пока жили напротив, Садки, 4. В восемь все евреи обязаны были быть дома. Ровно в восемь вся наша семья собиралась за столом. Ужин. Без пяти восемь я пошла мыть руки, вымыла и, сжимая в руках полотенце, встала у окна. И увидела Германа. Он летел домой на своем го-

Транспортные номера Мауд и Германа.
Архив М. Бер

Божья коровка, подарок Германа Мауд.
1940. Архив М. Бер

Слоник, подарок Германа Мауд. Архив
М. Бер

2. Народный дом.

ночном велосипеде. Мама зовет: «Мауд, за стол», а я говорю: «Сейчас, сейчас, я мою руки...» По сей день запах душистого мыла и свежевystиранного домотканого полотенца завораживает меня. Возвращает к тому дню, когда я стояла у окна, а он гнал домой на велосипеде.

2. Переезд и новые чувства. Летом 1941 года мы переехали в Садки, 9. На первом этаже жила старая госпожа Вольфова, прежняя владелица дома. Внизу, в двух комнатах – Герман с мамой и тетей. К нам наверх вела деревянная лестница, застланная ковром. До того как вышел указ, запрещающий евреям держать домработниц, с нами жила домработница Мари. Ванная и прачечная были наверху, а гостиная и кухня – внизу.

В день после переезда состоялась встреча жителей дома; на ней было решено, что дамы будут обращаться друг к другу на «вы», а мы с Германом – на «ты». Это мне понравилось. Стояла чудесная летняя погода. Вечера мы проводили в саду. Младшая сестра меня особо не занимала. Я была – детская душа в женском теле; при том, что я была взрослой не по годам, мы с моей подружкой Рут могли смеяться до упаду.

Однажды вечером в саду я приникла к Герману и стала гладить и расчесывать пальцами его волнистые каштановые волосы. И вдруг меня как током ударило. Это была эротика, чистая эротика. Я потеряла голову. Ждала Германа у окна, пока он не придет с работы, а заведя, бежала открывать ему дверь. Входя, он целовал мне руку, это было так приятно... Мы дарили друг другу маленькие подарки. Как-то зимой он принес мне розу. Что делать? Вдруг родители увидят и все поймут? Я ее засушила в книге, она жива по сей день.

Утром, перед работой, Герман разминался в гостиной. Я на цыпочках сбегала по ступенькам, и мы делали друг другу: тсс! – чтобы никто нас не услышал. Я научилась выкручиваться, лгать, чтобы только быть с ним.

Днем родителей и Карми не было дома. Как-то Герман вышел из ванной, я стояла у двери, и он поцеловал меня в губы. Я чуть не потеряла сознание. Бросилась наверх к зеркалу – посмотреть, как я выгляжу, вдруг родители что-нибудь заметят. Однажды мама нашла записку, которую я спрятала под ковриком в прихожей, и был скандал. Я дала слово не встречаться с Германом, хотя бы на время.

3. Как я научилась выкручиваться. Как-то раз мы занимались с учителем в доме у Рут. Я не могла сосредоточиться и ждала конца урока. Когда я вышла на улицу, то увидела Германа, он шел навстречу, по пассажи. Конец всем моим обещаниям. Помню коричневые кафельные плитки на стене пассажи. В 1995 году я была в Простееве, зашла в пассаж, увидела кафельные плитки, и душа обмерла.

Однажды я отпросилась у бабушки с дедушкой, наврала, что иду к Рут заниматься, а сама уехала с Германом в Плюмов. Домработница Мари пообещала в случае чего меня выгнать. Иногда Герман навещал своих друзей, Отика или Давида, и я увязывалась с ним. Мы уходили далеко, как можно дальше, но в пределах отмеренного нам, евреям, пространства. Я не хотела, чтобы кто-то знал про нашу любовь. Даже от Рут скрывала.

Как-то раз Герман ждал меня около дома маминой двоюродной сестры Личи, где я занималась английским. Личи решила, что я пришла на «конверсейшен» и что мы вместе пойдем гулять. Сославшись на обилие уроков, я отказалась остаться на ужин. И тут она увидела в окно Германа! Личи поняла, что все это неспроста, и сообщила родителям. Те устроили мне скандал, я рыдала до изнеможения.

Жизнь моя была заполнена; учеба на дому в группе из 5 – 6 человек была интенсивной, нам много задавали. Герман не успел получить диплом; без пяти минут инженер помогал мне с алгеброй и геометрией. Мы на полном серьезе говорили о женитьбе, мне нужно было лишь немного подрасти. наших будущих детей мы называли «циглички»¹, чтобы никто не понял. Один раз мы запланировали прогулку; дома я сказала, что иду к зубному врачу доктору Леви, а после врача к Рут, заниматься. Рут я сказала, что иду к зубному врачу. К врачу я пошла. После врача мы с Германом отправились в долгую прогулку, туда – по Урчитской улице, обратно – по Брненской. И тут нас настиг сильный дождь. Я видела, как струится вода по лицу Германа, это было такое счастье – просто быть вместе. Мы шли, держась за руки, и тут нас засек приятель Хермины, прислуги в доме Рут. Он настучал на нас Рут и ее отцу, почтенному господину Вайсу, – и снова пришлось изворачиваться.

1. Кирпичики (чешск.).

4. Невинные игры. Я вспомнила еще одну вещь, которую сначала постеснялась написать, она показалась мне уж очень интимной. Это было летом 1942 года, незадолго до Терезина. В то время немцы закрыли игровую площадку «Маккаби», детям некуда было деваться, негде играть и негде встречаться. К дому на Садки, 9 примыкал большой сад в форме буквы «L». Одна его часть была видна из дома и со двора, а другая нет. В один прекрасный день к нам пришли Эва Мейтнерова и Зузка Грюнхутова, обе на два года младше меня, их пригласила госпожа Вольф, чтобы они поиграли на свежем воздухе с ее племянницей Эвой. Мы все играли в прятки, Герман тоже был в саду. Я спряталась за рябину. Он подошел ко мне, и я вовлекла его в другую игру, которую сама придумала. Мы ели с ним вместе ягоды рябины, одну – он, другую – я, и так до последней, ее мы ели вместе. Попробуй съесть с кем-нибудь вместе ягоду... К счастью, рябины было много.

5. Праздники и зимние вечера. В Рош Хашана и в Йом Кипур мы ходили в старую синагогу. Новую большую синагогу заняли немцы. Я пыталась читать еврейские молитвы (без всякого понятия), читать приходилось быстро, чтобы успевать за раввином и общиной. Новый год мы справляли вместе. Повесили в гостиной большой рисунок с изображением черного кота, каждая семья приготовила угощение. Я впервые ела соленый горох с перцем, традиционную еду судетских чехов. Настала зима, а с нею – темные, холодные вечера. Все жители дома собирались в гостиной за большим овальным столом, мы перевезли его с Садки, 4. Родители позволяли мне сидеть со взрослыми, но в 8.30 или в 9 я должна была идти спать. Отец открывал большой атлас и сообщал нам о нынешней политической ситуации, – звучали названия далеких городов: Харьков, Тобрук. Потом все играли в карты, в «черную кошку». Мы с Германом часто сидели рядом, шептались или писали друг другу записки, надеясь, что никто этого не замечает. Иногда один из нас отправлялся в уборную, к которой вела деревянная лестница, и там мы встречались и тихо разговаривали.

6. Жаровцы. По приказу нацистов мы должны были сдать все драгоценности, серебро, золото, меха, радио и – велосипеды! Весной 1942 года евреев Простеева, молодежь и мужчин, отправили в Жаровцы в рабочие лагеря. Отправили отца и Германа. По Герману я тосковала, по отцу – нет. В субботу после обеда отец возвращался обгоревший, грязный, с мешком грязного белья.

Я тайком посылала Герману в Жаровцы письма, ответные письма передавала мне его мама. Мы гуляли с моей Рут там, где разрешено (запрещено, например, было ходить по тротуару), строили планы на будущее – что будем делать, когда вырастем, какие у нас будут семьи...

О Германе – ни слова. Возле рельсов (до них можно было дойти) я нашла четырехлистник и послала его Герману в письме. Меня переполняла любовь, и я от всего сердца желала Герману счастья.

По субботам с двенадцати дня я стояла у двери с колотящимся сердцем, ждала, когда раздается звонок – Герман должен вернуться из Жаровиц, и я хочу сама открыть ему дверь. Вспоминаю прекрасный весенний вечер, в тоске по Герману я выхожу в темный сад, небо полно звезд, старая груша сладко пахнет, я прижимаюсь к ней, смотрю на почти полную луну и думаю, хоть бы Герман сейчас посмотрел на луну, чтобы наши мысли и чувства встретились!

7. Транспорт. Пришел июнь и с ним – отправка транспортов Aa-f, Aa-g, Aa-m, Aa-q из Оломоуца и его окрестностей, включая Простеев.

В доме варили, собирали в дорогу макароны, специи, домашнее сгущенное молоко. Как все евреи, родители обзавелись рюкзаками, сложили в них легкую алюминиевую посуду, немаркое цветное белье, пододеяльники и наволочки. Все шили сами, я научилась строчить на машинке – здорово, мне понравилось, и я нашла мешочки для сахара, макарон и крупы.

Герман с семьей были в транспорте Aa-g и покинули Простеев на четыре дня раньше нас. Я пошла с ним прощаться на вокзал. Вся семья Германа, потом мои дедушка с бабушкой, Ганзик с отцом... Отец Эвы, полуеврей, не был в списке, и он плакал, расставаясь с дочерью. Я впервые увидела, как плачет мужчина.

Я попрощалась с Германом. Помню, еле шла с вокзала. Прежде я никогда не испытывала такой боли. Но вскоре, 2 июля 1942 года, мы все вместе с госпожой Вольф оставили дом на улице Садки, 9.

(Отъезд описан в истории «Оленька».)

Оленька. Карми тогда было восемь лет. В рюкзаке, специально для нее купленном, она несла алюминиевый ночной горшок (фаянсовый не годился – тяжелый и легко бьется), одежду, а главное, любимую куклу Оленьку.

Безоблачным жарким днем мы, нагруженные сумками, стояли на пороге нашего дома. «Мама, Оленькина рука опять оторвалась!» – отчаянно закричала Карми. Мать нашла в рюкзаке иголку и нитку и не спеша пришила руку на место.

Через три долгих как вечность года мы вернулись. Мама, я, Карми и Оленька.

8. Летние каникулы на сборном пункте. В Оломоуце нас собрали в пустой школе, мы сидели, вплотную прижавшись друг к другу, с непривычки это было тяжело.

Детям было поручено чистить картошку; у меня то и дело падал нож из рук, я была сосредоточена на одном: где Герман, увижу ли я его в Терезине.

Под утро нас погнали на вокзал. Тяжелая поклажа, эсэсовцы орут. В темных переполненных вагонах мы ехали в Терезин. Меня изводила тоска по Герману. В доске вагона я обнаружила щель, а в ней – Влтаву, Прагу, детей, плавающих у берега, женщин в купальниках... Я отва-

жилая пройти к перемычке между вагонами, повдыхать свежий воздух; жандарм заметил меня, но не прогнал.

В Богушовицах я отошла от своих и пристроилась к господину Самету. (Прочти про него.) От тяжелой поклажи на его руках взбухли голубые жилы. Так я и плелась за ним до шлойски, которая была в здании бывшей пекарни.

Господин Самет. В Простееве у него был магазин с экзотическими фруктами. Зимой папа покупал там яблоки из Калифорнии, огромные, красные, словно вощеные. Однажды сионист господин Самет закупил в Тель-Авиве грейпфруты. Никто не знал, как их едят, как избавиться от горечи, — мы добавляли сахар, еще и еще, не понимая, что нужно снять кожуру с долек. В Простееве поговаривали, что господин Самет бывал в Америке.

В Терезинской памятной книге я прочла, что господин Самет с женой Фанни были отправлены в Барановичи в конце июля. Их расстреляли вместе с моей подругой Рут, ее родителями, моим двоюродным братом Густой, дядей Йозефом и Ханой Шпрингер. Они принадлежат к моей семье убитых, они живут в моей памяти и будут жить, пока жива я.

9. Шлойска и Герман. Приход или отправка транспорта происходили в полной темноте. Запрещалось включать свет и подходить к окну. Я скинула с плеч тяжелый рюкзак, села на пол и разрыдалась, к счастью, этого никто не заметил. Принесли суп. Не испытывая ни малейшего стеснения, я встала на раздачу. Помню, один старик подставил вместо миски ночной горшок. Горшок был новый, только что купленный, но все же это был горшок. В шлойске мы привыкали к Терезину. Спали в огромной комнате, набитой народом, дышали кислой вонью. В смрадной уборной нельзя было запереться. Голод, «шперре», запрет на выход. К счастью, рядом была Рут.

Герман не появлялся. Забыв всякий стыд, я стояла у дверей как постовой и высматривала кого-нибудь из Оломоуца, кого-нибудь, кто бы нашел Германа и передал ему, что я здесь и жду его. На второй или третий день Герман объявился.

Вечером мне удалось удрать из шлойски, и мы с Германом пошли к его маме в Магдебургские казармы — об этом прочтешь в письме. Я гордо отказалась от картошки, которую мне предложила госпожа Т.¹ Я пришла не из-за картошки, а из-за Германа.

У выхода из Магдебургских казарм нам показалось, что рядом никого нет, мы сели на ступеньку и стали целоваться. Нас увидела семья Б. из Простеева. Я чуть сквозь землю от стыда не провалилась.

1. Мать Германа.

10. Расселение. Всех распределили по казармам. Мужчин — в Судетские, стариков — в отдельный блок, мы с мамой и Карми попали в Q 802; там жили матери с детьми. Взрослых распределили на разные работы; иногда вместо мамы я ходила раздавать матрацы. Прекрасным летним днем пошли мы с Рут на дровяной склад под открытым небом за Дрезденскими казармами. На солнце грелись мамы с детишками, эта картина всколыхнула растущее во мне чувство материнства. Я жила двойной жизнью. Днем я выводила большую группу детей на прогулку, играла с ними в разные игры, занималась спортом, а вечером мы там же встречались с Германом. Сидели, оглушенные счастьем, на бревнах — мы снова вместе. И родители поняли наконец, что не в их силах запретить мне свидания с Германом; вечером, во время «геттошпере», мне удавалось на два часа уходить из блока.

Мы с Трудой носили уголь в Q 802, еле дотаскивали мешок до подвала. И там отмывались от грязи. В полдень у печки сидела госпожа Штейнова, варила из какого-то суррогата «кофе» и с блаженной улыбкой покуривала драгоценную сигарету.

Скоро меня направили работать в огород. Бумажку, подписанную Фреди Хиршем, я храню по сей день.

Герман болел, и родители не пускали меня к нему, боялись, что я заражусь. Я страшно по нему тосковала. Как-то вечером я пошла с девочками гулять на «Корсо» и оттуда рванула к Герману в Судетские казармы. В огромном помещении было около двухсот человек. Через пять минут я летела обратно, чтобы вместе с девочками вернуться в Q 802. Мама была довольна – наконец-то я обзавелась подругами.

В одном письме Герман написал, чтобы я пришла к нему с его мамой. В то время я работала на расфасовке овощей в огороде, и мне удалось кое-что припрятать для мамы Германа. Вместе с ней и моими дарами мы отправились в Судетские казармы.

11. Транспорт на восток. Уходили транспорты. Уехал дядя Эдмунд с семьей, Лици, Рут с родителями, дядя Йозеф и Густа. (См. рассказ «Густа».)

Густа. Двоюродный брат моей матери был всего на три года старше меня. Мы были неразлейвода. Вместе играли, гуляли, проказничали, но и вели умные беседы. Густик – большие карие глаза, густые черные кудри, чуть вздернутый нос – был толстоват, как и большинство еврейских детей, которых, как водится, перекармливали. Мать Густы умерла, когда ему исполнилось семь лет. Он остался на попечении отца. Его звали Йозеф, нам с Карми он приходился дядей. Вместе с моим прадедушкой дяде Йозефу удалось выбраться из еврейского квартала. Они купили большую дворянскую усадьбу неподалеку от замка.

Это случилось задолго до моего рождения. В подвале усадьбы располагалась кожевенная лавка, их бизнес. О, этот запах! И по сей день упоительный запах кожевенной фабрики или просто сапожной мастерской переносит меня в далекое и, наверное, самое счастливое время детства. Дедушка с бабушкой жили на первом этаже, в самой большой и самой красивой квартире, а Густа с отцом занимали второй этаж. Я любила навещать бабушку. Она ничего от меня не требовала, никогда меня не ругала, одним словом, это была чистая радость.

Летом по воскресеньям я спозаранку заявлялась в волшебный дом, и оттуда мы отправлялись в дальний поход, на поезде. Гуляли по лесу, собирали ягоды, грибы, полевые цветы. Дядя Йозеф разводил костер. Зимой, по воскресеньям, я ходила к бабушке обедать. Еда была вкусной, а бабушка очень ласковой. Потом Густа спускался к нам, и мы или играли в какую-нибудь игру, или тренькали на большом дедушкином рояле, или отправлялись кататься на санках.

В Терезине я совершенно случайно столкнулась с Густой и дядей Йозефом на улице. Великодушный Густа подарил мне конфету. Взаправдашнюю конфету, наверняка он берег ее для себя. Такие вещи в гетто не водились.

Я не знала, что вижу их в последний раз. Не знала, что они получили повестку на транспорт, все произошло молниеносно. Они покинули Терезин тем же транспортом, что и Рут, с ней я тоже не успела попрощаться.

12. Спасительная scarлатина. На наше счастье, Карми заболела scarлатиной, из-за этого нас не включили в список¹. Тетя Германа получила повестку, и его мама хотела, чтобы они отправились втроем. Не помню уж, как вышло, что мы с Германом и Давидом оказались вместе в большом дворе, или это был сад, у Верхнелабских казарм. У меня и в мыслях не было, что Герман уедет, я так рыдала, что Герман пошел к инженеру В., у которого работал; инженер пообещал, что будет держать его при себе, не внесет в списки. Сестра его матери уехала одна.

В свободное от работы время Герман мастерил полки из отходов древесины в обмен на хлеб или сахар. Как-то вечером его мама приготовила пудинг на воде, молока не было. И мы ели из одной миски одной ложкой – так было здорово! Быть в гостях у его мамы в блоке Q 209, ощущать себя членом семьи. Перед ночным «шпере»² Герман провожает меня до нашего Q 802, мы прощаемся в уголке, и я, с бьющимся сердцем, бегу домой, в надежде, что завтра снова его увижу.

Иногда мы встречались на ступеньках, за «Магдебургом». К тому периоду относится случай, который я описала в рассказе «День блаженства».

13. День блаженства. Ранняя осень 1942 года. Мы уже несколько недель в гетто. Красивый день, солнце сияет в голубом небе. Мы с Германом сегодня не работаем. С утра болтаемся в Дрезденских казармах. В длинной очереди пожилых людей, недавно прибывших из Германии, стоит очень старая женщина с повязкой «слепая». Она держит миску с несколькими кусочками заплесневелого хлеба. Скоро им нальют «кофе» – черную, горькую, но горячую жидкость – это будет ее завтрак.

Мы выходим через громадные казарменные ворота на главную улицу гетто. Я чувствую себя юной, здоровой и абсолютно счастливой. Мы держимся за руки и смеемся. Навстречу идет старый еврей из Германии. Вы брат и сестра? – спрашивает. Мы говорим – да... Нет, мы ничего не говорим, идем и хохочем. Потому что любим друг друга, счастливы, нам так весело... Подходим к «Малому бастиону». Опавшие листья уже покрыли землю, но еще видны полосы зеленой травы. Многие «парочки» вышли на прогулку – вопреки всем напастям нам дарован чудесный день.

Но блаженству приходит конец. Откуда ни возьмись появляется эсэсовец в черном мундире и блестящих сапогах. «Аус, Аус! Вон отсюда, вон!» – орет он на нас, и мы возвращаемся на переполненные улицы гетто.

Прошло так много лет, но я ничего не забыла. Иногда думаешь, зачем все это помнить? Например, у него была маленькая щербинка на лбу... Зачем это помнить? Лучше забыть. Но как забыть?!

14. Прощание. Октябрьские транспорты увозили из Терезина стариков. Герман был единственным сыном, поздним ребенком. Мать родила его в 40 лет, значит, в Терезине ей было 65, и она попала в списки. Транспорт Вх. Герман записался сопровождать маму. Ничего не поделаешь. В наш последний вечер Герман просил меня не плакать, пора было складывать вещи и идти в шлойску. Мама взяла консервы, и мы пошли прощаться с Германом и его матерью Дорой. Мы с Германом поклялись, что будем ждать друг друга, и он мне дал адрес, по которому я найду его после войны. Я до сих пор помню его наизусть: «Берлин, Вильмерсдорф, Арвейлерштрассе, 3».

1. В 1942 г. еще придерживались правила не отправлять больных и их семьи.

2. Затемнение (нем.)

«Тем, кто не едет, немедленно покинуть шлойску!» Возвращаюсь, убитая горем, сажусь в нашем углу, в Q 802 и вдруг вскакиваю, выбегаю вон, пробираюсь в первые ряды, к заградительной веревке, и как раз в этот момент около меня, прямо перед моими глазами, проходит Герман. В пальто, с рюкзаком на спине, в руке — палка, на ней висит чемодан (его изобретение), я вижу его, но он меня не видит... Письмо, написанное им уже в вагоне, перед отправкой, передал мне потом Турек Шрейбер. Я думала, что было бы, если бы я бросилась за ним, пошла бы с ним вместе, вот так, в чем была... Что было бы? Не знаю...

15. Письмо в никуда. Я слегла с высокой температурой. В тот день, когда я смогла подняться, уходил транспорт Ву. Я написала Герману письмо, заклеила его аккуратно и пошла к Зденке Блейхфердовой в шлойску. Зденка согласилась передать там письмо Герману. До этого я никогда не говорила со Зденкой. Ей был 21 год, она была из ультрарелигиозной семьи, думаю, в жизни своей она ни с одним парнем и словом не перемолвилась. В 1975 году я прочла в книге «Город за колючей проволокой», что транспорт Вх ушел в Треблинку, а Ву — в Освенцим. Выходит, мое письмо попало в Освенцим.

Письма Германа к Мауд

Переписка разрешалась только по-немецки, это касалось и внутренней почты. Все письма Германа, за исключением записки по-чешски, которую он передал мне с женщиной, которого я прозвала «Окс» («Бык»), написаны на особом немецком, на «швабахе», и поэтому сегодня мне их трудно читать. Неразборчивые слова я помечаю точками.

Не перевела я только отдельные записочки, в которых объясняется, почему он не может прийти, из-за болезни или из-за «шпере», и некоторые письма с описанием болезни, это совсем неинтересно.

1

В пекарню [шлойску]

Мауси! Вчера, к сожалению, мне не удалось прийти, поскольку я помогал на кухне, там было полно работы. Без четверти девять я прибежал к воротам, но уже было поздно. Сегодня если не приду до обеда, то в шесть приду точно. Буду, кажется, работать каменщиком, это лучше, чем тягать мешки с углем. Не знаю, как все будет складываться, было бы лучше переехать в... казарму.

Как ты? Как родители и знакомые? Что делает Давид? Уже работает? Ладно, до встречи. Множество приветов тебе и всем знакомым. Г.

2

Милая Мауси! Жаль, что вчера нам не удалось как следует поговорить, надеюсь, что скоро нам дадут у вас [в шлойске] какую-нибудь работу. Не было времени поговорить с твоим отцом и с остальными. Верю..... какое-то место работы..... что..... обо всем знаете..... Что касается тебя, я слышал, что дети..... имеют право или остаться с матерями, или переехать в дом, где живут дети до 16-ти лет. Не знаю, что лучше. Скорее всего..... у мамы. Надеюсь, ты в порядке и что вы вместе с Рут. Ружа живет с..... и приходит сюда есть..... я уже выспался и отдохнул с позавчерашней дороги... на ужин (и госпожа Вольфова)..... но еще не

видел. Моя тетя из Брно..... каждый день сюда..... может, ты как-нибудь сможешь прийти сюда... я уже привык здесь, только Польши боюсь, говорят, в этом месяце уйдет несколько транспортов. Если хочешь, пиши, пожалуйста, на вышеуказанный адрес, в случае, если я не смогу к вам прийти. За сим шлю приветы.... Приветы всем родственникам и Рут посылает Герман. Г. Т. Магдебургские казармы.

3

12.7.42

Милая Мауси! Совершенно вылетело из головы поблагодарить тебя за звезду, которую ты мне передала. Что это для меня значит, ты конечно же понимаешь. Верну тебе ее во вторник, в полседьмого. Надеюсь, нам повезет, и, как вчера, мы снова сможем выбраться к нам, но..... в том случае, если твоя мама не будет ничего иметь против. Вчера вечером я встретил твоего отца и дядю у Судет..... когда ждал Отика. Сегодня у меня несчастливый день..... сама понимаешь, как это влияет на настроение. Думаю, завтра все изменится к лучшему, во время малярных работ. В полдень я, скорее всего, не приду по известным тебе причинам, хотя очень бы хотелось. Мне еще хочется почитать, но разве здесь это можно – все кричат.... такой шум..... но нужно..... через определенные вещи..... это может довести до отчаяния. Пора кончать, спи хорошенько, и надеюсь..... До завтра. Целую руки твоей мамочке и..... Карме. Множество приветов, Г.

4

в Q 802

Рут заболела, так, пожалуйста, сегодня вечером.... Твой Г. Напиши, пожалуйста, сможешь ли ты встретиться со мной завтра после обеда. Напиши еще сегодня или завтра утром, чтобы я знал до обеда, и знал бы, да или нет. Нужно себя за это вознаградить! Целую. Г. Прошу, устрой это как-нибудь! В шлойске во сколько-то¹.

5

Милая Мауси! Большое спасибо за твое милое письмо, на будущее я буду принимать твои советы близко к сердцу². Знаю.... что из этого не выйдет ничего толкового, все это бессмысленно, но безделье опасно точно так же, как суета и спешка. Температура постепенно падает, думаю, еще пару дней, и я уже смогу тебя увидеть. Сама по себе болезнь не столь уж тяжелая, когда мы увидимся, я скажу тебе что-то очень важное. Только тебе. Сегодня мы дежурили при раздаче гуляша, дело приятное, почаше бы. Потом ты расскажешь мне поподробней обо всем, что касается Этки. Тот, кто вчера принес тебе письмо, не «Окс», а страшно невезучий человек, почти ничего не слышит и плохо видит. Надеюсь, о нас никто не догадался. Надеюсь, ничего не случилось. Отвечай как можно скорей и будь сто крат здорова. Г. Расскажу тебе кое-что о «Нем». Привет от Отто Химмельрейха³.

6

20.9.42

Милая Мауси! Как ты знаешь от своей мамы, я болею. Знать бы только, от чего все это. Если, к сожалению, я какое-то время не смогу с тобой видаться, прими от меня самые добрые пожелания к наступающим праздникам и чтобы ты приносила много радости своим роди-

1. Письмо по-чешски, которое принес «Окс». Свидание в шлойске – проводы Рут, она уехала 28.7.42. (Прим. Мауд.)

2. В то время Герман поранил руку, я написала ему, чтобы он так много не работал. Это и имеется в виду под словами «приму близко к сердцу». «Он» – так мы звали между собой моего отца, с которым у нас было много недоразумений.

3. Отто Химмельрейх (1919 – 1943).

телям. Об остальном лучше устно. Вчера я немного запоздал к обеду, так что твоих маму и «бабу» застал уже во дворе. Позже я не смог к ним подняться. После обеда у меня были твои родители, тетя Ида (Шварц), Феликс и моя мама. Был в амбулатории, получил подтверждение, что завтра не смогу выйти на работу, вчера врач сказал, что у меня сильный бронхит, дал лекарство и велел следить за собой, чтобы не дошло до воспаления легких. Я уверен, что это не такая тяжелая болезнь, но неделю я должен лежать. Жаль терять время на болезнь. Пока надеюсь получать от тебя письма с рассказами о том, что ты делаешь. Теперь ты сможешь ложиться спать в 7 часов. Еще раз всего тебе доброго, и родителям, бабушке, Карми и всем знакомым. Г.

7

Узнал от твоего отца, что и у тебя температура. Как это случилось? У тебя что-нибудь болит? Надеюсь, нет, немедленно поправляйся! Напиши, пожалуйста, как ты себя чувствуешь, будь сто крат здорова. Г.

8

Милая Мауси! Надеюсь, ты получила все мои письма, и еще несколько скоро получишь. Сегодня врач сказал, что если улучшения не будет, то через несколько дней меня положат в больницу, днем мне немного легче, а ночью не могу спать. Вчера не спал с полвторого. Если хочешь и можешь – ведь завтра ты свободна, – добеги до моей мамы в Q 209 в четыре часа дня, и с ней приходите ко мне. Отто тоже заболел, так что мне не так скучно. Есть у меня и чтение, но все равно я скучаю. Пожалуйста, приходи завтра, если только это возможно, с мамой. Множество приветов. Г.

9

Милая Мауси! Спасибо за вчерашнее письмо, которое я получил..... не мог прочесть, поскольку уже было темно, кроме того, я был страшно взволнован. Слышал, что ты постилась, – ты, сама невинность! У меня это не вышло, я тоже хотел, но врач запретил, сказал, что я обязан есть. Мне уже лучше, температура спала, уже не так тяжело дышать, и кашель легче. Хожу по комнате, а иногда и по двору, врач разрешил. Мама навещает меня дважды в день, но все равно я тоскую. Как ты? Почему ничего о себе не пишешь, почему? Мауси, жаль, что тебя не было с нами вечером, когда кончился Йом Кипур. На столе стояли зажженные свечи, мы молились и ели. Это было так хорошо! Хоть я и не религиозный и не придаю значения ритуалам, я был в восторге! Кажется, в понедельник Карми уже вернется домой, так сказал твой папа. Не сердись на нее, помогай ей. Много приветов. Г.

10

Милая Мауси! Вчера я послал тебе письмо и получил твое длинное письмо, так что сразу отвечаю. Что касается речи раввина, я тоже слышал, что она была очень хорошая, он там упоминал маленького человека, задача которого сломать «больших людей», чтобы у них кости хрустнули от его силы, потом о правителях.... о совести, вещи весьма не лишней, и про то, что сейчас надо забыть о своем эгоизме. Этот раввин был, похоже, прав, однако не исключено, что он, как и все остальные, не всегда делает то, что правильно. Люди, даже очень совестливые, способны совершать дурные поступки, и часто именно эгоизм спасает

их от омерзительного чувства к себе, вызванного собственным скверным поступком. Со стороны же такой человек может выглядеть умным и корректным. Ты еще слишком мала, чтобы понимать людей, ты веришь каждому встречному, поскольку думаешь, что каждый человек такой же порядочный, как и ты. Это ты узнаешь..... в жизни..... На сегодня хватит, продолжение следует. Множество приветов тебе, целую ручки маме и «бабе». Г.

11

Наимилейшая Мауси! Пишу тебе прямо перед отходом в шлойску, т.к. сейчас около 12 ночи. К сожалению, это последние строки в Терезине, но я твердо верю, что мы еще встретимся. Этой мысли я и держусь, она внушает мне силу и отвагу все перенести вместе с мамой. Тут были всякие несуразности, в работе или еще в чем-то, которые приходилось преодолевать, спасибо, что я постоянно видел тебя, от этого было намного легче. Часы, проведенные в кругу вашей семьи, были и останутся незабываемыми. Еще раз за все это я благодарю тебя и твоих уважаемых родителей, будь сто крат здорова, с приветом. Г.
P.S. Много приветов и целую ручки бабушке. В 10 часов мы с Давидом принесли чемоданы в шлойску, и я должен..... идти в канцелярию, в Судеты. Теперь уже окончательно и бесповоротно иду в шлойску. Уведомляю..... я в полдевятого.

12

Наимилейшая Мауси! Мы нормально добрались до вокзала в четверть второго, у нас хорошее место у окна. Потерялись три наших чемодана, мы уже в вагоне, все говорят, что мы их получим потом. Места много. Уже шесть вечера и все еще... работает. Каждый получит паштет, немного сахара, соль, 60 граммов маргарина и полкило хлеба. Приносят и воду. Когда мы шли с Устецкой..... оставили там..... и нам это принесли. Куда поедем – не знаю, думаю, в сторону Острова. Это далеко, но мои мысли будут постоянно со всеми вами. Спасибо тебе и твоей маме за помощь, надеюсь, вы будете избавлены от подобного путешествия. Много сердечных приветов тебе, твоим уважаемым родителям, бабушке и Карми. Г. Мы в третьем особом вагоне, Шомодиевы в товарном. Еще неизвестно, когда тронемся в путь, может, этой ночью. До действительно скорого свидания. Г.

Через три дня его не стало.

Так заканчивалась повесть, которую прислала мне Мауд.

Осталось найти дом, в котором Герман назначил ей свидание после войны. Со съемочной группой мы поехали в Берлин, нашли по карте район Вильмерсдорф, а в нем – улицу Арвейлерштрассе. У входа в дом № 3 было много кнопок и имен. Мауд долго их изучала, потом ткнула в какую-то кнопку, и раздался голос. Мауд не ответила. Пожав плечами, она пошла назад к машине. Всю дорогу до чешской границы она спала на заднем сиденье. Во сне у нее было такое выражение лица, что оператор невольно потянулся за камерой. И это был последний кадр фильма.

«Семейный лагерь»

«Семейный лагерь»¹ в Биркенау был создан как алиби для фашистов на случай визита представителей Красного Креста. Узники «Семейного лагеря» не были обриты наголо и не носили арестантскую одежду. Их чуть лучше кормили и разрешали писать открытки на волю, правда, по заданной схеме. Дети пели в хоре, а в 1944 году даже посещали концерты женского симфонического оркестра под управлением Альмы Розе. Ходить было недалеко: так же как и «Семейный лагерь», «филармония» помещалась прямо против крематория.

«Семейный лагерь» просуществовал с сентября 1943 до июля 1944 года. Заселение и ликвидация людей проходили в два этапа. Сентябрьский транспорт из Терезина в Биркенау (5007 человек) был уничтожен 8 марта 1944 года, на Пурим². За три дня до ликвидации, 5 марта, узникам «Семейного лагеря» было велено написать открытки и пометить их 22 марта. Спаслось 37 мальчиков, они были отобраны Менгеле для проведения опытов.

Декабрьский транспорт 1943-го и майский 1944 года прошли селекцию в июле. Из 7500 человек 1200 были отобраны на работу в трудовые лагеря. Остальных 6300 узников уничтожили в газовой камере 14 июля 1944 года.

1. «Освенцим делился на А – Аушвиц (Освенцим), и Б – Биркенау. Б2 – «Семейный лагерь». Он был рядом с цыганским, в четырех бараках, Б2а, Б2б, Б2в и Б2г. Осенью 1943 г. в бараках 20 метров длиной находилось по 1500 человек, а с декабря по март 1944 г. – по 2500. В лагере Б2б жили «старенькие» из сентябрьского транспорта, мужчины под номерами – 146 000 – 48000, а женщины – 57 000 – 59 000; в нашем транспорте мужчины были под номерами 168 000 – 171 000, а женщины – под номерами 70 000 – 73 000». Из дневника Миши Крауса, 1945., БТ.

2. О «пуримской ночи» см. ТД, с. 220 – 221.

Уборная в Биркенау. Фото, 1987. ЕМА

Иржи Франек3. «Мелодии чешские, слова немецкие»

Фреди Хирш добился того, чтобы два крайних барака были отданы детям, там были «детский сад» и «школа». Там я работал учителем. С одной стороны, мне не надо было работать физически, что, как правило, приводило к быстрому истощению и гибели, с другой стороны, Фреди добился надбавки к пайку, дети и мы питались чуть лучше, чуть гуще похлебка и чуть больше кусочек маргарина. Фреди был нашим спасением. Он был так же необходим детям, как и нам. За что ни брался — все делал превосходно, это был невероятный человек⁴.

Ко дню рождения Фреди Хирша дети поставили «Белоснежку» — мелодии чешские, слова немецкие, аккомпанемент — губная гармошка. Художница Хана Готтлиб нарисовала на стене Белоснежку и гномов. К сожалению, ничего не сохранилось.

По обе стороны барака в три ряда стояли нары, я спал со всеми, а Фреди и прочее начальство — в головной части барака.

Рано утром давали эрзац-кофе. В полдень — похлебку из турнепса, иногда с подливкой и одной-двумя картофелинами, а иногда, и это было величайшим счастьем, в подливке плавал кусочек мяса, но это случалось едва ли раз в месяц, обычно был турнепс. К вечеру — кусок хлеба с «кофе», искусственным маргарином, или искусственным медом, или искусственной колбасой. Чувство голода было постоянным.

Люди постоянно говорили о еде: «Знаете, больше всего я любил кушать цыпленка, я его готовил...» Одни говорили о том, как приготовить цыпленка, другие об истории музыки. Помню, мы передавали по цепочке кирпичи, я читал лекцию о чешской литературе⁵, а Странский⁶ о достижениях в мировой музыке. Он знал о музыке всё. Он погиб.

Девочки и мальчики жили в разных бараках. Учить детей было строго запрещено. В моей группе было пятнадцать мальчиков. У детей была огромная жажда знаний, они так внимательно меня слушали... Но был у меня хотя и очень умный, но непослушный мальчик по фамилии Альстер, он погиб. Из тех детей не выжил ни один.

После завтрака мы принимались за учебу. Когда я приходил, дети уже сидели за столом на лавках. Сидеть на лавках само по себе было чудо. Выходить из барака не разрешалось, лишь в редчайшие моменты и на несколько минут. Была жуткая погода — вечная зима и мороз, это был кошмар. Смотреть на детей было чрезвычайно грустно... Здесь было не так, как в Терезине, где кто-то решал наверху. Смерть была уделом всех.

В Терезине дети со временем утратили чувство опасности, что могли воровали, что могли прятали. В Освенциме дети боялись. Они жили под постоянной страшной завесой густого дыма, смерть стала для них реальностью, и они говорили о ней как бы между прочим: «Кто-то вылетел в трубу». Все знали, что это означает.

Мы старались быть «нормальными» и учить нормально. То есть дать детям всестороннее образование. Я преподавал чешский язык (там были только чешские дети), а также историю, географию, математику на уровне седьмого класса общеобразовательной школы. Час математики, час чешского языка...

Учебным пособием нам служила память.

Такая школа... Мы, учителя, обменивались мнениями, обсуждали, кто, что и как рассказывал детям, и, если в том была необходимость, делали дополнения.

Да и сам я там существенно пополнил свои знания по литературе, особенно когда мы собирали для детей антологию чешской поэзии. Я помнил массу стихов наизусть — чуть ли не все-

3. Иржи Франек (Фришман), 1922 г.р., был депортирован из Т. в О. 15.12.1943.

4. «Фреди я знал по Хагибору, выглядел он как стопроцентный ариец. В Т. я встретился с ним в шлойске, в Дрезденских казармах, он там был с детьми, и было видно, насколько здорово он с ними управляется. Второй раз я видел его на футбольном матче. Он был классным игроком. Из-за чего-то он поспорил с эсэсовцем, и тот велел отдать мяч. Фреди отдал, при этом что-то сказав по-немецки. Немец отошел, постоял и вернул мяч. Он никого не боялся, вел себя героически». Из рассказа З.Орнеста. Прага, 1988.

5. «Мы учили друг друга, это и было нашей связью с иной реальностью, той, что «поверх войны». Своеобразный механизм выживания — скажи мне, что ты знаешь, и я тебе скажу, что знаю я. Так создается духовный, интеллектуальный климат, в котором будущее — реально. В Кауферинге было довольно мало чехов и австрийцев, там были венгры — мало кто из наших смог зимой дойти до Кауферинга. Когда-то отец так здорово учил меня географии и истории, от страшной тоски по нему я читал по этим предметам лекции. Другой заключенный, который прежде работал на стекольном заводе, рассказывал, как делается стекло, я помню это по сей день. Имя его я забыл, а вот как делается стекло — помню. Из-за голода было крайне трудно концентрировать внимание. Моего внимания хватало где-то на полчаса. Я честно предупреждал: через полчаса я начну нести вздор, так что остановите меня. В Кауферинге было такое расписание: 12 часов тяжелого физического труда, час пешком туда, час обратно, затем — апель, те, кто смог продержаться на ногах, получали после апелья суп и отправлялись в бараки. Смертельная усталость, и при этом мы еще что-то соображали». Из интервью с Фредом Терной, Нью-Йорк, 1998.

6. Франтишек Странский (1916 — 1944).

го Маху, отдельные стихи Врхлицкого, Бжезины, Волкера и Незвала. Мы диктовали их друг другу. Книгу делали из упаковочной бумаги, собирали, где только можно, пакетики, свертки, белые или какие угодно. Сумели даже сделать ножницы, что было совершеннейшим чудом. Чудом была и доска для занятий, которую мы сделали из картона и даже покрасили.

Чернила было невозможно достать. Они были только у лагерной администрации. Но нашелся умный еврей, который не знаю уж из чего, но сделал мне чернила. Чернила — это, конечно, громко сказано, но тем, что он мне дал, можно было писать. И мы писали!

В антологию входило 50 стихотворений, двадцать или тридцать я помнил наизусть, остальные помнили другие. Это было огромное дело — по нашей книге дети изучали чешскую литературу, правописание и даже природоведение! Я пополнял антологию до тех пор, пока лагерь не ликвидировали».

1. Не тот ли это безымянный автор лагерных чернил, о котором вспоминает Ф. Терна: «Как-то у меня кончились чернила. Мне посоветовали обратиться к переписчику Торы, софер стам, якобы он сможет мне помочь. И верно. «Я тебе сделаю чернила», — сказал он, и с этими словами мы отправились на кухню, где была большая плита. Мы поскребли по дну огромного чана, затем переписчик добавил в сажу какие-то ингредиенты — так у меня появилась маленькая бутылочка с чернилами. «Не вздумай этими чернилами переписывать Тору, — сказал переписчик, — это не кошер». Из интервью с Ф.Терной. Нью-Йорк, 1998.

Иржи Франек, профессор Карлова университета в Праге, 1996. ЕМА.

Дов Кулка, профессор Еврейского университета, 2004. ЕМА.

Отто Дов Кулка2. «И мы перешли к Шекспиру...»

Давным-давно, еще в Москве, я перевела отрывок статьи про детский хор в Биркенау и не записала ее выходных данных. Как ее теперь найти? Я решила позвонить профессору Кулке, который ребенком был в «Семейном лагере». Дозвонилась с первого раза. Начала издавка. Сказала, что хорошо помню его отца Эриха, у меня остались кое-какие его бумаги. Он сказал, что очень занят, но хотел бы присоединить оставшиеся от отца бумаги к библиографии, и назначил встречу в университете.

2. Отто Дов Кулка, специалист по истории германского нацизма, сын Эриха Кулки (1911 – 1995), автора знаменитой книги об Освенциме «Фабрика смерти» (1946, вместе с О. Краусом).

Дов Кулка похож на многих известных мне чешских евреев, и в то же время – это типичный профессор, который сосредоточен на своих мыслях и потому производит массу ненужных движений: отставит стул, приставит стул, поставит чашку, включит чайник, выключит чайник... В конце концов он сел за компьютер, а мы с Сережей примостились рядом. Содержимое канцелярских папок, которыми был забит кабинет, стараниями ассистентов превратилось в обширную базу данных. За первый том документальной истории евреев в период национал-социализма профессор был удостоен премии Бухмана. Второй том будет снабжен диском – вся информация в книгу не умещается. Профессор начал рассказывать о базе данных, но тут же отвлекся на российские архивы, где, после стольких лет, ему удалось добыть уникальные документы. При этом он кликал на разные кнопки, и перед нашими глазами проплывали отчеты о «хрустальной ночи», переправленные и перемаранные нацистами разных рангов и ведомств, рапорты из Дахау и прочие материалы. Двенадцать тысяч отсканированных свидетельств, представляющих непреходящую ценность для истории, находились в этой базе, так что ее периодически заклинивало, и профессор раздражался. В конце концов он ткнул не в ту кнопку, и компьютер завис окончательно. «Я должен написать себе записку», – сказал Кулка. «Позвонить технику», – написал он на маленьком желтом листочке, который тотчас же куда-то задевался. «Извините», – сказал Кулка и набрал номер телефона. Слушая техника, профессор кивал, морщины на его лице разглаживались. Закончив беседу, он, чтобы больше не расстраиваться, отвернулся от экрана – и увидел нас. «Рассказывайте».

Мы что-то рассказали. Наконец я вспомнила, зачем пришла, и спросила его, не писал ли он воспоминаний о «Семейном лагере»; меня интересует одна вещь...

Профессор посмотрел на меня внимательно. Я заметила, что у него зеленые глаза, как у отца. «Семейный лагерь, да-да. Я провел там год, с десяти до одиннадцати. Об этом я сам себе рассказывал. На магнитофон. Ландшафты Освенцима... Красота летнего неба... Нет, об этом я написать не успею. Слишком много надо успеть. Я болен. Довести бы второй том до конца...»

За то время, что мы говорили с профессором о чешско-немецко-еврейском «мешулаше» (так называется на иврите треугольник) и специфическом юморе, возникшем в Чехии при смешении этих народов, – на эту тему я к вам отправлю мою бывшую студентку Эстер, – так, пункт один ясен – о насущной необходимости опубликовать источник – журнал «Пятничный шалом», юмористический, коллаж, цветной, настоящий сплав еврейской, немецкой и чешской традиций, никогда не был опубликован, записываю, – оригинал в Яд Вашем – я не специалист в этой области, но мой отец собрал много документов... – за это время я успела его так полюбить, что невольная мысль о том, что его вдруг может не стать... Пора оставить профессора в покое. Но все же я снова спросила про «Ландшафты Освенцима». Профессор кликнул мышкой на принт и выдал нам несколько страниц на иврите и английском.

Дома я принялась за чтение. Это была лекция профессора на вручении премии Бухмана. Но при чем тут «Ландшафты Освенцима»? На пятой странице все прояснилось. И то, зачем я звонила Дову Кулке, и то, чем нам завершить эту книгу.

«...В нашем детском бараке был хоровик. Звали его, как я помню, Имре. Крупный мужчина. Настоящий великан. Он организовал детский хор, и мы репетировали. Я не помню, участвовал ли наш хор в выступлениях, во всяком случае, в опере мы не пели³, это было нечто дру-

3. Имеется в виду музыкальная постановка с детьми «Белоснежка».

гое. Репетиции почти всегда проходили в одном из больших длинных залов – я имею в виду большие длинные бараки, где был общий нужник для заключенных. Вдоль барака длиной 50 метров шла труба с проделанными в ней отверстиями – блестящее немецкое изобретение; с ним я столкнулся после войны в Восточном Берлине, в общественной уборной на станции Фридрихштрассе. В ту же секунду это зрелище вернуло меня в освенцимский барак. Но это к делу не относится.

В бараке была исключительная акустика, – естественно, когда там не было заключенных. Утром или вечером, после работы, в нужник набивались тысячи, но днем он пустовал. Именно там мы и репетировали в последние месяцы осени (мы прибыли в сентябре) и зимой 1943 года. Я хорошо запомнил музыку этой вещи и ее слова. О радости и братстве. Слова не произвели на меня особого впечатления, и я уверен, что забыл бы все это начисто, не случись истории, которая вызвала в памяти и наш хор, и мелодию, и слова. Примерно полгода спустя, когда «Семейного лагеря» уже не существовало и большинство его обитателей были либо кремированы, либо отданы в рабство рейху, нас, несколько десятков уцелевших детей, перевели в большой лагерь для взрослых рабов. Там мне в руки каким-то образом попала губная гармошка. Я научился играть на ней, и играл все, что приходило в голову, в том числе и мелодию, которую мы пели в детском хоре. Звучало это примерно так: (поется мелодия)...

И вот в одну из редкостных минут покоя в лагере я играю эту мелодию, и ко мне подходит молодой еврей-заключенный из Берлина (в то время мне было одиннадцать лет) и говорит: «Ты хоть знаешь, что играешь?» А я ему: «Видишь ли, мы пели это в лагере, которого больше нет». И он объяснил мне, что я играл, и что мы пели, и каково значение слов. Я думаю, он даже пытался объяснить мне весь жуткий абсурд и нелепость того, что песня, прославлявшая счастье и братство людей, шиллеровская «Ода к радости» из бетховенской Девятой симфонии, исполнялась напротив освенцимских крематориев, в нескольких сотнях метрах от того места, где происходили казни и величайшее сожжение, когда-либо испытанное тем самым человечеством, о котором мы пели; это происходило и в тот момент, когда мы разговаривали с этим мужчиной, и вообще все время, что мы там находились.

На самом-то деле тогда я уже знал про Бетховена, я не знал про него в то время, когда мы пели. В промежутке между нашим пением и открытием происхождения мелодии я попал в больницу с дифтеритом, а надо мной на нарах лежал молодой двадцатилетний заключенный. Звали его Герберт. Мне кажется, он себя плохо чувствовал, но если он и хорошо себя чувствовал, он все равно закончил свою жизнь там, где и был – в Освенциме. Одним из наших развлечений, то есть, скорее, Герберта, было объяснять или передавать мне что-то из того богатства культуры, которым он владел, – он словно бы делился со мной частью своего наследства. Первое, что я получил от него, была книга; у него была одна-единственная книга, и я ее прочел. Начиналась она с описания старой женщины и молодого человека, который оглушает ее топором, убивает и потом мучается. «Преступление и наказание» Достоевского. Это великое произведение литературы Герберт взял с собой в Освенцим, и это была первая книга, которую я прочел после того, как в возрасте девяти лет был отлучен от нашей семейной библиотеки в Чехословакии. Достоевским дело не кончилось. Мы перешли к Шекспиру, Бетховену и Моцарту – он настойчиво впихивал в меня классику европейской культуры, и я усвоил немало.

Шиллер и Бетховен были опознаны. И тут я стал размышлять, и размышляю по сей день вот

над чем: какими мотивами руководствовался дирижер? Тот самый Имре – как сейчас вижу его перед собой: крупная неуклюжая фигура в сине-серой одежде зэка, в больших деревянных тупляках, с загребущими руками дирижера, обращенными к хору, руками, собирающими нас воедино и затем ослабляющими хватку, – а мы поем как ангелочки, и под аккомпанемент нашего хора процессию людей в черном заглатывает крематорий.

Вопрос, который я задавал и продолжаю задавать себе сегодня, – что за цель была у Имре (я имею в виду не организацию детского хора, в конце концов всем понятно, что целью тамошнего центра образования было хоть чем-то нас занять, как-то сберечь наш разум), о чем он думал, каково было его намерение, почему он решил исполнять напротив крематория, на том месте, где будущее было единственной субстанцией, о которой можно было сказать наверняка, что она не существует, именно этот текст, являющийся универсальным манифестом для любого, кто верит в человеческое достоинство, в гуманистические ценности, в будущее? Было ли это чем-то вроде демонстрации протеста, возможно абсурдной, лишенной здравого смысла, или это была попытка не сдаться и не потерять если не веру, то хотя бы преданность тем ценностям, которые в конечном итоге только этот пылающий огонь и способен уничтожить, огонь, но не кошмар, который ему предшествовал, – то есть доколе человек дышит, он свободен, что-то в этом духе?

Это первая и весьма утешительная версия. Есть и другая, куда менее приятная, но и она приходит на ум. Не буду говорить, в каком случае я предпочитаю первую и когда склонен принять вторую. А что, если это был акт крайнего сарказма, сарказма саморазвлечения человека, которому повинуются наивные существа и потому он питает их наивными ценностями, высокими и замечательными, при этом прекрасно понимая, что они не имеют ни смысла, ни значения. Иными словами – исполнение этой мелодии было чем-то вроде демонической забавы, сопровождающей тихое горение пламени, в котором день за днем сжигались процессии, поглощаемые ненасытными крематориями.

Вторая версия мне кажется более логичной. Первая – более соблазнительной. Хотелось бы в нее верить. Может быть, я верю в нее, может, она повлияла и на то, кем я стал, чем занят и во что верю. Но часто мне кажется, что я лишь купил некую иллюзию и торгую ею как могу. Потому что этот запредельный сарказм может стать мерилom и в менее экстремальных ситуациях в будущем, в котором вещи не будут уже происходить в соответствии с ничем не подкрепленной верой в Бетховена и Шиллера. Ведь Бетховен и Шиллер уже были исполнены напротив освенцимского крематория. Это, конечно, часть моей личной мифологии.

Я часто возвращаюсь к этой мысли. Она занимает меня и как историка, хотя я никогда не говорил об этом эпизоде напрямую. Но когда мне приходится объяснять закономерность социальных процессов, культурные или нравственные ценности в период после прихода нацизма к власти, технику процесса преследования, приведшего к крематориям, то тут мне хочется, скорее всего неосознанно, выбрать веру, беспомощную и все-таки единственно возможную, хотя я думаю и говорю, что иллюзия в этой ситуации куда более привлекательна, чем сарказм или циническая самозабава человека, который мог таким образом развлекаться перед лицом массового уничтожения. Эта версия была более, я бы не сказал более реалистической, но более аутентичной.

Вопрос остается для меня открытым, как огромные руки Имре, которые распахнулись и застыли в этой позиции. Но с какой стороны ни смотреть, справа или слева, это и есть моя родословная, мое противостояние одновременно и прошлому, и настоящему¹.

1. Из речи О.Д. Кулки «Некоторые заметки при получении премии Бухмана», Яд Вашем, 9.12.1998.

Справочный отдел

Хроника Терезина

Вокзал «Богусовице». Кадр из нацистского пропагандистского фильма. 1944

1930

По данным переписи населения в Терезине (далее Т.) проживает 7181 человек, из них 3750 военнослужащих, остальные гражданские лица. В Т. расположено 11 казарм и 219 домов.

1939

15.3. В 6 утра Т. взят немецкой армией, следовавшей в Прагу.

1940

14.6. Малая крепость Т. превращена в подведомственную тюрьму пражского гестапо.

1941

10.10. На пражском совещании по решению «еврейского вопроса» в Протекторате Р. Гейдрихом, К. Франком и А. Эйхманом принято решение создать в Т. еврейское гетто.

Ноябрь. Зигфрид Зайдл, гауптштурмфюрер СС, назначен комендантом Т. 24.11. Первый транспорт в Т. (строительная бригада АК I), 342 человека.

30.11. Начало массовой депортации в Т. семей из Протектората – 1000 человек из Праги¹.

4.12. Транспорт в Т. Вторая строительная бригада (АК II), 1000 человек. Штаб гетто, 33 человека во главе с Я. Эдельштейном, в их числе и Э. Редлих. Создание Совета старейшин.

Я. Эдельштейн назначен главой Совета, а его заместителем инженер О. Цукер. В Т. – 4365 з/к.

6.12. Указ о разделении семей. Женщинам разрешено иметь при себе детей до 12 лет. Организация еврейской полицейской службы «геттовахе».

31.12. В Т. 7365 з/к, 11 умерло.

1. Депортация пражских евреев в лодзинское гетто началась раньше. В октябре 1941 г. туда пятью транспор- тами было отправлено 5000 человек, 276 пережили войну. 3.11.1941 из Брно в Минск было отправлено 1000 человек, 13 пережили войну.

1942

- 9.1. Первый транспорт из Т. в Ригу, 1000 человек, 102 выжило.
- 10.1. Первая экзекуция. Казнено 9 з/к за передачу писем на волю.
- 20.1. Ванзейская конференция. На совещании нацистской верхушки в Берлине-Ванзее принято решение об «окончательном решении еврейского вопроса». Определена роль Т.
- 16.2. Указ Гейдриха о превращении Т. в закрытое еврейское поселение под контролем СС.
- 26.2. Казнено 7 з/к по обвинению в передаче писем на волю.
- 11.3. Транспорт из Т. в Избицу, Майданек, 1001 человек, 7 выжило.
- 31.3. В Т. 1327 детей до 15 лет.
- 1.4. – 25.5: Транспорты: в Пяски, Рейовец, Собибор, Варшаву, Майданек, Люблин, Избицу, Замощь, Оссову. Всего 10 000 человек, 44 выжило.
- 18.5. Установлен дневной рацион хлеба: «S» (тяжелый физический труд) – 500 г, «N» (обычная работа) – 375 г, «K» (больные) – 333 г.
- 1.6. В Т. 14 300 з/к.
- 2.6. Первый транспорт евреев из Германии в Т.
- 10.6. 30 з/к направлены в Лидице копать могилы для захоронения расстрелянных там мужчин (месть за убийство Р. Гейдриха). Из Праги отправлен штрафной транспорт, 1000 человек; он проследовал прямо в Уяздов, Майданек, 1 выжил.
- 12.6. Транспорт из Т. в Травники, Майданек, 1000 человек, никто не выжил.
- 13.6. Транспорт из Т. в Майданек, 1000 человек, судьба его неизвестна.
- 21.6. Первый транспорт австрийских евреев в Т.
- 27.6. Все местные жители выселены из Т.
- 1.7. В Т. 21 269 з/к, из них 1408 детей до 15 лет, плотность населения 321 000 на 1 кв. км.
- 3.7. Отменены прежние названия улиц, введены обозначения: L 1, L 2, L 3 и т.д. (продольные) и Q 1, Q 2, Q 3 и т.д. (поперечные); зданиям даны порядковые номера, например: L 302, Q 510 и т.д.
- Июль, 1942. Основание детдомов L 417, L 410 и др.
- 6.7. «Открытие гетто», разрешено выходить из помещений без пропуска (до 20.00) и проведывать семьи.
- 14.7, 28.7: Транспорты в Тростинец, Барановичи, Минск, 2000 человек, 2 выжило.
- Июль, 1942: 25 111 з/к прибыло в Т. с 58 транспортами.
- 1.8. 43 303 человек в Т.
- 4.8, 20.8, 25.8: Транспорты в Ригу, Тростинец, Минск, 3000 человек, 3 выжило.
- 24.8. Начато строительство железнодорожной ветки Богушовицы – Терезин.
- 31.8. 51 552 з/к в Т.
- Август, 1942: 13 469 з/к прибыли в Т. 36 транспортами, 6000 человек размещено на чердаках. На человека приходится 1,6 кв. м.
- 1.9. Транспорт из Т. в Раасико (Эстония), 1000 человек, 45 женщин выжило.
- 7.9. Начинает работать крематорий, тела умерших теперь не предают земле, а сжигают.
- 8.9. В Т. прибыло 1995 человек (4 транспорта). Транспорт из Т. в Тростинец, 1000 человек, 4 выжило.
- 16.9. Разрешена почтовая связь и получение посылок (ограничения оговорены).
- 18.9. 58 491 з/к в Т. Наибольшая плотность населения за все время существования Т., а также наивысшая смертность, 156 человек в день.

19.9 – 29.9: Транспорты из Т. в Треблинку, Минск, 11 004 человека, один выжил (выскочил в Дрездене из вагона).

30.9. 53 264 з/к в Т., из них 2762 ребенка до 15 лет.

Сентябрь, 1942: 18 467 з/к прибыли в Т. 38 транспортами. Из 13 004 человек, депортированных на восток, выжило 50, 3941 человек умер в Т., из них 1938 от энтерита.

Ежедневно 106 смертей. 30 000 человек – старики и больные, из них 4000 калек, включая 1000 слепых. За месяц – 206 165 обращений в амбулаторию, 161 случай скарлатины, работают 454 изолятора на 5109 кроватей и 4530 коек. В больницах Т. работают 363 врача. 5626 человек живут на чердаках.

Из Берлина поступило сообщение о подготовке к съемкам документального фильма о Т. по заказу Гимmlера, «для специального пользования».

5.10 – 22.10: Транспорты в Треблинку, 8000 человек, 2 выжило (участники августовского восстания 1943 г. в Треблинке).

26.10. Первый транспорт из Т. в Освенцим-Биркенау (далее О.-Б.), 1866 человек, 28 выживших. Отныне почти все транспорты будут отправляться в О.-Б.

Октябрь, 1942: 3096 смертей, до 127 человек в день. 6034 человека живут на чердаках. Группа эсэсовцев под начальством оберштурмбанфюрера Отто приступает к съемкам (первого) пропагандистского фильма, съемки завершаются в середине ноября.

1.11. 45 312 з/к в Т., из них 5457 живут на чердаках.

24.11. 26 000 человек проживают в домах и подсобных помещениях, 22 800 – в казармах.

Ноябрь, 1942: на 53 000 человек в Т. – 988 уборных, т.е. одна уборная на 48 человек. На чердаках, где живут тысячи человек, уборных нет.

6.12. 3541 ребенок от 3 до 18 лет, из них 2000 в детских домах.

8.12. Открыто кафе на площади. Играет оркестр. Меню: эрзац-кофе и чай. Вход по спецприглашениям, время нахождения в кафе – не более 2 часов.

31.12. 49 397 з/к в Т. В Т. – 3495 детей до 15 лет. 24 500 человек из Протектората, 17 000 человек из Германии. 700 человек из Австрии. 33% населения – старше 65 лет. 20 012 мужчин, 29 385 женщин, средний возраст 51,3 года.

1942 год, итоги:

В Т. доставлено ок. 101 611 человек, на восток депортировано 43 871 человек, 15 891 смертный случай в лагере.

1943

1.1. В Т. проживают 1374 человека старше 80 лет, 320 – старше 85. Плотность населения 128 000 на кв. км. 30 493 человека спят на нарах, т.е. 60 из 100 человек.

20.1 – 29.1: Транспорты из Т. в О.-Б., 6000 человек, 67 выжило.

23.1. Транспорт из Т. в О.-Б., 2000 человек, 3 выжило.

26.1. Транспорт из Т. в О.-Б., 1000 человек, 39 выжило.

29.1. Транспорт из Т. в О.-Б., 1000 человек, 23 выжило.

31.1. Назначен новый староста – д-р П. Эпштейн. Я. Эдельштейн остается заместителем.

31.1. Из 44 672 з/к – 20 534 работают.

1.2. Пик эпидемии брюшного тифа – 414 случаев.

Транспорт из Т. в О.-Б., 1001 человек, 29 выживших.

2.2. Депортация из Т. приостановлена на семь месяцев. Общее число з/к в Т. – 44 672 человека.
16.2. 43 683 з/к в Т., из них 13 672 больны.
18.3. Закончено строительство окружной дороги и возведение дополнительной ограды вокруг территории гетто.
31.3. 43 692 человека в Т., из них 3445 детей до 15 лет.
9.4. Коллективное наказание за побеги из гетто. Запрещено выходить на улицу, включать свет и проводить культурные мероприятия. Через месяц отменено.
21.4. Создан Банк еврейского самоуправления, выпущено 53 миллиона геттовских крон.
22.4. Первый транспорт в Т. из Голландии.
1.5. Название «гетто Терезин» заменено на «еврейское поселение».
24.5. Введено ограничение на переписку. Разрешается раз в три месяца посылать одну почтовую открытку в тридцать слов на немецком языке.
27.5. Создана судебная комиссия по делам несовершеннолетних (в 1942 году суд разбирал только преступления совершеннолетних).
Май, 1943: визит представителей органов немецкой печати. Организация «К-производства» по сборке и упаковке стартеров в ящики. Работу по заказу вермахта осуществляли 1000 з/к.
1.6. В Т. 43 806 з/к, из них 3168 детей до 14 лет. Закончено строительство ж.-д. ветки Богушовицы–Терезин (2,8 км).
28.6. Посещение Т. представителями немецкого Красного Креста, канцелярии Гитлера, министерства иностранных и внутренних дел рейха; Эйхман проводит инструктаж.
30.6. 44 621 з/к в Т., из них 3650 детей до 15 лет.
7.7. Назначен новый комендант лагеря оберштурмфюрер СС Антон Бургер. Издан указ о прерывании беременности до 6 месяцев. (Отменен в октябре 1944 г.)
8.8. В Т. 46 127 человек, из них 5132 лежащих больных.
24.8. Транспорт из Белостока в Т., 1260 детей.
Август, 1943: отделом досуга было организовано 37 вечеров самодеятельности (10 900 зрителей), 24 лекции (1380 слушателей), 13 крупных культурных мероприятий, спектаклей и концертов (8050 зрителей), в них приняло участие 20 330 человек.
6.9. С этого дня все транспорты из Т. выдаются за «рабочие». Два транспорта, 5007 человек, отправлены в О.-Б. (т.н. «Семейный лагерь»), из них 327 детей до 15 лет, 4514 человек в возрасте от 16 до 65 лет, 166 человек старше 65. Выжило 37 человек.
30.9. В результате депортации и смертей в Т. осталось 40 447 человек, из них 3538 детей до 15 лет.
5.10. Транспорт из Т. в О.-Б., 1260 белостокских детей и 53 терезинских воспитателя, никто не выжил. Транспорт из Дании в Т.
9.11. Я. Эдельштейн арестован и отправлен в О.-Б., где впоследствии убит.
11.11. Подсчет 30 000 з/к в Богушовской котловине.
19.11. Завершены работы «К-производства».
15, 18.12. 5007 з/к отправлено в «Семейный лагерь» О.-Б., 728 выжило.
31.12. В Т. находится 34 655 з/к: 15 000 из Протектората, 13 000 из Германии, 5500 из Австрии, 250 из Голландии, 460 из Дании; 41% мужчин, 59% женщин, 3031 ребенок до 15 лет.

1943 год, итоги:

16 390 з/к прибыло в Т., 18 328 депортировано в О.-Б., 12 696 человек умерло в Т.

1944

Февраль: начало «кампании приукрашивания» перед визитом МКК. К лету Т. должен выглядеть как нормальный город.

2.3. Рабочая бригада «Зоссен» в составе 200 человек покинула Т., вся бригада выжила.

8.3. В газовых камерах О.-Б. уничтожено 3792 з/к из «Семейного лагеря», прибывшего из Т.

6.9.1942. Назначен новый комендант лагеря, оберштурмфюрер СС Карл Рам.

20.3. 45 душевнобольных отправлено в концлагерь Берген-Бельзен, никто не выжил.

31.3. 36 286 з/к в Т., из них 14 774 мужчины, 21 512 женщин и 3266 детей до 15 лет.

15.5 – 18.5: Транспорты в О.-Б., 7503 человека, из них 511 детей до 14 лет, 401 выжил.

22.5. 28 090 з/к в Т. 12 106 мужчин, 15 984 женщины, средний возраст з/к 45,4 года.

18.6. В преддверии комиссии МКК увеличен хлебный рацион – 470 г для работающих, 350 г для неработающих.

20.6. Я.Эдельштейн расстрелян в Освенциме вместе с женой и сыном.

23.6. Прибытие в Т. комиссии МКК.

1, 4.7: Транспорты в Берген-Бельзен, 25 человек, никто не выжил.

12.7. В О.-Б. ликвидирован второй «Семейный лагерь».

17.7. Арест группы художников за «пропаганду ужасов». Художники вместе с семьями заключены в тюрьму в Малой крепости.

31.7. 27 475 з/к в Т., из них 2658 детей до 16 лет.

16.8. Начало съемок второго нацистского пропагандистского фильма (до 11.9.44).

23.9. Сообщение о транспорте 5000 «физически полноценных мужчин».

27.9. Д-р П. Эпштейн убит в Малой крепости. Главой Совета старейшин назначен раввин, д-р Б. Мурмельштейн.

28.9 – 23.10: Транспорты из Т. в О.-Б., 16 364 человек, 1430 выживших.

27.10. Из Праги в Т. были доставлены 18 руководителей еврейской общины, в Богушовицах вагон был прицеплен к составу последнего транспорта в Освенцим. Все погибли.

28.10. Последний транспорт из Т., 2038 человек в О.-Б., 144 выживших.

31.10. В Т. осталось 11 068 человек, из них 819 детей до 15 лет.

2.11. Работа газовых камер Освенцима остановлена. 26.11 газовые камеры взорваны.

13.12. Раввин, д-р Лео Бек становится заместителем Б. Мурмельштейна.

23.12. Транспорт в Т. из лагеря Середи (Словакия), 416 евреев.

1944 год, итоги:

7439 з/к прибыли в Т., 25 995 депортировано в О.-Б. и Берген-Бельзен, 4540 человек умерло в Т.

1945

1.1. В Т. находятся 3500 з/к из Протектората, 4000 из Германии, 1500 из Австрии, 1700 из Голландии, 400 из Дании, 400 из Словакии.

26.1 – 6.3. В Т. прибывают транспорты евреев-полукровок из Протектората, Германии и Австрии.

Февраль. Начато строительство газовой камеры в Т. В марте строительство прекращено.

5.2. 1200 з/к отправлено из Т. в Швейцарию. 7.2.1945 транспорт с з/к из Т. прибыл в Швейцарию.

5.3. Последняя «кампания приукрашивания».

8.3. Транспорт венгерских евреев в Т.

31.3. 17 585 з/к в Т., из них 1595 детей до 15 лет. От 1.1. до 31.3. 208 случаев смерти.

6.4. Прибытие комиссии МКК.

15.4. Отъезд датских евреев из Т. на родину в сопровождении представителей шведского Красного Креста. 16.4. Приезд в Т. Р. Кестнера, члена Комитета еврейского спасения из Будапешта. СС получают приказ Гиммлера сдать Т. без боя.

17.4. С самолетов разбрасываются листовки об освобождении Чехословакии. В Т. состоялась демонстрация з/к. Эсэсовцы разогнали демонстрантов, никто не был арестован.

20.4. В Т. находятся 17 539 з/к, из них – 1400 из Словакии и 1000 из Венгрии. Прибытие первого «транспорта смерти»; до 10.5. в Т. из концлагерей прибыло 15 375 больных и умирающих.

21.4. Делегат МКК Пауль Дунант прибывает в Т. с миссией помощи.

24.4. Выявлены случаи сыпного тифа, завезенного в Т. «транспортом смерти».

1.5. Восстание против фашистов в Моравии, затем в Чехии. Из Малой крепости освобождена часть з/к.

2.5. Сообщение о смерти Гитлера. В Т. 17 517 з/к, из них 1611 детей до 15 лет. В Малой крепости вспыхивает эпидемия тифа и прочих инфекционных заболеваний. Расстрел чешских политзаключенных в Малой крепости, убит 51 человек.

3.5. Начало проведения здравоохранительной работы в Малой крепости. Создание чехословацкого «Штаба спасения заключенных» и организация больниц в казармах и бараках. Спасение узников Малой крепости. Женщины-узницы переведены под надзором СС из Малой крепости в Т.

5.5. Сообщение о безоговорочной капитуляции Германии. Эсэсовцы бегут из Т. Б. Мурмельштейн оставляет пост председателя Совета старейшин. Глава службы здравоохранения Т. проф. Р. Штейн организует борьбу с эпидемией. Восстание в Праге. Из Т. на помощь повстанцам направлена группа молодежи.

7.5. Пражское радио обращается к гражданам с призывом помочь Т.

8.5. Бои вокруг Т. Обстрел Верхнелабских казарм отступающей немецкой армией. Двое убитых. Эпидемия тифа в разгаре. Полномочия по борьбе с эпидемией переданы д-ру Рашке из министерства здравоохранения восстановленной Чехословацкой республики. Части генерала П.С. Рыбалко (3-я танковая армия 1-го Украинского фронта) входят в Т.

10.5. Премьер-министр Чехословакии С. Ферлинггер договорился об отправке в Т. пяти военных полевых больниц. Советская Армия берет Т. под контроль. Комендантом города назначен майор И. Кузьмин. В Т. объявлен карантин. Бывшим узникам запрещено покидать территорию.

11.5. Санитарная бригада Советской Армии в Т. Установлен санпропускник. Эпидемиологи и военные врачи оказывают первую медицинскую помощь.

13.5. Под руководством проф. медицины генерала Устинова 5 военных госпиталей обслуживают 53 военврача и 340 человек медперсонала.

14.5. В Т. остался 25 301 бывший з/к.

30.6. 5952 бывших з/к в Т.

Май – июнь: в борьбе с эпидемией погибли 15 врачей, 15 медсестер, 13 помощников из числа бывших заключенных и 4 члена чехословацкого «Штаба спасения».

Конец августа. Советская комендатура завершает свою деятельность в Т.

Ноябрь. Последние репатрианты покидают Т.

Указатель иностранных слов и выражений

1. Немецкий

Аппель – переключка, собрание.

Баухоф – строительный двор.

Вайзекинд – сирота.

Вайзунг – повестка. Здесь: повестка на «штрафной» транспорт; «штрафник».

Вахштубе – здесь: участок еврейской полиции.

Гезундхайтсвезен – здравоохранение.

Геттовахе, геттовахман, также *гетач* (искаж.) – еврейский полицейский.

Группенэльестер – староста группы.

Зойглингсхайм – дом для грудных детей, ясли.

Казерненшпере – запрет покидать казармы.

Кафехаус – кафе.

Киндерхайм – детский дом.

Кло – разг. от *Klosett* – уборная.

Кнабен- и Мэдхенхайм – детский дом для мальчиков, детский дом для девочек.

Крипо (от *Kriminalpolizei*) – уголовная полиция; работник уголовной полиции.

Крихлингсхайм – дом малютки.

Ландвиртшафт – сельское хозяйство.

Линцензуппе – чечевичная похлебка.

Лихтшпере – запрет зажигать свет.

Ляйнентух – носовой платок.

Ляйхенваген – катафалк.

Нахштубе – швейная мастерская.

Орднунгсдинст – (еврейская) Служба обеспечения порядка (СП), СП-ман – сотрудник данной службы.

Проминент – зэк, имевший «заслуги перед рейхом».

Пуцен – убирать, чистить; отсюда: *пуцколонна* – бригада уборщиков.

Транспортляйтунг – служба обустройства прибывающих.

Фершённерунгсакцион – кампания приукрашивания.

Фрайцайт (*Freizeitgestaltung, FZG*, «Управление свободным временем») – Отдел досуга, ОД.

Хаймляйтер – руководитель детского дома.

Хаусэльтестер – староста здания.

Хильфсдинст – вспомогательная служба. Здесь: служба помощи при отправке транспортов.

Хундертшафт – рабочая бригада.

Циммертурн – дежурство по комнате.

Цойгхаус – склад; в Т. Подмоклые казармы, где располагалась почта.

Цузатц – добавка.

Шлэйзе (шлюз) – помещение, где содержались и обыскивались (обворовывались) новоприбывшие.

Шлэйзен – на Т. жаргоне – обыск, кража. Отсюда «сошлойзовать», «вышлойзовать».

Шпайзехалле – столовая.

Штадскапелле – городской оркестр.

Эльтестенрат – Совет старейшин.

Эсскарта (Esskarte) – сокр. искаж. от Essen (еда) + Karte (талон), см. «менажка» (чешск.)

Югендляйтер – вожатый, см. ниже «мадрих» (ивр.).

Югендфюрзоре – (букв. «попечение молодежи») – Отдел детей и молодежи, ОДМ.

Юнгарбайтерсхайм – дом рабочей молодежи.

2. Чешский

Бранце – надвратная горница. Здесь: церемониальный зал ратуши.

Бухта – выпечка, пирог.

Менаж – обмен, в Т. – раздача еды.

Менажка, менаж-карта (сленг) – талон на еду, миска для еды.

3. Иврит

Алия – восхождение, репатриация в Палестину.

«Алият Ханоар» (букв. «восхождение юных») – молодежное движение по репатриации в Палестину.

«Ахшара» (букв. инструктаж) – подготовка молодежи к репатриации в Палестину и работе в киббуцах.

Бар-мицва – религиозный ритуал совершеннолетия для мальчиков, достигших 13 лет.

Галут – диаспора, рассеяние.

Гой – нееврей.

Квуца – группа, коллектив. *Кибуц* (от *квуца*) – коллективное хозяйство в Палестине и Израиле.

Мадрих – вожатый.

«Маккаби», «Маккаби ха-Цаир» – сионистская молодежная спортивная организация.

Менора – ритуальный светильник.

Нешев – вечеринка, бал.

Песах – еврейский праздник в честь освобождения из египетского рабства.

Пурим (жребий) – праздник по случаю спасения евреев от массового истребления во времена царя Ахашвероша (Персия). Эта история разыгрывается на Пурим (пуримшпиль).

Седер (Песах) – ритуальное застолье в праздник Песах.

Тора (ивр. «жизненное указание», учение, закон») – 1. Пятикнижие Моисеево, 2. Весь свод книг, признаваемых иудаизмом священными, – Талмуд, Шульхан Арух и др.

Торанут – дежурство.

Хавер – друг, товарищ; *хавера* – жен. род, ед. ч., *хаверим* – муж. род, мн. ч., *хаверот* – жен. род, мн. ч.

Ханука – «праздник свечей» в честь чуда, произошедшего в 164 г. до н.э.: горшочка с маслом, которого должно было хватить на горение меноры в Храме в течение одного дня, хватило на 8 дней.

«Хашомер хацаир» (букв. – юный страж) – сионистская организация.

Хевлей ха-Машиах – пора ужаса и бедствий, предвещающая приход Мессии.

Хедер – начальная еврейская религиозная школа для детей.

«Хехалуц» – «Пионер», сионистское молодежное движение, основанное в начале 1920 гг.

Хора – еврейский народный танец.

Шабат – праздник Субботы.

Эрев Шабат – канун субботы (вечер пятницы), начало празднования Шабата.

Эрец – страна, земля; *Эрец Исраэль* – Земля Израиля.

«Яд томехет» – «Рука помощи», организация помощи инвалидам и престарелым.

Список сокращений

АМВИ – Амстердамский институт военной истории.

БГА – архив Ш. Бурешовой.

БТ – архив мемориала «Бейт Терезин», Израиль.

ВМК – Вашингтонский музей Катастрофы.

Е.М. – Елена Макарова.

ЕМА – архив Е. Макаровой.

ЕМП – Еврейский музей в Праге.

з/к, зэк – заключенный.

Малер – дневник В. Малера, июнь 1943 – сентябрь 1944. Цит по ТД. Источник: ПТ, А 5694.

МКК – Международный Красный Крест.

О. – Освенцим (нем. Auschwitz).

О.-Б. – Освенцим-Биркенау (нем. Auschwitz-Birkenau).

ПБА – архив П. Брандейса.

ПТ – архив «Памятника Терезин», Терезин, Чехия.

ПХА – архив П. Харрингера.

Редлих – Терезинский дневник Э. Редлиха. «Завтра, сын, поедем с транспортом. Дневник Эгона Редлиха из Терезина, 1/1/1942 – 22/10/1944». Цит. по ТД.

САФ – архив семьи Фурманов.

СВЦ – архив Центра Симона Визенталя.

Т. – Терезин (нем. Theresienstadt, чешск. Terezin).

ТА – Тель-Авив.

ТАУ – Тель-авивский университет (архив).

ТВТ – «Театр в Терезине: Да будет жизнь, или танец вокруг скелета», каталог-«газета» на русском, английском и иврите. Иерусалим. 2001.

ТД – «Крепость над бездной. Терезинские дневники, 1942 – 1945». М. Мосты культуры: 2003.

Терезин, 1965 – Ehrmann, Fr. (ed.). Terezin. Prague: The Council of Jewish Communities in the Czech Lands, 1965.

УПИ – Университет прикладного искусства в Вене.

ХПК – архив Х. Поллаковой (Кински).

ХХВ – архив Х. Хошковой (Вайсовой).

ЭКА – архив Э. Крамер.

ЯВА – архив Мемориала Яд Вашем, Иерусалим.

Библиография

- Adler, H.G. Die Verheimliche Wahrheit: Theresienstaedter Dokumente, Tuebingen: J.C.B. Mohr, 1958.
- Adler, H.G. Theresienstadt, 1941-1945: Das Antlitz einer Zwangsgemeinschaft, Tuebingen: J.C.B. Mohr, 1960.
- E. Makarova. Friedl Dicker-Brandeis. Vienna 1898 – Auschwitz 1944, Los Angeles: Tallfellow/Every Picture Press, 2001. Нем. издание: Friedl Dicker-Brandeis. Ein Leben fuer Kunst und Lehre. Wien/Muenchen: Verlag Christian Brandstaetter, 1999.
- Klamper, E. We'll Meet Again in Palestine, Vienna: Federal Press Service, 1996.
- Krizkova, M.R., Kotouch, K., Ornest, Z. Je moji vlasti hradba ghett?». Англ. издание: We Are Children Just the Same: «Vedem,» the Secret Magazine by the Boys of Terezin, Praha/Philadelphia: The Jewish Publication Society, 1995.
- Mahler, W. Дневник, июнь 1943 – сентябрь 1944 (ПТ, чешск.)
- Makarova, E. Die Saga Josef (Pepek) Taussigs. In: Jarmila Potuchkova-Taussigova: Die Taussigs. Juedische Familien- und Leidensgeschichte in Boehmen in Maehren. Hsg. Erhardt Roy Wiehn, Hartung-Gorre, Konstanz, 2000, pp. 35-41.
- Makarova, E. Theresienstadt: Culture and Barbarity, Stockholm: Carlsson, 1995.
- Redlich, E. Zitru, synu, pojedeme transportem, denik Egona Redlicha z Terezina, 1/1/1942 – 22/10/1944. Brno: Edice Knihy Dokumenty, 1995. Англ. издание: Saul S. Friedman (ed.), The Terezin Diary of Gonda Redlich, Lexington: University Press of Kentucky, 1992.
- Schroeder-Naeuenburg B., et al. (eds.). Viktor Ullmann, 1.1.1898-18.10.1944, Dornach: Goetheanum, 1994.
- Shalom na Patek, 1943, ЯВА.
- Zelenka: Plakaty, architektura, divadlo. Catalog. Prague: Museum of Applied Art, 1991.
- Макарова, Е. «В начале было детство». М.: Просвещение, 1990.
- Макарова, Е. «Преодолеть страх». М.: Школа-Пресс, 1996.
- Макарова, Е. Фридл (документальный роман). «Дружба народов», № 9, 2000, с. 6 - 70.
- Стихи детей из Терезина. Пер. с чешск. И. Лиснянской, сост. и вступительная статья Е. Макаровой. «Иностранная литература», № 5, 2004, с. 27 – 37.

Коротко об авторах

Елена Макарова

Писатель, историк, педагог. Родилась в Баку, жила в Москве. Окончила Литинститут им. Горького. Художественный директор 16 международных выставок, автор 27 книг и свыше 80 публикаций, среди которых художественная проза, труды по искусствоведению и истории Терезина. Ее работы переводились на 12 языков. С 1990 года живет в Иерусалиме.

Сергей Макаров

Писатель, переводчик, историк. Родился в Старой Руссе, жил в Ишиме, Риге, Ленинграде и Москве. Имеет инженерное и филологическое образование. Автор детских книг, руководства по психологии менеджмента, книг и статей на исторические и общественно-политические темы. С 1990 года – в Иерусалиме.

О следующих книгах серии «Крепость над бездной»

Утопия и реальность. Терезинские университеты

Третья книга терезинской серии реконструирует «планшет сознания» терезинских заключенных. О чем думали люди о жизни в преддверии смерти? До нас дошли названия свыше 2300 лекций, охватывавших всевозможные темы – от Филона Александрийского и философии стоиков до путешествий на воздушном шаре и китайского театра. Голодные слушатели заполняли чердаки и дворы терезинских казарм. Лекции о великих философах прошлого слушали стоя; только таким образом на чердаке могло поместиться 700 человек, жаждущих разобраться в основных вопросах бытия. Среди докладчиков – пестрая европейская элита тех лет: чешские патриоты, сионисты, религиозные иудеи, христиане, коммунисты, социалисты, философы, историки, врачи, литераторы, математики, музыканты, юмористы. Авторам удалось собрать уникальную информацию о 520 лекторах, как знаменитых, так и безвестных, включая богослова и философа Л. Бека, психолога В. Франкла, историка М. Адлера, писателя-юмориста К. Полачека, фельдмаршала Х. фон Фридендера, художницу и педагога Ф. Дикер-Брандейс, композитора В. Ульмана и других.

В книге – чудом сохранившиеся доклады и биографии, собранные по крупицам, живые рассказы о характерах и судьбах этих интереснейших людей. Мемуары и беседы с выжившими лекторами и слушателями проливают свет на самую атмосферу интеллектуальных поисков.

Лишь шестая часть лекторов дожила до освобождения. Остальные либо умерли в Терезине от голода и болезней, либо погибли в газовых камерах Освенцима – невосполнимая потеря для мировой культуры.

Как и прежние книги этой серии, «Утопия и реальность...» написана в жанре документально-художественного исследования; она проиллюстрирована рисунками и карикатурами лагерных художников и фотографиями довоенных лет.

Основой книги служит монография «Университет над бездной»: E. Makarova, S. Makarov, V. Kuperman. University Over the Abyss. The Story Behind Lectures and Lecturers in KZ Theresienstadt, 1941 – 1945. Jerusalem: Verba Publishers, 2000 and 2004.

«Все жанры, кроме трагедии». Искусство в Терезине

«В той кромешной тьме жила поэзия... Театр заменил нам реальную жизнь, он стал мерой наивысшей свободы, которой мы смогли достичь». (Ян Фишер, бывший терезинский актер.)

В этой книге мы расскажем о музыке, театре и изобразительном искусстве. Вот некоторые из тем.

«Император Атлантиды», опера Виктора Ульмана, либретто Петра Кина. Композиторы: Гидеон Кляйн, Павел Хаас и другие. Струнный квартет под управлением Ледеча. Дирижер Рафаэль Шехтер. Постановка «Реквиема» Верди. Итальянская опера в Терезине. Джаз в Третьем рейхе: группа «Гетто свингерс».

Чешский театр. «Женитьба» Гоголя. «Терезинский Аристофан» Карел Швенк и чешское кабаре. Немецкий театр: «Фауст» и «Натан Мудрый». Немецкое кабаре. Знаменитый актер и режиссер Курт Геррон. Театральный художник Франтишек Зеленка и художественное оформление спектаклей. Изобразительное искусство: от реализма до гротеска. Работы художников и их судьбы. Книга будет широко иллюстрирована афишами терезинских представлений и концертов, рисунками и карикатурами художников.

За основу книги принят журнал-каталог Е. Макаровой и др. «Да будет жизнь! Театр в Терезине» (Иерусалим, 2001), а также монография Е. Макаровой о Ф. Дикер-Брандейс, переведенная на пять языков. Англ. издание: Friedl Dicker-Brandeis. Life for Art and Teaching. Los Angeles: Tallfellow Press, 2001.

